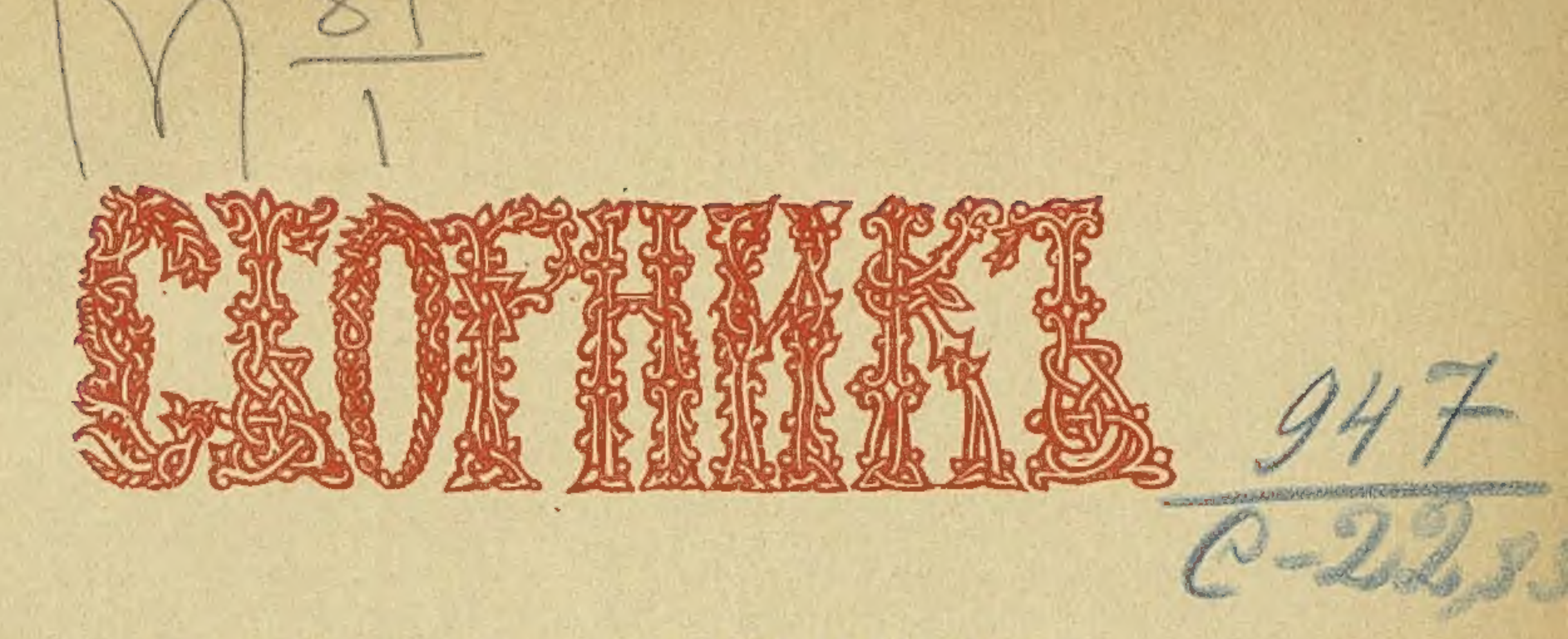

М 81
1
т.85 1893

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1893

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Общества **А. А. Половцова.**

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТАГО ТОМА.

Донесенія и другія бумаги англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ съ 1740 г. по 3 марта 1741 г.

Донесенія Эд. Финча лорду Гаррингтону:

Донесенія Эд. Финча лорду Гаррингтону:

---

1) Ср. донесеніе Финча отъ 1 ноября.

2) Начавъ донесеніе это 7 Октября, Финчъ прервалъ его, дабы безотлагательно отправить донесеніе объ опасной болѣзни Императрицы (см. слѣдующее донесеніе отъ того-же числа); прерванное же донесеніе закончилъ 11 Октября.

Донесенія Эд. Финча лорду Гаррингтону:

Донесенія Эд. Финча лорду Гаррингтону:

Донесенія Эд. Финча лорду Гаррингтону:

Донесенія Эд. Финча лорду Гаррингтону:

Донесенія Эд. Финча лорду Гаррингтону:

Донесенія Эд. Финча лорду Гаррингтону:

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА
АНГЛІЙСКИХЪ ПОСЛОВЪ И ПОСЛАННИКОВЪ
ПРИ РУССКОМЪ ДВОРѢ.

1740.

№ 1. Lord Harrington to the right honourable m. Bell.

Whitehall, January the 11th 1740.

I have the king's commands to acquaint you, that, in consequence of the death of m-r Rondeau, His Majesty has been now pleased to appoint m-r Ed. Finch, lately returned from Stockholm, to be his minister plenipotentiary to the Czarinna, and that he is preparing with all possible expedition for his journey to Petersburgh, which he hopes to begin in a fortnight or three weeks time at farthest.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

1740.

№ 1. Лордъ Гаррингтонъ Джону Беллю.

Уайтгэлль, 11-го января 1740 г. (22-го января н. ст.).

Вслѣдствіе королевскаго повелѣнія, извѣщаю васъ, что, за смертью г. Рондо, его величеству угодно было назначить своимъ полномочнымъ министромъ при русскомъ дворѣ г. Эд. Финча, который недавно прибылъ сюда изъ Стокгольма, и готовится къ отъѣзду въ Петербургъ со всевозможной поспѣшностью. Онъ надѣется выѣхать недѣли черезъ двѣ, много черезъ три.

№ 2. J. Bell to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, February the 16th 1740.

I had the honour to receive your lordship's letter dated the 11th of last month, and next day I waited on count Osterman, and acquainted him that His Majesty had been pleased to appoint m-r Ed. Finch to be his minister plenipotentiary at this court, who was preparing with all possible expedition for his journey hither.

I cannot omit acquainting your excellency that both the fieldmarshals, Munich and Lacy, arrived here the 13th inst. from the Ukraine, and were graciously received by the Czarinna. On the 14th the peace with the turks was published with the utmost solemnity and magnificence. The duke of Courland had a present of a gold cup set with diamonds, and the duchess had the order of S-t Catherine conferred on her. The three cabinet ministers had considerable presents, and count Osterman—a fixed pension for life besides his usual salary; each of the fieldmarshals had a sword given them set with diamonds and a considerable annuity for life besides their salaries; many red ribbons of the order of S-t Alexander were dispensed, and at the same time Her Majesty made many more valuable presents and published various acts of grace and indemnity worthy so great and generous a princess.

№ 2. Джонъ Белль лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 16-го февраля 1740 г. (27-го февраля н. ст.).

Я имѣлъ честь получить письмо вашего превосходительства отъ 11-го числа минувшаго мѣсяца, на слѣдующій же день посѣтилъ графа Остермана и сообщилъ ему о состоявшемся назначеніи полномочнымъ министромъ при русскомъ дворѣ сэра Эдуарда Финча, который и готовится въ путь со всевозможной поспѣшностью.

Не могу не извѣстить ваше превосходительство, что 13-го февраля сюда прибыли съ Украины фельдмаршалы Минихъ и Ласси, и приняты были Государыней очень милостиво. 14-го мирный договоръ съ Турціей обнародованъ съ большою торжественностью и блескомъ. Герцогу курляндскому подарена золотая чаша, осыпанная брилліантами, герцогинѣ же пожалованъ орденъ св. Екатерины. Три кабинетъ-министра также получили значительные подарки, а графу Остерману назначенъ пожизненный пенсіонъ сверхъ обычнаго содержанія. Каждый изъ фельдмаршаловъ получилъ по золотой шпагѣ съ брилліантами и значительный пожизненный пенсіонъ сверхъ жалованья; кромѣ того роздано нѣсколько красныхъ лентъ ордена св. Александра Невскаго, много дорогихъ подарковъ, Ея Величествомъ обнародованы разныя награды и милости, достойныя ея величія и щедрости.

Last night was a grand ball and masquerade at court, to which our english merchants and their wives were invited, and Her Majesty was pleased to see them dance country dances; but I, being somewhat indisposed, was not of the number. For three days all the city was finely illuminated, and to-morrow being the last day of the carnival, is another ball and masquerade at court and a costly firework to be plaid off, which puts a period to the diversion. I hope your lordship will pardon this trouble and believe me to be most respectful etc.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 3. J. Bell to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, March the 18th 1740.

Your excellcency's letter of the 29th of january came safe to hands, and I hope your lordship has received that, which I had the honour to write, dated the 16th of last month; since which little has occurred here worth your lordship's notice.

Although I have no certain account of m-r Finch's setting out, I have taken care to secure m-r Rondeau's house for him against his arrival.

Вчера вечеромъ при дворѣ былъ большой балъ съ маскарадомъ, на который приглашены были и наши англійскіе купцы съ женами. Ея Величество изволила смотрѣть на ихъ національные танцы. Я за нездоровіемъ на балу этомъ не былъ. Весь городъ былъ изящно иллюминованъ въ теченіе трехъ дней, а завтра, въ послѣдній день масляницы, вновь назначенъ маскированный балъ и всѣ празднества закончатся блистательнымъ фейерверкомъ.

Въ надеждѣ, что ваше превосходительство не взыщете за то, что безпокою васъ этими извѣстіями, почтительнѣйше прошу васъ принять увѣреніе и проч.

№ 3. Джонъ Белль лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 18-го марта 1740 г. (29-го марта н. ст.).

Письмо ваше отъ 29-го января благополучно дошло до меня. Надѣюсь, что ваше превосходительство получили также донесеніе, которое я имѣлъ честь отправить вамъ 16-го февраля. Съ тѣхъ поръ какъ оно отправлено, здѣсь не случилось ничего, достойнаго вашего вниманія.

Я, хотя и не имѣю опредѣленныхъ свѣдѣній о выѣздѣ Финча, озаботился, однако, удержать для его пріѣзда домъ, въ которомъ жилъ Рондо.

Fieldmarshal Lacy, who has been made governor general of all Livonia, set out last week for his country seat in that province.

Her Majesty has been pleased to nominate general Rumantzof to go as her ambassador extraordinary to the Ottoman Porte, who is daily expected here in order to prepare for his journey; in the meantime m-r Cagnony is to go very soon to Constantinople charged with some other commission to that court.

Notwithstanding the security of this last winter, I am informed the swedes have marched a body of six thousand men round the Bothnic gulf into Finland, with the loss only of three or four men. What may be the views of that hardy nation at this juncture, seems a mystery to most people.

As I still continue on certain occasions to wait upon this ministry, I hope it will not be disagreeable to your lordship to know, that I have good reason to believe m-r Chetardie, with all his art, will find it very difficult to negotiate anything to his purpose at this court. Though in appearance they treat him with all marks of distinction, yet in time he will discover that fair promises are as cheap here as at Paris.

I am also informed from a good hand, as if the prince royal of Prussia was deeply engaged in the french interest, a circumstance not to

---

Фельдмаршалъ Ласси назначенъ генералъ-губернаторомъ всей Ливоніи и на прошлой недѣлѣ выѣхалъ на жительство въ эту провинцію.

Ея Величеству угодно было назначить генерала Румянцева чрезвычайнымъ посломъ своимъ при портѣ оттоманской. Его со дня на день ожидаютъ сюда для приготовленій къ отъѣзду. Пока въ Константинополь отправляется съ нѣкоторыми порученіями Каньони.

Хотя минувшая зима и прошла благополучно, шведы—я слышалъ—отправили шеститысячный корпусъ въ Финляндію берегами Ботническаго залива, потерявъ въ походѣ только три, четыре человѣка. Замыслы этого смѣлаго народа при настоящихъ обстоятельствахъ представляются всѣмъ крайне загадочными.

Я продолжаю отъ времени до времени посѣщать здѣшнихъ министровъ, и вашему превосходительству, надѣюсь, пріятно будетъ услыхать, что, на сколько могу догадываться по надежнымъ признакамъ, Шетарди, не взирая на всю его ловкость, очень трудно будетъ вести здѣсь какіе либо переговоры въ интересахъ французскаго двора. Его принимаютъ со всевозможными внѣшними знаками почтенія, но онъ вскорѣ убѣдится, что пышныя обѣщанія расточаются здѣсь такъ же дешево, какъ и въ Парижѣ.

Мнѣ также изъ хорошаго источника передавали о глубокомъ расположеніи на-

be slighted at this time, the king, his father, being in so low a state of health.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 4. Instructions of His Royal Highness the king George II for m. Ed. Finch.

Instructions for Our trusty and wellbeloved Edward Finch, esquire etc.

1) After the receipt of these Our instructions, together with Our letters of credence to Our Good Sister the Czarinna of Moscovy, by which We signify to her Our having appointed you to be Our minister at her court, and acquaint her with the particular errand upon which We have sent you, you will hasten your departure thither, as much as possible, and upon your arrival, having asked an audience for that purpose, you shall deliver to Her Czarish Majesty Our said credential letters, accompanying them with the strongest' assurances of Our sincere value for her person, of Our regard for her interests, and of Our earnest desire to preserve and cultivate that friendship, which so happily subsists between Our two crowns, and to improve it to Our mutual advantage, and to the general benefit of Europe by still stricter ties of amity and alliance. And you shall upon the same occasion make Our compliments of congratulation to Her Czarish Majesty upon the conclusion of her late peace with the Porte; which, you will assure her, is an event, which has given Us the highest satisfaction.

слѣднаго принца прусскаго къ французскимъ интересамъ. Обстоятельство это нельзя оставить безъ вниманія ввиду столь плохаго здоровья короля, отца его высочества.

№ 4. Инструкція его величества короля Георга II Эдуарду Финчу.

Инструкціи вѣрному и любезному нашему Эдуарду Финчу, эсквайру и проч.

1) Получивъ эти наши инструкціи, а также ввѣрительныя грамоты наши къ доброй сестрѣ нашей, Царицѣ россійской, увѣдомляющія о назначеніи васъ нашимъ посланникомъ ко двору ея и объ особенномъ данномъ вамъ порученіи, вы имѣете возможно поспѣшить отъѣздомъ къ мѣсту назначенія, а, прибывъ туда, — испросить аудіенцію, дабы передать Ея Царскому Величеству вышеупомянутыя грамоты наши, а вмѣстѣ и совершеннѣйшія увѣренія въ искреннемъ уваженіи нашемъ къ ея особѣ и въ нашемъ расположеніи къ ея интересамъ, въ нашемъ глубокомъ желаніи сохранить, поддерживать дружескія отношенія, столь счастливо установившіяся между нами, и закрѣпить ихъ узами тѣснѣйшей дружбы и союза къ обоюдной пользѣ и во благо Европы. Въ то же время вы передадите Ея Величеству наши поздравленія по поводу мира, недавно заключеннаго ею съ портою. Засвидѣтельствуйте Ея Величеству въ то же время, что о событіи этомъ мы узнали съ величайшею радостью.

2) You will receive likewise herewith a letter, which We have thought fit to write by you to the duke of Courland, recommending your person and negotiations to his countenance and friendly assistance. And this you shall take the first opportunity of delivering to the said duke, accompanying the same with the strongest expressions of Our esteem and attention to his particular interests.

3) As We have given directions, that all letters and papers relating to Our service, which were in the custody of Our late resident at that court, should be sealed up and reserved for the use of the minister, whom We should appoint to succeed him there, they will accordingly be put into your possession upon your arrival at Petersburgh, and you will thereby be fully acquainted with the state of Our affairs at the said court.

4) You shall be particularly careful, as well in the audience you may have of the Czarinna, as in all other points relating to the ceremonial, that your reception and treatment, in all respects, may be conformable to what is practised there towards the ministers of Our good brother the emperor of Germany, and those of other crowned heads; and that you may the better understand Our intentions in this particular, and be enabled to regulate your conduct thereby, We have ordered copies to be herewith delivered to you of Our instructions upon that head to Our late minister plenipotentiary

---

2) Вы получите также при семъ письмо, которое мы признали за благо отправить съ вами герцогу курляндскому, дабы поручить вашу особу и дѣла на васъ возложенныя дружеской его благосклонности. Вы воспользуетесь первымъ случаемъ передать письмо герцогу и выразить ему притомъ увѣреніе въ нашемъ уваженіи и въ нашемъ участіи къ его личнымъ интересамъ.

3) Нами сдѣлано распоряженіе, дабы всѣ письма и бумаги, нашей службы касающіяся, хранившіяся у покойнаго резидента нашего при русскомъ дворѣ, были опечатаны и сохранялись для передачи представителю нашему, который будетъ назначенъ на мѣсто усопшаго. Согласно этому распоряженію, помянутыя письма и бумаги переданы будутъ вамъ по пріѣздѣ вашемъ въ Петербургъ, и вы получите возможность вполнѣ ознакомиться съ положеніемъ нашихъ дѣлъ при русскомъ дворѣ.

4) Вы особенно озаботитесь, дабы при аудіенціи у Царицы и вообще въ случаяхъ, къ церемоніалу относящихся, вамъ оказывался такой же пріемъ и почетъ, какой оказывается при русскомъ дворѣ представителямъ добраго брата нашего, императора германскаго, и другихъ коронованныхъ особъ. А дабы вы могли лучше уразумѣть наши инструкціи по сему предмету и въ состояніи были руководствоваться ими, мы приказали выдать вамъ, одновременно съ симъ, копіи инструкцій, данныхъ въ свое время по тому же предмету бывшему полномочному министру нашему Георгу,

George, lord Forbes, now earl of Granard, together with the papers to which they referred, and the declaration, which was afterwards obtained from the russian court for settling those points for the future.

5) You shall carefully maintain a good correspondence with the several ministers of the princes and states in amity with Us, who shall be at the Czarinna's court, and you shall, at the same time, as dextrously as you can, endeavour to penetrate into the views of their respective masters, and to get information of such matters as they may be treating and negotiating with the Czarinna and her ministers.

6) And, whereas We are informed, that the sieur Chetardie has been lately sent to Petersburgh, in quality of ambassador extraordinary from the french king to the Czarinna, you will make it your business to watch the proceedings of that minister particularly, and endeavour to discover what overtures or propositions he may from time to time make to the ministers of that princess, whose negotiations he may be charged with, and what encouragement he may meet with therein. And as it is natural to believe, that, if the said minister be charged with any particular instructions for entering into a negotiation with the court of Russia, the end and object thereof must be to detach Her Czarish Majesty from her present union with the emperor by offering her, in lieu thereof, some specious terms of alliance with France,

---

лорду Форбесу, нынѣ лорду Грэнарду, вмѣстѣ съ копіями относящихся къ нимъ бумагъ и деклараціи, полученной впослѣдствіи отъ русскаго двора въ видахъ установленія извѣстнаго церемоніала въ будущемъ.

5) Вы озаботитесь поддержкою добрыхъ отношеній съ проживающими при русскомъ дворѣ представителями монарховъ и государствъ, намъ дружественныхъ, но одновременно постараетесь возможно ловко проникнуть въ виды представляемыхъ ими правительствъ и освѣдомиться о предметахъ, по которымъ они договариваются или вѣдаются съ Царицей и ея министрами.

6) Мы предувѣдомлены, что въ Петербургъ недавно отправленъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла короля французскаго при русскомъ дворѣ маркизъ де ла Шетарди. Вы обязаны будете особенно наблюдать за поведеніемъ этого посла и постараетесь разузнать — какія сообщенія и предложенія онъ отъ времени до времени будетъ дѣлать русскимъ министрамъ, какія ему даны порученія и встрѣчаютъ ли его старанія поощреніе съ какой нибудь стороны? Естественно предположить, что для переговоровъ съ русскимъ дворомъ Шетарди снабженъ спеціальными инструкціями, направленными къ тому, чтобы отторгнуть Ея Царское Величество отъ настоящаго союза ея съ императоромъ, предложивъ ей взамѣнъ какія либо заманчивыя условія союза съ Франціей. Это разрушило бы одно изъ надежнѣйшихъ основаній, еще охраняющихъ европейское равновѣсіе. Потому, если замѣтите какія либо предложенія

by which means one of the chief securities, which seems to remain for the preservation of the ballance of power in Europe, would be destroyed. In case therefore you should discover any overtures of that kind to have been made, and that they are in the least hearkened to by the moscovite ministers, you will use your utmost skill and dexterity to prevent the success of such a dangerous scheme by representing the extreme ill consequences of it, even to the Czarinna herself, who would thereby fortify the french party to her own destruction, and, by enabling that crown to give the law to all Europe, would in the end find herself likewise left entirely to the mercy of the french court. And as it may in that case be necessary to shew and convince the russian ministers of the real intentions of France towards the Czarinna, and how little cause they can ever have to rely on any professions of friendship on the part of the said crown, you will in the utmost confidence acquaint them with the certain intelligences, of which We have ordered that an account should be given you, of the present pernicious intrigues, which are at this time carrying on by the french ministers in Sweden, Denmark and Prussia, in order to encourage those courts to join in making war upon Her Czarish Majesty.

7) It being, in Our opinion, of the greatest consequence to the general good and security of Europe, that a strict friendship and union should be preserved between the courts of Vienna and Petersburgh, you will employ yourself, as much as may lay in your power, during your stay there,

---

такого характера, и малѣйшее вниманіе къ нимъ со стороны русскихъ министровъ, употребите всѣ старанія, все умѣніе, дабы предотвратить успѣхъ столь опасныхъ плановъ, представивъ чрезвычайно гибельныя послѣдствія ихъ хотя бы лично Царицѣ. Поддержка французскому двору можетъ послужить на гибель самой Россіи: давъ Франціи возможность предписывать законы Европѣ, она сама окажется въ зависимости отъ версальскаго двора. А если обстоятельства необходимо потребуютъ убѣдительнаго доказательства того, какъ дурно Франція относится къ Царицѣ, какъ мало ей можно полагаться на дружескія увѣренія французскаго правительства, можете строго-конфиденціально ознакомить русскихъ министровъ съ данными, которыми мы приказали снабдить васъ касательно злостныхъ интригъ, поддерживаемыхъ въ настоящее время Франціей въ Швеціи, Даніи, Пруссіи, съ цѣлью возбуждать эти державы къ войнѣ съ Россіей.

7) Полагая, что, для общаго блага и безопасности Европы, чрезвычайно важно поддерживать дружбу и тѣсную связь между дворами вѣнскимъ и с.-петербургскимъ, вы — во все время своего пребыванія въ Россіи — всѣми зависящими отъ васъ путями должны стремиться къ предупрежденію всякихъ недоразумѣній, къ примиренію несо-

to prevent any misunderstanding between them, and to reconcile any differences that may arise, and in case you should make discovery of any negotiation proposed or carrying on by the french minister, tending to break the alliance between the emperor and Czarinna, you will in a prudent, cautious and confidential manner, give immediate notice thereof to the minister from the imperial court, and cooperate with him in thwarting and endeavouring to prevent the success of the same.

8) You will be attentive to send Us constant advices in relation to the domestic affairs of the court where you reside, of the state of the Czarinna's revenues, and of her forces, both by land and sea, of her policy, views and designs with regard to the general affairs of Europe, and to those of the north in particular, of the internal factions and parties, which may at any time shew themselves in that governement, and more especially of what may appear to you to be the plan and intention of the said court with regard to Her Czarish Majesty's succession.

9) You will protect and countenance Our trading subjects to any of the Czarinna's dominions in the full and quiet enjoyment of all the privileges and advantages in trade, which they are, ought to be, or have been at any time in possession of, and shall endeavour to procure for them all such others, as are or may have been granted or allowed to the subjects

---

гласій, которыя могутъ возникнуть между ними. Въ случаѣ же, если вы нападете на слѣдъ переговоровъ, направленныхъ французскимъ посломъ къ разрушенію союза императора съ Царицей, вы имѣете немедленно осторожно, осмотрительно, вполнѣ конфиденціально сообщить о томъ представителю императорскаго двора и дѣйствовать согласно съ нимъ въ его стремленіяхъ и стараніяхъ предупредить успѣхъ такихъ переговоровъ.

8) Вы имѣете внимательно слѣдить, дабы намъ давались постоянныя свѣдѣнія касательно домашнихъ дѣлъ русскаго двора, русскихъ финансовъ, силъ Россіи, сухопутныхъ и морскихъ, о внутреннихъ дѣлахъ ея, о видахъ и стремленіяхъ русскаго двора въ общеевропейскихъ вопросахъ и особенно въ вопросахъ, касающихся европейскаго сѣвера, объ интригахъ и партіяхъ, которыя могутъ возникнуть при русскомъ дворѣ, особенно если замѣтите какіе либо планы или намѣренія касательно престолонаслѣдія.

9) Вы должны покровительствовать и оказывать всякую поддержку подданнымъ нашимъ, торгующимъ во владѣніяхъ Ея Величества, дабы они спокойно пользовались всѣми привиллегіями и выгодами, имъ предоставленными, или которыя могутъ быть имъ предоставлены, или кои когда-либо имъ предоставлены были. Вы должны также стремиться къ обезпеченію имъ всякихъ правъ, которыми пользуются лица другихъ

of any nation whatsoever. And when they or any of them shall have suits or pretensions depending in those parts, you shall labour to obtain for them good and speedy justice, and all the favour you are able; yet for Our honour and your own credit, you must not engage yourself in any complaint which may raise clamour without a justifiable cause, or any legal proofs, but only such, as may deserve the interposition of Our name for the maintenance of Our subjects rights and properties.

10) And whereas a treaty of commerce was concluded the second day of December 1734 between Us and Our good sister the Czarinna, you will take especial care, and use your constant endeavours, that the several articles thereof may be duely performed towards Our subjects, and that they may have, upon all occasions, the full benefit of such engagements as were thereby contracted in their favour.

11) A representation having been made from Our commissioners of trade, dated the 1st day of April 1715, whereby a method was proposed to be set on foot for giving regular accounts of the state of the commerce of Our subjects in foreign parts, and of the increase or decrease of the same, We, having approved of the said proposal, have ordered it to be put into your hands, and Our will and pleasure is, that, pursuant thereunto, you do use your best care and diligence that accounts of trade be transmitted from time

---

націй или которые могутъ быть таковымъ предоставлены. И если великобританскій подданный имѣетъ процессъ или претензіи въ Россіи, старайтесь обезпечить ему справедливое и скорое рѣшеніе и всякую милость; но, въ огражденіе нашей чести и довѣрія къ вамъ собственно, вы не должны вступаться въ дѣла, возбуждающія тревогу безъ достаточнаго основанія или безъ законныхъ доказательствъ, оказывая поддержку только дѣламъ, гдѣ имя наше можетъ служить охранѣ правъ и собственности нашихъ подданныхъ.

10) Ввиду торговаго договора, заключеннаго 2-го декабря 1734 года между нами и доброй сестрою нашей, Царицей, прилагайте особенныя старанія и непрестанную заботу, дабы статьи сего договора исполнялись неуклонно по отношенію къ подданнымъ нашимъ, дабы подданные наши при всякихъ обстоятельствахъ пользовались выгодами, означеннымъ договоромъ имъ предоставленными.

11) 1-го апрѣля 1715 года наша торговая палата сдѣлала представленіе, которымъ предлагала ввести правильную отчетность о положеніи нашихъ купцовъ, о развитіи и паденіи торговли въ различныхъ чужеземныхъ странахъ. Такое предложеніе одобрено было нами и мы приказали вручить его вамъ и выразить вамъ наше желаніе и волю, дабы вы озаботились сообщеніемъ отъ времени до времени требуе-

to time from such factories of the british nation as are settled in any part of the Czarinna's dominions.

12) You shall constantly correspond with Our ministers in foreign courts for your mutual information and assistance in your respective negotiations and for the better promoting Our service.

13) At your return We shall expect from you a full and perfect account, in writing, of all the observations you have been able to make at the Czarinna's court, during your employment there, of the abilities and affections of her ministers, their interest and mutual correspondences and differences, their inclinations to foreign princes and states, with such other remarks, concerning the Czarinna's government and affairs, as may contribute to Our information concerning the true nature and state thereof.

14) You shall, from time to time, observe such further instructions and directions, as you shall receive from Us, or one of Our principal secretaries of state, with whom you shall constantly correspond.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 5. Private and additional instructions for Our trusty and wellbeloved Edward Finch, esquire etc.

Whereas upon a view of the state of affairs in Europe, as they remain-

---

мыхъ свѣдѣній всѣми британскими факторіями, расположенными во владѣніяхъ Царицы.

12) Вы имѣете вести постоянную переписку съ нашими представителями при иностранныхъ дворахъ въ видахъ сообщенія и полученія свѣдѣній и взаимной помощи въ дѣлахъ на пользу нашей службы.

13) При возвращеніи вашемъ изъ Россіи, мы будемъ ожидать отъ васъ полнаго и совершеннаго письменнаго отчета о всѣхъ наблюденіяхъ, которыя вамъ удастся сдѣлать при царскомъ дворѣ за время вашего при немъ пребыванія: о способностяхъ и склонностяхъ русскихъ министровъ, объ ихъ интересахъ, взаимныхъ отношеніяхъ и раздорахъ, объ ихъ симпатіяхъ къ иностраннымъ монархамъ и державамъ, и вообще — замѣчаній касательно царскаго правительства и дѣлъ его, касательно всего, что способно раскрыть намъ его дѣйствительный характеръ и положеніе.

14) Вы имѣете также слѣдовать дальнѣйшимъ инструкціямъ, которыя отъ времени до времени имѣете получать отъ насъ или отъ одного изъ главныхъ статсъ-секретарей нашихъ, съ которымъ будете поддерживать постоянную переписку.

№ 5. Частныя дополнительныя инструкціи нашему вѣрному и любезному Эдуарду Финчу, эсквайру и проч.

Принимая во вниманіе положеніе дѣлъ въ Европѣ, оказавшееся по окончаніи

ed after the conclusion of the war, in which so many princes had been engaged in consequence of the late vacancy of the throne of Poland, and also of the daily diminution of the treasure and forces of Our good brother the emperor of Germany by the repeated ill successes of his arms against the Porte, and of the visible attachment and dependance of the imperial court upon the counsels of France, and of the feeble and exposed state of the empire, and of the States General, by reason of the defenceless condition of their barrier, and other obvious causes; as likewise upon mature consideration of the overgrown, and yet still increasing power of France, her general great influence in the several courts of Europe, and the particular intrigues, which, by good informations, We knew to be carrying on, under the direction of that crown, for forming to herself a strong party in the north, through the empire, and elsewhere, and that at the expence of very chargeable subsidies, notwithstanding the conclusion of her peace with the emperor and empire, and the absolute impossibility that such expensive negotiations should be owing to the fear of an attack from any quarter whatsoever upon that crown itself,—We had conceived the justest apprehensions of those dangers, which threatened the tranquillity of Europe, and the utter subversion of the ballance of power necessary to be maintained therein for the public security, unless proper and timely means were found for obviating so great evils and calamities; and as We could not but look upon the prosperity, liberties and safety of Our own kingdoms and subjects, to

---

войны за польскій престолъ, въ которой принимали участіе столькіе монархи, а также возрастающее съ каждымъ днемъ ослабленіе финансовъ и силъ добраго брата нашего, императора германскаго, вслѣдствіе неоднократныхъ неудачъ въ войнѣ съ Турціей, явную склонность и покорность императорскаго двора внушеніямъ Франціи, опасное положеніе имперіи и генеральныхъ штатовъ, вызываемое беззащитностью ихъ границъ, и многія другія неблагопріятныя обстоятельства; принимая въ соображеніе чрезвычайное и постоянно возрастающее могущество Франціи, ея сильное вліяніе при всѣхъ европейскихъ дворахъ, и особенно интриги, которыя, какъ намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, сплетаются подъ ея руководствомъ и при помощи весьма чувствительныхъ субсидій съ цѣлью составить версальскому двору сильную партію на сѣверѣ, въ имперіи и въ другихъ мѣстахъ; признавая совершенно невозможнымъ, чтобы такія дорого стоющія интриги велись изъ опасенія какого-либо нападенія на самую Францію, — мы прониклись заботою объ устраненіи опасности, угрожающей спокойствію Европы и политическому равновѣсію, необходимому для общей безопасности, въ случаѣ, если не будетъ найдено своевременныхъ мѣръ для отвращенія великихъ золъ и бѣдствій. Мы не можемъ не сознавать, что съ сохраненіемъ европейскаго равновѣсія

be entirely interwoven with, and dependent on the preservation of the said ballance of power,—We therefore immediately determined to exert Our utmost endeavours towards the attainment of that desireable end, and having, in consequence, reflected, that there was no other power in Europe, as affairs stood then constituted, whose assistance therein could be of so great use to Us, and whose weight and strength, in conjunction with Our own, could be, with equal efficacy, opposed to the dangerous machinations which appeared to be on foot, as that of Our good sister the Czarinna of Moscovy, and having at the same time received the fullest assurances of Our said good sister's hearty concurrence in those Our salutary views, and of her disposition to join with Us for the advancement of them in the strictest alliance of friendship, We did accordingly give instructions and full powers to Our late trusty and wellbeloved Claudius Rondeau, esquire, Our then resident at the court of Petersburgh, to negiotiate and conclude, with all possible expedition, a treaty of mutual defence between Us and Our said good sister; and as in negotiating the same, several difficulties had occurred with regard to the precise terms, upon which it should be concluded, We did, by subsequent directions, endeavour to remove them, in order to bring that important transaction as soon as possible to perfection, and for that purpose a project of such a treaty as We were willing to enter into was by our late resident delivered to the ministers of the russian court, wherein the objections they had before started, and the demands they had made, were

---

тѣсно связано благосостояніе, свобода и безопасность нашихъ собственныхъ владѣній; потому рѣшились приложить всяческое стараніе къ изысканію таковыхъ мѣръ. Разсудивъ, что въ Европѣ нѣтъ правительства, положеніе котораго давало бы ему возможность быть намъ столь-же полезнымъ, сила и значеніе котораго, въ соединеніи съ нашей силой, могли бы оказать столь-же дѣйствительное противодѣйствіе возникшимъ интригамъ, какъ правительство доброй сестры нашей, Царицы Россійской; получивъ отъ нея увѣренія въ сердечномъ согласіи съ нашими благими намѣреніями и въ ея расположеніи вступить съ нами для осуществленія ихъ въ дружественный союзъ,—мы дали покойному резиденту нашему при русскомъ дворѣ, вѣрному и любезному Клавдію Рондо, эсквайру, полномочіе со всевозможною поспѣшностью заключить между нами и доброй сестрою нашей трактатъ о взаимной оборонѣ. Когда же, при переговорахъ по сему предмету, возникли нѣкоторыя затрудненія въ точномъ установленіи статей, мы, послѣдующими инструкціями, старались устранить эти затрудненія, дабы возможно-скорѣе привести дѣло къ концу, и съ этой цѣлью составили переданный покойнымъ резидентомъ русскимъ министрамъ проэктъ трактата. Въ этомъ проектѣ мы отвѣтили на всѣ возраженія русскаго двора и сдѣлали ему уступки,

answered, and complied with, in a manner which We cannot doubt must have proved satisfactory. But as it has nevertheless happened, partly (as has been declared to us, by order of Her Czarish Majesty) by reason of the difficult situation, which the said court was in, during the interval, upon account of the turkish war, and the mediation of France, wherein they were involved, and partly by the unfortunate death of Our then minister, that We have not hitherto received any signification whatsoever of Our said good sister's final intentions with respect to the project of the treaty abovementioned; and as the same causes, which first disposed Us to wish the conclusion of such an alliance, or the dangerous effects, which they have produced, do still subsist; besides all which motives still inducing Us to desire a good and firm alliance with the Czarinna, We have likewise taken into Our consideration, that, having been Ourselves, since the first proposal of that design, obliged by repeated injuries, affronts and violences, and by the breach of the most solemn treaties concluded with Us and Our predecessors, to enter into a war with the crown of Spain, wherein, it is to be apprehended from the relation and known intimacy between the two courts, as well as from the great preparations of war that are making in the french king's dominions, that his most christian majesty may determine to take part against Us. If such a junction of the french and spanish arms should take place, and a general war in Europe, as is highly probable, be occasioned thereby, Our having contracted such strict engagements with Her Czarish Majesty could not but prove of the most singular use and importance to the safety

---

которыя, несомнѣнно, удовлетворятъ его. Тѣмъ не менѣе—отчасти (какъ намъ по приказанію Ея Царскаго Величества заявлено было) вслѣдствіе труднаго положенія, въ которое русскій дворъ поставленъ былъ передъ окончаніемъ турецкой войны посредничествомъ Франціи, отчасти вслѣдствіе несчастной кончины нашего уполномоченнаго — мы до сихъ поръ не получили никакихъ свѣдѣній объ окончательномъ рѣшеніи, принятомъ доброю сестрою нашею по отношенію къ помянутому проекту договора. Причины, располагавшія насъ къ такому союзу, опасныя послѣдствія этихъ причинъ существуютъ по прежнему, и заставляютъ насъ желать добраго и прочнаго сближенія съ Царицей. Мы также приняли во вниманіе и то обстоятельство, что, уже по заявленіи нами намѣренія вступить въ таковой союзъ, постоянныя оскорбленія, обиды, насилія, нарушенія священнѣйшихъ договоровъ, заключенныхъ съ нами и предшественниками нашими, вынудили насъ начать войну съ Испаніей. Ввиду родственныхъ отношеній и извѣстной близости дворовъ мадридскаго и версальскаго, а также ввиду военныхъ приготовленій во Франціи, есть основаніе опасаться, какъ бы его христіаннѣйшее величество не рѣшился также выступить противъ насъ. Такое соединеніе силъ Фран-

of Our own dominions, and be the greatest encouragement to other well disposed powers to join with Us in the defence of the common liberties of Europe; and whereas also the reasons, which have hitherto delayed the Czarinna's final resolution, are now removed by the happy pacification of her differences with the Porte, so that We cannot suppose there will be any farther obstacle on her part towards the completion of this great work—We have therefore thought fit to proceed forthwith in the said negotiation, and for that purpose to give you before your departure for Petersburgh full instructions as to Our pleasure therein, together with a perfect information of all the circumstances that attended the former transaction; and We have accordingly directed that copies should be put into your hands of all such letters and papers relating to it, as may serve to make you master of the whole, and explain to you in the clearest manner Our sentiments in every particular; and We have likewise authorized you, by a full power under Our great seal, which will be likewise delivered to you herewith, to negotiate, conclude and sign the said defensive treaty.

Upon your arrival therefore at the Czarinna's court, your first and chief care shall be to inform yourself by that princess's ministers, and principally by the duke of Courland and count Osterman, of her intentions as to the prosecution of the negotiation, so unhappily delayed and interrupted by

---

ціи и Испаніи, вѣроятно, вызоветъ общеевропейскую войну. При такихъ обстоятельствахъ тѣсное сближеніе съ Ея Царскимъ Величествомъ можетъ быть только полезно для охраненія нашихъ владѣній и конечно ободритъ прочія расположенныя къ намъ правительства соединиться съ нами на защиту общей свободы Европы. А такъ какъ одновременно примиреніе Россіи съ портою устранило причины, доселѣ мѣшавшія рѣшительному отвѣту Царицы, и намъ нѣтъ основанія опасаться съ ея стороны новыхъ препятствій къ осуществленію задуманнаго великаго дѣла, — мы признаемъ за благо продолжать начатые переговоры и на сей конецъ дать вамъ, до отъѣзда вашего въ С.-Петербургъ, надлежащія инструкціи и снабдить васъ всѣми свѣдѣніями касательно прежняго хода переговоровъ. Съ этою цѣлью мы приказали вручить вамъ копіи со всѣхъ писемъ и бумагъ, касающихся вопроса о союзѣ, дабы вы могли овладѣть ходомъ дѣла, и вполнѣ выяснили себѣ взгляды наши на всѣ его подробности. Мы также даемъ вамъ при семъ, за большою печатью нашею, полномочіе вести начатые переговоры далѣе, заключить и подписать предположенный оборонительный трактатъ.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго вашей первой и главной заботой по прибытіи къ царскому двору будетъ — справиться у русскихъ министровъ, преимущественно у герцога курляндскаго и у графа Остермана, о мнѣніяхъ ихъ касательно

means of the turkish war, and since, by the death of Our late resident, either upon the plan delivered by him, or in any other shape, and you shall acquaint them, that as Our sincere desire of cultivating the most intimate friendship with Her Czarish Majesty for Our mutual defence and for the general good of Europe, and of fortifying the same by the strictest ties of alliance, does still continue, so We cannot in the least doubt your finding Her said Majesty in the like favourable dispositions and have therefore sent you, expressly to put the finishing hand to that affair, whereof We so earnestly wish the conclusion; and that you are accordingly ready to enter immediately with them into the negotiation of it, and to sign the treaty when concluded, having all necessary instructions, and Our full powers for that purpose, and being fully apprised of what has already passed on it, and informed of Our intentions.

If contrary to Our just expectations, you should meet with any backwardness and indisposition in that court with regard to the conclusion of the said treaty, you will do your utmost to discover the true causes thereof, and to give Us immediate information, that We may consider of proper means for removing all difficulties and objections; and you will in that case, on your own part also, exert yourself as much as possible to bring that princess and her ministers to a different way of thinking, by laying before them a true representation of the dangerous condition of Europe, from the hints We have given you above of Our notions and apprehensions in relation to

---

дальнѣйшаго веденія переговоровъ, столь несчастливо задержанныхъ и турецкою войной и смертью бывшаго нашего резидента, сообразно съ проектомъ, переданнымъ Рондо или по иному плану. Вы притомъ заявите, что мы по прежнему, искренно желая поддерживать самыя близкія дружескія отношенія съ Ея Величествомъ и — ради взаимной защиты и общаго блага Европы — скрѣпить ихъ тѣснымъ союзомъ, вполнѣ надѣемся найти такія же благопріятныя отношенія къ союзу и со стороны Ея Величества, почему и отправили васъ довершить начатое дѣло, которое сердечно желали бы видѣть законченнымъ; заявите также, что готовы немедленно приступить къ переговорамъ и подписать трактатъ, что имѣете всѣ нужныя для сего инструкціи, такъ какъ вполнѣ ознакомились съ предшествовавшимъ ходомъ переговоровъ и съ нашими намѣреніями.

Если бы, однако, вопреки нашимъ справедливымъ ожиданіямъ, вы со стороны русскаго двора встрѣтили какое либо упорство, нерасположеніе къ заключенію трактата, употребите всѣ усилія распознать дѣйствительныя причины такого нерасположенія и немедленно увѣдомьте насъ о нихъ, дабы мы могли изыскать надлежащія средства къ отвращенію возникшихъ затрудненій и возраженій, да и сами постарай-

its present situation, and from such farther intelligence and observations, as We shall cause to be put into your hands relating to the secret french negotiations in the courts of the north and at Berlin, and the great danger which does so evidently threaten Her Czarish Majesty's dominions from those pernicious intrigues, and at the same time setting forth the very great use and security, which Her Czarish Majesty must herself unavoidably find in such an alliance, both with respect to her credit and influence in public affairs, and to her particular situation at this juncture in regard to the other powers of the north, and more especially to Sweden, whose present mischievous views and designs you will be so well able to make them sensible of, as having been an eye-witness of all that has lately passed there.

If the Czarinna's ministers should be authorized and inclined to conclude the alliance, but should however have difficulties as to any part of the project now in their hands, and desire alterations in any particulars, We leave it to your prudence and discretion to gratify them therein, so far forth as the changes desired do not affect any essential part of the treaty.

But if anything of that kind is required, you will give Us immediate advice thereof by dispatching hither the messenger, whom you will find attending your arrival at Petersburgh, and will wait Our farther commands and instructions.

тесь измѣнить настроеніе Государыни и ея министровъ, выяснивъ имъ опасное положеніе Европы, данныя вамъ указанія о достигшихъ до насъ свѣдѣніяхъ, о нашихъ опасеніяхъ и о всѣхъ сообщеніяхъ и наблюденіяхъ, которыя мы еще велимъ препроводить вамъ по поводу тайныхъ интригъ Франціи при сѣверныхъ дворахъ и въ Берлинѣ; выяснивъ имъ также какими опасностями эти интриги грозятъ самымъ владѣніямъ Ея Величества. Въ то же время вы укажете какъ полезенъ, какую безопасность обѣщаетъ Россіи союзъ съ нами и по вліянію, которое онъ можетъ оказать на общій ходъ дѣлъ, и по значенію, которое онъ можетъ оказать на отношенія Россія собственно къ сѣвернымъ державамъ, и особенно къ Швеціи, несчастные планы и замыслы которой вамъ такъ легко раскрыть, такъ какъ вы сами были очевидцемъ недавнихъ событій въ той сторонѣ.

Если царскіе министры получатъ разрѣшеніе заключить союзъ и склонны къ нему, но встрѣчаютъ затрудненіе въ какой либо части врученнаго имъ проекта, и желали бы измѣненія нѣкоторыхъ частностей, предоставляемъ вашей осторожности и предусмотрительности дать свое согласіе, разумѣется на сколько это возможно безъ нарушенія основныхъ положеній договора.

Однако, если бы подобнаго рода требованія возникли, вы немедленно извѣстите насъ о нихъ съ курьеромъ, который ожидаетъ вашего пріѣзда въ Петербургѣ, дождетесь нашихъ дальнѣйшихъ приказаній и инструкцій.

But, if you should, on the contrary, which We have rather cause to hope and expect, be able to settle the whole either upon the foot of our said project, or with such variations, as may be liable to no inconvenience, you will then immediately proceed to the signature of the treaty with the russian plenipotentiaries, and dispatch it hither forthwith, that no time may be lost in the preparation and exchange of the respective ratifications.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 83).

Appendice to m-r Finch's additional instructions.

Questions by m-r Finch.	Answers by the king's order.
1. Is not the choice of the two credentials to be left to the court of St. Petersburgh?	Yes.
2. Must I deliver a translated copy of that which I present?	Yes.
3. The compliment at my first audience whether in english or french I suppose indifferent.	As m-r Finch pleases.

Если же, напротивъ (какъ мы скорѣе можемъ надѣяться и ожидать) вы окажетесь въ состояніи покончить дѣло на прямомъ ли основаніи нашего проекта, на основаніи ли нѣкоторыхъ возможныхъ въ немъ измѣненій, подписывайте договоръ немедленно вмѣстѣ съ русскимъ уполномоченнымъ и присылайте его сюда безъ задержки, дабы не терять времени на подготовленіе и обмѣнъ ратификацій.

Приложеніе къ инструкціямъ, даннымъ Эд. Финчу.

Вопросы Эд. Финча.	Отвѣты, данные по королевскому повелѣнію.
1. Не можетъ ли выборъ между данными мнѣ двумя вѣрительными граматами быть предоставленъ с.-петербургскому двору?	Да, можетъ.
2. Долженъ ли я вмѣстѣ съ избранною вѣрительной граматой представить и переводъ ея?	Да, должны.
3. Привѣтствіе на первой аудіенціи, полагаю, можно произнести на англійскомъ или на французскомъ языкѣ безразлично?	Какъ заблагоразсудится г. Финчу.

4. Is the title of empress to be given without any further ceremony, or is there to be any previous reverse barring any preeminence etc. to be insisted on?

Vide instructions. Only at the treaty, if it cannot be had otherwise.

5. Must the complying with or declining the ceremony of kissing the Czarinna's and the rest of the princesses hands entirely depend upon the practise of the french ambassador and imperial minister.

Vide instructions.

6. As to the guard, I observe that the duke of Liria, count Rabutin and Wratislaw, ministers plenipotentiaries had 25, Mardefelt and others, as envoys, only five; how many had lord Granard? Must I insist on more than

To insist on the same guard with other ministers of the same rank.

---

4. Можно ли признать императорскій титулъ безъ всякихъ формальностей или слѣдуетъ настаивать на выдачѣ предварительнаго реверса, отстраняющаго всякія претензіи на первенствующее значеніе?

См. инструкціи. Признать титулъ можно только при заключеніи договора, если окажется невозможнымъ миновать признанія.

5. Должно ли по вопросу о церемоніи цѣлованія руки у Царицы и у принцессъ руководствоваться исключительно практикою французскаго посла и представителей императора?

См. инструкціи.

6. Касательно почетной стражи, замѣчаю, что при герцогѣ де-Лиріа, при графѣ Рабутинѣ и графѣ Вратиславѣ — какъ полномочныхъ министрахъ — состояла стража въ 25 человѣкъ; при другихъ же представителяхъ иностранныхъ дворовъ, пользовавшихся только титуломъ посланниковъ — только стража изъ шести человѣкъ. Какою стражею пользовался лордъ Гранардъ? Слѣдуетъ ли мнѣ, по предъявленіи грамоты въ качествѣ полномочнаго министра,

Слѣдуетъ настаивать на стражѣ, равной стражѣ прочихъ уполномоченныхъ того же званія.

2*

his lordship, if I produce the credential of minister plenipotentiary?

7. What escorte on the road, and what gratification to be given?	Inquire of lord Granard.
8. As the rupture with Spain exists since the first project of the treaty was proposed, if any difficulties should arise on this head, how they are removed? 9. In case of Sweden's attacking Russia, the stipulations of the alliance will sufficiently specify the succours to be furnished to Russia; will the spanish war obstruct their being sent?	To wait farther instructions.
10. If Russia, out of resentment of the swedes' late behaviour, should shew any inclination to break with Sweden, how far would it be proper to go in dissuading such a measure?	To dissuade it, in all amicable terms, without giving offence, in order to the preservation of the peace of the north.

настаивать на стражѣ, болѣе многочисленной, чѣмъ стража лорда?

7. Какой свиты требовать въ пути и какое вознагражденіе давать ей?	Спросить у лорда Грэнарда.
8. Такъ какъ война съ Испаніей начата уже по предъявленіи перваго проекта союзнаго договора, какъ устранить затрудненія, которыя могутъ возникнуть вслѣдствіе этого обстоятельства? 9. Если, въ случаѣ нападенія на русскія владѣнія со стороны Швеціи, окажется, что — по условіямъ трактата — намъ слѣдуетъ выставить помощь, можетъ ли война съ Испаніей помѣшать такой помощи?	По поводу этихъ вопросовъ дождитесь дальнѣйшихъ инструкцій.
10. Если бы Россія, возмущенная поведеніемъ Швеціи за послѣднее время, оказала расположеніе начать войну, на сколько слѣдуетъ удерживать ее отъ такого разрыва?	Въ видахъ сохраненія мира на сѣверѣ, слѣдуетъ удерживать ее на сколько возможно дружескими убѣжденіями, но отнюдь не оскорбляя ее.

11. In case the french on any future contingencies, especially of the elector palatin's death, should aim at introducing a body of swedes by Stralsund into the empire, how far would it be proper to endeavour to return the swedes an alarm by their back-door in Finland?	Refered till a nearer appearance of the case existing. In that case by all means.
12. As the court of Petersburgh has hinted that it would spare no expence necessary to assist the good ministry in Sweden to regain their lost ground and to overturn the present ministry, if questions should be asked me, whether the king would concurr in this, what answer and hopes must I return and give?	That the king will concurr.

---

11. Въ случаѣ, если бы Франція, вслѣдствіе какихъ либо замѣшательствъ, особенно по поводу смерти курфюрста пфальцскаго, попыталась ввести шведскій корпусъ въ имперію черезъ Стральзундъ, на сколько умѣстна была бы попытка возвратить шведовъ, потревоживъ ихъ въ тылу нападеніемъ на Финляндію?	Посмотримъ, когда бѣда настанетъ. Если такъ случится, всячески надо заботиться о диверсіи.
12. Русскій дворъ намекалъ, что не пожалѣетъ никакихъ издержекъ, дабы помочь благопріятному намъ шведскому министерству вновь занять утраченное положеніе, низвергнувъ теперешнихъ министровъ. Если бы меня спросили, готовъ ли король помочь русскому правительству въ этомъ дѣлѣ, какой отвѣтъ могу я дать, какія надежды могу поддерживать?	Король готовъ оказать свое содѣйствіе.

13. Would it on this occasion be thought proper to establish a correspondence with Arkenholtz, and that he should be the channel to the 3 or 4 persons at most, who must be entrusted with the conduct of such a scheme.	In concert with Horn, Bielke, Kockan, Nevez.
14. If the secretary Bremer, mentioned in m-r Titley's letter at the insinuation of Bestuchef, could be got at, how far might I venture to go in order to gain him, if he may appear worth it, and what shape should this be done in.	To tip 1, 2 or 300.
15. Will the *Vous* and not *Altesse* to the duke of Courland create no difficulties or indisposition. I know that m-r Bestuchef made pressing instances to obtain the last, and that Sweden in a german letter gave it that prince.	The king gives *Altitudo* to the duke in his latin letters, but it is not the practice of the crown of England to give *Altesse* in cachet letters.

---

13. Въ послѣднемъ случаѣ не удобно ли войти въ постоянныя сношенія съ Аркенгольцемъ, и дать ему разрѣшеніе посвятить 3—4 человѣка, не болѣе, въ предположенный планъ?	Вмѣстѣ съ Горномъ, Бѣлькомъ, Коканомъ, Невецомъ.
14. Въ случаѣ, если секретарь Бремеръ, упомянутый въ письмѣ Тидлея по указанію Бестужева, можетъ быть привлеченъ къ дѣлу, и окажется, что привлекать его стоитъ, до какой цифры можетъ простираться расходъ на этотъ предметъ, и въ какой формѣ это можетъ быть сдѣлано?	Подкупомъ въ сто, двѣсти, триста (фунтовъ?).
15. Какъ бы обращеніе къ герцогу курляндскому на «Vous» вмѣсто «Altesse» не создало затрудненій и недоразумѣній. Я знаю, что Бестужевъ очень хлопаталъ объ «Altesse» и Швеція рѣшилась дать этотъ титулъ въ одномъ письмѣ на нѣмецкомъ языкѣ?	Въ латинскихъ письмахъ своихъ король титулуетъ герцога «Altitudo», давать же титулъ «Altesse» въ именныхъ рескриптахъ не въ обычаяхъ англійской короны.

16. How far may it be proper for me to open myself to the saxon ministers at Dresden on the nature of my commission at St. Petersburgh.

To acquaint them in general, that you are going to negotiate a defensive alliance.

Harrington.

Whitehall, March the 28th 1740.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 6. Lord Harrington to the right honourable m. Finch.

Whitehall, March the 28th 1740.

The court of Denmark having some time since expressed a great earnestness to have an alteration made in the form of the passports hitherto given to ships cleared out from the ports of Russia, as you will see by the inclosed copy of a memorial, presented upon that head by m-r Sohlenthall, and the court of Petersburgh having shewn a willingness to comply with the desire of Denmark therein, if his Majesty and the States could be brought to consent to it, I referred the consideration of that affair to the board of trade, and am now ordered by the king to put into your hands a copy of their report, as also of the answer prepared to be returned to m-r Sohlenthall, and of the resolution taken by the States General upon the same

---

16. На сколько могу я быть откровеннымъ съ саксонскими министрами въ Дрезденѣ о характерѣ моей миссіи въ С.-Петербургѣ?

Можете сообщить въ общихъ выраженіяхъ, что ѣдете для переговоровъ объ оборонительномъ союзѣ.

Гаррингтонъ.

Уайтгэлль, 28-го марта 1740 г.

№ 6. Лордъ Гаррингтонъ Эдуарду Финчу.

Уайтгэлль, 28-го марта 1740 г. (7-го апрѣля н. ст.).

Нѣсколько времени тому назадъ датскій дворъ очень серьезно выразилъ надежду на измѣненіе формы паспортовъ, которые выдаются судамъ, выходящимъ изъ русскихъ портовъ. Вы увидите это изъ прилагаемой копіи меморіала, представленнаго Золенталемъ. Петербургскій дворъ, съ своей стороны, выказалъ готовность исполнить желаніе датскаго правительства въ случаѣ, если его величество и генеральные штаты изъявятъ на то свое согласіе. Дѣло это отдано было на обсужденіе торговой палаты и король приказалъ мнѣ препроводить вамъ копію рапорта палаты, копію отвѣта, который предполагается дать Золенталю, копію резолюціи генеральныхъ штатовъ

affair and the several other pieces, which have passed in it and may be necessary for your information.

As soon therefore as you arrive at Petersburgh, you will concert with the resident of the States, and acquaint the Czarinna's ministers with His Majesty's disposition (as expressed in my letter to m-r Sohlenthall) to gratify the danish court in this affair, provided means can be found to prevent the inconvenience set forth in the representation of the Russia-company to the board of trade; and you will endeavour to settle with the said ministers, and in concert with m-r Swartz, and to procure the actual putting in execution such methods previously to any change to be made in the form of the passports.

You will likewise observe that his Majesty has been pleased to recommend to the court of Denmark the lowering of some duties upon particular merchandises at the Sound, in return for the complaisance shewed by the king and the States in this affair. M-r Sohlenthall has given hopes of a favourable disposition in his court upon this article, and the Czarinna's good offices in it have been already promised. You will therefore communicate my answer to that gentleman to the russian ministers together with the list inclosed in it, desiring that the Czarinna's minister at Copenhagen may have immediate orders to join with those of the king and the States in solliciting the said abatement of duties, and you will endeavour to prevail

---

по тому же предмету и нѣсколькихъ другихъ документовъ, его касающихся, которые могутъ вамъ пригодиться.

Прибывъ въ Петербургъ, переговорите съ резидентомъ штатовъ, и передайте царскимъ министрамъ о готовности его величества исполнить желаніе датскаго двора (какъ изъяснено въ отвѣтѣ Золенталю), буде найдется возможность устранить неудобства, указанныя торговой палатѣ Россійской компаніей. Постарайтесь вмѣстѣ съ Шварцемъ притти къ соглашенію съ русскими министрами и добиться немедленнаго выполненія нужныхъ мѣропріятій прежде, чѣмъ форма паспортовъ будетъ измѣнена.

Вы замѣтите также, что его величеству угодно было выразить датскому двору желаніе, дабы, взамѣнъ снисхожденія, оказаннаго Англіей, сбавленъ былъ размѣръ пошлинъ, взимаемыхъ съ нѣкоторыхъ товаровъ при провозѣ ихъ черезъ Зундъ. Золенталь подалъ надежду, что Данія встрѣтитъ желаніе короля благопріятно; русское правительство также обѣщало оказать свои добрыя услуги для достиженія этой цѣли; потому сообщите русскимъ министрамъ мой отвѣтъ Золенталю съ приложеннымъ къ нему спискомъ товаровъ, и передайте желаніе короля, дабы представителю Россіи въ Копенгагенѣ приказано было въ заботахъ о пониженія указанныхъ пошлинъ дѣйствовать за-

on the court of Petersburgh to give time for the settling that point with the king of Denmark before they proceed to an actual alteration of the passports, though you will take care that it be not done in such a manner, that the delay shall be directly charged upon your instances, as insisting to make the business of the abatement an absolute condition of your consent to the other.

M-r Titley is ordered to correspond with you upon this affair, that you may be acquainted with each others proceedings on it, and I enclose herewith a copy of my letter to him, as also of what I am writing to prince Scherbatoff. . . . . .

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33). . . .

№ 7. J. Bell to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, April the 15th 1740.

. . . M-r Johann Albright Korff, a Courland's gentleman, who is one of Her Majesty's chamberlains, and president of the academy of sciences of this place, was some time ago appointed by the Czarinna to be her envoy to the king of Denmark, set out the 12th instant on his journey for that court.

одно съ представителями короля и штатовъ. Вы постараетесь притомъ повліять на русскій дворъ, дабы никакія измѣненія въ паспортахъ не вводились прежде, чѣмъ дѣло о пониженіи тарифа не будетъ улажено съ королемъ датскимъ. Дѣйствуйте, однако, такъ, чтобы промедленіе въ измѣненіи паспортовъ не было прямо приписано вашимъ настояніямъ поставить пониженіе пошлинъ непремѣннымъ условіемъ измѣненія въ формѣ паспортовъ.

Тидлею приказано войти съ вами въ переписку по этому дѣлу, дабы вы постоянно знали о ходѣ его. Прилагаю и копію съ письма своего на его имя, а также съ письма, которое пишу князю Щербатову.

№ 7. Дж. Белль лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 15-го апрѣля 1740 г. (26-го апрѣля н. ст.).

. . . Іоганнъ Альврайтъ Корфъ, курляндскій дворянинъ, каммергеръ Ея Величества и президентъ с.-петербургской академіи наукъ, нѣсколько времени тому назадъ назначенный Государыней русскимъ посланникомъ при датскомъ дворѣ, выѣхалъ отсюда 12-го апрѣля къ мѣсту назначенія.

Whatever may be the event of the preparations of Sweden, this court is resolved not to be behind hand with them in that point; for they have not only repaired all their fortifications on the frontiers, but will also have an army in the adjacent provinces of fourscore thousand regular troops before the month of June.

I cannot omit to acquaint your lordship with the fall of m-r Wolinsky, one of the three cabinet ministers. He was a man of great ability, but of a restless temper, by which means he drew upon himself the envy and hatred and, at last, the displeasure of Her Majesty and the duke of Courland, and, though, as yet, no crime is openly laid to his charge, as he is now under to confinement, there is little probability that ever he can be received again into favour, whereby I have lost a good friend.

In a conversation, some time ago, with that minister, he told me, that the Czarinna's real intentions were to live in perfect amity with His Majesty, and would never hearken to any proposals of France, and, I hope, a short time will prove the truth of what he advanced. As for m-r Chetardie, so far as I can learn, he actually does nothing at all, lives in a very frugal, quiet manner. I beg your lordship will not mention the least circumstance of what I have the honour to write, because it might be a prejudice to me in my present situation. . . .

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

Каковы бы ни были цѣли военныхъ приготовленій въ Швеціи, здѣсь рѣшено не пренебрегать ими. Не только всѣ укрѣпленія на финляндской границѣ исправлены, но въ прилегающихъ къ ней русскихъ провинціяхъ къ іюню опредѣлено стянуть армію въ 80.000 человѣкъ.

Не могу не увѣдомить ваше превосходительство о паденіи одного изъ трехъ кабинетъ-министровъ, Волынскаго, — человѣка очень смышленнаго, но горячаго нравомъ, которымъ онъ навлекъ на себя зависть и ненависть, а наконецъ и неудовольствіе Ея Величества и герцога курляндскаго. Пока еще его не обвиняютъ ни въ какомъ опредѣленномъ преступленіи, но онъ содержится подъ стражей и сомнительно, чтобы онъ когда нибудь снова вошелъ въ милость. Я потерялъ въ немъ добраго друга.

Нѣсколько времени тому назадъ въ разговорѣ со мною опальный кабинетъ-министръ говорилъ мнѣ, что Государыня намѣрена жить въ полной дружбѣ съ королемъ и никогда не склонится на предложенія Франціи. Надѣюсь, что вскорѣ вы получите и явныя доказательства такого расположенія Ея Величества, такъ какъ, на сколько я слышу, Шетарди пока ничего не дѣлаетъ, проводя время въ роскоши и спокойствіи. Прошу ваше превосходительство не оглашать ни малѣйшихъ подробностей изъ того, что я имѣю честь писать вамъ, такъ какъ всякое оглашеніе можетъ вредно отозваться на моемъ положеніи.

№ 8. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

Memel, May the 16th 1740.

I wrote to your lordship from Koenigsberg, and set out from thence the 10th at break of day for Schasken, in order to embark there and sail through the Courisch-haff for Memel; for the carriers, who furnish horses from Koenigsberg, would upon no account engage to carry me up the strand, on that neck of land, which forms the left side of the haff, because the sands are so exceeding deep, and that after this hard winter there was no such thing as forrage for their horses. This obliged me, whether I would or not, to submit to the passage by water, which had been much the shortest with a favourable wind; but as I had the ill luck to meet with a contrary one, from the 10th at noon, when I arrived at Schaken, till this morning at break of day, when I embarked there, I did not arrive here till this evening; and I propose to proceed on my journey to-morrow morning at break of day, and hope to be at Riga in eight days, for sooner it will be hardly possible, since there is no such thing as change of horses on the road. . . .

I am with the greatest respect etc.

Ed. Finch.

(Public; Record Office Russia, 1740; № 33).

№ 8. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

Мемель, 16-го мая 1740 г. (27-го мая н. ст.).

Я писалъ вашему превосходительству изъ Кенигсберга и выѣхалъ оттуда 10-го мая на разсвѣтѣ въ Шакенъ, чтобы тамъ сѣсть на корабль и по Куришъ-гафу добраться до Мемеля. Кенигсбергскіе поставщики лошадей ни за что не брались везти меня берегомъ, полосой, образующей лѣвый берегъ залива, такъ какъ тамъ пески чрезвычайно глубоки, а вслѣдствіе минувшей жестокой зимы лошади стоятъ почти безъ корма. Такъ волей неволей я долженъ былъ согласиться на переѣздъ водою, который могъ бы быть и кратчайшимъ при благопріятномъ вѣтрѣ; но, къ несчастію, съ полудня 10-го мая (когда я прибылъ въ Шакенъ) до сегодняшняго утра дулъ противный вѣтеръ. По этому я сѣлъ на корабль только сегодня на разсвѣтѣ, а къ вечеру прибылъ сюда. Думаю завтра же на разсвѣтѣ ѣхать далѣе и добраться до Риги дней въ восемь; раньше доѣхать туда врядъ-ли возможно, такъ какъ перемѣнныхъ лошадей на этомъ пути нѣтъ.

Съ величайшимъ почтеніемъ и проч.

Эд. Финчъ.

№ 9. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

Riga, May the 25th 1740.

. . . I think it my duty to inform your lordship of the honours and reception I have met with on the road and here. Since I am as sensible that they are shewn me out of regard to the king, as, I believe, your lordship is, that in my own particular, I should be very glad to avoid them.

At some miles on the other side of Mittau I was met by a dragoon at each station, who were relayed in this manner to gallop on before me, in order to give the colonel who commands there notice of my arrival, and I found this officer at the head of the others of his regiment ready to receive me when I alighted out of my coach at the lodging, which was prepared for me there, where also a guard of a serjeant-corporal and twelve men were posted.

At my arrival here, I was met on the other side of the river by two officers sent by their excellencies the fieldmarshal Lascy, governor of this province, and the general Bismark, governor of this town, to compliment me upon my arrival, and they had a twelve oar barge to bring me over the river. When I landed, I was also complimented by a deputation from the magistrates of the town, who had brought two coaches to conduct me to

---

№ 9. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

Рига, 25-го мая 1740 г. (5-го апрѣля н. ст.).

. . . Считаю долгомъ сообщить вашему превосходительству о почетномъ пріемѣ, встрѣченномъ мною въ пути и здѣсь. Если бы я могъ предположить, что почести эти оказываются мнѣ не какъ представителю короля, что и ваше превосходительство увидите въ нихъ только лично мнѣ оказываемое вниманіе, я — признаюсь — очень охотно избѣжалъ бы ихъ.

За нѣсколько миль до Митавы меня на каждой станціи встрѣчалъ драгунъ; драгуны разставлены были, оказывается, по всѣмъ станціямъ, съ приказаніемъ, скакать опережая меня, дабы дать знать о моемъ прибытіи полковнику расположеннаго здѣсь полка. Офицеръ этотъ во главѣ своего полка и встрѣтилъ меня въ Митавѣ при выходѣ моемъ изъ кареты у квартиры, мнѣ приготовленной, гдѣ стояла еще и стража изъ двѣнадцати человѣкъ съ сержантомъ.

При въѣздѣ моемъ сюда я, на берегу рѣки, встрѣченъ былъ двумя офицерами, присланными привѣтствовать меня съ пріѣздомъ ихъ превосходительствами губернаторомъ Ливоніи, фельдмаршаломъ Ласси, и рижскимъ губернаторомъ, генераломъ Бисмаркомъ. При офицерахъ находился двѣнадцативесельный катеръ для моей переправы черезъ рѣку. На другомъ берегу меня привѣтствовали депутаты отъ магистрата,

the lodging prepared here, where I found general Bismark, the major general von Rading, governor of the citadel, and the colonels of all the regiments in garrison here, ready to receive me at the door, and with them the burgomaster of the town and other of the magistrates to compliment me again upon my arrival, and also an officer from the fieldmarshal Lascy with an excuse, that his indisposition prevented, as the officer said, his excellency's waiting upon me; and I am afraid that this indisposition, by all the symtoms that indicate a pleuresy, may prove fatal. At my lodgings I have had a guard of a serjeant-corporal, a drummer, and twelve private men. I was yesterday morning at fieldmarshal Lascy's door, rather out of compliment to enquire after his health, than in hopes of seeing him; in effect he was not in a condition to receive me. From thence I went to general Bismark to make him a visit before I went to dine with him, as he had invited me, and then to general von Rading, and afterwards to the burgomaster. This last visit I was the more glad for having made, because I have since heard that m-r de la Chetardie had done the same. After dinner a troop of cuirassiers marched under general Bismark's window, which he proposed to me to see (I believe indeed that was the only motive of it), and as far as I am judge, they were fine men and very well mounted.

при которыхъ находились двѣ кареты для доставленія меня въ приготовленное мнѣ помѣщеніе, гдѣ меня въ дверяхъ ожидали генералъ Бисмаркъ, мѣстный комендантъ фонъ Радингъ, и командиры всѣхъ расположенныхъ здѣсь гарнизономъ полковъ, а также рижскій бургомистръ и члены магистрата съ привѣтомъ по поводу моего пріѣзда, а кромѣ того офицеръ отъ фельдмаршала Ласси съ извиненіемъ, что нездоровье не дозволяетъ его превосходительству посѣтить меня. Описанные симптомы болѣзни указываютъ на воспаленіе легкихъ, которое можетъ имѣть плохой исходъ. При моей квартирѣ стояла стража изъ сержанта, барабанщика, и двѣнадцати обывателей. Вчера поутру я заѣзжалъ къ фельдмаршалу Ласси не для офиціальнаго визита, и не надѣясь видѣть его, но единственно съ цѣлью освѣдомиться о его здоровьѣ. Онъ дѣйствительно не въ состояніи былъ принять меня. Отъ него я отправился къ генералу Бисмарку, дабы сдѣлать ему визитъ прежде, чѣмъ явлюсь на обѣдъ, къ которому онъ пригласилъ меня, затѣмъ — къ генералу фонъ Радингу и къ бургомистру. Особенно радъ, что сдѣлалъ послѣдній изъ этихъ визитовъ, такъ какъ позже я узналъ, что Шетарди тоже посѣщалъ бургомистра. Послѣ обѣда передъ окнами генерала Бисмарка прошелъ полкъ кирасиръ, на которыхъ генералъ пригласилъ меня взглянуть (кажется, для того полкъ и проходилъ); на сколько могу судить, кирасиры были бравые люди и подъ ними были прекрасныя лошади.

I propose to set out in two hours, and, by going night and day, hope to be at Petersburgh the 29th, general Bismark having given me a serjeant to conduct me, and take care that I have horses ready upon the road.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 10. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, May the 31st 1740.

I had the honour to write to your lordship the 25th instant from Riga, which place I left the same afternoon at 5 o'clock, and, going night and day, I arrived here yesterday morning about six. Though the natural fatigue of this prevented my notifying in form my arrival immediately to count Osterman, yet I took care to let him be apprised of it directly by m-r Bell, who at my desire also assured his excellency of my impatience to make an acquaintance with a minister, for whom the king, my master, had so great a regard, and myself so great a respect.

The saxon minister, m-r Suhm, was also informed of my arrival in the same way, and made me a visit before dinner. As a very particular attention is necessary at first setting out, to avoid any false steps, which at that time are most remarkable, I told him what I had done with respect to

---

Намѣреваюсь выѣхать часа черезъ два, ѣхать день и ночь, и надѣюсь прибыть въ Петербургъ 29-го, такъ какъ генералъ Бисмаркъ далъ мнѣ въ провожатые сержанта, наказавъ ему заботиться, чтобы по дорогѣ лошадей мнѣ ставили безъ задержекъ.

№ 10. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 31-го мая 1740 г. (11-го іюня н. ст.).

Я 25-го мая имѣлъ честь писать вашему превосходительству изъ Риги, откуда выѣхалъ въ тотъ же день въ пять часовъ по полудни, ѣхалъ день и ночь, и прибылъ сюда вчера около шести часовъ утра. Естественная усталось не позволила мнѣ немедленно сдѣлать формальное заявленіе о своемъ пріѣздѣ графу Остерману, но я поручилъ Беллю непосредственно извѣстить объ этомъ графа и отъ моего имени заявить его сіятельству о моемъ нетерпѣніи познакомиться съ министромъ, къ которому король, государь мой, такъ благоволитъ, и къ которому я лично питаю глубочайшее уваженіе.

Тѣмъ же путемъ извѣщенъ былъ о моемъ пріѣздѣ саксонскій посланникъ, Сумъ. Онъ посѣтилъ меня передъ обѣдомъ. Такъ какъ прежде, чѣмъ начать визиты, надо— во избѣжаніе ошибокъ, которыя теперь могутъ быть особенно замѣчены — со вниманіемъ обдумать каждый шагъ, я разсказалъ Суму, какъ поступилъ по отношенію къ

count Osterman, and that I proposed to notify my arrival in form to-day. M-r Suhm seemed to have some difficulties as to his highness, the duke of Courland, who might expect an immediate compliment.

I told him, that, as I had a letter from the king to that prince, I was under some uncertainty, whether it would not be more respectful to defer anything, which might have the appearance of a notification, till I could deliver his highness that letter in a manner suitable to the regard the king, my master, had for him; so that m-r Suhm would oblige me infinitely if he could find an opportunity both to explain this circumstance and receive his orders upon it, which, according to mine, I was both obliged and steadfastly resolved on all occasions to obey. M-r Suhm, at his return in the evening (for he could not get an opportunity to speak to the duke till the german comedy, which was played at the summer palace, where the court had been for some days), assured me that his highness seemed very well pleased with my compliment and this mark of my regard for his person, but answered, that he was not here in a condition to receive my audience in form (for so he understood what related to the delivery of the king's letter), he therefore should be glad to see me when I pleased, adding, that, as the court prepared soon to remove to Peterhoff, he thought that Her Majesty would be glad not to defer my audience.

графу Остерману, прибавивъ, что сегодня же думаю послать ему оффиціальное заявленіе о своемъ пріѣздѣ. Сумъ выразилъ сомнѣніе — не ожидаетъ ли его свѣтлость герцогъ курляндскій немедленнаго моего посѣщенія?

Я замѣтилъ, что привезъ письмо герцогу отъ короля, потому неувѣренъ, не почтительнѣе ли отложить всякій шагъ, который можетъ имѣть значеніе извѣщенія, до того времени, когда я получу возможность вручить это письмо его свѣтлости въ формѣ, болѣе согласной съ высокимъ уваженіемъ короля къ его особѣ. Я сказалъ Суму, что онъ безконечно обяжетъ меня, если найдетъ возможность разъяснить это обстоятельство и получитъ отъ герцога соотвѣтственныя приказанія, которымъ я, по даннымъ мнѣ инструкціямъ, обязанъ и рѣшительно желаю подчиниться, каковы бы они ни были. Сумъ вечеромъ возвратился ко мнѣ (онъ не имѣлъ случая переговорить съ герцогомъ до встрѣчи съ нимъ въ нѣмецкомъ театрѣ, въ лѣтнемъ дворцѣ, въ который нѣсколько дней тому назадъ перебрался дворъ) и сообщилъ, что его свѣтлость, по видимому, очень доволенъ былъ переданнымъ ему привѣтомъ, какъ свидѣтельствомъ моего къ нему уваженія, но заявилъ, что здѣсь онъ не имѣетъ возможности принять меня въ формальной аудіенціи (такъ онъ понялъ вопросъ о передачѣ ему королевскаго письма), потому радъ будетъ видѣть меня, когда я пожелаю, прибавивъ, въ тоже время, что дворъ скоро перебирается въ Петергофъ, и Ея Величеству, надо полагать, пріятно было бы не откладывать моей аудіенціи на долгое время.

Having got so far, I sent this morning at 10 m-r Burrish with m-r Bell to notify my arrival to count Osterman and to desire an hour. His excellency answered in a manner, which shewed all the regard he has for the king and too obliging as to my own person for me to relate (though it will be my study to deserve it) and let me know that he should be glad to see me to-morrow either in the fore-or afternoon, as I liked best. He afterwards returned my compliment by a person in the chancery, who seemed very desirous to know, whether I would wait on his excellency at 11 in the morning or 5 in the afternoon, for those are his hours. I have appointed 11, and just as I was writing this, I received this afternoon a message from the duke of Courland's marshal to let me know, that, as Her Majesty was to give audiencies of leave to the turkish seraskier and aga, taken prisoners at Oczackow, his highness would be employed, and therefore hoped that I would not have a less opinion of his impatience to see me, if he desired me to put it off till monday at 10 in the morning. I answered that the duke's hour would always be mine, and I was not sorry to wait on him for the first time though one day later, since it was that of his election.

Though I have not notified my arrival to any of the foreign ministers, nor do I propose to do it till my audiencies are over, yet baron Backhoff,

---

После этого я сегодня же поутру въ 10 часовъ отправилъ Бурриша съ Белемъ заявить графу Остерману о своемъ пріѣздѣ и спросить его, когда онъ можетъ принять меня? Графъ въ отвѣтѣ, крайняя любезность котораго указываетъ на чрезвычайное уваженіе его къ особѣ короля, и слишкомъ лестномъ по отношенію ко мнѣ лично, чтобы я рѣшился повторить его (хотя и постараюсь оправдать его), заявилъ, что радъ будетъ видѣть меня завтра поутру или послѣ полудня, какъ мнѣ удобнѣе. Затѣмъ онъ прислалъ привѣтствовать меня чиновника своей канцеляріи, который очень допытывался, когда я посѣщу вице-канцлера — въ 11 часовъ утра или въ 5 по полудни, такъ какъ это пріемные часы графа. Я назначилъ утреннее время; а сейчасъ — какъ разъ за этими строками — получилъ отъ гофмаршала герцога курляндскаго извѣщеніе, что Ея Величество назначила прощальную аудіенцію очаковскому сераскиру и агѣ, взятымъ въ плѣнъ въ Очаковѣ, потому его свѣтлость не можетъ принять меня до понедѣльника, 10-ти часовъ утра. Герцогъ выразилъ притомъ надежду, что въ такой отсрочкѣ свиданія я не усмотрю съ его стороны недостаточнаго желанія видѣть меня. Я отвѣчалъ, что всякій часъ, удобный для герцога, удобенъ и для меня, что мнѣ даже пріятно будетъ видѣть его въ первый разъ, хотя днемъ позже, но въ самую годовщину его избранія.

Хотя я не заявлялъ о своемъ пріѣздѣ никому изъ представителей иностранныхъ государствъ и не намѣревался дѣлать подобныхъ заявленій до аудіенціи у Ея Вели-

the danish resident, who lives next door to me, came to see me yesterday; and m-r Nolcken, the swedish minister, sent me a compliment; and this morning I had a visit from colonel Neubourgh, formerly in this service, now in the saxon, who left Dresden about a fortnight before me.

I am too lately here to have any news to transmit, except that the late minister Wolinsky's affairs seem to take a very bad turn for him, and that the Czarinna's private secretary, Eichler, who was put under arrest about a fortnight ago and immediately carried to the citadel, having, as it is said, had a share in Wolinsky's wild and desperate schemes, will, as it is thought, have one in his fate also.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 11. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, June the 3rd 1740.

I informed your lordship by mine of the 31st past of my arrival here the day before and that I had notified it to count Osterman, and also to the duke of Courland, or rather to his marshal.

I was the next morning, the 1st instant, to wait upon count Osterman,

---

чества, вчера посѣтилъ меня датскій резидентъ Бакгофъ, проживающій рядомъ со мною. Присылалъ привѣтствовать меня также шведскій посланникъ, Нолькенъ; а сегодня поутру сдѣлалъ мнѣ визитъ полковникъ Нейбургъ, бывшій когда-то въ русской службѣ, нынѣ состоящій на службѣ курфюрста саксонскаго. Онъ выѣхалъ изъ Дрездена недѣли за двѣ до меня.

Я здѣсь еще такъ недавно, что новостей никакихъ сообщить не имѣю. Слышалъ только, что дѣла бывшаго кабинетъ-министра Волынскаго принимаютъ оборотъ очень для него неблагопріятный, а также, что личный секретарь Царицы, Эйхлеръ, недѣли двѣ тому назадъ схваченъ и прямо засаженъ въ крѣпость будто бы за участіе въ странныхъ, отчаянныхъ замыслахъ Волынскаго. Полагаютъ, что онъ раздѣлитъ съ Волынскимъ и ожидающую его участь.

№ 11. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 3-го іюня 1740 г. (14-го іюня н. ст.).

Въ донесеніи отъ 31-го мая я писалъ вашему превосходительству о своемъ пріѣздѣ наканунѣ въ Петербургъ и о томъ, какъ извѣстилъ объ этомъ графа Остермана и герцога курляндскаго или — вѣрнѣе — его гофмаршала.

На слѣдующій день, 1 іюня, я, посѣтивъ графа Остермана въ условленный часъ,

at 11, according to appointment, and after having given him those assurances of the king's regard and esteem for his person, according to my orders, I communicated to him a translation of my credential, with the two characters interlined, desiring to know of his excellency which of them would be most agreeable here. He told me that he was persuaded that either of them would be so to Her Majesty, and that she would leave the choice entirely to myself; adding that, as that of minister plenipotentiary was a more undetermined character, though it might not be looked upon as so high a one, yet it would have the advantage of avoiding all the embarras of ceremonial, or the inconveniency of disputes with other ministers. As I am not at all fond of the first, and not the least desirous of the last, though I believe that the character of minister plenipotentiary is seen in another light in England, I gave the preference to that, even with the count's notions of it, and I accordingly sent him the same afternoon a fair translation of that credential in french, with the title at the head of it in english.

The same afternoon I received a message from the duke of Courland, that his highness, having been informed by his marshal, that I proposed to wait upon him the next morning at 10, since I could not possibly have my equipage ready, he offered me the use of his a favour which, I am assured, no other minister ever received before.

т. е. въ 11 ч. утра, высказалъ ему, согласно даннымъ мнѣ инструкціямъ, увѣреніе въ благоволеніи и уваженіи короля къ его особѣ, я вручилъ ему переводъ кредитивныхъ граматъ съ открытымъ мѣстомъ для означенія моего званія, при чемъ просилъ графа высказать, которое изъ двухъ предположенныхъ для меня званій будетъ здѣсь болѣе угодно. Графъ отвѣчалъ увѣренностью, что какъ то, такъ и другое будутъ равно угодны Ея Величеству, и что она выборъ совершенно предоставитъ мнѣ самому; прибавилъ однако, что званіе полномочнаго министра менѣе опредѣленно и, если, быть можетъ признается не столь высокимъ, за то устраняетъ затрудненія при церемоніалѣ и неудобныя столкновенія съ представителями другихъ государствъ. Я вовсе не стремлюсь къ особенному церемоніалу и нимало не желаю столкновеній, потому предпочелъ званіе полномочнаго министра, не оспаривая даже взглядовъ графа (хотя, кажется, въ Англіи на званіе полномочнаго министра смотрятъ нѣсколько иначе). Въ тотъ-же день послѣ полудня я отправилъ вице-канцлеру переводъ своихъ кредитивовъ на французскій языкъ съ титуломъ въ заголовкѣ на англійскомъ языкѣ.

Въ тотъ-же вечеръ явился ко мнѣ посланный отъ герцога курляндскаго: его свѣтлость, узнавъ отъ своего гофмейстера о намѣреніи моемъ посѣтить его на другое утро въ десять часовъ и, принимая во вниманіе, что, быть можетъ, экипажи мои еще не готовы, предлагаетъ мнѣ воспользоваться его экипажемъ — милость, которой, какъ мнѣ передавали, не удостоивался еще ни одинъ изъ иностранныхъ дипломатовъ.

Accordingly his coach was at my door yesterday morning at 10 with two footmen, and, what they make use of here, with two grooms on horseback, who ride before, and I went in it to the summer-palace, where the duke is with the court. M-r Burrish followed in a coach, which a merchant lends me till I can get my own. I was received at the coach-door by one of the duke's officers, and after having crossed a small court, the duke's marshal and another of his gentlemen met me at the first door of his apartment and introduced me to him. I then delivered to him the king's letter, which I accompanied with assurances of His Majesty's friendship and consideration for his person, recommending my commission to his support and myself to his favour, and ending at last with a compliment to him upon the day, which was the anniversary of his election and had occasioned a very full court. I could easily see that his highness understood what I said to him in french, though he answered me in german, which his marshal, m-r Keyserling, afterwards explained to me; and it was not possible to express in stronger terms his respect for the king, the sense he had of the honour His Majesty did him, nor the pleasure he should feel to convince His Majesty upon all occasions of these sentiments.

What he said as to my person, was very gracious, and when I returned him thanks for the honour he had done me in sending me his coach, he

---

И такъ, вчера поутру, въ десять часовъ, герцогская карета была у моего подъѣзда съ двумя гайдуками и — по здѣшнему обычаю — съ двумя верховыми форейторами. Въ ней я прибылъ къ лѣтнему дворцу, гдѣ проживаютъ герцогъ и дворъ. Бурришъ слѣдовалъ за мною въ каретѣ, которою ссудилъ меня одинъ изъ нашихъ купцовъ, пока моя собственная не готова. У дверцы кареты я встрѣченъ былъ однимъ изъ офицеровъ герцога: съ нимъ я прошелъ маленькій дворикъ и у первой-же двери герцогскихъ аппартаментовъ меня встрѣтили гофмейстеръ и одинъ изъ придворныхъ герцога, и провели меня къ нему. Я вручилъ его свѣтлости письмо короля, при чемъ высказалъ увѣреніе въ дружбѣ и уваженіи его величества къ его особѣ и просилъ у герцога поддержки во ввѣреныхъ мнѣ дѣлахъ, а также благоволенія къ себѣ лично. Я заключилъ привѣтомъ по случаю вчерашняго дня — годовщины избранія герцога, которая собрала къ нему множество народа. Я легко могъ убѣдиться, что его свѣтлость понялъ все сказанное мною по французски, однако отвѣчалъ онъ мнѣ по нѣмецки. Гофмейстеръ, Кейзерлингъ, разъяснилъ мнѣ затѣмъ слова герцога. Нельзя въ болѣе яркихъ выраженіяхъ высказать почтеніе къ королю, чувства признательности за честь, сдѣланную его величествомъ, и удовольствіе, которое герцогъ ощущаетъ каждый разъ, когда ему удается дать королю доказательства своей преданности.

Слова, обращенныя ко мнѣ лично, были весьма любезны, а когда я сталъ благодарить герцога за честь, сдѣланную мнѣ присылкой экипажей, онъ отвѣчалъ, что

answered me that it should be at my service when I had my audience of Her Majesty. I then desired leave to present m-r Burrish to him.

Yesterday in the afternoon I was also at count Osterman's to inquire whether his excellency had found the credential in the right form (he had), and at same time to desire him to procure me the honour of an audience of Her Majesty and also to direct me in what manner I was to apply for the other audiences and in what order. He promised to return me an answer soon on the last point; and said, that he believed Her Majesty would grant me an audience as soon as possible, because she proposed to remove saturday (as he thought) to Peterhoff for the summer. Upon which I told his excellency that, though I should always be ready to obey Her Majesty's commands, yet, as she did not go into the country till saturday and as a day sooner or later would make no great difference, I should be glad that the audience might not be sooner than thursday, because my taylor could not finish till then a suit of clothes, which I had bespoke to appear with some decency at that ceremony; and which will give me some trial of this expensive article here, since a red silk lining to at coat only will cost me above £. 8—11, and a gold waistcoat fifty ducats, which, I am sure, I could have brought anywhere else for thirty.

экипажи эти будутъ въ моемъ распоряженіи также въ день аудіенціи у Ея Величества. Затѣмъ я просилъ у герцога позволенія представить ему Бурриша.

Вчера, послѣ полудня, я посѣтилъ также графа Остермана, дабы узнать, нашелъ-ли онъ мои вѣрительныя грамоты въ полномъ порядкѣ (онъ нашелъ ихъ въ порядкѣ), просилъ его озаботиться, дабы я удостоился аудіенціи у Ея Величества, а также — научить меня какъ и въ какомъ порядкѣ должны быть испрошены мною прочія аудіенціи. На послѣднюю просьбу графъ обѣщалъ вскорѣ дать мнѣ отвѣтъ, кромѣ того высказалъ предположеніе, что Ея Величество дастъ мнѣ аудіенцію въ возможно непродолжительномъ времени, такъ какъ она въ субботу (на сколько онъ слышалъ) собирается выѣхать на лѣто въ Петергофъ. Я отвѣчалъ графу, что хотя, конечно, всегда готовъ подчиниться волѣ Ея Величества, однако, принимая во вниманіе, что она выѣдетъ не ранѣе субботы и принять меня днемъ раньше или днемъ позже ей, конечно, безразлично, мнѣ очень пріятно было-бы явиться въ аудіенціи не ранѣе четверга, такъ какъ портной мой не можетъ ранѣе кончить платья, которое я заказалъ, дабы явиться на аудіенцію въ нѣсколько приличномъ видѣ. Платье это дало мнѣ образчикъ стоимости платья въ Петербургѣ: одинъ шелковый красный жилетъ къ кафтану обойдется мнѣ около восьми-одиннадцати фунтовъ, а золотой кафтанъ — пятьдесятъ дукатовъ; такой-же кафтанъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, я увѣренъ, можно достать за тридцать дукатовъ.

It is whispered that the president of the college of commerce was sent also to the citadel the night before last on Wolinsky's affair, and it is supposed that still more will follow.

After my audience of him in form was over, he began of himself to talk to me, (his marshal, m-r Keyserling, interpreting) of the melancholy situation of the emperor, whose affairs, he said, had never gone well since he had departed from his old friends and allies, the tuition he seems to be under of France, as well as of the exorbitant and still growing power of that crown, and how readily he would embrace every opportunity of convincing the king of his devotion to and veneration for His Majesty. I answered, that I was sure no minister in the king's service could send His Majesty a more agreeable piece of news, than his highness had then put me in a condition to do, as I should to-day; that I was, for my own part, very sensible of the truth and solidity of his highness's judgement on the state of the emperor's affairs, and, that I believed, that even the imperial court would be so too every day more and more, but that the weight and credit this court had there might be very instrumental in extricating the emperor out of these difficulties, provided Her Czarish Majesty would concert and concur in proper measures with those powers, who were both desirous and might be useful to bring things back to their old and true system, and

---

Ходятъ слухи, будто президентъ коммерцъ-коллегіи прошлой ночью тоже посаженъ въ крѣпость по дѣлу Волынскаго. Полагаютъ, что та-же участь грозитъ еще многимъ другимъ.

Когда моя оффиціальная аудіенція у герцога окончилась, онъ самъ заговорилъ (переводчикомъ служилъ между нами гофмейстеръ Кейзерлингъ) о грустномъ положеніи императора, дѣла котораго идутъ плохо съ тѣхъ поръ, какъ онъ отвернулся отъ старыхъ своихъ друзей и союзниковъ и повидимому подчинился вліянію Франціи; говорилъ и о чрезвычайномъ, постоянно возрастающемъ могуществѣ этого государства, и о томъ, съ какою готовностью воспользовался-бы всякимъ случаемъ убѣдить короля въ своемъ благоговѣйномъ почтеніи къ его величеству. Я отвѣчалъ, что ни одному изъ представителей короля при иностранныхъ дворахъ, я увѣренъ, не удастся отправить его величеству извѣстій болѣе пріятныхъ, чѣмъ тѣ, которыя я въ состояніи теперь отправить ему, благодаря слышанному отъ его свѣтлости; что я съ своей стороны глубоко чувствую правду и основательность сужденій его свѣтлости о настоящемъ положенія императора и полагаю, что состояніе вѣнскаго двора ухудшается со дня на день, но что значеніе и сила Россіи можетъ оказать чрезвычайное содѣйствіе къ устраненію затрудненій, окружающихъ императора, если Ея Царское Величество войдетъ въ соглашеніе и приметъ мѣры, общія съ тѣми державами, которыя желаютъ и въ состояніи возвратить европейскія дѣла къ прежнему, надлежащему

that his highness, in his manner of explaining himself, gave me all the reason in the world to flatter myself he would give a helping and powerful hand to so good a work.

Whilst I was cyphering the above, count Osterman sent me word that my audience was fixed for sunday morning.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 12. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, June the 7th 1740.

. . . Count Oginski, the minister of the king and republic of Poland, had his audience of leave the 5th of Her Majesty. The persian ambassador, who has been here three or four years, is soon to have the same, another being on the road hither with a retinue of two thousand persons, and among other presents with a score of elephants. I am myself to have the honour of an audience to-morrow of the Czarinna at 10 o'clock, his highness the duke of Courland doing me the particular honour of his equipage upon that occasion. . . . . .

I am told that general Douglas (a swede by birth, but long in this service, and, till lately, governeur of Reval) has been arrested, being

---

порядку. Его свѣтлость, прибавилъ я, своими объясненіями далъ мнѣ основаніе надѣяться, что онъ не откажетъ въ своемъ могущественномъ содѣйствіи такому доброму дѣлу.

Въ то время, какъ я шифровалъ вышеприведенныя строки, графъ Остерманъ прислалъ сказать мнѣ, что аудіенція моя назначена на воскресенье поутру.

№ 12. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 7-го іюня 1740 г. (18-го іюня н. ст.).

. . . Графъ Огинскій, посланникъ короля польскаго и рѣчи посполитой, представлялся пятаго іюня Ея Величеству въ прощальной аудіенціи. На дняхъ такую-же аудіенцію долженъ получить персидскій посолъ, который провелъ здѣсь три или четыре года. Ему на смѣну ѣдетъ сюда другой со свитою въ двѣ тысячи человѣкъ и везетъ съ собой въ числѣ подарковъ пару слоновъ. Самъ я буду имѣть честь явиться въ аудіенціи Ея Величеству завтра въ десять часовъ утра. Его свѣтлость герцогъ курляндскій дѣлаетъ мнѣ особенную честь — предоставляетъ мнѣ свой экипажъ на этотъ случай. . . . . .

Мнѣ разсказывали, будто генералъ Дугласъ (шведъ, давно состоящій въ русской службѣ, до послѣдняго времени ревельскій губернаторъ) арестованъ по обвине-

accused in the present universal iniquities for having been the canal through which a correspondence has been carried on by sea to Sweden, encouraging that country in its designs to break with this, Wolinsky's scheme being to throw things into a general confusion, thereby to reduce this country back to the old russian state, and after the expulsion of all foreigners, to set himself at the head of it.

When I was with count Osterman thursday, his excellency touched upon three or four points to me, which are necessary for me to mention to your lordship. The first was the necessity there was immediately to think of the proper manner, and indeed the only one to be employed, in order to overthrow the present, and restore the old swedish ministery, and return, as he said, the compliment to France. It was easy to guess he meant money. I answered, that His Majesty had given me orders to assure this court that he would concur and cooperate in the proper method, when his excellency in his artful way would have made me believe that the king's interest was more engaged in it than the Czarinna's, who, according to his gasconading, had nothing to fear from Sweden. It was easy for me to shew him the contrary, as I did, and then told him, that it was better to wave this question, and to think of a more material one, which was—what workmen were to be employed? I mentioned to that minister those persons, which

---

нію въ проступкахъ, составляющихъ здѣсь въ настоящее время злобу дня. Черезъ него, говорятъ, шла моремъ переписка съ Швеціей, ободряющая шведское правительство на разрывъ съ Россіей. Планъ Волынскаго состоялъ въ томъ, чтобы произвести общее замѣшательство и возвратить Россію къ прежнему положенію, изгнавъ изъ нея иностранцевъ, самому же стать во главѣ управленія.

Прошлый четвергъ при бесѣдѣ моей съ графомъ Остерманомъ его сіятельство затронулъ три или четыре вопроса, о которыхъ считаю нужнымъ упомянуть вашему превосходительству. Во первыхъ рѣчь шла о необходимости немедленно подумать о средствахъ, вѣрнѣе—объ единственномъ средствѣ, ниспровергнуть настоящее шведское министерство и возстановить прежнее, то есть какъ-бы отвѣтить Франціи любезностью на любезность. Не трудно было догадаться, что графъ говоритъ о деньгахъ. Я отвѣчалъ, что мною отъ его величества получено приказаніе увѣрить русскій дворъ въ его готовности содѣйствовать такому плану. Графъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ, старался увѣрить меня, что интересы короля въ данномъ случаѣ затронуты гораздо больше, чѣмъ интересы Царицы. Онъ хвастливо увѣрялъ меня, что Россіи со стороны Швеціи опасаться нечего. Мнѣ легко было доказать противное, что я и сдѣлалъ, а затѣмъ прибавилъ, что вопросъ этотъ лучше видоизмѣнить и подумать о болѣе существенномъ, то есть о томъ, чьими услугами можно воспользоваться для намѣченнаго плана? Я назвалъ вице-канцлеру лицъ, собственноручно намѣченныхъ коро-

the king had wrote down with his own hand in the blank column of my queries. He seemed to like them, and noted them, so, I believe, it will be proper for me to sound my friends at Stockholm, as I shall do next post, to know, whether he will care to settle a correspondence with me, and the other friend — undertake the business, if supported properly?

Secondly, his excellency hinted at his surprise at an appearance of the intimacy and friendship there was between m-r Burnaby and m-r Sparre; the count would have had me believed, that this did not come from m-r Bestuchef, though I know from other hands, that he complained of it. I answered, that, as that minister was a new man, who had contracted no old friendship, his business was to frequent the people he found on the spot in power, though I was persuaded that he knew m-r Sparre's character too well to be his dupe.

Thirdly, count Osterman then took notice of the late king of Prussia's death, and how happy His Majesty's journey to Hanover might prove by giving His Majesty an opportunity of setting things right with the new court of Berlin, and establishing a good harmony and correspondence with the young king of Prussia, whose power would be always useful, and whose personal character more depended on. Your lordship will be surprised at this conversation from so good a prussian, as count Osterman has been

---

лемъ въ отвѣтахъ на мои вопросы. Графу, кажется, имена эти пришлись по душѣ и онъ записалъ ихъ, такъ что мнѣ, полагаю, умѣстно будетъ поразспросить моихъ друзей въ Стокгольмѣ (я и намѣренъ сдѣлать это съ слѣдующей почтой) — возьмутся-ли они, одинъ — установить корреспонденцію со мною, другой-же — приняться за дѣло, если оно будетъ поддержано надлежащимъ образомъ.

Далѣе вице-канцлеръ намекнулъ, что его удивляетъ кажущаяся близость и дружба между Бернэби и Спаромъ. Графъ хотѣлъ увѣрить меня, что подозрѣнія эти возбуждены не Бестужевымъ, но изъ другихъ источниковъ я знаю, что подобныя жалобы шли отъ Бестужева. Я отвѣчалъ, что Бернэби, какъ человѣку новому, еще не имѣющему прочныхъ старыхъ связей, приходится, по обязанности, посѣщать лицъ, состоящихъ въ данную минуту у власти, но, что характеръ Спара, я увѣренъ, ему хорошо извѣстенъ и онъ играть съ собою Спару не дастъ.

Въ третьихъ — графъ Остерманъ упомянулъ о кончинѣ короля прусскаго и о томъ, на сколько поѣздка его величества въ Гановеръ можетъ оказаться своевременной, давъ ему возможность поставить дѣла съ новымъ берлинскимъ дворомъ на надлежащую ногу и установить доброе согласіе и доброе отношеніе съ молодымъ королемъ, сила котораго можетъ оказаться полезною и личному характеру котораго можно довѣрять болѣе, чѣмъ характеру его отца. Ваше превосходительство можетъ быть удивитесь такимъ рѣчамъ со стороны человѣка, который, какъ графъ Остер-

always. I replied, that I was sure the king, our master, would always shew the greatest inclination and seize with pleasure every opportunity of cultivating the strictest friendship with a prince of his present prussian majesty's merit, even though he had not been His Majesty's nephew.

Fourthly, as I had mentioned Copenhagen, his excellency said, that the Czarinna would neglect no opportunity of cultivating his danish majesty's friendship, but he seemed reserved on any doubts he might have on the king of Denmark's present conduct.

The persian ambassador is to have his audience of leave on monday, and m-r Mardefelt, the prussian envoy, is to notify the death of his late master and present new credentials from his present majesty on tuesday.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 13. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Hanover, June the 8th (19th) 1740.

. . . I have laid your letters before His Majesty, who was pleased to see the distinction that had been shewn you by the officers, both military and civil, of Her Czarish Majesty, in your passage through her territories.

The only point of business I have for you at present, is, to acquaint

---

манъ, былъ такъ преданъ Пруссіи. Я отвѣчалъ, что король, государь мой, всегда былъ склоненъ и всегда готовъ съ радостью воспользоваться каждымъ случаемъ поддержать тѣснѣйшую дружбу съ монархомъ столь достойнымъ, какъ нынѣшній прусскій король, если бы даже онъ и не былъ племянникомъ его величества.

Въ четвертыхъ, когда я упомянулъ о Копенгагенѣ, графъ замѣтилъ, что Царица не упускаетъ случая поддерживать дружбу съ его датскимъ величествомъ, но онъ, казалось, таитъ какія-то сомнѣнія по поводу настоящаго поведенія короля датскаго.

Персидскому послу назначена прощальная аудіенція на понедѣльникъ, а прусскій посланникъ Мардефельдъ во вторникъ заявитъ о кончинѣ покойнаго государя своего и представитъ вѣрительныя грамоты отъ молодаго короля.

№ 13, Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

Ганноверъ, 8-го іюня 1740 г. (19-го іюня н. ст.).

. . . Я предъявлялъ письма ваши королю. Ему пріятно было узнать о почестяхъ, съ которыми васъ встрѣчали русскія военныя и гражданскія власти при проѣздѣ вашемъ владѣніями ея царскаго величества.

Имѣю сдѣлать вамъ только одно дѣловое сообщеніе: недавно его величество вы-

you, that as the king has lately imported a quantity of corn, for the use of this country, from Livonia, by Lubeck, that is now informed that the exportation from thence is forbid, His Majesty would have you endeavour to prevail on the Czarinna's ministers to obtain that princess's consent, if it can be given without any essential prejudice to that country itself, that the king may have liberty to export corn from Livonia, as before, which His Majesty will acknowledge as a singular mark of complaisance and friendship on the part of the Czarinna.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 83).

№ 14. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, June the 10th 1740.

In my last of the 7th instant I informed your lordship that I was to have my first audience of the Czarinna the next day, and that the duke of Courland had offered me his equipages for that ceremony. But after I had sent my letters to the post, saturday evening, I received a message from count Osterman to inform me that Her Majesty, hearing that my equipage was not yet arrived, would do me the honour to send one of her coaches and six to carry me to court the next day, upon which I immediately sent to the duke of Courland's marshal to let him know this, and that I should not

---

писалъ сюда извѣстное количество хлѣба изъ Ливоніи черезъ Любекъ; теперь же его увѣдомляютъ, будто вывозъ хлѣба оттуда запрещенъ. Постарайтесь черезъ русскихъ министровъ получить для короля разрѣшеніе Царицы на вывозъ хлѣба изъ Ливоніи на прежнихъ основаніяхъ, если только оно можетъ быть дано безъ существеннаго ущерба для самой Россіи. Такое разрѣшеніе его величество призналъ бы знакомъ особеннаго вниманія и дружескаго расположенія со стороны Государыни.

№ 14. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 10-го іюня 1740 г. (21-го іюня н. ст.).

Въ послѣднемъ донесеніи своемъ отъ 7-го іюня я писалъ вашему превосходительству о предстоявшей мнѣ на слѣдующій день аудіенціи у Ея Величества и о томъ, что герцогъ курляндскій предложилъ мнѣ свой экипажъ для этой церемоніи. Но едва успѣлъ я отправить свою корреспонденцію на почту, въ субботу же вечеромъ явился ко мнѣ посланный отъ графа Остермана: Ея Величество, услыхавъ, что мои экипажи еще не прибыли, дѣлаетъ мнѣ честь прислать собственную карету шестерней для препровожденія меня во дворецъ на слѣдующій день. Я немедленно послалъ

have any occasion for his highness's equipages. Sunday morning, at eleven, a coach of the Czarinna's with six horses, an equerry, four grooms on horseback, two on foot, who walked by the polenders, and two footmen, came to my door, in which I went, m-rs Burrish and Bell following in a coach m-r Wolfe lends me till mine arrive. I was received at the coach-door by a gentleman of the court (the guards resting on their arms) and conducted by him through the garden to the Czarinna's apartment, at the first door of which the marshal of the court and two chambellans received and conducted me to the antichamber, where the grand marshal count Lewenwolde made me a compliment from the Czarinna and desired me to repose myself till Her Majesty was seated on her throne, and his excellency came out a second time to know to which of the princesses I would go to first after my audience of Her Majesty, insinuating at the same time that the princess Anne was lodged in the same house, and the princess Elizabeth in another at a little distance. I easily found that the meaning of this was that I should go first to the nearest, but as the princess Elizabeth has the rank, I thought that it was by no means my business to decide on this affair or to pretend either to settle or make any alterations in things of that kind. I told him so, and that I should go to that princess I was carried to, without asking beforehand which of them it was. I was then introduced by the grandmarshal to Her Majesty sitting on the throne, the duke of Courland,

---

извѣстить объ этомъ гофмейстера герцога курляндскаго, прибавивъ, что, слѣдовательно, экипажи его свѣтлости мнѣ не потребуются. Въ воскресенье поутру, въ одиннадцать часовъ, царская карета, запряженная шестернею цугомъ съ конюхомъ, четырьмя форрейторами, двумя гайдуками у поводьевъ и двумя скороходами, подъѣхала къ моему подъѣзду. Въ ней я отправился. Бурришъ и Белль слѣдовали за мною въ каретѣ, которою снабдилъ меня Вольфъ, пока не прибудутъ мои экипажи. У дворца, у самой дверцы моей кареты, встрѣтилъ меня одинъ изъ камеръ-юнкеровъ (стража стояла подъ ружьемъ) и провелъ черезъ садъ къ царскимъ аппартаментамъ. Здѣсь, при самомъ входѣ, приняли меня гофмейстеръ съ двумя каммергерами и проводили до прихожей, гдѣ оберъ-гофмаршалъ, графъ Левенвольде, привѣтствовалъ меня отъ имени Царицы и пригласилъ отдохнуть, пока Ея Величество возсядетъ на тронъ. Затѣмъ графъ вышелъ ко мнѣ вторично освѣдомиться которой изъ принцессъ я желаю представиться первой послѣ аудіенціи, замѣтивъ притомъ, что принцесса Анна Леопольдовна живетъ въ томъ же дворцѣ, а великая княжна Елизавета Петровна — въ другомъ, на нѣкоторомъ разстояніи. Я легко понялъ намекъ: желали, чтобы я представился сперва принцессѣ, живущей ближе къ Государынѣ, но старшинство принадлежитъ великой княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Я смекнулъ, что рѣшеніе предложеннаго вопроса никакъ меня не касается, что мнѣ тѣмъ менѣе

as grand-chambellan, on the right hand, and the prince of Hesse-Homburg on the left; the ladies of the court and town, the last by order, and all in robe de cour, what I think we call stiff-bodied gowns, all the generals etc., and the foreign ministers, except the french ambassador, being present. I then made my compliments to the Czarinna, the privy counsellor Munich, brother to the field-marshal, answering from Her Majesty to every part of it, for count Osterman, whom I had consulted upon it, had also desired a copy beforehand, that it might be translated for Her Majesty. This obliges me to transmit one also to your lordship, for otherwise I should not have thought anything of mine of that sort worth troubling you with. However as I am obliged to send this, I shall also add the compliments I made to the princess Anne (for I was carried to her next) and to the princess Elizabeth, for both whom m-r Munich answered, as well as that to the prince of Brunswick, who received me in his anti-chamber, would have given me the pass, and when we came into his room, would have had me set down, both which I executed. I also sent my compliment to the duke of Courland the first time I waited on him.

After all these audiences were over, I was reconducted home in the

---

удобно измѣнять установившійся на этотъ счетъ порядокъ, потому отвѣчалъ, что отправлюсь сначала къ той изъ великихъ княженъ, къ которой меня поведутъ, не спрашивая предварительно куда попаду. Затѣмъ оберъ-гофмейстеръ ввелъ меня къ Ея Величеству. Она возсѣдала на тронѣ; герцогъ курляндскій, какъ оберъ-каммергеръ, стоялъ справа, слѣва — принцъ гессенъ-гомбургскій; тутъ же присутствовали придворныя дамы и горожанки, явившіяся по приказанію, всѣ въ придворныхъ костюмахъ, которые у насъ называются «жесткими платьями», генералитетъ и проч. а также представители всѣхъ иностранныхъ государствъ, кромѣ французскаго посла. Я произнесъ свое привѣтствіе Царицѣ, на каждую часть котораго отъ имени Государыни отвѣчалъ тайный совѣтникъ Минихъ, братъ фельдмаршала. Графъ Остерманъ, съ которымъ я совѣтовался по поводу этого привѣтствія, пожелалъ получить отъ меня заблаговременно копію съ него, дабы оно могло быть переведено для Ея Величества. Потому считаю долгомъ препроводить текстъ этого привѣтствія и вашему превосходительству, иначе я не позволилъ бы безпокоить васъ сообщеніемъ своихъ рѣчей. А разъ посылаю эти строки, прилагаю и привѣтствія, сказанныя мною принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ (къ ней провели меня къ первой), великой княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ (за нихъ обѣихъ отвѣчалъ тоже Минихъ), а также и принцу брауншвейгскому, который встрѣтилъ меня въ прихожей, предлагалъ мнѣ пройти впередъ, а когда мы пришли въ его комнату, — пригласилъ сѣсть, что я и исполнилъ. Я высказалъ привѣтствіе и герцогу курляндскому при первомъ же своемъ къ нему посѣщеніи.

Когда всѣ эти аудіенціи окончились, я отправился обратно домой въ той

Czarinna's coach and gave the equerry fifty ducats to distribute among the servants.

But I should first mention that, after my audiences were over of Her Majesty and the two princesses, I kissed their hands, and m-r Burrish did the same upon my presenting him as an english gentleman, who was come with me.

At my return from these audiences I received a message, that the duchess of Courland and that family would also give me audiences the same afternoon between three and four, upon which I desired the duke's coach, which was sent, as before, with a pair of horses, two grooms on horseback and two footmen and I gave them thirty ducats. I had however audiences only of the duchess and young princess, the hereditary prince dining abroad at his uncle's with the turkish seraskier and aga, who are returning home after their prison. I presented m-r Burrish there also, and we both kissed their hands, a compliment all the other foreign ministers pay them, and which, I hope, will not be disapproved since it can never be pretended on the same footing, nor wants any convention or reverse about it.

From these audiences I went to court, it being a drawing room night, and I had the honour to play at cards with the princess Anne, general Botta

---

же царской каретѣ, при чемъ далъ конюху пятьдесятъ дукатовъ для раздачи слугамъ...

Но прежде еще слѣдуетъ упомянуть, что, по окончаніи аудіенцій, я поцѣловалъ руки Царицѣ и обѣимъ великимъ княжнамъ. Тоже сдѣлалъ и Burrишъ, когда я представилъ его въ качествѣ англійскаго дворянина, мнѣ сопутствующаго.

При возвращеніи моемъ домой, я получилъ извѣщеніе, что герцогиня курляндская и ея семья также желаютъ принять меня въ аудіенціи въ тотъ же день между тремя и четырьмя часами. Я выразилъ желаніе воспользоваться герцогскимъ экипажемъ, который и былъ присланъ мнѣ опять съ тѣмъ же количествомъ лошадей, съ двумя форрейторами и двумя гайдуками. Я далъ имъ тридцать дукатовъ. На аудіенціи присутствовали, однако, только герцогиня съ дочерью, наслѣдный же принцъ обѣдалъ въ этотъ день внѣ дома, у одного изъ дядей, съ сераскиромъ очаковскимъ и агою, которые возвращаются послѣ плѣна на родину. Бурриша я представилъ и герцогинѣ, и оба мы поцѣловали ея руку, какъ дѣлаютъ здѣсь всѣ представители иностранныхъ дворовъ. Полагаю, что это не вызоветъ неудовольствія, такъ какъ претендовать на постоянное сохраненіе такого обычая нельзя, никакой конвенціи или реверса по этому поводу не существуетъ.

Послѣ всѣхъ аудіенцій, я еще отправился ко двору, гдѣ въ тотъ вечеръ было собраніе. Тутъ я имѣлъ честь играть въ карты съ принцессой Анной Леопольдовной, генераломъ Ботта, и какою-то дамой, приглашенной къ партіи принцессы. Партію ве-

and another lady making the party; the prince of Brunswick, the french ambassador and another lady making that of the princess Elizabeth.

The same evening I received a compliment from the field-marshal de Munich with an excuse, as his adjutant said, that his excellency's indisposition prevented his waiting on me, and with an offer of the use of his equipages or anything else in his house till mine was arrived. Though I returned him my thanks for this great civility, yet I declined making use of it, upon which he repeated again yesterday the same offer by a second message, and I have a second time declined it.

The adjutant was scarce out of my house before I received a compliment from prince Kurakin, who lives next door to me, that if he should not be troublesome, he and the princess would make me a visit. The princess, I thought, was a mistake, and therefore answered that he would do me a great deal of honour, but my servants looking out of the window, saw the princess also coming out of her house with the prince, upon which I had just time to run down out of the house and to desire to let me have the honour to reconduct her home, and, according to my duty, make her the first visit, adding that I thought my servants had been either mistaken or mad when they mentioned her name, but that I thought now she must be

---

ликой княжны Елизаветы Петровны составляли принцъ брауншвейгскій, французскій посолъ и дама, приглашенная для партіи ея высочества.

Въ тотъ же вечеръ я получилъ привѣтствіе отъ фельдмаршала Миниха съ извиненіемъ, что его превосходительство, по нездоровью—какъ увѣрялъ адъютантъ его—не можетъ посѣтить меня лично, и съ предложеніемъ пользоваться его экипажами и вообще чѣмъ понадобится въ его домѣ, пока я не устроюсь. Я поблагодарилъ его за любезность, но отказался воспользоваться ею. Вчера онъ снова повторилъ то-же предложеніе съ новымъ посланнымъ, но я опять отклонилъ его.

Едва успѣлъ уйти отъ меня адъютантъ фельдмаршала, какъ я получилъ привѣтствіе отъ князя Куракина, живущаго рядомъ со мною. Онъ спрашивалъ, не обезпокоитъ ли меня посѣщеніе его и его супруги? Я полагалъ, что о княгинѣ посланный упомянулъ по ошибкѣ; тѣмъ не менѣе отвѣтилъ, что посѣщеніе высокихъ сосѣдей приму за большую честь. Однако слуги мои, заглянувъ въ окошко, увидали, что княгиня дѣйствительно выходитъ изъ дому вмѣстѣ съ княземъ. Я едва успѣлъ выбѣжать изъ дому и просить княгиню возвратиться домой, такъ какъ я считаю долгомъ сдѣлать ей первый визитъ, прибавивъ, что счелъ своихъ слугъ сумасшедшими или во всякомъ случаѣ введенными въ заблужденіе, когда они назвали ее, теперь же, видя, что слуги мои не ошиблись, полагаю, что она не въ своемъ умѣ. Княгиня засмѣялась, прибавивъ, что разъ заявивъ о своемъ намѣреніи посѣтить меня,

so, since they were not mistaken. She laughed, and said, that, since she had let me know that she would make me a visit, she designed to be as good as her word, so that I was forced to lead her up stairs, and after a quarter of an hour, in which the prince desired that we might live together like good neighbours, that I would command his house, as if it was my own, and that if I wanted any room either for my servants or horses, he had enough for both at my service (an offer which I shall with difficulty accept, though I shall be under an absolute necessity of doing it without I can join the house next to me in which the danish resident is at present, or find another in town, much larger than m-r Rondeau's, in which I am). I then conducted her home, and returned her visit.

Yesterday morning, whilst I was at the persian ambassador's audience of leave, the prince of Brunswick sent me colonel Heneberg to excuse his own not coming on account of the court's removing, as it did this afternoon, to Peterhoff; and that his highness would not fail to do it when the court returned from thence, which it will do next month for the princess Anne's laying in. I expressed a due sense of this honour, but desired his highness not to think of it.

As the persian ambassador has his audience yesterday morning, and there was a german comedy last night at court, I thought it absolutely

---

она хочетъ сдержать слово. Такъ я вынужденъ былъ проводить ее на верхъ. Князь высказалъ желаніе, чтобы мы жили въ добромъ сосѣдствѣ, предложилъ мнѣ распоряжаться въ его домѣ, какъ у себя, спросилъ не тѣсно ли мнѣ, не нуждаюсь ли я въ помѣщеніи для слугъ или лошадей, такъ какъ у него довольно мѣста и для тѣхъ и для другихъ. Предложеніе это принять очень затрудняюсь, хотя пожалуй вынужденъ буду принять его въ крайности, если мнѣ не удастся присоединить себѣ прилегающій домъ, гдѣ теперь живетъ датскій резидентъ, или найти въ городѣ другое помѣщеніе, много просторнѣе того, которое занималъ Рондо. Пробывъ у меня четверть часа, князь и княгиня удалились; я проводилъ княгиню и отдалъ ей визитъ.

Вчера поутру, пока я присутствовалъ на прощальной аудіенціи персидскаго посла, принцъ брауншвейгскій прислалъ ко мнѣ полковника Генеберга съ извиненіемъ, что самъ не успѣетъ побывать у меня за выѣздомъ двора въ Петергофъ (дворъ дѣйствительно и выѣхалъ туда сегодня послѣ полудня), и съ увѣреніемъ, что его высочество непремѣнно посѣтитъ меня по возвращеніи двора, вѣроятно въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ, вслѣдствіе беременности Анны Леопольдовны. Я выразилъ надлежащія чувства по поводу такой чести и просилъ его высочество не безпокоиться.

Такъ какъ вчера поутру происходила аудіенція персидскаго посла, а вечеромъ при дворѣ было нѣмецкое представленіе, я счелъ положительно необходимымъ при-

necessary to assist at the first because Her Majesty seemed to expect it of all the foreign ministers, and very proper not to neglect the last, because she takes that well also. This prevented my desiring an hour yesterday of the french ambassador to make him my first visit, because his excellency might have fixed one, which would have interfered with those of the court. However, as I went out early in the morning, I thought, that I might as well make a visit of civility to the other ministers who had been with me already and lay in my way, till I could have time to do it afterwards in more form and ceremony. I accordingly took them, as I found them: m-rs Bockhoff and Hocholster, the danish and imperial residents, m-rs Nolken, Keyserling, Suhm, Mardefelt and Swartz, the swedish, wolfenbuttel, saxon, prussian and dutch ministers. The last I did not find at home, and the prussian, on account of his late master's death (which he notified yesterday after dinner in a private audience), had not been with me; and at my return from the german comedy, I went between 8 and 9 at night to general Botta, who received me in his nightgown, and from thence to count Oginsky, the polish minister, who has taken leave, and who had been at my door after he had taken leave. At general Botta's I found m-r de la Chetardie, whom I told, that the ceremony of the persian audience in the morning and the comedy in the afternoon had prevented my desiring an hour of his excellency that

---

сутствовать на первой, такъ какъ Ея Величество расчитывала на присутствіе всего дипломатическаго корпуса, а также очень полезнымъ — явиться на спектакль, такъ какъ Государынѣ это пріятно. Это помѣшало мнѣ вчера просить французскаго посла о назначеніи часа, когда бы я могъ сдѣлать ему первый визитъ. Я опасался, какъ-бы его превосходительство не назначилъ мнѣ часа, совпадающаго съ часами, когда мнѣ нужно быть при дворѣ. Тѣмъ не менѣе, выѣхавъ изъ дому рано поутру, я счелъ удобнымъ сдѣлать изъ вѣжливости визиты прочимъ представителямъ иностранныхъ дворовъ, которые постоянно встрѣчаются со мною и живутъ по пути, пока не соберусь къ нимъ съ визитами болѣе формальными и церемонными. Такъ я заѣхалъ къ Бакгофу, Гохгульсту (резидентамъ датскому и императорскому), къ Нолькену, Кейзерлингу, Суму, Мардефельду и Шварцу (посланникамъ шведскому, вольфенбюттельскому, саксонскому, прусскому и голландскому). Послѣдняго я не засталъ дома, не засталъ и прусскаго посланника (которому въ тотъ-же день послѣ обѣда дана была частная аудіенція для оффиціальнаго заявленія о смерти покойнаго короля); а, возвращаясь со спектакля, часовъ въ 8—9 вечера, я заѣхалъ къ генералу Ботта, который принялъ меня въ вечернемъ нарядѣ, а отъ него еще къ графу Огинскому, посланнику польскому, который уже откланялся при дворѣ, а послѣ того былъ у меня. У генерала Ботты я засталъ маркиза де ла Шетарди, которому и сказалъ, что аудіенція персидскаго посла поутру, а затѣмъ вечерній спектакль не позволили мнѣ освѣ-

day, which however I should not fail to ask this morning, that I might make my first visit of ceremony to his excellency (he seemed to bow, but answered nothing); accordingly I sent this morning m-r Bell between 8 and 9, and his excellency was pleased to honour me with the following answer, the words of which he desired m-r Bell to take particular notice of, and that he might do it, repeated them to him twice. They follow: «Je m'en vais vous dire: si m-r Finch, selon l'usage, m'avoit fait la visite avant les autres ministres, je l'aurois reçu avec grand plaisir et empressement, mais comme c'est déjà fait, cela ne dépend plus de moi» [1]).

I was, I own, a little surprised at this answer notwithstanding the coolness I had remarked the evening before at general Botta's, whom I saw coming across the river this morning to m-r Hocholster in his barge, and therefore desired him to step up, having a word to say to him. He did so, and the first thing he said to me, was, that he had been edified with the compliment and excuse I had made the evening before at his house to m-r de la Chetardie. I replied, that at least his excellency had not been so, since he had returned me the answer this morning, which I related to him. He seemed surprised at it, and then made me recollect another civility I had shewn the french ambassador the sunday evening after court, when we were both going out together. The duke of Courland's coach and the

---

домиться о часѣ, когда его превосходительство могъ бы принять меня въ тотъ день; но сегодня же поутру поспѣшу послать къ нему съ вопросомъ—когда могу явиться съ первымъ оффиціальнымъ визитомъ. Маркизъ какъ-бы поклонился, но не отвѣчалъ ни слова. Потому сегодня поутру между 8 и 9 часами я отправилъ къ нему Белля. Его превосходительству угодно было почтить меня слѣдующимъ отвѣтомъ, который онъ просилъ Белля запомнить въ точности, а потому повторилъ дважды: «Je m'en vais vous dire: Si M. Finch, selon l'usage, m'avoit fait la visite avant les autres ministres, je l'aurois reçu avec grand plaisir et empressement, mais comme c'est déjà fait, cela ne dépend plus de moi» [1]).

Не смотря на холодность, замѣченную мною въ поведеніи Шетарди наканунѣ вечеромъ у Ботты, отвѣтъ этотъ, признаюсь, нѣсколько удивилъ меня. Сегодня поутру я увидалъ, что Ботта переѣзжаетъ рѣку на своемъ катерѣ, направляясь къ Гохгульсту. Я просилъ его сойти на берегъ, такъ какъ имѣю переговорить съ нимъ. Онъ причалилъ и прямо сталъ говорить мнѣ, какъ удивился привѣту и извиненіямъ, высказаннымъ мною при немъ наканунѣ вечеромъ Шетарди. Я замѣтилъ, что мар-

---

1) «Вотъ что я скажу вамъ: если-бы г. Финчъ, какъ принято, посѣтилъ меня прежде другихъ представителей иностранныхъ дворовъ, я принялъ бы его съ большимъ удовольствіемъ и предупредительностью, но разъ другіе визиты имъ уже сдѣланы, — это отъ меня болѣе не зависитъ».

ambassador's being just together, the duke's coachman, notwithstanding my calling out: «halt, halt»! drove up first, and his highness's footmen opened the door for me, but I ordered the coach to drive round, that the ambassador's might come up. Indeed his excellency made some difficulty, but he acquiesced with more ease than might have been expected in return to my civility or out of regard to the duke of Courland's equipage and livery. But to proceed, after having consulted with general Botta, we agreed to send for m-r Suhm, who undertook to go immediately to m-r de la Chetardie, as from himself, and having heard in an accidental visit to me of his excellency's compliment, to make him recollect the two instances above of my regard for his character, and to explain to him, that I had unterstood my visits to other ministers yesterday to be only of friendship, and not from one minister to another, my intention having been to return all those visits in more form and ceremony after I had made my first to the ambassador. In the afternoon m-r Suhm came back to let me know, that the ambassador had but one difficulty on this explication, which was that he could not be properly acquainted with it from m-r Suhm, so that he hoped that I would have no difficulty in sending back m-r Bell to make this explication directly

---

князъ иначе взглянулъ на мои слова, такъ какъ сегодня прислалъ мнѣ такой-то отвѣтъ. Онъ, по видимому, изумился и напомнилъ мнѣ о другой любезности, оказанной мною французскому послу воскресенье вечеромъ при разъѣздѣ отъ двора, когда мы выходили вмѣстѣ. Кареты герцога курляндскаго и посла стояли вмѣстѣ. Герцогскій кучеръ, не обращая вниманія на мои крики: «Стой, стой!», подалъ первый, и гайдукъ его свѣтлости отворилъ мнѣ уже дверцу кареты, но я приказалъ кучеру объѣхать кругомъ, чтобы посолъ могъ отъѣхать первымъ. Его превосходительство нѣсколько помялся, но собственно принялъ оказанный ему почетъ развязнѣе, чѣмъ можно было ожидать въ отвѣтъ на мою любезность, а также во вниманіе къ экипажу и ливреѣ герцога курляндскаго. Какъ бы то ни было, по совѣщаніи съ генераломъ Ботта, мы рѣшили послать за Сумомъ, который взялся отправиться немедленно къ маркизу какъ бы отъ себя, и разсказать, что, случайно посѣтивъ меня, услыхалъ объ отвѣтѣ его превосходительства, и рѣшился напомнить ему два поступка мои, доказывающіе мое уваженіе къ посольскому сану, и пояснить, что на вчерашніе визиты свои къ прочимъ представителямъ дипломатическаго корпуса я глядѣлъ, какъ на простыя дружескія посѣщенія, а не какъ на привѣтствіе представителя одной державы представителю другой, что послѣ перваго визита къ послу, я намѣренъ еще разъ посѣтить тѣхъ же лицъ болѣе оффиціально и съ большими церемоніями. Послѣ полудня Сумъ возвратился ко мнѣ и разсказалъ, что Шетарди затрудняется только принять данныя разъясненія отъ Сума, и полагаетъ, что я не найду неудобнымъ послать снова Белля съ тѣми же разъясне-

to himself. As I neither seek, nor am fond of incidents in matters of ceremonial, with which I am so little acquainted, I immediately penned and shewed m-r Suhm the following message, which I proposed that m-r Bell should carry:

«M-r Finch me renvoye à votre excellence pour lui témoigner sa surprise de ce que votre excellence ait regardé des visites d'amitié qu'il fit hier à quelques ministres de sa connaissance comme des contre-visites de cérémonie de ministre à ministre, d'autant que le peu de façon et les heures de ces visites en déterminoient assez la nature. M-r Finch est bien aise de faire cette remarque à votre excellence pour éloigner tout équivoque».

And upon hearing from m-r Suhm, that the ambassador would be perfectly well satisfied with this compliment and that there would be an end of a very simple incident, to my way of thinking, who have not what m-r de la Chetardie calls his «tableau d'ambassadeur», I sent m-r Bell this night between 7 and 8, and received answer that the ambassador would be very glad of my visit whenever I would make him one, which I propose to do to-morrow. However, my lord, I thought it necessary to trouble you with the above account, of which at the beginning I could not guess the end; but this negotiation has taken up so much time, and been so often interrupted,

---

ніями къ нему непосредственно. Я не ищу столкновеній въ мало-знакомыхъ мнѣ дѣлахъ церемоніала, и не щекотливъ въ подобныхъ случаяхъ, потому тутъ же написалъ и показалъ Суму слѣдующія строки, которыя предложилъ отправить Шетарди съ Беллемъ:

«Г. Финчъ посылаетъ меня обратно къ вашему превосходительству заявить объ удивленіи своемъ по поводу того, какъ ваше превосходительство приняли дружескія посѣщенія его нѣсколькимъ знакомымъ представителямъ дипломатическаго корпуса за оффиціальные контръ-визиты посланника къ посланнику. Самая простота и часы этихъ посѣщеній достаточно опредѣляли ихъ характеръ. Г. Финчу очень пріятно заявить объ этомъ вашему превосходительству во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній».

Услыхавъ отъ Сума, что посолъ вполнѣ будетъ удовлетворенъ такимъ заявленіемъ, что такимъ образомъ положенъ будетъ конецъ инциденту, по моему мнѣнію очень простому, и вовсе не указывающему на мое желаніе «изобразить посла», какъ вообразилъ Шетарди,—я сегодня вечеромъ между 7 и 8 часами послалъ Белля къ маркизу, и получилъ въ отвѣтъ, что его превосходительству очень пріятно будетъ видѣть меня, когда бы я ни пріѣхалъ. Собираюсь къ нему завтра. Тѣмъ не менѣе, я счелъ нужнымъ донести вамъ объ эпизодѣ, конца котораго сначала предвидѣть не могъ. Переговоры по этому дѣлу отняли у меня такъ много времени, такъ отрывали

that it will be impossible to send a duplicate of this letter till next post to the duke of Newcastle.

General Keith arrived here last night and was to make his court this morning to Her Majesty, who received him very graciously, and made him a present of a handsome diamond sword and a gold medal. He was with me a moment this afternoon.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 15. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, June the 14th 1740.

My audiencies and visits, as well as count Osterman's business, prevented my seeing his excellency from the 5th to the 12th, and then he immediately spoke to me about the affair of the Sound-customs, upon which m-r Backhoff is continually plagueing him. He told me that Her Majesty had the finishing this matter much at heart, and hoped that expedients might be fallen upon to do it to the satisfaction of the king of Denmark, with the concurrence of the king and the States General; and that, as m-r Swartz had declared that he could take no step but in concert with me, our talking together and giving his excellency our thoughts upon it afterwards would

---

меня отъ занятій, что отправить дубликатъ этого письма герцогу ньюкестельскому мнѣ до слѣдующей почты невозможно.

Прошлою ночью сюда прибылъ генералъ Кейтъ и сегодня поутру являлся къ Ея Величеству. Она приняла его чрезвычайно милостиво и подарила ему прекрасную брилліантовую шпагу и золотую медаль. Онъ на минуту посѣтилъ меня сегодня послѣ полудня.

№ 15. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 14-го іюня 1740 г. (25-го іюня н. ст.).

Аудіенціи и визиты, а также занятія графа Остермана не позволили мнѣ повидаться съ нимъ между 5 и 12 текущаго мѣсяца. Затѣмъ онъ при первомъ же свиданіи заговорилъ со мною по дѣлу о зундскихъ пошлинахъ, которымъ Бакгофъ безпрестанно докучаетъ ему. Онъ замѣтилъ, что Ея Величество очень близко принимаетъ это дѣло къ сердцу и выразилъ надежду, что съ помощью короля и генеральныхъ штатовъ, найдется возможность уладить его къ удовольствію датскаго двора. Шварцъ заявилъ, что не можетъ сдѣлать шагу безъ соглашенія со мною, потому вице-канцлеръ просилъ меня переговорить съ Шварцемъ и сообщить наше общее мнѣніе по

very much oblige him, who had always (as he said) prayed to God to be delivered from the importunities of a man, who had but *one thing to sollicit*, meaning the danish minister.

I assured the count, that, as the king and the States had equally at heart to settle this matter, I would on my side lose no time to deliver his excellency from m-r Backhoff's importunities and that I hoped expedients might be fallen upon to terminate the danish complaints without aggrieving the english and dutch trade or clogging the russian exports; which might be the sooner done, if m-r Backhoff was authorized to do on his side what I did suppose the count himself might expect on account of the russian exports, and as a suitable return to that facility and deference all parties were inclined to have for what his danish majesty desired in so pressing a manner. But the count told me, as indeed I had found myself in conversation, that m-r Backhoff seemed very little authorized for this purpose. I shall however endeavour to talk with m-r Swartz to-morrow on this matter.

I took this opportunity to let drop to that minister, that he must be sensible by my credential to the Czarinna, that I was charged with a negotiation, which did appear in England, as I hoped it did here, to be of much more importance than the other. Count Osterman answered, that

---

этому поводу. Вы меня много обяжете, прибавилъ графъ; я постоянно молю Бога избавить меня отъ настояній человѣка, который *только объ одномъ и проситъ*. Онъ очевидно разумѣлъ датскаго резидента.

Я отвѣчалъ, что и король, и штаты равно желаютъ уладить это дѣло, потому я съ своей стороны, не теряя времени, постараюсь освободить его сіятельство отъ настояній Бакгофа, тѣмъ болѣе, что, надѣюсь, найдется возможность устранить жалобы датскаго двора безъ ущерба англійскимъ и голландскимъ купцамъ и вывозу русскихъ товаровъ. Найти эту возможность было бы легко, если бы Бакгофъ уполномоченъ былъ на уступки, которыхъ, вѣроятно, графъ и самъ желаетъ для русской вывозной торговли; онѣ составили бы только надлежащее возмездіе за снисхожденіе и вниманіе, проявленныя заинтересованными сторонами въ перемѣнѣ, которой его датское величество домогается съ такой настойчивостью. Графъ отвѣчалъ, что Бакгофъ, по видимому, далеко не имѣетъ надлежащихъ полномочій; да, по разговорамъ, я и самъ прихожу къ тому же убѣжденію. Постараюсь, впрочемъ, перетолковать завтра съ Шварцемъ по этому поводу.

Я воспользовался случаемъ намекнуть вице-канцлеру, что, на сколько онъ можетъ убѣдиться по вѣрительнымъ граматамъ, переданнымъ мною Царицѣ, на меня возложено порученіе, которому въ Англіи, да, надѣюсь, и здѣсь, придается большее значеніе, чѣмъ всякому другому. Графъ отвѣчалъ, что русскому правительству не-

they had one thing more here to finish with the Ottoman Porte (he meant the dimensions), so that I must make a second attack before I can form a sure judgement, whether the former dilatoriness will still subsist or give way to that dispatch, which I most certainly hope and the king seems to expect.

It will be my duty to inform your lordship of the continuation of the repeated favours and civilities I receive here, because I am sensible that they are shewn me out of consideration of the king I have the honour to serve:

When I went the 12th in the afternoon to make my court at Peterhoff, as soon as the duke of Courland saw me, he came up to me and introduced me to the Czarinna, who immediately came out of her apartment and carried me to the balcony in the great hall in order to shew me the situation of the place, which has all the beauties of a small prospect and the magnificence of a large one, looking at first on a very well disposed and as well planted a garden, adorned with fine waterworks, and from thence into the sea, where Cronstadt and the fleet are seen on one side and St. Petersburgh on the other, the yard lying in a canal at the bottom and inside of the garden. As the next day was that of St. John n. s., which is the name of the duke of Courland and observed as a gala, Her Majesty after have been

---

обходимо предварительно покончить еще одно дѣло съ портою (онъ, вѣроятно, разумѣетъ опредѣленіе границъ). Придется, слѣдовательно, повести еще вторую аттаку прежде, чѣмъ мнѣ удастся составить себѣ ясное понятіе, намѣрено ли русское правительство тянуть дѣло по прежнему, или его медлительность должна уступить поспѣшности, на которую я надѣюсь, и которой, по видимому, желаетъ король.

Считаю долгомъ своимъ увѣдомить ваше превосходительство о милостяхъ и любезности, которыя я здѣсь встрѣчаю, такъ какъ мнѣ оказываютъ ихъ, конечно, изъ уваженія къ королю, которому я имѣю честь служить:

12-го послѣ полудня я посѣтилъ дворъ въ Петергофѣ. Едва увидавъ меня, герцогъ курляндскій ввелъ меня къ Царицѣ, которая немедленно вышла изъ внутреннихъ аппартаментовъ, и пригласила меня на балконъ большаго зала, дабы показать мѣстность, обладающую и всѣми красотами небольшаго кругозора, и всѣмъ величіемъ обширнаго горизонта, такъ какъ дворецъ расположенъ на каналѣ въ глубинѣ сада, и глазамъ представляется сначала хорошо разбитый и хорошо засаженный садъ, украшенный изящными фонтанами, а далѣе — море, съ Кронштадтомъ и флотомъ съ одной стороны и Петербургомъ — съ другой. На слѣдующій день по новому стилю приходился Ивановъ день—день именинъ герцога курляндскаго, который празднуется при дворѣ; потому Ея Величество, весьма любезно поблагодаривъ меня за посѣщеніе

pleased to thank me very graciously for giving myself the trouble of going so far (for it is two or three and twenty english miles) and supposing that I should be there the next day, ordered the grand-marshal to ask me, if I would not stay there that night, which I excused, not being prepared for it; and the duchess of Courland proposed to me a party of cards, which she did, as she told general Keith, purely on my account, for otherwise she seldoms plays; and the princess Anne was already engaged.

Yesterday I was again at court and dined with the grand-marshal, and the day before having just mentioned to count Osterman that there was only the same guard of five men which m-r Rondeau formerly had, and has continued in his house ever since his death, his excellency answered, that it was an inadvertency, and that m-r Bell should have put him in mind of it. In effect, at my return I found the old guard relieved by a new one of a corporal and twelwe men, which is as many as my lord Forbes had, or, as I think, general Botta actually has. . . .

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 16. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, June the 17th 1740.

I received the 15th instant your lordship's dispatch of the 25th May

---

въ такой дали (Петергофъ находится въ 22—23 англійскихъ миляхъ отъ Петербурга), и предполагая, что я проведу въ Петергофѣ и слѣдующій день, приказала оберъ-гофмаршалу спросить, не пожелаю ли я переночевать во дворцѣ. Я извинился, такъ какъ не приготовился къ такому ночлегу. Герцогиня курляндская предложила мнѣ сыграть партію въ карты. Она увѣряла генералъ Кейта, что сдѣлала это исключительно изъ любезности ко мнѣ, такъ какъ играетъ рѣдко. Къ партіи приглашена была и принцесса Анна Леопольдовна.

Вчера я снова былъ при дворѣ и обѣдалъ у оберъ-гофмаршала. Только наканунѣ я замѣтилъ графу Остерману, что у Рондо, до самой его смерти, стоялъ караулъ изъ пяти человѣкъ, что такой же караулъ стоитъ теперь и у меня. Графъ отвѣчалъ, что это недосмотръ, и напрасно Белль не напомнилъ ему объ этомъ обстоятельствѣ. Дѣйствительно, возвратясь, я, вмѣсто прежняго караула, нашелъ новый, состоящій изъ капрала и двѣнадцати солдатъ, т. е. равный тому, которымъ пользовался лордъ Форбесъ и которымъ, кажется, въ настоящее время пользуется генералъ Ботта...

№ 16. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 17-го іюня 1740 г. (28-го іюня н. ст.).

13-го іюня я получилъ депешу вашего превосходительства изъ Гааги отъ 25-го

(5th June) from the Hague with the agreeable news of the king's being safely landed the morning before, upon which I congratulate your lordship as well as on your own recovery. The news we had the post before of your indisposition at Sheerness gave me a great deal of uneasiness.

Since my last of the 14th instant I have been looking over all the papers relating to the Sound-duties, which your lordship put into my hands just before I left England, and I would have seen count Osterman upon that affair yesterday, but his excellency, having taken physic, excused himself. Though it is not the king's design to make the lowering the Sound-duties on several goods exported from England and from hence (which both our Russia company and this court seem to think too high), as an absolute condition of His Majesty's consent to the alterations in the form of the passports here, which the king of Denmark presses so strongly, yet I imagine that what baron Sohlenthal insinuated in his memorial at London, and the danish ministry to m-r Titley on this head, as well as count Osterman's promises to m-r Rondeau of the good offices of this court to obtain an equitable diminution of duties, evidently overcharged on certain commodities, will have at least given the king reason to expect such a natural complaisance on the danish side in return to so great facility on his own in removing the danish complaints, so that it will be my duty to inform your lordship, that I find

---

мая (5-го іюня) съ пріятнымъ извѣстіемъ о благополучномъ пріѣздѣ короля наканунѣ, съ чѣмъ поздравляю васъ, также какъ и съ вашимъ выздоровленіемъ. Полученное съ предыдущей почтой извѣстіе о томъ, что вы заболѣли въ Ширнессѣ, очень встревожило меня.

Отправивъ вамъ донесеніе свое отъ 14-го іюня, я пересмотрѣлъ всѣ бумаги о зундской пошлинѣ, переданныя мнѣ вашимъ превосходительствомъ при самомъ отъѣздѣ моемъ изъ Англіи, а вчера думалъ повидаться по этому дѣлу съ графомъ Остерманомъ, но графъ извинился, что принять меня не можетъ, такъ какъ нездоровъ. Хотя король и не намѣренъ ставить пониженіе зундскихъ пошлинъ на всѣ товары, вывозимые изъ Англіи и изъ Россіи (пошлины эти и Россійской компаніей и русскимъ дворомъ признаются слишкомъ высокими) непремѣннымъ условіемъ своего согласія на измѣненіе формы русскихъ паспортовъ, котораго такъ домогается король датскій, полагаю, однако, что все высказанное по этому поводу въ меморіи, переданной въ Лондонѣ барономъ Золенталемъ, и датскими министрами — въ бесѣдахъ съ Тидлеемъ, а также обѣщанія графа Остермана Рондо касательно дружеской помощи русскаго двора по вопросу о пониженіи пошлинъ (несомнѣнно слишкомъ высокихъ для нѣкоторыхъ товаровъ) позволяютъ его величеству по крайней мѣрѣ надѣяться, что взамѣнъ готовности, съ которою Англія стремится удовлетворить желаніямъ датскаго двора, онъ со стороны Даніи встрѣтитъ естественную уступчивость; потому считаю долгомъ извѣ-

m-r Backhoff is neither authorised, nor instructed on this head, and all that I could learn from him yesterday, was, that he hoped that such sort of concessions, for so he called them, would follow of course, but that they must be sollicited at Copenhagen.

Upon the news the duke of Courland received sunday night by an estafette, that the king of Prussia was soon expected at Konigsberg to receive the homage of his subjects, his highness has dispatched thither this morning m-r de Keyserling, marshal of his court, to make that prince a compliment.

The marquis de Botta says that he is every day expecting his recall from this court and throws out, that, as it is not likely for him ever to return again to this northern part of the world, he should be glad to have the consent of his court to take Stockholm, Copenhagen and Hanover in his way home, purely out of curiosity; but I do not find as yet he begins to dispose of any part of his equipages, or to make any sort of disposition for his journey.

However there are people here, who are persuaded that he has actually his revocation in his pocket and who suspect, that he defers his departure to see a little what business I may be come on, and what success I may meet with. They also think, that, by his journey through Sweden, he may

---

стить ваше превосходительство, что Бакгофъ не снабженъ по этому дѣлу ни полномочіями, ни даже инструкціями. Вчера я могъ добиться отъ него только предположенія, что извѣстныя уступки (такъ онъ называетъ пониженіе пошлинъ) сдѣланы будутъ, но вмѣстѣ и заявленіе, что вести переговоры о нихъ надо въ Копенгагенѣ.

Герцогъ курляндскій, получивъ воскресенье вечеромъ эстафетъ съ извѣстіемъ, что король прусскій вскорѣ будетъ въ Кенигсбергѣ, дабы ознакомиться съ своими подданными, немедленно отправилъ туда своего гофмаршала, Кейзерлинга, привѣтствовать его величество.

Маркизъ Ботта говоритъ, будто со дня на день ожидаетъ отозванія отъ здѣшняго двора и прибавляетъ, что, не имѣя охоты когда либо возвратиться въ эти сѣверныя страны, онъ радъ будетъ получить отъ своего правительства разрѣшеніе посѣтить на возвратномъ пути въ Вѣну Стокгольмъ, Копенгагенъ, Гановеръ единственно изъ любопытства, но пока не видно, чтобы онъ дѣлалъ какія либо распоряженія касательно своего имущества или вообще, чтобы онъ какъ нибудь готовился къ отъѣзду.

Здѣсь, однако, многіе предполагаютъ, что отзывныя грамоты у него въ карманѣ, и подозрѣваютъ, не мѣшкаетъ ли онъ отъѣздомъ единственно, дабы присмотрѣться съ какимъ дѣломъ я пріѣхалъ сюда и на сколько моя миссія обѣщаетъ быть успѣшной. Думаютъ также, не надѣется ли онъ, на возвратномъ пути черезъ Шве-

hope to be charged with some healing schemes, in order to calm the animosities between the two courts, and bring about a reconciliation, but I have great reason to believe, that, on this side, he will find no inclination to charge him with any sort of commission of that nature or any, which may look like making advances or taking first steps, though most certainly the new ministry in Sweden would jump at such a bridge to retreat over, and such a pretext to extricate themselves out of their present difficulties.

As I find that it will be absolutely necessary for me to apply to the duke of Courland in order to spur on count Osterman in the negotiation I am charged with, I shall be impatient to hear from your lordship the king's sentiments on the saxon accession and separate articles, for, if that was relished, I would employ m-r Suhm very properly and usefully about his highness. To find anybody else would be difficult at present, but as I feel the necessity of such a one, I shall write to-day to m-r Munchhausen to see, if he cannot determine a secretary of m-r Sperck at the Hague, who is a perfect master of german and french, to come hither on a reasonable consideration, and whom I may trust and employ as an interpreter between the duke and me, till I can learn german enough not to want one, and which I shall endeavour to do notwithstanding the difficulties of it at my age.

пію, получить какое либо порученіе, направленное къ ослабленію взаимнаго нерасположенія дворовъ петербургскаго и стокгольмскаго и къ примиренію ихъ. Но я имѣю вѣскія основанія утверждать, что врядъ ли здѣсь расположены возложить на него какое либо порученіе такого рода или вообще порученіе, имѣющее видъ аванса, перваго шага, хотя, по всей вѣроятности, новое шведское министерство ухватилось бы за такой путь къ отступленію, за такой удобный поводъ выйти изъ настоящихъ затрудненій.

Такъ какъ мнѣ необходимо придется обратиться къ герцогу курляндскому, дабы подвинуть графа Остермана на переговоры, мнѣ порученные, съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ свѣдѣній, какъ король отнесется къ присоединенію Саксоніи и къ сепаратнымъ статьямъ, такъ какъ, разъ это дѣло будетъ улажено, мнѣ очень удобно и полезно воспользоваться Сумомъ для переговоровъ съ его свѣтлостью. Найти теперь же для этой цѣли другое лицо трудно, но такъ какъ оно мнѣ необходимо, сегодня же напишу Мюнхгаузену, не возьмется ли онъ склонить секретаря Шперка въ Гаагѣ на переѣздъ сюда на разумныхъ условіяхъ. Секретарь этотъ вполнѣ владѣетъ языками нѣмецкимъ и французскимъ; я могу положиться на него и употребить его переводчикомъ между мною и герцогомъ, пока не научусь по нѣмецки достаточно, чтобы обходиться безъ переводчика. Постараюсь научиться, хотя въ мои годы это и трудно.

It would be almost impossible to speak of every individual said to be under arrest in the present inquiries, which extend to almost every family and province. The nature of Wolinsky's scheme, the numbers engaged in it, the length of time it has been carrying on unsuspected, and at last discovered only by the accident of his falling into disgrace on an affair quite foreign to this design, shew such a general disposition in this country to return to its old state, and so thorough an aversion for all foreigners, that those who know both the Czarinna and duke of Courland better than I can pretend to do, observe a very remarkable thoughtfulness in both; for though to chop off the heads of the whole country may be an effectual remedy, yet it must appear a very violent one to the first, and, in case of an accident to the Czarinna, the situation of the last must appear, even to himself, a very nice and dangerous one.

The day before yesterday, four of the ambassador's servants, crossing over a canal to his house, the boat overset, and one of them, with the russ, who steered the boat, were drowned.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 17. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, June the 21st 1740.

The senate was yesterday assembled in an extraordinary manner, seve-

---

Писать обо всѣхъ, кого упоминаютъ въ числѣ заключенныхъ по настоящему слѣдствію, почти невозможно. Въ каждой семьѣ, въ каждой провинціи арестованъ кто нибудь. Характеръ преступленія Волынскаго, число лицъ, въ него запутанныхъ, долгое время, пока дѣйствія его оставались незаподозрѣнными, пока они, наконецъ, открылись, благодаря случайно разразившейся надъ нимъ немилости по дѣлу, почти чуждому его плановъ, — все указываетъ на такое общее тяготѣніе Россіи возвратиться къ старому быту и такую сплошную ненависть ко всѣмъ иностранцамъ, что всѣ знающіе Государыню и герцога курляндскаго лучше, чѣмъ могу ихъ знать я, наблюдаютъ въ нихъ обоихъ очень замѣтную озабоченность. Снять головы всѣмъ русскимъ, конечно, средство весьма дѣйствительное противъ такого настроенія, но оно должно казаться Царицѣ крайне рѣшительнымъ; а случись что съ нею, положеніе герцога становится, даже въ его глазахъ вѣроятно, очень щекотливымъ и опаснымъ.

Третьяго дня четверо изъ слугъ французскаго посла переѣзжали каналъ къ его дому; лодка перевернулась и одинъ изъ слугъ, а также русскій перевозчикъ, утонули.

№ 17. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 21-го іюня 1740 г. (2-го іюля н. ст.).

Вчера сенатъ собранъ былъ въ чрезвычайное засѣданіе. На то же засѣданіе

ral persons of distinction, not members of it, among the laity, and all the clergy of rank in the town and neighbourhood having been ordered to assist at that meeting, and a detachment of the guards drawn up before the house. As the same formalities were observed in the Dolgorucky's affair, the public presumes, that they now regard that of Wolinsky, in order to communicate to this assembly the discoveries, which have been made in the progress of that prisoner and his accomplices's examination. When the senate's deliberations and resolutions have been submitted to Her Majesty and confirmed by her, the sentence of those delinquents will be more particularly known, which at present will be easier to guess than at the number of those who, having shared in his crimes, will share in his fate also.

I was yesterday invited by the admiralty here, to see two prames launched there. They are not flat-bottomed, as those which I have seen in Sweden and Denmark, which carry four thirty-six pounders and sometimes heavier metal, for those they call here river-prames and of use only to defend the entry of a port; but these they call sea-prames, and can accompany either men-of-war or galleys. They measure 36 feet by the beam, 92 by the keel, burthen 630 tons, mount 18 twenty-four pounders, as many twelve pounders, carry two hundred men, and, when completely rigged and fitted out, draw 8 feet afore, and $8^1/_2$, at most 9 feet, abaft. I give your lord-

---

приказано было явиться также многимъ свѣтскимъ особамъ, не присутствующимъ въ сенатѣ, и всему высшему духовенству города и окрестностей. У зданія сената стоялъ отрядъ гвардіи. Тѣ же формальности соблюдались при дѣлѣ Долгорукихъ, потому полагаютъ, что этотъ разъ собраніе состоялось по дѣлу Волынскаго, и ему сдѣланъ докладъ обо всемъ, выяснившемся по слѣдствію надъ бывшимъ кабинетъ-министромъ и его сообщниками. Когда сужденія и постановленія сената будутъ доложены Ея Величеству и утверждены ею, приговоръ объявятъ во всѣхъ подробностяхъ. Угадать содержаніе этого приговора, впрочемъ, и теперь легче, чѣмъ опредѣлить число лицъ, причастныхъ къ преступленіямъ Волынскаго и долженствующихъ раздѣлить его участь.

Вчера я получилъ отъ здѣшняго адмиралтейства приглашеніе на спускъ двухъ баржъ. Онѣ не плоскодонны, какъ тѣ, которыя строятъ въ Швеціи и Даніи и которыя способны подымать по четыре тридцати шести фунтовыхъ орудія, а иногда и большія тяжести. Такія плоскодонныя баржи здѣсь называютъ рѣчными и считаютъ пригодными только для защиты входа въ гавань, свои же баржи русскіе называютъ морскими и признаютъ ихъ годными для сопровожденія военныхъ кораблей и галлеръ. Ихъ размѣръ—36 футъ въ ширину, 92 фута въ длину, вмѣстимость—630 тонъ; на нихъ помѣщается 18 двадцати-четырехъ фунтовыхъ орудій да столько же 12-ти фунтовыхъ, и двѣсти человѣкъ. При полномъ вооруженіи и снаряженіи онѣ сидятъ на 8 футъ впереди, и на $8^1/_2$, много на 9 футъ, сзади. Описываю ихъ вашему превос-

ship this description because it may be depended upon, and that these are the first of the kind, built by one Sutherland, an englishman, who has been here about three years, and his father is actually an officer in the king's yard at Sheerness.

Since I am upon this matter, I may add, that, upon an exact survey taken last winter, the fleet here consists of fifteen sail of men-of-war of different ranks and seven frigates in perfect repair, besides 12 to 14 sail more, which in case of necessity might be fit for service in these seas. Six new built ones more are expected this summer from Archangel. They have also 140 galleys, the timbers perfectly fresh and almost as good as new; in effect thirty of them are only two years old. They are actually building more besides an 80-gun ship, and two fifty to sixty guns, which will be put on the stocks here this summer, and two bomb-ketches almost ready to be launched. This is a very different state of the navy from what I had occasion to hear so often last summer.

The squadron at Cronstadt, consisting of the «Imperial Anne», a most magnificent and well built ship of 114 guns, 4 men-of-war and 2 frigates, are actually lying at their moorings there, taking in the necessaries for their short and no very distant cruize, in order to exercise the sailors.

ходительству, такъ какъ на сообщенныя мнѣ данныя можно положиться и такъ какъ это первый опытъ постройки судовъ такого рода. Строилъ ихъ нѣкто Сутерлэндъ— англичанинъ, проживающій здѣсь года три. Отецъ его въ настоящее время состоитъ офицеромъ королевской службы въ Ширнесѣ.

Разъ коснувшись морскаго дѣла, могу прибавить, что — согласно точнымъ спискамъ, составленнымъ прошлою зимою — русскій флотъ состоитъ изъ пятнадцати военныхъ кораблей разной величины и семи фрегатовъ въ отличномъ состояніи. Кромѣ того есть 12—14 судовъ, которые могутъ еще, при крайности, служить въ здѣшнихъ моряхъ. Лѣтомъ сюда ожидаютъ еще шесть кораблей, вновь построенныхъ въ Архангельскѣ. Есть еще 140 галлеръ. Дерево въ нихъ совершенно свѣжо и онѣ почти также хороши, какъ новыя. Тридцать изъ нихъ, впрочемъ, и выстроены только въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Вновь строятся: 80-ти пушечный корабль, два другихъ въ 50—60 пушекъ (они поставлены будутъ на стапели нынѣшнимъ лѣтомъ). Два бомбардирскихъ судна готовы къ спуску. Такое состояніе флота очень далеко отъ того, о которомъ мнѣ часто случалось слышать въ прошломъ году.

Кронштадтская эскадра, состоящая изъ великолѣпнаго и хорошо-построеннаго 114-ти пушечнаго корабля «Императрица Анна», четырехъ другихъ кораблей и двухъ фрегатовъ, стоитъ теперь на якоряхъ, готовясь къ непродолжительному и недальнему плаванью для упражненія матросовъ.

I was at count Osterman's this morning, and as m-r Backhoff had been there before me, solliciting *his one affair* of the Sound-customs and passports here, his excellency talked to me upon it, and seemed desirous of a sight of the tarif settled between the crowns of England and Denmark, in which, he believes, the unrated goods were fixed at one per cent duty; and that those from Russia must fall under this denomination (because in the swedes time they passed duty-free) and by consequence must now be liable to that one per cent only.

As I have not this tarif among my papers, if there is any such, his excellency would be glad that an authentic copy was transmitted to me, which might be useful in the present affair.

M-r Suhm, the saxon minister, having laid by, ever since the death of the late king of Prussia, in expectation of a letter from his present majesty, received one, as I am told, last post, upon which he was at Peterhoff thursday for the first time, where he had a long conference with the duke of Courland, and people begin to have a notion, that he will either be employed by his court at Berlin, or soon enter into the prussian service. . . .

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

Сегодня поутру я былъ у графа Остермана, а такъ какъ передо мной къ нему заѣзжалъ Бакгофъ съ «единственнымъ своимъ дѣломъ» о зундскихъ пошлинахъ и паспортахъ, графъ заговорилъ со мной объ этомъ дѣлѣ. Онъ, кажется, желалъ бы взглянуть тарифъ, условленный между Великобританіей и Даніей. Онъ того мнѣнія, что товары, въ немъ не поименованные, подлежатъ пошлинѣ въ 1% стоимости, а такъ какъ товары, идущіе изъ Россіи, какъ разъ подходятъ подъ эту рубрику, и они должны оплачиваться только однимъ процентомъ. Тѣ же товары во времена шведскаго владычества на Балтійскомъ побережьи пропускались безпошлинно).

Этого тарифа между моими бумагами нѣтъ. Разъ онъ существуетъ, вице-канцлеру очень пріятно будетъ, если его мнѣ доставятъ въ оффиціальной копіи, такъ какъ онъ очень можетъ пригодиться намъ въ настоящемъ дѣлѣ.

Саксонскій посланникъ Сумъ съ самаго дня кончины покойнаго короля прусскаго устранялся отъ дѣлъ, выжидая письма отъ новаго короля, и, какъ я слышалъ, получилъ его съ послѣднею почтой, въ четвергъ же впервые отправился въ Петергофъ, гдѣ долго совѣщался съ герцогомъ курляндскимъ. Начинаютъ поговаривать, будто онъ желаетъ или получить отъ своего двора назначеніе въ Берлинъ, или же вскорѣ перейдетъ въ прусскую службу. . .

№ 18. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Hanover, June the 22nd 1740.

I have received and laid before the king your letter of the 3rd June o. s. and am to acquaint you with His Majesty's approbation of the steps you had taken with regard to the ceremonial upon your first arrival, and that the king hopes you will soon have an opportunity of talking more explicitly and entering upon the subject of your commission with the duke of Courland and count Osterman.

I send you herewith His Majesty's notification of her royal highness the princess Marie's espousals and marriage with prince Frederick of Hesse for the Czarinna and the duke of Courland.

As the king's embellisher is at London, and consequently we have no way of getting the letter to Her Czarish Majesty illuminated, as usual here, and the sending it thither to be done would take up a great deal of time, the king has signed it in the same manner, as is used to other princes, and you have a copy inclosed, as well as of that, as of the letter to his highness, for your information. But lest there should be any complaint of a surprise in this alteration, you will, before you proceed to deliver the letter to the Cza-

---

№ 18. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Гановеръ, 22-го іюня 1740 г. (3-го іюля н. ст.).

Я получилъ и предъявилъ королю ваше донесеніе отъ 3-го іюня ст. ст. Его величество вполнѣ одобряетъ сдѣланное вами по церемоніалу при пріѣздѣ и надѣется, что вы вскорѣ найдете случай переговорить подробно и обстоятельно о предметѣ вашей миссіи съ герцогомъ курляндскимъ и съ графомъ Остерманомъ.

Прилагаю при семъ высочайшее заявленіе Царицѣ и герцогу курляндскому объ обрученіи и бракосочетаніи принцессы Маріи съ принцемъ Фридрихомъ гессенскимъ.

Такъ какъ лицо, занимающееся украшеніемъ королевскихъ грамотъ, находится въ Лондонѣ и мы не имѣли возможности изукрасить, по обычаю, письмо къ Ея Царскому Величеству, отправка же его для украшенія въ Лондонъ отняла бы слишкомъ много времени, король рѣшился подписать его въ томъ видѣ, какъ подписываетъ письма къ другимъ монархамъ. Прилагаю для васъ лично копіи какъ съ этого письма, такъ и съ письма его свѣтлости. Во избѣжаніе какого либо неудовольствія по поводу допущеннаго измѣненія во внѣшнемъ видѣ королевскаго заявленія, вы, однако, прежде чѣмъ

rinna, acquaint count Osterman with what is above, letting him know at the same time, that, if Her Czarish Majesty would rather choose to receive it in the common form of embellishment, you have orders to signify the same to me, and that another shall be prepared as soon as possible, there being no other intention in using this new way (which however is conformable to that in which the Czarinna commonly writes to the king) but to convey the notification of the said marriage so much the sooner to Her Czarish Majesty. And if you should find that no exception is taken to this plain method of correspondence, you may insinuate how much more convenient it would be to leave off entirely the old way of writing, which is used to no other christian prince, and to put it for the future upon the foot, which is established between His Majesty and all the other powers in this part of the world. I shall be glad to know how this proposal is tasted at your court, which, if approved, will save a great deal of time and trouble, and keep the contents of such letters as His Majesty may have from time to time to write to the Czarinna, in fewer hands.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33)

передать самое заявленіе Царицѣ, предувѣдомите графа Остермана обо всемъ вышеизложенномъ, прибавивъ, что въ случаѣ, если бы Ея Величеству пріятнѣе было получить то же заявленіе въ обычномъ изукрашенномъ видѣ, вамъ приказано извѣстить меня о ея желаніи, и при первой возможности мы изготовимъ другой экземпляръ. Допуская новую форму заявленія (въ этой формѣ, впрочемъ, Царица обыкновенно пишетъ королю), мы имѣли ввиду только желаніе скорѣе извѣстить Ея Величество о совершившемся бракѣ. Если же такой способъ переписки не встрѣтитъ никакихъ затрудненій, можете внушить графу, на сколько вообще было бы удобно оставить прежнюю форму переписки, которая въ сношеніяхъ съ христіанскими монархами вообще не употребляется, и усвоить въ сношеніяхъ съ Россіей форму, общепринятую для сношеній со всѣми европейскими дворами. Мнѣ очень пріятно было бы услыхать, что наше предложеніе по сердцу с.-петербугскому двору. Принявъ его, насъ избавятъ отъ значительной потери времени и многихъ хлопотъ, а—главное—содержаніе писемъ, которыя иногда королю приходится писать Ея Величеству, не придется довѣрять столькимъ лицамъ.

№ 19. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, June the 24th 1740.

After I had sent away my letters of the 21st inst., I received your lordship's dispatch of the 8th with the agreeable news of your arrival at Hanover, I hope in perfect health.

The marquis de Botta and myself were the only foreign ministers yesterday morning at Peterhoff to make our compliments to the young princess of Courland on her birthday. Such attentions please the duke as much on his side, as indeed I owe him them on mine, both in return for that great regard, which he always expresses for the king, as well as for the many marks of favour, with which his highness has honoured me since my arrival. And your lordship will see immediately, that I did not lose my journey. For, after I had acquainted the duke that His Majesty had been pleased to hear of the distinctions which had been shewn me at Riga, I informed his highness how much the king would be obliged, if the Czarinna would consent to His Majesty's continuing to export corn out of Livonia by the way of Lubeck for the use of his country.

The duke answered in the most obliging manner that he would immediately speak to the Czarinna about it, and, though such exportation was at pre-

---

№ 19. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 24-го іюня 1740 г. (5-го іюля н. ст.).

Отправивъ свое донесеніе отъ 21-го іюня, я получилъ ваше письмо отъ 8-го того же мѣсяца съ пріятнымъ извѣстіемъ о — надѣюсь благополучномъ — пріѣздѣ вашемъ въ Ганноверъ.

Вчера поутру въ Петергофъ съ поздравленіями по случаю дня рожденія молодой принцессы курляндской явились изъ представителей иностранныхъ дворовъ только маркизъ Ботта да я. Вниманіе наше было очень по сердцу герцогу. Я признался ему съ своей стороны, что счелъ долгомъ явиться какъ для того, чтобы отвѣтить на постоянно заявляемое имъ уваженіе къ королю, такъ и для того, чтобы поблагодарить его свѣтлость за вниманіе, оказываемое имъ мнѣ съ самаго дня моего пріѣзда. Ваше превосходительство сейчасъ убѣдитесь, что проѣхался я не по пустому. Передавъ герцогу, какъ его величеству пріятно было услыхать о почетѣ, оказанномъ мнѣ въ Ригѣ, я тутъ же высказалъ, что король былъ бы очень обязанъ Царицѣ, если бы она согласилась на дальнѣйшій вывозъ хлѣба изъ Лифляндіи черезъ Любекъ во владѣнія его величества.

Герцогъ чрезвычайно любезно отвѣчалъ, что немедленно переговоритъ объ этомъ съ Государыней. Хотя вывозъ хлѣба въ настоящее время запрещенъ, прибавилъ

sent prohibited, yet he was so well acquainted with Her Majesty's regard for the king, that he was sure, in case the king could not be otherwise provided in Livonia, that the Czarinna would let His Majesty have half of what was already laid up in her own magazines at Riga. Your lordship will easily believe I did not neglect returning thanks in the best manner I could, and I then asked the duke, if I might have his leave to inform the king this post of this obliging answer and the assurance he gave me. The duke said, that I might, because I might depend upon what he had promised.

Though I make use of the first person all along, yet I must inform your lordship, that by my misfortune of not speaking german (the want of which I find extremely here) I was forced to desire the marquis de Botta (for we two were alone with the duke) to be my interpreter on both these occasions, and upon my asking leave to inform the king this post of the duke's consent, m-r de Botta said laughing, that he could be witness to the promise, and the duke answered in the same way, that neither the marquis nor myself would ever want any witnesses to any promises he made us.

I hope, my lord, that this affair will succeed to the king's wishes (which however they would not care here to have public for fear of other sollicitations of the same kind, which would not be so readily granted), so that, if His Majesty will be pleased to signify to me what quantity his occa-

---

онъ, уваженіе Государыни къ его величеству мнѣ хорошо извѣстно; и если бы даже король затруднился добыть нужное ему количество хлѣба въ Ливоніи, Ея Величество уступитъ ему половину запасовъ изъ собственныхъ магазиновъ въ Ригѣ. Ваше превосходительство поймете, какъ я благодарилъ герцога. Затѣмъ я спросилъ его свѣтлость, разрѣшитъ ли онъ мнѣ съ этою же почтой увѣдомить короля о любезномъ его отвѣтѣ и его успокоительныхъ увѣреніяхъ. «Конечно», отвѣчалъ герцогъ. «Вы можете расчитывать на данное мною обѣщаніе».

Я для разговоровъ съ герцогомъ вообще пользуюсь кѣмъ придется; но считаю не лишнимъ извѣстить ваше превосходительство, что этотъ разъ, ввиду несчастнаго своего незнакомства съ нѣмецкимъ языкомъ (которое здѣсь чрезвычайно ощутительно), мнѣ пришлось пользоваться помощью маркиза Ботты, такъ какъ съ герцогомъ только и были онъ да я. Когда я просилъ позволенія написать королю объ обѣщаніи герцога, маркизъ, смѣясь, замѣтилъ, что можетъ быть свидѣтелемъ даннаго обѣщанія; его свѣтлость, также смѣясь, замѣтилъ, что ни маркизу, ни мнѣ никогда не понадобится свидѣтелей для подтвержденія его обѣщаній.

Надѣюсь, слѣдовательно, что это дѣло уладится согласно желанію короля (хотя здѣсь и постараются не давать ему огласки во избѣжаніе подобныхъ просьбъ съ другихъ сторонъ, удовлетворить которымъ такъ охотно не захотятъ); потому не угодно

sions may require, I shall endeavour to procure the necessary orders in form.

As the duke of Courland, when in his good humour and pleased, is more communicative in a quarter of an hour, than count Osterman in a quarter of a year, his highness told us, that the queen dowager of Prussia had prevailed on the new king to lay aside all thoughts of his intended journey to Paris, which, the duke said, he was heartily glad of. He next told us, that m-r Mardefelt, since his private audience, had, by order, in another, the day before, particularised to the Czarinna, with what pleasure his new master reflected on, on one hand, the alliance and good understanding which subsisted between his late father and Her Majesty, which he himself was firmly resolved to preserve, and perfectly disposed to carry still farther; that the Czarinna answered, that, though such assurances were very agreeable, yet she thought, that the engagements which actually subsisted were sufficient for their purposes and interest of the two states, which made marquis Botta and myself conclude that this court has a mind to see a little clearer into the system and conduct of his present prussian majesty. In the third place, his highness told us, that he had seen a letter, in the king of Prussia's own hand, which must have been either to m-r Mardefelt or, as we rather thought, to m-r Suhm (for he has received one, as I men-

---

ли будетъ его величеству определить, какое количество хлѣба ему потребно. Постараюсь добиться формальнаго распоряженія по этому поводу.

Герцогъ курляндскій, когда онъ въ духѣ и когда ему угодно, выскажетъ въ четверть часа болѣе, чѣмъ графъ Остерманъ въ четверть года; потому и этотъ разъ его свѣтлость разсказалъ намъ, будто вдовствующая королева убѣдила новаго короля прусскаго отказаться отъ предположеннаго путешествія въ Парижъ. Герцогъ сознается, что сердечно радъ этому. Онъ говорилъ также, что Мардефельдъ, послѣ частной аудіенціи, по приказанію изъ Берлина, испросилъ еще другую, которая и дана была ему наканунѣ нашего посѣщенія. На ней онъ высказалъ Царицѣ, съ какимъ удовольствіемъ новый государь его думаетъ о союзныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ, водворившихся между Россіей и Пруссіей при покойномъ отцѣ, какъ онъ самъ твердо рѣшился блюсти и еще значительно развить эти отношенія. Царица отвѣчала, что данныя увѣренія ей очень пріятны, но что она находитъ существующія отношенія вполнѣ соотвѣтствующими цѣлямъ и интересамъ обоихъ правительствъ. Изъ этихъ словъ маркизъ Ботта и я заключили, что русскій дворъ намѣренъ точнѣе приглядѣться къ системѣ и поведенію его прусскаго величества. Въ третьихъ герцогъ сообщилъ, что видѣлъ собственноручное письмо короля прусскаго, написанное или Мардефельду, или — какъ мы полагаемъ—скорѣе Суму (о полученіи имъ письма отъ короля прусскаго

tioned last post), in which there was the following expression: «make my compliments to m-r Chetardie, to whom, in my present situation, I cannot write»; for, while prince royal, he used to have a correspondence with that minister, which, we suppose, will now be dropped. In the last place the duke shewed us an orginal letter from marquis de la Mina to prince Cantemir, in which he informed him that his catholic majesty had named m-r de la Bene his minister plenipotentiary to this court, and that it was hoped, that the Czarinna would in return appoint another in the same character for the court of Madrid. The duke shaked his head, and said that there was some view in this, which he could not penetrate, and though, he added, that the spanish ambassador had desired prince Cantemir, that this design might not be public till a resolution to nominate a minister on this side was taken; yet, my lord, I believe, it will appear, that some overture must have been made previous to this letter, so that it will be very difficult for me to prevent the execution of this design, which however, as I am sensible that it cannot be, in the present juncture, agreeable to the king, I shall endeavour to clogg and retard.

When I was at Peterhoff yesterday, the duke of Courland did me the honour to talk to me of a project, proposed by one captain Elton and some

---

я извѣщалъ васъ въ послѣднемъ донесеніи), въ которомъ встрѣчается слѣдующее выраженіе: «Передайте мой привѣтъ Шетарди, которому, при существующихъ обстоятельствахъ, писать не могу». Будучи наслѣднымъ принцемъ, онъ переписывался съ Шетарди, но теперь эту переписку, полагаемъ, оставитъ. Наконецъ герцогъ показалъ намъ подлинное письмо маркиза де ла Мина князю Кантемиру, въ которомъ маркизъ увѣдомляетъ о назначеніи его католическимъ величествомъ де ла Бене полномочнымъ министромъ при здѣшнемъ дворѣ, въ надеждѣ, что и Царица, съ своей стороны, отправитъ своего представителя въ такомъ же званіи къ мадридскому двору. Герцогъ покачалъ головою, и замѣтилъ, что тутъ кроется что-то, чего онъ разгадать не умѣетъ. Онъ прибавилъ, что испанскій посолъ просилъ князя Кантемира сохранить назначеніе Бене въ тайнѣ, пока русское правительство не рѣшится отвѣтить назначеніемъ полномочнаго министра съ своей стороны. Подозрѣваю, не начаты ли были какіе либо переговоры съ Испаніей еще до этого письма. Если такъ, мнѣ очень трудно будетъ предупредить предположенный обмѣнъ дипломатическихъ сношеній; тѣмъ не менѣе, полагая, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, осуществленіе такого обмѣна не можетъ быть пріятно королю, постараюсь помѣшать ему или замедлить его на сколько возможно.

Вчера, въ бытность мою въ Петергофѣ, герцогъ курляндскій соблаговолилъ разсказать мнѣ о проектѣ, предложенномъ капитаномъ Эльтономъ и нѣсколькими

english merchants here, of setting on foot a trade through this country to Persia, which his highness thinks may be equally advantageous both to the english and russian dominions, and therefore seems disposed to encourage it. This capitain Elton made a trial the beginning of last year by Astrakhan over the Caspian sea to a place on the southern part of it, called Rescht, with a small cargo of english cloths. His returns were in persian raw silk, and he believes that great quantities of our cloths might be vended to the persians, but is in doubt whether the importation of silk from that country by St. Petersburgh might not interfere with the charter of the Turkey — company. However he is sollicíting here liberty to build a ship at Kazan for this trade, and I have desired him to give me a copy of what privileges he may ask here, as well as of the nature of the trade in every respect he proposes to carry on, which I shall transmit to your lordship, since people here are sanguine enough to think, that a new channel of trade may be opened for english manufactures and returns in raw silk be made to England 20 per. cent cheaper than heretofore.

M-r Hamilton, lord Archibald's son, who came here with general Keith, has obtained a lieutenant's commission, and the general is to place him in any regiment under his command in the Ukraine, for which province he proposes to set out very shortly.

англійскими купцами — установить торговлю черезъ Россію съ Персіей. По мнѣнію его свѣтлости, это можетъ быть равно выгодно какъ Великобританіи, такъ и Россіи, потому онъ расположенъ поддержать задуманное предпріятіе. Капитанъ Эльтонъ въ началѣ прошлаго года сдѣлалъ попытку водворить торговыя сношенія съ Персіей черезъ Астрахань, Каспійское море, в мѣстечко, расположенное на южномъ берегу этого моря —囚ештъ. Онъ привезъ небольшую партію англійскаго сукна, а вывезъ въ обмѣнъ персидскаго шелку-сырца и полагаетъ, что значительую часть нашихъ суконъ можно продавать персіанамъ, но сомнѣвается, не нарушитъ ли вывозъ сырца изъ Персіи черезъ Петербургъ правъ и привиллегій Англо-турецкой компаніи. Тѣмъ не менѣе онъ испрашиваетъ здѣсь разрѣшенія построить въ Казани корабль для этой торговли. Я просилъ капитана дать мнѣ копію — какихъ привиллегій онъ думаетъ домогаться въ Россіи, и вообще изложить — какого рода торговлю онъ думаетъ вести? Изложеніе это я перешлю вашему превосходительству. Здѣсь народъ на столько сангвиническій, что уже мечтаетъ о новомъ рынкѣ для англійскихъ произведеній и о вывозѣ сырца въ Англію на 20% дешевле, чѣмъ до сихъ поръ.

Гамильтонъ, сынъ лорда Арчибальда, прибывшій сюда съ генераломъ Кейтомъ, получилъ чинъ поручика, и генералъ намѣренъ зачислить его въ одинъ изъ полковъ, состоящихъ подъ его командой въ Украйнѣ. Онъ сбирается выѣхать туда въ самомъ непродолжительномъ времени.

I hear, that the Czarinna signed yesterday morning the sentence of the state-criminals, but how many are to suffer or in what manner, I cannot yet certainly hear, though it is said the execution will be this week and some think even to-morrow.

P. S. After I had signed the above dispatch to your lordship, and had left the duplicate to his grace the duke of Newcastle to be copied, and having time, I sent do desire an hour of count Osterman, that I might inform him, (as it is regular) of the king's desire about the exportation of corn from Livonia. His excellency talked to me in the same way the duke of Courland had done of the Czarinna's inclination to oblige the king on all occasions. He then touched a word on the prohibitions, the difficulties of breaking through a general rule, and the necessities of that country from the late hard winter and scarcity of corn. However, in order to remove all these, he added that it would be proper previously to know, what the merchant's name was who would be charged with this commission, and also the quantity desired; and that then things might be so turned, as to appear, that this corn had been contracted for before the prohibition and not bought and exported by a particular leave after that prohibition had taken place. As I believe, that those expedients will appear in themselves very natural, and at the same

---

Я слышалъ, что вчера Царица подписала приговоръ государственныхъ преступниковъ, но сколько лицъ пострадаетъ, еще не знаю, хотя увѣряютъ, будто казнь послѣдуетъ на этой же недѣлѣ; нѣкоторые говорятъ даже — завтра.

P. S. Эти страницы моего донесенія вашему превосходительству уже были подписаны, и я отдалъ переписывать дубликатъ для его свѣтлости герцога Ньюкестельскаго, когда, замѣтивъ, что до отхода почты еще остается нѣкоторое время, я послалъ спросить графа Остермана—не можетъ ли онъ принять меня? Я намѣревался (какъ принято) увѣдомить его о желаніи короля касательно вывоза хлѣба изъ Ливоніи. Графъ говорилъ со мною о расположеніи Царицы угодить королю при всякомъ удобномъ случаѣ въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и герцогъ курляндскій; однако затѣмъ замолвилъ слово о запрещеніи, о томъ, какъ трудно нарушать сдѣланныя общія постановленія, о нуждѣ народной, вызванной тяжкими условіями прошлой зимы, о недостаткѣ въ хлѣбѣ, и, для отвращенія затрудненій, пожелалъ, наконецъ, прежде, чѣмъ дѣлать какія либо распоряженія, — узнать имена купцовъ, черезъ которыхъ поведется закупка, и количество требуемаго хлѣба. Онъ думалъ повернуть дѣло, какъ-бы вывозимый хлѣбъ былъ законтрактованъ еще до запрещенія, скрывъ, что на вывозъ дано особое разрѣшеніе уже послѣ состоявшагося запрещенія. Такъ какъ эти соображенія кажутся мнѣ вполнѣ естественными и вполнѣ пригодными для облегченія же-

time very proper to facilitate the desired consent, I thought it my duty immediately to inform your lordship of them.

And very glad I should be, if I was not under an absolute necessity to do the same with another affair, in itself infinitely disagreeable to me. It relates to m-r Burnaby, and his conduct, in Sweden. Your lordship will have seen, what I was obliged to mention in a late letter about that gentleman, from count Osterman's hints, but this afternoon his excellency told me, without mincing or disguising the matter, that his intimacy with the ill disposed and his coolness to the well intentioned was so great, and his whole behaviour such, that all our friends declared, that not only they can have no confidence in him, but are much afraid he will betray and sacrifice them. I repeat his very words; he gives me leave this time to make use of his name, since prince Scherbatow will be wrote to this post on the same thing. His excellency added, that, after they had, on their side, without disguise, exposed the facts, they must submit it to His Majesty's decision, whether the continuance of such a person at Stockholm could be of any use in overturning the present ministry, supporting the old one, and regaining that country back to the ancient system, which are objects, he supposed, that His Majesty has at heart, as much as the Czarinna had them. That, as for himself, he always thought, that «qui vult finem vult media». Those

---

лаемаго вывоза, считаю долгомъ немедленно увѣдомить о нихъ ваше превосходительство.

Но я очень желалъ бы избавиться отъ того же долга по другому дѣлу, мнѣ чрезвычайно непріятному. Между тѣмъ написать о немъ совершенно необходимо. Рѣчь идетъ о поведеніи Бернэби въ Швеціи. Ваше превосходительство вспомните, что я уже разъ вынужденъ былъ писать о немъ вслѣдствіе намековъ графа Остермана, сегодня же послѣ обѣда графъ безъ смягченія, прямо высказалъ мнѣ, что сближеніе Бернэби съ неблагонамѣренной партіей и холодность его къ людямъ благонамѣреннымъ до того ясны, и все поведеніе его таково, что старые друзья наши не только заявляютъ о невозможности довѣрять ему, а прямо опасаются, какъ бы онъ не обманулъ, не предалъ ихъ. Я дословно повторяю сказанное вице-канцлеромъ; онъ этотъ разъ прямо позволилъ мнѣ сослаться на него, и намѣренъ былъ писать о томъ же князю Щербатову съ этою же почтой. Графъ прибавилъ, что, откровенно изложивъ факты, они предоставляютъ его величеству рѣшить, можетъ ли дальнѣйшее пребываніе въ Стокгольмѣ такого лица содѣйствовать ниспроверженію настоящаго министерства, поддержкѣ прежнихъ министровъ и возвращенію Швеціи къ прежней политикѣ? «Это», сказалъ вице-канцлеръ, «вопросы, которые, полагаю, близки сердцу его величества, также, какъ и намъ. Я съ своей стороны всегда полагалъ, что признающій цѣль признаетъ и средства». Таковы слова графа, и онъ конфиденціально сообщилъ мнѣ, что Ца-

were his words, and that, in consequence, he assured me, in the utmost confidence, that the Czarinna had destined a very round sum to be employed in that country, where nothing could be done without money, and even with the hazard of losing it; and that it would be actually in Sweden in a short time, so that if His Majesty designed anything of that sort, no time was to be lost, but that, if it was to pass through m-r Burnaby's hands, it would be of no service, since he could assure me, that none of our friends would dare to charge themselves the employment of any money, which either came from him or they suspected that he was apprised of. The count also said, that he was very well informed, that m-r Sanct-Severin since his return was labouring to bring about a coalition of parties, and that, to effect this, he would spare no pains nor expence, and that, if the french succeeded in this project, he left me to judge of the consequence. At last he ended by desiring me to make my report of what passed and to desire that, whatever resolution the king was pleased to take in this affair, that at least it may not be known, nor suspected, that these informations came from hence.

P. S. This postcript I cyphered myself, as m-r Burrish wrote them, but it will be impossible for to have a copy ready for the duke of Newcastle this post.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

рица определила очень почтенную сумму на расходы въ Швеціи, гдѣ ничего нельзя сдѣлать безъ денегъ, хотя бы и съ рискомъ истратить ихъ по-напрасну; что ассигнованная сумма скоро доставлена будетъ въ Швецію, и прибавилъ, что въ случаѣ, если его величество намѣренъ дѣйствовать такъ же съ своей стороны, времени терять нельзя; но деньги не принесутъ никакой пользы, если попадутъ въ руки Бернэби: ни одинъ изъ друзей нашихъ не осмѣлится принять на себя расходованіе денегъ, полученныхъ отъ него, или хотя бы денегъ, о передачѣ которыхъ онъ извѣщенъ. Графъ разсказывалъ мнѣ также, что изъ достовѣрныхъ источниковъ увѣдомленъ, будто Сен-Северенъ, по возвращеніи въ Стокгольмъ, старается составить коалицію партій, не жалѣя для этого ни трудовъ, ни расходовъ. Графъ предоставилъ мнѣ судить, какихъ послѣдствій можно ожидать въ случаѣ, если этотъ планъ удастся Франціи. Онъ закончилъ желаніемъ, чтобы обо всемъ слышанномъ я донесъ вашему превосходительству, и чтобы затѣмъ — какія бы рѣшенія король ни принялъ по этому дѣлу — никто не зналъ и не подозрѣвалъ, что сообщенія сдѣланы отсюда.

P. S. Всю приписку я шифровалъ самъ, пока Бурришъ писалъ ее; и все-таки мнѣ некогда было снять копіи для герцога ньюкестельскаго къ сегодняшей почтѣ.

№ 20. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Hannover, June 26th 1740.

I have received and laid before the king your letter of the 7th June o. s., * wherein His Majesty took notice of the discourse that passed between you and count Osterman, and has ordered me to acquaint you, in relation to the point of employing those means you mention in Sweden, that orders are already given for supplying m-r Burnaby with a considerable sum, to be applied, in concert with m-r Bestuchef and in equal proportion to his advances, towards securing a majority in the ensuing diet, and that m-r Burnaby has directions to consult with those very people in the distribution of it, who were named in the instructions given to you by the king.

As to that gentleman's supposed intimacy with m-r Sparre, you may venture to assure count Osterman, that there is no danger to be apprehended from it, as it appears by all his letters, that he is sufficiently acquainted with m-r Sparre's character and principles, and upon his guard against receiving any ill impressions from him.

You may likewise assure count Osterman, in answer to what he said to you concerning the king of Prussia, that His Majesty is extremely attentive to what passes in that quarter, and will neglect no opportunity of

---

№ 20. Лордъ Гаррингтонъ Эдуарду Финчу.

Гановеръ, 26-го іюня 1740 г. (7-го іюля н. ст.).

Я получилъ и предъявилъ королю донесеніе ваше отъ 7-го іюня ст. ст. * Въ немъ его величество обратилъ вниманіе на бесѣду вашу съ графомъ Остерманомъ и приказалъ мнѣ, касательно средствъ, которыя слѣдуетъ употребить въ Швеціи, увѣдомить васъ, что уже сдѣлано распоряженіе снабдить Бернэби значительной суммой для раздачи по соглашенію съ Бестужевымъ и въ размѣрахъ равныхъ съ его выдачами, съ цѣлью обезпечить большинство на предстоящемъ сеймѣ. Бернэби получилъ также инструкцію посовѣтоваться о ея распредѣленіи съ лицами, поименованными въ королевской инструкціи.

Что касается предполагаемой близости Бернэби съ Спаромъ, можете увѣрить графа Остермана, что ея опасаться нечего; такъ какъ, судя по всѣмъ письмамъ Бернэби, можно заключить, что онъ достаточно знакомъ съ характеромъ и мнѣніями Спара и держится на сторожѣ противъ его недобрыхъ внушеній.

Можете также увѣрить графа Остермана по отношенію къ словамъ его касательно короля прусскаго, что его величество чрезвычайно внимательно слѣдитъ за всѣмъ, происходящимъ въ Берлинѣ, и постарается извлечь всевозможную пользу изъ

making the best use of the favourable dispositions, which that young prince appears to be in at present.

With relation to Denmark, you will be able to give the count a right notion of the conduct and views of that court from the lights that were intrusted to you, whenever you see a fit occasion for doing it.

By your next letters the king will hope to see that you have entered upon the business of the treaty which you are intrusted to negotiate with that court[1]. *

I wrote to you before upon the business of the late prohibition of the exportation of corn from Livonia, and am now to send you a memorial, which has been put into my hands by the king's electoral ministry, upon the receipt of which you will immediately apply to the russian ministers to obtain leave for the sending to Lubeck the quantity of corn, which is therein mentioned to have been purchased upon His Majesty's account, which is so equitable a request, as the contract is affirmed to have been actually made before the publication of the prohibition, that the king cannot suppose there will be much difficulty made in allowing it, but, if you should meet with any opposition in it, you will make the strongest representations, and use your utmost endeavours to surmount it.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 83).

благопріятнаго настроенія, въ которомъ молодой монархъ теперь, по видимому, находится.

Что касается Даніи, вы при случаѣ можете освѣтить графу надлежащимъ образомъ поведеніе и замыслы датскаго двора, пользуясь данными вамъ разъясненіями.

Въ слѣдующихъ донесеніяхъ вашихъ король надѣется услыхать, что вы приступили къ порученнымъ вамъ переговорамъ о договорѣ съ русскимъ дворомъ.[1] *

Я уже писалъ вамъ по вопросу о запрещеніи вывоза хлѣба изъ Лифляндіи и посылаю при семъ меморію, врученную мнѣ курфюрстскимъ министерствомъ его величества. Получивъ ее, обратитесь немедленно къ русскимъ министрамъ съ просьбою разрѣшить отправку въ Любекъ количества хлѣба, упомянутаго въ меморіи, какъ долженствующее быть купленымъ за счетъ короля. Эта просьба вполнѣ основательна, такъ какъ контрактъ, по видимому, заключенъ былъ до обнародованія запрещенія; потому его величество полагаетъ, что затрудненій въ разрѣшеніи вывоза быть не можетъ. Если бы вы, однако, встрѣтили препятствія, настаивайте самымъ рѣшительнымъ образомъ, приложите всѣ старанія устранить ихъ.

---

1) Строки отъ * до * писаны шифромъ.

№ 21. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, June the 28th 1740.

Notwithstanding what I wrote to your lordship the 9th past (o. s.) from Koenigsberg, on the strength of m-r Villier's intelligence, that this court had the late treaty concluded between Sweden and the Porte in its possession, yet I thought it my duty both to mention and shew it to count Osterman, not so much by way of a communication, as a mark of the king's confidence and in order to introduce the other secret intelligence put in my hands. To the article of Denmark, his excellency said, that, as he was not perfectly well acquainted with m-r Schulin, nor his character, he could not pretend to say, whether the court of Denmark might or might not be treating with France, but that he could never believe, that the king could conceive any jealousy of the exorbitant power of Russia, as long as it did not desire to extend itself farther on the Baltic (for if ever that was the case, he believed, that even the maritime powers also might take umbrage) or that the court of Denmark would wish to see the conquered provinces returned to Sweden, which would only strengthen an old rival, and an uncertain successor, much less that the danes would concur in such a scheme, even with the bait of Livonia, which, he must be sensible, would not bear the ex-

---

№ 21. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 28-го іюня 1740 г. (9-го іюля н. ст.).

Хотя 9-го мая ст. ст. я и писалъ вашему превосходительству изъ Кенигсберга на основаніи данныхъ Вилльера, будто текстъ договора, заключеннаго между Швеціей и портой, находится въ рукахъ русскаго двора, я тѣмъ не менѣе счелъ своимъ долгомъ упомянуть объ этомъ договорѣ и показать его графу Остерману, не въ видѣ оффиціальнаго сообщенія, а какъ знакъ королевскаго довѣрія и съ цѣлью начать передачу секретныхъ данныхъ, предоставленныхъ въ мое распоряженіе. Касательно статьи о Даніи, графъ замѣтилъ, что Шулина и его характеръ онъ знаетъ недостаточно, потому не можетъ судить вѣроятны или невѣроятны переговоры датскаго правительства съ Франціей, однако никогда не повѣритъ, чтобы король могъ опасаться чрезвычайнаго могущества Россіи, пока она не выказываетъ намѣренія распространить свои владѣнія далѣе по Балтійскому побережью (графъ полагаетъ, что, задумай Россія что либо подобное, это встревожило бы даже морскія державы), или чтобы король желалъ возвращенія Швеціи присоединенныхъ отъ нея провинцій, такъ какъ такое возвращеніе только усилило бы старинняго врага, а неизвѣстному преемнику его сообщило бы силу много меньшую, чѣмъ могла бы пожелать Данія, даже если преемнику этому въ видѣ приманки обѣщана будетъ Лифляндія; нельзя не понять, что она не въ силахъ

pence of keeping it long, but that he had heard that a more natural and more advantageous offer had been made by France to Denmark; it was the remainder of the duchy of Saxe-Lauenburgh, and all the territories to the Elbe. Whether his excellency thought, that my news was calculated to instill apprehensions, and therefore had a mind to return the same, His Majesty's intelligence will best explain. As to the french offer of a subsidy to Denmark, he answered by questioning — whether France was not in the right to do her own business, and to do it in time, and then returned to his old proverb of the end and the means, that France employed the one to arrive at the other, and other powers should do the same; that if m-r Schulin was to be gained by one, was he not to be so by another. He then mentioned the queen of Denmark, her french inclinations and her ascendency over her husband, as well as the first of her courtiers over Her Majesty; that a m-r Cram, in the Wolfenbuttel service, was a relation of this lady, and had weight with her, that he might be usefully employed, and that he the count would make use of a canal he had (I suppose by some of the prince of Brunswick's people here) to employ him on this occasion, since it was sometimes necessary to plough with a heifer; that he thought, that

---

нести расходовъ на свое охраненіе. Вице-канцлеръ слышалъ, впрочемъ, будто Франція дѣлаетъ Даніи болѣе выгодныя предложенія, именно обѣщаетъ ей остатки герцогства Саксенъ-Лауенбургскаго и всѣ территоріи до Эльбы. Не полагалъ ли мой собесѣдникъ, что я стараюсь запугать его сообщенными ему новостями, внушить ему опасенія, и не разсчитывалъ ли, въ отвѣтъ, самъ запугать меня — это его величество разсудитъ лучше меня. Что же касается предложенныхъ Франціей субсидій датскому двору, графъ отвѣчалъ вопросомъ—развѣ Франція не вправѣ принимать свои мѣры и притомъ принимать ихъ своевременно? а затѣмъ возвратился къ излюбленной своей поговоркѣ о цѣляхъ и средствахъ: Франція-де, стремясь къ извѣстнымъ цѣлямъ, употребляетъ извѣстныя средства, предоставляя другимъ державамъ поступать такъ же. Если, прибавилъ онъ, Шулинъ подчиняется вліянію одной стороны, отчего же онъ не можетъ подчиниться и внушеніямъ другой. Онъ далѣе упомянулъ о симпатіяхъ къ Франціи, проявляемыхъ королевой датской, о ея вліяніи на мужа, и о вліяніи ближайшей статсъ-дамы королевы на ея величество; о томъ, что нѣкто Крамъ, состоящій на службѣ герцога вольфенбюттельскаго, сродни этой дамѣ и имѣетъ на нее вліяніе, что этимъ можно воспользоваться, что онъ — вице-канцлеръ — постарается повліять на Крама путями, состоящими въ его распоряженіи (вѣроятно черезъ кого нибудь изъ проживающихъ здѣсь приближенныхъ герцога брауншвейгскаго), такъ какъ иногда полезно бываетъ пахать и на телкѣ, что, по его мнѣнію, и родня, и сосѣди могутъ оказать

both relations and neighbours might furnish opportunities not to be neglected to see, what m-r Cram could do.

As to the swedish intelligence, his excellency said that whatever might have been the views of that country during the turkish war, they must be vastly altered after the conclusion of the peace, since Sweden must think Russia an over match now, as Russia thought her a very equal one even before; that he could never believe that Denmark would be brought to join with Sweden, for the reasons above, and as little, that the late king of Prussia could have been induced to do it either, since that prince knew very well that Russia could be his most useful ally, or, if she pleased, his most dangerous enemy, but however, that prince being dead, his system, whatever it might have been, would hardly now be pursued by the present king, and therefore the best reflection his excellency could make on the present situation of that court, was to recommend the cultivating the new king's friendship, since he passed for a prince, who might be depended on, as by his power he might be an useful ally. As to what related to Hesse Cassel, he said, since the marriage of a daughter of England, it was to be presumed that the king would have weight enough to thwart the french measures, especially if he threw in the same metal which France employed.

And when I mentioned the Cologne treaty, the count replied: «You tell

---

помощь, которою пренебрегать нельзя, дабы приглядѣться, что въ состояніи сдѣлать Крамъ.

Касательно сношеній съ Швеціей, графъ замѣтилъ, что каковы бы ни были замыслы Швеціи во время турецкой войны, они, вѣроятно, сильно измѣнились по заключеніи мира; Швеція должна признать теперь въ Россіи силу много ее превосходящую, такъ какъ и прежде Россія признавала ее вполнѣ себѣ равной; ввиду этого въ Стокгольмѣ не могутъ надѣяться, чтобы Данія дала склонить себя къ союзу съ Швеціей, какъ не рѣшался склониться къ подобному союзу покойный король прусскій, прекрасно понимавшій, что Россія для него самая полезная союзница, а — если онъ пожелаетъ — и самый опасный врагъ его. Кромѣ того онъ умеръ и еще вопросъ — будетъ-ли новый король держаться его системы, какова-бы она ни была; потому графу представляется наиболѣе удобнымъ при настоящемъ положеніи берлинскаго двора искать дружбы молодаго короля, на котораго, говорятъ, положиться можно, да который притомъ можетъ явиться и полезнымъ союзникомъ. По поводу Гессенъ-Касселя вице-канцлеръ сказалъ, что ввиду брака принца гессенскаго съ англійской принцессой, король, вѣроятно, окажется достаточно вліятельнымъ для низверженія французскихъ замысловъ, особенно если пуститъ въ ходъ тотъ-же металлъ, который употребляетъ въ дѣло и французское правительство.

Когда я упомянулъ о кельнскомъ договорѣ, графъ замѣтилъ: «Вы все указы-

me all which France does, but you do not say a word what you are doing to prevent her.»

This gave me an opportunity to let drop to his excellency, that, if I was not too much prejudiced in favour of the negotiation with which, he must be sensible, I was charged at this court, I could not help looking upon it as the corner stone and foundation upon which something entirely coinciding with his idea might be built, and when he mentioned to me what I reported last post relating to Sweden, I took that opportunity also to tell him, that a perfect union and concert between our two courts established upon a lasting and solid principle, would be the thing in the world, which would be the most conducive to the ruin of our enemies and the service of our friends in that country; but I must confess to your lordship that upon these side attacks his excellency has appeared to me to stand aloof.

Count Osterman did me the honour to send for me this morning at 11 and it was chiefly to tell me, that having reported to the Czarinna my sollicitation for leave for the king to export corn from Livonia by the way of Lubeck to his electoral dominions, Her Majesty would be glad by her consent to convince the king of her great regard for his person and no less desire to oblige him, but that this matter must be conducted in so secret a manner, as not to expose the Czarinna to the like demands from other powers,

---

ваете мнѣ на дѣйствія Франціи, но ни словомъ не упоминаете, что сами предпринимаете, дабы помѣшать ея дѣйствіямъ».

Это дало мнѣ случай намекнуть графу, что я быть можетъ и увлекаюсь значеніемъ переговоровъ, ради которыхъ, какъ ему должно быть извѣстно, прибылъ къ русскому двору, однако не могу не видѣть въ нихъ краеугольнаго камня и основанія, на которомъ должно воздвигнуться нѣчто, вполнѣ соотвѣтствующее его идеѣ. Точно также, когда вице-канцлеръ передавалъ мнѣ все, упомянутое мною въ послѣднемъ донесеніи своемъ касательно Швеціи, я воспользовался случаемъ высказать, что полное соглашеніе и союзъ дворовъ великобританскаго и русскаго, опираясь на прочномъ основаніи, будетъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ общихъ враговъ нашихъ, и лучшею поддержкой нашихъ друзей въ Швеціи. Долженъ, однако, сознаться вашему превосходительству, что когда аттака ведется съ этой стороны, вице-канцлеръ какъ-бы отсутствуетъ.

Графъ Остерманъ сегодня въ 11 часовъ присылалъ за мною, но главнымъ образомъ только, чтобы сказать, что Царица выслушала мою просьбу о разрѣшеніи королю вывоза хлѣба въ курфюршество изъ Ливоніи черезъ Любекъ, рада согласіемъ своимъ доказать его величеству чрезвычайное уваженіе свое къ его особѣ и свое желаніе сдѣлать ему пріятное, но что дѣло это слѣдуетъ сдѣлать секретно, дабы не подвергать Государыню подобнымъ просьбамъ со стороны другихъ державъ,

and particularly from the swedes, who by stipulation have a right to export so much corn yearly, except only in a general prohibition founded on the domestic necessities of this country, and that therefore it would be well that the exportation appeared to be of corn contracted for before the prohibition, rather than of any quantity bought up after it; and that for this reason he would have had me given commission to the m-r Shiffner and Wolfe's house to have bought up corn for this service, but I told him that as I neither knew the sorts, nor the quantities, it would be difficult for me to take it upon me; but that I hoped to have His Majesty further orders in a post or two, and that I hoped, that, though these orders should not come sooner than the answer to my last or even to this letter, that would break no squares.

The count talked of a round quantity of about two thousand lasts, which would make, according to my information here, about two thousand quarters at eight bushels english pr. quarter. I am expecting the king's farther orders, and must not forget in the mean time to report that the count said that the king, in case of necessity, should be furnished out of the Czarinna's magazines, but I suppose that the accepting so obliging an offer will be determined by absolute necessity.

The marquis de Botta has received since my last letters of revocation. I do not hear that anybody is yet named to succeed him, though he talks of

---

особенно со стороны Швеціи, которая, по договору, имѣетъ право вывозить ежегодно опредѣленное количество хлѣба изъ Россіи, если только вывозъ не запрещенъ вообще вслѣдствіе потребности въ хлѣбѣ для самой Россіи. Потому хорошо было бы обставить вывозъ такъ, будто вывозится хлѣбъ, законтрактованный до запрещенія. Съ этой цѣлью графъ предлагалъ мнѣ дать надлежащее порученіе на закупку хлѣба фирмѣ Шифнера и Вольфа. Я отвѣчалъ, что не знаю ни какіе сорта хлѣба нужны, ни сколько его нужно, потому затрудняюсь такимъ заказомъ, но что надѣюсь съ одной изъ ближайшихъ почтъ получить дальнѣйшія приказанія его величества и, хотя приказанія эти, вѣроятно, придутъ не раньше отвѣта на послѣднее, даже не раньше отвѣта на настоящее мое донесеніе, ожиданіе ихъ, вѣроятно, не нарушитъ порядка.

Графъ говорилъ о вывозѣ круглымъ числомъ приблизительно двухъ тысячъ ластъ, что—по собраннымъ мною справкамъ—составитъ около двухъ тысячъ квартеровъ по восьми англійскихъ бушелей въ квартерѣ. Ожидаю дальнѣйшихъ приказаній короля. Пока считаю нужнымъ донести еще въ дополненіе объ обѣщаніи графа, въ случаѣ крайности, удѣлить королю хлѣба изъ царскихъ магазиновъ, но принять такую особенную любезность можно развѣ въ рѣшительной крайности.

Со времени отправки послѣдняго моего донесенія маркизъ Ботта, получилъ отзывныя грамоты. Покуда не слыхать, чтобы кто нибудь назначенъ былъ на его

setting out very soon, and the direct road, without taking the northern circuit in his rout.

The executions were yesterday morning between 7 and 8. Wolinsky, the cabinet minister, had first his right hand and then his head struck off, Eropkin, the architect, and Chruschof, in one of the colleges, beheaded. Eichler, the Czarinna's private secretary, and Simonoff, lately put into the admiralty, of which he had the chief direction, received the knout, and are to be sent into perpetual banishment in Siberia, and Suda, the translator, was whipped. More were talked of and expected, whose fate will soon be known. Those who have already suffered, were condemned to much severer punishments, which Her Majesty moderated.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 22. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, July the 1st 1740.

I shall have little to trouble your lordship with this post but to inform you that, according to the general opinion, the executions are all over; for Mussin-Pushkin, president of the college of commerce, has had his tongue cut out in prison, and is to be sent into perpetual banishment, in a distant

---

мѣсто, хотя онъ говоритъ объ очень скоромъ отъѣздѣ прямо въ Вѣну и отъ своего проекта поѣздки по сѣверу отказался.

Казни происходили вчера поутру между 7 и 8 часами. Кабинетъ-министру Волынскому сперва отрубили правую руку, затѣмъ его обезглавили; архитекторъ Еропкинъ и членъ одной изъ коллегій, Хрущовъ, тоже обезглавлены. Частный секретарь Императрицы, Эйхлеръ, и недавно назначенный начальникомъ адмиралтейства Симоновъ наказаны кнутомъ и будутъ отправлены въ вѣчную ссылку въ Сибирь; переводчикъ Зуда битъ кнутомъ. Говорили еще о другихъ обвиненныхъ; рѣшеніе судьбы ихъ ожидаютъ вскорѣ. Пострадавшіе присуждены были къ наказаніямъ еще болѣе строгимъ, но приговоръ смягченъ былъ Ея Величествомъ.

№ 22. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 1-го іюля 1740 г. (12-го іюля н. ст.).

Съ этой почтою мнѣ почти нечѣмъ безпокоить васъ. Могу только увѣдомить, что, по общему мнѣнію, казни окончены, такъ какъ президенту коммерцъ-коллегіи, Мусину-Пушкину, урѣзали языкъ въ тюрьмѣ и затѣмъ его ссылаютъ на вѣчное заточеніе, по однимъ слухамъ — въ дальній монастырь, по другимъ — въ Сибирь. Если

convent, as some say, or, as others think, to be immured in Siberia; if this last should be only surmise, it may probably take its rise from this criminal having been charged with the execution of the same punishment on the privy councellor Tolstoy in Peter the IInd time.

It is also thought that one Cubanowitz, in the service of Pushkin, died under the knout, and he was the only remaining prisoner known to have been arrested in this inquisition.

The manifest, which will be published on this occasion, is soon expected. In the mean time it is not doubted but the design, of how dangerous a nature soever it may have been, has been quashed in the very beginning by taking off not only the heads of it, but even every individual engaged in it, for these leaders were rather forming a plan, than yet thinking of the means to put it in execution, which appears plainly from not one military man having been arrested, or, as it is added, even suspected. . . .

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 23. Lord Harrington to the right honourable m. Finch.

Hanover, July the 6th 1740.

Having received and laid before the king your dispatches of the 14th and 17th past, o. s.[1]), I found His Majesty extremely surprised at the trifling

---

слухи эти окажутся ложными, источникомъ ихъ, вѣроятно, служитъ то обстоятельство, что Мусину-Пушкину поручено было исполненіе того же наказанія надъ тайнымъ совѣтникомъ Толстымъ при Петрѣ II-мъ.

Полагаютъ также, что служившій при Пушкинѣ, Кубановичъ, умеръ подъ кнутомъ, такъ какъ изъ лицъ, арестованныхъ при розыскѣ по настоящему дѣлу, на сколько извѣстно, только о немъ одномъ еще не слыхать ничего опредѣленнаго.

Вскорѣ ожидаютъ манифеста по этому поводу. Пока не сомнѣваются, что замыслы преступниковъ, какъ бы опасны они ни были, разрушены въ самомъ началѣ казнью не только главарей, но и всѣхъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу, такъ какъ они застигнуты были при самой разработкѣ плана дѣйствій, еще не обсудивъ и средствъ къ его выполненію, что вполнѣ ясно уже изъ того, что не только не былъ арестованъ, но даже—какъ утверждаютъ—не былъ заподозренъ никто изъ военныхъ.

№ 23. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Гановеръ, 6-го іюля 1740 г. (17-го іюля н. ст.).

Я получилъ и представилъ королю ваши донесенія отъ 14 и 17 іюня ст. ст.[1]). Его величество крайне удивленъ пустячнымъ, лишеннымъ всякаго значенія поводомъ,

---

1) Отсюда до конца все письмо писано шифромъ.

and insignificant excuse, which count Osterman had alleged to you for not entering as yet into negotiation with you, the king not seeing, what connexion there can be between the settlement of their limits, at such a distance, with the turkish empire, and concluding a defensive alliance with His Majesty. This reception of your proposal to go immediately upon the business of our treaty is so very different from the accounts His Majesty had before received of the dispositions wherein you would find the russian court upon your arrival, that it cannot but give some uneasiness, and especially as the transaction referred to by count Osterman, is of such a nature, that if we are to wait the conclusion of it, we may possibly be kept in the same suspense still many months longer. The king is therefore very impatient to know, what judgement you will have formed as to their real intentions in respect to your negotiation after farther conferences, and what in your own opinion at least we may have to depend on. His Majesty very much approved your design of applying to the duke of Courland upon that head, and as to the difficulty you have in conversing with his highness, I must acquaint you, that the king has no sort of objection to your making use of m-r Suhm for your interpreter, His Majesty having entirely concurred in the proposition in general of taking the king of Poland, as elector of Saxony, into the engagements we shall contract with the Czarinna, for which purpose I am at this time settling with m-r Utterodt the form of an

---

приведеннымъ графомъ Остерманомъ въ оправданіе уклоненія его отъ переговоровъ съ вами. Король не видитъ, въ какой связи можетъ стоять опредѣленіе отдаленной русско-турецкой границы съ вопросомъ объ оборонительномъ союзѣ съ Великобританіей. Такой пріемъ вашему предложенію немедленно приступить къ дѣлу о нашемъ трактатѣ такъ мало согласуется съ донесеніями о настроеніи, въ которомъ вы должны были застать русскій дворъ, что нельзя не ощущать нѣкотораго смущенія. Дѣло разграниченія, на которое ссылается графъ Остерманъ, таково, что, дожидаясь его окончанія, придется жить въ настоящемъ неопредѣленномъ положеніи еще нѣсколько мѣсяцевъ. Потому король съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ — какое понятіе вы, послѣ дальнѣйшихъ собесѣдованій, составите себѣ о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ русскаго правительства по вопросу о договорѣ, на что можно разсчитывать, по вашему мнѣнію по крайней мѣрѣ. Его величество вполнѣ одобряетъ ваше намѣреніе обратиться къ герцогу курляндскому. Касательно затрудненія, которое вы испытываете при разговорахъ съ его свѣтлостью, спѣшу сообщить, что король не имѣетъ ничего противъ пользованія Сумомъ въ качествѣ переводчика, такъ какъ съ планами его величества вполнѣ согласуется привлеченіе къ предположенному союзу и короля польскаго, въ качествѣ курфюрста саксонскаго. По этому поводу я въ насто-

article that may be proposed to the russian court to be inserted in the treaty, it being necessary to make some alteration in the wording of that sent from Dresden, though the substance of it was approved by His Majesty; and I shall send you very soon a copy of the article itself, as it shall be transmitted by m-r Utterodt to his court. . . .

(Public Record Office; Russia, 1740 № 33).

№ 24. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, July the 8th 1740.

I received the 5th instant, o. s., your lordship's last dispatch of the 22nd of June with the enclosed letters of notification to the Czarinna and the duke of Courland of the consummation of her royal highness the princess Mary's espousals and marriage with prince Frederick of Hesse. I immediately translated that to the Czarinna, and waited upon count Osterman with it the next morning, and I explained to his excellency the occasion of the different form of that letter, insinuating according to your lordship's directions, the inconveniencies of the old one, and with such success, that, I believe, there will be no occasion for the future to trouble sir John Brand to embellish any more for this court, the count seeming

---

ящее время работаю съ Уттеродомъ надъ выработкой статьи, которую думаю предложить русскому двору въ дополненіе къ трактату. Въ редакціи, присланной изъ Дрездена, надо сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, хотя сущность ея и одобрена его величествомъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени пришлю вамъ копію самой статьи въ томъ видѣ, какъ Уттеродъ передастъ ее саксонскому двору. . .

№ 24. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 8-го іюля 1740 г. (19-го іюля н. ст.).

5-го іюля ст. ст. я получилъ послѣднее письмо вашего превосходительства отъ 22-го іюня со вложеніемъ извѣстительныхъ граматъ Царицѣ и герцогу курляндскому о совершившемся бракосочетанія ея королевскаго высочества принцессы Маріи съ принцемъ Фридрихомъ гессенскимъ. Я немедленно перевелъ извѣщеніе, предназначенное для Царицы, и на слѣдующее же утро отправился съ нимъ къ графу Остерману, объяснилъ ему причины измѣненія въ формѣ извѣщенія, указывая — согласно данной вами инструкціи — на сколько прежняя форма была неудобна. Доводы мои оказались на столько убѣдительными, что сэру Джону Бранду впредь врядъ-ли при-

infinitely more indifferent about this old oriental manner, than about the new european title; for he took notice of the *Sa Majesté Czarienne et Sa Majesté Impériale*, I having, as it was my duty, rendered the translation literal. He asked — why we would be in that particular almost singular, and what difficulty there could be in giving Her Majesty the imperial title, since it would be neither making any cession, which could either derogate from the dignity of the crown of Great-Britain, prejudice the king or disoblige any of his friends or allies? He therefore asked me — what reason there could be for it? I replied, that a very obvious one occured to me, which was, that it had been the constant stile between the two courts, that his excellency knew very well that forms and precedents were on such occasions always followed; that the very letter itself, which I had in my hand, was an instance of it, to which had there been any exceptions taken, I was instructed not to deliver it, but to insinuate that another with the usual embellishments should be immediately prepared, which embellishments could not be regularly left off without a previous consent and approbation, for that one reason only, that it had been the constant form between the two courts; that, as to the title, which gave occasion to this discourse, I believed he, the count, would find upon reflection, that the king was not singular, but

---

дется украшать граматы для русскаго двора. Графъ относится несравненно равнодушнѣе къ устарѣвшей восточной формѣ, чѣмъ къ новому европейскому титулу, который я перевелъ дословно, какъ обязанъ былъ перевести: «Sa Majesté Czarienne et Sa Majesté Impériale». Онъ спросилъ, почему мы упорно одни почти держимся стараго титула, и что мѣшаетъ намъ признать императорскій титулъ Ея Величества? Такое признаніе не составило бы для Великобританіи никакой уступки, не затронуло бы достоинства британской короны, не нанесло ущерба ни королю, ни кому бы то ни было изъ его друзей и союзниковъ... гдѣ же причина нашего упорства? Я возразилъ, что для меня существенной причиной является то, что извѣстныя выраженія установились въ постоянныхъ сношеніяхъ дворовъ между собою, что, какъ извѣстно его сіятельству, въ подобныхъ случаяхъ принято всегда держаться установившихся формъ, чему доказательствамъ служитъ самое письмо, полученное мною отъ вашего превосходительства: принимая во вниманіе нѣкоторое отступленіе отъ прежней формы, мнѣ приказываютъ не вручать его прямо, но заявить о готовности немедленно изготовить извѣщеніе съ обычными украшеніями, такъ какъ даже эти украшенія не могутъ быть устранены безъ предварительнаго соглашенія и одобренія сторонъ единственно во вниманіе къ формѣ, установившейся въ сношеніяхъ данныхъ дворовъ между собою. По поводу же самаго титула, вызвавшаго нашъ разговоръ, я замѣтилъ, что, подумавъ,

however that might be, I hoped, it was a point upon which his excellency and I should not quarrel.

As sunday was a court day and I was just a going to Peterhoff, I asked his excellency, whether he could not prepare things so that I might have the honour to deliver the original to Her Majesty that afternoon, upon which he immediately enclosed my translation in a letter he wrote to m-r Brevern, informed the duke of Courland, that I had a letter to deliver to Her Majesty and another to his highness, who, immediately upon my appearing in the apartment at Peterhoff, procured me an opportunity of presenting it to Her Majesty, and when she retired a little, I delivered the other to his highness.

The grand-marshal count Lewenvolde, by Her Majesty's order, answered in her name, and in terms equally proper and obliging, to the short compliment I made; and the duke of Courland expressed in very lively terms the sense he had of this mark of the king's regard and attention for him.

I should be extremely glad on every account to be able to answer the king's just expectations, as soon as possible, by entering on the subject of my commission and by finishing it successfully. To the last part I can yet say nothing, but as to the first, your lordship will be surprised, no

---

графъ вѣроятно найдетъ, что король держится его не одинъ, что, впрочемъ, какъ бы то ни было, изъ-за него мы, надѣюсь, ссориться не станемъ.

Въ воскресенье былъ какъ разъ пріемъ при дворѣ и я долженъ былъ быть въ Петергофѣ, потому я спросилъ графа, не можетъ ли онъ уладить дѣло такъ, чтобы я могъ передать Ея Величеству письмо короля въ тотъ-же день послѣ полудня. Онъ немедленно вложилъ мой переводъ въ письмо Бреверну, и извѣстилъ герцога курляндскаго, что я имѣю вручить письма Ея Величеству и его свѣтлости, потому не успѣлъ я явиться въ петергофскій дворецъ, герцогъ далъ мнѣ возможность передать письмо Государынѣ; а когда она удалилась, я передалъ другое и самому герцогу.

Оберъ-гофмаршалъ Левенвольде, по приказанію Ея Величества, отвѣчалъ на мой краткій привѣтъ отъ ея имени въ соотвѣтствующихъ любезныхъ выраженіяхъ, а герцогъ курляндскій въ самыхъ горячихъ словахъ высказалъ на сколько цѣнитъ оказанный ему почетъ и вниманіе со стороны короля.

Я во всѣхъ отношеніяхъ былъ бы очень радъ возможно скорѣе оправдать справедливыя ожиданія его величества, принявшись за главный предметъ моей миссіи и доведя ее до благополучнаго конца. Какой можно предвидѣть конецъ, сказать не могу; что же касается начала переговоровъ, вы, конечно, удивитесь, услыхавъ, что

doubt, when I inform you, that saturday last, the fifth, count Osterman threw out to me something of the dilatoriness and irresolution on our side, and that the late m-r Rondeau had not been sufficiently authorised to conclude the negociation he had himself proposed. I told his excellency that I was at a loss to guess what he grounded this upon, since two messengers had been dispatched to this court on this very account, one with the first minutes, and the other with the second, formed to remove all the objections his excellency had made to the first, and entirely, as the king thought and hoped, to the sense of this court, and that this last courier was also waiting here, and had done so above a year, to carry back either a treaty concluded or an answer, and that I was here chiefly for that purpose, and perhaps for that only. The count said, that m-r Rondeau, before his death, had, however, owned this want of instructions and power to finish. I told him I must believe that there was some mistake, and, to remove any for the future, I could assure him, in very express terms, that I wanted neither. Your lordship will hardly suspect, that here he dropped me short and fell off, saying, that he had yet the turkish affairs on his hands, which so fully employed him, that he must finish those first. I answered, that I had heard before of these turkish affairs, but that I had hoped, and the king had thought, even before I left England, upon the conclusion of

---

прошлую субботу, 5-го іюля, графъ Остерманъ упрекнулъ меня какъ-бы въ медлительности и нерѣшительности съ нашей стороны. Графъ жаловался, будто Рондо не имѣлъ достаточныхъ полномочій для окончанія переговоровъ, имъ же предложенныхъ. Я отвѣчалъ, что слова его приводятъ меня въ совершенное недоумѣніе, такъ какъ въ Петербургъ прислано было два нарочныхъ курьера исключительно для ускоренія переговоровъ: одинъ по поводу первой редакціи проекта трактата, второй — вслѣдствіе второй, составленной съ цѣлью устранить всѣ возраженія, сдѣланныя русскимъ дворомъ на первый проектъ, и притомъ — король полагаетъ и надѣется — совершенно въ духѣ русскаго двора. Послѣдній курьеръ такъ и проживаетъ здѣсь уже около года въ ожиданіи, когда ему доведется везти отсюда подписанный договоръ или отвѣтъ; я же и присланъ въ Петербургъ главнымъ образомъ, да пожалуй и исключительно, ради переговоровъ о трактатѣ. Графъ замѣтилъ, что Рондо передъ смертью, какъ бы то ни было, ссылался на недостаточность полученныхъ имъ инструкцій и полномочій для окончанія дѣла. Я отвѣчалъ, что приходится видѣть во всемъ этомъ какое-то недоразумѣніе, которое считаю долгомъ устранить самымъ рѣшительнымъ увѣреніемъ, что у меня недостатка въ полномочіяхъ нѣтъ. Ваше превосходительство едва-ли догадаетесь, что тутъ вице-канцлеръ рѣзко перебилъ меня, заявивъ, что турецкія дѣла у него все еще на рукахъ и онъ долженъ покончить

the peace and the ratification of it, that those affairs would be no more in the way, nor retard the conclusion of another, in which the peace and tranquillity of the north was so nearly concerned, and which might, at the same time, be of as great, if not greater use, for the service of the well intentioned party in Sweden and more contribute to the ruin of the new ministry, than perhaps those means, which his excellency had hinted to me, as the most proper to be employed. Notwithstanding all this, I neither could get a step farther with him, nor the next day, which was sunday morning.

The marquis de Botta had his audience of leave of the Czarinna yesterday and will be setting out on his return home the latter end of this week or the beginning of the next.

The princess Anne will come to town from Peterhoff about this day sevenight, her reckoning being up the beginning of August.

It is expected that general Keith will set out one day next week for his command in the Ukraine.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

съ ними раньше, чѣмъ приниматься за другія. Я отвѣчалъ, что о турецкихъ дѣлахъ уже слышалъ, но король еще до отъѣзда моего изъ Англіи былъ убѣжденъ, я же надѣялся, что, разъ миръ заключенъ и ратифицованъ, они уже не могутъ быть помѣхой, тѣмъ менѣе могутъ отвлекать отъ дѣла, завершеніе котораго должно обезпечить миръ и спокойствіе на сѣверѣ, которое и въ Швеціи благомыслящей партіи можетъ принести пользы, а новому министерству вреда болѣе, чѣмъ средства, указанныя мнѣ графомъ, какъ наиболѣе пригодныя. Не смотря на всѣ эти рѣчи, я не могъ сдѣлать ни шагу далѣе ни въ тотъ день, ни въ слѣдующій (воскресенье поутру).

Маркизъ Ботта представлялся вчера Царицѣ въ прощальной аудіенціи, и выѣзжаетъ въ обратный путь въ Вѣну въ концѣ этой недѣли или въ началѣ слѣдующей.

Принцесса Анна Леопольдовна пріѣзжаетъ сюда изъ Петергофа черезъ недѣлю, такъ какъ разрѣшенія ея ожидаютъ въ августѣ.

Говорятъ, будто на слѣдующей недѣлѣ генералъ Кейтъ отправится къ своему посту въ Украйну.

№ 25. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, July the 12th 1740.

I received the 9th instant, o. s., the honour of your lordship's dispatch of the 26th June (7th July) with the enclosed memorial of the king's electoral ministry for the export of four hundred and seventy last of corn from Riga to Lubeck. Your lordship will have seen by mine of this day sevenight, that I had received the post before a letter from one of m-r Looldenburg, desiring a permission for four hundred last to be sent to m-r Zimmerman at Riga, which, as I informed your lordship, I had obtained and sent. As the commissioner is the same, and the quantity nearly so, I presume that it is one and the same commission, and it was upon this footing I spoke on thursday morning, before I went to Peterhoff, to count Osterman and insinuated to him, that, since the Czarinna had with so much politeness and complaisance granted the order which I had asked for four hundred, I supposed there would be no difficulty about the remaining seventy, but that to prevent any arising at Riga, he would oblige me very much in sending a second order for that remainder; and as I shall endeavour to see him to-day before the post goes away, I shall put him in mind of it, and, if he delivers it to me, shall transmit it to m-r Zimmerman to-night.

№ 25. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 12-го іюля 1740 г. (23-го іюля н. ст.).

9-го іюля я имѣлъ честь получить письмо вашего превосходительства отъ 26-го іюня (7-го іюля) со вложеніемъ меморіи курфюршескаго министерства его величества о вывозѣ четырехсотъ семидесяти ластовъ хлѣба изъ Риги въ Любекъ. Изъ донесенія, отправленнаго мною недѣлю тому назадъ, ваше превосходительство уже знаете, что я получилъ письмо отъ Лоольденбурга; онъ просилъ разрѣшенія отправить четыреста ластовъ Циммерману въ Ригу, которое я получилъ и послалъ куда слѣдуетъ. Такъ какъ коммиссіонеръ тотъ же, и количество почти то же, полагаю, что рѣчь идетъ о томъ же дѣлѣ, и въ этомъ смыслѣ говорилъ съ графомъ Остерманомъ во вторникъ поутру до поѣздки въ Петергофъ: «Государыня», сказалъ я, «такъ любезно и предупредительно дала разрѣшеніе на отправку четырехсотъ ластовъ, что, вѣроятно, отправка остальныхъ семидесяти затрудненія не представитъ, но, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, ваше сіятельство очень обязали бы меня, отправивъ новое распоряженіе по поводу этого остатка». Такъ какъ я постараюсь увидать графа еще сегодня, до отхода почты, напомню ему объ этомъ и, если онъ выдастъ мнѣ нужное разрѣшеніе, передамъ его Циммерману сегодня же вечеромъ.

I endeavoured to see his excellency yesterday in order to have a little more of his time, for the day before prince Czercasky came in and interrupted us, but the count sent me word, that he was both too busy and too much indisposed to see me.

However in the short conversation I had with him thursday, I informed him of what your lordship mentioned about the king of Prussia, with which he seemed extremely pleased, adding, that no time was to be lost in securing that prince, since he knew, that France entertained great hopes, and would neglect no means; that, if the affairs of Europe were upon an agreeable foot, his excellency had nothing to say, but that if it appeared to the king, that a new system might be necessary to be formed, this young king should be cultivated, and that therefore there was nothing he should hear with so much pleasure, as of an interview between the king and his prussian majesty, which, he thought, might be easily brought about and to very good purposes.

I here put in a word, and told his excellency, that, as by his conjectural discourse he did not seem very averse to this new system, I could not help being a good deal suprised that I had not had yet either opportunity or his leave to enter with him into the particular object of my commission, which, he both knew and was sensible, must be the very first

---

Вчера я пытался застать графа и побыть у него подольше, такъ какъ наканунѣ наша бесѣда прервана была пріѣздомъ князя Черкасскаго; но графъ прислалъ сказать мнѣ, что очень занятъ и очень нездоровъ, и потому принять меня не можетъ.

Какъ бы то ни было, я воспользовался краткимъ свиданіемъ съ нимъ въ четвергъ, дабы передать сообщенное вами о королѣ прусскомъ. Слова мои, по видимому, доставили ему большое удовольствіе. Онъ замѣтилъ, что слѣдуетъ, не теряя времени, пріобрѣсти симпатіи молодаго монарха, такъ какъ Франція — какъ слышалъ графъ — возлагаетъ большія надежды на Пруссію и не пожалѣетъ никакихъ средствъ для ея привлеченія на свою сторону. При благопріятномъ положеніи Европы, продолжалъ вице-канцлеръ, я бы не имѣлъ сказать ничего, но разъ королю кажется, что настоитъ надобность въ образованіи новой политической системы, королемъ прусскимъ пренебрегать нельзя, потому я съ особеннымъ удовольствіемъ услыхалъ бы о свиданіи короля съ его прусскимъ величествомъ, которое устроить нетрудно и которое могло бы привести къ очень хорошимъ результатамъ.

Здѣсь я вставилъ свое слово, замѣтивъ графу, что, если онъ — какъ видно изъ словъ его — не совсѣмъ враждебно относится къ новой системѣ, я не могу не дивиться, какъ онъ до сихъ поръ не даетъ мнѣ случая и возможности войти съ нимъ въ переговоры по главному предмету моей миссіи, по дѣлу, которое — какъ онъ, конечно, знаетъ и чувствуетъ — должно составить лучшую опору предполагаемой системы. Слова мои

and the very best foundation of such a system; but this operated nothing but to give him a fit of the colic, which is a sure sign that the conversation at that time does not please him, and then it is in vain to pursue it. But, if I see him to-day and have not better luck, I hope to have prepared things so as to have a conversation with the duke of Courland to-morrow, and, if I have, I shall make all the use of it in my power, by giving his excellency a spur to answer the king's expectations, and might I add, my own impatience also.

Before we were interrupted, I just mentioned m-r Burnaby, and would have gone on to inform the count of what your lordship writes about that minister, but his excellency stopped me short, and, with more warmth than I expected, talked of him and his conduct in the stile I transmitted to your lordship in my postcript of the 24th of June, and ended by saying, that the heads of the well intentioned had declared, that they could repose no confidence in him, and, by consequence, that it would be impossible for their minister at Stockholm to act in concert with him. I think it my duty to mention this not to neglect the king's service, and I avoid entering into more particulars, that I may not do m-r Burnaby any unnecessary disservice. I was at count Osterman's this morning, and though I explained to him very fully what your lordship wrote to me about m-r Burnaby; yet it

---

имѣли единственнымъ послѣдствіемъ воображаемый припадокъ коликъ, обыкновенно означающій, что графу разговоръ не по сердцу и что продолжать его напрасно. Впрочемъ, если и сегодня при свиданіи съ вице-канцлеромъ я не буду счастливѣе, надѣюсь, что мною подготовлены вѣрные пути для бесѣды завтра съ герцогомъ курляндскимъ, а разъ она состоится, я приложу всѣ старанія вызвать герцога на отвѣтъ ожиданіямъ короля и—позвольте прибавить—собственному моему нетерпѣнію.

Прежде, однако, чѣмъ разговоръ мой съ графомъ былъ прерванъ, я упомянулъ о Бернэби, дабы, изложить что ваше превосходительство пишете мнѣ о немъ, но графъ рѣзко остановилъ меня и сталъ говорить о поведеніи Бернэби съ горячностью, которой я не ожидалъ встрѣтить въ немъ, и въ смыслѣ, о которомъ я докладывалъ вашему превосходительству въ припискѣ своей къ письму отъ 24-го іюня. Графъ закончилъ сообщеніемъ, будто вожаки благонамѣренной партіи заявили, что не довѣряютъ Бернэби, потому Бестужеву дѣйствовать съ нимъ за-одно невозможно. Считаю долгомъ извѣстить васъ объ этомъ по долгу службы, но входить въ подробные разговоры съ графомъ не сталъ, опасаясь оказать Бернэби плохую услугу. Сегодня поутру, однако, я снова былъ у графа Остермана и очень обстоятельно разъяснилъ ему все, что ваше превосходительство пишете мнѣ о Бернэби, но слова мои ожидаемаго и желаемаго дѣйствія не произвели. Вице-канцлеръ отвѣчалъ: не утверждаю, чтобы се-

did not seem to make the impression on him I expected and wished, for he answered, that, though he did not pretend to say, that this secretary did not deserve the confidence of our friends in Sweden, yet, as he had it not, it was the same thing as to the service, as if he did not deserve it; that, however, he desired, that it might never be known, nor suspected, that any such insinuations and complaints had come from hence; and that in order to conceal them the more, he could humbly wish, that, under pretence of a verbal report, His Majesty would be graciously pleased to order him to Hanover, and then to think of some more proper person, which would be the more necessary, since he knew that France, in order to effect the coalition and her other schemes, had already lodged between Amsterdam and Hamburgh three millions of livres, and that he could assure me, that m-r Bestuchef had actually in his possession, as he expressed it, upwards of some score of thousand crowns, which, besides what the king might think fit to disburse on his side, would be useless without there was a properer person than at present employed in the distribution of it. He then recommended again the king of Prussia, and in a particular manner, the secrecy of what he had mentioned to me, and what I have reported about m-r Cram and the court of Denmark, of whose double dealings the french seem now convinced, but thinks, that, in order to traverse m-r Schulin's design, whom he believes entirely in the french interest, proper application should be

---

кретарь вашъ не заслуживалъ довѣрія друзей нашихъ въ Швеціи; не могу, однако, не видѣть, что онъ довѣріемъ этимъ не пользуется, а для предположенной цѣли это такъ же важно. Тѣмъ не менѣе графъ выразилъ желаніе, чтобы Бернэби не зналъ и не подозрѣвалъ о показаніяхъ и жалобахъ противъ него со стороны русскаго двора, чтобы, напротивъ, жалобы эти были скрыты отъ него, для чего удобнѣе было бы вызвать его въ Гановеръ, подъ предлогомъ личныхъ объясненій, а между тѣмъ пріискать на его мѣсто лице болѣе подходящее, что въ настоящее время было-бы очень важно, такъ какъ Франція для осуществленія коалиціи и прочихъ плановъ своихъ уже перевела въ Амстердамъ и Гамбургъ три милліона ливровъ. Въ распоряженіи Бестужева въ настоящее время находятся — прибавилъ графъ — «многіе десятки тысячъ» кронъ, но раздача ихъ и суммъ, предназначенныхъ для этой цѣли королемъ, окажется безполезною, если въ Стокгольмѣ не будетъ лица, пригоднаго для этого дѣла. Затѣмъ графъ снова расточалъ усиленныя похвалы королю прусскому, говорилъ о тайнѣ, переданной мнѣ еще прежде (о которой я писалъ и вамъ) по поводу Крама и датскаго двора, въ двойственности котораго Франція теперь уже повидимому убѣдилась; графъ полагаетъ, что разрушить замыслы Шулина, по его мнѣнію вполнѣ преданнаго французскимъ интересамъ, удобнѣе всего черезъ то же лице, которое поддерживаетъ Шулина. Затѣмъ онъ — по видимому съ большей готовностью чѣмъ когда нибудь —

made to the same person, who supports that minister. He afterwards seemed to listen more readily, than he had ever done before, to the negotiation I was charged with, and took great pains to convince me both of the good intentions of this court towards this measure, and of the multiplicity of their affairs, which had occasioned the delay hitherto. He then said, that it would be well to sound the dutch, in order to see, how they might be inclined to be contracting parties, at least as to acceding to such a treaty. I answered him, agreeably to my instructions, as to the first part, and gave him all the assurances I was ordered, that the king would employ all the means in his power to determine them, as to the second.

As I have received the copies of the duke of Courland's two letters to the king, I transmit them to your lordship, rather for regularity's sake, then that they may be absolutely necessary.

The marquis de Botta, besides six thousand roubles, which I think is the present of an ambassador (as he was for five days), received also from the Czarinna's own hand a very handsome diamond sword; the value I am no judge of, nor have I heard, but it is exactly like those Her Majesty gave the two fieldmarshals on the publications of the peace. He had the honour also to dine with the Czarinna, and when he took leave in the afternoon of the Courland family, the duchess made him a present of a sable

---

занялся порученнымъ мнѣ дѣломъ и очень старался убѣдить меня какъ въ расположенiи русскаго двора къ договору, такъ и въ множествѣ дѣлъ, до сихъ поръ вынуждавшихъ откладывать его заключенiе; затѣмъ прибавилъ, что хорошо бы приглядѣться—на сколько Голландiя готова приступить къ союзу, или по крайней мѣрѣ присоединиться къ англо-русскому трактату. На первую часть его рѣчи я отвѣчалъ согласно даннымъ мнѣ инструкцiямъ; на вторую же — горячими увѣренiями въ готовности короля всячески содѣйствовать присоединенiю Голландiи.

Я получилъ копiи съ двухъ писемъ герцога курляндскаго къ королю, и препровождаю ихъ вашему превосходительству скорѣе для порядка, а не потому, чтобы считалъ это необходимымъ.

Маркизъ Ботта получилъ при отъѣздѣ не только шесть тысячъ рублей, т. е. подарокъ, кажется, обыкновенно предлагаемый посламъ (онъ и былъ посломъ пять дней тому назадъ), но еще прекрасную брилліантовую шпагу изъ рукъ самой Царицы. О цѣнѣ этого подарка судить не умѣю и не слыхалъ о ней, знаю только, что шпага, подаренная маркизу, совершенно равноцѣнна съ шпагами, которыя получили оба фельдмаршала при заключенiи мира съ Турцiей. Онъ имѣлъ также счастье обѣдать съ Государыней, а вечеромъ, когда онъ прощался съ семьею герцога курляндскаго, герцогиня подарила ему соболью шубу въ сто шкурокъ; изъ нихъ каждая цѣннѣе двухъ, за ко-

fur, in which there are a hundred skins, every one of them better than two he himself had paid seventy gold ducats for, so this present must at least be worth three, perhaps four thousand ducats. He will dine with me on monday, and I believe will set out the next day.

General Keith will do the same next week for the Ukraine, of which he has the civil and military government. As both these together are unusual, the command the most lucrative and at the same time the most important in the gift of this court, it shews both the favour and the consideration in which he is here.....

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 26. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, July the 15th 1740.

Monsieur de la Chetardie gave sunday last a ministerial dinner on marquis de Botta's leaving us, who set out last night.

I had a very good excuse to absent myself from this entertainment by m-r Stanhope's arrival the evening before, that I might inform the duke of Courland of it in order to my carrying him to court and his being presented

---

торыя самъ онъ заплатилъ семьдесятъ золотыхъ дукатовъ; такъ что подарокъ герцогини приходится цѣнить по крайней мѣрѣ въ три, а не то и въ четыре тысячи дукатовъ. Маркизъ обѣдаетъ у меня въ понедѣльникъ и вѣроятно уѣдетъ на другой же день.

Генералъ Кейтъ тоже уѣзжаетъ на слѣдующей недѣлѣ въ Украйну, гдѣ состоитъ гражданскимъ и военнымъ губернаторомъ. Принимая во вниманіе, что такое соединеніе властей здѣсь не въ обычаѣ, а также, что завѣдываніе Украйной самый выгодный и вмѣстѣ важнѣйшій постъ въ Россіи, изъ такого назначенія нельзя не заключить, что генералъ пользуется большою милостью и большимъ почетомъ...

№ 26. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 15-го іюля 1740 г. (26-го іюля н. ст.).

Прошлое воскресенье де ла Шетарди давалъ дипломатическій обѣдъ по случаю отъѣзда маркиза Ботты. Ботта дѣйствительно и уѣхалъ вчера вечеромъ.

Мнѣ представился очень удобный предлогъ отказаться отъ этого обѣда ввиду пріѣзда Стэнгопа наканунѣ вечеромъ, о прибытіи котораго я долженъ былъ извѣстить герцога курляндскаго, дабы открыть ему доступъ ко двору и представить его уже

there thursday next. As all the foreign ministers were invited to the french ambassador, I was the only on sunday last at Peterhoff.

This fell in very well with the private audience of the duke of Courland, for which I had prepared things that thursday before, and I took this opportunity of his master of the horse m-r Taube interpreter, to give his highness a short account of all the secret intelligence I had from your lordship relating both to Denmark and Sweden, to the progress of the french negotiation in the first country and their scheme of a coalition in the second, with the means proposed to be employed in order to effect this. I touched on the conduct of France in the turkish mediation, and the treaty concluded between the Porte and Sweden under the same direction, submitting it at last to his highness to judge against what power the schemes in the north were first and chiefly levelled.

He answered with a good deal of emotion, that, though, at the earnest desire of the emperor, this court had hitherto dissembled, and, as he expressed, looked through its fingers on the conduct of France, yet they knew here all the ill will of that court towards them, and the cardinal was so convinced, that he, the duke of Courland, knew it so well, that he was sure his excellency had particularly instructed m-r Chetardie never to address himself to his highness on any public affairs, but always to the field-

---

въ слѣдующій четвергъ. Такимъ образомъ въ воскресенье весь дипломатическій корпусъ былъ у французскаго посла, въ Петергофѣ же я одинъ.

Это оказалось очень удобнымъ для той частной аудіенціи у герцога курляндскаго, которую я подготовлялъ съ прошлаго четверга, и — при посредствѣ шталмейстера герцога, Таубе, въ качествѣ переводчика—я воспользовался случаемъ вкратцѣ передать его свѣтлости все, что ваше превосходительство секретно сообщили мнѣ касательно Даніи и Швеціи, объ успѣхѣ французскихъ интригъ въ первой и планѣ коалиціи во второй, и о средствахъ, намѣченныхъ для осуществленія этого плана; напомнилъ о роли Франціи при посредничествѣ между Турціей, императоромъ и Россіей и о заключенномъ подъ ея же вліяніемъ шведско-турецкомъ договорѣ, предоставляя герцогу судить противъ какой державы прежде всего и преимущественно направлены эти интриги на сѣверѣ.

Онъ съ замѣтнымъ волненіемъ отвѣчалъ, что хотя, исполняя желанія императора, русскій дворъ до сихъ поръ и скрывалъ свои опасенія, и — какъ выразился герцогъ—«смотрѣлъ сквозь пальцы» на дѣйствія Франціи, тѣмъ не менѣе интриги версальскаго правительства противъ Россіи здѣсь хорошо извѣстны, и кардиналъ Флери хорошо знаетъ, что интриги эти вполнѣ ясны ему, герцогу курляндскому, потому несомнѣнно въ инструкціяхъ своихъ внушилъ Шетарди по дѣламъ обращаться отнюдь

marshal Munich; that I might depend upon it as a certain truth, that as long as the Czarinna lives, she might, for a time and in the present juncture carry it fair to France, yet she never would enter into any measures or have anything really to do with that crown; that Her Majesty knew very well that her most natural and useful ally, and on which she could, by the conformity of interests, most depend, was England; that when she should be united strictly with His Majesty, the two powers had nothing to fear, but ought and must be considered in all the affairs of Europe, and as he hoped, might at last give the emperor an opportunity to deliver himself from his present dependance on France and put an end to the sort of minority he had been in ever since he had departed from the ancient system and his old allies.

After having thanked his highness for these assurances, I told him, that, as by my credential to Her Majesty and my letter to himself, he was fully informed of the principal object of my mission here, I humbly hoped that he would, by his credit, procure me an opportunity to enter upon that very necessary work, and by his lights conduct me through it, that I might happily finish so salutary an affair; that if I could hope for this great honour and favour from his highness, I should have no reason to envy m-r

---

не къ его свѣтлости, а къ фельдмаршалу Миниху; но, прибавилъ онъ, можете рѣшительно положиться на то, что пока Царица жива, она быть можетъ на время и во вниманіе къ извѣстнымъ обстоятельствамъ и явится наружно-привѣтливой къ Франціи, но никогда не вступитъ съ нею въ близкія отношенія; что Ея Величество вполнѣ признаетъ въ Англіи естественнаго, полезнаго союзника, на котораго можетъ положиться ввиду самой общности интересовъ Великобританіи и Россіи; Царица хорошо понимаетъ, что, при тѣсномъ единеніи, этимъ двумъ державамъ не приходится бояться ничего, что во всякомъ европейскомъ вопросѣ ихъ необходимо принять во вниманіе, что близость ихъ, можно надѣяться, дастъ наконецъ даже императору возможность освободиться отъ настоящей зависимости его отъ Франціи, положить конецъ опекѣ, которую онъ навлекъ на себя, отрекшись отъ старой политической системы и прежнихъ друзей.

Поблагодаривъ его свѣтлость за такія увѣренія, я замѣтилъ, что ему и изъ вѣрительной граматы моей, и изъ королевскаго письма къ нему лично хорошо извѣстна главная задача моя при русскомъ дворѣ, и я позволяю себѣ надѣяться, что онъ, при своемъ вліяніи, дастъ мнѣ возможность приступить къ этому крайне важному дѣлу, и совѣтами своими поможетъ мнѣ довести его до благополучнаго конца, какъ дѣло спасительное; что, надѣясь на такую честь, на такую милость, я не имѣю основанія

Chetardie his being addressed to count Munich, since I could assure his highness, that it was to him and him only, that I was addressed.

The duke answered in the most obliging manner, and assured me, that, as soon as ever the court returned to Petersburgh, as it will do in a fortnight, he would take care, that the matter of my negotiation should be taken seriously in hand; so that I may now hope soon to see at least a beginning of it.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 27. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch [1]).

Hanover, July the 17th 1740.

. . . The king was glad to see the open and confidential manner, in which the duke of Courland had talked in your presence upon several affairs, and does not question your using all possible diligence in cultivating his friendship.

The charge brought by count Osterman against m-r Burnaby is indeed very heavy and bitter, but the king has no manner of reason to believe it can be well founded, but rather imputes it to some private pique, jealousy,

---

завидовать Шетарди, которому предписано опираться на графа Миниха, что мнѣ велѣно искать помощи у его свѣтлости, и только у его свѣтлости.

Герцогъ отвѣчалъ самымъ любезнымъ образомъ, обѣщая позаботиться, дабы къ переговорамъ со мною приступили серьезно едва дворъ возвратится въ Петербургъ (а возвратиться онъ долженъ недѣли черезъ двѣ). Такъ я могу по крайней мѣрѣ надѣяться, что они, наконецъ, начнутся.

№ 27. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу [1]).

Гановеръ, 17-го іюля 1740 г. (28-го іюля н. ст.).

. . . Королю очень пріятно было услыхать объ открытомъ, довѣрчивомъ тонѣ бесѣды герцога курляндскаго въ вашемъ присутствіи о разныхъ дѣлахъ. Его величество не сомнѣвается, что вы употребите всѣ старанія поддержать дружеское его расположеніе.

Обвиненія, высказанныя графомъ Остерманомъ противъ Бернэби несомнѣнно тяжки и непріятны, но король не имѣетъ никакого повода признать ихъ основательными, и скорѣе готовъ приписать ихъ какимъ либо частнымъ столкновеніямъ, рев-

---

1) Все письмо писано шифромъ.

or error of m-r Bestuchef's, from whom, in all probability, the information must come. M-r Burnaby's relations shew, as I before mentioned to you, that he has very right notions of things and persons in Sweden, and His Majesty has hitherto had, from other accounts likewise, cause to believe that our friends there have been well satisfied with his conduct, and we have had several instances, and very late ones, that they are far from not reposing confidence in him. You will therefore answer the count, that His Majesty was extremely surprised with what he had mentioned to you concerning m-r Burnaby, whose conduct had hitherto given entire satisfaction, without the least complaint having been made against it from any other quarter. That however, as the accusations are so strong and positive, the king will not fail to make private inquiry into the particulars of his behaviour, and the count may be assured, that, if he should be found to have acted so contrary to His Majesty's intentions, as was by him mentioned, the king will not endure it...

... The king took notice of the small returns of confidence or cordiality you met with from count Osterman, when you communicated to him your secret intelligence, and how very dry and backward you still continued to find him upon the head of our negotiation, which being no new proposal or demand on the king's part, but only the pursuing a transaction

---

ности, недоразумѣніямъ съ Бестужевымъ, отъ котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, и идутъ всѣ обвиненія. Сношенія Бернэби указываютъ — какъ я уже писалъ вамъ — только на его знаніе людей и обстоятельствъ въ Швеціи; кромѣ того его величество съ другихъ сторонъ получалъ о немъ до сихъ поръ свѣдѣнія, заставляющія предполагать, что друзья наши довольны поведеніемъ Бернэби. Мы, и еще очень недавно, имѣли доказательство, что они далеки отъ недовѣрія къ нему. Потому отвѣтьте графу, что король крайне изумленъ его словами касательно Бернэби, поведеніе котораго до сихъ поръ заслуживало только одобренія, противъ котораго ни отъ кого до сихъ поръ не слышно было ни малѣйшей жалобы. Тѣмъ не менѣе, вviду столь сильныхъ и рѣшительныхъ обвиненій, король не замедлитъ частнымъ образомъ подробно освѣдомиться о его дѣятельности и графъ можетъ быть увѣренъ, что, если Бернэби дѣйствительно позволилъ себѣ дѣйствія, столь противуположныя даннымъ ему инструкціямъ, его величество этого не потерпитъ. . . .

. . . Король замѣтилъ недостаточное довѣріе, недостатокъ сердечности въ отношеніяхъ графа къ вамъ, когда вы сообщали ему наши конфиденціальныя свѣдѣнія; замѣтилъ, какъ сухо и непривѣтливо онъ держится съ вами при бесѣдахъ о трактатѣ, которыя являются, однако, не новымъ какимъ либо предложеніемъ, не просьбою со стороны короля, а только продолженіемъ переговоровъ, уже начатыхъ съ русскимъ

already begun with that court, wherein they had given remarks upon our project, and had our counter-project thereupon actually lying before them, and an answer expected by us, when the affair was unhappily interrupted by m-r Rondeau's death. The king cannot look upon count Osterman's proceeding to be either very friendly or regular, and was a little disappointed at your not having pushed him more directly to an explanation.

And His Majesty could likewise wish that your speaking to the duke of Courland upon the same subject were not so long defered, being extremely impatient to know—what we may have to depend on as to the success of that negotiation, and in case there be a real change of disposition, as there seems to be cause to apprehend—to what we are to attribute it? . . .

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 28. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, July the 19th 1740.

I received the 17th instant your lordship's last dispatch of the 29th June (9th July) with the inclosed extract of m-r Trevor's dispatch to your lordship of the 5th, n. s., giving account of the repeated pressing instances of the danish minister at the Hague on the affair of the Sound-customs.

дворомъ; отъ русскаго двора были присланы даже замѣчанія на первый проектъ нашъ, ему отправленъ и теперь еще находящійся въ его рукахъ контръ-проектъ, на который мы ожидали отвѣта, когда ходъ дѣла такъ несчастливо прерванъ былъ смертью Рондо. Король поведеніе графа Остермана, очевидно, не можетъ признать ни дружелюбнымъ, ни правильнымъ, и отчасти недоумѣваетъ, почему вы не вызвали его прямо на объясненіе.

Король желалъ бы также, чтобы вы не откладывали разговора съ герцогомъ курляндскимъ по дѣлу о трактатѣ на слишкомъ долгое время, такъ какъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждетъ рѣшенія—можно-ли разсчитывать на успѣхъ; если-же—какъ повидимому, есть основаніе опасаться—въ настроеніи русскаго двора дѣйствительно произошла перемѣна, чему слѣдуетъ приписать ее? . . .

№ 28. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 19-го іюля 1740 г. (30-го іюля н. ст.).

17-го іюля я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 29-го іюня (9-го іюля) съ извлеченіемъ изъ депеши Тревора на ваше имя отъ 5-го іюля н. ст., въ которой онъ говоритъ о настоятельныхъ хлопотахъ датскаго посланника въ Гаагѣ по дѣлу о зундскихъ пошлинахъ.

After the first hurry of my arrival was over, I lost no time to peruse those papers relating to this business, which your lordship put into my hands the day before I left England, and, when I had a complete notion of the affair, I assembled the whole factory to inform them of his danish majesty's demands and the king's dispositions to comply with them, provided the trade of his own subjects might not be thereby prejudiced. I desired them to consult together and to report to me their opinion, how these two things might be combined, and furnish me with the expedients, which they might think the properest to remove those difficulties I myself apprehended to foresaw would necessarily occur in reconciling what was asked with the terms on which His Majesty's compliance was to be founded.

Some days afterwards they returned with a long list, specifying a great many more particulars than those given in to your lordship by the Russia company, all which they asserted to be overcharged at the Sound, and desired that those also might be reduced to that 1 pr. c., on which the tariff was originally calculated, with the general clause at the end, stipulating that all unrated goods should pay the Sound-duties on the same footing, and they added at last, that, provided all goods passing either way through the Sound were not subject to pay more, as it would neither lay the merchant under the necessity nor temptation to defraud the Sound-customs, it

---

Едва миновала суета первыхъ дней по моемъ пріѣздѣ сюда, я немедленно занялся изученіемъ бумагъ, касающихся этого дѣла, которыя ваше превосходительство передали мнѣ наканунѣ моего отъѣзда изъ Англіи. Вполнѣ ознакомившись съ вопросомъ, я собралъ всю факторію и разъяснилъ ей какъ желаніе его датскаго величества, такъ и готовность короля выполнить его, если это возможно безъ ущерба торговлѣ великобританскихъ подданныхъ. Я предложилъ нашимъ купцамъ переговорить между собою и высказать мнѣ, на сколько эти два условія совмѣстимы, а также — какъ по ихъ мнѣнію наиболѣе удобно устранить тѣ затрудненія, которыя, какъ я и самъ могу предвидѣть, должны возникнуть при соглашеніи желаній датскаго двора съ предѣлами возможныхъ для его величества уступокъ.

Нѣсколько дней спустя купцы возвратились съ длиннымъ спискомъ замѣтокъ, несравненно болѣе многочисленныхъ, чѣмъ замѣтки, переданныя вашему превосходительству Россійскою компаніей, касательно предметовъ слишкомъ тяжело оплачиваемыхъ въ Зундѣ, и съ просьбою уменьшить пошлины съ нихъ до одного процента, которымъ первоначально предполагалось ограничить тарифъ и который нашелъ-бы себѣ оправданіе въ общей статьѣ, помѣщенной въ концѣ тарифа, и постановляющей, что всѣ товары, въ ономъ не перечисленные, подлежатъ оплатѣ въ томъ-же размѣрѣ. Въ заключеніе купцы прибавили, что разъ товары препровождаемые черезъ Зундъ не будутъ подлежать большей пошлинѣ, торговцамъ не представится ни нужды,

would be the best and most efficacious method they could think of to secure the king of Denmark from any frauds which might have been committed and of which he complained.

As I was sensible (and I believe your lordship will be so) that this was rather loading me with new difficulties than removing any one, and that upon this footing I either could not finish the affair according to the king's orders, or must do it in a way which might give the merchants a handle to complain as if I had neglected the trading interest, I sent for two gentlemen of the factory, who have the reputation of very fair men and very understanding ones in their business, and desired them to tell me frankly the true state of the case. These confessed to me their surprise both at the stress the king of Denmark had laid on such a trifle, and the difficulties the merchants made to comply with what was asked.

They attributed the first to the officiousness of somebody at the Sound (as they thought the french consul Hansen), who had represented to the king of Denmark, how much the Sound-customs were defrauded, and in order to make a merit of it, had suggested this scheme as the properest to augment very considerably this favourite branch of the danish revenue, and, as the resident stiles it, his masters privy purse; but that they were persuaded,

---

ни соблазна избѣгать зундскихъ пошлинъ; такимъ образомъ предлагаемая мѣра окажется наиболѣе дѣйствительной для обезпеченія короля датскаго отъ возможныхъ обмановъ, на которые онъ жалуется.

Для меня (полагаю и для вашего превосходительства) ясно, что такой отвѣтъ скорѣе создаетъ новыя затрудненія, чѣмъ устраняетъ ихъ, такъ какъ — ввиду сдѣланныхъ заявленій — я не могу окончить дѣло сообразно съ королевской волей, или-же вынужденъ буду сообщить ему оборотъ, который дастъ купцамъ поводъ жаловаться, что я пренебрегаю ихъ торговыми интересами. Ввиду всего этого, я послалъ за двумя членами факторіи, которые пользуются репутаціей людей весьма почтенныхъ и весьма знающихъ въ своемъ дѣлѣ, и просилъ ихъ откровенно высказаться о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Они прямо сознались мнѣ, что ихъ равно удивляетъ и то, почему король датскій придаетъ важность такимъ пустякамъ, и то, почему купцы затрудняются согласиться на его скромныя желанія. Собесѣдники мои объясняли настойчивость Даніи какими либо офиціозными наущеніями (они подозрѣваютъ въ этомъ французскаго консула Ганзена): кто нибудь представилъ королю датскому, что уплата зундскихъ пошлинъ производится недобросовѣстно и, съ цѣлью выслужиться, указалъ на пересмотръ ихъ, какъ на лучшее средство значительно усилить этотъ любимый источникъ доходовъ датской короны, или — какъ выражается датскій резидентъ — усилить частную кассу его государя; между тѣмъ они увѣрены, что доходы Даніи,

when everything asked should be granted, the profits arising would be very inconsiderable and by consequence not answer expectation.

As to the last, they thought the difficulties stated were rather by pedlars in trade, who might have been formerly guilty of some frauds and would hereafter be glad to continue them, but that the thing itself was such a trifle and could be of so little importance to the fair trader, in the great and general view of commerce, that it was worth making no words about it. However they also said, that, if the Sound-duties could be reduced to the original and equitable foot of 1 pr. ct., it would be advantagious to trade hither both out and in, and they must be looked upon as a very natural complaisance on the king of Denmark's side in return to that, which His Majesty shewed on his in this affair; and then they could see no difficulty in reviving that form of passport which m-r Westphalen had some years ago obtained, though it subsisted only a few months.

As this was saying something, I have drawn up a minute of a promemoria, stating the nature of trade here and the most natural means of adjusting the present dispute to the reciprocal satisfaction of all the parties concerned, that is England, Holland, Denmark and this country. If I can find an opportunity of waiting on count Osterman to-day, I shall communi-

---

даже если все исполнено будетъ по ея желанію, увеличатся крайне незначительно и, во всякомъ случаѣ, не оправдаютъ ожиданій.

Касательно затрудненій, вызываемыхъ купцами, собесѣдники мои утверждаютъ, что вызываются они вѣроятно, мелкими торговцами, которые быть можетъ и прежде грѣшили утайкою товаровъ, и впредь не прочь погрѣшить въ томъ-же смыслѣ, но что все дѣло до того ничтожно и маловажно для крупныхъ торговцевъ, тѣмъ болѣе съ точки зрѣнія общихъ интересовъ торговли, что о немъ и говорить не стоитъ. Впрочемъ и они прибавили, что, если зундскую пошлину можно понизить до первоначальнаго разумнаго размѣра въ одинъ процентъ, это окажется выгоднымъ какъ для ввозной, такъ и для вывозной торговли съ Россіей, и нельзя не признать, что такая сбавка явилась-бы со стороны короля датскаго естественнымъ отвѣтомъ на любезность его величества въ этомъ дѣлѣ. Они вообще не видятъ, чтобы возстановленіе формы паспортовъ, испрошенной Вестфаленомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, представляло затрудненіе, хотя форма эта и существовала только нѣсколько мѣсяцевъ.

Основываясь на этой бесѣдѣ, я написалъ черновую меморію, въ которой изложилъ характеръ здѣшней торговли и лучшія средства уладить возникшія недоразумѣнія къ взаимному удовольствію сторонъ, то есть Англіи, Голландіи, Даніи и Россіи. Если я найду сегодня возможность повидать графа Остермана, передамъ ему эту

cate and submit it to him, and after having made those corrections, which he may think necessary, if he thinks any so, I shall have copied fair both to deliver to his excellency in form and to transmit to your lordship. M-r Swartz, to whom I have communicated it already, seems to think it will do in the present shape. . . .

The last news of m-r Bestuchef was from Mittau, so that he may be expected here every moment, if he is not actually arrived. The duke of Courland told me the other day, in confidence, that he was to be made cabinet minister. Though the father of this gentleman was a constant antagonist of the duke's in Courland, yet the two sons, both this and the other in Sweden, have a good share in his highness' grace and favour. This particularly has found means to convince the duke of a very strict attachment to his person, which has greatly contributed to his advancement to this new post. The duke of Courland looks on him as a sure man, and count Osterman not as one of such parts and knowledge, as to give him any jealousy, but as he appears by m-r Titley's dispatches to be in good principles, I hope he may be of use to me, and, if I find him so, I shall cultivate his friendship with care.

The princess Anne came to town this morning from Peterhoff in order

---

меморію, и сдѣлавъ въ ней исправленія, которыя онъ признаетъ нужными (если таковыя найдутся), перепишу два экземпляра на чисто, дабы одинъ изъ нихъ оффиціально представить графу, другой-же — отправить вашему превосходительству. Шварцъ, которому я только что показалъ черновую, кажется находитъ ее соотвѣтствующей даннымъ обстоятельствамъ. . . .

Послѣднія извѣстія отъ Бестужева пришли изъ Митавы, такъ что его можно ожидать сюда ежеминутно, если онъ уже не прибылъ. Герцогъ курляндскій передавалъ мнѣ на дняхъ конфиденціально, что Бестужева думаютъ назначить кабинетъ-министромъ. Отецъ этого господина всегда былъ противникомъ герцога въ Курляндіи, но оба сына его, и тотъ о которомъ я говорю, и проживающій въ Швеціи, пользуются милостью и благосклонностью его свѣтлости. Первый особенно нашелъ возможность увѣрить герцога въ чрезвычайной преданности его особѣ, что, конечно, и содѣйствовало его повышенію въ кабинетъ-министры. Герцогъ курляндскій глядитъ на него, какъ на человѣка вѣрнаго, а графъ Остерманъ — какъ на человѣка, который по своимъ знаніямъ не можетъ стать ему поперекъ дороги. Судя по письмамъ Тидлея, взгляды его намъ благопріятны и я надѣюсь воспользоваться имъ; если онъ таковъ, постараюсь стать съ нимъ въ дружескія отношенія.

Принцесса Анна Леопольдовна возвратилась сегодня поутру изъ Петергофа

to her lying in; and it is thought the court will return this day sevenight, or at farthest the tuesday following.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 29. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, July the 22nd 1740.

. . . It was my duty to inform you of the true state of my negotiation, as I found it, to the date of the letters which your lordship has yet acknowledged; but you will have seen my following ones of the eighth, twelfth, and fifteenth, o. s., give you an account of what passed between count Osterman, and afterwards the duke of Courland, and myself, that things at length begin to have a better appearance; but I cannot yet pretend to form any absolute judgement on the time, though I may flatter myself from the assurances I have received from the duke of Courland and the fundamental principles I know his highness to be in, that the Czarinna's interest is absolutely connected with that of the king's, and cannot be so with that of France. I say — I may flatter myself that the success of this negotiation will at last answer the king's expectations, and, I hope, I shall be believed, when I assure your lordship, that no mortal living can wish more ardently for the

---

въ городъ для родовъ. Полагаютъ, что и дворъ прибудетъ сюда черезъ недѣлю или не позже слѣдующаго вторника.

№ 29. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 22-го іюля 1740 г. (2-го августа н. ст.).

. . . Въ мою обязанность входило извѣщать ваше превосходительство о дѣйствительномъ положеніи дѣла по трактату: въ какомъ видѣ я нашелъ его и какъ оно шло впредь до отправленія донесеній, о полученіи которыхъ вы меня извѣстили. Теперь вами вѣроятно, уже получены и послѣдующія донесенія отъ восьмаго, двѣнадцатаго и пятнадцатаго іюля ст. ст., въ которыхъ я сообщалъ о бесѣдахъ своихъ съ графомъ Остерманомъ, а затѣмъ съ герцогомъ курляндскимъ, и о томъ, какъ дѣло наконецъ начинаетъ получать лучшій оборотъ. Я не могу отдать себѣ отчета, когда переговоры придутъ къ концу, однако — опираясь на увѣренія герцога курляндскаго и основные принципы его свѣтлости, признающіе интересы Россіи тѣсно связанными съ интересами короля и совершенно несовмѣстимыми съ интересами Франціи—льщу себя надеждой, что успѣхъ переговоровъ въ концѣ концовъ удовлетворитъ ожиданіямъ короля. Надѣюсь, ваше превосходительство повѣрите мнѣ, что ни одинъ смертный

happy issue of it, nor wish it sooner. I am the more confirmed in this hope, since sunday last I was at Peterhoff, and presented m-r Stanhope to the Courland family; and being the only foreign minister there, the Czarinna very graciously called up prince Kourakin, to be interpreter, and then myself, and on that occasion she ordered the prince, as he assured me, to explain to me as litterally as he could, what she was a going to say.

The purport of it was professions of the greatest regard and esteem for His Majesty's person, the true concern she had for everything relating to him, her hearty wishes for the success and prosperity of his arms, the thorough conviction she was in, how intimately His Majesty's and her own interests were combined, and how much she hoped, from the whole tenour of her conduct since she mounted the throne, that His Majesty would be entirely persuaded of that perfect dependance which he might place in any engagements she entered into, and of her invariable and steady perseverance in every measure she concerted; and she ended at last by laying her express commands upon me to report this declaration from her, and in her name, to the king.

Your lordship will easily believe that I did not neglect to return Her Majesty thanks in the best manner I was able, and I desired prince Kourakin to tell Her Majesty, that, if I had not known perfectly well that the king,

---

не желаетъ счастливаго и скорѣйшаго окончанія дѣла горячѣе меня. Надежды мои получили новыя основанія: прошлое воскресенье я посѣтилъ Петергофъ, чтобы представить Стэнкопа семьѣ герцога курляндскаго, и оказался тамъ единственнымъ изъ иностранныхъ дипломатовъ. Государыня любезно позвала князя Куракина, чтобы служить переводчикомъ между ею и мною, а затѣмъ и меня самого, и приказала князю возможно дословно разъяснить мнѣ, что она скажетъ.

Смыслъ ея рѣчи былъ таковъ: сначала высказаны были увѣренія въ величайшемъ почтеніи и уваженіи къ особѣ его величества, въ искреннемъ участіи ко всему, что до него касается; сердечныя пожеланія успѣха и процвѣтанія его арміи; затѣмъ глубокое убѣжденіе въ тѣсной связи его интересовъ съ ея собственными интересами; надежда, что все поведеніе Ея Величества съ самаго дня ея вступленія на престолъ внушило королю совершеннѣйшую увѣренность въ томъ, что онъ можетъ твердо полагаться на выполненіе принятыхъ ею на себя обязательствъ; на неуклонное слѣдованіе разъ обдуманному плану. Государыня закончила положительнымъ приказаніемъ мнѣ передать слова ея королю отъ ея имени.

Ваше превосходительство легко поймете, что я не преминулъ отвѣтить Ея Величеству благодарностью въ лучшихъ выраженіяхъ, которыя только могъ подыскать, и просилъ князя Куракина выразить Ея Величеству, что, не будь я вполнѣ увѣренъ

my master, was strictly in the same sentiments, that if I had not flattered myself that Her Majesty was also in them, and that, if I had not been fully convinced of the solidity and permanency of these principles, if I might take the liberty to say it, I would add, that I should never have charged myself with this commission, nor have had the honour nor the satisfaction to have made my court to the greatest princess in the universe (when the prince explained this Her Majesty smiled very graciously) and I went on to let her, that I humbly hoped that the happy and good effects of these reciprocal dispositions would soon be seen.

The extradition of the russ prisoners in Turkey seems hitherto to meet with difficulties, which, being repugnant to the late treaty, are equally disagreeable and surprise this court. They are sensible here, that it may not be altogether in the power of the Ottoman government immediately to restore those who are in the possession of particular people, and are by consequence private property; that therefore both, time and a certain address, will be necessary to set these at liberty, but this is not the case with the other prisoners, who are actually slaves on bord the galleys, the immediate execution of the treaty, by setting them free and sending them home, being entirely in the power of the Ottoman government. However the reasons alleged on the turkish side to justify these delays are, that the captain

---

въ томъ, что король, государь мой, строго держится тѣхъ-же взглядовъ, если-бы я не льстилъ себя надеждою, что Ея Величество раздѣляетъ ихъ, если-бы не былъ убѣжденъ въ прочности и непоколебимости изложенныхъ принциповъ, я бы—беру смѣлость высказать — никогда не рѣшился принять на себя данное мнѣ порученіе и не имѣлъ-бы чести и счастія представиться величайшей монархинѣ міра (когда князь передавалъ эти слова мои, Государыня улыбнулась очень милостиво). Въ заключеніе я высказалъ почтительную надежду, что счастливые и добрые плоды взаимныхъ отношеній Государыни и короля вскорѣ проявятся.

Выдача русскихъ плѣнныхъ турками, кажется, до сихъ поръ встрѣчаетъ препятствія, что, конечно, противорѣчитъ мирному договору и на столько-же неріятно русскому двору, на сколько и удивляетъ его. Здѣсь понимаютъ, что оттоманское правительство не въ состояніи немедленно возвратить плѣнныхъ, перешедшихъ въ руки частныхъ лицъ и, слѣдовательно, составляющихъ частную собственность, что освобожденіе ихъ требуетъ времени и нѣкотораго умѣнія, но подобныхъ затрудненій не представляютъ плѣнные, пребывающіе рабами на галерахъ, такъ какъ отъ турецкаго правительства вполнѣ зависитъ немедленно выполнить требованія договора — освободить ихъ и отправить на родину. Турція, чтобы оправдать свою медлительность, заявляетъ, будто капитанъ-паша, командующій галернымъ флотомъ, по обычаю ежегодно проводитъ лѣто въ крейсерскомъ плаваніи по Архипелагу. Доходы этого паши сильно

basha, who commands the galleys, according to custom, constantly every year makes a cruise, during the summer, in the Archipelago, from the islands of which the revenues of that officer arise, who has represented that any alterations being made in this annual and customary cruise might create a great discontent among the people, and that it would be impossible for him to perform it, if before this campaign was over he should be obliged to set the russian slaves at liberty, for want of others to replace them; but those reasons not having appeared satisfactory here, count Osterman has wrote to the marquis de Villeneuve to desire him to employ his best offices and strongest instances in order to obtain the full execution of this part of the treaty, and his excellency has also wrote to the grand-vizir, appealing to the said treaty, and at the same time declaring that till the russ prisoners are set at liberty no more of the turkish ones can be so (of which however three or four thousand have been sent back already); and in effect, orders have been issued here to put a stop to any more of the turkish prisoners being enlarged or proceeding on their return home.

So the matter stands as to the Levant cruize. Another in the Baltic, at our end of the gulph of Finland, does not give greater satisfaction. It is of a little swedish vessel mounted with six small cannon, who keeps prowling about, and often steers within the island of Hogland, brings to all ships bound hither, and the two constant questions are—whether they have seen

---

увеличиваются поборами съ острововъ, потому онъ увѣрилъ правительство, что всякое измѣненіе въ ежегодномъ обычномъ крейсерствѣ можетъ вызвать большое волненіе въ народѣ; между тѣмъ крейсерство становится невозможнымъ, если его обяжутъ немедленно освободить русскихъ рабовъ, такъ какъ пока замѣнить ихъ некѣмъ. Эти доводы здѣсь показались неудовлетворительными, и графъ Остерманъ писалъ Вильневу, прося его дружеской помощи и строгаго вмѣшательства, дабы статья договора о плѣнныхъ была выполнена немедленно. Вице-канцлеръ писалъ также верховному визирю, опираясь на тотъ-же трактатъ, и заявилъ въ то же время, что пока русскіе плѣнные не получатъ свободы, ее не получатъ и плѣнные турки. Изъ послѣднихъ на родину уже отправлено три или четыре тысячи человѣкъ, однако здѣсь дѣйствительно изданъ указъ о пріостановкѣ дальнѣйшаго освобожденія турецкихъ плѣнныхъ или возвращенія ихъ въ отечество.

Такъ стоятъ дѣла по восточному крейсерству. На Балтійскомъ морѣ, въ нашемъ концѣ Финскаго залива дѣла также не вполнѣ удовлетворительны. Небольшой шведскій корабль съ шестью маленькими орудіями разъѣзжаетъ взадъ и впередъ по заливу, и часто, держась у острова Гохланда, обращается къ проходящимъ сюда судамъ съ двумя неизмѣнными вопросами: не видали ли они русскихъ военныхъ кораблей, которыхъ нынче лѣтомъ ожидаютъ изъ Архангельска? Не видали-ли судовъ

any' of the russ men-of-war expected this summer from Archangel, or if any of the french fleet, and then wishes them a good voyage. The last question is looked upon here as a swedish gasconade, calcu lated only to make people believe such a fleet is expected; and they look upon the former question to be no concern of this swedish cruiser, nor his steering his course so nigh this shore and port, so much within their own waters, neither to be very usual nor very civil.

Since I have mentioned the Archangel men-of-war, I may add, that the arrival of so many of them as were expected this year, will probably be prevented by a ship, which was sent from hence to carry thither stores and rigging, having been lost, as I hear, on the Pomerania coast.

Baron Mengden, vice-president of the college of justice for the province of Livonia, has been declared since my last president of the college of commerce in the room of Musin-Pushkin, one of the late state criminals, who had his tongue cut out and was sent into perpetual banishment. The Czarinna has likewise made him a present of the late Wolinsky's house. I have the honour of the baron's acquintance, and from his fair character am persuaded, he will not do any hard thing to the merchants, nor oppress trade in general from those low and interested motives which have too often operated on his predecessors equally to the prejudice of the public and pri-

---

французскаго флота? А затѣмъ желаютъ имъ добраго пути. Въ вопросѣ о французскомъ флотѣ здѣсь видятъ хвастовство шведовъ, разсчитанное только на то, что люди повѣрятъ, будто французскій флотъ ожидается; что-же касается до вопроса объ архангельскихъ корабляхъ, полагаютъ, что онъ выдуманъ не маленькимъ шведскимъ крейсеромъ, что крейсеръ этотъ не самъ рѣшился забѣгать такъ близко къ русскому берегу и къ русскимъ портамъ, такъ далеко отъ собственныхъ водъ; вообще, поведеніе его признаютъ и не обычнымъ и не особенно вѣжливымъ.

Разъ я упомянулъ объ архангельскихъ судахъ, могу прибавить, что прибытіе того количества ихъ, которое ожидалось, въ этомъ году не состоится, такъ какъ корабль, съ которымъ отправлены были отсюда принадлежности для ихъ снаряженія, я слышалъ, погибъ у береговъ Помераніи.

Баронъ Менгденъ, вице-президентъ юстицъ-коллегіи въ Лифляндіи, назначенъ, уже послѣ отправленія моего послѣдняго донесенія, президентомъ коммерцъ-коллегіи на мѣсто Мусина-Пушкина, одного изъ государственныхъ преступниковъ, который, по урѣзаніи языка, отправленъ въ вѣчную ссылку. Царица подарила Менгдену и домъ покойнаго Волынскаго. Я имѣю честь быть знакомымъ съ барономъ и, судя по его прекрасному характеру, убѣжденъ, что онъ будетъ мягокъ съ купцами, и, вообще, не станетъ тѣснить торговлю изъ низкихъ и своекорыстныхъ побужденій, какъ очень нерѣдко тѣснили ее его предшественники, въ ущербъ и казеннымъ, и частнымъ ин-

vate interest; and I believe this the more because he is a gentleman of a good private fortune, and he is to have a salary of 4800 roubles, nigh 1200 £ sterling per annum, as a foreigner, whereas a preident who was as native would only have 1000 roubles per annum.

The privy councillor Munich, brother to the field-marshal, has also been made director of the mint, in the room of count Golofkin (brother to the ambassador at the Hague) who will be glad to have got rid of this obstacle to the leave he has long sollicited to travel to Naples, for three years, on account of his ill state of health; though I do not find that he has yet obtained this permission.

The duke of Courland enquired of me sunday last—whether there was anything fixed for an interview betwixt His Majesty and the young king of Prussia, and whether there would be one or no? I humbly hope that I shall not be understood, I am sure I do not design, to mean anything but, as I believe it my duty, to report an affair, which this court seems to wish with the greatest earnestness, and to wait for the good effects of with equal impatience.

The court is expected in town next saturday. . . .

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

тересамъ. Надѣюсь на это и потому, что самъ онъ обладаетъ хорошимъ состояніемъ, да и жалованья будетъ получать 4800 рублей, то есть около 1200 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, какъ иностранецъ; президенту изъ русскихъ полагалось-бы только 1000 рублей въ годъ.

Тайный совѣтникъ Минихъ, братъ фельдмаршала, также назначенъ начальникомъ монетнаго двора вмѣсто графа Головкина (брата русскаго посла въ Гаагѣ). Графъ радъ такому устраненію препятствія къ отпуску, котораго онъ домогается давно, года три, для путешествія въ Неаполь въ видахъ поправленія здоровья. Впрочемъ, еще не слыхать, чтобы онъ получилъ разрѣшеніе.

Герцогъ курляндскій прошлое воскресенье спрашивалъ меня—рѣшено-ли что нибудь по поводу свиданія его величества съ молодымъ королемъ прусскимъ, состоится оно, или нѣтъ? Смѣю надѣяться, что никто не заподозритъ во мнѣ желанія, никто не припишетъ мнѣ намѣренія дать этому дѣлу тотъ или иной оборотъ, считаю только своимъ долгомъ донести объ обстоятельствѣ, котораго русскій дворъ, видимо, очень желаетъ и добрыхъ плодовъ котораго ждетъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ.

Прибытія двора въ Петербургъ ожидаютъ въ будущую субботу. . .

№ 30. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, July the 26th 1740.

I was with count Osterman wednesday, and related to him very particularly what passed the sunday before between the Czarinna and myself, of which I informed your lordship so amply last post, and I told his excellency, that, though I had not failed to make so agreeable a report to the king of what had afforded me such true satisfaction, yet, at the same time, I thereby found myself under the greatest difficulties, since, after having reported to the king both his excellency's, and now the Czarinna's assurances of the good dispositions here, I was under the greatest apprehensions that His Majesty, reflecting on these, and at the same time seeing that I had not so much as begun the negotiation which was the chief object of my mission, nor could not so much as tell the time when I should set my hand to this desirable work, notwithstanding the previous assurances of their minister before my leaving England, I said, that I was under the greatest apprehensions, that His Majesty might attribute these delays to my own negligence. His excellency, as to that, replied, that though this was a very ministerial turn, yet he must see things in a very different light, and, with my leave, think, no minister in so short a time, had ever made so great progress in his business at any court, since I had

---

№ 30. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 26-го іюля 1740 г. (6-го августа н. ст.).

Въ среду я видѣлся съ графомъ Остерманомъ и очень подробно разсказалъ ему о происходившемъ прошлое воскресенье свиданіи своемъ съ Царицей, которое обстоятельно описано мною вашему превосходительству съ прошлой почтой. Я заявилъ графу, что, конечно, поспѣшилъ сообщить королю о событіи, которымъ я былъ такъ осчастливленъ, но, тѣмъ не менѣе, нахожусь въ чрезвычайномъ затрудненіи, какъ-бы, по извѣщеніи объ увѣреніяхъ, слышанныхъ и отъ его сіятельства, и отъ самой Царицы касательно добраго расположенія русскаго двора, его величество — принимая во вниманіе эти увѣренія съ одной стороны, а съ другой то, что я даже еще не приступилъ къ переговорамъ, составляющимъ главный предметъ моей миссіи, и даже вопреки всему что слышалъ еще до отъѣзда своего изъ Англіи, не могу сказать, когда приложу руку къ желанному дѣлу — не приписалъ всѣхъ проволочекъ моему собственному нерадѣнію. Графъ отвѣчалъ, что, не смотря на мое дипломатическое краснорѣчіе, не можетъ не видѣть дѣло въ нѣсколько иномъ свѣтѣ и, съ моего позволенія, полагаетъ, что ни одному посланнику еще никогда не удавалось дѣйствовать при какомъ-бы то ни было дворѣ съ такимъ успѣхомъ, какъ мнѣ, такъ какъ я полу-

had such express and categorical assurances, both from himself, the duke of Courland, and now from the Czarinna herself, that the fixed intentions of this court were to be united as intimately with His Majesty, as their natural interests were evident and reciprocally combined; that he hoped such positive declarations would be believed and relied on everywhere, and then they would, to all intents and purposes, be of the same use to the king, our master, as if the treaty was actually signed and sealed, for, when we once entered upon this negotiation, it would be the affair of a day or two only. That it was always right (making use of a latin proverb) to deliberate long (an ill timed one), what was to be resolved on, and when that was at last concluded, unalterably to stick to that, and pursue it, notwithstanding any sudden start and turn of fluctuating conjunctures, or, though they should in course arise, contrary to the first and flattering expectations; that these were the principles, on which this court had always acted, ever since he had been in the service, and he hoped it would not depart from them as long as he continued in it; that he thought, that precipitating this measure and the overhasty concluding this treaty, as things of this kind must be sooner or later known, might only serve to give a premature alarm, and thereby greatly frustrate all the good purposes which both aimed at and expected from it; that, if the object meant was

---

чилъ столь знаменательныя и рѣшительныя увѣренія и отъ него, и отъ герцога курляндскаго, и отъ самой Царицы въ твердомъ намѣреніи русскаго двора держаться близкаго союза съ королемъ, ввиду естественной и очевидной связи взаимныхъ интересовъ Россіи и Англіи. Графъ выразилъ далѣе надежду, что столь рѣшительнымъ заявленіямъ повѣрятъ, что на нихъ могутъ положиться, что, каковы-бы ни были предположенія и цѣли короля, данныя увѣренія могутъ имѣть для него то-же значеніе, какъ трактатъ вполнѣ подписанный и снабженный надлежащими печатями; что разъ мы приступимъ къ переговорамъ — они закончатся въ день и много въ два; что всегда полезно, по латинской пословицѣ (несвоевременная пословица), взвѣшивать дѣло долго, а порѣшивъ его, покончивъ наконецъ, крѣпко держаться рѣшеннаго, не смотря на встрѣчающіяся препятствія, на измѣнчивыя обстоятельства, которыя и впредь могутъ возникать вопреки первоначальнымъ благопріятнымъ ожиданіямъ; что русскій дворъ всегда дѣйствовалъ сообразно этимъ принципамъ съ тѣхъ самыхъ поръ какъ графъ находится въ русской службѣ и, вѣроятно, не отступится отъ нихъ пока графъ остается на своемъ мѣстѣ. По мнѣнію графа поспѣшность въ заключеніи предположеннаго договора и всякихъ подобныхъ ему соглашеній, рано или поздно становится извѣстною и ведетъ только къ преждевременной тревогѣ, а потому разрушаетъ благія цѣли, къ которымъ стремятся, на которыя надѣятся договаривающіяся стороны. Если цѣль трактата, продолжалъ вице-канцлеръ, ограничивается союзомъ двухъ дво-

only a confined one to the two courts, he had nothing to say; but as his excellency thought that it was to carry more extensive and general views, and that these were (as it was high time) to establish a new and general system, before it might be too late to do it, that he was of opinion that the steps taken ought to be sure and safe, though they might be something slower; that moreover, though he was very sensible that the united power of England and Russia was very great, and would be always respected, yet he believed that it would be more so by widening their bottoms, and forming a more general concert; that for this reason, it would be very right and necessary to make use of all those means to secure Denmark, which are actually employed to debauch that court, since things of this kind, done in time, are always easier and attended with less expence; that the king of Prussia should be cultivated, and, if possible, fixed, in which there was no time to be lost; that, though the United provinces could not be consulted in form and in a collective body, yet the pensionary and greffier, and the leaders in every province, who did well, might be sounded, and as far as it must be necessary or useful, there could be no inconveniency in in the thing itself, nor danger of being disowned by, or disavowed, in the letting these friends know in confidence on what terms and in what disposition our two courts were.

ровъ, она маловажна, если-же, какъ полагать должно, имъ желаютъ достигнуть цѣлей болѣе широкихъ, болѣе общихъ, именно своевременнаго установленія новой политической системы (сдѣлать это давно пора), всякій шагъ въ этомъ направленіи должно дѣлать твердо и надежно, хотя-бы и нѣсколько медлительно. Къ тому же графъ, вполнѣ сознавая какую мощъ представляютъ собою соединенныя силы Великобританія и Россіи, на сколько она внушаетъ уваженіе, полагаетъ однако, что она еще умножится расширеніемъ ея основаній, образованіемъ болѣе широкаго союза. По всѣмъ изложеннымъ причинамъ, по мнѣнію графа, совершенно разумно и необходимо было-бы направить теперь же къ привлеченію Даніи всѣ средства, которыя теперь направлены къ ея отвлеченію отъ старыхъ друзей; такого рода мѣропріятія, всегда тѣмъ легче и достижимѣе, чѣмъ болѣе своевременно они принимаются. Необходимо также—и притомъ не теряя времени—заняться королемъ прусскимъ и, если возможно, обезпечить его содѣйствіе. Если и нельзя вести формальныхъ переговоровъ съ коллективнымъ представительствомъ Соединенныхъ провинцій, можно, однако, войти въ сношенія съ пенсіонаріемъ, съ секретаремъ, съ вліятельными лицами отдѣльныхъ провинцій, на сколько лица эти могутъ оказаться полезными. Такія сношенія не представляютъ ни неудобствъ сами по себѣ, ни опасности оглашенія конфиденціально повѣреннаго друзьямъ факта о взаимныхъ отношеніяхъ нашихъ дворовъ.

Your lordship will see that what he put in one continued narrative arises from a trial of mine in this conversation. His excellency then asked me, what we would do in Sweden? I replyed, that the having fixed the landgrave of Hesse-Cassel would, no doubt, appear to that minister, both a very decisive measure, and doing all that could be done, as yet, on the part of England; for by that disjunction of the two interests of the same prince, though the king of Sweden might not have weight enough entirely to stem the tide of the country, yet his excellency must be sensible that had that prince swam with it, he would have made the torrent there stronger, since it would have happened, in that case, as in ordinary life, where people, who cannot do a great deal of good, might often do a great deal of harm. Count Osterman replied, that he must own, this was something; but what do you propose, said he, to do more there? I answered, that this would depend on them here, since I have His Majesty's commands to assure him that m-r Burnaby had been directed to go hand in hand, and in the same proportion to m-r Bestuchef. Upon this, he repeated the words «Burnaby» and «proportion» as to himself, and then said, with a good deal of acrimony (it is my duty not to conceal it): «I understand you, and I admire you, and still more the choice of your minister»; and then went on, with great warmth, to tell me that not only they had already several

---

Ваше превосходительство видите, что въ этой бесѣдѣ графъ собственно пыталъ меня въ связномъ разсказѣ. Онъ затѣмъ прямо спросилъ меня — что мы полагаемъ дѣлать въ Швеціи? Я отвѣчалъ, что водвореніе ландграфа гессенъ-кассельскаго, конечно, будетъ признано графомъ мѣрой рѣшительной, исчерпывающей все, чего пока можно требовать отъ Англіи. Интересы монарха такимъ образомъ раздвоены. Хотя въ Швеціи король не имѣетъ значенія, достаточнаго для противодѣйствія общественному настроенію, нельзя, однако, не согласиться, что — иди онъ за одно съ этимъ настроеніемъ — теченіе обратилось бы въ бурный потокъ, и оказалось бы — какъ часто встрѣчается въ обыденной жизни — что человѣкъ, неспособный сдѣлать много добра, способенъ надѣлать много бѣдъ. Графъ Остерманъ долженъ былъ сознаться, что такимъ образомъ нѣчто уже сдѣлано, но тутъ же спросилъ, что мы думаемъ сдѣлать еще? Я отвѣчалъ, что дальнѣйшія наши дѣйствія въ Швеціи зависятъ отъ русскаго двора, такъ какъ я отъ короля уполномоченъ заявить, что Бернэби приказано дѣйствовать за одно съ Бестужевымъ и дѣлать затраты въ равной съ нимъ мѣрѣ. Повторивъ про себя: «Бернэби . . . въ равной мѣрѣ . . .», графъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ довольно язвительно (считаю долгомъ не скрыть этого): «Понимаю васъ, и любуюсь вами, и особенно выборомъ вашего уполномоченнаго». Затѣмъ онъ горячо сталъ разсказывать, что Россія не только уже отправила въ Швецію нѣсколько десятковъ

ten thousand crowns in that country, but that they had actually distributed them, for now was the time or never; that, however, what they did in Sweden was not on account of that country's confined to itself, for they had so little to fear from it alone, and had too great an opinion of our friendship to think we should concur in measures with that country against this, and knew that France, the only remaining power, could do it only by her money; that if it was not for their reluctance to trouble the peace of the north and to do what England might be the first to dissuade and disapprove, they should not have so long dissembled all those impertinences and insults received from that quarter, which at last, however, might make them lose their patience (which your lordship will see below in a fresh incident, out of cypher, if I have time to insert it); that whatever force Sweden could employ Russia, with the least trouble, or additional expence, could oppose them double, and they knew very well here how to give Sweden more business at home, and perhaps in their capital, than they could turn their hands to; but that Muscovy, like England, did not desire one foot of land more; so that what they did now in Sweden, was on more general and extensive views, for that as he was an old man, might soon end his days, and had been often a prophet, he desired me to remenber, that the chief employment to which France destined Sweden and was forming

---

тысячъ кронъ, но уже и раздала ихъ, такъ какъ раздавать надобно теперь или никогда; что, впрочемъ, все, предпринимаемое въ Швеціи, предпринимается не ради самой Швеціи, которой, пока она одна, Россіи, очевидно, опасаться нечего; что русское правительство слишкомъ увѣрено въ нашей дружбѣ, чтобы предполагать возможность какихъ либо интригъ въ Швеціи съ нашей стороны, направленныхъ противъ Россіи; здѣсь понимаютъ также, что единственная страна, способная на такія интриги — Франція — можетъ дѣйствовать исключительно деньгами. «Если-бы», продолжалъ графъ, «не крайнее отвращеніе Россіи къ нарушенію мира на сѣверѣ, къ поступкамъ, отъ которыхъ Англія первая пожелаетъ удержать, отклонить ее, она бы не стала такъ долго сносить всѣ дерзости и оскорбленія, которыя терпитъ отъ Швеціи, но которыя могутъ наконецъ вывести ее изъ терпѣнія (далѣе, если успѣю, сообщу вашему превосходительству безъ шифра новый случай). Какія бы силы Швеція не выставила, Россія, безъ всякихъ хлопотъ, безъ малѣйшихъ затратъ выставитъ вдвое; русскій дворъ кромѣ того хорошо знаетъ, какими путями задать Швеціи дѣла вдоволь у нея же дома, въ самомъ Стокгольмѣ. Россіи, также какъ и Англіи, не нужно ни пяди чужой земли. Все, что Россія дѣлаетъ въ настоящее время въ Швеціи дѣлается изъ другихъ, болѣе широкихъ видовъ...». «Я», заключилъ вице-канцлеръ, «человѣкъ старый, въ гробъ гляжу, и мнѣ нерѣдко случалось быть пророкомъ. Запомните: Франція,

her parties in the north with great vigour and expence, was not against this country alone, as would be more clearly seen hereafter. His excellency ended at last, that the openess with which he talked to me, the advice he himself earnestly to be the dangerous designs of the french king, and the means he pointed out, were the strongest proofs of the sincerity of the good intentions of this court to unite with His Majesty, for if these did not really subsist, they should certainly, instead of suggesting such means, be the first to endeavour to thwart them, did they see that we were actually employing them.

This is a very full and as true a report of my last conversation with count Osterman, by which, I believe, it will appear that his excellency is desirous both, that they should be a little more prepared, and that they could be hereafter a little less under the french lash in the turkish affairs, but that in the main they really intended to finish the negociation according to the king's wishes, though not so soon as His Majesty expected. However as this court returns to-night, and m-r Bestuchef is hourly expected, who, as m-r Titley informs me, is well intentioned, I shall either employ him as an useful interpreter, or somebody else, to prevail on the duke of Courland, to spur on count Osterman's dilatoriness, that this affair may be brought to as speedy a conclusion as possible, for which nobody can wish more than myself.

подымая Швецію и образуя себѣ партію на сѣверѣ съ такой энергіей и такими затратами, собираетъ силы не противъ одной Россіи. Въ этомъ вы со временемъ убѣдитесь. Откровенность, съ которой я бесѣдую съ вами, совѣтъ мой вамъ обратить серьезное вниманіе на замыслы французскаго короля, указанія на средства къ противодѣйствію — все это явныя доказательства искренняго и дружескаго желанія русскаго двора дѣйствовать за-одно съ его величествомъ. Не будь этого желанія, мы бы не только не указывали средствъ противодѣйствія, а еще, замѣтивъ ваши мѣропріятія, стремились разрушить ихъ».

Вотъ вполнѣ подробный и вѣрный отчетъ о послѣдней моей бесѣдѣ съ графомъ Остерманомъ, изъ которой, кажется, можно вывести, что вице-канцлеръ желаетъ и лучше подготовиться, и совершенно высвободиться изъ французской петли по турецкимъ дѣламъ прежде, чѣмъ подписать трактатъ, но что все-таки здѣсь дѣйствительно намѣрены покончить дѣло согласно желаніямъ короля, хотя и не такъ скоро, какъ его величество надѣялся. Впрочемъ сегодня вечеромъ дворъ возвращается изъ Петергофа; со дня на день ожидаютъ и пріѣзда Бестужева, который, судя по извѣщенію Тидлея, хорошо настроенъ. Я постараюсь воспользоваться имъ или какъ полезнымъ переводчикомъ, или иначе, для давленія на герцога курляндскаго, для разслѣдованія причинъ медлительности графа Остермана, вообще для возможно-скорѣйшаго довершенія дѣла, чего, конечно, никто не желаетъ больше чѣмъ я.

The little swedish snow, which I mentioned to be cruizing in these seas, fell in with the last packet boat from Lubeck, to which she bore up, and called to the lieutenant, who commanded the packet, to strike, and if he did not, threatened to fire on him; in effect he hawled out his small cannon and pulled out the plugs in the mouth of them. The lieutenant told the swede who he was, what vessel he commanded, and declared that he would not strike, but return his shot with a broadside, for which purpose he made ready also, upon which the swede did not think proper to fire, but after having kept a long side of the packet about a quarter of an hour, steered off and left her. As this incident passed in what they call here their fair water, your lordship will easily believe that they neither find it regular nor agreeable, and count Osterman has by order communicated to m-r Nolken the account of this transaction he received in writing from the lieutenant of the packet.

As I have delivered a copy of my pro memoria on the Sound affair to count Osterman, I transmit a second to your lordship, a third to the duke of Newcastle, since baron Solenthal has been plagueing his grace, and a fourth to m-r Titley for his information and that he may be the better able to execute those instructions your lordship may send him for, I find count Osterman thinks that what may be expected to be done on the danish side in

---

Небольшая шведская шнява, о крейсерствѣ которой въ Финскомъ заливѣ я упоминалъ, встрѣтивъ пакетботъ, шедшій изъ Любека, подошла къ нему, и закричала лейтенанту, командиру пакетбота, чтобы онъ остановился, угрожая, что будетъ стрѣлять въ случаѣ ослушанія, и, дѣйствительно, выдвинула свою маленькую пушку и вынула затычку изъ ея жерла. Лейтенантъ заявилъ шведу кто онъ, какимъ судномъ командуетъ и прибавилъ, что не остановится, а отвѣтитъ на выстрѣлъ огнемъ по всему борту, для чего и сдѣлалъ надлежащій маневръ. Шведъ, услыхавъ это, стрѣлять не рѣшился, но еще съ четверть часа шелъ рядомъ съ пакетботомъ, пока наконецъ не отошелъ и не скрылся. Дѣло происходило въ русскихъ територіальныхъ водахъ, потому ваше превосходительство легко поймете, что его здѣсь нашли и неумѣстнымъ и непріятнымъ. По приказанію Ея Величества, графъ Остерманъ сообщилъ Нолькену письменный отчетъ лейтенанта.

Я передалъ графу Остерману свою меморію по зундскому вопросу, потому препровождаю одну копію съ нея вашему превосходительству, другую — герцогу ньюкестельскому, такъ какъ Золенталь досаждаетъ его свѣтлости, и третью — Тидлею для свѣдѣнія и дабы онъ легче могъ выполнить инструкціи, которыя ваше превосходительство ему доставите. Графъ Остерманъ полагаетъ, что по поводу уступокъ, ожидаемыхъ отъ датскаго правительства въ пользу англійской торговли, должно

favour of the english trade must be pressed at Copenhagen and, as he says, on the very good foundation of the general clause at the end of the tariff.

The general in chief Lowendahl arrived this week with the lady from his government of Reval and stopped at Peterhoff, where he was lodged, besides a promise he had from Her Majesty that he should be allowed to take a trip here this summer, to make his court. I believe there has also been the additional reason, that they had a mind to consult him on things relating to the artillery, of which he had the direction during the last campaigns, and in which he has great knowledge and experience.

Her Majesty has already disposed of part of the confiscated estates of the late criminals. Puskin's house and furniture in town, said to be worth 5 or p. 6000 sterl., has been given to baron Mengden, who has succeeded him in the college of commerce. The field-marshal Munich has received a small house he had in the neighbourhood of Peterhoff, and general Gustave Biron some considerable lands belonging to the same in the Ukraine.

Her Majesty came to town at 8 o'clock to night.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

произвести давленіе въ Копенгагенѣ, именно — какъ онъ полагаетъ — на основаніи общаго положенія въ концѣ тарифа.

Генералъ-аншефъ Левендаль прибылъ сюда на этой недѣлѣ съ женою изъ Ревеля, гдѣ состоитъ губернаторомъ, и остановился въ Петергофѣ, гдѣ получилъ квартиру, такъ какъ Ея Величество обѣщала ему помѣщеніе на это лѣто для пріѣзда ко двору. Полагаю, что это сдѣлано съ намѣреніемъ выслушать его мнѣніе касательно русской артиллеріи, которой онъ командовалъ въ послѣднихъ кампаніяхъ и по которой, вообще, обладаетъ большими свѣдѣніями и опытомъ.

Ея Величество уже распорядилась частью имущества, конфискованнаго у государственныхъ преступниковъ. Домъ Пушкина со всѣми принадлежностями (все это здѣсь въ городѣ оцѣниваютъ въ 5—6 тысячъ фунтовъ стерлинговъ) отданъ преемнику Пушкина по комерцъ-коллегіи, барону Менгдену. Фельдмаршалъ Минихъ получилъ небольшой домикъ его близъ Петергофа; генералъ Густавъ Биронъ — нѣсколько значительныхъ помѣстій его на Украинѣ.

Ея Величество прибыла въ Петербургъ сегодня въ 8 ч. вечера.

№ 31. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Hanover, July the 27th 1740.

. . . The king approved the discourse you held to count Osterman in relation to the title of Czarish Majesty, which is still given in the king's letters to the Czarinna, and wherein His Majesty cannot be said to be singular, as neither the emperor, nor France have as yet, that we have ever heard, consented to give the title of empress, though the king may not be averse to gratify the Czarinna in that respect upon a proper occasion.

It was agreeable to His Majesty to see that no stress was laid upon the business of embellishing letters between the two courts, as it may be of great convenience to be freed from such a restraint in writing upon matters, that may at any time arise, of secrecy and importance [1]).

Count Osterman's way of talking to you, with regard to the principal point of your instructions, was very unexpected and very surprising to the king, and indeed, after such a cold reception from that minister, there seems little hope left of succeeding, for the present at least, through his canal, but His Majesty supposes you will, in consequence of my former letters,

---

№ 31. Лордъ Гаррингтонъ Эдуарду Финчу.

Гановеръ, 27-го іюля 1740 г. (7-го августа н. ст.).

. . . Король одобрилъ слова, сказанныя вами графу Остерману касательно титула Ея Царскаго Величества, который всегда употреблялся въ письмахъ короля къ Царицѣ и по поводу котораго поведеніе его величества отнюдь не можетъ быть признано страннымъ, тѣмъ болѣе, что ни императоръ, ни Франція, на сколько мы слышали, никогда не давали русской монархинѣ титула императрицы. Впрочемъ король не прочь оказать эту почесть Царицѣ при удобномъ случаѣ.

Его величеству пріятно было услыхать, что на вопросъ объ украшеніяхъ въ перепискѣ между дворами русскимъ и великобританскимъ, не обращено никакого вниманія. Очень пріятно избавиться отъ такого стѣсненія въ случаѣ переписки о дѣлахъ важныхъ и секретныхъ [1]).

Характеръ бесѣды графа Остермана съ вами по поводу главнаго предмета вашей миссіи явился большою неожиданностью и очень удивилъ короля. Дѣйствительно такой пріемъ вице-канцлера даетъ мало надежды на успѣхъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время и черезъ него. Но его величество полагаетъ, что, принявъ во вниманіе мои предыдущія письма, вы уже успѣли коснуться того же дѣла въ бесѣдѣ съ

---

1) Далѣе до конца письмо писано шифромъ.

have before this time made your application upon the same subject to the duke of Courland, and that, if his highness should appear to be in the same unpromising disposition as m-r Osterman, His Majesty shall at least be informed by him of the true reasons of such a change, since he cannot look upon what is alledged by the former, of his being too much engaged in the turkish affairs, in any other light, than as a mere defaite. M-r Suhm may probably be gone from thence before this arrives, but he will have left a secretary, who is commended by the court of Dresden as a person of trust, and concerning whom m-r Villiers informs me that he has written to you. But if you should not have judged him a proper interpreter between the duke and you in an affair of so much importance, I hope, at all events, you will not be long without the secretary, who went from hence to you some time since by the way of Lubeck, recommended by m-r Munchausen.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 32. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, July the 29th 1740.

I enclose to your lordship, (marked A.) a paper I have received from capitain Elton, whom I mentioned in my dispatch of the 24th ultimo, wherein

---

герцогомъ курляндскимъ, и что въ случаѣ, если бы и его свѣтлость оказалась въ такомъ же малообѣщающемъ настроеніи, какъ графъ Остерманъ, король по крайней мѣрѣ узнаетъ о причинахъ послѣдовавшей перемѣны. Въ причинахъ медлительности, приведенныхъ графомъ, въ слишкомъ большихъ хлопотахъ по турецкимъ дѣламъ, онъ можетъ видѣть только уклончивость. Сумъ, вѣроятно, выѣдетъ изъ Петербурга ранѣе прибытія этого письма, но онъ оставляетъ въ Петербургѣ секретаря, котораго дрезденскій дворъ рекомендуетъ, какъ человѣка, на котораго можно положиться и о которомъ Вилльеръ писалъ вамъ, какъ онъ извѣщаетъ. Если вы, однако, почему либо признаете его неудобнымъ для роли переводчика между вами и герцогомъ въ дѣлѣ столь важномъ, вамъ, надѣюсь, во всякомъ случаѣ, не долго придется ждать секретаря, рекомендованнаго Мюнгаузеномъ; онъ выѣхалъ отсюда нѣсколько времени тому назадъ черезъ Любекъ.

№ 32. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 29-го іюля 1740 г. (9-го августа н. ст.).

Прилагаю при семъ (подъ литерою А) бумагу, полученную мною отъ капитана Эльтона, о которомъ упоминалъ въ депешѣ отъ 24-го іюня, касательно привиллегій,

he sets forth the privileges, which he thinks necessary to be granted by this court, for carrying on a trade across the russian empire and the Caspian sea to Persia; likewise another paper (marked B.) wherein, besides the plan of this newly projected commerce and the account that he gives of the means by which he became acquainted with the northern provinces of Persia bordering upon the Caspian and the trade carried on in those provinces by the armenians with dutch manufactures, your lordship will find a translation of the patent or privilege, which, he says, he received from Resa Gulee Mirza, eldest son of schach Nadir, who was left regent of Persia, and resided at Msched during his father's late expedition to India.

I find this court entertains a good opinion of this undertaking and seems willing to encourage it; and as several merchants here, who ventured some merchandise with capitain Elton in his first voyage, are inclinable to embark him again, and believe that a new channel of trade may be opened to Persia for our woollen manufactures, I thought it my duty to transmit these papers to your lordship, and shall wait for His Majesty's commands as to the manner in which I ought to act with respect to this matter for the future; for as I should be very glad to be the instrument of conveying a useful proposition to my country, I hope on the other hand that I shall not be considered as the projector of it, if upon its examination at the board of trade, it should be found to deserve no farther consideration.

которыми онъ признаетъ необходимымъ заручиться отъ русскаго двора для торговли съ Персіей черезъ русскія владѣнія и Каспійское море; а также другую бумагу (подъ литерою В), въ которой, рядомъ съ планомъ вновь проектируемаго торговаго предпріятія и съ отчетомъ о томъ, какъ онъ ознакомился съ сѣверными провинціями Персіи, прилегающими къ Каспійскому морю, и съ торговлею, установившеюся въ нихъ черезъ армянъ съ мануфактурами Голландіи, ваше превосходительство найдете и патентъ (привиллегію), полученный Эльтономъ, какъ онъ разсказываетъ, отъ Риза-Гули-Мирзы, старшаго сына шаха Надира, оставленнаго регентомъ Персіи и проживавшаго въ Мешхедѣ во время экспедиціи шаха въ Индію.

На сколько мнѣ кажется, русскій дворъ хорошаго мнѣнія объ этомъ предпріятіи и склоненъ поддержать его. Купцы, которые поручали капитану Эльтону свои товары при первомъ его путешествіи, думаютъ вновь довѣриться ему и полагаютъ, что для нашихъ шерстяныхъ товаровъ открывается новый сбытъ въ Персію. Все это побудило меня препроводить прилагаемыя бумаги вашему превосходительству. Буду ожидать приказаній его величества — какъ мнѣ впредь держаться по этому вопросу, потому что, хотя я и душевно радъ служить предпріятію, полезному для отечества, не желаю прослыть составителемъ проекта, который, по разсмотрѣніи его въ Торговой палатѣ, можетъ быть признанъ не заслуживающимъ вниманія.

I informed your lordship in my last of the 26th that the Czarinna returned to town that night. The next day all the foreign ministers went in the afternoon to pay their court to Her Majesty, and I amongst the rest. I found there m-r Bestucheff, who having left his family in Courland, came here, as he told me, the day before, and I was to wait upon him yesterday morning, though I did not find him at home.

M-r Suhm was with me yesterday, and told me, that he received last post his letters of revocation, conceived, as he says, in the most gracious terms, his polish majesty giving him reason to hope, after his return to Dresden, such an entire dismission from his service, as may be of no prejudice to him in the new one he is entering into; but this return to Dresden was what I believe m-r Suhm would have avoided, if he could, because it will occasion his arrival at Berlin something later than he himself, and, as he thinks, the king of Prussia, wishes. Who his successor will be, he does not as yet know.

M-r Backhoff, the danish resident, received also last post from his court a credential of envoy extraordinary to this, which character he will not defer to take upon him.

The chambellan Czernishoff is designed, though his nomination is not actually declared, to go minister from this court to that of Madrid. He is

---

Въ прошломъ донесеніи отъ 26-го іюля я увѣдомлялъ ваше превосходительство о возвращеніи Царицы въ тотъ же вечеръ въ Петербургъ. На слѣдующій день всѣ представители иностранныхъ державъ послѣ полудня явились къ Ея Величеству съ привѣтствіемъ; между прочими и я. Тамъ я встрѣтилъ и Бестужева, который, оставивъ семью въ Курляндіи, пріѣхалъ сюда, какъ онъ сказалъ мнѣ, наканунѣ. Вчера поутру я посѣтилъ его, но дома не засталъ.

Вчера я видѣлся съ Сумомъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что съ послѣднею почтою получилъ отзывныя граматы, написанныя, по его словамъ, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. Его польское величество позволяетъ ему надѣяться, что, по возвращеніи въ Дрезденъ, онъ получитъ полную отставку въ формѣ, которая не помѣшаетъ ему принять службу въ другомъ мѣстѣ. На сколько мнѣ кажется, Сумъ очень охотно избѣжалъ бы этого возвращенія въ Дрезденъ, которое отсрочитъ его прибытіе въ Берлинъ нѣсколько болѣе, чѣмъ желали-бы и онъ, и, по его мнѣнію, король прусскій. Онъ еще не знаетъ кто назначается его преемникомъ.

Датскій резидентъ Бакгофъ также съ послѣднею почтою получилъ отъ своего правительства кредитивы на званіе чрезвычайнаго посланника при здѣшнемъ дворѣ. Это званіе онъ, конечно, немедленно и приметъ.

Предполагается отправить камергера Чернышева представителемъ Россіи при мадридскомъ дворѣ, но назначеніе это еще не послѣдовало. Чернышевъ — сынъ

son of an old general, who had long served Peter the 1st, and married the only daughter of general Uschakoff, who had presided from the latter end of Peter the 1st time down to this, in every reign and throughout all revolutions, in every process of state-criminals, and, notwithstanding this and his having assisted at all the tortures, he has the general character of a very fair and upright man, and what is more, of a very humane and good natured one. His daughter, after his death, and he is a very old man, will be worth to m-r Czernischoff a land-estate of upwards of three thousand pounds a year.

Since the talk of this minister's nomination for Madrid a report has been spread that m-r Del Bene and m-r Bernachea are actually at sea on their voyage together, the last to Stockholm and the first to this place. If this report is true, your lordship must certainly have heard of it from a much shorter way.

When I saw m-r Bestucheff at court, the disposition he was in and the professions he made me, answer both my expectations and hopes; so I flatter myself, and he promises me, that, as soon as he is a little settled, he will endeavour, as much as in him lies, to help forward my negociation. M-r Keyserling, the Wolfenbuttle minister, who has a good deal of weight and credit with the duke of Courland, promised me to employ both to pre-

---

стараго генерала, долго служившаго при Петрѣ I; женатъ на единственной дочери генерала Ушакова, который, съ самой кончины Петра I и до сихъ поръ, не смотря на всѣ перевороты, велъ всѣ разслѣдованія по государственнымъ преступленіямъ и, не смотря на это, не взирая на всѣ пытки, которыхъ былъ свидѣтелемъ, сохранилъ характеръ человѣка любезнаго, прямодушнаго и, что еще удивительнѣе — человѣка гуманнаго и добраго. По смерти его (онъ уже очень старъ) дочери его, Чернышевой, достанется помѣстье, приносящее болѣе трехъ тысячъ фунтовъ годоваго дохода.

Съ тѣхъ поръ, какъ распространился слухъ объ этомъ назначеніи въ Мадридъ, здѣсь говорятъ также будто Дель-Бене и Бернакеа уже находятся въ морѣ, на пути первый въ Петербургъ, а второй — въ Стокгольмъ. Если эти назначенія дѣйствительно состоялись, ваше превосходительство, конечно, уже слышали объ нихъ изъ другого ближайшаго источника.

Когда я видѣлъ Бестужева при дворѣ, его настроеніе, данныя имъ мнѣ увѣренія, не обманули моихъ ожиданій и надеждъ, потому полагаю, ввиду его обѣщаній, что, едва устроившись здѣсь, онъ, на сколько отъ него зависѣть будетъ, поможетъ мнѣ въ моихъ переговорахъ. Представитель герцога вольфенбюттельскаго, Кейзерлингъ, пользующійся значеніемъ и довѣріемъ у герцога курляндскаго, обѣщалъ мнѣ содѣйствовать у его свѣтлости возможной отсрочкѣ въ назначеніи посланника въ Испанію.

vail with his highness to defer, at least for some time, the nomination of the minister for Spain, in which though he has not succeeded, I am sure he endeavoured it, for he is persuaded that this reciprocal mission was projected by France, whose mortal enemy he is, ever since the french ambassador insisted on, and the prince of Wolfenbuttle was obliged, to make that minister the first visit.

I have not been able to see count Osterman since my last.

APPENDICES TO ED. FINCH'S LETTER OF THE 29th JULY 1740 (№ 32).

Appendix A.

St. Petersburgh, July 1740.

It seems necessary for the british merchants, if they intend to trade through the empire of Russia to the northern provinces of Persia, to endeavour to obtain the following privileges and regulations from Her Imperial Majesty's cabinet:

That the british merchants here may have a proper ukaze i. e. an authentic order from the imperial cabinet to the admiralty here or at Kasan, that they may build in Her Imperial Majesty's yard in Kasan, as

---

Если старанія его и не увѣнчались успѣхомъ, онъ, я увѣренъ, сдѣлалъ все что могъ. Кейзерлингъ убѣжденъ, что обмѣнъ миссіями между С.-Петербургомъ и Мадридомъ проектированъ былъ Франціей, которую онъ ненавидитъ съ тѣхъ поръ какъ, по настояніямъ французскаго посла, принцу брауншвейгскому пришлось сдѣлать этому послу первый визитъ.

Со времени отправленія вамъ послѣдняго донесенія мнѣ графа Остермана видѣть не удавалось.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ДОНЕСЕНІЮ ЭД. ФИНЧА ОТЪ 29-ГО ІЮЛЯ, № 32.

Приложеніе А.

С.-Петербургъ, іюль 1740.

Въ случаѣ если великобританскіе купцы пожелали-бы установить торговлю съ сѣверными провинціями Персіи чрезъ Россійскую имперію, имъ необходимо получить отъ кабинета Ея Императорскаго Величества слѣдующія привиллегіи и постановленія:

Англійскіе купцы должны получить надлежащій указъ, то есть прямое предписаніе императорскаго кабинета здѣшнему или казанскому адмиралтейству о разрѣшеніи купцамъ построить на верфяхъ Ея Величества въ Казани при первой надоб-

soon as conveniently may be, a vessel of about 180 tons burthen, agreeable to a draught that shall be delivered the master builder at Kasan, and that this vessel shall be rigged and fitted out with guns, powder, shot and ammunition from Her Imperial Majesty's store house at Kasan; the british merchants here defraying the expence of her building etc.

That the british merchants here may have a proper ukaze from the imperial cabinet either to the admiralty here or at Astrakhan that the said british vessel may have leave to cross the sea from Astrakhan, to and from any of the ports of the Caspian sea, situated either in Persia or any part of the russian empire; that the british vessels navigating the Caspian may not be liable to be molested or detained by the guard ships or any other vessels of Her Imperial Majesty's fleet on the Caspian in their voyages to and from Persia. The british vessels giving Her Imperial Majesty's vessels all due honours, and also complying there with the customary rules in those cases, as already established in Her Imperial Majesty's navy; that the admiralty in Astrakhan may, for money, furnish the british vessels with naval stores of all kinds in case of necessity, and in cases of distress Her Imperial Majesty's guard ships and boats may afford the british vessels all reasonable assistance.

In the english foundation of the treaty of commerce, Astrakhan is

---

ности корабль приблизительно въ сто восемьдесятъ тонъ, согласно чертежу, который выданъ будетъ корабельному мастеру въ Казани; а также дабы корабль этотъ былъ снаряженъ и снабженъ пушками, порохомъ, снарядами и амуницiей изъ императорскихъ складовъ въ Казани. Купцы, конечно, берутъ на себя расходъ по постройкѣ и проч.

Англiйскiе купцы должны получить отъ императорскаго кабинета указъ здѣшнему или астраханскому адмиралтейству о разрѣшенiи означенному великобританскому кораблю ѣздить по Каспiйскому морю между Астраханью и всѣми прочими портами Каспiйскаго моря какъ персидскими, такъ и россiйскими; дабы британскiя суда, плавающiя по Каспiйскому морю, не подвергались задержкамъ и непрiятностямъ отъ сторожевыхъ или иныхъ судовъ Ея Императорскаго Величества при переѣздахъ въ Персiю или изъ Персiи. Британскiя суда, съ своей стороны, должны воздавать судамъ россiйскаго флота всѣ должныя почести, подчиняться правиламъ, постановленнымъ для судовъ Ея Императорскаго Величества. Британскiя суда должны пользоваться правомъ получать въ случаѣ надобности отъ астраханскаго адмиралтейства за надлежащую плату всякаго рода корабельныя принадлежности; въ случаѣ же несчастiя, сторожевыя суда и боты Ея Величества должны быть обязаны подавать британскимъ судамъ возможную помощь.

Въ англiйскомъ проектѣ торговаго договора Астрахань упомянута была въ

mentioned as one of those cities, in which the british subjects are exempt from being quatered on etc., but in the russ printed treaties of commerce, Astrakhan is not named as one of those cities, which mistake ought to be rectified. Also with regard to the carrying on the persian trade through the empire of Russia Saratoff on the river Volga ought to be included as one of those privileged cities, because the british merchants must have warehouses in Saratoff.

That the same passes, which the british subjects shall have granted them here in St. Petersburgh, may be sufficient to carry them quite through the empire of Russia, to and from Gilan, without their being obliged to take out new passes at Astrakhan both going and coming, which subjects them to great delay, vexation and expence. It might be sufficient for them only to produce their passes in the governor's chancery, where minutes may be taken of them, as is the custom at Kasan and other governments.

That, after the burgomasters and proper officers at Astrakhan, have inspected the seals of the british goods that arrive there from St. Petersburgh and having afterwards sealed up the hatches of such vessels, as carry those goods down from Astrakhan to the road at the entrance of the Wolga (named Cheterie Bogore island), where the principal guard ship lies; that the commander of the guard ship shall be obliged fortwith to come or send

---

числѣ городовъ, въ которыхъ британскіе подданные имѣютъ право свободнаго жительства; однако, въ печатномъ русскомъ текстѣ трактата Астрахань въ числѣ такихъ городовъ не значится. Эта ошибка должна быть исправлена. Въ видахъ установленія торговли съ Персіей чрезъ русскія владѣнія необходимо въ число означенныхъ городовъ включить и Саратовъ на Волгѣ, такъ какъ англійскимъ купцамъ необходимо имѣть склады въ Саратовѣ.

Паспорты, выдаваемые великобританскимъ подданнымъ въ С.-Петербургѣ, должны быть признаны годными для пребыванія во всѣхъ мѣстностяхъ имперіи по пути въ Гилань и обратно, дабы имъ не пришлось хлопотать о новыхъ паспортахъ при въѣздѣ или выѣздѣ въ Астрахань, такъ какъ подобные хлопоты влекутъ за собою задержки, непріятности и расходы. Достаточно, если ихъ обяжутъ предъявлять паспортъ въ канцелярію астраханскаго губернатора, какъ принято у губернатора казанскаго и другихъ.

Какъ скоро бургомистры и надлежащіе чиновники въ Астрахани осмотрятъ печати на британскихъ товарахъ, прибывшихъ изъ Петербурга, и приложатъ свои печати къ люкамъ судовъ, доставляющихъ эти товары изъ Астрахани къ устью Волги (къ острову Четырехъ Бугровъ), у котораго стоитъ главное сторожевое судно, командиръ сторожеваго судна долженъ немедленно выѣхать или выслать надлежащаго чиновника для осмотра печатей на люкахъ. Найдя ихъ цѣлыми и неприкосновенными,

a proper officer to inspect the seals on the vessel's hatches, and which finding whole and unbroken, he shall instantly suffer the said vessel to unliver her cargoe on board the british ship or vessel that lies there ready to take it in, which ship or vessel shall be suffered, immediately after she hath taken in such cargoe, to proceed on her voyage without waiting a clearance from Astrakhan and the other vessel be admitted to return back to Astrakhan; that the commander of the guard ship be liable to a fine of so much per diem from detaining either the vessel from unloading or the ship from sailing, and that when a british ship or vessel shall arrive at Cheterie Bogore island with goods from Gilan, whether the goods shall be liable to quarantine or not, yet immediately on her arrival, she shall be forthwith admitted to unliver her cargoe either on shoar, or on board such vessels, which lie there ready to take it in and receive it, without being liable to wait until a report of her arrival shall be sent unto Astrakhan and till an order from thence shall arrive at Cheterie Bogore island for her unlivering; that as soon as she shall have unlivered her persian cargoe, that she shall be immediately suffered to load european goods out of such vessel, as lies ready there with such goods, and after having done thus much, that she have leave to continue her voyage back to Gilan without waiting a clearance from Astrakhan under the above penalty to the commander of the guard ship.

That with regard to the quarantine, that the british merchants may

---

онъ долженъ безъ задержки допустить перегрузку товаровъ на британскій корабль или судно, готовое принять ихъ. Затѣмъ судно это, принявъ товары, должно быть допущено къ дальнѣйшему плаванію безъ деклараціи въ Астрахани; разгруженный же корабль долженъ быть допущенъ къ немедленному возвращенію въ Астрахань. Командиръ сторожеваго судна за задержку въ перегрузкѣ или въ отправленіи судовъ долженъ подвергаться штрафамъ по стольку-то за день задержки. Съ другой стороны, какъ скоро британское судно прибудетъ къ острову Четырехъ Бугровъ съ товарами изъ Гилани, товары эти — не взирая на то, подлежатъ они карантину или не подлежатъ — должны быть немедленно по прибытіи допущены къ выгрузкѣ или на берегъ, или на суда, готовыя для ихъ пріема, не дожидаясь пока рапортъ о прибытіи ихъ отправленъ будетъ въ Астрахань и пока оттуда придетъ къ Четыремъ Буграмъ разрѣшеніе о выгрузкѣ. Судну, по сдачѣ персидскихъ товаровъ, немедленно должно быть разрѣшено грузить товары европейскіе съ судна, прибывшаго съ оными; затѣмъ первое должно получить возможность безпрепятственно отплыть обратно въ Гилань безъ деклараціи въ Астрахани, подъ угрозою командиру сторожеваго судна того-же штрафа по стольку-то за день задержки.

Касательно карантина, британскимъ купцамъ должно быть отведено опредѣ-

have a proper place assigned them for the performance of it, somewhere within the bank or bar at the entrance of the Wolga, and not above 20 or 30 wersts below the city Astrakhan; that during their performance of quarantine or on their arrival from Gilan to perform quarantine, that the commander of the guard ship or commander of the quarantine, shall be obliged to receive and forward on the first opportunity at such letters or paquets, as the british merchants shall require, and be obliged to give a receipt for the same; that all british subjects or vessels arriving from Gilan or any other part of Persia shall be admitted to product on the same terms as Her Imperial Majesty's vessels or servants, and, in their performance of quarantine, to be subject to no other impositions than Her Imperial Majesty's servants, seeing the laws of quarantine require the same strict observance from all persons alike, or are else of none effect. That the governor's chancery at Astrakhan shall be obliged to send orders to the commander of the quarantine, to permit the british subjects and goods which have duly performed quarantine, forthwith to proceed to Astrakhan, and that they shall by no means be obliged to tarry for the arrival of a new ukaze on the report of the commander of the quarantine from Astrakhan which is sometimes a month ere it arrives a Cheterie Bogore island, after the quarantine is expired.

That, whereas it is now above three years since the city Ganges was

---

ленное мѣсто для карантиннаго сидѣнія, гдѣ либо на отмеляхъ или барахъ при входѣ въ Волгу, не далѣе 20 или 30 верстъ ниже Астрахани. Во все время карантина и съ самаго прибытія изъ Гилани къ карантину командиръ сторожеваго судна или начальникъ карантина обязывается получать и препровождать при первой возможности по назначенію письма и пакеты по требованію британскихъ купцовъ съ выдачею росписокъ въ ихъ полученіи. Британскіе подданные и суда, прибывающіе изъ Гилани или другихъ портовъ Персіи должны подлежать карантину на тѣ же сроки, какъ подданные и суда Ея Величества, и при выполненіи карантинныхъ правилъ подлежать только правиламъ, обязательнымъ и для русскихъ подданныхъ, такъ какъ карантинныя постановленія должны быть выполняемы всѣми равно, иначе становятся безполезными. Губернаторская канцелярія въ Астрахани обязуется дать начальнику карантина приказаніе отправлять англійскихъ подданныхъ и англійскіе товары, выдержавшіе надлежащій карантинъ, въ Астрахань безъ промедленія, дабы они отнюдь не обязаны были выжидать отдѣльнаго указа изъ Астрахани по рапорту казанскаго начальника, такъ какъ подобные указы приходятъ изъ Астрахани къ Четыремъ Буграмъ часто мѣсяцъ спустя по истеченіи карантиннаго срока.

Около трехъ лѣтъ тому назадъ городъ Гангесъ посѣтила легкая чума, но она

slightly visited with the plague, and which continued there but a few months; that the british merchants may be suffered to import Ganges silk through the empire of Russia.

And that british subjects or vessels may not be liable to the performance of quarantine provided when they arrive from Gilan or elsewhere they produce testimonies under the persian governor's hands or seals, that such provinces are in health, and free from the plague, as is the custom of all nations in such case. Likewise in all other cases, the british subjects or vessels on no pretence whatsoever to be liable to any other impositions or hardships in their performance of quarantine than those, who are immediately Her Imperial Majesty's servants or vessels.

That, the british merchants or their servants may be allowed «perderosnias» i. e. written warrants to the civil magistrates to furnish such a number of horses at an established price to be granted them here or in Astrakhan, Zaritzin or Saratoff, so that they may, as the necessity of their affairs may require, send their goods by jamshicks, a sort of carriers, established in certain villages, at proper distances, betwixt all the great cities in Russia, for carrying goods and passengers for Her Imperial Majesty at a certain price or their servants either by jamshicks, post horses, or post boats to and from Astrakhan to St. Petersburgh that particular

---

продолжалась только нѣсколько мѣсяцевъ, потому англійскимъ купцамъ можетъ быть разрѣшенъ провозъ шелка изъ Гангеса черезъ Россію.

Желательно также, чтобы британскіе подданные и суда освобождались отъ карантина если, прибывъ изъ Гилани или откуда бы то ни было, предъявятъ свидѣтельство за подписью или за печатью персидскихъ властей, что въ соотвѣтствующей провинціи все благополучно и чумы нѣтъ. Такой обычай соблюдается всюду. Кромѣ того во всѣхъ случаяхъ британскіе подданные и суда не должны подлежать никакимъ платежамъ или затрудненіямъ по карантину со стороны лицъ и судовъ, не состоящихъ непосредственно на службѣ Ея Величества.

Важно также, чтобы англійскіе купцы и служители ихъ снабжались здѣсь, въ Астрахани, Царицынѣ и Саратовѣ «подорожными», т. е. письменными приглашеніями гражданскимъ властямъ, выдавать купцамъ и служителямъ ихъ лошадей за установленную плату, дабы, такимъ образомъ, купцы могли, когда потребуется, отправлять свои товары черезъ «ямщиковъ» (возничихъ, водворенныхъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ на опредѣленныхъ разстояніяхъ между всѣми большими городами Россіи для провоза товаровъ и пассажировъ за извѣстную плату); а также чтобы они могли пользоваться почтовыми лошадьми и почтовыми лодками на пути между Астраханью и Петербургомъ. Необходимо тоже, чтобы астраханскому губернатору, астраханскому адмирал-

instructions may be sent to the governor of Astrakhan and to the admiralty of Astrakhan, and to the woywode (or civil magistrate) of Saratoff to give all imaginable assistance and dispatch to the british subjects and vessels which navigate the Wolga and Caspian; more particularly that the british vessels may be suffered to careen or heave down and refit, as occasion may require, at Her Imperial Majesty's yard at Yerkee within the bar at the entrance of the Wolga they paying for the use of the gear etc. they may be necessitated to make use of.

That lead, pewter and bar tin may be from Great-Britain exportable through Russia, seeing the persians can be and are supplied with the same commodities by the way of the East Indies and Turkey, though denied them by the way of the empire of Russia.

That, whereas the british merchants are now only entering on the persian trade, and consequently cannot be at present so well informed of what further indulgencies they may yet stand in need of, with regard to their servants and vessels, which may navigate the Wolga and Caspian, so they hope to be granted the liberty of applying immediately to the imperial cabinet as well for redress of any grievances that may happen, as for such reasonable enlargements of their privileges, as the necessity of their affairs may at any time require; that they be thereby enabled to establish themselves firmly in the persian trade, which they apprehend must turn so

---

тейству и саратовскому воеводѣ (гражданскому начальнику) направлены были приказанія оказывать всевозможную помощь и содѣйствіе британскимъ подданнымъ и судамъ ихъ, плавающимъ по Волгѣ и Каспійскому морю, въ особенности же, чтобы британскія суда разрѣшено было кренговать и чинить на императорскихъ верфяхъ при устьяхъ Волги, съ платою за все, что потребуется для такой починки.

Необходимо разрѣшеніе провозить черезъ Россію свинецъ, олово и жесть въ листахъ изъ Великобританіи, такъ какъ Персія до сихъ поръ снабжается этимъ товаромъ черезъ Остъ-Индію и Турцію, черезъ Россію же его не получаетъ.

Принимая во вниманіе, что британскіе купцы только еще завязываютъ торговлю съ Персіей, а потому пока не могутъ опредѣлить какія дальнѣйшія привиллегіи могутъ понадобиться имъ, ихъ служителямъ и судамъ, имѣющимъ плавать по Волгѣ и Каспійскому морю — они надѣятся, что имъ дозволено будетъ обращаться непосредственно къ императорскому кабинету какъ съ жалобами на притѣсненія, которымъ они могутъ подвергнуться, такъ и съ просьбами о расширеніи привиллегій, которое можетъ потребоваться имъ со временемъ, дабы дать имъ возможность установить персидскую торговлю на прочныхъ основаніяхъ. Они надѣятся, что торговля эта бу-

much to the mutual advantage to the subjects of Great-Britain and those of the empire of Russia.

Appendix B.

St. Petersburgh, July 1740.

The northern provinces of Persia produce the most and best sorts of raw silk and from whence the southern provinces and the silk manufactories at Mesched, as well as Turkey, are in a manner wholly supplied. The northern provinces most abounding in silk, may be reduced to three, namely: Gilan, whose principal city is Reshd; Sherwan, whose principal city is Schamachse; Arrash, whose principality is Ganges. The two former of these provinces are the south west shears of the Caspian sea, and the latter is adjacent to them, not very far from the Caspian.

Since Thamas-Khouli-khan (now Nadir shach) ascended the throne of Persia, he hath made the city Mesched the seat of the persian empire, and by the extraordinary privileges he hath endowed it with, and other measures he hath taken to aggrandize that city, he hath almost drained Ispachan of its inhabitants, and Resau-Gulee-Mirsa (sole regent of Persia, and eldest son of Nadir schach) hath established his audience at Meshed for these last four years, during his father's absence in India, during which

---

детъ одинаково выгодна какъ подданнымъ Великобританіи, такъ и русскимъ подданнымъ.

Приложеніе В.

С.-Петербургъ. Іюль 1740 г.

Сѣверныя провинціи Персіи производятъ въ изобиліи лучшіе сорта шелку-сырца, которымъ снабжаютъ какъ южныя провинціи и шелковыя мануфактуры въ Мешхедѣ, такъ и Турцію. Такихъ обильныхъ шелкомъ провинцій три: Гилань, съ главнымъ городомъ Рештомъ, Ширвань съ главнымъ городомъ Шемахой, и Арашъ съ главнымъ городомъ Гангесомъ. Двѣ первыя занимаютъ юго-западные берега Каспійскаго моря, послѣдняя же прилегаетъ къ нимъ и расположена неподалеку отъ Каспійскаго моря.

Съ тѣхъ поръ, какъ на персидскій престолъ вступилъ Тахмасъ-кули-ханъ (нынѣ шахъ-Надиръ), онъ возвелъ Мешхедъ въ столицу персидскаго государства, одаривъ его чрезвычайными привиллегіями. Эти привиллегіи и другія мѣры, принятыя имъ для увеличенія этого города, возвеличили Мешхедъ до того, что сюда переселились почти всѣ жители Испагани. Риза-Гули-Мирза (единственный правитель Персіи, старшій сынъ шаха Надира) сдѣлалъ Мешхедъ своей резиденціей за послѣдніе четыре

time he hath taken the city of Baulck and cleared the frontiers of Corasan, (the province in which Mesched is situate) from the turkoman and usbake tartars, who used much to infest them. It is expected likewise, the city Bucharia itself, as also Samarchand, and several other cities of Great-Bucharia, have by this time submitted to the persians.

The seat of the persian empire being thus removed so near to the Caspian (for Mesched is not 14 days journey for the caravan from the port of Astrabath), is a very lucky circumstance for the british Russia merchants, who on this account will have it wholly in their power to supply that capital with european commodities, particularly with woollen goods, which is an article of very great consideration, as the persians, from the highest to the lowest, all esteem and choose to wear woollen clothes, and that so much, that they wear stockings of no other sort, than what are made of woollen cloath. Yet the serving the capital city of Persia and its adjacent provinces with woollen goods and european commodities, is not the principal motive that should determine the british merchants to establish their principal market at Mesched, but the happy situation of that city ought much more to prevail with them, as it lies so commodiously to supply all the demands of both the Bucharias etc. For who can consider the great extent of the Bucharias, the kingdoms of Tangut and Tibet, and those vast tracts

---

года, пока отецъ его находится въ Индіи. За это время онъ взялъ городъ Балку и очистилъ границы Хоразана (провинція, къ которой принадлежитъ Мешхедъ) отъ туркменовъ и татаръ-узбековъ, которые до тѣхъ поръ разоряли ее своими нападеніями. Полагаютъ даже, что самая Бухара и Самаркандъ и многіе другіе города Великой-Бухаріи съ тѣхъ поръ тоже покорились Персіи.

Такое приближеніе столицы персидскаго государства къ Каспійскому морю (Мешхедъ находится не болѣе какъ въ четырнадцати дняхъ караваннаго пути отъ портоваго города Астрабада) составляетъ обстоятельство весьма счастливое для британскихъ купцовъ, проживающихъ въ Россіи. Они въ состояніи снабжать новую столицу европейскими товарами, преимущественно шерстяными, которые въ Персіи очень цѣнятся, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ населенія; всѣ стараются носить шерстяныя одежды, и это доходитъ до того, что они не носятъ никакихъ чулокъ кромѣ суконныхъ. Но снабженіе персидской столицы и прилегающихъ провинцій шерстяными издѣліями и европейскимъ товаромъ не главная причина, склоняющая британскихъ купцовъ установить свой главный рынокъ въ Мешхедѣ. Городъ этотъ еще важенъ для насъ своимъ удобнымъ положеніемъ: онъ даетъ возможность снабжать товарами обѣ Бухары и т. д. Кто можетъ представить себѣ обширность бухарскихъ земель, Тангута, Тибета и земель къ нимъ прилегающихъ,

of land that border on them, and know at the same time they contain so many great and populous cities (nay even their uncultivated lands contain some millions of people), to all which european commodities are in the highest esteem, but must conclude, that an advantageous trade on that side might be almost infinitely extended.

At Mesched arrive caravans from all the cities in Great- and Little-Bucharia, and from several of the eastern cities of Persia; also from Cabul, Candahar, and the northern frontiers of India; and it is not to be questioned, when those cities shall be once well informed, that european goods can be had at Mesched in such plenty, as the british merchants may in time import them thither, and that at the same time they shall find a greater demand for their own commodities, but that those caravans must soon become more rich and numerous: and by this means alone, without carrying their goods further than Mesched, the british merchants will be enabled to extend their trade and commerce to the utmost bounds of all these countries abovementioned.

That the british merchants may possess themselves of this bucharian trade whenever they please, is too obvious to require any proof; for it only remains for them to send their goods from St. Petersburgh (partly by land and partly by water) to Astrakhan, and from thence cross the Caspian

---

кто знаетъ какими большими и населенными городами земли эти усѣяны (кромѣ того и необработанныя пространства между городами населены милліонами жителей), а также сколь высоко въ нихъ цѣнятся европейскіе товары, не можетъ не придти къ заключенію, что торговля въ той сторонѣ можетъ расширяться почти безконечно.

Въ Мешхедъ приходятъ караваны изо всѣхъ городовъ великой и малой Бухары, изъ восточныхъ городовъ Персіи, изъ Кабула, Кандагара и съ сѣверныхъ границъ Индіи. Разъ эти города узнаютъ, что въ Мешхедѣ можно получать европейскія товары въ такомъ выборѣ, въ какомъ со временемъ британскіе купцы въ состояніи будутъ снабжать новый рынокъ; когда они одновременно увидятъ большой спросъ на собственные товары, караваны эти должны вскорѣ стать богаче и многочисленнѣе. Однимъ этимъ путемъ, не провозя товаровъ далѣе Мешхеда, британскіе купцы получатъ возможность распространить свою торговлю и сношенія далеко внутрь вышеназванныхъ странъ.

Что британскіе купцы могутъ захватить бухарскую торговлю когда имъ будетъ угодно — слишкомъ ясно и не требуетъ доказательствъ: имъ приходится только отправлять товары изъ С.-Петербурга частью сухимъ путемъ, частью водою, въ Астра-

to the port of Astrabath (in the s.-e.-bottom of the Caspian), and so by land to Mesched.

This will be safer, easier and almost as expeditious, as sending goods from London to St. Petersburgh; and that because the Caspian is a much fairer navigation, than the Baltic. But the success of all this does solely depend on the british merchants having their own vessels to navigate the Wolga and Caspian for reasons too tedious here to mention.

It is also evident, that the british merchants can have no rivals in the trade; and that the eastern provinces of Persia, the Bucharias and adjacent countries, can be no otherways supplied with european commodities, than by the way of the russian empire and city of Mesched.

On the strictest enquiry I could make whilst I was in Gilan, I could not find that any british woollen goods, either by way of the East Indies or Turkey, ever reached Mesched. All the woollen goods the armenians import into Gilan, either by the way of Turkey or the empire of Russia, are all of holland cloths, and but few of these are sent to Mesched. Yet notwithstanding all this, the trade cross the Caspian from London to Mesched, might in the course of a few years be made as considerable a branch of trade with regard to the consumption of our woollen manufactories, as any one we now enjoy, and it is scarcely to be doubted but that, if the british

---

хань и затѣмъ, черезъ Каспійское море, къ Астрабаду (на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря) и оттуда сухимъ путемъ до Мешхеда.

Это и безопаснѣе, и легче, и обходится почти не дороже, чѣмъ отправка товаровъ изъ Лондона въ Петербургъ, такъ какъ судоходство по Каспійскому морю много удобнѣе, чѣмъ по морю Балтійскому. Но успѣхъ возможенъ только при условіи, если британскіе купцы для навигаціи по Волгѣ и по каспійскимъ водамъ будутъ располагать собственными судами. Причины необходимости такого условія излагать здѣсь слишкомъ неудобно.

Ясно также, что британскіе купцы не встрѣтятъ соперниковъ въ этой торговлѣ, и что восточныя провинціи Персіи, Бухара и прилегающія къ ней страны не могутъ получать европейскихъ товаровъ помимо Россіи и Мешхеда.

По самомъ тщательномъ разслѣдованіи въ Гиланѣ, я убѣдился, что англійскіе шерстяные товары никогда не достигали Мешхеда ни черезъ Остъ-Индію, ни черезъ Турцію. Всѣ шерстяныя издѣлія, ввозимыя армянами въ Гилань черезъ Турцію ли, черезъ Россію ли — голландскаго происхожденія, да и изъ нихъ очень немногія доходятъ до Мешхеда. Такимъ образомъ торговля черезъ Каспійское море изъ Лондона до Мешхеда уже черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ открыть нашимъ шерстянымъ фабрикамъ сбытъ болѣе значительный, лучшій, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Врядъ ли можно сомнѣваться, что, разъ британскіе купцы, проживающіе въ Россіи, серьезно займутся

Russia merchants will enter in earnest on the Bucharia trade, they will find their amount in it more, than in the trade they now carry on from London to the empire of Russia; and which, as it would not in the least interfere with the trade the british merchants at present carry on to St. Petersburgh, would be wholly an additional advantage to them. Were it necessary, it might be easily proved, that the Mesched and bucharian trade must be a more advantageous one to the british merchants, than any they now carry on to any part of the empire of Russia. For at Mesched and the Bucharias their woollen goods would yield so much better a price, and greater profits would ensue on their returns, and as in this trade they would sell all their goods for ready money. Whereas in Russia the prices of their commodities are beat down, or russ merchants may import them immediately from Great-Britain themselves, the british merchants in Russia are likewise obliged to give long credit here, which not only robs them of part of their profit, but subjects them annually to contract bad debts for no small sums. And with regard to the british merchants entering on the bucharian trade, it is a most favourable circumstance that Mesched stands so advantageously with regard to the provinces of Gilan, Sherwan, and Arrash, from whence the british merchants can make their return for goods sold at Mesched, in raw silks, to the amount almost of any sum. But it is not to be doubted, that when the british merchants come to be acquainted with the Bucharias and

---

бухарской торговлей, они почерпнутъ изъ нея выгоды болѣе, чѣмъ изъ торговли, которую ведутъ теперь между Лондономъ и Россіей; отнюдь не препятствуя продолженію настоящей торговли нашей съ Петербургомъ, торговля эта явится прямо добавочнымъ выигрышемъ. Будь въ томъ надобность, не трудно было бы доказать, что торговля съ Мешхедомъ и Бухарою выгоднѣе для британскихъ купцовъ, чѣмъ любая отрасль ихъ торговли съ Россіей. Въ Мешхедѣ и Бухарѣ шерстяныя издѣлія наши пойдутъ за гораздо высшую цѣну, да и товаръ, вывозимый взамѣнъ, дастъ лучшіе барыши, тѣмъ болѣе, что тутъ всѣ англійскіе товары будутъ продаваться за наличныя деньги. Въ Россіи цѣны сбиты, кромѣ того русскіе купцы могутъ сами ввозить товары непосредственно изъ Великобританіи; англійскіе торговцы вынуждены продавать здѣсь въ кредитъ, почему не только лишаются части барышей, но еще ежегодно втягиваются въ долги на значительныя суммы. Благопріятнымъ условіемъ бухарской торговли для британскихъ купцовъ является еще и то обстоятельство, что Мешхедъ занимаетъ очень выгодное положеніе относительно Гилани, Ширвани и Араша, откуда купцы могутъ пріобрѣсть въ обмѣнъ на товаръ проданный въ Мешхедѣ шелкъ сырецъ почти на любую сумму. Далѣе несомнѣнно, что какъ скоро англійскіе купцы ознакомятся съ Бухарой и восточными городами, они — на случай, если бы

those cities to the eastward, they will find other commodities there, as gold, precious stones, bezaar, musk and the like to invest their returns in, should not the produce of the northern provinces of Persia prove sufficient, so that it is almost unavoidable, after the british merchants shall have established themselves at Mesched, but that they might come to cloath not only the whole persian army (by contracting with the schach's principal merchants), but to supply all those vastly extended and populous countries above mentioned with woollen goods; and this because no other nation than Great-Britain can supply them with woollen goods in such plenty and at so easy a rate, and at the same time afford to give a better price for their raw silk and other commodities that are found there. All this the persians, as well as the armenians, are well apprised of, which so much alarms the latter and makes the former so much our friends, and this consideration alone no doubt prevailed on the schach to grant us so immediately the privileges I obtained in favour of the british merchants last year, and which he confirmed by decree (vide latter end)[1]) and although the armenians did since by their patriarch, soon after I left Gilan, strongly sollicit the schach to have that decree reversed. Yet their sollicitation had a contrary effect, for the consequence was, that the schach again

---

сѣверныя провинціи Персіи не дали достаточнаго товара для вывоза — найдутъ и другіе обмѣнные товары, напримѣръ золото, драгоцѣнные каменья, безуаровый камень, мускусъ и т. д. Затѣмъ, разъ британскіе купцы поселятся въ Мешхедѣ, имъ не трудно будетъ стать поставщиками сукна не только для всей персидской арміи (путемъ контрактовъ съ важнѣйшими персидскими купцами), но и всѣхъ пространныхъ и многолюдныхъ странъ вышеупомянутыхъ; такъ какъ ни одна нація въ мірѣ не можетъ дать шерстяныхъ издѣлій въ такомъ выборѣ и за такую дешевую цѣну, какъ Великобританія, и въ тоже время никто не заплатитъ дороже ея за шелкъ сырецъ и другіе мѣстные товары. Все это персіяне и армяне хорошо понимаютъ, потому первые очень расположены къ намъ, вторые-же очень встревожены нашими замыслами, и, я увѣренъ, что именно это обстоятельство заставило шаха такъ охотно согласиться на привиллегіи англійскимъ купцамъ, которыми я заручился въ прошломъ году и которыя подтверждены декретомъ (см. далѣе)[1]). Вскорѣ по моемъ выѣздѣ изъ Гилани армяне, черезъ своего патріарха, усердно хлопотали передъ шахомъ объ уничтоженіи даннаго декрета, но просьба ихъ увѣнчалась совсѣмъ нежеланнымъ для нихъ послѣдствіемъ:

---

1) См. приложеніе въ концѣ тома.

confirmed it, and a second time sent orders to the governor at Reschd to have the strictest observance to it.

It seems to appear from what has been above observed, that the trade that may be so easily carried in future from London to Mesched and the Bucharias, would be an entirely new branch of trade, and may shortly become a most important one; that it may be entered on by the british Russia merchants with the greatest prospect of advantage, and may be vastly extended; and that this trade they can never be supplanted in, so long as they can secure a passage for their goods through the empire of Russia and a freedom of navigation on the Caspian, both which it will ever be the interest of the sovereigns of Russia to grant the british subjects.

It may therefore be humbly presumed, it may not be found unworthy the wisdom of the legislative power of Great-Britain, to give all imaginable encouragement to this infant trade, of the Bucharias and the north-eastern provinces of Persia; not only (as we have before observed) because it is a new branch of trade and may be greatly extended, but as there is no other part of the known world, to which it is possible to strike out a new branch of trade, that can in the least vie with the advantages this trade promises both to the silk and woollen manufactories of Great-Britain. It would create a vast additional consumption of our woollen manufactories, for which het

---

шахъ далъ новое подтвержденіе декрету и вторично приказалъ рештскому губернатору строго исполнять его.

Изъ всего сказаннаго кажется ясно что торговля, которая столь легко можетъ быть водворена въ будущемъ между Лондономъ, Мешхедомъ и Бухарою, явится совершенно новой отраслью торговли и вскорѣ можетъ стать чрезвычайно важною; что поселившимся въ Россіи англійскимъ купцамъ представляется крайне выгоднымъ приняться за нее и дать ей широкое распространеніе; что торговля эта не можетъ быть убита пока товарамъ обезпеченъ будетъ транзитъ черезъ Россію и свободное плаваніе по Каспійскому морю; но и то, и другое русскимъ государямъ всегда выгодно будетъ удержать за англійскими подданными.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго осмѣливаюсь предположить, что всяческое поощреніе новаго торговаго пути съ Бухарою и сѣверо-восточными провинціями Персіи было-бы достойно мудрости законодательной власти Великобританіи и не потому только, что указаннымъ путемъ возникаетъ новая отрасль торговли, способная къ значительному расширенію (какъ выше пояснено), но съ другой стороны, еще и потому, что въ изслѣдованной части міра нѣтъ иного угла, на который возможно было-бы распространить новыя торговыя предпріятія съ тою-же выгодою для нашихъ шелковыхъ и шерстяныхъ фабрикъ. Долженъ возникнуть обширный новый рынокъ для нашихъ

returns may be made in gold, raw silk, cotton, fine wool, silk yarn, and other manufactured commodities.

Likewise seeing the british East-India company have for above five years past abandoned Ispahan, to which city in all that space of time they have not sent one bale of woollen goods thither; and as we are informed they have no more thought of ever sending goods to Ispahan again; also the hollanders, who reside yet still at Ispahan, send a most inconsiderable quantity of goods there, for the trade Ispahan formerly enjoyed is now transplanted to other centers and Mesched, too far distant from the Persian gulf or Eastern ocean, for either the british or Holland's East-India companies to send goods there by the way of the cape of Good Hope.

It is also more than barely probable, that when the british merchants shall have established themselves in the Mesched and bucharian trade, that in a few years only it must become a more beneficial trade to Great-Britain, than what the Turkey is at present; as in this trade a greater quantity of woollen goods may be vended at a better price, and that to countries, where the british commerce hath never yet been extended, or ever can be extended by any other canal than in that we propose this trade should circulate, and from whence may be imported, besides others, the very same commodities the Turkey company now import into Great-Britain, full 50 p. cent cheaper than they can do. And this last consideration

---

шерстяныхъ издѣлій, взамѣнъ которыхъ мы получимъ золото, сырецъ, хлопокъ, тонкорунную шерсть, шелковыя ткани и другіе мануфактурные товары.

Нельзя не принять во вниманіе также, что британская Остъ-индская компанія за послѣднія пять лѣтъ совершенно оставила Испагань; за все это время туда не отправлено ни одного тюка шерстяныхъ издѣлій и, на сколько я слышалъ, компанія и впредь не намѣревается отправлять товаровъ въ Испагань. Голландцы, еще проживающіе въ Испагани, тоже доставляютъ туда весьма незначительное количество товара, такъ какъ торговля, процвѣтавшая нѣкогда въ Испагани перешла и сосредоточилась теперь въ другихъ центрахъ и въ Мешхедѣ — пунктѣ слишкомъ отдаленномъ отъ Персидскаго залива и Восточнаго океана для того, чтобы англійская или голландская остъ-индскія компаніи могли отправлять къ нему товары, огибая мысъ Доброй Надежды.

Точно также вполнѣ вѣроятно, что, едва британскіе купцы водворятся въ Мешхедѣ и Бухарѣ, возникнетъ для Великобританіи рынокъ болѣе выгодный, чѣмъ рынокъ представляемый въ настоящее время Турціей. На этомъ рынкѣ сбытъ шерстяному товару обезпеченъ большій и за лучшія цѣны въ странахъ, гдѣ британской торговли никогда не бывало и гдѣ она никакимъ инымъ путемъ, кромѣ нами указываемаго, водвориться не можетъ, изъ которыхъ къ тому-же можно ввозить въ Великобританію на 50% дешевле между прочимъ и всѣ товары, ввозимые въ настоящее время

alone surely might suffice to entitle the british Russia merchants to the freedom of importing such commodities into Great-Britain, although therein they should chance to interfere with the privileges of they Turkey or any other company.

The british Russia merchants are thus enabled to undertrade the british Turkey merchants, on account of the commodiousness of the road to Gilan and the northern provinces of Persia; and further, as they can there buy up their silk at the first hand, in the very provinces which produce it, whilst the Turkey merchants are forced now (and have been always so) to buy up the same silk at second hand, from the turks and armenians that come from Aleppo, Constantinople and Smyrna on purpose to buy up raw silk for the Levant exportation; for the eastern provinces of Persia produce but a very inconsiderable quantity of that commodity. Besides the schach's principal merchants in Mesched denied to give those turks and armenians which came from Turkey to buy up silk in Gilan any silk at all last year, unless at an advanced price of 20 p. cent above the price he then sold it at to those armenians who brought it thence by the way of Russia; and he had positive orders to sell no silk on any account for Turkey exportation, could he find a vent for it any other way, or possibly by any other means dispose of it. For the persians, who have a settled aversion for the turks,

---

въ Англію турецкой компаніей. Одно это соображеніе даетъ британскимъ купцамъ торгующимъ въ Россіи, основаніе домогаться права ввоза въ Великобританію товаровъ даже къ невыгодѣ турецкой или какой бы то ни было иной компаніи.

Торгующіе въ Россіи англійскіе купцы такимъ образомъ въ состояніи вступить въ конкуренцію съ британскими купцами, живущими въ Турціи, благодаря удобствамъ пути черезъ Гилань и сѣверныя провинціи Персіи. Они, кромѣ того, имѣютъ возможность покупать тамъ шелкъ изъ первыхъ рукъ на самомъ мѣстѣ его производства, тогда какъ турецкіе купцы вынуждены въ настоящее время (да это и всегда такъ было) брать его изъ вторыхъ рукъ, черезъ турокъ и армянъ, пріѣзжающихъ изъ Алеппо, Константинополя и Смирны скупать сырецъ для вывоза изъ восточныхъ портовъ (восточныя провинціи Персіи производятъ сырца очень мало). Главнѣйшіе персидскіе купцы въ Мешхедѣ утверждаютъ, будто они не допускаютъ турокъ и армянъ скупать шелкъ въ Гилани, а въ прошломъ году и вовсе не дали имъ купить шелку, иначе какъ на 20% выше цѣны, за которую продавали шелкъ армянамъ, вывозившимъ его черезъ Россію. Имъ было прямо приказано отнюдь не продавать шелку для вывоза въ Турцію, если только найдется какая нибудь возможность продать его въ другія руки или сдѣлать изъ него иное употребленіе. Персіяне питаютъ положительное отвращеніе къ туркамъ и слишкомъ хорошо знаютъ какую выгоду Турція извлекаетъ

are too well informed of the advantage the turkish empire derives from being the principal market for persian silks, and this is what they have been endeavouring to prevent for upwards of a hundred years past. They are likewise well apprised, that the only way to succeed in this design is to encourage the british merchants to come and settle in Gilan, by which means they hope in time to divert that channel of trade for Gilan silks, which now runs through the turkish dominions, and make it current through the empire of Russia. Could this be once effected, it would not only be of singular advantage both to the empires of Russia and Persia, with regard to their trade, but it could not fail of considerably distressing the turk, who is the common enemy of both those empires. So that if the turks and turkish armenians shall be continued to be denied the exportation of Gilan silks by the way of Turkey, or be obliged to purchase them upon such unequal terms, we can hope for little or no persian silk from the turkey company; or else they cannot afford to sell what they import into Great-Britain but at a very extravagant price, which is a circumstance which ought to have its weight, should the british Russia merchants meet with any opposition on their importing persian silk into Great-Britain, from either the Turkey or any other company.

As an instance that the trade to the northern provinces of Gilan (not to mention Mesched and the Bucharias) must prove very advantageous to

---

изъ своего положенія главнаго рынка для персидскаго шелка. Съ этимъ вліяніемъ Турціи персіяне борятся болѣе ста лѣтъ. Они также хорошо понимаютъ, что единственное средство къ подрыву турецкаго рынка представляетъ собою водвореніе британскихъ купцовъ въ Гилани. Этимъ средствомъ они надѣятся измѣнить путь гиланскаго шелка, направивъ его черезъ Россію, а не черезъ турецкія владѣнія. Удача въ этомъ дѣлѣ была бы не только крайне выгодна и Россіи и Персіи, но еще значительно подорвала-бы и Турцію — общаго врага персіянъ и русскихъ. Если турки и турецкіе армяне и впредь будутъ устраняемы отъ вывоза гиланскаго сырца черезъ Турцію или вынуждены будутъ покупать его за несоразмѣрно высокую плату, можно надѣяться, что вскорѣ турецкая компанія вовсѣ перестанетъ получать персидскій шелкъ, или будетъ получать его въ очень небольшомъ количествѣ, а слѣдовательно въ состояніи будетъ продавать его въ Великобританію только по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ. Это обстоятельство должно получить большое значеніе въ случаѣ, если бы британскіе купцы, водворенные въ Россіи, встрѣтили противодѣйствіе къ ввозу персидскаго шелка со стороны турецкой или иной компаніи.

Для примѣра на сколько торговля съ сѣверными провинціями Гилани (не говоря уже о Мешхедѣ и Бухарѣ) можетъ принести пользы шерстянымъ фабрикамъ

the woollen manufactories of Great-Britain: a certain british merchant here, having procured a bale of british northern cloths of the proper colour for the persian markets, imported it here last year, and sent it to Moscow. An armenian that was then in Moscow, by chance seeing the pattern of those cloths, bid money for them, and bought and carried them with him into Persia. Now these very cloths are commonly sold in Moscow for 140 copecks p. arsheen; but, on account that they were well sorted for the persian markets, they were sold to this armenian for 190 copecks the arsheen, which is above 35 p. cent advance.

As the british merchants can at present have no better information, I shall venture to hint briefly at the methods they ought to take to establish themselves in this trade to the Bucharias and the north-eastern provinces of Persia.

It is necessary they should get them one or two vessels of about 180 tons, or somewhat less, to be built at Kasan for the navigation of the Caspian sea, which vessels may be navigated with half british and half russ seamen; and that they have a few large boats on the Wolga to carry their goods up and down that river, between Saratoff and their vessels, which cross the Caspian and ride at the entrance of the Wolga, where it falls into the sea. These vessels and boats will be no burthen to the british

---

Великобританіи, приведу слѣдующій случай: одинъ англійскій купецъ, добывъ тюкъ сукна изъ сѣверной Англіи, по окраскѣ пригоднаго для персидскихъ рынковъ, въ прошломъ году привезъ его сюда и отправилъ въ Москву. Случившійся въ Москвѣ армянинъ, увидавъ образчики этого сукна, предложилъ наличныя деньги, купилъ сукно и отправилъ его въ Персію. Обыкновенно эти-же сукна продаются въ Москвѣ по 1 р. 40 к. аршинъ, но ввиду ихъ окраски, подходящей для персидскихъ рынковъ, армянинъ далъ за нихъ по 1 р. 90 копѣекъ за аршинъ, т. е. на 35% дороже.

Имѣя ввиду, что британскимъ купцамъ пока не откуда добыть лучшихъ свѣдѣній по этому дѣлу, позволю себѣ дать краткія указанія, какъ имъ удобнѣе установить торговлю съ Бухарой и сѣверо-восточными провинціями Персіи:

Необходимо добыть разрѣшеніе на постройку одного или двухъ кораблей приблизительно въ 180 тоннъ, или нѣсколько менѣе, въ Казани для навигаціи по Каспійскому морю. Корабли эти могутъ плавать на половину съ англійскими, на половину съ русскими матросами. Затѣмъ необходимо обзавестись большими барками для перевоза товаровъ внизъ и вверхъ по Волгѣ между Саратовомъ и кораблями, плавающими по Каспійскому морю, стоянка которыхъ должна быть при устьѣ Волги. Эти корабли и барки не обремѣнятъ британскихъ купцовъ на пути отсюда до Гилани, такъ какъ

merchants, as to their carrying on a trade from hence to Gilan etc., because they must necessarily pay the same freight to the meanest russ vessel which cross the Caspian. And if in the infancy of this trade the british merchants should not send goods enough to employ such a vessel or vessels yet at times when the british merchants should have no occasion for their vessels, which cross the Caspian themselves, the may find sufficient employ to maintain them by carrying goods and passengers from one port of Persia on the Caspian to another. So that the difficulty seems to be only at first to procure such a vessel or vessels for the navigation of the Caspian, and on consideration that it will be absolutely impossible for the british merchants to carry on a trade even to Mesched, or even to Gilan, without their own vessels on the Caspian, it is submitted, if they ought not by all means, as soon as conveniently may be, to get such vessels built, it is indisputable that a trade to Mesched, the Bucharias, and Gilan must greatly answer. The british merchants must likewise establish a house at Mesched, one branch of which should reside at Reschd, and the chief be invested with the title of consul to the king and agent to the company. Such a character given to the chief of their house will have great weight with the persians and firmly establish the affairs of the new undertakers, and it is the more necessary, as the East-India company have always had had their agent at Ispahan, and Russia at present has its consul at Reschd.

иначе имъ пришлось-бы платить фрахтъ русскимъ судамъ, плавающимъ по Каспійскому морю. Если даже при началѣ дѣла купцы станутъ посылать товара не достаточно для наполненія такихъ судовъ, или вообще въ случаяхъ, когда эти суда останутся безъ употребленія, всегда найдется возможность содержать ихъ перевозомъ товаровъ и пассажировъ изъ одного персидскаго порта въ другой. Слѣдовательно на первый разъ затрудненіе представляетъ только вопросъ — гдѣ добыть корабль или кораблей для плаванія по Каспійскому морю? Англійскимъ купцамъ рѣшительно невозможно вести торговлю даже съ Мешхедомъ, даже съ Гиланью, безъ собственныхъ кораблей на Каспійскомъ морѣ, потому необходимо обсудить, какъ бы имъ — всяческими средствами, при первой возможности, добиться постройки такихъ судовъ, такъ какъ торговля съ Мешхедомъ, Бухарою и Гиланью несомнѣнно должна вознаградить всякія хлопоты. Британскимъ купцамъ необходимо должно также учредить домъ въ Мешхедѣ, съ отдѣленіемъ въ Рештѣ. Главѣ дома слѣдуетъ присвоить званіе королевскаго консула и агента компаніи. Такое званіе главы торговаго дома придастъ ему большой вѣсъ въ глазахъ персіанъ и прочно поставитъ дѣло предпринимателей, и тѣмъ болѣе необходимо, что Остъ-индская компанія также держала агента въ Испагани, Россія же и въ настоящее время имѣетъ консула въ Рештѣ.

№ 33. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, August the 2nd 1740.

I received the 30th o. s. your lordship's last dispatch of the 17th (28th) past.

My letter of this day sennight will have very fully informed your lordship of a long conversation with count Osterman and the state of my negociation. Besides the assurances of his highness the duke of Courland, the Czarinna, and several other people, whose good intentions I have no reason to doubt of, and who, by their situation, have as good opportunity of knowing the real sentiments of this court, have all assured me, that the fixed system of it is to unite closely with His Majesty, but they have all at the same time dissuaded my pushing on the negociation with more eargerness, than a possibility of the circumstances of things and the situation of this court may admit of; but as I found with the utmost concern and affliction, by your lordship's last letter, that the king was disappointed at my not having pushed count Osterman to a more direct explanation, I thought that there was no hesitation between the king's command and my friends advice. So I desired an hour of his excellency yesterday morning,

---

№ 33. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 2-го августа 1740 г. (13-го августа н. ст.).

30-го іюля ст. ст. я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 17-го (28-го) того-же мѣсяца.

Въ донесеніи, отправленномъ мною двѣ недѣлю тому назадъ, я съ полной подробностью передалъ вамъ свой разговоръ съ графомъ Остерманомъ о порученномъ мнѣ дѣлѣ. На ряду съ увѣреніями его свѣтлости герцога курляндскаго, сама Царица и многія другія личности, въ добрыхъ намѣреніяхъ которыхъ я не имѣю основанія сомнѣваться и которыя по своему положенію имѣютъ возможность знать о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ русскаго двора, единогласно увѣряли меня, что дворъ этотъ твердо держится сближенія съ Англіей; но всѣ въ то-же время старались удержать меня отъ веденія дѣла болѣе настойчиво, чѣмъ дозволяютъ настоящія обстоятельства и положеніе Россіи. Увидавъ, однако, къ величайшему своему прискорбію, изъ послѣдняго письма вашего превосходительства, что король не доволенъ, зачѣмъ я не вызвалъ графа Остермана на болѣе точныя объясненія, я рѣшилъ, что въ выборѣ между волею короля и совѣтами друзей моихъ колебанія быть не можетъ, потому просилъ у вице-канцлера свиданія на сегодняшнее утро и, получивъ его, потратилъ два часа, дабы, со всей настойчивостью и вмѣстѣ съ тѣмъ со всею осмотрительностью, на

obtained it, and spent two with him, which I employed to press him with all the affirmations, and at the same time with all the discretion I was master of, that as he had given me very explicit assurances, he would no longer defer putting me in a condition to give the king some effectual proofs of them.

This occasioned his recapitulating all he had said to me in our last conversation, which I need not repeat.

He then mentioned their affairs in Turkey not yet settled, the great credit and weight of France at the Porte, the fluctuating state of things there, and the uncertainty how they might turn out. That though they had nothing to fear on that side, whilst they remained on the defensive, yet that they should be glad in the present circumstances to have nothing to do on that side neither; that, as to Sweden, they began to see clearer into the views and designs of it, which m-r Sparre had discovered in the first rage he was in upon the king of Sweden's late declaration of the conclusion of his hessian treaty of subsidy with the king; that senator having told his swedish majesty that by accepting the offers of England and rejecting those of France he had equally sacrificed the interest of his crown and hereditary dominions and entirely ruined the plan which had been formed for the service of both. Upon being asked—what this plan was, of which the king of

---

которыя только былъ способенъ, склонить его къ тому, чтобы, ввиду данныхъ мнѣ самыхъ рѣшительныхъ увѣреній, онъ, безъ дальнѣйшей отсрочки, предоставилъ мнѣ возможность дать королю осязательныя доказательства искренности этихъ увѣреній.

Слова мои вызвали только повтореніе всего, сказаннаго мнѣ при нашей прошлой бесѣдѣ, которую приводить вторично не вижу никакой надобности.

Затѣмъ графъ указалъ, что дѣла Россіи съ Турціей еще не вполнѣ улажены, указалъ на чрезвычайное вліяніе, которымъ Франція пользуется при оттоманской портѣ, на шаткое положеніе дѣлъ въ Турціи и невозможность опредѣлить, какой оборотъ они примутъ. Россія, прибавилъ онъ, конечно, нечего бояться съ этой стороны, пока она довольствуется самообороной, но ей пріятно было-бы, при настоящихъ обстоятельствахъ, и впредь ничего не опасаться отъ Турціи. Виды и намѣренія Швеціи теперь также уяснились: Спаръ разгласилъ ихъ въ порывѣ негодованія противъ короля шведскаго при заявленіи его величества о гессенскомъ договорѣ касательно субсидіи отъ Англіи. Разгнѣванный сенаторъ прямо высказалъ королю, что, принявъ предложеніе Англіи и отказавшись отъ предложенія Франціи, король одновременно измѣнилъ какъ интересамъ шведской короны, такъ и интересамъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній, разрушивъ планъ дѣйствій, направленный въ ихъ пользу. На вопросъ — каковъ же былъ этотъ планъ, о которомъ король шведскій ничего не зналъ, Спаръ от-

Sweden said he had no knowledge, Sparre replied that under the direction and influence of France, and with the promise of its effectual assistance, the scheme was a quadruple alliance between France, Denmark, Sweden, and Hesse Cassel, that then there was to be a junction of a considerable body of troops of the three last powers by the pomeranians, the duke of Holstein and the landgrave in the Lower Saxony; that Bremen and Verden was to be delivered to the king of Denmark to determine him to join with Sweden afterwards against Prussia, and that Minden was to be given to the landgrave (the count said, that, though he did not certainly know whether it was the town of that name, that belonged to His Majesty or to the king of Prussia, yet when he communicated this intelligence to m-r Mardefeldt he said he should understand it of the last), his excellency then said: «You see, sir, by this scheme, we are not first meant, but should we be so, your master will have the same interest to prevent it, and thereby hinder our being put out of a condition to be of any service to our ally». However that may be, the necessity of forming a new system in Europe must appear, and whosoever will arrive at the end must employ the means and must use them in time, that, for this purpose, he must repeat his former advice to sound and prepare our friends in Holland, and without thinking of determining the States General to any violent and decisive measures, only endeavour to

---

вѣчалъ, что, подъ руководствомъ и при содѣйствіи Франціи, при обѣщаніи дѣятельной поддержки съ ея стороны, вырабатывался четверной союзъ Франціи, Даніи, Швеціи и Гессенъ-Касселя. Значительный корпусъ войскъ долженъ былъ сформироваться силами трехъ послѣднихъ державъ при помощи Помераніи, герцога голштинскаго и ландграфа нижнесаксонскаго; Бременъ и Верденъ предполагалось уступить королю датскому дабы склонить его затѣмъ на союзъ Швеціи противъ Пруссіи; Минденъ предназначался ландграфу (Остерманъ замѣтилъ, будто не зналъ, который изъ двухъ городовъ того-же имени предназначался ландграфу: тотъ-ли, который принадлежитъ королю англійскому, или тотъ, который находится въ прусскихъ владѣніяхъ, но, когда онъ сообщилъ объ этомъ Мардефельду, послѣдній сказалъ, что рѣчь идетъ о Минденѣ прусскомъ). «Видите, сэръ», замѣтилъ мнѣ затѣмъ вице-канцлеръ, «не на насъ прежде всего направлены замыслы Швеціи, но будь они даже направлены и на Россію, интересы вашего государя равно требовали бы разрушенія ихъ, а слѣдовательно и заботы о томъ, дабы мы не были лишены возможности помочь своему союзнику. Какъ бы то ни было, необходимость водворить новую систему въ Европѣ ясна, и для достиженія этой цѣли надобно принять своевременныя мѣры, а потому позволю себѣ повторить прежній совѣтъ свой: приглядѣться къ нашимъ друзьямъ въ Голландіи и подготовить ихъ. Нельзя, конечно, разсчитывать, что генеральные штаты предпримутъ какой нибудь сильный и рѣшительный шагъ; достаточно убѣдить ихъ вообще въ опас-

convince them of the dangerous situation of Europe in general and of their own in particular; that Golofkin had long and full instructions in this sense. The count then said, that the canal he proposed to employ at Copenhagen and about the queen of Denmark had failed by a court lady Her Majesty's favourite, and whom he had in his eye for that purpose, being retired to Brunswick, that however Sweden and France might flatter themselves of having secured Denmark, he yet hoped and was persuaded that, if His Majesty would think fit to renew the treaty of subsidies with that crown and make the offer in time (since none was to be lost), His Majesty might still frustrate those hopes, or, at least, that succour and offer made, would show him plainly how far he might or might not depend upon the danes. His excellency then recommended again the king of Prussia and expressed great satisfaction on the prospect there was of that prince with the queen mother, making His Majesty a visit at Hanover, where, he said, he hoped those caresses would not be spared towards the prussian king, of which his ministers found the most christian king and his cardinal so affectedly lavish at Versailles, which, he had heard, had made such impression at Berlin that he was afraid the journey to France might again be thought of, and if it was, might produce very ill effects and by no means contribute to the new system, that however the king of Prussia expressed a great disposition to

---

номъ положенія Европы и самой Голландіи въ частности. Графу Головкину даны подробныя инструкціи въ этомъ смыслѣ». Вице-канцлеръ далѣе сообщилъ, что путь, бывшій у него ввиду, чтобы повліять въ Копенгагенѣ на королеву датскую, оказался не пригоднымъ, такъ какъ статсъ-дама — фаворитка ея величества, на которую онъ разсчитывалъ, удалена въ Брунсвикъ; однако, хотя Швеція и Франція и льстятъ себя надеждой, что обезпечили за собой Данію, онъ, графъ Остерманъ, надѣется и даже увѣренъ, что, рѣшись только его величество возобновить договоръ о субсидіяхъ съ датскимъ дворомъ своевременно (времени терять нельзя), расчеты Франціи и Швеціи могутъ оказаться негодными; предложеніе субсидіи по крайней мѣрѣ рѣшительно указало-бы королю можетъ-ли онъ положиться на Данію. Его сіятельство затѣмъ снова указывалъ на значеніе короля прусскаго и съ величайшимъ удовольствіемъ останавливался на проектѣ его посѣтить вмѣстѣ съ королевой матерью его величество въ Гановерѣ. Графъ выразилъ увѣренность, что при встрѣчѣ королю прусскому оказаны будутъ всяческія ласки, на которыя его христіаннѣйшее величество и кардиналъ-министръ оказались столь приторно-щедрыми въ Версалѣ относительно представителей Пруссіи, что, какъ слышно, произвело въ Берлинѣ глубокое впечатлѣніе; возникли даже опасенія, какъ-бы у молодаго короля не возродились мечты о посѣщеніи Франціи, которыя могли бы повлечь за собою послѣдствія грустныя, во всякомъ случаѣ не желательныя для новой системы, такъ какъ его прусское величество, проявляя большое

cultivate the friendship of this court, though there seemed some coolness in him towards that of Dresden.

This gave me an opportunity to put in a word, and I told his excellency, that, as I should not fail to report to the king all those means he had suggested, so I could assure him, as I had often done already, that His Majesty would neglect to employ none of those which might appear to him either proper or practical in order to establish that system, which he had equally at heart, that therefore I begged leave to add that the king did believe the negociation I was charged with here, to be the very best foundation of such a system, and I could not conceal from him either His Majesty's expectations or his impatience to hear, that his excellency would at last consent to set his hand to the work and with me to lay the corner-stone of it. Upon this head he answered, that I knew the dispositions here, but that the absence of the court had made it impossible to set to the work, however since I seemed so impatient and so urgent, if I would bring my project with me, we should go through it together, and he would then have it examined and considered. I thanked his excellency for this, and told him, that, if he pleased, I would wait on him sunday morning, that is to-morrow, with it. He said if I would send beforehand and he had time, he would see me. . . .

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

расположеніе къ дружбѣ съ русскимъ дворомъ, довольно холоденъ въ сношеніяхъ съ Дрезденомъ.

Это дало мнѣ возможность сказать свое слово. Я заявилъ графу, что не премину донести королю о всѣхъ сдѣланныхъ имъ сообщеніяхъ и могу увѣрить, что его величество, какъ и прежде, не пренебрежетъ ни однимъ изъ указаній графа, пригодныхъ для водворенія новой системы, которою также сердечно озабоченъ; а потому просилъ бы разрѣшенія прибавить въ своемъ донесеніи, что и здѣсь въ договорѣ, ради котораго я прибылъ, видятъ лучшую основу этой системы; не могу утаить, что его величество надѣется и съ нетерпѣніемъ желалъ бы услыхать, что графъ наконецъ согласился приступить къ дѣлу, заложить со мною вмѣстѣ краеугольный камень новой системы. На это графъ Остерманъ отвѣчалъ, что настроеніе русскаго правительства мнѣ извѣстно, но отсутствіе двора изъ столицы не позволяло до сихъ поръ приступить къ работѣ; однако, ввиду моего крайняго нетерпѣнія и моей настойчивости, онъ просилъ меня принести съ собою проектъ, который мы прочтемъ вмѣстѣ, а затѣмъ онъ отдастъ его на разсмотрѣніе и обсужденіе. Поблагодаривъ графа, я просилъ позволенія побывать у него съ проэктомъ въ воскресенье, то есть завтра поутру. Онъ предложилъ мнѣ справиться заблаговременно, будетъ-ли онъ свободенъ въ этотъ день; если окажется возможность, онъ приметъ меня...

№ 34. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, August the 5th 1740.

The full account I gave your lordship in my last of my conversation with count Osterman on my negociation left me no time to inform your lordship of what passed between us about m-r Burnaby. I can assure your lordship that I was as full and explicit in reporting to his excellency what your lordship had written to me in the justification of that gentleman, as I had been in relating to your lordship, from the count's mouth and at his own desire, what may have appeared his accusation; in both instances I acted according to my duty; in the first, at least, I acted conformably to my inclination. His excellency would have interrupted me often, but I desired him to hear me out. He did so at last, and replied in a very dry manner, that what he had mentioned could proceed from no other motive than the good of the common cause; that though he would be glad to find that intelligence illfounded, yet he must think, if it was not so, the king's own service in that country must suffer extremely, and therefore as I had done what he thought right and necessary, he was now determined never to mention m-r Burnaby's name again, leaving his conduct entirely to future proof. I then proceeded to tell the count that that minister was fully instructed to act in concert with our friends, and actually enabled to contribute equally

---

№ 34. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 5-го августа 1740 г. (16-го августа н. ст.).

Подробное изложеніе вашему превосходительству бесѣды моей съ графомъ Остерманомъ по вопросу о возложенномъ на меня порученіи не дало мнѣ возможности сообщить вамъ о нашемъ разговорѣ по поводу Бернэби. Могу увѣрить васъ, что я вполнѣ подробно и точно передалъ графу все, что вы писали мнѣ въ оправданіе этого господина, также, какъ въ свое время точно и полно доносилъ вамъ, по желанію графа, все сказанное въ его обвиненіе. Въ обоихъ случаяхъ я дѣйствовалъ повинуясь своей обязанности; въ первомъ, кромѣ того, — согласно собственному убѣжденію. Графъ нѣсколько разъ пытался прервать мою рѣчь, но я просилъ выслушать меня, что онъ наконецъ и сдѣлалъ; затѣмъ очень сухо возразилъ, что всѣ обвиненія Бернэби вызваны были исключительно желаніемъ успѣха общему дѣлу, что и онъ радъ-бы признать дошедшіе до него слухи неосновательными, такъ какъ въ случаѣ, если эти слухи вѣрны, собственныя дѣла короля въ Швеціи должны пострадать чрезвычайно; что затѣмъ, разъ я выполнилъ все что нужно съ своей стороны, онъ болѣе никогда не упомянетъ имени Бернэби, предоставляя будущему оправдать его поведеніе. Я сталъ объяснять графу, что Бернэби даны инструкціи дѣйствовать

with m-r Bestuchef. He answered that he could not conceive this concert, where there was no commerce nor acquaintance, and that indeed he had heard that m-r Burnaby lived at Stockholm at much greater expense than I had done, which was an insinuation of such a nature and so malicious, that I thought it was better for me to appear not to have heard it, and so I turned off the conversation to my negociation and desired his excellency's leave to wait on him sunday with the project of the treaty I had to propose.

He gave hopes of this, as I acquainted your lordship last post, and accordingly I sent sunday morning, but he was too busy, the next day morning also and received the same answer, afterwards again and then got admittance, thinking, that, if we should have gone through the project of the treaty together, I might have explained and removed any difficulties and objections to it, but though I staid till m-r Suhm, whom I found with that minister was come out, and though, as I observed, that minister staid also till I had left his excellency and then was imediately sent for in again, yet count Osterman all the time I was with him, was so ill and in such great pain, real or pretended, that, between grunts and groans, I could only get from him the old general assurances of the good intentions of this court, the hopes he had that His Majesty would be fully convinced of them and

---

вполнѣ согласно съ нашими друзьями и помогать имъ въ той же мѣрѣ, какъ Бестужевъ. Графъ отвѣчалъ, что не понимаетъ согласія съ людьми, съ которыми нѣтъ ни знакомства, ни общенія, что онъ далѣе слышалъ, будто Бернэби живетъ въ Стокгольмѣ несравненно шире, чѣмъ жилъ я. Эта инсинуація показалась мнѣ столь хитрою и такого характера, что я предпочелъ не слышать ее и возвратить бесѣду къ вопросу о союзномъ трактатѣ, а затѣмъ откланяться графу съ просьбою принять меня въ воскресенье съ проектомъ.

Какъ я сообщалъ вашему превосходительству съ послѣдней почтой, графъ обнадежилъ меня свиданіемъ, но, когда въ воскресенье поутру я послалъ предупредить о своемъ пріѣздѣ, онъ отвѣчалъ, что слишкомъ занятъ; тотъ-же отвѣтъ я получилъ и на слѣдующее утро, и затѣмъ опять, пока наконецъ не добился свиданія въ убѣжденіи, что разъ мы просмотримъ договоръ вмѣстѣ, я объясню и устраню всѣ затрудненія и возраженія, которыя мнѣ будутъ представлены. Я засталъ у графа Сума и дождался, пока онъ выйдетъ изъ кабинета графа, но замѣтилъ, что Сумъ не уѣхалъ, а въ свою очередь сталъ ожидать, пока кончится моя бесѣда съ его сіятельствомъ; а затѣмъ онъ былъ принятъ снова. Между тѣмъ все время бесѣды со мною графъ Остерманъ былъ такъ нездоровъ, такъ страдалъ (дѣйствительно или притворно), что, между охами и вздохами, я едва дождался прежнихъ увѣреній въ добромъ расположеніи русскаго двора, выраженія надежды, что его величество вполнѣ довѣряетъ этому расположенію, а также понимаетъ настоящія обстоятельства, заста-

at the same time feel both the situation and the circumstances of the present juncture, as well as the reason he himself had alledged to me for their temporizing a little, and some small delay in the conclusion of this treaty, of which the king might however be sure, and which, as he again asserted, m-r Rondeau had been himself ordered last year to defer. Upon this I repeated my former assurances, that his notion of such orders had so little foundation, that I was sure that m-r Rondeau had sufficient instructions and authority on the arrival of the second messenger, dispatched at the end of May was twelve month, to have concluded on the project I had then in my hands, which had been new modelled perfectly in the sense of this court, as well as m-r Rondeau had been able to collect and report it from his excellency's observation upon the first day, and that the said minister would have been ready and glad to have signed this treaty any day, to the hour of his death, which accident alone, as my court thought, had interrupted the conclusion of that affair, which I was now come for and ready to effect; that from the assurances since given by their minister at London even before my nomination had been made the king believed, that the arrival of the minister here and the signing of the treaty would have been one and the same thing; that these hopes and expectations of His Majesty must have been more raised and confirmed by those repeated assurances I had received and

---

вляющія нѣсколько повременить договоромъ. Графъ едва прибавилъ, что небольшая отсрочка въ заключеніи договора, въ успѣхѣ котораго король можетъ быть увѣренъ, никого не затруднитъ, такъ какъ—повторилъ онъ снова—Рондо прошлаго года самъ получалъ приказанія пріостановить дѣло. На это я повторилъ прежнія увѣренія, что извѣстія о такихъ приказаніяхъ неосновательны, что Рондо обладалъ достаточными инструкціями и полномочіями, дабы, по прибытіи втораго курьера (въ концѣ мая минулъ годъ со времени его пріѣзда), заключить договоръ на основаніи проекта, находящагося теперь въ моихъ рукахъ, переработаннаго вполнѣ согласно съ указаніями русскаго двора. Рондо съ самаго дня прибытія этого проекта могъ выслушать и донести о замѣчаніяхъ его сіятельства и въ то-же время ежеминутно до самаго дня своей смерти былъ готовъ и радъ подписать трактатъ когда угодно. Его великобританское величество полагалъ, что только смерть Рондо остановила подписаніе договора, для котораго я теперь прибылъ. Кромѣ того изъ увѣреній самихъ русскихъ уполномоченныхъ въ Лондонѣ, данныхъ королю до моего назначенія, его величество вывелъ заключеніе, что за прибытіемъ посланника его въ Петербургъ немедленно послѣдуетъ подписаніе трактата. Эти надежды и ожиданія короля еще усилились и окрѣпли ввиду неоднократныхъ увѣреній, полученныхъ (и переданныхъ мною вашему превосходительству) отъ самого графа, отъ герцога курляндскаго и даже отъ Царицы, потому приводимыя основанія неожиданнаго замедленія дѣла, неизмѣнно

transmitted to your lordship from his excellency, the duke of Courland and the Czarinna herself, so that those reasons for the present unexpected delay which he had from time to time insinuated since, and I had faithfully reported, would, as I feared, not at all satisfy the king's impatience, nor prevent His Majesty's doubts whether there might not be some change in the former dispositions of this court, though His Majesty would be at a loss to know to what to attribute it; that, as I was persuaded, no such change existed, I imagined that he would be glad to prevent the king's having any doubt about it, so that, if he pleased (as he pretended to be in pain), I would leave the project with him to peruse and consider when he would be more at his ease, but must desire him to take care of it because it was the only copy I had. His excellency immediately seized this, and said it would be better to leave another copy with him, which, as he had one from m-r Rondeau, your lordship will see was only to gain time, but he shall not gain much, for m-r Burrish is actually taking one, whilst I am cyphering, and I shall carry to that minister this afternoon, if I can get admittance or persecute him till I do, for, though I flatter myself that the treaty will at last succeed, yet I am now afraid that it will be deferred longer than the king expects, or I hoped, when I charged myself with it.

I just now sent to count Osterman that the copy was ready and he

---

передаваемыя мною по назначенію, врядъ ли удовлетворятъ нетерпѣніе короля, и успокоятъ его тревогу о томъ—не произошло-ли какой перемѣны въ расположеніи русскаго двора, хотя его величеству и трудно будетъ догадаться, чему приписать такую перемѣну. Я убѣжденъ, что никакой перемѣны не произошло, потому полагаю, что графу пріятно будетъ разсѣять опасенія короля, вслѣдствіе чего, и ввиду болѣзни графа, я предложилъ бы оставить у него проектъ, дабы его сіятельство могъ ознакомиться съ нимъ и обдумать его на свободѣ, и просилъ бы только поберечь этотъ документъ, такъ какъ я даже копіи съ него не имѣю. Графъ немедленно ухватился за мои слова, замѣтивъ, что лучше бы мнѣ прислать ему другую копію. Ваше превосходительство легко поймете, что онъ желалъ только выиграть время, такъ какъ у него уже есть копія, полученная отъ Рондо; впрочемъ этотъ разъ времени онъ выиграетъ немного, такъ какъ въ то-же время, какъ я подбираю шифръ для настоящаго письма, Бурришъ уже сидитъ за перепиской и сегодня-же вечеромъ я передамъ копію графу, если буду принятъ, или буду преслѣдовать его, пока онъ меня не приметъ. Хотя я льщу себя надеждой, что договоръ, наконецъ, будетъ заключенъ, опасаюсь, что заключеніе его отсрочится далѣе, чѣмъ король желалъ и надѣялся, поручая мнѣ его.

Сейчасъ я посылалъ къ графу Остерману сказать, что копія готова... Онъ

was again too busy, but your lordship's dispatches are too pressing for me to hesitate between the king's orders and the advice of my well-intentioned friends here, so that however well-founded the last may be, I am resolved to follow the first, since it is my business only to execute and not to judge.

M-r Suhm, after having received the ordinary present with an additional one of a fine diamond ring of the same kind and value which count Lynar had on his leaving this court, will set out this afternoon. Besides m-r Backhoff's audience as envoy, sunday morning, there was another the same afternoon of a sort of ambassador from Chiva, which is a district of tartars lying between the Caspian sea and the lake of Aral, and another of the same sort is likewise here from those of Bucharia.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 35. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Hannover, August 7th 1740.

Having laid before the king your two letters of the 15th and 19th past o. s., the former of which was before acknowledged, * His Majesty was extremely pleased to see that you had had a confidential conversation with

---

опять слишкомъ занятъ, но письма вашего превосходительства слишкомъ настойчивы и не допускаютъ колебанiй между королевской волей и совѣтами моихъ доброжелателей въ Петербургѣ. Какъ-бы совѣты эти ни были основательны, я рѣшился слѣдовать предписанiямъ короля, такъ какъ мое дѣло не судить, а только исполнять.

Сумъ, получивъ обычный подарокъ и, въ дополненiе къ нему, бриллiантовый перстень въ томъ-же родѣ и той-же цѣнности, какъ перстень, полученный графомъ Линаромъ передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга, выѣзжаетъ сегодня вечеромъ. Кромѣ аудiенцiи Бакгофа въ качествѣ посланника въ воскресенье поутру, состоялась еще въ тотъ-же день послѣ полудня аудiенцiя какого-то посла изъ Хивы—татарской области, лежащей между Каспiйскимъ моремъ и Аральскимъ озеромъ. Еще такой-же посланникъ прiѣхалъ сюда изъ Бухары.

№ 35. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Гановеръ, 7-го августа 1740 г. (18-го августа н. ст.).

Я предъявилъ королю донесенiя ваши отъ 15 и 19-го iюля ст. ст. (о полученiи перваго изъ нихъ я уже увѣдомлялъ васъ). * Его величеству было чрезвычайно прiятно услыхать о конфиденцiальной бесѣдѣ вашей съ герцогомъ курляндскимъ, о пре-

the duke of Courland, and that you found his highness in so good dispositions, with regard to the affairs of Europe in general, in so right a way of thinking, as to the dangerous views of France, in the north, and so well inclined towards the conclusion of the treaty, which you were sent to negociate; and the king hopes that the transaction of that affair will have been actually begun, according to his promise, upon the return of the court to Petersburgh.* 1)

As to what you write concerning the business of the russian passports and the memorial you intended to deliver to count Osterman thereupon, I shall mention it in my next to the duke of Newcastle, that it may be considered in England. In the meanwhile you will have received from m-r Titley a copy of m-r Schulin's letter to him of the 6th instant, by which you will see what abatement the danish court is willing to make upon the duties of russian linens at the Sound, and you will learn the sentiments of the english factory upon the contents of that letter.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

красномъ настроеніи его свѣтлости по отношенію къ европейскимъ дѣламъ вообще, о правильныхъ взглядахъ его на опасные замыслы Франціи, на сѣверныя дѣла, а также о его расположеніи въ пользу договора, порученнаго вамъ. Король надѣется, что, согласно обѣщанію герцога, переговоры по этому дѣлу начались теперь, съ возвращеніемъ двора изъ Петергофа * 1).

Все, что вы пишете по дѣлу о русскихъ паспортахъ и о меморіалѣ, который вы намѣрены вручить по этому поводу графу Остерману, я перешлю слѣдующей-же почтой герцогу ньюкестельскому, дабы эти документы могли быть разсмотрѣны въ Англіи. Пока вы, вѣроятно, получили отъ Тидлея копію съ письма Шулина на его имя отъ 6-го августа, изъ котораго узнаете, на сколько датскій дворъ соглашается понизить зундскія пошлины съ русскихъ полотенъ. Освѣдомьтесь, какъ англійская факторія отнесется къ содержанію этого письма.

---

1) Строки отъ * до * писаны шифромъ.

№ 36. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, August the 9th 1740.

...Upon my enquiry yesterday count Osterman told me very dryly that the project of the treaty I had delivered to him was translating into russ to be laid before Her Majesty, but that he had not had time himself to look it over, and immediately, as usual, turned the conversation off to the king of Prussia. He seemed very solicitous to know, whether there would be an interview between the king and that prince, and expressed both his surprise and concern that your lordship's dispatches to me mentioned nothing of such a desire, the execution of which, he hoped, might produce the happy effect of establishing a perfect good understanding between Their Majesties, which he looked upon as one of the most essential measures for the good of the common cause in the present juncture, and he let drop at last, that, if I had been instructed to give them here any lights into the king's views on this head, they might possibly find opportunities of being useful to His Majesty in forwarding them; that he equally hoped for this interview and apprehended the journey to France from the good and bad effects each might produce. He talked of the succession of Julich and Bergh, and of that of

---

№ 36. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 9-го августа 1740 г. (20-го августа н. ст.).

... На мой вопросъ вчера графъ Остерманъ очень сухо отвѣчалъ мнѣ, что проектъ трактата, переданный мною, переводится на русскій языкъ для предъявленія Ея Величеству, но, что самъ графъ не успѣлъ просмотрѣть его; затѣмъ, по обыкновенію, вице-канцлеръ перевелъ разговоръ на короля прусскаго. Онъ казался очень озабоченнымъ вопросомъ, состоится-ли свиданіе короля съ этимъ монархомъ, причемъ выразилъ удивленіе и сожалѣніе, что ваше превосходительство не упоминаете ничего по этому поводу въ вашихъ депешахъ. Такое свиданіе, онъ полагаетъ, будетъ имѣть благимъ послѣдствіемъ установить между ихъ величествами прекрасныя отношенія, которыя должны послужить одной изъ самыхъ сильныхъ опоръ лучшему обороту настоящихъ обстоятельствъ, и, наконецъ. намекнулъ, что, въ случаѣ, если бы мнѣ поручено было ознакомить графа со взглядами короля на этотъ предметъ, русскому двору, вѣроятно, представилась бы возможность быть полезнымъ его величеству въ устройствѣ свиданія, котораго онъ желаетъ такъ же, какъ опасается путешествія короля прусскаго во Францію; первое можетъ принести столь-же добрыя, сколько второе — вредныя послѣдствія. Графъ много говорилъ о наслѣдствѣ Юлиха и Берга, а

East-Frizeland, that France, in order to gain the king of Prussia, would have no difficulty in sacrificing the elector palatine and the house of Sultzbach in the first case, nor of flattering that prince and blowing the coals in the second; that therefore he should be glad to see proper measures taken on the other hand to accomodate his prussian majesty, adding that, though he had the greatest aversion to all the dangerous schemes France was working at, yet he could not but admire the diligence and application with which the french ministry employed every proper method of arriving at them.

I thought it necessary to be so particular, because, by combining all these things together, I begin to suspect and I find other people of my mind and opinion, that the turkish affairs and a certain consideration for the court of France, on their account, have not so great a share in the unexpected and affected dilatoriness here, as the desire count Osterman in particular has to see, first, on what foot the king, our master, and his prussian majesty are like to be, and I know that m-r Suhm let drop something of this kind before he set out, while the count expressed yesterday both his impatience for that minister's arrival at Berlin and his expectation of the service he might with his credit there render the common cause in our acceptation of that phrase; towards which he thinks, m-r Suhm went disposed thither. I am afraid he will be found to have a leaning to France. When it is remem-

---

также о наслѣдствѣ остъ-фрисландскомъ. Франція, по его мнѣнію, не затруднится пожертвовать интересами курфюрста пфальцскаго и дома зюльцбахскаго по поводу перваго и раздуть дѣло по поводу втораго, возможно польстивъ королю прусскому. «Пріятно было бы видѣть», прибавилъ графъ, «что и съ другой стороны принимаются мѣры къ удовлетворенію его прусскаго величества. Я съ величайшимъ отвращеніемъ гляжу на опасные замыслы Франціи, но не могу не любоваться настойчивостью и вниманіемъ, съ которымъ французскіе министры относятся ко всему, что можетъ содѣйствовать ихъ цѣлямъ».

Я умышленно разсказываю всѣ эти подробности, такъ какъ, соображая ихъ въ совокупности, начинаю подозрѣвать — и многіе раздѣляютъ мои подозрѣнія — что въ неожиданной и натянутой медлительности, съ которою ведется дѣло, главную роль играютъ не турецкія дѣла и не осторожность по отношенію къ французскому двору, а личное желаніе графа Остермана присмотрѣться предварительно на какую ногу станутъ другъ къ другу король, государь нашъ, и его прусское величество. Сумъ, передъ отъѣздомъ своимъ, намекнулъ на что-то въ этомъ родѣ; къ тому же графъ Остерманъ выражалъ нетерпѣніе услыхать о прибытіи Сума въ Берлинъ и надежду, что онъ можетъ быть очень полезенъ общему дѣлу въ нашемъ смыслѣ, такъ какъ повидимому, выѣхалъ отсюда вполнѣ расположеннымъ въ нашу пользу. Опасаюсь,

bered that count Osterman was always a good prussian, his excellency's present conduct will not be surprising, but I am sorry to add, that, without discerning his secret motives relating to the king of Prussia, I am afraid, that in general terms he has given the duke of Courland also an impression of the necessity there is, that things should be previously more prepared, and a party well formed to be able to withstand France, without giving that crown any premature alarm, in the sense his excellency has often talked to me and I have constantly reported to your lordship. I shall however neglect no opportunity of pushing on this affair, that the king may see assoon as possible what are really the designs of this court, and as the saxon secretary has communicated to me the orders, which he received last post from his court in persuance of those your lordship desired might be sent to m-r Suhm, I shall, as I find occasion, make use of him as an interpreter between the duke of Courland and myself.

I do not know whether I mentioned to your lordship, that m-r Backhoff has insinuated to count Osterman, that there will be an equitable regulation introduced in the Sound customs upon the russian linens of all sorts.

The field-marshal Munich with the hereditary prince of Courland set out yesterday morning for Wyburgh and to view the fortifications on that

---

однако, какъ бы онъ не склонился на сторону Франціи. Вспомнивъ постоянное расположеніе графа Остермана къ Пруссіи, поведенію его въ настоящемъ случаѣ удивляться нельзя, но мнѣ грустно прибавить, что — не раскрывая своихъ тайныхъ побужденій, вызванныхъ симпатіями къ Пруссіи—онъ, кажется, сумѣлъ внушить герцогу курляндскому мысли о необходимости предварительно подготовить положеніе, составить группу державъ, плотно сплоченную противъ Франціи, не вызывая въ ней преждевременныхъ тревогъ, — мысли, которыя графъ не разъ высказывалъ мнѣ, и о которыхъ я не разъ писалъ вашему превосходительству. Я тѣмъ не менѣе не пропущу ни малѣйшаго случая двинуть дѣло, дабы король возможно скорѣе могъ уяснить себѣ дѣйствительныя намѣренія Россіи. Саксонскій секретарь сообщилъ мнѣ о приказаніяхъ, полученныхъ имъ съ прошлою почтою отъ своего двора, вслѣдствіе письма вашего превосходительства, по поводу инструкцій, которыя желательно было бы выслать Суму. При надобности воспользуюсь имъ въ качествѣ переводчика при бесѣдѣ съ герцогомъ курляндскимъ.

Не знаю, писалъ ли я вамъ, что Бакгофъ сообщилъ графу Остерману о готовности датскаго правительства понизить въ извѣстной мѣрѣ зундскую пошлину съ русскихъ полотенъ всѣхъ сортовъ.

Фельдмаршалъ Минихъ выѣхалъ вчера поутру съ наслѣднымъ принцемъ курляндскимъ въ Выборгъ для осмотра укрѣпленій. Они возвратятся Ладожскимъ кана-

side. They will return by the canal of Ladoga, which, of the kind, passes for a magnificent work and certainly is so useful a one, that I shall send my young travellers to see it the week after next, and, if I shall not neglect the king's business, may perhaps venture to accompany them and satisfy my own curiosity.

M-r Podosky, who came here some time ago to sollicit this court to indemnify the damages the Czartoryski family, particularly the palatine of Russia, had sustained by the march of the moscovite troops into Poland, set out from hence last week, after having obtained 30.000 roubles on that account.

A report goes current here, that when the last letter came from Turkey, the grand-signior was deposed; but count Osterman told me yesterday that his letters of the 13th past mention nothing of it.

I enclose to your lordship a printed manifest in german on the late execution.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 37. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, August the 12th 1740.

The servant, who carried my letters to the post the 9th, on his return brought me your lordship's dispatch of the 27th July.

ломъ, который слыветъ мастерскимъ сооруженіемъ и несомнѣнно очень полезенъ. Хочу на слѣдующей недѣлѣ отправить своихъ юныхъ путешественниковъ взглянуть на него, а если позволитъ королевская служба, можетъ быть рѣшусь удовлетворить и собственному любопытству — поѣду съ ними.

Нѣкто Подосскій, прибывшій сюда нѣсколько времени тому назадъ ходатайствовать о вознагражденіи Чарторижскихъ, особенно же палатина россійскаго, за убытки, понесенные при движеніи русскихъ войскъ черезъ Польшу, выѣхалъ на прошлой недѣлѣ обратно, получивъ 30.000 рублей.

Здѣсь, при полученіи послѣднихъ писемъ изъ Турціи, прошелъ слухъ о низверженіи султана; но графъ Остерманъ передавалъ мнѣ вчера, что въ полученныхъ имъ письмахъ отъ 13-го минувшаго іюля объ этомъ ничего не упоминается.

Прилагаю при семъ печатный экземпляръ манифеста на нѣмецкомъ языкѣ по поводу послѣднихъ казней.

№ 37. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 12-го августа 1740 г. (23-го августа н. ст.).

Слуга, относившій на почту донесеніе мое отъ 9-го августа, принесъ письмо вашего превосходительства отъ 27-го іюля (7-го августа).

As I could not get an opportunity the next day at the Czarinna's court, I shall not fail to find one to-morrow at the duke of Courland's levee to inform his highness how agreeable the manner, in which he expressed himself in his letters, was to the king. Your lordship will have seen that the omission of copies of those letters was rectified. I was extremely glad to find that the king approved of my discourse with count Osterman in relation to the title of Her Czarish Majesty. Would to God that the *proper occasion* was come for the king to show the Czarinna that he was not averse to gratify her in this particular, but till such an occasion presents itself, I shall only note for my own use what your lordship writes to me on this head. The business of embellishing letters is, I think, so well settled both by count Osterman's consent and the precedent of reciprocal ones having passed without this troublesome form, that I may venture to let it rest on the present footing without mentioning anything more here on this subject. Happy should I be, could I succeed as well and as soon in the principal point of my instructions, but the desire on one hand to defer this affair a little and on the other to conclude it immediately, makes me more miserable than I can express, because I may be equally exposed to the appearance of negligence and to the certainty of rendering the negotiation more difficult perhaps of spoiling it entirely. I was however yesterday to enquire of count Osterman

---

Такъ какъ мнѣ на слѣдующій день не удалось побывать при высочайшемъ дворѣ, постараюсь быть завтра на утренемъ пріемѣ герцога курляндскаго, дабы передать его свѣтлости, какъ королю пріятно было прочесть его письма. Ваше превосходительство уже знаете, что недосмотръ по отправленію копій съ этихъ писемъ исправленъ. Мнѣ чрезвычайно пріятно было прочесть объ одобреніи, съ которымъ его величество встрѣтилъ мой отвѣтъ графу Остерману по поводу титула Царицы. Дай Богъ, чтобы «удобный случай» показать Ея Величеству, что король не прочь исполнить ея желаніе, скоро представился королю; пока отмѣчу только для собственнаго руководства все, что ваше превосходительство пишете мнѣ по этому поводу. Вопросъ объ украшеніи королевскихъ грамотъ, полагаю, можно считать оконченнымъ съ согласія графа Остермана и, такъ какъ взаимный обмѣнъ писемъ безъ соблюденія этой тяжелой формальности совершился и можетъ служить прецедентомъ, рѣшаюсь оставить это дѣло въ его настоящемъ положеніи и не касаться его болѣе. Буду счастливъ, если также удачно и скоро кончу и главное порученное мнѣ дѣло, но желаніе одной стороны отсрочить его, при желаніи другой завершить его немедленно, мучаетъ меня болѣе, чѣмъ могу высказать, такъ какъ я одновременно могу заслужить упрекъ въ небрежности и затруднить переговоры или даже совершенно испортить дѣло излишней настойчивостью. Какъ бы то ни было, вчера я справился у графа Остермана о судьбѣ переданнаго ему проекта; онъ отвѣчалъ, что проектъ еще не представ-

what had been done on the project I had presented. He told me it had not yet been laid before the Czarinna, and that the privy councillor Brevern, who, after himself, is in these affairs the factotum, set out sunday for 8 or 10 days, and no more, to see his family at Reval. I then proceeded to represent to him in the most pressing manner how much the king's expectation had been raised, and how surprized His Majesty must be at these unforeseen delays. This only served to give him some violent twitches of the gout and make him very sick. I have before told your lordship that, when he is in these fits, it is in vain to push the conversation, and in effect he immediately turned it off to his favourite topic of the king of Prussia, which I need not repeat, then to the Sound customs and turkish affairs, both which I can write out of cypher, and afterwards to the swedish. Upon this last he told me, in confidence, that the diet had been unanimously resolved in the senate, the absent senators being consulted by letter, and ordered to declare their opinions in the same manner, and that both parties had, no doubt for very different reasons, agreed, that it should be assembled before christmas and added that there was now no time to be lost; that he did not on account of Sweden confine himself to Russia, for he knew well the force of that and this country, and that without despising their enemies they had nothing to fear from her, but what he meant was, in a general and extensive view

---

ленъ Государынѣ, а тайный совѣтникъ Бреверпъ — самый вліятельный человѣкъ въ этомъ дѣлѣ послѣ самого Остермана — въ воскресенье выѣхалъ дней на восемь, на десять, не болѣе, въ Ревель для свиданія съ родными. Тогда я сталъ самымъ настойчивымъ образомъ разъяснять, какъ надежды короля были вызваны русскимъ дворомъ и какъ онъ долженъ быть изумленъ неожиданной медлительностью этого двора. Это повело только къ нѣсколькимъ сильнымъ припадкамъ подагры; графъ оказался очень нездоровъ. Я уже писалъ вашему превосходительству, что при такихъ припадкахъ вести дальнѣйшіе разговоры совершенно безполезно, и дѣйствительно графъ немедленно обратился къ любимой темѣ о королѣ прусскомъ, которую развивать не стану, затѣмъ къ зундской пошлинѣ, къ турецкимъ дѣламъ (разговоры по поводу этихъ дѣлъ могу передать позже безъ шифра), затѣмъ къ дѣламъ шведскимъ. По поводу послѣднихъ графъ конфиденціально сообщилъ мнѣ, что сенатъ единогласно постановилъ созвать сеймъ, при чемъ о мнѣніяхъ отсутствующихъ сенаторовъ спрошено было письмами съ требованіемъ письменнаго же отвѣта. Обѣ партіи—изъ различныхъ, конечно, побужденій—согласились собраться передъ рождествомъ, присовокупивъ, что времени терять нельзя. Графъ прибавилъ, что дѣла шведскія касаются не одной Россіи, которой хорошо извѣстны силы Швеціи и собственныя силы и которой потому бояться нечего; что онъ озабоченъ болѣе широкимъ вопросомъ объ общей системѣ европейской политики и спокойствіи на сѣверѣ, о равновѣсіи сторонъ, такъ какъ эти

relative to the system of Europe, the tranquillity of the north, and ballancing of powerful parties, for if those were objects, they must be thought of seriously and pursued by effectual and proper means; that he could assure me that m-r Bestuchef had actually distributed preparatorily to this diet, upwards of fifty thousand roubles, above ten thousand pounds sterling (of which m-r Burnaby, if he was in the real confidence of our friends might be fully informed); that they were moreover capable of expending in this service as much again, nay twice as much, if necessary and on the least appearance of success, for certainty could not be expected, being resolved not to starve the king or be contented to patch up matters for a time; what they aimed at being to put things in that country on a lasting and permanent footing; that they knew beyond all doubt, that m-r de St. Severin had actually a remittance of three hundred thousand crowns, above forty five thousand pounds sterling; that therefore it would be proper to know what His Majesty would do on this occasion, that they might be informed of what assistance they could depend on, and might not rely on more than they should really find, since as yet the king's secretary at Stockholm had not at all explained himself on this head. I explained to his excellency what I had before told him by your lordship's order, that m-r Burnaby was instructed to concert and enabled to cooperate with m-r Bestuchef,

---

цѣли требуютъ серьезнаго вниманія и должны быть преслѣдуемы всѣми средствами; что Бестужевъ, ввиду сейма, уже роздалъ болѣе 50 тысячъ рублей, около десяти тысячъ фунтовъ (о чемъ Бернэби, если онъ дѣйствительно пользуется довѣріемъ нашихъ друзей, долженъ имѣть точныя свѣдѣнія); что Россія готова истратить на это дѣло еще столько же и вдвое больше, если нужно и если есть какая либо надежда на успѣхъ, такъ какъ рѣшилась не ослаблять короля и не довольствоваться временнымъ затишьемъ, а поставить дѣла въ Швеціи на прочную ногу; что Сенъ-Северенъ получилъ еще переводъ на триста тысячъ кронъ (около сорока пяти тысячъ фунтовъ), потому желательно бы узнать, что его величество полагаетъ дѣлать въ данномъ случаѣ, дабы Россія знала на какую помощь можетъ расчитывать и не надѣялась на большее, чѣмъ дѣйствительно дано будетъ, такъ великобританскій секретарь въ Стокгольмѣ не даетъ никакихъ разъясненій по этому поводу. Я объяснилъ графу, какъ уже не разъ объяснялъ ему по приказанію вашего превосходительства, что Бернэби дано приказаніе дѣйствовать за одно съ Бестужевымъ, но, разъ графъ такъ рѣшительно опредѣляетъ до сихъ поръ израсходованную сумму и даетъ такія положительныя увѣренія въ готовности Россіи пожертвовать еще суммами значительно большими, я не рѣшаюсь говорить о такихъ же размѣрахъ затратъ съ полной опредѣленностью, такъ какъ, судя по разговорамъ моимъ съ вашимъ превосхо-

but considering the sum his excellency expressly declared to have been actually employed, and the positive assurance he gave me that a still greater would be so, I did not dare to be so explicit on the same proportion, because, by my conversation with your lordship upon that subject, I apprehend His Majesty may not be inclined to go to so great an expence, though, if it became me, I would, with all submission, add, that whatever sum not adequate to the service may be employed, it must be entirely lost and thrown away, and might greatly contribute to make this country gain a greater weight and ascendancy in Sweden, by comparing the assistance on one and the other, than His Majesty might wish for or be for his service, should our friends carry their point and be restored to their former power.

Count Osterman told me yesterday that m-r Backhoff had declared to him that the court of Denmark was ready to reduce the russian linens of all sorts to one p. cent and to rectify the error in the calculations of the different weights. I explained to him the variation from the former to the present value of hides, and his excellency promised to take notice of that also to m-r Backhoff and that m-r Korff should be instructed to employ his good offices and support m-r Titley's instances at Copenhagen to procure an equitable redress of the english grievances, for those above are, properly speaking, russian ones. The count adding that, as our demands must be founded on the stipulations of the treaty and the tariff, as it was settled,

---

дительствомъ по шведскимъ дѣламъ, опасаюсь, что его величество не рѣшится на такіе большіе расходы. Затѣмъ я почтительно замѣтилъ графу, что затрата суммъ, не соотвѣтствующихъ желаемымъ услугамъ, можетъ оказаться напрасною. Такія затраты повлекутъ за собою пожалуй преобладаніе русскаго вліянія въ Швеціи вслѣдствіе сравненія помощи, оказанной Россіей, съ помощью Англіи, и, въ случаѣ возвращенія друзей нашихъ къ власти, приведутъ къ результатамъ, которыхъ его величество не домогается и которые ему не нужны.

Графъ Остерманъ передалъ мнѣ вчера будто Бакгофъ заявилъ ему о готовности датскаго двора уменьшить пошлины на всѣ сорта русскихъ полотенъ до 1%, а также исправить несообразности въ расчетахъ сравнительнаго вѣса. Я объяснилъ графу измѣненіе въ прежней и настоящей цѣнности кожъ. Его сіятельство обѣщалъ мнѣ обратить на это вниманіе Бакгофа, а также отправить Корфу въ Копенгагенъ инструкцію поддерживать настоянія Тидлея объ удовлетвореніи претензій англійскихъ купцовъ, такъ какъ сдѣланныя уступки собственно касаются только русскихъ интересовъ. Графъ замѣтилъ, что требованія наши должны быть основаны на договорѣ и тарифѣ, потому, вѣроятно, удовлетвореніе ихъ затрудненія не встрѣтитъ. Затѣмъ

he supposed that there would be no difficulty in adjusting the matter to mutual satisfaction. His excellency afterwards, by way of conversation, mentioned the difficulties on the turkish side in sending back the russian prisoners, at least as soon as the treaty stipulates, and they expected here the instances the french ambassador had made on this head and the promises he had obtained that this should however be done with all diligence. The nature of the Ottoman government ond the present uncertain situation, as he thought, would probably end in the deposition of the present sultan, on account of his natural incapacity to have children, and he also told me that the turks insisted on their ambassador taking his road hither through the deserts, not to have, as they pretended, any obligation for his passage through Poland, whilst on this side they had absolutely declared that their ambassador should go through Poland to avoid the inconveniencies of the other, almost absolutely impracticable road, which inconveniencies m-r de Villeneuve had represented in the strongest manner, though hitherto without making any impression on the turkish resolution, so that this minister proposes to the count to establish a correspondence directly between the russian ambassador now at Kiva (?), and the turkish one actually at Bender, that they might settle this matter between themselves; and his excellency said, that he was preparing his dispatches in order to send a courier to Constantinople in a few days, and offered me to make use of the

---

графъ въ разговорѣ упомянулъ снова о замѣшательствахъ въ возвращеніи русскихъ плѣнныхъ изъ Турціи по крайней мѣрѣ въ срокъ, условленный мирнымъ договоромъ. Здѣсь надѣятся, что, благодаря настояніямъ французскаго посла по этому поводу и полученнымъ имъ обѣщаніямъ, дѣло это, наконецъ, уладится на сколько возможно при оттоманскомъ правительствѣ и ввиду его настояшаго положенія, которое, надо полагать, кончится низложеніемъ султана вслѣдствіе его неспособности имѣть дѣтей. Графъ разсказывалъ мнѣ также, будто Турція настаиваетъ на проѣздѣ турецкаго посла сюда степью, такъ какъ турецкое правительство не желаетъ принимать на себя никакихъ обязательствъ за его проѣздъ черезъ Польшу. Здѣсь же рѣшительно объявили, что посолъ долженъ ѣхать черезъ Польшу во избѣжаніе крайнихъ неудобствъ степнаго пути, которымъ ѣхать прямо невозможно. Вильневъ дѣлалъ портѣ представленія по этому поводу, однако до сихъ поръ совершенно безуспѣшно, почему Вильневъ предложилъ графу поручить русскому послу, проживающему нынѣ въ Кіевѣ (?), снестись по этому вопросу непосредственно съ турецкимъ посломъ, проживающимъ въ Бендерахъ. Графъ прибавилъ, что занятъ въ данную минуту заготовленіемъ депешъ, которыя черезъ нѣсколько дней должны быть отправлены съ курьеромъ въ Константинополь, и предложилъ мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ для отвѣта на послѣд-

opportunity, as I shall do, to answer sir Everard Fawkener's last letter; as this appeared a pretty broad hint that he was busy, I took my leave. As I retired, his excellency being got into better humour than he was at the beginning, told me that he hoped soon to be able to work with me, for he, afresh, assured me that everybody here, and he himself in particular, had very much at heart the happy conclusion of my negociation. I thanked and assured him, that his expedition in that affair would always fall short of my impatience. I think that I may venture to assure your lordship that the count is by no means indisposed to the negociation itself, though he has hitherto appeared desirous to defer entering upon it; however I shall endeavour to speak to the duke of Courland to-morrow either by the saxon secretary, who I believe may be trusted, or by the duke's marshal, if he arrives, as he is hourly expected, for the person I am waiting for has not yet come, and I am afraid will not answer my purpose by the french letter I have received from him, of which I send a copy to m-r Weston. But in speaking to his highness I must use the greatest precaution to avoid the least appearance of complaint, which would indispose the count, or of spurring him on faster than he has a mind to go, or against his will, which would quickly make him quite testy, and as the duke of Courland will only recommend in general to take the matter in hand, without entering

---

нее письмо сэра Эверарда Фаукенера, что я и сдѣлаю. Слова эти были явнымъ намекомъ на то, что графъ занятъ, и я сталъ откланиваться. Когда я уходилъ, къ его сіятельству вернулось лучшее настроеніе и онъ выразилъ надежду, что вскорѣ въ состояніи будетъ приняться за работу со мной, еще разъ прибавивъ, что здѣсь всѣ, и онъ въ особенности, сердечно желаютъ счастливаго окончанія нашихъ переговоровъ. Я поблагодарилъ, выразивъ притомъ, что никакая поспѣшность съ его стороны по этому дѣлу не превзойдетъ моего нетерпѣнія. Имѣю, кажется, полное основаніе утверждать, что графъ ничего не питаетъ противъ самой мысли о союзѣ, хотя до сихъ поръ и проявляетъ явное желаніе отсрочить его заключеніе; тѣмъ не менѣе постараюсь переговорить завтра съ герцогомъ курляндскимъ или черезъ саксонскаго секретаря, на котораго, кажется, можно положиться, или черезъ гофмаршала герцога, если онъ пріѣдетъ (его ожидаютъ съ часа на часъ). Лицо, которое я выписалъ, еще не прибыло и, опасаюсь, что оно не соотвѣтствуетъ моимъ ожиданіямъ. Дѣлаю это предположеніе ввиду полученнаго отъ него французскаго письма, копію съ котораго посылаю Вестону. При разговорахъ съ его свѣтлостью я долженъ быть однако крайне осторожнымъ, дабы не проявить ничего похожаго на жалобу, которая бы дурно расположила графа Остермана, указывала на желаніе понудить его къ поспѣшности, тѣмъ болѣе противодѣйствовать ему, что, немедленно, сдѣлало бы его крайне упрямымъ. Герцогъ курляндскій вѣдь только въ общихъ словахъ пригласитъ его заняться нашимъ дѣ-

into a detail of it, so count Osterman will be consulted and has the chief nay almost the absolute decision on the manner, by which means he would always have it in his power to chicane on conditions, create unnecessary difficulties, and protract the time; so whatever I might gain by forcing him into the negociation, he would make me lose again before the conclusion of it. I beg that this may not be understood to be said either to palliate any dilatoriness of his or any negligence of mine.

Whilst I was cyphering the above the whole artillery here was firing on the princess Anne's being happily brought to bed of a prince. This obliged me to leave my letters, new dress, out of mourning, to go to make my compliments at court, from where I am just returned. The princess was yesterday taking the air in the garden of the summer-palace, where the court is, slept well, and this morning between five and six waked with pains; about seven she informed Her Majesty, who immediately came to her and staid with her till six this evening, which was two hours after her highness was safely delivered, and both are now as well as can be expected. To-morrow the Czarinna will receive the compliments in form on the increase of her family, which seems to give her the greatest satisfaction; and the duke of Courland upon Her Majesty's sending him word of it, did not express less, emptying all the money he had in his pocket into the page's

---

ломъ, не входя въ подробности, а совѣтоваться по этому дѣлу всетаки будутъ съ графомъ Остерманомъ; и ключъ, и самое рѣшеніе всетаки останутся въ рукахъ графа, такъ что въ его власти всегда будетъ придираться къ условіямъ, создавать ненужныя затрудненія и тянуть время. Все что я выигралъ бы, принудивъ его скорѣе приступить къ переговорамъ, я проиграю прежде, чѣмъ доведу дѣло до конца. Прошу васъ, не видѣть въ словахъ моихъ ни желанія извинить медлительность графа, ни моей небрежности.

Въ то самое время, какъ я занятъ былъ шифрованіемъ этого донесенія, огонь всей артиллеріи возвѣстилъ о счастливомъ разрѣшеніи принцессы Анны Леопольдовны сыномъ. Это заставило меня немедленно бросить письмо, надѣть новое платье безъ траура и поспѣшить ко двору съ поздравленіемъ. Сейчасъ возвратился оттуда. Принцесса вчера еще гуляла въ саду лѣтняго дворца, гдѣ проживаетъ дворъ, спала хорошо, сегодня-же поутру, между пятью и шестью часами, проснулась отъ болей, а въ семь часовъ послала извѣстить Ея Величество. Государыня прибыла немедленно и оставалась у принцессы до шести часовъ вечера, то есть ушла только черезъ два часа по благополучномъ разрѣшеніи принцессы, которая, также какъ и новорожденный, въ настоящее время находятся на сколько возможно въ вожделѣнномъ здравіи. Завтра Царица будетъ принимать оффиціальныя поздравленія съ приращеніемъ семейства, что, кажется, ее чрезвычайно радуетъ. Не меньшую радость по этому поводу выра-

hat, who brought him the news. I forgot to mention last tuesday that the Czarinna, the sunday before, declared prince Charles of Courland colonel of a regiment of horse, which Her Majesty designs to raise with 6 or 7 more to complete twe dozen. The prince was extremely delighted with this and as he is a very amiable sprightly youth and the Czarinna extremely fond of him, he immediately thanked Her Majesty and told her, that as the raising of this regiment would be attended with expence, if Her Majesty referred him for the charges of it to the college of war, they would answer that they had no money, and he should never have his regiment, upon which Her Majesty smiling replied, that in that case she would furnish it out of her own privy purse.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 38. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, August the 14th 1740.

I informed your lordship by mine of the last post that the princess Anne was that day brought to bed of a prince, and they are both very well. The Czarinna has named him John. This morning I received a message

---

зилъ и герцогъ курляндскій, получивъ извѣщеніе отъ Ея Величества, и высыпалъ всѣ деньги, которыя нашлись у него въ карманѣ, въ шляпу пажа, присланнаго съ извѣстіемъ. Я забылъ упомянуть прошлый вторникъ, что въ предыдущее воскресенье Царица пожаловала принца Карла курляндскаго полковникомъ кавалерійскаго полка, который намѣрена сформировать на ряду съ 6—7-ю другими для дополненія дюжины. Принцъ чрезвычайно счастливъ такимъ назначеніемъ. Онъ очень любезный, цвѣтущій юноша и Царица отъ него безъ ума; онъ немедленно благодарилъ Ея Величество и высказалъ, что формированіе полка неразлучно съ расходами и, если Ея Величество поручитъ ему это формированіе черезъ военную коллегію, коллегія отвѣтитъ, что у нея денегъ нѣтъ и своего полка онъ никогда не увидитъ. На это Ея Величество, улыбаясь, отвѣчала, что, въ такомъ случаѣ, сформируетъ полкъ изъ своей личной казны.

№ 38. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 14-го августа 1740 г. (25-го августа н. ст.).

Съ послѣднею почтою я извѣстилъ ваше превосходительство о разрѣшеніи принцессы Анны Леопольдовны сыномъ, и о вожделѣнномъ здравіи какъ родительницы, такъ и новорожденнаго, котораго Царица нарекла Іоанномъ. Сегодня поутру я полу-

from count Osterman to desire that, as prince Czerbatow is not at Hanover, I would charge myself with the enclosed letter of notification, which he will send forward by a circular estafette. As this increase of the Czarinna's family occasions a great hurry here, and persons of all conditions are very much engaged in it, if I should not be able to procure a conversation with count Osterman before saturday, I shall not trouble your lordship by the next post, unless something should occur more than I foresee at present.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 39. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch [1]).

Hanover, August the 14th 1740.

... The king took particular notice of your conference with count Osterman upon the subject of our negociation, and was concerned to see that minister still so bent upon deferring the conclusion of the treaty; but as the court was returned to town, His Majesty hopes we shall now see the effects of the duke of Courland's promise, and that he will be able to prevail on the former to change his present manner of acting with regard

---

чилъ отъ графа Остермана приглашеніе принять на себя передачу прилагаемаго извѣстительнаго письма, такъ какъ князя Щербатова въ Гановерѣ нѣтъ. Письмо это будетъ отправлено съ циркулярной эстафетой. Это умноженіе царскаго семейства произвело здѣсь глубокое впечатлѣніе и близко затронуло лицъ всѣхъ состояній. Если мнѣ до субботы не удастся имѣть свиданіе съ графомъ Остерманомъ, я съ слѣдующей почтой не буду тревожить ваше превосходительство, развѣ случится что нибудь, чего въ настоящее время не предвижу.

№ 39. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу [1]).

Гановеръ, 14-го августа 1740 г. (25-го августа н. ст.).

... Король обратилъ особенное вниманіе на вашу бесѣду съ графомъ Остерманомъ по возложенному на васъ порученію, и удивленъ упорствомъ, съ которымъ графъ старается отсрочить заключеніе договора. Такъ какъ, однако, дворъ возвратился въ Петербургъ, его величество ожидаетъ — не скажутся ли теперь плоды обѣщаній герцога курляндскаго, не повліяетъ ли герцогъ на вице-канцлера, не измѣ-

---

1) Все это письмо, такъ же какъ и слѣдующее, № 40, писано шифромъ.

to that affair. It was however very agreeable to the king to observe the good general dispositions in which m-r Osterman appeared to be, and his right way of thinking as to the necessity of forming a strong barrier against the dangerous designs of France.

His Majesty has not surely been wanting on his part towards setting on foot a proper concert and provision for that purpose. The expensive treaties he has concluded with Denmark and Hesse-Cassel, and the endeavours he is using towards securing the court of Berlin, as well as what His Majesty is doing in Sweden, wherewith you acquainted that minister, are proofs of the king's attention to the forming such a system, as count Osterman so justly thought necessary to be established in the present circumstances; but that minister did not seem to reflect how much the slowness of the russian court in entering into an alliance with His Majesty must retard the success of those very views, which he so much approved, and on the other hand how great an encouragement it must be to other powers to join in our measures, when they shall see the king and the Czarinna once firmly united, and what an influence it would have upon the king of Prussia in particular, in detering him from throwing himself into the arms of France.

As to the States General, the king will be ready to sound their ministers and leading men, as count Osterman proposes, the moment he can be

---

нитъ ли его отношенія къ нашему дѣлу? Тѣмъ не менѣе королю очень пріятно было усмотрѣть доброе расположеніе, которое, по видимому, проявляетъ графъ Остерманъ, и правильность его воззрѣній на необходимость создать твердый оплотъ противъ замысловъ Франціи.

Его величество, конечно, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ заботъ по устройству надлежащихъ комбинацій для отпора французскимъ замысламъ. Дорого стоющіе договоры съ Даніей и Гессенъ-Касселемъ, старанія обезпечить содѣйствіе берлинскаго двора, дѣйствія наши въ Швеціи, съ которыми вы ознакомили русскихъ министровъ,—все это доказательства заботы его величества о сформированіи системы, которую графъ Остерманъ справедливо признаетъ необходимою при настоящихъ обстоятельствахъ, но графъ, кажется, не думаетъ о томъ, на сколько медлительность русскаго двора въ дѣлѣ союза съ Великобританіей должна затруднять осуществленіе плановъ, имъ же вполнѣ одобряемыхъ, а также — на сколько прочный союзъ короля съ Царицей ободрилъ бы другія государства на дѣйствія въ томъ же духѣ; особенно какъ онъ долженъ повліять на короля прусскаго, помѣшавъ ему броситься въ объятія Франціи.

Что касается Голландіи, король готовъ, согласно предложенію графа Остермана, освѣдомиться о воззрѣніяхъ министровъ и вліятельныхъ людей ея, какъ только

sure of the success of the alliance, but His Majesty does not see to what purpose it can be to learn their dispositions as to the treaty itself, whilst the court of Petersburgh will not so much as begin the negociation of it . . .

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 40. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Hanover, August the 17th 1740.

. . . In answer to what I acquainted, I should write to m-r Burnaby, concerning the accusation which you transmitted from count Osterman, though I gave him not the least hint from whom it came, nor mentioned either the count, or you, or m-r Bestuchef to him, he writes me word that his having given and received invitations from the senators to entertainments had raised in that last gentleman some jealousy, though he had never failed to speak his opinion plainly to him about the ill designs of the french party. That his having lived in a course of such external civilities with those ministers had been owing to his not thinking it could be of any use to His Majesty's service and our friends in Sweden, that he should break openly with them before, but that now, as he apprended the proper

---

онъ увѣрится въ успѣхѣ союза, но не видитъ повода развѣдывать ея взгляды на англо-русскій договоръ теперь, когда петербургскій дворъ еще и не приступалъ къ переговорамъ...

№ 40. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Гановеръ, 17-го августа 1740 г. (28-го августа н. ст.).

... Въ отвѣтъ на все, что я писалъ Бернэби по поводу обвиненій, возводимыхъ на него графомъ Остерманомъ (не давая, конечно, и намека откуда свѣдѣнія получены мною, не упоминая ни графа, ни васъ, ни Бестужева), онъ отвѣчаетъ мнѣ слѣдующее: онъ получалъ приглашенія на обѣды отъ разныхъ сенаторовъ, иныхъ приглашалъ и къ себѣ, чѣмъ вызвалъ недовольство Бестужева, хотя никогда не упускалъ случая рѣшительно высказываться передъ нимъ противъ вредныхъ замысловъ французской партіи. Бернэби прежде поддерживалъ любезныя по наружнымъ пріемамъ отношенія къ министрамъ, не полагая, чтобы это могло сколько нибудь повредить службѣ его величества или друзьямъ нашимъ въ Швеціи; полагая, однако, что теперь настало время выступить откровеннѣе, онъ согласился съ Бестужевымъ

time to be come to declare, he had agreed with m-r Bestuchef to abstain from that commerce with them for the future. Upon which the russian minister had owned to him, that he had, at first, conceived a little jealousy of his proceedings, but was now entirely satisfied. You will therefore acquaint count Osterman with these particulars, to which I have only to add, as I have also acquainted him, that the king is fully contented with m-r Burnaby's justification and the rather as His Majesty has fresh proofs that the suggestion, as if our friends had no confidence in him, must be without foundation.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 41. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, August the 19th 1740.

The 14th instant o. s. I had the honour to inclose to your lordship at count Osterman's desire the Czarinna's notification of the birth of the young prince with a german translation of that letter, such as the count sent to me by his secretary, who staying till my packet was sealed up, there was not time to get an english translation of it. I took the liberty to tell your lordship in my letter, that, without anything material offered, I should not trouble you the 16th by the post; for though I was with count Osterman

---

впредь воздерживаться отъ сношеній съ ними. Бестужевъ сознался, что прежнее поведеніе Бернэби первоначально нѣсколько смущало его, но что онъ теперь вполнѣ успокоился. Сообщите все это графу Остерману. Могу только прибавить: король вполнѣ удовлетворенъ объясненіями Бернэби; къ тому же онъ и съ другихъ сторонъ получилъ доказательства въ томъ, что указанія на недовѣріе къ нему друзей нашихъ лишены всякаго основанія.

№ 41. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 19-го августа 1740 г. (30-го августа н. ст.).

14-го августа ст. ст. я имѣлъ честь препроводить вашему превосходительству, по желанію графа Остермана, извѣщеніе отъ Царицы о рожденіи принца, съ нѣмецкимъ переводомъ, какимъ онъ врученъ былъ мнѣ секретаремъ графа, который оставался при мнѣ до той самой минуты, какъ я запечаталъ свой кувертъ; потому я не имѣлъ возможности сдѣлать англійскаго перевода извѣщенія. Я позволилъ себѣ написать вамъ, что не думаю тревожить васъ съ почтою 16-го августа, если не слу-

that day, yet it was too late to give your lordship an account of our conversation, which however turned on the old topic of the negociation with my instances to enter upon it, which were pressing enough to put him, as usual, quite out of temper, and his excellency's fighting off with delays and excuses, frivolous and tiresome enough to make me mad. He then went off to the subject of the... I should rather say, his king of Prussia, his impatience for the interview, and still more to see the good effects of it, and upon this, I feel every moment more and more that the facility of the negociation will in a great measure, perhaps the possibility of it, at least with that minister, may totally depend.

As the swedish diet is now no more a secret, he repeated to me the strong suspicion there was, that the great sum I lately mentioned to be in m-r St. Severin's hand, was destined for secret service in that country, and that he had heard that the present ministry had pressed the french ambassador to prevail on cardinal Fleury to defray all the extraordinary expences of transporting the troops into Finland, exclusive of the subsidy, as the only means to support the french party and thereby to secure Sweden's lasting attachment to France, and from which he observed the absolute necessity there was of assisting our friends also in both shapes. That as to the private way, m-r Burnaby, since the publication of the diet, had been to

---

чится ничего особеннаго. Хотя въ этотъ самый день я и видѣлся съ графомъ Остерманомъ, но слишкомъ поздно для того, чтобы дать вашему превосходительству отчетъ о нашей бесѣдѣ. Она вращалась, впрочемъ, все вокругъ тѣхъ же общихъ мѣстъ: я настаивалъ на началѣ переговоровъ, настаивалъ, по обыкновенію, до того, что вывелъ вице-канцлера изъ терпѣнія, а графъ съ своей стороны парировалъ мои удары отсрочками, давая имъ пустыя и утомительныя объясненія, способныя довести меня до помѣшательства, затѣмъ перешелъ къ ..... могу сказать — «къ своему» королю прусскому, къ нетерпѣнію, съ которымъ ожидаетъ свиданія и добрыхъ послѣдствій свиданія. Съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе сознаю, что успѣхъ, даже, быть можетъ, самая возможность переговоровъ, по крайней мѣрѣ переговоровъ съ графомъ Остерманомъ, находится въ прямой зависимости отъ этого свиданія.

Такъ какъ созваніе шведскаго сейма уже ни для кого не тайна, графъ вновь высказалъ мнѣ сильное подозрѣніе, что значительная сумма, о передачѣ которой Сен-Северену я упоминалъ прошлый разъ, предназначается для секретныхъ расходовъ въ Швеціи; что до него дошли слухи, будто шведскіе министры домогались — не возьмется ли французскій посолъ добиться отъ кардинала Флери, помимо субсидій, еще и покрытія всѣхъ расходовъ по перевозкѣ войскъ въ Финляндію, видя въ такой помощи единственное средство обезпечить симпатіи шведовъ къ Франціи. Изъ этого вице-канцлеръ выводитъ рѣшительную необходимость поддержать нашихъ дру-

insinuate to one of our principal friends that he was enabled and ready to assist them. Count Osterman believed that the person was count Bielke, who, on this occasion, with all frankness, represented to m-r Burnaby his former conduct and intimacy with m-r Sparre, and his coolness and reserve towards the well intentioned, that m-r Bestuchef at his own house had done the same in the presence of general Diemar and m-r Dankelman, and that m-r Burnaby had excused his familiarity with m-r Sparre, as a bare return of civilities received from him and the rest on the foot of friends and his fear of giving umbrage to no purpose. I only mention this that your lordship may be the better judge whether this intelligence and the circumstances of it are with or without foundation. Afterwards count Osterman asked me, whether anything could be thought of, in the public way, to help our friends? It was easy for me to judge both what this meant, and that it did not become me to propose to the king any increase of expence, but if anything of this kind should be thought of, might not I be forgiven in suggesting an idea of my own by way of diminishing the charge, for if it shall appear essential in the present situation of affairs of Europe effectually to assist our friends in regaining their lost credit, and to wrest Sweden out of its abandoned dependance on France, no question but offers of this kind, at proper junctures and on good appearances of success, might greatly contribute to it; but let the opportunity be never so favorable in the present

---

зей. Что касается тайныхъ путей такой поддержки, графъ разсказывалъ, будто, по объявленіи о сеймѣ, Бернэби намекалъ одному изъ дѣятельнѣйшихъ друзей нашихъ о данномъ ему порученіи, о своей готовности помочь благонамѣренной партіи. По догадкамъ вице-канцлера Бернэби говорилъ съ графомъ Бильке, который съ полною откровенностью указалъ собесѣднику на его прежнее поведеніе, на его близость съ Спаромъ, на его холодное, сдержанное отношеніе къ благонамѣреннымъ, прибавивъ, впрочемъ, что ту же сдержанность проявлялъ и Бестужевъ въ собственномъ домѣ въ присутствіи генерала Димара и Данкельмана. Бернэби объяснилъ свои отношенія къ Спару простымъ обмѣномъ любезностей, а наружно-дружеское поведеніе свое съ прочими приверженцами министерства опасеніемъ, какъ бы инымъ поведеніемъ не вызвать безполезныхъ подозрѣній. Я замѣтилъ только, что судить объ умѣстности или неумѣстности такихъ сношеній при данныхъ обстоятельствахъ удобнѣе всего вашему превосходительству. Затѣмъ графъ Остерманъ спросилъ,—нельзя ли выдумать какого нибудь пути для открытой помощи нашимъ друзьямъ? Мнѣ легко было разгадать къ чему онъ подходитъ, но вмѣстѣ и сообразить, что предлагать увеличеніе королевской субсидіи мнѣ не приходится. Напротивъ, если бы его величество и помышлялъ о такомъ увеличеніи, да будетъ мнѣ позволено выразить здѣсь мысль о не-

disposition of the swedish nation, should this court be inclined to make such an offer, it would not, nor could not be accepted from Russia, from England it might. I do not say that it would be certainly so; my idea is, that if the king could be inclined to anything of this nature, His Majesty must appear alone in that affair. But if the negociation here should succeed to the king's satisfaction, and as early as His Majesty wished, a great openness and concert will naturally ensue between the two courts, which might possibly produce a consent and secret article, that the court of Petersburgh should join and go halves in that expence, which the king in appearance offers alone. As I can assure your lordship that the thought is perfectly my own, so I cannot pretend to answer for success here; however, I hope to be pardoned having hazarded it.

I was this morning at an audience of the duke of Courland, which I had desired before, in case I could not make any better impression on count Osterman yesterday, or could not see him; which last happened. I avoided the least appearance of complaint to his highness of his excellency's dilatoriness; I only put it on the foot of my duty to inform the duke that I had delivered a project of a treaty to the count; that, as this negociation had

---

обходимости сократить наши расходы. Если, ввиду настоящаго положенія Европы, дѣйствительно полезно, чтобы друзья наши отвоевали себѣ прежнее положеніе и изъяли Швецію изъ подъ вліянія Франціи, нѣтъ сомнѣнія, что своевременные и сдѣланные при вѣроятномъ успѣхѣ расходы могутъ существенно содѣйствовать предположенной цѣли; но, даже признавая шведовъ особенно расположенными къ перевороту въ настоящую минуту, я не принялъ бы предложенія Россіи воспользоваться такимъ расположеніемъ вмѣстѣ съ нею. Отъ Россіи друзья наши не захотятъ и не могутъ принять того, что примутъ отъ Англіи. Я не хочу сказать, чтобы помощи оказывать не слѣдовало, но — если король расположенъ оказать ее — ему подобаетъ выступить съ нею самостоятельно, отъ себя исключительно. Когда договоръ нашъ съ Россіей приметъ оборотъ, соотвѣтствующій желаніямъ его величества, и подписанъ будетъ въ срокъ, между дворами королевскимъ и царскимъ естественно установится тѣсное сближеніе, при которомъ легко притти и къ соглашенію въ секретной статьѣ о присоединеніи петербургскаго двора на половину къ расходамъ, произведеннымъ исключительно королемъ. Мысль эта принадлежитъ мнѣ, только мнѣ, потому не могу отвѣчать за то, какъ она будетъ принята здѣсь; надѣюсь, однако, что заявленіе о ней мнѣ простится.

Сегодня поутру я имѣлъ аудіенцію у герцога курляндскаго, о которой просилъ на случай, если бы мнѣ вчера не удалось добиться отъ графа Остермана результатовъ болѣе удовлетворительныхъ, или если бы вовсе не удалось повидать его. Послѣднее, какъ разъ, и случилось. Я избѣгалъ всякаго намека, который бы могъ быть принятъ его свѣтлостью за жалобу на медлительность вице-канцлера. Я, давъ дѣлу

been begun in m-r Rondeau's time, and suspended only by his death, without which accident in all probability it would have been happily concluded in very few days, according to the reciprocal desire of both courts; that the assurances since given by prince Czerbatow in England and by the canal of the court of Dresden, and the impatience this court had shewn for the arrival of an english minister, had both convinced the king that the good dispositions on this side were still the same, and raised His Majesty's impatience to see the happy effects of them; that the manner in which he, the duke, and afterwards the Czarinna herself had expressed themselves to me on this subject, and I had reported faithfully to the king, had confirmed his impatience, but as I had been here so many weeks without having been able to enter seriously upon this negociation, I was afraid that this delay might give the king some surprise, which I hoped would be soon removed by the taking the matter in hand, as soon as the project I had delivered had been translated and submitted to Her Majesty. The duke of Courland answered, in the most obliging terms, both as to his and the Czarinna's good dispositions to conclude with the king, but he talked at the same time of the turkish affairs the importance of not sowring France till those were ended, of the king of Prussia also; but at last said, that, as m-r Bestuchef was now declared cabinet minister, he hoped that the affair would be soon

---

видъ, что считаю какъ бы долгомъ своимъ увѣдомить герцога о передачѣ проекта договора графу Остерману, замѣтилъ, что дѣло это начато еще при Рондо и затянулось исключительно за его смертью; что, будь Рондо живъ, оно, вѣроятно, давно было бы уже окончено ввиду взаимнаго расположенія дворовъ; ввиду увѣреній, данныхъ какъ черезъ князя Щарбатова въ Лондонѣ, такъ и черезъ посредство саксонскаго двора; ввиду нетерпѣнія, съ которымъ русское правительство ожидало прибытія новаго представителя Великобританіи въ С.-Петербургъ. Все это увѣрило короля въ неизмѣнномъ расположеніи Россіи къ заключенію союза и усилило нетерпѣніе его величества воспользоваться благими плодами его. Выраженія, которыя я затѣмъ удостоился слышать по тому же поводу отъ герцога и отъ самой Царицы, и въ точности передалъ королю, также не мало содѣйствовали этому нетерпѣнію. Но вотъ уже протекло нѣсколько недѣль со дня моего пріѣзда, и мнѣ еще не удается серьезно приступить къ переговорамъ. Опасаюсь, какъ бы такая задержка не смутила короля; надѣюсь, однако, что смущеніе это вскорѣ устранится, разъ представленный мною проектъ будетъ переведенъ, представленъ Ея Величеству, и за дѣло примутся. Герцогъ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ отвѣчалъ, что и онъ, и Царица расположены къ союзу, но тутъ же заговорилъ о турецкихъ дѣлахъ, о необходимости считаться съ Франціей, пока они не окончены, о королѣ прусскомъ; только въ концѣ прибавилъ, что кабинетъ пополнился назначеніемъ Бестужева кабинетъ-министромъ, что теперь

considered in the cabinet, and that I would have no cause to complain of unnecessary delays, so that, I hope, his highness will take care to give this affair a proper spur; at least I shall push it on as fast as I possibly can without danger of spoiling it.

P. S. M-r Bruchman arrived from Lubec sunday and came to me this morning.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 42. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, August the 23rd 1740.

I received the 20th your lordship's letter of the 18th instant n. s.

I should be glad to be able to transmit to your lordship any of those real effects, which His Majesty might reasonably expect from the accounts I some time ago gave of the duke of Courland's good dispositions, and what truth there appeared to be in them I confirmed again last post from another conversation I had with his highness that very morning; but as yet none of these effects appear, for I was with count Osterman the next day to tell his excellency, that, having been the morning before to acquaint the duke of

---

дѣло, надо надѣяться, вскорѣ будетъ разсмотрѣно въ кабинетѣ и мнѣ не придется болѣе жаловаться на проволочки. Авось его свѣтлость дастъ наконецъ дѣлу надлежащее теченіе. Во всякомъ, случаѣ приложу всѣ старанія ускорить его на сколько возможно, не испортивъ его...

PS. Брухманъ прибылъ воскресенье изъ Любека и былъ у меня сегодня поутру.

№ 42. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 23-го августа 1740 г. (3-го сентября н. ст.).

20-го августа я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 15-го того же мѣсяца ст. ст.

Мнѣ пріятно было бы сообщить вашему превосходительству объ осязательныхъ результатахъ увѣреній герцога курляндскаго, которыя я недавно повторялъ отъ его имени. Еще съ прошлою почтою я вновь передавалъ о бесѣдѣ, которую въ то же утро имѣлъ съ герцогомъ.... Но до сихъ поръ никакихъ результатовъ ея не видно. На другой же день я посѣтилъ графа Остермана, разсказалъ ему, что наканунѣ былъ у герцога, дабы передать ему, какъ королю пріятно было получить два письма, пересланныя ему черезъ меня отъ его свѣтлости, что, въ разговорѣ, сообщилъ ему

Courland with the satisfaction the king had expressed upon the receipt of two letters his highness had charged me with for His Majesty, I had taken the opportunity to inform his highness, by way of conversation, that I had delivered to his excellency a project of a treaty, which he had promised to have translated for Her Majesty and receive her orders upon it. I gave it this turn that the count might not think I had been making complaints to the duke, the least appearance of which I had carefully avoided; but this instead of having procured me any distant assurance from him, when we should enter seriously upon this affair, only gave him an opportunity to run over all the old topics of his discourse, the unnecessary and frequent repetitions of which would only trie your lordship. I must not however conceal from your lordship what was new, though at the same time it had an air of complaint; at least his excellency expressed a surprise, that, after he had talked to me so freely and so openly, I had not yet been in a condition to communicate to them what judgement His Majesty had formed upon these suggestions, what measures he designed to pursue, what methods to employ in consequence of them; adding, that, if, instead of this sort of reserve, there had been a more real confidence, they might possibly on this side have cooperated, at least by their good offices, in such views, and have been of use in carrying them into execution, at least at the court of Berlin.

This was the situation of affairs when I was with count Osterman on

---

и о переданномъ графу проектѣ договора, который мнѣ обѣщано перевести для Ея Величества, дабы получить инструкціи Ея Величества по этому вопросу. Я далъ рѣчи своей такой оборотъ, дабы вице-канцлеръ не подумалъ, что я жаловался герцогу. Я тщательно избѣгалъ малѣйшаго намека на жалобу. Слова мои не только не вызвали со стороны графа даже отдаленнѣйшаго указанія на то, когда онъ думаетъ, наконецъ, приступить къ дѣлу, но еще дали ему поводъ вновь распространиться о предметахъ, безполезнымъ и частымъ повтореніемъ которыхъ не рѣшаюсь утомлять васъ. Не могу, однако, не подѣлиться съ вашимъ превосходительствомъ нѣкоторыми новыми чертами бесѣды вице-канцлера. Онъ какъ бы жаловался на насъ, по крайней мѣрѣ выражалъ удивленіе, что, вопреки свободному, откровенному изложенію его мнѣній, я не нашелъ еще возможности сообщить, какъ его величество смотритъ на предметы, о которыхъ онъ говорилъ, какія мѣры думаетъ принять ввиду извѣстныхъ обстоятельствъ. «Если бы», прибавилъ онъ, «вмѣсто сдержанности вы проявили болѣе дѣйствительнаго довѣрія, русскому правительству, можетъ быть, удалось бы оказать содѣйствіе вашимъ видамъ, оказать вамъ добрыя услуги, помочь осуществленію вашихъ намѣреній, хотя бы при берлинскомъ дворѣ».

Такъ стояли мои отношенія къ графу Остерману въ среду. Сегодня я снова ви-

wednesday. I saw him again this morning and informed him that by your lordship's last dispatch I found that the report I had made of a conversation I had with the duke of Courland at Peterhoff had rather raised the king's expectations than calmed his impatience to hear of the good effects of these favourable dispositions on this side, so that I hoped his excellency would forgive what might possibly appear to him an indiscreet importunity on my side, especially since it was upon a thing, which I had before declared to him to be my one affair. «Did I not tell you», said he, «in m-r Backhoff's case, that I did not love people with their one affair»; but as I did not find him very testy, I told him that it was mighty easy for him to get rid of me and my one affair also, by finishing it, and so I went on between jest and earnest to turn him in every shape and myself also.

What I took for a good mark, was that he did not treat me with «excellence», as he did on wednesday; to-day it was «mon cher mylord, indeed you teaze me; why do you not go, and plague the other cabinet ministers»?— «Why», said I, «because the old one I cannot talk with and the new one I have not seen since he was made so, in which I own myself in the wrong; but the best reason is because I looked upon you to be my man, whom I have to do with». He was not displeased with this, for I believe, that m-r Bestu-

---

дѣлся съ нимъ. Я передалъ ему, что, судя по послѣднему письму вашего превосходительства, отправленное мною донесеніе о разговорѣ моемъ съ герцогомъ курляндскимъ въ Петергофѣ, скорѣе усилило ожиданія короля, чѣмъ успокоило его нетерпѣніе. Онъ надѣется вскорѣ услыхать о плодахъ добраго расположенія его свѣтлости; потому графъ, вѣроятно, проститъ мнѣ настойчивость, которая, пожалуй, могла бы показаться нескромною съ моей стороны, если бы дѣло не шло о единственномъ дѣлѣ, ради котораго я проживаю въ Петербургѣ. «Я», отвѣчалъ графъ, «по поводу Бакгофа признавался вамъ, что не охотникъ до людей, настаивающихъ на одномъ дѣлѣ». Онъ показался мнѣ, однако, не слишкомъ суровымъ, потому я рѣшился замѣтить, что ему легко отдѣлаться отъ меня и моего единственнаго дѣла, покончивъ его. Съ этими словами я удалился, придавъ всей бесѣдѣ характеръ полусерьезный, полушуточный, дабы воспользоваться ею впослѣдствіи, если окажется удобнымъ.

Добрымъ знакомъ надо почитать уже то, что графъ не употреблялъ при обращеніи ко мнѣ титула «ваше превосходительство», какъ въ среду; сегодня разговоръ шелъ въ добродушномъ тонѣ: «mon cher mylord, все-то вы меня допекаете; что вы не пойдете, не пристанете къ прочимъ кабинетъ-министрамъ?» — «А потому», отвѣчалъ я, «что съ прежнимъ кабинетъ-министромъ говорить было неудобно, а новаго со дня его назначенія я еще не видалъ. Каюсь въ этомъ; но главная причина моего исключительнаго обращенія къ вамъ та, что вы мнѣ нужны, съ вами мнѣ приходится дѣло вести». Слова мои ему пришлись по душѣ, такъ какъ онъ съ Бестужевымъ

chef and he will not live the most cordially together, at least they have not done so formerly. At last he told me that he was waiting for Her Majesty's orders, and that it was sometimes well not to press people too much, since for his own part, when he was forced to a thing, he never did it with so good a grace. I could not help looking a little grave upon his expression of waiting for orders, but as to the rest, I told him, that so far from pressing him, I gave him my word, that if it depended upon me, I should never mention the affair to him, but wait with great patience till he mentioned it to me. «That is saying something», replied the count, «and do you think that you would lose any time by it? To convince you of the contrary, I will tell you now, that I have actually your project, and all the papers relating to it, lying upon my table», which he shewed me, and I could see that he had been making observations upon it; upon which I got up, and made him a low bow, and told him, that I would take my leave, because I now began to hope that he would soon send for me back again, and teaze me in his turn. And, my lord, as I believe, this is the only way to work upon this minister, at least in this instance, without I receive such orders as I cannot dispense with the execution, I shall pursue this method and wait for his calling upon me, without he puts it off to a much longer day, than, from the temper he was in this morning, I can suspect he will. If this negocia-

---

врядъ-ли искренно уживется; по крайней мѣрѣ прежде между ними согласія не было. Наконецъ онъ заявилъ, что ждетъ приказаній Ея Величества; что хорошо подъ часъ не настаивать слишкомъ горячо; что самъ онъ по крайней мѣрѣ не охотно дѣлаетъ то, къ чему его принуждаютъ. Я, конечно, съ болѣе или менѣе серьезнымъ видомъ выслушалъ слова объ ожиданіи приказаній, но затѣмъ высказалъ, что не только не досаждалъ бы ему, но, честное слово, будь моя воля, и не упомянулъ бы ему никогда о дѣлѣ, терпѣливо выжидая, когда онъ заговоритъ первый. — «Вотъ это дѣльныя рѣчи», замѣтилъ графъ. «И неужели вы думаете, что, поступая такимъ образомъ, потеряли бы время? Дабы убѣдить васъ въ противномъ, скажу вамъ прямо: проектъ вашъ и всѣ касающіяся его бумаги лежатъ у меня на столѣ». Онъ показалъ ихъ мнѣ и я могъ, дѣйствительно, убѣдиться, что онъ дѣлаетъ свои замѣтки на проектъ. Увидавъ это, я вышелъ съ низкимъ поклономъ. «Ухожу», заявилъ я при томъ, «проникнутый надеждою, что теперь графъ вскорѣ пришлетъ за мною и будетъ допекать меня въ свою очередь». По моему мнѣнію, ваше превосходительство, съ этимъ человѣкомъ только такъ и можно держаться, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ. Если не получу приказаній иного рода, исполнить которыя сочту себя обязаннымъ, буду держаться этого пути и ждать, пока меня позовутъ. Не думаю, чтобы изъ-за этого графъ сталъ откладывать дѣло долѣе, чѣмъ предполагалъ, судя по настроенію, въ которомъ я видѣлъ его сегодня. Если бы наши переговоры не приняли этого болѣе благопріятнаго,

tion had not taken this new more favourable and unexpected turn, I should have been so unhappy in being charged with it, and so tired of it, that, joined with other circumstances, I should have humbly entreated His Majesty even by this post, to have recalled me, and for which favour I shall most humbly hope the moment I find myself mistaken in my present expectation. Last post for want of paper I was forced to add the ordinary occurrences on a separate sheet and now, though I have room enough, I am forced to omit them for want of time.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 43. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch [1]).

Hanover, August the 24th 1740.

I have now in my hands two very material letters of your's, viz of the 2nd and 5th of August o. s., both which I have laid before the king, who was very well pleased with the accounts you give in them of your conversations with count Osterman upon the subject of our treaty now depending with his court, and I have the pleasure to acquaint you that His Majesty approved very much the zeal you shewed in the execution of his orders,

---

неожиданнаго оборота, положеніе мое казалось бы мнѣ на столько тяжелымъ, я бы чувствовалъ себя на столько утомленнымъ, что — при наличности еще нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ — съ этою же почтой рѣшился бы почтительнѣйше ходатайствовать, дабы его величество отозвалъ меня. Откладываю это ходатайство до случая, если и настоящія надежды меня обманутъ. Съ прошлою почтой за недостаткомъ бумаги я вынужденъ былъ написать о текущихъ событіяхъ на отдѣльномъ листкѣ. Сегодня мѣста достаточно, но приходится умолчать о текущихъ событіяхъ за недостаткомъ времени.

№ 43. Лордъ Гаррингтонъ Эдуарду Финчу. [1])

Гановеръ, 24-го августа 1740 г. (4-го сентября н. ст.).

Мною получены два объемистыя донесенія ваши отъ 2 и 5 августа ст. ст. И то и другое я предъявилъ королю. Онъ очень доволенъ отчетами вашими о бесѣдахъ вашихъ съ графомъ Остерманомъ по вопросу о договорѣ съ русскимъ дворомъ. Мнѣ пріятно сообщить вамъ, что его величество особенно одобряетъ усердіе ваше въ исполненіи его приказаній, очень доволенъ силою и ясностью аргументовъ, приведен-

---

1) Все письмо писано шифромъ.

and the strength and clearness of the reasonings and arguments made use of by you for inducing that minister to come to some explanation and determination with you upon an affair that has been so long in agitation and that had, as we apprehended, been in the main long since agreed to by that court, and looked upon by them to be at least equally advantageous to the interests of the Czarinna, as to those of His Majesty, and that the delay in perfecting and finishing that great work had been solely owing to the unfortunate accident of m-r Rondeau's death.

But as from what has passed between you and count Osterman it plainly appears, that his court has very much altered its way of thinking, if not as to the treaty itself, which from the strong assurances given you from all hands to the contrary, the king is unwilling to believe, at least as to the proper time for concluding it, the king thinks that after what has passed, the continuing to press count Osterman in the strong manner you were at first directed to do, may rather retard, than forward the affair, as serving only to make that minister believe we look upon their alliance as so necessary for us, that they may be sure of ours at any time and upon any terms they please. You will therefore in your future conferences with that minister acquaint him, that, although we are not at all satisfied with his dilatory way of preceeding, nor in the least edified with the specious reasons given for it, His Majesty still continues in the same good disposi-

---

ныхъ вами съ цѣлью вызвать графа на объясненія и опредѣленныя заявленія по дѣлу, которое обсуждается такъ давно, которое, мы были убѣждены, нашло сочувствіе русскаго двора, какъ равно выгодное для интересовъ Царицы и короля. Мы были увѣрены, что задержка въ усовершенствованіи и завершеніи этого великаго дѣла вызвана была единственно несчастною случайностью — смертью Рондо.

Изъ всего, что происходитъ между вами и графомъ Остерманомъ, однако, вполнѣ ясно, что взгляды русскаго двора значительно измѣнились, если не по вопросу о самомъ союзѣ (какъ его величество полагаетъ ввиду всѣхъ данныхъ вамъ увѣреній), то по крайней мѣрѣ по вопросу о его своевременности. Король полагаетъ, что, послѣ всего происходившаго, сильная настойчивость у графа Остермана, которая отъ васъ сначала требовалась, должна быть оставлена; она скорѣе можетъ замедлить, чѣмъ подвинуть дѣло, подавъ графу поводъ думать, будто союзъ съ Россіей мы признаемъ на столько для себя необходимымъ, что она найдетъ насъ съ своей стороны всегда готовыми къ союзу на какихъ бы то ни было условіяхъ. Потрудитесь при послѣдующихъ бесѣдахъ съ вице-канцлеромъ заявить, что король отнюдь не доволенъ медленнымъ ходомъ переговоровъ и приведенныя объясненія такой медленности его отнюдь не удовлетворяютъ, по что онъ тѣмъ не менѣе расположенъ сохранить самыя

tions towards cultivating the strictest friendship and union with the Czarinna, and will be always ready to enter into proper engagements with her for that purpose whenever that court shall shew the like dispositions, whilst the affairs of Europe remain in the same situation as at present, but that you shall abstain from pressing him any further on an affair, of all the particulars of which they are already so fully apprised, as well as of the king's sentiments relating to it, and that, after the advances already made by His Majesty, you shall expect to hear from them upon it, whenever they shall think it for their interest to bring the matter to a conclusion, as taking it for granted that anything you can say upon it, will not till then have any effect.

Though the king would have you talk to count Osterman in the manner as above, because he looks upon that minister to be entirely disposed to delay the treaty either from his court's being at present too much in the hands of France, on account of their turkish affairs, or from the uncertainty of the turn matters may take in Sweden or at Berlin, yet as the duke of Courland has always shewn the best dispositions possible towards hastening the conclusion of this alliance, as well as to the interests of His Majesty in general, you will endeavour to the utmost of your power to induce him to employ his credit and influence with his mistress for that purpose, and, as he had promised you upon the return of the court to St. Petersburgh, to

---

дружескія отношенія къ Царицѣ и всегда готовъ вступить съ нею въ ближайшій союзъ, если русскій дворъ окажется и съ своей стороны расположеннымъ къ такому союзу и европейскія дѣла сохранятъ настоящее положеніе, но что вамъ приказано не настаивать болѣе на союзѣ. Всѣ условія, на которыхъ его величество согласенъ приступить къ нему, вполнѣ извѣстны русскому двору; взгляды его величества на это дѣло также извѣстны; затѣмъ, послѣ предупредительности, проявленной королемъ, вамъ остается только ждать, когда русское правительство признаетъ выгоднымъ завершить дѣло. Ясно, что до тѣхъ поръ ваши слова не будутъ имѣть никакого значенія.

Хотя король и приглашаетъ васъ держаться такой политики съ графомъ Остерманомъ ввиду очевиднаго желанія вице-канцлера замедлить дѣло вслѣдствіе ли зависимости русскаго двора отъ Франціи по турецкимъ дѣламъ, вслѣдствіе ли сомнѣній въ оборотѣ, какой примутъ дѣла въ Швеціи и Берлинѣ,—его величество полагаетъ, однако, что, принимая во вниманіе постоянное расположеніе герцога курляндскаго въ пользу англо-русскаго союза и его отношенія къ интересамъ Великобританіи, вамъ слѣдуетъ всячески заботиться, дабы вызвать его къ содѣйствію нашимъ цѣлямъ у Государыни, которое онъ обѣщалъ оказать вамъ по возвращеніи двора въ Петербургъ. Постарай-

enter seriously and efficaciously with you into the consideration of it, we are in great and daily expectation of learning from you the result of the farther conferences you will have had with his highness.

The king took notice of the two points, which count Osterman particularly recommended to His Majesty, viz: the sounding and preparing the dutch ministers by inculcating to them the necessity of forming a new system in opposition to the dangerous designs of France, and the proposing to Denmark a prolongation of our present subsidiary treaty. As to the first of which points you will have seen, by my former letters, that His Majesty has neglected nothing that could contribute to that general view and the augmentation and equipment, which have been just resolved by the States General, is a sufficient proof of the weight which the king's representations have had in that country, at the same time that they give hopes of the republic's being induced when she finds herself in so much better a condition to take a proper part with His Majesty and his allies, according to what may become necessary in the general affairs of Europe; and with regard to Denmark, you may inform the count that insinuations to the purport of what he suggested, have been already made to that court, by His Majesty's order, but were not received in a manner to give the king any encouragement to renew them, though His Majesty will not omit, when he sees a proper conjuncture, making new efforts towards keeping that prince from abandoning himself entirely to France.

тесь, чтобы онъ серьезно и дѣятельно занялся съ вами этимъ вопросомъ. Мы со дня на день съ нетерпѣніемъ ждемъ извѣстій о результатахъ вашихъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ его свѣтлостью.

Король обратилъ вниманіе и на оба пункта, указанные графомъ Остерманомъ: на подготовленіе голландскихъ министровъ разъясненіемъ имъ необходимости новой группировки государствъ въ противовѣсъ опаснымъ замысламъ Франціи и на вопросъ о продолженіи нашихъ субсидій датскому двору. Что касается перваго пункта, вы изъ прежнихъ моихъ писемъ уже знаете, что его величествомъ не упущено изъ виду ничего для достиженія желательной цѣли. Только что постановленное штатами рѣшеніе объ усиленіи и усовершенствованіи военныхъ силъ Голландіи можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, на сколько представленія короля оказались вѣскими. То же постановленіе позволяетъ надѣяться, что республика, окрѣпнувъ и сблизившись съ его величествомъ и его союзниками, займетъ положеніе, сообразное съ общимъ ходомъ европейскихъ дѣлъ. Касательно Даніи, можете также указать графу, что, по приказанію его величества, копенгагенскому двору сдѣланы были предложенія, соотвѣтствующія планамъ графа, но приняты такъ, что король не склоненъ возобновлять ихъ, хотя не прочь, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и отъ новой попытки удержать Данію отъ полнаго подчиненія Франціи.

As to the plan which count Osterman mentioned to you to have been discovered by m-r Sparre, in his passion to the king of Sweden, if that were the true design of the french and swedish ministry's, it seems to be now entirely disappointed, on one hand, by the treaty His Majesty has concluded with Hesse-Cassel, and, on the other, by the death of the late king of Prussia, and it is now more probable that the ill intentions of that party should first break out against Russia, if the Czarinna will not be prevailed on by the interpositions and persuasions of France to make any sacrifice without hostilities to Sweden.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 44. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, August the 26th 1740.

The latter part of my last of the twenty-third instant o. s. was rather a protocol than dispatch, however I hope that the king will by it plainly see the present state of my negociation, and at the same time approve of the method I propose to pursue. What his excellency let drop about pressing him, or rather forcing him to anything, had certainly an eye to my audience of the duke of Courland the nineteenth, of which I told him the

---

Что касается плана, по словамъ графа Остермана, обнаруженнаго Спаромъ въ горячую минуту при разговорѣ съ королемъ шведскимъ, если когда нибудь шведскіе и французскіе министры и преслѣдовали такія цѣли, имъ пришлось разочароваться съ одной стороны ввиду договора его величества съ Гессенъ-Касселемъ, съ другой — ввиду кончины покойнаго короля прусскаго. Теперь, конечно, вѣроятнѣе, что злыя намѣренія господствующей партіи прежде всего скажутся въ ея отношеніяхъ къ Россіи, развѣ — подъ вліяніемъ заступничества и посредничества Франціи — Царица рѣшится сдѣлать безъ борьбы извѣстныя уступки Швеціи.

№ 44. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 26-го августа 1740 г. (6-го сентября н. ст.).

Послѣдняя часть моего письма отъ 23-го августа ст. ст. похожа болѣе на протоколъ, чѣмъ на донесеніе; за то, надѣюсь, король ясно увидитъ изъ него настоящее положеніе нашихъ переговоровъ и одобритъ предлагаемый мною путь дальнѣйшаго веденія дѣла. Намекъ графа на настойчивость, на понужденія съ моей стороны, очевидно, относился къ моей аудіенціи у герцога курляндскаго 19-го ав-

next day for preventing of any air of mystery, any appearance of complaint on my side, or any handle for his taking it ill on his, besides his highness upon the occasions always lets him know what conversation he has had with the foreign ministers, and if he did not, the count would otherwise be informed by them. The question now will be, whether he will show me the paper on the table, I mentioned last post, only to moderate my impatience, to be rid of my importunity, and as a mere put off, or with a real design to take the negociation in hand? This must soon appear. To neglect nothing, I was with him yesterday, and but a moment, for he said he was very busy, so that I only had time to tell him that his conversation with me the saturday before had greatly raised my spirits. He answered: «A little patience», and then asked me—whether I had reported everything he had talked to me on the several different powers of Denmark, Sweden, Prussia and Holland? Upon my assuring him that I had, he answered: «I hope then that you may soon have an answer on all these heads», and I replied that I should make no mystery of them to his excellency, upon which he read to me a paragraph out of their minister's last letter from Copenhagen, the purport of which was that assoon as m-r Titley's negociation had succeeded and m-r Chavigny's miscarried, the cardinal had given the last the most positive instructions to neglect neither pains nor expence

---

густа, о которой я спѣшилъ разсказать ему на слѣдующій же день, дабы предупредить какіе бы то ни было толки о тайныхъ интригахъ, о жалобахъ съ моей стороны или какія бы то ни было нежелательныя толкованія самого графа, когда его свѣтлость передастъ ему нашу бесѣду. Герцогъ при встрѣчахъ съ нимъ всегда сообщаетъ ему свои разговоры съ представителями иностранныхъ дворовъ, да и безъ этого бесѣда наша такъ или иначе дошла бы до графа. Теперь вопросъ таковъ: показалъ ли онъ мнѣ бумаги на своемъ столѣ, какъ я писалъ вамъ съ прошлою почтой, исключительно съ цѣлью умѣрить мое нетерпѣніе, отдѣлаться отъ моей назойливости, отстранить меня, или — дѣйствительно ввиду намѣренія заняться переговорами? Это скоро выяснится. Дабы не упрекать себя ни въ чемъ, я видѣлся съ нимъ еще вчера на минуту (графъ заявилъ, что очень занятъ). Я едва успѣлъ высказать ему, что разговоръ, происходившій между нами въ субботу, очень ободрилъ меня. «Немного терпѣнія!» замѣтилъ онъ, а затѣмъ спросилъ — доносилъ ли я вамъ обо всемъ, что говорилось между нами по поводу Даніи, Швеціи, Пруссіи, Голландіи? На утвердительный отвѣтъ мой, графъ сказалъ: «Вамъ, надѣюсь, скоро сообщатъ мнѣнія короля по всѣмъ этимъ вопросамъ»? — «И они не останутся тайной для вашего сіятельства», спѣшилъ заявить я. Затѣмъ графъ прочелъ мнѣ отрывокъ изъ послѣдняго письма русскаго представителя въ Копенгагенѣ. Содержаніе его таково: какъ только дѣйствія Тидлея оказались успѣшными, а Шавиньи потерпѣлъ неудачу, кардиналъ препроводилъ по-

to form a french party at that court, and to secure its acceptance of french subsidies, assoon as the english one ceased, and that France was actually at work to carry this scheme into execution, so that now was the time, and none was to be lost. I replied that this intelligence was exactly the same with that which I had communicated to him at my arrival, of which he then seemed to be a little doubtful, and that I had added the explanation which m-r Titley had instructions to insist on from the court, or rather from the king of Denmark on this head, from which he might see, that His Majesty was giving a proper attention to what passes at Copenhagen.

The persian ambassador, who had his audience of leave since I had my first, set out saturday last, having defferred his departure so long to sollicit several gratifications for himself, which he has obtained. There is yet no news of his successor's being arrived on the frontiers, nor do I hear that there is anything settled yet further about the rout of the turkish embassy.

The french ambassador has met this last week with two disagreeable incidents, one of which he might have avoided, though it was not so easy for him to have prevented the other. The first relates to the preparations he is making to celebrate St. Lewis's day. There is a large opening, at one

---

слѣднему самыя рѣшительныя инструкціи не жалѣть ни трудовъ, ни расходовъ для образованія французской партіи при дворѣ, дабы король принялъ французскія субсидіи какъ только покончится срокъ договора о субсидіяхъ съ Англіей. Франція всячески хлопочетъ о выполненіи этого плана, и бороться съ нею надо именно теперь, не теряя времени. Я замѣтилъ, что свѣдѣнія какъ разъ согласуются съ тѣми, которыя я сообщилъ графу при самомъ пріѣздѣ своемъ. Графъ какъ бы усумнился въ этомъ; но я напомнилъ объ инструкціяхъ, данныхъ Тидлею, настаивать на продленіи срока субсидій передъ дворомъ и особенно передъ самимъ королемъ датскимъ, и замѣтилъ, что инструкціи эти ясно указываютъ на вниманіе, съ которымъ его величество слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ Копенгагенѣ.

Персидскій посолъ, который являлся въ прощальной аудіенціи въ тотъ же день, какъ я представилъ свои вѣрительныя грамоты Ея Величеству, выѣхалъ только прошлую субботу. Онъ такъ долго откладывалъ свой отъѣздъ потому, что хлопоталъ о разныхъ милостяхъ себѣ лично, которыхъ и добился. О пріѣздѣ преемника его на границу, также какъ и о дальнѣйшемъ пути турецкаго посольства, я еще ничего не слыхалъ.

Съ французскимъ посломъ на прошлой недѣлѣ приключились двѣ непріятности: одной изъ нихъ онъ могъ бы избѣжать, вторую же предупредить было не легко. Первая касается его приготовленій къ празднованію дня св. Людовика. Одинъ уголъ его дома выходитъ на широкую площадь; на другомъ же углу ея стоитъ зимній дворецъ.

angle of which his house stands, and at the other on the same side the winter-palace; just opposite to which last he took it into his head to erect a scaffolding for an illumination (as I hear without previously sounding whether that might be an agreeable place for it); some days after this the duke of Courland came by, was surprized to see it, and asked what it meant, and upon hearing it was for the french ambassador's illumination, he said nothing, but shook his head. However the next day the grand-marshal was sent to insinuate to the ambassador that this scaffolding so situated might endanger the palace, upon which the ambassador, taking the hint, immediately ordered it to be removed, but as his excellency seems a little unlucky in marking out ground, he has now placed it in the same line opposite to the duke's house and much further from his own than it was last year. The second incident relates to a valet de chambre of his, who, as it is said, has the reputation of a very quarrelsome vivacity. This servant was walking in the middle of the road to the ambassador's country-house and not far from it, and being called to by a russian officer's coachman, who was driving his master in a chaise, to make way, he would not stir out of his road; upon which some words insued and the servant made the officer some of those compliments which frenchmen have the readiest at hand. The officer, though he did not speak french, understanding it, returned him the same

---

Прямо противъ дворца ему вздумалось соорудить помостъ для иллюминаціи (говорятъ, не спросивъ даже предварительно, пріятно ли будетъ такое сооруженіе на выбранномъ имъ мѣстѣ). Нѣсколько дней спустя послѣ начала работъ, случилось тутъ проѣхать герцогу курляндскому. Онъ очень удивился и спросилъ — что здѣсь затѣваютъ? Услыхавъ, что постройка предназначается для иллюминаціи французскаго посла, онъ промолчалъ, только покачалъ головою; однако на слѣдующій день къ послу отправленъ былъ гофмаршалъ съ замѣчаніемъ, что задуманный помостъ угрожаетъ опасностью дворцу. Понявъ намекъ, посолъ немедленно велѣлъ перенести постройку. Но его превосходительству не счастливится въ выборѣ мѣста: теперь помостъ сталъ противъ оконъ герцога и гораздо далѣе отъ собственнаго дома посла, чѣмъ въ прошломъ году. Второе происшествіе вызвано однимъ изъ посольскихъ слугъ, который, по слухамъ, пользуется репутаціей очень задорнаго человѣка. Слуга этотъ прогуливался посреди дороги по пути къ загородному дому посла. Неподалеку отъ этого дома его окликнулъ кучеръ русскаго офицера, проѣзжавшаго въ своемъ экипажѣ, призывая его посторониться, но французъ не пожелалъ сойти съ дороги; произошелъ обмѣнъ словъ, и слуга позволилъ себѣ нѣсколько колкостей, которыя у француза всегда подъ рукою. Офицеръ по французски не говоритъ, однако понялъ характеръ возраженій слуги и отвѣчалъ ему по русски. Слуга выхватилъ шпагу, что рѣшительно не дозволяется

in russian; the servant drew his sword, which is absolutely contrary to the Czarinna's placart, by which any one or more persons are authorised to knock any person on the head who is seen with a drawn sword. In effect the mobb run in, and the servant was very ill used. The noise this bustle made, occasioned one of the imperial resident's servants, whose country-house was just by, to come up, and as he talked a little russ, they enquired whether this man, who they saw was a foreigner, belonged to his master; during these questions there was a cessation of arms, which the valet de chambre made use of and taking to his heels, run home without anybody's pursuing him. I do not certainly hear, whether the french ambassador has yet taken any notice of this incident, or made any formal complaint, though I was told he was examining into the affair to see, whether his servant was in the right or in the wrong, in order to regulate himself accordingly. However the drawn sword being so expressly against the placart will be an ugly article. And I hear that the Czarinna who had been shocked at the scaffolding, when the first news was brought to court about the servant, should say, that it would not have been any matter if they had killed him on the spot, and that the ambassador must first consent to his servant's submitting to her laws, before he could expect any reparation against her subjects. I wish these incidents could do me service in proportion to the hurt they do the french ambassador.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

высочайшими распоряженіями; всякій — будь онъ одинъ или съ другими — въ правѣ схватить лицо, позволившее себѣ обнажить оружіе. Дѣйствительно, подбѣжали сторожа и слугѣ крѣпко досталось. На шумъ выбѣжалъ одинъ изъ слугъ императорскаго резидента, дача котораго расположена какъ разъ у мѣста происшествія. Онъ нѣсколько говорилъ по русски; его спросили — не къ дому ли его господина принадлежитъ схваченный иностранецъ? Перерывомъ драки, вызваннымъ этими разспросами, воспользовался арестованный и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать къ дому. Никто его не преслѣдовалъ. Не знаю, вмѣшался ли французскій посолъ въ это дѣло и принесъ ли какую нибудь жалобу; слышалъ только, что онъ разбиралъ дѣло, распознавая правъ или не правъ былъ слуга, дабы затѣмъ принять свои мѣры. Во всякомъ случаѣ обнаженное оружіе, столь рѣшительно нарушающее царское постановленіе, всегда окажется удручающею подробностью. Мнѣ передавали, будто Царица, уже возмущенная постройкой, при первой дошедшей до двора вѣсти о слугѣ, высказала, что не бѣда, если бы буяна и убили на мѣстѣ; что послу, прежде чѣмъ расчитывать на какое либо удовлетвореніе, надо предварительно озаботиться, дабы слуги его подчинялись русскимъ законамъ. Очень желаю, чтобы эти случайности послужили мнѣ на пользу на столько же, на сколько онѣ причинили непріятностей французскому послу...

№ 15. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, August the 30th 1740.

...I shall not fail also to make the proper application for obtaining the consent of this court for exporting what corn may be wanted next year for the king's electoral dominions, and I shall endeavour to get a previous assurance of allowance of such exportation, if necessary, but this, as I observed upon the last occasion, must be done with great precaution, and in a manner to conceal this leave from the swedes, and thereby prevent their having a handle to complain of the same liberty not being granted to them although entitled to it by treaty. Farther than this I cannot say at present, because count Osterman has been so busy, that I have not been able to see him since the receipt of your lordship's letter, of which however I shall not fail to make the best use the moment I can get to the speech of him.

I saw yesterday morning m-r Bestuchef at court, and I asked his leave to wait upon him the first leisure-hour he could have, which I understood was to have been yesterday at three in the afternoon. I was accordingly at his door, but did not find him at home. What gave occasion to my desire of an hour of him, was his telling me, that he had actually my papers in

---

№ 15. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 30-го августа (10-го сентября н. ст.) 1740 г.

....Приложу также всяческія старанія дабы заручиться разрѣшеніемъ здѣшняго двора на вывозъ того количества хлѣба, которое понадобится въ будущемъ году для курфюрстскихъ земель его величества; постараюсь, если можно, заручиться даже предварительнымъ согласіемъ на такой вывозъ, но, какъ я доносилъ уже прежде, къ этому слѣдуетъ приступать съ большой осмотрительностью, дабы скрыть данное разрѣшеніе отъ Швеціи и не дать ей повода къ жалобамъ на то, что вывозъ остается закрытымъ для нея вопреки трактату. Вотъ все, что могу сказать до поры до времени, такъ какъ графъ Остерманъ всѣ эти дни очень занятъ и мнѣ не удалось видѣть его послѣ полученія письма вашего прявосходительства, которымъ тѣмъ не менѣе не премину воспользоваться при первой бесѣдѣ съ графомъ.

Вчера поутру я видѣлся съ Бестужевымъ при дворѣ и просилъ позволенія посѣтить его въ первый свободный часъ, который онъ укажетъ мнѣ. Я изъ его отвѣта понялъ, что онъ будетъ ожидать меня вчера въ три часа пополудни; въ этотъ часъ и явился къ нему, но не засталъ его дома. Просьба моя о свиданіи вызвана была заявленіемъ Бестужева, что въ настоящее время бумаги мои находятся у него на раз-

his bosom, which looks as if they had begun here at least to think of the thing seriously, but till I have conferred upon it, it will be impossible for me to judge, with any certainty, of the light in which they will see it, or what may be the success of it.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 46. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, September the 2nd 1740.

. . . I took an opportunity saturday to desire of m-r Bestuchef that at least we might enter on the negociation and have a conference, which I thought absolutely necessary for the king's satisfaction, as I told that minister, and, as I may add to your lordship, it is still more so by the whole scope, drift and tenor of this negociation having been set in a very different light from that I hope to make it appear in when entered upon.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

смотрѣнія. Это какъ бы указываетъ, что здѣсь, наконецъ, намѣрены отнестись къ дѣлу серьезно, но пока мнѣ не удастся побесѣдовать о немъ, не могу съ достаточной опредѣленностью судить, какъ глядятъ на него, какого успѣха можно ожидать въ немъ....

№ 46. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 2-го сентября 1740 г. (13-го сентября н. ст.).

. . . Въ субботу я воспользовался случаемъ замѣтить Бестужеву, что пора бы намъ, наконецъ, хоть приняться за переговоры. Это положительно необходимо, дабы удовлетворить короля, сказалъ я кабинетъ-министру, и потому, прибавлю отъ себя вашему превосходительству, что, приступивъ къ переговорамъ, надѣюсь сообщить и цѣли, и содержанію ихъ совсѣмъ иное освѣщеніе.

№ 47. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch [1]).

Hanover, September the 4th 1740.

. . . As to what count Osterman mentioned to you about the necessity of gaining the king of Prussia, and with regard to the money to be employed in Sweden, upon the first head I have nothing to add to what I before wrote to you concerning His Majesty's particular application to that point; and can only say, as to the second, that the sum the king has already advanced, was all that was either asked by our friends, or represented by them to be necessary preparatorily to the meeting of the diet. When the time of that assembly comes, the king will be able to judge better of the prospect we may have of succeeding in our common views, and consequently of the expediency of entering into greater expence.

What may have been said of contributing in concert with the Czarinna, was meant that m-r Burnaby should not go faster in his advances, than m-r Bestuchef, but it was never intended, nor thought in the least reasonable, that the king should bear an equal share in the charge; for though His Majesty, for the sake of preserving the peace of the north, and out of a particular regard and friendship for that princess, was willing to take upon

---

№ 47. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу [1]).

Гановеръ, 4-го сентября 1740 г. (15-го сентября н. ст.).

. . . По поводу сказаннаго вамъ графомъ Остерманомъ о необходимости привлечь короля прусскаго и о расходахъ въ Швеціи замѣчу слѣдующее: По первому вопросу не могу прибавить ничего къ тому, что уже писалъ вамъ касательно особенныхъ заботъ короля на этотъ счетъ; по второму же—что друзья наши не требовали и не заявляли о потребности, въ видахъ приготовленія къ сейму, какихъ бы то ни было суммъ свыше суммы, уже выплаченной его величествомъ. Съ приближеніемъ сейма королю виднѣе будетъ на сколько успѣхъ нашихъ общихъ стремленій вѣроятенъ, и на сколько нужны новыя затраты.

Говоря о помощи, совмѣстной съ Россіей, мы разумѣли, что Бернэби не позволитъ себѣ расходовать болѣе Бестужева, но король никогда не предполагалъ, и не считалъ разумнымъ нести расходы, равные съ Россіей. Его величество, озабочиваясь сохраненіемъ мира на сѣверѣ, ввиду своего особеннаго расположенія къ Царицѣ, рѣшился возложить на себя часть бремени, но принимая во вниманіе, что опасность, которою угрожаетъ союзъ Швеціи съ Франціей и которой надѣятся избѣгнуть возста-

---

1) Все письмо писано шифромъ.

himself some part of the burthen, yet, as the dangers that are apprehended from the union of Sweden with France, and which there are hopes of obviating by the restoring of the old ministry, do principally and immediately threaten Moscovy, whom all the present warlike preparations of Sweden are evidently pointed at, and as anything that can be thought of, to affect the king's immediate interests, is only seen at a distance and must depend upon such new concerts and upon such events as do not yet exist, it can therefore by no means be expected that His Majesty's contributions in such different circumstances should equal those of the Czarinna, against whom the mischiefs projected by the present french and swedish ministries are directly levelled, and ready to break out. But I write this only to give you a private information of the king's sentiments upon the drift of count Osterman's late discourses, and must leave it to your prudence to make use of it upon occasion as may be for His Majesty's service. . . .

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 48. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, September the 6th 1740.

. . . A chevalier, or as he since calls himself, a count Beaujeu, captain in a french regiment, upon the cardinal's refusing him leave to buy a re-

---

новленіемъ стараго министерства, преимущественно и непосредственно касается Россіи, противъ которой несомнѣнно направлены военныя приготовленія Швеціи; что все сколько нибудь затрогивающее прямые интересы короля еще очень далеко и зависитъ отъ новыхъ соглашеній и событій, едва ожидаемыхъ, но не существующихъ,— никакъ нельзя ожидать, чтобы траты его величества были приравнены къ тратамъ Царицы. Положеніе Россіи и Великобританіи далеко не одинаково; всѣ интриги настоящихъ министерствъ французскаго и шведскаго прямо направлены и готовы разразиться именно противъ Россіи. Все это я пишу, впрочемъ, исключительно съ цѣлью ознакомить васъ лично съ тѣмъ, какъ король относится къ домогательствамъ графа Остермана, и предоставляю вполнѣ вашему благоусмотрѣнію воспользоваться или не воспользоваться при случаѣ моими сообщеніями на пользу королевской службы...

№ 48. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 6-го сентября 1740 г. (17-го сентября н. ст.).

. . . Сюда мѣсяца три тому назадъ пріѣхалъ искать службы кавалеръ или, какъ онъ называетъ себя, графъ Божё, французскій капитанъ, которому кардиналъ не

giment, arrived here about three months ago to seek service. As he is a relation of the Biron family in France, he brought a letter from the marshal of that name to the duke of Courland, and compliments to all that family; and upon the duke's having some design of the hereditary prince's travelling, m-r Beaujeu has since delivered another letter from the marshal to the duke of Courland with an offer of his hotel at Paris, where he says that the best apartment is actually prepared for the prince's reception. The duke of Courland answered, as I hear, civilly that he was obliged to the marshal, but that, though he designed his son should travel, yet, as the time was very uncertain for his setting out, he begged the marshal not to deprive himself of his own apartment, the trouble of which he should be sorry his son should at any time give him. To return to m-r Beaujeu, he has since had a regiment given him, which is in quarters in the neighbourhood of Azoff. Whether he did not like to go so far for his preferment, or that his breast is really disordered, I don't know, but he has made use of this last pretext to decline accepting the regiment after his commission was actually made out, and he proposes to set out on his return home the beginning of next week with his titular colonelship, which no doubt he will carry with him.

The french ambassador seems unlucky in his servants, for besides one of his secretaries, who was got into a scrape before his valet de chambre's affair, two of his chaplains have since been in another, in which they re-

---

разрѣшилъ купить полкъ на родинѣ. Онъ сродни французской фамиліи Бироновъ и привезъ съ собою отъ маршала Бирона письмо герцогу курляндскому и привѣтъ всему его семейству. Герцогъ думаетъ отправить наслѣднаго принца въ путешествіе, потому Божё передалъ герцогу еще письмо, въ которомъ маршалъ приглашаетъ принца остановиться въ Парижѣ въ его домѣ, гдѣ для его пріема уже отведены лучшіе аппартаменты. Я слышалъ, будто герцогъ въ отвѣтъ вѣжливо поблагодарилъ маршала, но прибавилъ, что, хотя и думаетъ отправить сына, однако не знаетъ, когда это окажется возможнымъ, потому проситъ маршала не стѣснять себя; что ему вообще непріятно было бы причинять хлопоты маршалу... Возвращаюсь къ Божё: ему предложенъ полкъ, расположенный по сосѣдству съ Азовомъ. Не знаю, дѣйствительно ли у него грудь болитъ, какъ онъ говоритъ, или просто ему не хочется забираться въ такую даль, только онъ отказался отъ полка, и заявилъ, что, исполнивъ возложенное на него порученіе, думаетъ выѣхать обратно во Францію въ началѣ слѣдующей недѣли, очевидно увозя съ собою почетный чинъ полковника.

Французскій посолъ несчастливъ на слугъ, такъ какъ еще до описанной мною исторіи съ его лакеемъ, были непріятности съ его секретаремъ, а теперь два его капелана наткнулись на новую исторію, при чемъ поплатились добрымъ количествомъ

ceived a good quantity of what they call *coups de batons*, but I don't hear that his excellency has made any complaints in form; they say however, that he is taking informations, or rather it is supposed that he has transmitted them to his court to receive instructions how he should behave. I also hear that he was very much disgusted at m-r Stanhope and m-r Maggot's having been taken out at the ball at court this day sevenight before any of his gentlemen (m-rs Carteret and Cotterel were gone to see the fine canal of Ladoga), and the ambassador was heard to let drop that such usage and such slight would at last make him lose all patience and force him to exert the ambassador. This temper and moderation, such as it is, is however attributed to count Osterman's advice, who knows very well that m-r Chetardie's whole behaviour here in the affair of his illumination and several other particulars, which are needless and too long to trouble your lordship with, especially in cypher, have no ways contributed to make his excellency's person agreeable here, so that if he was to take things upon a high note, the count foresees that he would be answered in a higher, which might not so well coincide with count Osterman's views and scheme.

I have had for some time great reason to suspect, and I now begin to hear from good hands, that the delays in my negociation are owing to count Osterman, certainly they are not at all so either to the Czarinna, or the duke of Courland, who are both so perfectly well intentioned, that the first com-

---

палочныхъ ударовъ. Не слыхать, чтобы его превосходительство вошелъ куда либо съ формальною жалобой; говорятъ, будто онъ разслѣдуетъ дѣло; полагаютъ также, будто онъ сносится съ своимъ дворомъ, требуя инструкціи, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Слышу также, что онъ крайне недоволенъ, почему на придворномъ балу съ недѣлю тому назадъ къ Стэнгопу и Мэгготу обратились прежде, чѣмъ къ кому либо изъ его штата (Картретъ и Коттерель выѣхали для осмотра прекраснаго Ладожскаго канала). Посолъ, говорятъ, выразился, что такія отношенія, такое невниманіе выведутъ его, наконецъ, изъ терпѣнія и принудятъ показать себя посломъ. Проявляемыя имъ пока терпѣніе и сдержанность объясняютъ совѣтомъ графа Остермана, который хорошо знаетъ на сколько исторія съ иллюминаціей и многія другія мелочи (слишкомъ ничтожныя, чтобы утруждать ими вниманіе вашего превосходительства, да еще шифромъ) мало расположили дворъ въ пользу маркиза. Графъ предвидитъ, что, вздумай Шетарди заговорить громко, ему отвѣтятъ еще громче, а это не отвѣчаетъ замысламъ и планамъ вице-канцлера.

Я за послѣднее время имѣлъ основаніе заподозрить, а теперь изъ вѣрныхъ рукъ начинаю приходить къ увѣренности, что всѣми задержками въ переговорахъ со мною обязанъ именно графу Остерману. Конечно въ нихъ не повинны ни Царица, ни герцогъ курляндскій, которые расположены къ намъ на столько, что Ея Величество прика-

mands, and the second recommends the immediate entry upon, and speedy conclusion of that affair, though hitherto to little purpose, by the artifice of the count, who is in possession of the conduct of things of this kind. I am told also that for his dilatoriness in other affairs, and especially in mine, his excellency is actually on the worst terms with the duke of Courland that he ever yet has been, and that m-r Bestuchef, who carried him the Czarinna's orders to the cabinet minister to take my affair in hand, has had on that occasion very warm words with that minister. However things are not yet so clear, nor am I arrived at so perfect a knowledge of all the circumstances, as would be necessary for my transmitting to your lordship such accounts, as would enable His Majesty to form any certain judgement on them. I hope nevertheless to do this next post, and that my health will allow me to cypher myself then, as I have now, though with great difficulty, because my dispatch may be of so secret a nature, that I should not care to trust anybody here with the knowledge of the contents.

Since I cyphered this, the duke of Courland sent m-r Keyserling to inquire after my health, and to tell me at the same time, that my projects having been examined in the cabinet and reported to the Czarinna, Her Czarish Majesty had ordered that a conference with me should be entered upon, adding, that, as these ministers had made objections to some points of

---

зала министрамъ, герцогъ же пригласилъ ихъ, начать переговоры немедленно и вести ихъ къ концу безъ задержекъ; но всѣ эти распоряженія мало подвигаютъ дѣло, благодаря уловкамъ графа, вѣдающаго иностранныя сношенія. Я слышалъ даже будто медлительность, съ которой графъ ведетъ дѣла и особенно мое дѣло, поставили его къ герцогу курляндскому въ худшія отношенія, чѣмъ когда либо, а также, будто Бестужевъ, которому поручено было передать кабинетъ-министрамъ высочайшее повелѣніе заняться моимъ дѣломъ, имѣлъ съ вице-канцлеромъ очень горячее объясненіе. Какъ бы то ни было, пока дѣло еще не на столько выяснилось, всѣ обстоятельства его мнѣ еще не на столько извѣстны, чтобы я въ состояніи былъ сообщить вашему превосходительству данныя, достаточныя для яснаго о немъ сужденія. Надѣюсь, впрочемъ, сообщить ихъ съ слѣдующею почтой, если здоровье позволитъ мнѣ лично заняться шифрованіемъ, какъ сегодня, хотя шифрую съ большимъ трудомъ, единственно принимая во вниманіе крайне секретный характеръ сообщаемыхъ мною извѣстій, не дозволяющій подѣлиться ими съ кѣмъ бы то ни было.

Въ то время, какъ я шифровалъ предыдущія строки, герцогъ курляндскій прислалъ Кейзерлинга освѣдомиться о моемъ здоровьи и сообщить, что проекты мои разсмотрѣны въ кабинетѣ и представлены Царицѣ. Ея Величество приказала вступить со мною въ переговоры. Герцогъ велѣлъ прибавить, что министры представили возраженія на нѣкоторые пункты; его свѣтлость надѣется, однако, не сомнѣвается даже

these proposals, his highness hoped and did not doubt but I should be in a condition to explain and remove them. Your lordship will easily imagine my joy and thanks on this message and that I shall make all the haste I can to get well and abroad, at least my spirits are already raised. I have not yet any news of the saxon secret article.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 49. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Hanover, September the 7th 1740.

You will see by the inclosed memorial from His Majesty's ministers that, in consequence of the Czarinna's obliging offer of furnishing the king with corn out of her own magazines, a further quantity of one thousand lasts is desired, and the king would therefore have you speak to the duke of Courland and count Osterman upon this affair, and, after acquainting them how sensible His Majesty is of the attention shewn by the Czarinna in complying with the request before made to her upon this head, you will let them know, that, in case it will not be an inconvenience to Her Czarish Majesty, the king would take it as a very particular favour, to have liberty to purchase the quantity above mentioned out of her magazines according to what is set forth in the inclosed memorial.

въ томъ, что я въ состояніи буду разъяснить что нужно и устранить препятствія къ окончанію дѣла. Ваше превосходительство легко представите себѣ съ какой радостью и благодарностью я выслушалъ посланнаго. Приложу всѣ старанія выйти поскорѣе и покончить дѣло наше быстро и благополучно. Какъ бы то ни было, я очень ободрился. О секретной статьѣ съ Саксоніей еще ничего не знаю.

№ 49. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Гановеръ, 7-го сентября 1740 г. (18-го сентября н. ст.).

Изъ прилагаемой меморіи министровъ его величества вы усмотрите, что, ввиду любезнаго предложенія Царицы снабдить короля хлѣбомъ изъ собственныхъ Ея Величества магазиновъ, желательно получить еще тысячу ластъ; потому король поручаетъ вамъ переговорить съ герцогомъ курляндскимъ и съ графомъ Остерманомъ по этому дѣлу: передать имъ на сколько его величество глубоко тронутъ вниманіемъ Царицы, выразившимся въ исполненіи его первой просьбы о хлѣбѣ, и сообщить, что— если только это не стѣснитъ Ея Величество — король просилъ бы въ особенное себѣ одолженіе разрѣшить еще закупку вышепоименованнаго количества зерна изъ ея магазиновъ, согласно прилагаемой меморіи.

I have received and laid before the king your letter of the 19th past. o. s. [1]), and, as to the two ways mentioned therein of assisting our friends in Sweden, the private and the public one, you will have seen in my last dispatch all that I had in command upon the former, and, with regard to the latter, by the method count Osterman hinted at, was meant, I suppose, an offer of subsidies from England, but the king has not at present given me orders to write anything particular upon that subject, though His Majesty will take it into consideration, according as events may arise, and I shall not fail to let you know if any resolution of that kind should come to be formed.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 50. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, September the 9th 1740.

My indisposition still continuing, has made it neither possible for me to go abroad, nor prudent even to stir out of my room, in which, I can fairly say, that, notwithstanding all my care, I go on to catch cold once in every twenty four hours, as I can affirm to have done every day since my arrival

---

Я получилъ и предъявилъ королю ваше письмо отъ 19-го августа ст. ст. [1]). Что касается вопроса о двухъ путяхъ поддержки друзей нашихъ въ Швеціи—частнаго и оффиціальнаго, вы изъ прошлаго письма моего уже знаете все, что мнѣ приказано сообщить вамъ по поводу частнаго пути; по поводу же пути оффиціальнаго, графъ Остерманъ, на сколько понимаю его намеки, желаетъ, чтобы Англія предложила субсидіи; но пока король не далъ мнѣ никакихъ положительныхъ приказаній на этотъ счетъ. Его величество приметъ, однако, мысль графа въ соображеніе, приглядываясь къ ходу обстоятельствъ. Если какое либо рѣшеніе будетъ принято по этому вопросу, не замедлю сообщить вамъ о немъ.

№ 50. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 9-го сентября 1740 г. (20-го сентября н. ст.).

Я все еще боленъ и не только не могъ выйти изъ дому, не могъ безъ неосторожности даже выходить изъ комнаты. Скажу по совѣсти, что, вопреки всѣмъ стараніямъ, я простужаюсь каждые двадцать четыре часа, и это съ самаго моего прі-

---

1) Отсюда до конца письмо писано шифромъ.

here. This situation of my health will prevent my writing or your lordship expecting a long letter from me to day.

M-r Bestuchef was sent to count Osterman the fourth to press, in the Czarinna's name, our negociation. Being entered upon, and finding the count was for postponing and shuffling it off, he insisted warmly that his excellency should declare categorically whether he was, or was not for taking in hand the treaty proposed by England, and give the reasons of his opinion in writing, as he himself would do the next evening. Lately this new minister sent a relation of his to me, with whom he is lodged and I was before acquainted by his brother in Sweden's recommendation. This gentleman told me, that, as m-r Bestuchef had done all in his power to bring forward my affair according to his promise, so he thought himself obliged to let me know, in the utmost confidence, that so many difficulties were started from another quarter, that it would be proper, and might be necessary to address the duke of Courland, that by his highness's interposition they might be removed so far at least that a conference should be fixed on. Perhaps it was already so, for I had the message sent the next day from the duke of Courland, and m-r Bestuchef, though certainly well-intentioned, had no mind to lose the merit of it to me; however, I returned my thanks in the strongest and civilest terms. I heard also by a pretty sure hand, that a report having

---

ѣзда сюда. Такое состояніе здоровья не дозволяетъ мнѣ писать, а вашему превосходительству ожидать отъ меня сегодня обстоятельнаго письма.

Бестужевъ посланъ былъ четвертаго сентября къ графу Остерману, дабы именемъ Царицы поторопить начало нашихъ переговоровъ. Замѣтивъ, что графъ затягиваетъ и откладываетъ ихъ, Бестужевъ горячо настаивалъ, чтобы его сіятельство категорически заявилъ, желаетъ или не желаетъ онъ заняться договоромъ, предложеннымъ Англіей, основанія же своихъ взглядовъ изложилъ письменно, какъ онъ, Бестужевъ, намѣренъ изложить свои въ тотъ же вечеръ. Недавно новый кабинетъ министръ дѣйствительно прислалъ ко мнѣ своего родственника, живущаго съ нимъ вмѣстѣ, съ которымъ я уже былъ знакомъ вслѣдствіе рекомендаціи русскаго уполномоченнаго въ Швеціи. Онъ сообщилъ мнѣ, что Бестужевъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, дабы, согласно данному обѣщанію, двинуть мое дѣло, но считаетъ своимъ долгомъ извѣстить меня совершенно конфиденціально, что съ нѣкоторыхъ сторонъ возникаютъ серьезныя затрудненія, и пришлось даже обратиться къ герцогу курляндскому, дабы вліяніемъ его свѣтлости, по крайней мѣрѣ, назначено было по оному особое совѣщаніе. Можетъ быть все это и такъ; меня на слѣдующій день дѣйствительно посѣтилъ посланный герцога. Бестужевъ, во всякомъ случаѣ, дѣйствовалъ съ добрымъ намѣреніемъ и имѣлъ право на мою благодарность, потому я поблагодарилъ его въ

been required of count Osterman, he recapitulated the transactions here in order to inform the new cabinet minister of the present state of affairs, and to give him the thread of business, his excellency dressed it up in a way so negligently in every other respect, but in the studied confusion of it, that nobody could make head nor tail of his performance. As this was no doubt with a view of keeping everybody out of the secret, in order to render himself the only necessary man, Her Czarish Majesty was extremely displeased, and the duke of Courland so piqued at this piece, that m-r Brevern and the Czarinna's private secretary were sent last week to let him know, that this method of proceeding and his excellency's dilatoriness in other points (meaning our negociation) would at last tire everybody here. This is a sort of storm in which his excellency has been often and knows well how to steer through, but it may have the immediate effect to make him keep up the appearance of quickening his pace, though I am afraid, that, as he has been so heartily spurred on, he will prove proportionately resty and employ all his parts and art to throw rubs in my way and to clog the conclusion of our negociation, however I wish my health would allow me to run the risk, whereby at least His Majesty will be in a better condition to know, what he may or may not expect here.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

самыхъ любезныхъ выраженіяхъ. Я также изъ очень достовѣрнаго источника слышалъ, что отъ графа Остермана потребовали отчета въ его дѣйствіяхъ. Онъ, для ознакомленія новаго кабинета-министра съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, со всѣми нитями ихъ, перечислилъ какія съ кѣмъ ведутся сношенія, но все остальное въ отчетѣ изложилъ до того небрежно, что никто въ немъ толку добиться не могъ. Это сдѣлано было очевидно съ цѣлью устранить всѣхъ отъ сущности дѣла, дабы показать себя человѣкомъ необходимымъ. Ея Величеству это очень не понравилось, герцогу же показалось до того обиднымъ, что на прошлой недѣлѣ къ графу отправлены были Бреверпъ и личный секретарь Государыни съ замѣчаніемъ, что какъ эта выходка, такъ и медлительность графа въ другихъ дѣлахъ (намекалось очевидно на наши переговоры) становятся наконецъ утомительными. Это одна изъ тѣхъ бурь, которыя не разъ обрушивались на вице-канцлера, и изъ которыхъ онъ умѣетъ выходить невредимымъ, но она можетъ вызвать въ немъ желаніе показать себя дѣятельнымъ. Опасаюсь, однако, какъ бы, претерпѣвъ такія энергическія напоминанія, онъ не выказалъ соотвѣтственнаго упрямства, и не употребилъ всего своего искусства на то, чтобы затруднить мой успѣхъ и такъ или иначе все-таки замедлить рѣшеніе нашего дѣла. Желаю, тѣмъ не менѣе, чтобы здоровье позволило мнѣ рискнуть на рѣшительное столкновеніе, хотя бы только съ цѣлью поставить его величество въ извѣстность, на что здѣсь можно, на что нельзя надѣяться.

№ 51. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, September the 13th 1740.

I received the 11th instant o. s. your lordship's last dispatch of the 24th August, to which I shall endeavour to return the best answer I can, though my health has not yet allowed me to stir abroad, but if I do not find myself too much fatigued with this day's work, I propose to go to court to-morrow without the weather proves very bad. The king's most gracious approbation of my conduct must be infinitely satisfactory to me, and at the same time the best remedy I could have for that great lowness of spirits I labour under, and which has been the worst part of my indisposition.

Your lordship will have seen by my letter of the 23rd past, that I had been so luckly as to have already executed the king's orders to abstain from pressing count Osterman farther on the depending treaty, and that I had declared to his excellency that very morning, that I would mention it to him no more, but wait for his calling upon me, and I should have kept my word had my health allowed me to have seen that minister regularly, for, from a strong reason your lordship alledged, I felt that I neither should advance the negociation, nor act according to the king's dignity, if I had ap-

---

№ 51. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 13-го сентября 1740 г. (24-го сентября н. ст.).

11-го сентября ст. ст. я получилъ послѣднее письмо вашего превосходительства отъ 24-го августа. Постараюсь добиться возможно благопріятнаго отвѣта на него, хотя до сихъ поръ здоровье еще не позволяетъ мнѣ выйти изъ дому. Если однако работа послѣднихъ дней не отзовется на мнѣ крайнимъ утомленіемъ и погода будетъ не очень дурна, думаю завтра выѣхать ко двору. Милостивое одобреніе моего поведенія со стороны короля несказанно радуетъ меня и является лучшимъ средствомъ противъ того упадка духа, съ которымъ я работаю, и который составляетъ, пожалуй, самую важную сторону моей болѣзни.

Изъ письма моего отъ 23-го минувшаго августа ваше превосходительство усмотрите, что мнѣ посчастливилось уже заблаговременно выполнить приказанія его величества о пріостановкѣ настояній по поводу договора передъ графомъ Остерманомъ. Я именно въ то же утро заявилъ графу, что болѣе и не упомяну ему объ этомъ дѣлѣ, а буду дожидаться, когда онъ пришлетъ за мною, и я сдержалъ бы слово даже въ случаѣ, если бы здоровье позволяло мнѣ навѣдываться къ нему въ опредѣленные сроки, такъ какъ вполнѣ сознаю справедливость приведенной вашимъ превосходительствомъ мысли: просить какъ милости того, въ чемъ здѣсь должны видѣть взаимную,

peared to beg, as a favour, what must be looked upon here equally and reciprocally advantageous to Russia, or it could never be carried through on a proper foot, nor indeed with any prospect of success.

Upon this occasion give me leave to assure your lordship, that the Czarinna and the duke of Courland both see the treaty in this light, nor are their sentiments and dispositions altered, at least to the best of my judgement: the delays as your lordship will have seen in my late dispatches, have all proceeded from count Osterman, partly out of his old prussian inclination, and the rest—from his deference to France, for whose ministers, and cardinal Fleury especially, he affects to express a great regard and esteem, in return, as I am told, of a strong dose of flattery they, and his eminency in particular, bestow on him upon all occasions, though to me, he always adds, that he is an enemy to their measures, which, he thinks, without a stop be put to them, must sooner or later be fatal to the rest of Europe; no doubt also but that minister believes, that in the present juncture their alliance is necessary, and would therefore by hanging bring us to his terms.

As it was no very difficult matter for me to penetrate into these untoward dispositions of his and to find that the duke of Courland's were much more favourable, your lordship will have seen that I took care

---

равную для обѣихъ сторонъ выгоду — было бы и безполезно для успѣха дѣла, и несогласно съ достоинствомъ короля. Только такимъ путемъ переговоры и могутъ быть ведены надлежащимъ образомъ и съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ.

Позвольте при этомъ увѣрить ваше превосходительство, что договоръ представляется въ такомъ же свѣтѣ и Царицѣ, и герцогу курляндскому; ихъ отношенія къ договору не измѣнились, по крайней мѣрѣ на сколько могу судить я. Задержка, какъ ваше превосходительство могли убѣдиться изъ моихъ донесеній, вызвана была исключительно графомъ Остерманомъ, отчасти вслѣдствіе его ископныхъ прусскихъ симпатій, отчасти вслѣдствіе его вниманія къ Франціи, къ министрамъ которой, и преимущественно къ кардиналу Флери, онъ питаетъ большое уваженіе и расположеніе въ отвѣтъ на чрезвычайную лесть, расточаемую передъ нимъ этими министрами и особенно кардиналомъ при всякомъ случаѣ. Мнѣ, впрочемъ, графъ постоянно говоритъ, будто къ мѣропріятіямъ версальскаго двора относится враждебно, сознавая, что они — если не остановить ихъ — рано или поздно окажутся губительными для Европы. Несомнѣнно, однако, и то, что, по мнѣнію графа, въ настоящее время дружба съ Франціей полезна, и онъ, затягивая дѣло, надѣется склонить насъ къ своимъ взглядамъ.

Мнѣ не трудно было разгадать мотивы этого упорства и догадаться о болѣе благопріятномъ настроеніи герцога курляндскаго; потому, какъ вашему превосходительству извѣстно, я старался въ частной аудіенціи обратиться къ его свѣтлости, и не безъ

in the private audience to address myself to his highness and your lordship will have remarked with what good effects I did it, but hope to be more sensible of them in the course of the negociation, when I am once fairly got into it, for the duke of Courland told me plainly, that he must act with a sort of caution and reserve, not to appear to force on this affair, contrary and in direct opposition to Her Czarish Majesty's minister's opinion, because the late state criminal Wolinsky, who had been one of them, had in the strongest and most odious colours painted out his highness, as if he had been the author of the polish first, and then of the turkish war, and pretended also to foretell, that, by running this court headlong into an english alliance, he, the duke, would likewise precipitate Moscovy into a third war — with France. However his highness has been better than his word, for without his interposition I should not have hoped to have heard of a conference so soon as I may from his late messages now expect to have one. I hope therefore that the duke will perform, as well the remainder of his promise, and employ his credit and influence in removing to the utmost of his power those difficulties which may arise in the conferences, which, without that prince's assistance, I am sure would be insuperable, at least for a certain time, and till the affairs of Europe perhaps, of the north certainly, shall take such a turn, as count Osterman may think an alliance with His Majesty absolutely necessary not for England, but for Russia's sake.

успѣха. Надѣюсь, что послѣдствія этой аудіенціи скажутся еще болѣе явно, когда мы, наконецъ, рѣшительнѣе приступимъ къ переговорамъ: герцогъ курляндскій прямо высказалъ мнѣ, что вынужденъ дѣйствовать осторожно, осмотрительно, не выказывая стремленія вынудить извѣстное рѣшеніе вопреки воззрѣніямъ министровъ, прямо на перекоръ ихъ взглядамъ, такъ какъ недавно казненный государственный преступникъ Волынскій, передъ тѣмъ тоже бывшій въ числѣ министровъ, изображалъ герцога самыми рѣзкими и непривлекательными чертами единственнымъ виновникомъ и польской, и турецкой войны, и пытался предсказывать что, вовлекая Россію въ опрометчивый союзъ съ Англіей, герцогъ впутаетъ ее еще въ новую распрю съ Франціей. Герцогъ, однако, далъ болѣе, чѣмъ обѣщалъ: безъ его вмѣшательства я не надѣялся бы на скорое совѣщаніе по нашему дѣлу, на которое надѣюсь теперь, ввиду недавнихъ извѣстій отъ его свѣтлости. Расчитываю, что герцогъ выполнитъ и остальную долю своихъ обѣщаній: употребитъ свою силу и вліяніе на устраненіе затрудненій, которыя могутъ возникнуть при совѣщаніяхъ, и безъ помощи герцога, я увѣренъ, оказались бы непреодолимыми, по крайней мѣрѣ въ теченіе долгаго времени, пока европейскія дѣла не примутъ на сѣверѣ оборота, при которомъ графъ Остерманъ признаетъ союзъ съ его величествомъ крайне необходимымъ не въ выгодахъ Англіи, а въ собственныхъ видахъ Россіи.

The seraskier and the other turkish prisoners of note set out from hence last sunday, which looks as if the difficulties started by the turks about the sending back the russian prisoners were in a way of accommodation; however these turks will return home by such slow journeys, that, should this court not be entirely satisfied on this head, it can easily stop them on the road. I do not yet find that the exchange of the turkish embassy nor the route of the two ambassadors are yet settled. I heard also the other day that the persian ambassador is arrived on the frontiers. Should this intelligence be prematurate, it cannot be of any consequence.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 52. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, September the 16th 1740.

The fatigue of the last post, and the weakness still remaining from my indisposition prevented my going to court sunday, as I proposed, though I should not have had the honour of seeing the Czarinna that day, had I been able to go to court, for Her Majesty let blood in the foot the friday before, which brought upon her a slight fit of the gout, which confined her to her

---

Сераскиръ и прочіе знатные плѣнные изъ турокъ выѣхали отсюда прошлое воскресенье. Это даетъ основаніе заключить, что недоразумѣнія по возвращенію русскихъ плѣнныхъ изъ Турціи устранены. Впрочемъ возвращеніе турокъ расчитано съ такими остановками на пути, что, въ случаѣ какого либо новаго неудовольствія русскаго двора по обмѣну плѣнныхъ, путниковъ еще легко остановить по дорогѣ. Не слыхать также, чтобы обмѣнъ посольствъ и пути слѣдованія пословъ между С.-Петербургомъ и Константинополемъ были улажены. Слышалъ я также на дняхъ о прибытіи персидскаго посла на границу. Если, впрочемъ, это извѣстіе и преждевременно, значенія оно имѣть не можетъ.

№ 52. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 16-го сентября 1740 г. (27-го сентября н. ст.).

Утомленіе отъ корреспонденціи, отправленной съ прошлою почтой, и слабость, все еще не покидающая меня вслѣдствіе болѣзни, не позволили мнѣ явиться ко двору прошлое воскресенье, какъ я было предполагалъ. Впрочемъ я во всякомъ случаѣ не имѣлъ бы чести видѣть Государыню, такъ какъ прошлую пятницу Ея Величество подверглась кровопусканію изъ ноги, которое повлекло за собою легкій приступъ подагры, вынудившій Государыню оставаться въ своихъ внутреннихъ аппартаментахъ.

chamber, and, I believe, she is actually doing me the honour of sitting on an easy chair of mine, which she sent for sunday morning to see and has hitherto kept.

I let blood myself last night in the foot and with a very good effect, having found my head greatly relieved, so that I think that I shall certainly be able to go abroad thursday next, and was in the mean time glad to escape the fatigue of m-r de la Chetardie's great entertainment to day.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 33).

№ 53. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Lintzburgh, September the 18th 1740.

I have laid your two letters of the 23rd and 26th August o. s., before the king, who was pleased with the particular accounts you therein gave of your several conversations with the russian ministers * upon the subject of our treaty so long depending at that court, and although His Majesty cannot but be dissatisfied with the dilatory and evasive answers you have hitherto received, yet, as they continue constantly to give such strong assurances of their real disposition to unite themselves strictly with him and to contract the necessary engagements for that purpose, the king is willing

---

Въ настоящее время она, кажется, дѣлаетъ мнѣ честь — пользуется спокойнымъ кресломъ, мнѣ принадлежащимъ. Она прислала за нимъ прошлое воскресенье поутру, дабы взглянуть на него, и оставила его у себя.

Я и самъ пускалъ себѣ кровь изъ ноги съ большимъ успѣхомъ: головѣ моей много легче. Полагаю, что въ слѣдующій четвергъ въ состояніи буду выѣхать. Очень радъ, что болѣзнь по крайней мѣрѣ дала мнѣ предлогъ избавиться сегодня отъ большаго обѣда у Шетарди.

№ 53. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Линцбургъ, 18-го сентября 1740 г. (29 сентября н. ст.).

Я предъявлялъ королю донесенія ваши отъ 23-го и 26-го августа ст. ст. Его величество очень доволенъ былъ присланнымъ вами подробнымъ изложеніемъ разговоровъ вашихъ съ русскими министрами по вопросу о трактатѣ, который такъ затягивается русскимъ дворомъ. * Хотя уклончивые и оттягивающіе рѣшеніе отвѣты, полученные вами до сихъ поръ, могутъ быть только непріятны королю, онъ — ввиду рѣшительныхъ увѣреній въ готовности русскаго правительства вступить въ тѣснѣйшій союзъ съ нимъ — склоненъ предположить — не служитъ ли препятствіемъ нашему союзу

to believe that their apprehensions of France being able to embroil their yet unfinished affairs with the Porte, may be the chief obstacle to their concluding with us, and that, as a little time may put them out of that dependency, they may soon accomplish what they pretend to have so much at heart towards His Majesty. The king therefore will not despair of your succeeding in time, and would have you continue to pursue that negociation in the manner prescribed in my former letters.

The king, having observed in the first of your said letters, that count Osterman seemed to complain of your reservedness in not opening to him His Majesty's views and proceedings in the several courts of the north and particularly with respect to the gaining the king of Prussia, insinuating that they might be of use in carrying on such views, if acquainted with them, to obviate therefore for the future all such causes of complaint, whether really intended as such, or flung out purely to shift off the entering upon the object of your mission, you may, in confidence, acquaint that minister, and also the duke of Courland, that, as the king has truely nothing so much at heart as the preserving the peace of the north and the balance of power in Europe, his best endeavours have been constantly employed in the several courts of Europe, whenever he thought they might be conducive to those ends. It is with that view that the king so earnestly desires to unite himself with Her

---

исключительно опасеніе, какъ бы Франція не запутала еще не разрѣшенныхъ споровъ Россіи съ портою? Черезъ короткое время эта зависимость отъ Франціи можетъ прекратиться и русскій дворъ въ состояніи будетъ выполнить душевное свое желаніе о сближеніи съ королемъ; потому его величество не отчаивается въ вашемъ успѣхѣ въ свое время и предлагаетъ вамъ продолжать переговоры согласно съ инструкціями, данными вамъ въ предыдущихъ моихъ письмахъ.

Усмотрѣвъ въ первомъ изъ упомянутыхъ писемъ вашихъ, что графъ Остерманъ будто жалуется на сдержанность, съ которою король раскрываетъ свои виды и дѣйствія при сѣверныхъ дворахъ, особенно свои планы по поводу привлеченія къ союзу короля прусскаго; что графъ указываетъ притомъ какъ бы на поддержку, которую можетъ оказать планамъ короля, разъ они будутъ ему извѣстны, его величество — желая устранить на будущее время всякіе поводы къ такимъ жалобамъ, не взирая на то, искренни онѣ или измышлены только съ цѣлью уклониться отъ разговоровъ по предмету вашей миссіи — приглашаетъ васъ конфиденціально сообщить графу, а также герцогу курляндскому, что, сердечно озабоченный сохраненіемъ мира на сѣверѣ и равновѣсіемъ силъ въ Европѣ, онъ всячески и всегда при всѣхъ европейскихъ дворахъ поддерживаетъ мѣры, которыя признаетъ полезными этой цѣли. Ради той же цѣли король такъ искренно желаетъ сблизиться съ Ея Царскимъ Величествомъ, видя въ союзѣ съ нею основу системы, къ которой могутъ присоединиться и другія правительства, дабы поставить преграды

Czarish Majesty, as looking upon such a union to be a most proper foundation for a general system, wherein other powers might be brought to join, in order to form a barrier against the ambitious views of those, who may be disposed to invade the liberties of mankind, and being persuaded that nothing could more conduce towards bringing the king of Prussia in particular into right measures and a right way of thinking, than such a union, and you may at the same time assure those ministers that the king has not, nor will neglect anything in his power, that can be reasonably expected from him, for the gaining of that prince, as a proof of which, you may in the greatest confidence let them know, that the king will be willing, in conjunction with the Czarinna, to enter into engagements, upon proper conditions, with the king of Prussia, for obtaining for him a reasonable share of the succession of Bergues and Juliers, which is the present great object of that prince's views, and, if you find a disposition in the court where you are towards such a work, you will concert with them the properest means for our cooperating for the success of it.

As to what we have done and are doing in Sweden, they are fully apprised of it, and you may assure them that the king will be disposed still to go further, as occasion shall require, according to the prospect which shall appear of succeeding thereby.

Nor has His Majesty been less intent upon keeping Denmark from

---

тщеславнымъ видамъ всякой державы, которая вздумала бы покуситься на свободу человѣчества. Въ томъ же союзѣ онъ видитъ въ частности и лучшее средство привлечь короля прусскаго на истинный путь, къ правильнымъ воззрѣніямъ. Можете въ то же время увѣрить русскихъ министровъ, что король не упуститъ ничего, въ власти его состоящаго, ничего разумно-возможнаго, дабы привлечь юнаго монарха на свою сторону. Въ доказательство такихъ стремленій можете совершенно конфиденціально сообщить о готовности короля, вмѣстѣ съ Царицею, войти, на опредѣленныхъ условіяхъ, съ королемъ прусскимъ въ соглашеніе по присвоенію ему разумной доли Юлихъ-Бергскаго наслѣдства, составляющаго въ настоящее время серьезную заботу молодаго короля. Если вы замѣтите въ с.-петербургскомъ дворѣ склонность къ осуществленію такого плана, можете войти съ нимъ въ переговоры о лучшихъ путяхъ къ достиженію предположенной цѣли общими усиліями нашими.

Что нами сдѣлано и что мы дѣлаемъ въ Швеціи, русскій дворъ знаетъ самъ. Можете заявить, что король расположенъ итти и далѣе, сообразуясь съ обстоятельствами, какъ представится наиболѣе удобнымъ для достиженія желательнаго успѣха.

Король не менѣе озабоченъ и вопросомъ о томъ, какъ бы не допустить Данію

falling into wrong hands, His Majesty having even insinuated to that court, that a body of their troops might be actually taken into the king's service and pay, on condition of that crown's consenting thereupon to prolong our present treaty with them for a further number of years, which is such a bait to that necessitous court, that, if our informations are to be depended upon, they will scarcely be able to withstand.

The king is likewise making all proper representations for engaging the emperor and the States General to join with His Majesty in such a plan as may be necessary for securing the great and salutary ends abovementioned, and your court may be assured, that no endeavours will be wanting on our part for that purpose.

The several confidences which you are hereby authorized to make to the Czarinna's ministers with respect to the king's views and proceedings, are so strong proofs of His Majesty's particular regard to that princess and of his entire reliance upon her good intentions and friendship, that the king cannot but promise himself an equal freedom and openess in return, and a hearty concurrence in those measures which have been so strongly recommended on her part; and you may assure the russian ministers, that, in case His Majesty meets with the same cordiality from them, which will be sufficiently judged of by the effect, which your present communications shall

---

до подчиненія дурнымъ вліяніямъ. Его величество внушилъ даже копенгагенскому двору, что готовъ принять на свою королевскую службу и на свое иждивеніе корпусъ датскихъ войскъ въ случаѣ, если дѣйствіе англо-датскаго трактата будетъ продолжено на опредѣленное число лѣтъ. Для нуждающагося датскаго двора это такой соблазнъ, что—на сколько можно довѣрить доходящимъ до насъ извѣстіямъ—противустоять ему въ Копенгагенѣ врядъ ли могутъ.

Король точно также прилагаетъ всяческія старанія, дабы склонить императора и генеральные штаты въ пользу вышевыясненныхъ великихъ и благихъ цѣлей. Русскій дворъ можетъ быть увѣренъ, что для достиженія желаемаго результата недостатка въ заботахъ съ нашей стороны не будетъ.

Сообщенія, которыя вы симъ уполномочены сдѣлать русскимъ министрамъ о видахъ и намѣреніяхъ короля, являются столь явными доказательствами особеннаго уваженія его къ Ея Царскому Величеству и его совершеннаго довѣрія къ ея взглядамъ и къ ея дружбѣ, что король не можетъ не льстить себя надеждою на взаимную откровенность со стороны Россіи и на искреннее содѣйствіе планамъ, уже вполнѣ одобреннымъ Царицей. Можете увѣрить русскихъ министровъ, что его величество, встрѣтивъ столь-же сердечныя отношенія къ общему дѣлу съ ихъ стороны (объ этихъ отношеніяхъ легко будетъ судить по тому, какое впечатлѣніе произведутъ ваши сообще-

produce, the king will have no reserve for the future for the Czarinna, but act in everything in the most intimate concert with her * [1]). . . .

You will doubtless have heard of the departure of the Toulon and Brest squadrons, and of the declarations said to have been made by France in the several courts of Europe thereupon, but, as the french minister in England has not, as yet, taken any notice of it, though the cardinal Fleury told lord Waldegrave he had orders to do it, I must defer till m-r de Bussy shall have executed them, writing particularly to you upon that subject. . . .

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 54. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, September the 20th 1740.

Thursday the 18th the princess Anne received the visits of the foreign ministers on her lying in, and as I was tolerably well, I also paid my court to her highness on that occasion. As it was only half an hour after eleven when I came from thence, I sent to desire to wait on count Osterman the same morning and received answer that his excellency was too busy then,

---

нія), король впредь не будетъ имѣть никакихъ тайнъ отъ Царицы, будетъ дѣйствовать въ совершенномъ согласіи съ нею * [1])....

Вы безъ сомнѣнія уже слышали о выходѣ въ море эскадръ тулонской и брестской и о сдѣланной при всѣхъ европейскихъ дворахъ деклараціи по этому поводу. Хотя кардиналъ Флери заявилъ лорду Вельдгрэву, будто и представителю Франціи при великобританскомъ дворѣ даны приказанія сдѣлать надлежащее заявленіе, но онъ еще никакихъ объясненій намъ не представилъ. Прежде чѣмъ писать вамъ болѣе подробно по этому поводу, подожду, чтобы де-Бюсси выполнилъ данныя ему инструкціи. . .

№ 54. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 20-го сентября 1740 г. (1-го октября н. ст.)

Въ четвергъ, 18-го сентября, принцесса Анна Леопольдовна принимала представителей иностранныхъ дворовъ съ поздравленіями по случаю благополучнаго разрѣшенія. Я чувствовалъ себя сносно, потому тоже являлся къ ея высочеству. Когда вышелъ отъ нея, было только половина двѣнадцатаго, потому я послалъ къ графу Остерману спросить — могу ли посѣтить его; но графъ отвѣтилъ, что слишкомъ за-

---

1) Строки отъ * до * писаны шифромъ.

but possibly might be more at leisure in the afternoon; upon which I sent my servant back to acquaint his excellency that, as that was the first day of my going abroad, it would be impossible for me to dispense with my making my court to the Czarinna to return Her Majesty my thanks for the honour she had done me in enquiring so often after my health. So that as the hours of the drawing room were just those of his excellency seeing company, I hoped that he would either see me that morning, or give me an hour the next day, which was yesterday. After my servant had waited some time till the company the count had with him was retired, his excellency excused himself again for that morning, on account of his business. Yesterday morning the duke of Courland did me and all my young company the honour to invite us to see his fine stable of horses and his managed ones ride, which was the compleatest thing I ever saw of the kind. This prevented my sending to count Osterman before the afternoon, when I again received an excuse of business.

I received yesterday morning (which makes the latest post I have yet seen here) your lordship's dispatch of the 4th (15th) instant with the king's answer to the Czarinna and I return your lordship my most humble thanks for the contents of yours, which I have noted.

нятъ, что можетъ быть будетъ свободнѣе послѣ полудня. На это я отправилъ своего слугу извѣстить его сіятельство, что вышелъ въ первый разъ изъ дому послѣ болѣзни, и не могу не явиться къ Царицѣ, дабы поблагодарить Ея Величество за милостивое вниманіе, которое она выказала мнѣ, такъ часто присылая освѣдомиться о моемъ здоровьи; что я опасаюсь, какъ бы часы пріема у Государыни не совпали съ его пріемнымъ часомъ, потому надѣюсь, графъ или приметъ меня до полудня, или назначитъ часъ для бесѣды на слѣдующій (вчерашній) день. Мой слуга подождалъ нѣкоторое время у графа, пока у него были посѣтители; затѣмъ, когда они удалились, его сіятельство вновь просилъ извиненія, что, ввиду множества занятій, въ то же утро принять меня не можетъ. Вчера поутру герцогъ курляндскій сдѣлалъ мнѣ и всей моей молодой компаніи честь пригласить насъ поглядѣть на его прекрасныя конюшни и на выѣздку его верховыхъ лошадей. И то, и другое — совершенство въ своемъ родѣ. Это приглашеніе помѣшало мнѣ послать къ графу Остерману до полудня. Графъ опять отвѣчалъ извиненіями, ссылаясь на свои занятія.

Вчера поутру (т. е. съ послѣдней прибывшей сюда до сегодня почтой) я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 4-го (15-го) сентября съ отвѣтомъ короля на письмо Царицы. Почтительнѣйше благодарю ваше превосходительство за ваши строки, содержаніе которыхъ приму къ свѣдѣнію.

The person with count Osterman thursday noon, was m-r Mardefeldt, the prussian minister, who, of late especially, is more assiduously there than ever, sees his excellency oftener than all the foreign ministers together, and can have access at any time, even when refused to others. M-r Bestuchef told me on thursday, in the utmost confidence, that our project of the treaty delivered by me to count Osterman had been examined in the cabinet, and that a counter-project was actually forming, and would be soon finished by m-r Bevern, and then delivered to me. Your lordship remembers that in m-r Rondeau's life, notwithstanding all his instances the count would never be prevailed with to frame such a one, and no doubt but he now does it only to gain time. However should such a one be communicated to me, I hope that the king, our master, will approve of my desiring a conference, as I design to do, in order to explain the reasons, motives, and stipulations of His Majesty's project, which may be necessary to clear up matters, and bring both sides to understand each other better, and this will be the more necessary, because the cabinet minister above also told me, that by the scheme here, the king of Prussia, the king of Denmark, the king of Poland and the States General are to be formally named and comprehended in the treaty, and invited immediately to accede to it. As this is directly contrary to the king's desire, for the strong reasons alledged in your lordship most

---

Лицо, бывшее у графа Остермана прошлый четвергъ, въ полдень, — прусскій посланникъ Мардефельдъ, который, за послѣднее время особенно, усердно посѣщаетъ графа, видится съ нимъ чаще всѣхъ прочихъ представителей дипломатическаго корпуса вмѣстѣ взятыхъ, и пользуется доступомъ къ нему во всякое время, даже когда другимъ отказываютъ. Въ четвергъ же Бестужевъ совершенно конфиденціально сообщилъ мнѣ, что нашъ проектъ, переданный мною графу Остерману, разсматривали въ кабинетѣ, что Бревернъ въ настоящее время составляетъ и вскорѣ окончитъ контръ-проектъ, который затѣмъ переданъ будетъ мнѣ. Ваше превосходительство вспомните, что при жизни Рондо, не смотря на всѣ его настоянія, графа никакъ нельзя было склонить на составленіе контръ-проекта; теперь же онъ затѣялъ его, конечно, единственно съ цѣлью выиграть время. Какъ бы то ни было, король, государь нашъ, надѣюсь одобритъ мое намѣреніе потребовать, по врученіи мнѣ контръ-проекта, совѣщанія для изложенія причинъ, мотивовъ, соображеній королевскаго проекта, которые должны выяснить дѣло и привести обѣ стороны къ лучшему взаимному пониманію. Это особенно необходимо ввиду указанія Бестужева, будто въ контръ-проектѣ короли прусскій, датскій и польскій, а также генеральные штаты прямо названы сопричастными договору и приглашаются немедленно приступить къ союзу, вопреки желанію его величества, серьезныя основанія котораго приведены въ секрет-

secret instructive letter to the late m-r Rondeau with the second project, I shall endeavour to set them in the best light, and if without success, I shall then send the messenger Kuoni away with the result of the conference, and the project of this court, in order to receive His Majesty's further instructions.

In order to have the apparent eclat of a turkish embassy here before the assembly of the swedish diet, I hear that the turkish ambassador having opinionatred the route through the deserts instead of the other more convenient one through Poland proposed by this court, it has at last been agreed to here, and that the necessary orders have been dispatched to m-r Romantzow, that the exchange of the two ambassadors should be made in the deserts between Kioff and Bender.

Count Osterman sent today a writer in the cabinet to know—if I had any objections to the new form of passeports? I answered that I had transmitted to your lordship, and if I could have seen his excellency either yesterday or the day before, I might have had some discourse with him upon it, as well as on the hides and leather, that however I hoped soon to have the honour of waiting upon him, though I could not do it today, should he be at leisure, both on account of a diarrhea I have got, and also the business of my post, which will not allow me to quit my table a moment, since I cypher and decypher everything myself. I took this opportunity to send the count

---

нѣйшей инструкціи вашего превосходительства покойному Рондо, приложенной ко второму проекту. Постараюсь выяснить эти основанія возможно лучше, если же старанія мои окажутся безуспѣшными, отправлю къ вамъ курьера Куони съ отчетомъ о совѣщаніи, съ проектомъ русскаго двора, и съ просьбою снабдить меня дальнѣйшими инструкціями.

Я слышалъ будто русскіе министры, руководимые желаніемъ блеснуть пріемомъ турецкаго посла еще до созванія шведскаго сейма, уступили его настояніямъ о проѣздѣ степями, а не болѣе удобной, предложенной русскимъ дворомъ, дорогой черезъ Польшу. Принявъ, наконецъ, такое рѣшеніе, отсюда послали Румянцеву приказаніе распорядиться проѣздомъ пословъ степью между Кіевомъ и Бендерами.

Сегодня графъ Остерманъ присылалъ кабинетскаго писаря спросить—не имѣю ли я возразить чего либо по поводу новой формы паспортовъ? Я отвѣчалъ, что сообщилъ новую форму вашему превосходительству и охотно бы еще поговорилъ съ графомъ о ней, да кстати и о кожаномъ и юфтяномъ товарѣ; что вскорѣ надѣюсь повидать графа, но не могу повидать его сегодня, если онъ даже и свободенъ, вслѣдствіе діарреи, которой страдаю, и ввиду почты, не позволяющей мнѣ отойти отъ стола, такъ какъ я самъ шифрую и разбираю шифръ самъ. Я воспользовался случаемъ от-

a translated copy of the king's answer to the Czarinna, that I may have the honour of presenting it to Her Majesty to-morrow, if my new indisposition will allow me to go to court.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 55. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, September the 23rd 1740.

The new indisposition I mentioned in my last being pretty well over by the same evening, I sent to desire an hour of count Osterman the next morning, but his excellency was shut up with somebody and so busy, that nobody could go in to him, though he afterwards sent a secretary of the cabinet to let me know that the translated copy of the king's answer to the Czarinna's notification of the young prince's birth was in due form, but that Her Majesty's gout would prevent her seeing company and by consequence my presenting the original that afternoon at the drawing room. However I took the opportunity to tell the secretary the message I had sent to the count that morning, and the answer I had received, and added, that as the post was not then come in, I was in hopes that his excellency might have a leisure moment, and if he had, how glad I should be, if he would allow me to make use of it, especially since I had not had the honour of

---

править графу копію королевскаго отвѣта на письмо Царицы, дабы имѣть возможность завтра же вручить этотъ отвѣтъ Ея Величеству, если только новая болѣзнь дозволитъ мнѣ явиться ко двору.

№ 55. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 23-го сентября 1740 г. (4-го октября н. ст.).

Вполнѣ оправившись въ тотъ же вечеръ отъ новаго недуга, о которомъ я упоминалъ въ прошломъ письмѣ, я послалъ къ графу Остерману съ просьбою назначить мнѣ часъ для бесѣды на слѣдующее утро; но графъ заперся съ кѣмъ-то и былъ такъ занятъ, что къ нему не рѣшились войти съ докладомъ. Позже онъ, однако, прислалъ секретаря кабинета извѣстить меня, что переводъ королевскаго отвѣта на извѣщеніе Царицы о рожденіи великаго князя не вызываетъ никакихъ замѣчаній; но подагра не позволяетъ Ея Величеству принимать никого, потому мнѣ нельзя будетъ вручить ей оригиналъ послѣ полудня. Я воспользовался случаемъ и передалъ секретарю, какъ поутру посылалъ къ графу и какой отвѣтъ получилъ, присовокупивъ, что почта еще не пришла, и потому, быть можетъ, графъ найдетъ досугъ принять меня; что я съ особеннымъ удовольствіемъ повидалъ бы его, такъ какъ уже три недѣли не имѣлъ

seeing him these three weeks. The secretary went thither and immediately came back to let me know that the count would see me between 11 and 12 that morning and accordingly I crawled out thither and found the cabinet minister Bestuchef with him. As they seemed to have business together, my visit was so short, that I must own to your lordship my having forgot to mention to him the affair of the corn on the king's electoral ministers memorial, but I hope that this will be of no prejudice, nor that the thing itself will meet with any great difficulty, having just before my illness spoke to the duke of Courland about it by his marshal Keyserling, and his highness having done me the honour to tell me friday last at his stables by the same gentleman that he doubted not but Her Majesty would grant this request, when I should have orders to make it in form. I should have mentioned this last post, but my indisposition and the fatigue of working myself occasioned the omission. I had however, in the course of our short conversation, opportunity just to hint at the several articles of your lordship's dispatches, which I had received during my illness relative to the king of Denmark, the king of Prussia, the States General and the hessian subsidiary treaty, but I could not enter so fully into all those matters, as I shall soon have the means of doing at a conference, he told me I should be invited to, perhaps tomorrow, and by throwing the several things your lordship has wrote me

---

этой чести. Секретарь ушелъ и немедленно возвратился съ извѣщеніемъ, что графъ будетъ ждать меня между 11-ю и 12-ю того же утра. Я явился въ назначенное время, и засталъ у графа кабинетъ-министра Бестужева. Они, по видимому, работали вмѣстѣ, потому визитъ мой былъ очень коротокъ, и, сознаюсь, я забылъ переговорить о вывозѣ хлѣба согласно меморіи министровъ курфюршества гановерскаго; надѣюсь, однако, что отъ этого вреда не произойдетъ и самое дѣло большихъ препятствій не встрѣтитъ, такъ какъ я передъ самой болѣзнью своей говорилъ о немъ съ герцогомъ курляндскимъ черезъ посредство его гофмаршала Кейзерлинга; въ прошлую же пятницу герцогъ въ своемъ манежѣ черезъ того же Кейзерлинга выразилъ мнѣ увѣренность, что Царица уважитъ мою просьбу, разъ я получу приказаніе обратиться съ нею къ Ея Величеству оффиціально. Я написалъ бы объ этомъ еще съ прошлою почтой, если бы не болѣзнь и не утомленіе отъ работы безъ секретаря. Я едва успѣлъ воспользоваться краткой бесѣдой съ графомъ, дабы намекнуть ему на все, что въ письмахъ вашихъ, полученныхъ за время моей болѣзни, говорится касательно королей датскаго и прусскаго, генеральныхъ штатовъ, гессенскаго договора, о субсидіи, но не могъ высказаться по этимъ вопросамъ съ желательной полнотой, какъ надѣюсь высказаться при совѣщаніи, на которое, по словамъ графа, призванъ буду можетъ быть завтра же, и при которомъ постараюсь изложить все, что ваше превосходитель-

into one view in that order which the different subjects will indicate; it will be impossible, though they open the letters here, ever to be able to know in which dispatch my particular matter was treated of. The only thing I have now to trouble your lordship with, is to inform you, that as miss Taube's two children have been lately sent from Stockholm to an estate the king of Sweden has bought for her in Holstein, and were sent away at the sollicitation of our friends, count Osterman told me that they would be glad that the mother also could be prevailed upon to retire at least during the diet, with the king of Sweden's consent. His excellency added, that this would be the more necessary, because there were strong suspicions that m-r de St. Severin had found means to gain the lady, at least it was certain that he had been of late very assiduous about her (in my time he was not); and besides, as your lordship will recollect the report I left with you which bishop Benzelius dressed up of his conversation with his swedish majesty on the subject of this lady at the close of last diet, which was sealed and deposited in the order of the clergy, it is apprehended, that a bad use may be made of this paper, either to intimidate his swedish majesty by producing it, or of gaining him also by suppressing it, since this is the tenderest point and the only thing which that prince seems to have at heart or to be concerned about. For these reasons count Osterman asked me, whether it would not be

---

ство писали мнѣ, въ общей картинѣ, въ системѣ, сообразно съ предметами, которыхъ вы касались. Хотя здѣсь письма и вскрываются, русскіе министры никогда не будутъ въ состояніи отдать себѣ отчетъ о подробностяхъ данныхъ мнѣ инструкцій. Сегодня обезпокою ваше превосходительство только извѣстіемъ о госпожѣ Таубе: дѣти ея недавно изъ Стокгольма отправлены въ имѣніе, купленное для нея королемъ шведскимъ въ Голштиніи. Сдѣлано это вслѣдствіе просьбы нашихъ друзей. Графъ Остерманъ разсказывалъ мнѣ, что они желали бы также и удаленія матери, съ согласія короля, по крайней мѣрѣ на время сейма. Это особенно желательно, прибавилъ графъ, потому, что есть основаніе подозрѣвать—не нашелъ ли Сенъ-Северенъ средства подкупить эту даму; извѣстно по крайней мѣрѣ, что за послѣднее время онъ очень приблизился къ ней (за мое пребываніе въ Стокгольмѣ близости между ними не было). Ваше превосходительство вспомните, кстати, мое донесеніе о рапортѣ епископа Бенцеліуса касательно бесѣды его съ королемъ шведскимъ по поводу Таубе при закрытіи послѣдняго сейма. Рапортъ этотъ былъ запечатанъ и положенъ на храненіе въ архивы духовенства. Опасаются какъ бы теперь не вздумали употребить этотъ документъ во зло съ цѣлью или устранить короля обнародованіемъ рапорта, или склонить короля на уступки обѣщаніемъ уничтожить его, такъ какъ отношенія къ Таубе—самое чувствительное, даже единственное чувствительное мѣсто его шведскаго величества. По-

possible for the king, our master, by prince William of Hesse, to prevail with the king of Sweden to consent to miss Taube's retiring also to Holstein, only during the assembly of the diet, and his excellency recommended to me to let your lordship know this, which I promised, though I said, that I was afraid the affair was too delicate for prince William to employ and risk his highness's credit upon with his brother.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 56. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, September the 27th 1740.

I received the 25th instant o. s. your lordship's last dispatch of the 7th (18th) September and at the same time a line from m-r Wace of the 9th, acknowledging the reception of mine to your lordship of the 23rd August.

I mentioned to your lordship last post, that I had preparatorily had the honour to speak to the duke of Courland about the affair of corn, and the answer his highness returned me the 19th at his stables; so that, as I have good hopes of succeeding in this matter, I shall not fail to apply for and, if necessary, sollicit this leave.

The memorial fixes the quantity, but does neither specify the time, when

---

тому графъ Остерманъ спрашивалъ — не можетъ ли король, государь нашъ, черезъ принца Уильяма гессенскаго повліять на короля шведскаго, дабы онъ удалилъ Таубе въ Голштинію хотя бы только на время сейма. Графъ просилъ меня написать объ этомъ вашему превосходительству. Я обѣщалъ исполнить его желаніе, прибавивъ, однако, что принцъ пожалуй найдетъ вопросъ слишкомъ деликатнымъ, и не рѣшится рисковать изъ-за него своими отношеніями къ брату.

№ 56. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 27-го сентября 1740 г. (8-го октября н. ст.).

25-го сентября ст. ст. я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 7/18-го сентября и нѣсколько строкъ отъ Вэса отъ 9-го съ извѣщеніемъ о томъ, что мое донесеніе отъ 23-го августа дошло до вашего превосходительства.

Въ прошломъ донесеніи я писалъ о предварительномъ разговорѣ своемъ съ герцогомъ курляндскимъ по вопросу о хлѣбѣ и объ отвѣтѣ, данномъ его свѣтлостью въ его манежѣ 19-го сентября, потому надѣюсь успѣшно покончить это дѣло и получить надлежащее разрѣшеніе, когда оно понадобится.

Меморія означаетъ потребное количество хлѣба, но не упоминаетъ ни о срокѣ

it is to be bought (for shipped so late in the year it cannot be), nor the merchant or factor who is to be employed in the purchase; it would however be proper, perhaps necessary for me to be able to inform this court of both, especially since m-r Zimmerman of Riga, who had the last commission, is since dead.

I acquainted your lordship in my last, that, when I waited on count Osterman sunday the 21st, his excellency told me that the Czarinna's gout would prevent her appearing at the drawing room that evening and by consequence my presenting the king's answer to Her Majesty's late notification of the young prince's birth, and the count told me at the same time, that he would let me know, when this could be done, however, as he might forget it through the multiplicity of his business, I sent to his excellency thursday last the next court day to know, if the Czarinna would appear. He returned me answer, that he would always give me timely notice when I could deliver this letter.

As by this my going abroad became less necessary, I have not stirred out of my house since sunday morning in hopes of confirming my health and recovering my strength, in both which however I make but little progress, which I attribute to the first setting in of winter, for we have had pretty severe frost this week, and since tuesday a good quantity of snow is fallen, of which there is actually half a foot on the ground.

покупки (вывезти хлѣбъ въ такую позднюю пору года нельзя), ни о томъ, какому купцу или посреднику она поручена. Между тѣмъ здѣсь меня могутъ спросить и о томъ, и о другомъ, особенно ввиду послѣдовавшей въ Ригѣ смерти Циммермана, которому поручалось послѣдняя закупка.

Я уже писалъ вашему превосходительству прошлый разъ, какъ воскресенье, 21-го, графъ Остерманъ, при бесѣдѣ со мною, заявилъ, что припадокъ подагры не позволитъ Царицѣ въ тотъ же день выйти изъ внутреннихъ аппартаментовъ, и принять отъ меня отвѣтъ короля на извѣщеніе Ея Величества о рожденіи молодаго принца. Въ то же время графъ обѣщалъ извѣстить меня, когда мнѣ можно будетъ явиться къ Государынѣ. Зная, однако, что ему, за разнообразіемъ занятій, не трудно забыть объ этомъ дѣлѣ, я прошлый четвергъ (т. е. въ слѣдующій же пріемный при дворѣ день) послалъ узнать —выйдетъ ли Ея Величество? Графъ отвѣчалъ, что своевременно увѣдомитъ меня, когда возможно будетъ вручить письмо короля.

Такъ какъ при этихъ обстоятельствахъ мнѣ не было крайней необходимости выходить изъ дому, я съ самаго утра воскресенья сидѣлъ дома въ надеждѣ поправиться и окрѣпнуть здоровьемъ, но плохо успѣваю въ этомъ, что приписываю наступленію зимы. На этой недѣлѣ были уже довольно сильные холода, а во вторникъ выпалъ и порядочный снѣгъ: онѣ лежитъ и до сихъ поръ слоемъ въ полфута.

I hear now that the exchange of the turkish embassy is to be made at a certain place in the deserts between the rivers Dniester and Bug. Though the turkish ambassador was actually set out from Bender on his way to Oczakoff, thinking that, according to the treaty, this ceremony was to have passed on the Konskie Wodi (a little river which falls into the Dnieper and is the sixth, which, according to the map, does so below the thirteen cataracts of the Dnieper), but his turkish excellency, on the strong representations of this court on all the inconviencies attending this route, received orders from the Porte to return to Bender and from thence to take his streight road through the deserts to the Bug. M-r Romantzow on his side will do the same from Kioff and pass that river and after the exchange will proceed to Bender and so to Constantinople, by which means he will leave the polish territories to the right.

As to the negociation, though I begin now almost to touch it with my finger, yet I cannot say that I have laid hold of it with my hand. The prime minister, as I acquainted your lordship last post, told me sunday, that I must make haste to get well, because he would soon have occasion to summon me. I answered, that my health, though worse, would not prevent my obeying any of his orders and especially of this kind. His excellency then said, that he hoped soon that there would not be here any mixture of titles, melange his expression, and he meant «Her Czarish Majesty» and «Imperial

---

Я слышалъ, что посольства русское и турецкое должны встрѣтиться въ опредѣленномъ степномъ пунктѣ между Днѣстромъ и Бугомъ. Турецкій посолъ выѣхалъ было изъ Бендеръ въ Очаковъ, полагая, что, согласно договору, встрѣча состоится при Конскихъ Водахъ — рѣчонкѣ, впадающей въ Днѣпръ (судя по картѣ — шестая рѣчка ниже тринадцати днѣпровскихъ пороговъ), но, ввиду настойчивыхъ разъясненій русскаго двора о неудобствахъ этого пути, онъ получилъ отъ порты приказаніе возвратиться въ Бендеры и оттуда ѣхать прямо степью къ Бугу. Румянцевъ съ своей стороны двинется туда же изъ Кіева; затѣмъ, переѣхавъ Бугъ и повстрѣчавъ турецкаго посла, проѣдетъ далѣе къ Константинополю черезъ Бендеры, оставивъ польскую границу вправѣ.

Что касается переговоровъ о союзѣ — я почти касаюсь ихъ пальцемъ, хотя не могу сказать, чтобы дѣло уже было у меня подъ рукою. Я писалъ вамъ съ прошлою почтой, что вице-канцлеръ въ воскресенье говорилъ мнѣ: «торопитесь поправиться, мнѣ скоро придется пригласить васъ къ себѣ». Я отвѣчалъ, что даже плохое состояніе здоровья не помѣшаетъ мнѣ подчиниться его приказаніямъ, особенно приказаніямъ такого рода. Графъ тутъ же выразилъ надежду, что вскорѣ исчезнетъ и путаница въ титулахъ, смѣшеніе выраженій «царское величество» и «императорское величество». Я замѣтилъ, что, разъ мы приступимъ къ переговорамъ, придется пе-

Majesty». I replied, that he must be sensible that, when we were once entered into this negociation, we should have a great many things to talk of, and that I hoped we should be able to settle them all to mutual satisfaction, for I supposed that neither of us meant to do things by halfs. From what count Osterman said, I expected this summons wednesday last being a sort of idle, or at least more leisure day, between the departure of one post, and the arrival of the next, accordingly I had all my papers ready. This delay was afterwards explained to me, for m-r Bestuchef the next day, thursday, let me know, by a safe hand, that, though a conference was resolved, yet a question had arisen — whether the three ministers or count Osterman should enter into it with me, and that, to avoid any suspicion or umbrage, the last method has been thought the best. Your lordship will see by that, that that minister has dexterity enough always to arrive at his point, as for example the present one was to keep this negociation to himself and thereby to be entirely master of it, as he will be now; otherwise m-r Bestuchef well intentioned and a creature of the duke of Courland's, well-disposed also, would have been a constraint and clogg upon him. So that if we two are to confer together alone, and exchange words of mouth without a secretary or protocol, his excellency's report to the Czarinna will be in his own breast and may be easily very different from mine to the king; this must necessarily

---

реговорить объ многомъ, и мы, надѣюсь, придемъ къ обоюдному соглашенію, такъ какъ никто изъ насъ, вѣроятно, не пожелаетъ остановиться на полупути. Ввиду этихъ словъ графа Остермана, я ожидалъ призыва на прошлую среду, такъ какъ среда — отчасти праздничный, по крайней мѣрѣ сравнительно - свободный день, между отправленіемъ одной почты и прибытіемъ другой. Я подготовилъ всѣ бумаги, однако напрасно. Такое промедленіе, впрочемъ, объяснилось. На другой день, въ четвергъ, Бестужевъ, черезъ вѣрнаго человѣка, далъ мнѣ знать, что назначенное было совѣщаніе отложено вслѣдствіе вопроса — кому вести переговоры со мною: всѣмъ тремъ министрамъ или графу Остерману? Во избѣжаніе всякихъ подозрѣній и недоразумѣній рѣшено поручить ихъ графу. Какъ видите — вице-канцлеръ достаточно ловокъ, чтобы всегда притти къ желаемому результату. Онъ желалъ взять переговоры въ свои руки и стать рѣшительнымъ въ нихъ хозяиномъ; такъ и случилось. Бестужевъ — человѣкъ къ намъ благорасположенный, другой министръ — креатура герцога курляндскаго, относящійся къ намъ также дружелюбно; они могли бы стѣснить графа, помѣшать ему; теперь же мы будемъ совѣщаться съ глазу на глазъ, обмѣниваясь словами безъ секретаря, безъ протокола. Донесенія его сіятельства Государынѣ будутъ вполнѣ безконтрольны, и легко могутъ оказаться несогласными съ моими донесеніями королю; отсюда, пожалуй, возникнутъ недоразумѣнія, способныя совершенно испортить, по крайней мѣрѣ затянуть дѣло, по произволу вице-канцлера. Дабы

create confusion, may totally prevent, and will at least protract the affair just as he himself pleases, to avoid which inconveniency I shall aim at a protocol, and if he declines it, I shall most certainly, after our conference, give in writing an explanation of all the stipulations proposed, their motives and reasons, as your lordship's letter to m-r Rondeau deduces and states them. This must be translated into russ for the Czarinna, and will be so into german for the duke of Courland, by which means they will be both competent judges and be able to decide for or against the expedient of the project. I thanked m-r Bestuchef for his hint, and added, that I was very sorry that he was not to be present, both on account of his good intentions, as well as of the certain emoluments accompanying these things, however, as to the last, I hoped he would be present at the signing, if I was so happy as to sign. I flatter myself that His Majesty will not disapprove my having dropped this, which may be proper to keep his excellency in his good way of thinking, and besides that he is not so easy in his circumstances as to be insensible to a douceur of this kind in so usual a method of it. Give me leave, my lord, to add also, that, if m-r Brevern should on this occasion keep the protocol (for employed he will be), it may be proper to gratify that gentleman also, which in any other so right shape would be hard to do.

избѣжать такого неудобства, постараюсь настоять на веденіи протокола, или, въ случаѣ неудачи, намѣренъ непремѣнно послѣ нашего совѣщанія составить письменное изложеніе всѣхъ предложеній нашихъ съ указаніемъ ихъ основаній, сообразно письму вашего превосходительства къ покойному Рондо. Изложеніе это должно быть переведено по русски для доклада Царицѣ и по нѣмецки — для герцога курляндскаго. Такимъ образомъ и Ея Величество, и герцогъ станутъ компетентными судьями въ нашемъ дѣлѣ и въ состояніи будутъ высказаться за проектъ или противъ него. Я поблагодарилъ Бестужева за данный намекъ и выразилъ сожалѣніе, что его при совѣщаніи не будетъ, такъ какъ въ его добрыхъ намѣреніяхъ увѣренъ, и знаю, что участіе въ подобныхъ переговорахъ влечетъ за собою извѣстныя награды, хотя награда отъ него вѣроятно не уйдетъ, потому что къ подписанію трактата онъ, надѣюсь, будетъ привлеченъ, если, на мое счастье, дѣло дойдетъ до подписанія трактата. Льщу себя надеждой, что его величество одобритъ мой намекъ, который, полагаю, укрѣпитъ его превосходительство въ его добрыхъ взглядахъ: Бестужевъ далеко не такъ обезпеченъ, чтобы презирать подарками въ столь общепринятой формѣ. Позвольте прибавить, что въ случаѣ, если составленіе протоколовъ поручено будетъ Бреверну (къ работамъ по договору онъ во всякомъ случаѣ привлеченъ будетъ), полезно вознаградить и его, такъ какъ трудно найти другой столь же благопріятный случай для подарка ему.

To go on, as count Osterman promised me a summons, so your lordship's late instructions from the king determined me patiently to wait for it. As his excellency found I did, he sent yesterday a secretary under pretence of inquiring after my health, but, I believe, in reality to let drop, as he did, whether I did not want to speak with that minister, and if I did, I should send, and that I might do it even that morning, after having told him my reason for not having done it sooner. I added, that I would however send that very moment. I did so, but received answer that he was too feeble with dispatching his post to Sweden, as I am with mine to your lordship. I will send to-morrow early without fail; your lordship will, I presume, judge that this message was sent me entirely with a view of making it appear that I pressed and sollicited this court.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 57. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Hanover, September the 28th 1740.

I have received and laid before the king your letters of the 2nd, 6th and 9th September o. s., the two former of which have been before acknowledged.

Разъ графъ Остерманъ предувѣдомилъ меня о приглашеніи, я — согласно послѣднимъ инструкціямъ, которыя ваше превосходительство передали мнѣ отъ имени короля—рѣшился спокойно дожидаться приглашенія. Видя это, графъ вчера прислалъ ко мнѣ секретаря своего какъ бы съ цѣлью освѣдомиться о моемъ здоровьи, въ сущности же, кажется, дабы испытать — не выражу ли я желанія поговорить съ нимъ, и—въ случаѣ, если такое желаніе будетъ выражено — предложить, не пожелаю ли я послать къ графу, даже въ то же утро, спросить о пріемѣ, объяснивъ кстати почему я не обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ ранѣе. Я замѣтилъ, что готовъ послать къ графу хоть сейчасъ. Такъ я и сдѣлалъ, но получилъ въ отвѣтъ, что его сіятельство слишкомъ утомленъ отправкою почты въ Швецію, да и я вѣроятно усталъ отъ отправки депешъ вашему превосходительству. Пошлю къ нему непремѣнно еще завтра поутру. Вы, конечно, поймете, что секретарь присланъ былъ ко мнѣ единственно съ цѣлью, дабы дѣло получило видъ, будто я прошу о переговорахъ, настаиваю на нихъ при здѣшнемъ дворѣ.

№ 57. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Гановеръ, 28-го сентября 1740 г. (9-го октября н. ст.).

Я получилъ и предъявилъ королю ваши письма отъ 2, 6 и 9 сентября ст. ст. О полученіи двухъ первыхъ я, впрочемъ, уже извѣщалъ васъ.

I am very sorry to see that you had been confined to your chamber by the colds you had taken, and prevented from seeing the ministers for some days, but as I find by your last, that you were on the mending hand, I hope we shall soon have the news of your being abroad again as usual.

* I have no farther orders at present to send you upon the subject of our negociation, His Majesty being everyday in expectation of seeing the result of the conference you had been invited to with the Czarinna's cabinet ministers thereupon.

You will find inclosed, in the cypher of 1734, a copy of the article, which, as I before acquainted you, was settled here with m-r Utterodt and has been since approved by his court, for the admission of the king of Poland to our treaty with Russia, when concluded, or to such a part of it, as should be agreed between his polish majesty and the contracting parties. I kept this piece in my hands till now, in hopes of a better opportunity of conveying it to you.

I acquainted you in my last, in compliance with count Osterman's repeated desire, what were His Majesty's views as to the court of Berlin, and how much the king would be pleased to have the Czarinna's concurrence in securing his prussian majesty to our common interest, and I am now to repeat to you, that at the same time you make that confidence to the rus-

---

Очень сожалѣю, что простуда заперла васъ въ комнатахъ и помѣшала видѣть министровъ за послѣднее время. Къ счастью, послѣднее письмо ваше извѣщаетъ о благопріятной перемѣнѣ въ вашемъ здоровьи и мы, надѣюсь, вскорѣ услышимъ, что вы стали выѣзжать по прежнему.

* По вопросу о нашемъ договорѣ не имѣю сообщить вамъ никакихъ новыхъ инструкцій. Его величество со дня на день ожидаетъ — каковы окажутся результаты совѣщанія, которое должно состояться у васъ съ кабинетъ-министрами.

Прилагаю при семъ шифрованную по ключу 1734-го года статью, условленную здѣсь (какъ я писалъ вамъ) съ Уттеродомъ и одобренную его дворомъ, по вопросу о присоединеніи короля польскаго къ нашему договору съ Россіей, когда онъ будетъ подписанъ, или къ части его, о которой состоится соотвѣтствующее соглашеніе между его польскимъ величествомъ и договаривающимися сторонами. До сихъ поръ я держалъ этотъ документъ у себя, выжидая удобнаго случая для препровожденія его вамъ.

Согласно неоднократно заявленному желанію графа Остермана, я въ послѣднемъ письмѣ своемъ извѣщалъ васъ о видахъ его величества на берлинскій дворъ, и на сколько королю пріятно было бы содѣйствіе Царицы для привлеченія его прусскаго величества къ нашимъ общимъ интересамъ. Сегодня прибавлю: передавая русскимъ

sian ministers of the king's intentions, you should endeavour to prevail on them to send orders, as count Osterman has always declared they were ready to do, to their minister at Berlin, to give all possible assistance on his part towards disposing the king of Prussia to a right way of thinking and bringing him into a concert of measures with His Majesty and the Czarinna *.

I mentioned to you in my last, the declaration that m-r Bussy was expected to make in England, and am now to let you know that on the 18th instant o. s. that minister waited on the duke of Newcastle, and read to his grace, by order, as he said, of his court, a paper to the following purpose, which he would not give a copy of, nor suffer the words to be taken down from his mouth in writing:

«That m-r Amelot had already acquainted him, Bussy, with the departure of the two squadrons from Brest and Toulon; that that was now so public, that he should not defer explaining himself to the duke of Newcastle upon it, and that he should acquaint him, that it was but at the last moment, that the king, his master, had taken that resolution, which however could not surprise the court of England, since they could not doubt but my lord Waldegrave had every time acquainted his court with the declarations, which the cardinal had so often repeated to him, that the king could not

---

министрамъ намѣренія короля, постарайтесь (опираясь на постоянныя заявленія графа Остермана о готовности русскаго двора помочь намъ въ Берлинѣ) добиться, дабы русскому посольству въ Берлинѣ приказано было оказывать всяческое содѣйствіе желательному направленію мыслей короля прусскаго, всячески располагать его къ мѣропріятіямъ, согласнымъ съ видами его величества и Царицы. *

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ я упоминалъ о деклараціи, которой въ Англіи ожидали отъ Бюсси. Сегодня могу сообщить, что 18-го сентября ст. ст. Бюсси дѣйствительно явился къ герцогу ньюкестельскому и прочелъ его свѣтлости отъ имени своего государя (какъ онъ заявилъ) бумагу, копіи съ которой, однако, оставить не пожелалъ и точное содержаніе которой съ своихъ словъ записать не позволилъ. Сущность ея такова:

«Амело увѣдомилъ его, Бюсси, о выходѣ двухъ эскадръ изъ Бреста и Тулона. Фактъ этотъ теперь на столько общеизвѣстенъ, что нѣтъ нужды долѣе откладывать объясненія его герцогу ньюкестельскому, потому Бюсси заявляетъ, что рѣшеніе выслать эскадры принято королемъ, государемъ его, почти передъ самой высылкой ихъ, но удивить великобританскій дворъ не можетъ, такъ какъ лордъ Вельдрэвъ постоянно указывалъ на многократно повторенную декларацію кардинала, что король не допуститъ новыхъ англійскихъ поселеній въ Америкѣ. Отправка королевскихъ судовъ—необходимое послѣдствіе вооруженій Великобританіи. Король французскій, впрочемъ, да-

suffer that England should make itself new settlements in America; that the armaments of England had made the sending of the king's ships necessary; that the king, his master, was very far from having any idea of a rupture, and that the strongest orders were given, that the lawful commerce of the english should not be disturbed». I shall make no observations to you at present upon the contents of this very extraordinary declaration, as His Majesty has but just received it, and defers till his return to England, as he will be setting out upon his journey thither on tuesday sennight, giving any answer to the french court, but I hope soon after my arrival there to be able to send you an account of the answer, that shall be returned to it, whereby you will best judge in what light this affair is regarded by His Majesty.

* But in the mean while I may acquaint you for your private information that this insolent language of France will make no manner of alteration in the design of sending lord Cathcart's expedition to America. The king will be very desirous of the most particular information—in what manner the behaviour of the french court towards His Majesty upon this occasion, and the consequences that may follow from it are looked upon and spoken of in the place where you reside * [1]).

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

лекъ отъ мысли о разрывѣ и далъ строжайшія предписанія, дабы интересы законной торговли англійскихъ подданныхъ отнюдь нарушаемы не были». Воздержусь пока отъ всякихъ замѣчаній касательно этого страннаго заявленія, такъ какъ оно только что получено королемъ и отвѣтъ свой французскому двору его величество отложилъ до своего возвращенія въ Англію, благо выѣзжаетъ отсюда въ четвергъ на слѣдующей недѣлѣ. Прибывъ въ Англію, надѣюсь, однако, вскорѣ сообщить вамъ отвѣтъ, который послѣдуетъ на сдѣланное заявленіе; тогда вы лучше въ состояніи будете судить объ отношеніи его величества къ этому дѣлу.

* Пока могу, однако, сообщить вамъ для личнаго вашего свѣдѣнія, что этотъ наглый языкъ французскаго правительства отнюдь не измѣнитъ намѣренія отправить въ Америку экспедицію лорда Кэткарта. Королю очень интересно узнать во всѣхъ подробностяхъ, какъ взглянутъ и что будутъ говорить въ Петербургѣ о поведеніи французскаго двора относительно его величества въ данномъ случаѣ, и о послѣдствіяхъ, которыя оно можетъ повлечь за собою * [1]).

---

1) Строки отъ * до * писаны шифромъ.

№ 58. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, September the 30th 1740.

Sunday morning the 28th o. s. I got admittance to count Osterman, but before we could set ourselves to the business of this visit (for he had only begun on the titles), we were interrupted by the old general, who presides in all examinations and prosecutions of state criminals. This sort of business at this court never admits of any delay, so his excellency desired ours might be adjourned till the next day, which was yesterday. Accordingly I sent early. He allowed me to go to him at ten and stay with him till one. He again began with the titles and produced the draught of the article on that head, and as part of the treaty, which I have as a separate article. I told his excellency, that I hoped that this matter would not be looked upon as the chief objection to our negociation, nor be proposed as a sort of previous condition, since it would be more agreeable on one hand, and more natural on the other, if it appeared to be the effect of a perfect union and concert of the measures established between the two crowns, and a mark of the strict friendship and great regard the king had for the Czarinna, that in the mean time the inserting of another title in the project before the matter was settled would have been as extraordinary, as the omission, of it

---

№ 58. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 30-го сентября 1740 г. (11-го октября н. ст.).

Въ субботу поутру 28-го сентября ст. ст. я имѣлъ свиданіе съ графомъ Остерманомъ, но не успѣли мы еще приняться за дѣло, которое было предметомъ моего посѣщенія, едва графъ заговорилъ о титулахъ, какъ насъ прервалъ старый генералъ, председательствующій при всѣхъ розыскахъ и разслѣдованіяхъ по государственнымъ преступленіямъ. Этого рода дѣла при русскомъ дворѣ не терпятъ ни малѣйшаго отлагательства, потому графъ просилъ меня отсрочить нашу бесѣду до слѣдующаго, то есть до вчерашняго дня. Вчера я рано поутру послалъ къ нему спросить — можетъ-ли онъ принять меня? Онъ разрѣшилъ мнѣ прибыть въ десять часовъ и остаться у него до часу. Графъ снова началъ съ титуловъ и предъявилъ мнѣ проектъ статьи по этому поводу, которую полагаетъ включить въ самый договоръ. У меня статья эта значится сепаратной. Я замѣтилъ его сіятельству, что титулы, надѣюсь, не составятъ главнаго препятствія нашимъ переговорамъ и признаніе императорскаго титула не будетъ поставлено чѣмъ-то вродѣ предварительнаго условія, такъ какъ одной сторонѣ будетъ пріятнѣе, другой же естественнѣе видѣть въ признаніи титула послѣдствіе полнаго сближенія и согласія въ мѣропріятіяхъ, предположенныхъ обоими дворами, знакъ тѣсной дружбы и глубокаго уваженія короля къ

would be after the king was agreed. In answer to this, he treated it as the greatest trifle, and yet insisted on it with as much warmth, as if it had been of the utmost consequence. He said, that most of the powers of Europe had given it; that England formerly had done so, both in king William, and queen Anne's time, that it was offered by the late king to Peter the first, and by France also, who even now would be glad to offer still other things of infinite greater consequence, if they would accept of them; that he therefore wondered at the difficulty I made, since any present consent of mine, without every other part of the treaty was settled and signed, could not be of any consequence. I replied, that I only meant to answer his objections to the present wording of the project, but not to create difficulties on an affair, which, the moment the rest was agreed to, would not prevent my signing in the form, which would be most agreeable to Her Czarish Majesty. The king will graciously approve this, since it is conformable to my instructions, and that I found, that I could not proceed one step in our negociation without it, upon which it was my business at least to enter as soon as possible. But even now I am afraid, that I shall find great difficulties, for his excellency raised many objections to the most material articles, though, in order to

---

Царицѣ. Я прибавилъ, что императорскій титулъ до соглашенія по самому проэкту явился-бы столь-же страннымъ, какъ отсутствіе этого титула по состоявшемся соглашеніи. Въ отвѣтъ графъ заговорилъ объ этомъ вопросѣ, какъ о важнѣйшемъ, и настаивалъ на немъ съ такой горячностью, какъ будто онъ является самымъ главнымъ. Онъ сказалъ, что большинство европейскихъ дворовъ уже признало императорскій титулъ, что его прежде признавала и Англія, какъ при королѣ Вильгельмѣ, такъ и при королевѣ Аннѣ; что покойный король предлагалъ его Петру I; что титулъ этотъ предлагается и Франціей, которая, въ настоящее время, готова предложить еще многое другое, болѣе значительное, лишь-бы русскій дворъ согласился принять ея предложенія, что потому нельзя не удивляться, чѣмъ я затрудняюсь: мое согласіе по вопросу о титулѣ въ настоящее время, пока остальныя части договора не установлены и не подписаны, не можетъ имѣть никакого значенія. Я возразилъ, что намѣренъ только отвѣчать на замѣчанія графа по поводу проэкта договора, но отнюдь не созидать затрудненій по дѣлу, которое — разъ по всему остальному состоится полное соглашеніе — не остановитъ меня подписать трактатъ въ той формѣ, которая будетъ наиболѣе пріятна Ея Царскому Величеству. Король, вѣроятно, милостиво одобритъ сказанное мною, такъ какъ слова мои согласны съ моими инструкціями и такъ какъ я находилъ, что безъ даннаго обѣщанія не могу сдѣлать далѣе ни шагу въ переговорахъ, которые, по крайней мѣрѣ, считалъ своимъ долгомъ начать воз-

remove all, I desired his leave to explain in writing every one of them, which stick with him, and this I am actually about, from your lordship's letter. It will be useless to trouble your lordship with the imperfect accounts till things are more clear and some decision made on them, it would be also endless to send a protocol in cypher, and impossible out of it; so that I shall defer the attempting this till I have delivered my reasons and received his excellency's, or rather this court's answer, when, if we cannot agree without any material difference from the king's project, I will dispatch a messenger to your lordship, that His Majesty may be informed of all the particulars and then wait His Majesty's commands for my future conduct. In the mean time I may inform you, my lord, that in two conferences, I went through all the particulars of your lordship's dispatches received during my sickness. His excellency seemed extremely pleased with this, and told me that he had been concerned at a hint given him, that an offer from the king so take danish corps into actual pay («soudoyer» was his term) was no better received by that court than the proposal to prolong the subsidiary treaty had been, that moreover it would be absolutely necessary to employ the ut-

---

можно безотлагательно. Впрочемъ, и теперь еще опасаюсь за успѣхъ дѣла: оно представляетъ большія затрудненія, такъ какъ графъ привелъ рядъ возраженій на самыя существенныя статьи. Съ цѣлью опровергнуть всѣ эти возраженія я просилъ разрѣшенія дать письменное объясненіе по каждому изъ нихъ, чѣмъ и занятъ въ настоящее время, руководясь письмами вашего превосходительства. Считаю безполезнымъ тревожить васъ безпорядочными отчетами, пока дѣла не примутъ направленія болѣе яснаго и не выработается какого нибудь рѣшенія. Пришлось-бы посылать безконечные шифрованные протоколы. Откладываю все это до того времени, когда мои доводы будутъ вручены графу и я получу отвѣты его сіятельства или, вѣрнѣе, русскаго двора. Тогда, въ случаѣ, если намъ не удастся придти къ соглашенію безъ существенныхъ измѣненій въ королевскомъ проэктѣ, отправлю къ вашему превосходительству нарочнаго курьера, дабы его величество могъ судить о всѣхъ частностяхъ дѣла, и затѣмъ буду ожидать приказаній его величества, какъ держать себя далѣе. Пока позвольте сообщить вашему превосходительству, что, при двухъ совѣщаніяхъ, которыя я имѣлъ съ графомъ, я бесѣдовалъ съ нимъ по всѣмъ предметамъ, которыхъ вы коснулись въ депешахъ, полученныхъ мною за время моей болѣзни. Вице-канцлеръ былъ чрезвычайно доволенъ моими сообщеніями и высказалъ, что смущался сдѣланнымъ ему намекомъ, будто предложеніе короля принять теперь-же корпусъ датскихъ войскъ на свое иждивеніе (онъ выразился словомъ «soudoyer») было принято въ Копенгагенѣ также неохотно, какъ предложеніе о продленіи трактата о субсидіяхъ;

most efforts in Holland, in which Golofkin was fully instructed to cooperate with m-r Trevor, for now the resolutions of the States General must came to the touchstone, since m-r Fenelon's late declaration of the french squadrons sailing to America, which m-r Chetardie had, by order of his court, communicated to that minister the 26th, his excellency assured me that he had only in general returned thanks for this mark of his most christian majesty's attention, of which he would inform the Czarinna, adding however to me, that prince Cantemir was of late very much caressed at Paris, though meets with great difficulties and chicanes on the part of the Ottoman Porte in settling their frontiers. This gave me an opportunity to insinuate to his excellency, that whatever mine France might make, she certainly never meant, nor by her engagement with Sweden could design, to finish their affairs with the turks till after the swedish diet was over, if then. The count felt this and agreed to it.

The count, as your lordship imagined, did not forget the king of Prussia, and said that he found that that prince waits for his minister's late declaration against the bishop of Liege, which piece, said he, would sufficiently show his prussian majesty's foible, and how he might be operated upon; that on

---

что теперь тѣмъ болѣе необходимо употребить всевозможныя старанія для успѣха въ Голландіи; что Головкину дали надлежащія инструкціи всячески содѣйствовать Тревору, такъ какъ теперь именно резолюціи Генеральныхъ Штатовъ должны коснуться пробнаго камня, ввиду недавней декларaціи Фенелона объ отправкѣ французскихъ эскадръ въ Америку. Эту декларацію Шетарди, по приказанію своего двора, сообщилъ русскимъ министрамъ 26-го сентября. Графъ увѣрялъ меня, будто онъ только отблагодарилъ Шерарди въ самыхъ общихъ выраженіяхъ за это вниманіе его христіаннѣйшаго величества, прибавивъ, что не замедлитъ доложить о слышанномъ Государынѣ. Онъ, однако, не преминулъ разсказать мнѣ, что за послѣднее время князя Кантемира очень ласкаютъ въ Парижѣ, не смотря на большія затрудненія и придирки со стороны порты оттоманской въ опредѣленіи русско-турецкой границы. Это дало мнѣ поводъ замѣтить его сіятельству, что, какія-бы любезности Франція ни проявляла, она, конечно, не намѣрена, да, ввиду своихъ обязательствъ передъ Швеціей, и не можетъ имѣть намѣренія покончить русскія дѣла съ портою до закрытія шведскаго сейма, да еще неизвѣстно захочетъ-ли покончить ихъ и позже. Графъ понялъ это и согласился со мною.

Ваше превосходительство легко представите себѣ, что графъ не забылъ короля прусскаго. Онъ замѣтилъ, что король ожидаетъ отвѣта на декларацію своихъ министровъ противъ епископа люттихскаго. Этотъ документъ, прибавилъ графъ, достаточно обнаруживаетъ симпатіи его прусскаго величества и указываетъ, какъ поль-

their side, they would neglect nothing conducive to it, because in the system of Europe, when things become general, as he said, they must do sooner or later, before they could be settled on a firm and good foot, that prince might be of great use, and as great disservice.

Count Osterman has not yet let me know that I might have an opportunity of presenting the king's answer to the Czarinna's notification, Her Majesty's gout having prevented her appearing in public, though it would not her return from the summer to the winter palace, if not otherwise hindered by an indisposition of the princess Anne's, which confines her highness to her bed; but being only an incident to the sex after lying in, it is to be hoped that will be easily removed by care and keeping quiet.

As a bashaw of three tails is to receive m-r Romantzow, a general-in-chief has been insisted on by the turks to receive their ambassador instead of a lieutenant-general designed here, so general Keith has been ordered on this occasion.

M-r Petzold, who had already heard of the nomination of count Lynnar to succeed m-r Suhm, has now had orders to declare it.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

зоваться имп. Россія съ своей стороны не пренебрежетъ ничѣмъ, касающимся берлинскаго двора, такъ какъ король прусскій рано или поздно, во всякомъ случаѣ, впрочемъ, ранѣе, чѣмъ европейскія дѣла примутъ стройный и прочный характеръ, можетъ оказаться очень полезнымъ другомъ или очень опаснымъ врагомъ.

Графъ Остерманъ еще не далъ мнѣ знать, когда возможно будетъ представить Ея Величеству отвѣтъ короля на извѣщеніе о рожденіи принца Іоанна Антоновича. Подагра все еще не позволяетъ Царицѣ принимать никого, хотя и не помѣшала бы переѣзду изъ лѣтняго дворца въ зимній, если бы не болѣзнь принцесы Анны Леопольдовны, которая лежитъ въ постели. Она, впрочемъ, страдаетъ только женскою болѣзнью вслѣдствіе недавнихъ родовъ, и есть полная надежда, что, при уходѣ и покоѣ, ея высочество скоро оправится.

Румянцеву на встрѣчу высланъ трехбунчужный паша, потому порта настаиваетъ, чтобы и для встрѣчи турецкаго посла, вмѣсто назначеннаго было генералъ-лейтенанта, выслали генералъ-аншефа. Потому встрѣча поручена генералу Кейту.

Пецольдъ, уже прежде слышавшій о назначеніи графа Линара на мѣсто Сума, получилъ оффиціальное приказаніе извѣстить русскій дворъ объ этомъ назначеніи.

№ 59. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, October the 4th 1740.

I received the 2nd instant your lordship's dispatch of the 17th past and, in obedience to your commands, shall direct this to Whitehall, where, I hope, it will find the king safely arrived and your lordship in perfect health.

As this is the duchess of Courland's birthday which has obliged me to be at court this morning, and the decyphering your lordship's dispatch employed the morning yesterday, my answer will and must be very short.

Besides after my conference with count Osterman, of which I acquainted your lordship last post, I have been fully employed in drawing up and explaining of those articles, to which that minister objected and started difficulties upon. This is now done, and I would have delivered it to that minister yesterday, but he excused himself on business. As I propose to give this in writing, and have desired to receive the answer in that manner also, it will facilitate things, or at least by putting them into a regular method the king will be able to see their true state.

Though I shall not enter into any particulars till I dispatch a messenger for the reason alledged the thirtieth past, nevertheless it may be

---

№ 59. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 4-го октября 1740 г. (15-го октября н. ст.).

Втораго октября я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 17-го сентября и—согласно вашимъ приказаніямъ—отправилъ настоящее донесеніе въ Уайтгэлль, гдѣ оно вѣроятно уже застанетъ короля благополучно прибывшимъ и ваше превосходительство въ совершенномъ здравіи.

Сегодня поутру я долженъ былъ быть при дворѣ по случаю дня рожденія принцессы курляндской; разборъ вашего шифрованнаго письма занялъ меня въ теченіе вчерашняго утра, потому отвѣтъ мой будетъ очень коротокъ.

Послѣ совѣщанія съ графомъ Остерманомъ, о которомъ я писалъ вамъ съ прошлою почтой, я всецѣло занятъ былъ разъясненіемъ статей, вызвавшихъ возраженія вице-канцлера или вообще какія либо недоразумѣнія. Теперь разъясненія составлены и я намѣренъ былъ вчера еще вручить ихъ графу, но онъ извинялся множествомъ занятій. Я рѣшился передать свои замѣчанія въ письменномъ видѣ и желаю получить письменный отвѣтъ вице-канцлера, въ надеждѣ, что такой обмѣнъ письменныхъ документовъ облегчитъ наши сношенія, по крайней мѣрѣ сообщитъ имъ большую правильность; кромѣ того королю легко будетъ отдать себѣ по нимъ отчетъ о дѣйствительномъ положеніи дѣла.

Хотя, по причинамъ, изложеннымъ въ донесеніи отъ 20-го сентября, я и не намѣренъ входить ни въ какія подробности впредь до отправки курьера, не лишнимъ

necessary to mention one circumstance, which I omitted tuesday,—it is, that count Osterman let drop, I may say formally proposed, the king's guarantee of the duchy of Courland and the succession of it to the present family; indeed he said, that it was a thought of his own entirely, but with what truth I submit to your lordship, especially when his excellency added, that he was sure it would be very agreeable to the Czarinna and that he must recommend it to me. This however, as much as I understood of it, is to be done in a way neither to disoblige the republic of Poland, nor to attack the validity of that fief, but only to prevent at all events the incorporation of this duchy and the parcelling it out hereafter into palatinates.

I shall take the first opportunity to communicate to the duke of Courland and count Osterman, in confidence and conversation, the contents of your lordship's dispatch. What relates to the king of Prussia will certainly flatter his excellency; that minister will be also highly pleased with what your lordship mentions about the emperor and the States General, and still more with the offers made by the king of Denmark, since this last anticipates the execution of that very suggestion, which your lordship will have seen that he made to me sunday. I hope that all these material confidences will produce the desired and, I am sure, the very just return of the most perfect cordiality and unreserved communication of measures on the part

---

будетъ, пожалуй, упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ я умолчалъ во вторникъ: графъ Остерманъ намекнулъ, могу даже сказать, формально предложилъ — не гарантируетъ ли король герцогства курляндскаго династіи Бироновъ. Онъ, правда, прибавилъ, что мысль эта принадлежитъ исключительно ему лично, но на сколько это правда, ваше превосходительство можете судить сами, особенно принявъ во вниманіе слова вице-канцлера, что онъ рѣшился заговорить со мною по этому поводу, зная, какъ такая гарантія будетъ пріятна Государынѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы это сдѣлалось безобидно для рѣчи посполитой, не нарушая самостоятельности герцогства, единственно въ предупрежденіе присоединенія герцогства и затѣмъ его дробленія на палатинаты.

Воспользуюсь ближайшимъ случаемъ конфиденціально, въ частномъ разговорѣ, ознакомить герцога курляндскаго и графа Остермана съ содержаніемъ депеши вашего превосходительства. Все, что въ ней говорится о королѣ прусскомъ, конечно, будетъ очень пріятно графу. Онъ съ удовольствіемъ услышитъ и о томъ, что вы пишете по поводу императора и генеральныхъ штатовъ, особенно же о предложеніяхъ, сдѣланныхъ королемъ датскимъ, предрѣшающихъ тѣ именно мѣропріятія, о которыхъ — какъ вашему превосходительству извѣстно — графъ упоминалъ прошлое воскресенье. Надѣюсь, всѣ эти существенные знаки довѣрія вызовутъ желаемое дѣйствіе — будутъ справедливо вознаграждены полнѣйшей сердечностью и прямодушнымъ

of this court. A little time and the issue of our negociation must shew it better than any previous surmises or assurances. It is, however, certain that the Czarinna and the duke of Courland have a hearty surfeit of France's conduct, even our prime minister would make m-r Finch think he begun to feel some strong indigestions, though he cannot yet thoroughly convince me, that his stomach is turned, as much as I wish it and, as I believe, it will be in time.

I have delivered the explanation of the treaty to count Osterman to day, which he promised me to examine, as soon as possible, and I made use of this opportunity of imparting to that minister the several parts of your lordship's secret dispatch by word of mouth, and as the several subjects naturally arose in our conversation, but I cannot cypher the result of it till next post.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 60. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, October the 7th 1740.

I am now to acquaint your lordship with my conversation with count Osterman saturday last, which for want of time I was obliged to defer till

---

сообщеніемъ намѣреній русскаго двора. Еще нѣсколько дней и исходъ нашихъ переговоровъ лучше всякихъ предварительныхъ догадокъ и увѣреній покажетъ на сколько такія надежды основательны. Какъ бы то ни было, и Царица, и герцогъ курляндскій по горло сыты угощеніями Франціи; во мнѣ возникаетъ подозрѣніе — не начинаетъ ли разстраиваться отъ нихъ и желудокъ самого вице-канцлера, хотя я еще не увѣренъ чтобы онъ разстроился на столько, на сколько бы я желалъ, и на сколько онъ несомнѣнно разстроится со временемъ.

Свои разъясненія по трактату я вручилъ сегодня графу Остерману. Онъ обѣщалъ мнѣ разсмотрѣть ихъ въ возможно-непродолжительномъ времени. Я воспользовался случаемъ устно сообщить при этомъ графу содержаніе секретной депеши вашего превосходительства. По различнымъ пунктамъ этой депеши у насъ, очевидно, произошла бесѣда, о результатахъ которой сегодня шифровать не успѣю. Откладываю это до слѣдующей почты.

№ 60. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 7-го октября 1740 г. (18-го октября н. ст.).

Сегодня постараюсь передать вашему превосходительству содержаніе моей бесѣды съ графомъ Остерманомъ прошлую субботу, котораго, за недостаткомъ времени,

to day. The confidences I made that minister that the king was making all proper representation for engaging the emperor and the States General to join with His Majesty in the great and salutary plan, pleased his excellency very much, and he recommended as much the steady pursuance of these measures, he was in raptures about the new offer to the king of Denmark, and said, that he both hoped and believed it would succeed. In return he told me also that miss Taube would probably retire during the diet. As he was in a very good humour, I then proceeded to tell him, that he could no now complain of the least reserve on the king's side, and therefore it was natural to expect that there will be as little on this. I then threw out, that the king was returning to England, in order to make him mention the king of Prussia, as I knew he would not fail to do. In effect, his excellency immediately asked—what then would become of the interview? I replied, that I did not now see an appearance of it, and had always thought, even when his excellency seemed to wish it the most, that though it might or might not have produced the desirable effect, yet certainly it would have given umbrage, and occasioned a premature alarm; that I remember count Horn used to say, that the business of princes was always to be carried on by their mutual interests, and seldom advanced by their reciprocal visits, that, as his excellency has once wished the interview as one means of helping

---

не успѣлъ передать прошлый разъ. Сообщеніе мое о стараніи его величества привлечь императора и генеральные штаты къ своему грандіозному, спасительному плану крайне понравилось графу; онъ указывалъ на необходимость слѣдовать ему съ тѣмъ большею настойчивостью, что новыя предложенія, сдѣланныя Даніи, приводятъ его въ восторгъ. Онъ надѣется на успѣхъ, ожидаетъ его. Съ своей стороны графъ передалъ мнѣ, что на время сейма Таубе, вѣроятно, будетъ устранена изъ Стокгольма. Вице-канцлеръ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, потому я рѣшился замѣтить ему, что теперь онъ, вѣроятно, не станетъ жаловаться на какую либо сдержанность короля, и что я естественно могу ожидать прямодушія со стороны русскаго правительства; а затѣмъ, съ цѣлью вызвать графа на разговоръ о королѣ прусскомъ, разсказалъ о предстоящемъ возвращеніи его величества въ Англію. Дѣйствительно, какъ я и ожидалъ, графъ немедленно спросилъ—что-же станется со свиданіемъ? Я отвѣчалъ, что не вижу и намека на него, да и всегда, даже когда графъ повидимому особенно желалъ этого свиданія, полагалъ, что, будетъ оно или не будетъ имѣть благотворныя послѣдствія, а во всякомъ случаѣ вызоветъ подозрѣнія и преждевременную тревогу. «Помню,» прибавилъ я, «какъ графъ Горнъ говаривалъ: дѣла монарховъ принимаютъ тотъ или другой оборотъ сообразно съ ихъ интересами, личныя-же ихъ свиданія рѣдко имѣютъ значеніе. Ваше сіятельство высказали желаніе, дабы свиданіе

forward a perfect good understanding between the king and the king of Prussia, in default of that method, what should hinder the employing count Horn's maxim in order to obtain this so desirable an end, which I know the king himself and everybody, who has the honour to serve His Majesty, has as much at heart, as he, count Osterman, could have wished it, so that on the maxim abovementioned, as the king of Prussia's grand object must be known, I could not see, though I spoke without authority and purely a thought of my own, upon his excellency's having so often recommended the gaining and cultivating that prince...

St. Petersburgh, October the 11th 1740.

Here I left off last post. To go on now, I could not see, if in measures between the king and this court, something might not be struck out, which might more conduce to give the young king a right way of thinking on the general system of Europe and determine him to take a proper share in them, than ten visits. «I clearly perceive», said he, «you mean the succession of Bergues and Juliers.» I owned it, and then, after a pause, count Osterman said, that he did not see, how this court could immediately and directly intervene or meddle in that affair, whatever circumstances might oblige it to do hereafter, but that if the king would communicate and explain His Majesty's ideas here, the king, our master, might depend on all

---

состоялось, видя въ немъ одно изъ средствъ укрѣпить добрыя отношенія короля англійскаго къ королю прусскому. Если этого результата не удалось достигнуть путемъ свиданія, что мѣшаетъ примѣнить правило графа Горна для достиженія той-же цѣли, близкой сердцу самого короля, и каждаго имѣющаго честь служить его величеству; а принявъ во вниманіе означенное правило и зная къ чему главнымъ образомъ стремится король прусскій, не вижу (излагаю, впрочемъ, исключительно личныя мнѣнія безъ всякаго порученія свыше) почему-бы столь часто рекомендуемое графомъ сближеніе съ его прусскимъ величествомъ» . . . .

С.-Петербургъ, 11-го октября 1740 г..

Я прервалъ свое письмо при отправленіи прошлой почты; продолжаю сегодня. Не вижу, сказалъ я графу Остерману, почему, обмѣнявшись взглядами и согласившись въ мѣропріятіяхъ, король и русскій дворъ не могли-бы предпринять что-либо, способное направить взгляды молодаго прусскаго монарха къ пониманію современной системы европейскихъ дѣлъ и склонить его къ надлежащему участію въ нихъ лучше, чѣмъ десять свиданій. «Ясно вижу,» замѣтилъ графъ, «что вы имѣете ввиду бергъюлихское наслѣдство.» Я признался, что догадка вице-канцлера справедлива. Послѣ нѣкоторой паузы графъ Остерманъ сказалъ, что не видитъ какъ-бы русскій дворъ могъ немедленно и прямо вмѣшаться въ это дѣло, хотя, быть можетъ, впослѣдствіи обстоятельства и вынудятъ его вмѣшательство, но, если король сообщитъ и разъяс-

the good offices from Her Czarish Majesty, which the king could wish. I answered: «Your excellency mistakes my meaning; what I have said, is my own idea alone, arising from the several discourses I have had with your excellency, and I mention it to you now only to desire you to think of it, and afterwards to instruct me in what manner you will have me and my court act upon it, and how far I may use your name, and, if you please, the Czarinna's also, for your excellency must be sensible, that it is my business to execute the king's instructions, and it would little become me to suggest measures to His Majesty without being suggested by persons of great weight, for whose opinion His Majesty would have a stronger regard.»

Since this overture has not been so readily and eagerly embraced, as I thought it would have been, at least by count Osterman, I hope His Majesty will be graciously pleased to approve the method I took to know his excellency's private sentiments, and, by consequence, what probably may be found the dispositions of this court in that affair still farther without the king's appearing directly in it, but I believe that it must rest here a little till we shall see clearer into the success of our great negociation, which, I am afraid, will meet with greater difficulties than were expected, when I left London, though your lordship and sir Robert Walpole will, I believe, re-

---

нитъ свои взгляды по этому поводу, онъ можетъ расчитывать на полное содѣйствіе со стороны Ея Царскаго Величества. «Ваше сіятельство,» замѣтилъ я, «ошибаетесь въ значеніи моихъ словъ: все, высказанное мною, представляетъ собою только личное мое мнѣніе, возникшее вслѣдствіе моихъ разговоровъ съ вами, и я упомянулъ о немъ только изъ желанія обратить ваше вниманіе на этотъ вопросъ, дабы затѣмъ вы научили меня какъ-бы вы желали, чтобы я и великобританскій дворъ дѣйствовали въ затронутомъ вопросѣ, и насколько я, говоря о немъ, могу опираться на ваше имя и, если будетъ мнѣ позволено, на имя Ея Царскаго Величества. Ваше сіятельство легко поймете, что я обязанъ выполнять данныя мнѣ королемъ инструкціи и что мнѣ не приличествуетъ предлагать моему государю тѣ или другія мѣры, если я не вызванъ на это лицами извѣстнаго вѣса, мнѣнія которыхъ уважаются его величествомъ.»

Хотя слова мои не были встрѣчены съ той готовностью и горячностью, которой я ожидалъ по крайней мѣрѣ отъ графа Остермана, надѣюсь, что его величество тѣмъ не менѣе милостиво оправдаетъ путь, избранный мною для ознакомленія, безъ прямаго употребленія его имени, съ личными взглядами графа по юлихъ-бергскому вопросу, а слѣдовательно и съ отношеніемъ, котораго можно ожидать къ этому вопросу отъ русскаго двора. Полагаю, что дѣлу не мѣшаетъ остановиться на этомъ, пока не уяснится ходъ нашихъ главныхъ переговоровъ. Есть основаніе опасаться, какъ бы переговоры эти не встрѣтили препятствій большихъ, чѣмъ я ожидалъ, оставляя Лондонъ, хотя ваше превосходительство и сэръ Робертъ Вэльполь, вѣроятно, вспомните,

member, that I then apprehended them and I am now apprehensive of them the more from a conference (I might say, wrangle) of three hours I had last night with count Osterman, who declined giving me any reply in writing to my explanations of the project, for fear, as he said, of protracting things, though I think that this method would have been the shortest. However we went through the whole, and notwithstanding all my or rather your lordship's explanations, the count still stuck to his former objections, and strove for very considerable alterations in every one of the most material articles, to which I am not authorized to consent.

It would be in vain to enter into particulars, which I could not do at present in cypher without loss of time, especially since I propose to draw up, as soon as possible, a summary in french of what passed in this conference, which I will submit to the count, that he may see, whether I have misunderstood or misrepresented his meaning in anything, and then I shall transmit the whole, with my annotations in english, by a messenger. I hope to do this in a very few days; it will be his excellency's fault and not mine if I do not.

What was thought by the doctors to be an ulcer in the Czarinna's kidneys, has proved only the great critical turn of her sex, which is attended

---

что я ожидалъ препятствій. Особенно опасенія мои возрасли вслѣдствіе трехчасовой бесѣды (вѣрнѣе сказать, вслѣдствіе трехчасовыхъ пререканій), выдержанной мною вчера вечеромъ съ графомъ Остерманомъ, отказавшимся дать мнѣ письменныя возраженія на мои разъясненія изъ опасенія проволочекъ, какъ онъ заявилъ, хотя, по моему мнѣнію, путь письменныхъ сношеній былъ бы кратчайшимъ. Какъ бы то ни было, мы просмотрѣли весь проектъ, и, не смотря на всѣ мои разъясненія или—вѣрнѣе—разъясненія вашего превосходительства, графъ упорно стоялъ на прежнихъ своихъ возраженіяхъ и чуть ли не при каждомъ существенномъ пунктѣ настаивалъ на значительныхъ измѣненіяхъ, согласиться на которыя я не уполномоченъ.

Входить въ подробности было бы теперь неумѣстно, такъ какъ шифромъ передать ихъ теперь, за недостаткомъ времени, не могу, да къ тому же намѣренъ въ возможно-непродолжительномъ времени изложить на французскомъ языкѣ содержаніе послѣдней бесѣды своей съ графомъ, и предложить ее графу на просмотръ, дабы онъ удостовѣрился правильно ли я его понялъ, правильно ли передалъ его мнѣнія, а затѣмъ думаю, снабдивъ этотъ документъ примѣчаніями на англійскомъ языкѣ, отправить его вамъ съ курьеромъ. Надѣюсь сдѣлать все это въ нѣсколько дней; задержка можетъ послѣдовать по винѣ графа, не по моей.

То, что доктора принимали за изъязвленіе почекъ, оказывается просто слѣдствіемъ климактерическаго возраста; болѣзненныя явленія сопровождаются рѣзкими истери-

with such violent hysterical symptoms, amongst others a strong fainting fit last night whilst she was easing nature, that Her Czarish Majesty must be looked upon to be in great danger, notwithstanding what is given out, and I shall add, out of cypher. I should have many circumstantial anecdotes to transmit on the succession fixed on the precarious life of an infant, without any farther provision I can hear of, in case of his demise; but they are of so delicate a nature, that I dare not undertake it with so old a cypher, unless I could at the same time send my letter by a courier. So for the present. I shall only add, that everything seems calculated to perpetuate the power where it now resides, but the stake is a deep one and dangerous; if it is won and afterwards maintained, the king, our master's, interest in this court will not suffer.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 61. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, October the 7th 1740.

I thought to have continued to day where I left off the fourth, and for that purpose I had drawn a minute and cyphered half of it, but I have

---

ческими припадками и обмороками. Прошлую ночь ея величество при стулѣ впала въ такой сильный обморокъ, что положеніе ея признано было очень опаснымъ, хотя этого и не объявляютъ и я не посмѣлъ бы упомянуть объ этомъ безъ шифра. Я могъ бы разсказать и нѣсколько анекдотовъ по поводу престолонаслѣдія, которое зиждется единственно на ненадежной жизни ребенка, не предусматривая — на сколько удается слышать — ничего на случай его смерти; но по этому поводу ходятъ толки такого щекотливаго характера, что я не осмѣливаюсь довѣрить ихъ устарѣвшему шифру, считая нужнымъ повременить, пока окажется возможность отправить письмо съ нарочнымъ. Пока прибавлю только, что всѣ расчеты, по видимому, направлены къ закрѣпленію власти въ тѣхъ же рукахъ, въ которыхъ она находится нынѣ; рискъ, однако, большой и опасность велика. Если дѣло выгоритъ, интересы короля, государя нашего, при русскомъ дворѣ не пострадаютъ.

№ 61. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 7-го октября 1740 г. (18-го октября н. ст.).

Я намѣревался продолжать сегодня отчетъ о событіяхъ, недосказанныхъ четвертаго октября; уже написалъ было черновую, и половину перевелъ на шифръ, да

thrown it by in order to transmit to your lordship things of greater importance to His Majesty and this court, by which our negociation at present must be interrupted.

I have already acquainted your lordship with the Czarinna's gout, which has been visibly longer and suspected more painful than usual, but no ill consequences apprehended from it till sunday morning, when, by strong vomitings attended with vast quantities of putrid blood, it appeared that the distemper was moved and with so many other bad symptoms, as made the physicians judge Her Czarish Majesty in great danger.

Though all the foreign ministers were at court that afternoon, the countenances of all those in the secret, were, by a special order, so formed, as not to give the least suspicion, however, I am assured, that Her Majesty the same evening signed her will—a thing, which, by the superstition of this country, nobody can be reconciled to but in the last extremities, and such they must have been by the numbers of persons of weight and distinction having been sent for to court, that afternoon, who having continued there ever since, appearances certainly grew worse yesterday, for count Osterman (who has not stirred out of his house these many years from the true or pretended ill state of his health) was also carried to court yesterday

---

бросилъ работу, дабы скорѣе сообщить вашему превосходительству о событіяхъ, болѣе важныхъ для короля и Россія, которыя должны прервать и ходъ нашихъ переговоровъ.

Я уже писалъ вамъ о припадкѣ подагры Ея Величества, который очевидно затянулся дольше обыкновеннаго и который признавали болѣе болѣзненнымъ, чѣмъ другіе; тѣмъ не менѣе до воскресенья поутру никакихъ худыхъ послѣдствій отъ этого припадка не опасались. Въ воскресенье же появилась рвота, сопровождаемая большимъ количествомъ гнилостной крови. Это заставило врачей заподозрить другія причины болѣзни, а, ввиду нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ симптомовъ, признать положеніе Государыни крайне опаснымъ.

Сегодня послѣ полудня представители иностранныхъ правительствъ были при дворѣ. Ввиду данныхъ приказаній всѣ лица, посвященныя въ государственныя тайны, держались такъ, чтобы не возбуждать ни малѣйшаго подозрѣнія; между тѣмъ меня увѣряютъ, что въ тотъ же вечеръ Ея Величество подписала свою послѣднюю волю. При господствующемъ здѣсь суевѣріи на такой шагъ никто не рѣшается безъ послѣдней крайности. Достовѣрность факта подтверждается и многочисленностью вліятельныхъ, знатныхъ лицъ, созванныхъ ко двору въ тотъ же день послѣ полудня. Они тамъ и остались. Вчера можно было наблюдать еще большія опасенія: графа Остермана (который уже нѣсколько лѣтъ не выходитъ изъ дому вслѣдствіе воображаемой или дѣйствительной болѣзни) по особенному приказанію принесли ко двору въ посл-

morning in a chair, sent for by a special order, remained till night there, and is returned this morning early. Continual counsels were held all yesterday, both in the cabinet and the duke of Courland's apartment. Towards the evening the Czarinna sent for the princess Anne, though still very much indisposed, and declared to her highness Her Majesty's design to appoint the young prince John her successor, to the greatest surprise and disappointment of that princess. This disposition was made public this morning provisionally, and all the regiments of guards and the different colleges were sworn this morning at the court to stand by and maintain this succession, and the clergy are assembled in the cathedral for that purpose, the foreigners are to take the same oath this morning, and the english are summoned to the church. Her Czarish Majesty's most dangerous distemper, is an ulcer in the kidneys, as I hear from one of Her Majesty's doctors, and as she is lethargic, it is judged that the mortification is already formed and the case desperate. However counsels have been held all this day, as is highly necessary and very natural to believe, to settle the guardianship and regency.

As there is no possibility to send away a messenger in the present situation of things at this court, nor more probability that my letter by the post will be allowed to go, I make use of the only expedient left to inform your lordship of this very important news, which is to send this letter to night by a safe and unsuspected hand to Cronstadt in order to be entrusted

---

кахъ; онъ оставался тамъ всю ночь и возвратился только сегодня рано поутру. Вчера весь день происходили совѣщанія какъ въ кабинетѣ, такъ и въ аппартаментахъ герцога курляндскаго. Къ вечеру Царица послала за принцессой Анной Леопольдовной, хотя ея высочество все еще очень нездорова, и, къ величайшему изумленію и къ разочарованію принцессы, объявила ей о намѣреніи своемъ объявить новорожденнаго Іоанна Антоновича наслѣдникомъ престола. Высочайшая воля обнародована была неотложно сегодня же поутру; гвардейскіе полки и коллегіи сегодня же при дворѣ давали присягу охранять и поддерживать указанное престолонаслѣдіе; духовенство собрано въ соборъ съ тою же цѣлью; ту же присягу должны принять сегодня поутру и иностранцы; между прочимъ и англичане призваны въ церковь. Опасная болѣзнь Ея Величества—изъязвленіе почекъ, какъ передавалъ мнѣ одинъ изъ пользующихъ ее врачей; а такъ какъ Государыня въ летаргическомъ забытьи, полагаютъ, что произошло уже омертвеніе и смерть неизбѣжна. Какъ бы то ни было, совѣщанія продолжались весь день, вѣроятно — какъ естественно предположить — по вопросу объ опекѣ и регентствѣ.

Такъ какъ при настоящихъ обстоятельствахъ отправить отсюда курьера невозможно, да и мало вѣроятія, чтобы письма отправлены были почтою, прибѣгаю къ единственному пути, остающемуся для передачи вашему превосходительству столь важныхъ извѣстій, именно—посылаю сегодня вечеромъ письмо съ надежнымъ и сто-

to the first master of an english ship, who sails from thence and who will have my orders to deliver it to consul Tigh at the Sound to be forwarded from thence by the post.

I send your lordship the enclosed german pieces, which I have not had time to get translated.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 62. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, October the 11th 1740.

The least disorders in the healths of great and good princess who reign in the hearts of their subjects, and whose lives are of the utmost importance to the welfare of their people, must naturally lay everybody under the greatest apprehension; of which we have seen the strongest instance here since sunday noon, when a fit of the gout rather long than painful, which the Czarinna had had for some weeks seeming more fluctuating than was to have been wished, occasioned here the greatest alarm, though, blessed be God, the appearances of these bad symptoms have only furnished Her Czarish Majesty with an opportunity to give most undoubted proofs of her heroism and resignation, as well as of her prudence and tender concern to se-

---

ящимъ внѣ всякихъ подозрѣній человѣкомъ въ Кронштадтъ для передачи его капитану перваго отходящаго англійскаго корабля, съ приказаніемъ вручить его въ Зундѣ консулу Тигу для дальнѣйшаго отправленія почтою . . .

Посылаю при семъ вашему превосходительству и нѣмецкіе документы, перевести которые не успѣли.

№ 62. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 11-го октября 1740 г. (22-го октября н. ст.).

Малѣйшее разстройство въ здоровьи великихъ и добрыхъ монарховъ, царящихъ въ сердцахъ своихъ подданныхъ, — монарховъ жизнь которыхъ столь необходима для блага управляемаго ими народа, несомнѣнно должно крайне тревожить каждаго. Въ этомъ мы могли убѣдиться съ воскресенья утромъ, когда — вызванный приступомъ болѣзни, который тянется уже нѣсколько недѣль, не разрѣшаясь съ желательною скоростью — припадокъ подагры у Ея Величества произвелъ здѣсь сильнѣйшую тревогу. Впрочемъ, слава Богу, болѣзненныя явленія дали только Ея Величеству случай выказать несомнѣнное геройство и рѣшимость, а также предусмотрительность и нѣжную заботу

cure and perpetuate to her people the blessings of her glorious reign, should the divine providence have put an end to it.

For this purpose Her Majesty thought proper monday morning to declare the young prince John, son of the prince of Brunswic and the princess Anne, great-duke of Russia and her successor. I send your lordship inclosed the proclamation thas was published on that occasion. The same day people of rank took the usual oath to acknowledge, stand by, and maintain this disposition; the next day this proclamation was published to this purpose and the oath printed, which all the regiments of guards took and subscribed early that morning, as everybody has done since. All this has been transacted with more tranquillity than a regiment of guards would have passed in Hide-park, but yet the circumstances of it and the authentic publication of what upon the very birth of the young prince the Czarinna privately declared was her design, and this coming something sooner than was expected and at a time Her Majesty was indisposed, naturally speaking, must make people believe she was more so, and increase their alarm, but as things seemed to take a more favourable turn wednesday, and when I was at court yesterday morning to wish the princess Anne joy on the declaration of the great-duke, everybody said that Her Majesty was better. I will hope as

---

о сохраненіи и обезпеченіи Россіи благъ, пріобрѣтенныхъ ея славнымъ правленіемъ, на случай, если бы Провидѣнію угодно было пресѣчь его.

Съ этой цѣлью Ея Величество въ понедѣльникъ утромъ признала за благо объявить младенца Іоанна Антоновича, сына принца брауншвейгскаго и принцессы Анны Леопольдовны, великимъ княземъ россійскимъ и своимъ наслѣдникомъ. Прилагаю при семъ вашему превосходительству манифестъ, обнародованный по этому поводу. Въ тотъ же день знатнѣйшія особы принесли обычную присягу, обѣщая признавать и поддерживать волю Государыни; на другой же день изданъ былъ прилагаемый манифестъ и напечатанъ текстъ присяги, который гвардейскіе полки, по принесеніи самой присяги, подписывали сегодня поутру; затѣмъ ту же присягу приносили и подписывали и всѣ прочіе. Все это свершалось въ бо́льшимъ спокойствіемъ, чѣмъ простой смотръ гвардіи въ Гайдъ-паркѣ. Тѣмъ не менѣе обстоятельства, при которыхъ совершалось это формальное заявленіе царской воли, частнымъ образомъ высказанной Царицей еще при самомъ рожденіи принца, естественно встревожили всѣхъ; обнародованіе воли Государыни явилось ранѣе, чѣмъ его ожидали, во время болѣзни Ея Величества,—все это вызывало преувеличенныя опасенія. Болѣзнь Царицы принимаетъ, однако, съ середы, по видимому, лучшій оборотъ. Вчера поутру, явясь ко двору съ поздравленіемъ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ по случаю провозглашенія сына ея великимъ княземъ, я слышалъ, будто Ея Величеству лучше. Буду надѣяться болѣе чѣмъ

much as I can, since I must yet fear for so precious a life more than I would.

As I am sure that I could never send His Majesty a more agreeable piece of news than that of the Czarinna's recovery, how happy should I also be to congratulate your lordship upon what would give me in my own particular a truer joy than I ever felt yet, and which would at the same time be rendered more perfect by Her Czarish Majesty having done me the honour and the justice too to declare wednesday morning, that she was persuaded that of all the foreign ministers I should be the most sensibly afflicted at her illness and rejoice the most sincerely at her recovery.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 63. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, October the 14th 1740.

...Your lordship will have seen by my dispatches the state of our negociation and that I am, at length, entering upon it; I wish that I could say as much of the probability of succeding in it. However as I am fully employed in drawing my report of the two conferences with count Osterman and stating his difficulties, as well as the alterations he insisted on,

---

позволяетъ разумъ, потому что опасаться за драгоцѣнную жизнь приходится болѣе, чѣмъ я бы желалъ.

Въ увѣренности, что и королю нельзя отправить извѣстія болѣе отраднаго, чѣмъ извѣстіе о выздоровленіи Царицы, какъ былъ бы я счастливъ поздравить ваше превосходительство съ радостью, которая и для меня лично была бы наибольшею изъ всѣхъ испытанныхъ мною радостей, особенно ввиду милостивыхъ словъ Ея Величества: въ среду поутру Государыня сдѣлала мнѣ честь и отдала мнѣ справедливость, высказавъ увѣренность, что изо всѣхъ представителей иностранныхъ государствъ я наиболѣе опечаленъ ея недугомъ и съ наибольшею искренностью порадуюсь ея выздоровленію.

№ 63. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 14-го октября 1740 г. (25-го октября н. ст.).

. . . Изъ предыдущихъ донесеній моихъ ваше превосходительство ознакомились съ ходомъ нашихъ переговоровъ; по крайней мѣрѣ знаете, что я, наконецъ, приступилъ къ нимъ. Сердечно желалъ бы извѣстить васъ и о вѣроятномъ успѣхѣ. Пока я весь погруженъ въ составленіе рапорта о двухъ совѣщаніяхъ своихъ съ графомъ Ос-

in order to dispatch a messenger as soon as possible, I shall be very short to-day.

The separate article I had some time ago from the saxon secretary, who received it by the post, for which imprudence of his court I scolded him; m-r Villiers also sent it me lately by the more safe way of m-r Keyserling's courier. Your lordship's copy is verbally the same with the other two, and if the rest succeed, this article will of course. The same will also greatly facilitate here His Majesty's views at Berlin, but till the first is done, there will be no pursuing the second with any great efficacy. I shall not lose sight of it, however. I have already acquainted your lordship with what count Ostermann told me, in confidence, of m-r Chetardie's communication of the french expedition to America. His excellency expects vigorous measures in the english squadron there. But everybody's thoughts have been so fully taken up with the Czarinna's sickness, that they have not had leisure to think of anything else, and besides nobody at this court, at any time, dare talk, except the duke of Courland, whom I have not seen yet. Her Czarish Majesty has had no return of her fainting fits since saturday. Though Her Majesty's doctors do not think she can be long lived, yet they flatter themselves that she may yet get over this attack, and in a short

---

терманомъ, о затрудненіяхъ, имъ создаваемыхъ, объ измѣненіяхъ, на которыхъ онъ настаиваетъ, дабы при первой возможности отправить къ вамъ нарочнаго со всѣми этими документами. Потому сегодня пишу очень кратко.

Сепаратную статью я недавно получилъ отъ саксонскаго секретаря, которому она переслана была почтою. Я указалъ ему на эту неосторожность дрезденскаго двора. Ту же статью прислалъ мнѣ на дняхъ Вильеръ съ бо́льшею осмотрительностью — съ курьеромъ Кейзерлинга. Копія, присланная вашимъ превосходительствомъ, конечно дословно тождественна съ полученными мною текстами. Если договоръ вообще состоится, статья эта будетъ принята сама собою. Успѣхъ договора окажетъ значительное содѣйствіе и видамъ его величества въ Берлинѣ; но пока не сдѣланъ первый шагъ, трудно расчитывать на успѣхъ послѣдующихъ; во всякомъ случаѣ не упущу ихъ изъ виду. Я уже передалъ вашему превосходительству все, что графъ Остерманъ высказалъ мнѣ конфиденціально о сообщеніи Шетарди по поводу французской экспедиціи въ Америку. Графъ ожидаетъ дѣятельныхъ мѣропріятій со стороны англійской эскадры въ американскихъ водахъ. Впрочемъ всѣ помыслы въ настоящее время до такой степени заняты болѣзнью Царицы, что ни о чемъ другомъ здѣсь думать некогда; да и вообще при здѣшнемъ дворѣ никто, кромѣ герцога курляндскаго, не осмѣливается говорить о чемъ бы то ни было; его же я давно не видалъ. Съ субботы обмороки Ея Величества не возобновлялись. Врачи не думаютъ, чтобы Государыня была

time they will be able to form a more certain judgement. According to all appearances, as well as by the accounts we can hear, the Czarinna's health is considerably mended since last post, and if it continues to do so a few days more, it is hoped not only that all danger is over, but also that Her Majesty may remove to her winter palace, where she will be infinitely more commodiously lodged, especially in this season when the summer one is and must be very damp.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 64. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, October the 18th 1740.

Though is no probability that the post will go away to-day, yet it will be my duty to endeavour to send your lordship this short letter; and sorry I am that it must contain the most melancholly news.

The Czarinna, after having had a relapse this day sevennight, attenaed with very fatal circumstances, and these symptoms growing every day worse, though they were all kept as secret as possible, died last night between the hours of nine and ten, the latter end of her life having been attended

---

долговѣчна, надѣются, однако, что настоящій приступъ пройдетъ благополучно; они думаютъ, что вскорѣ получатъ по крайней мѣрѣ возможность высказаться съ большею опредѣленностью. Во всякомъ случаѣ по тому, что приходится видѣть и слышать со времени отправленія прошлаго письма, здоровье Государыни значительно улучшилось; если улучшеніе продолжится еще нѣсколько дней, можно будетъ надѣяться, что опасность миновала и даже, что Ея Величество въ силахъ будетъ перебраться въ зимній дворецъ, гдѣ помѣщеніе несравненно удобнѣе. Въ лѣтнемъ дворцѣ осенью должно быть очень сыро.

№ 64. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 18-го октября 1740 г. (29-го октября н. ст.).

Хотя мало вѣроятно, чтобы почта отправилась сегодня, считаю своей обязанностью озаботиться — нельзя-ли какъ нибудь препроводить вашему превосходительству нѣсколько строкъ, къ сожалѣнію, самыхъ печальныхъ.

Съ недѣлю тому назадъ Царица почувствовала было нѣкоторое облегченіе, но затѣмъ наступили новые крайне тревожные симптомы. Они усиливались со дня на день, но это ухудшеніе хранилось въ строжайшей тайнѣ. Вчера вечеромъ Ея Величество скончалась между девятью и десятью часами послѣ чрезвычайныхъ страданій.

with such exquisite torments, that even those who had the greatest interest in her preservation, could only pray to God for her being delivered from so much misery.

Such has been the very untimely end of Her Majesty. Flattery is now no more, yet I cannot help adding, that she possessed in a very eminent degree all the qualities, which can compose the character of a great princess, without being liable to any of those failings, which might tarnish the beauty of it. With sovereign power to do whatever she had a mind, she never had a mind to do anything but what she ought. As the universal afflictions and tears of her subjects for the loss of this princess, whom they very justly looked upon to be their mother, are better elogies of her worth than anything I can say. I shall only beg leave, with all the truth of that affliction which I myself feel, to condole with His Majesty upon the loss of this princess, who upon all occasions expressed in the most lively manner her great friendship, esteem and regard for His Majesty's person, and who was so thoroughly persuaded of the importance of His Majesty's alliance, that she had it most sincerely at heart to be intimately united with him.

I have just now heard, that Her Majesty's great pains ceased some hours before her death, to be attributed to a mortification in her kidneys, and this the more likely because no urine passed for 24 hours. Her Ma-

---

Даже лица, живѣйшимъ образомъ заинтересованныя въ ея жизни, могли только подъ конецъ молить Бога о скорѣйшемъ избавленіи ея отъ такихъ мученій.

Такова была крайне несвоевременная кончина Государыни. Лесть теперь не нужна, тѣмъ не менѣе не могу не сказать, что усопшая обладала въ высшей степени всѣми достоинствами, украшающими великихъ монарховъ, и не страдала ни одною изъ слабостей, способныхъ омрачить добрыя стороны ея правленія: Самодержавная власть позволяла ей выполнять все, что бы она ни пожелала, но она никогда не желала ничего кромѣ должнаго. Всеобщая печаль, общія слезы всѣхъ подданныхъ о потерѣ монархини, въ которой они справедливо видѣли мать,—служатъ ей похвалою лучше всякихъ словъ, которыя бы я могъ измыслить, потому позволю себѣ только высказать искреннюю скорбь, которую ощущаю самъ, сочувствуя горю его величества о потерѣ монархини, которая при всякомъ случаѣ проявляла величайшую дружбу, уваженіе и расположеніе къ особѣ короля, всегда была глубоко увѣрена въ необходимости союза съ его величествомъ, и сердечно стремилась къ искреннему сближенію съ нимъ.

Я сейчасъ услыхалъ, что страданія Государыни прекратились за нѣсколько часовъ до ея кончины, приписываемой омертвѣнію почекъ и главнымъ образомъ тому, что больная въ теченіе сутокъ не выдѣляла урины, тѣмъ не менѣе Ея Величество

jesty however remained to the last in her senses. The Princesses Elisabeth and Anne were both to take leave of her not above 2 hours before she died. The duke of Courland afterwards coming in and standing at the feet of her bed, as your lordship will easily imagine, in a most afflicted posture, Her Majesty looking up said to him: «*nié bóis*»—the ordinary expression of this country, and the import of it is «*never fear*». These were the last words Her Majesty uttered, for immediately after a great difficulty of breathing succeeded and she ceased to breath. This morning the cabinet ministers, and all the great people were at court, and the guards were drawn up, when count Osterman, in the great hall, declared Her Majesty's death, and at the same time ordered the attorney general, prince Trubetskoi, to read aloud one article of Her Majesty's will, by which she declared his most serene highness the duke of Courland regent till the infant emperor John attained the age of 17 years compleat.

It is not to be expressed how the general consternation, natural upon the death of so great a princess, has been succeeded by as general a calm. entirely owing to the declaration of this regency; for every body in the country is sensible, that they can have nothing to fear under the administration of a prince, who has given so many proofs of his own intrepidity and prudence. This regency has been sworn to, and settled as perfectly, as anything so recent can be.

до послѣдней минуты сохранила сознаніе. Принцессы Елизавета Петровна и Анна Леопольдовна—обѣ явились проститься съ нею не болѣе какъ за два часа до кончины. Затѣмъ вошелъ и сталъ у ея постели въ ногахъ герцогъ курляндскій. Ваше превосходительство легко представите себѣ его крайне печальный видъ. Государыня взглянула на него и, употребляя обычное здѣсь выраженіе, сказала: «небось!» Это были послѣднія слова Ея Величества; тотчасъ-же наступило крайне затрудненное дыханіе, а затѣмъ оно и совсѣмъ прекратилось. Сегодня поутру кабинетъ-министры и всѣ важнѣйшія особы явились ко двору, гвардія была выстроена, и графъ Остерманъ въ большой залѣ дворца объявилъ о кончинѣ Государыни и въ то же время приказалъ генералъ-прокурору, князю Трубецкому, громко прочесть статью завѣщанія Ея Величества, которою его свѣтлость герцогъ курляндскій назначается регентомъ впредь до достиженія молодымъ императоромъ Іоанномъ полныхъ семнадцати лѣтъ.

Невозможно выразить, какъ внезапно общее смятеніе, естественное при кончинѣ великой Государыни, смѣнилось общимъ успокоеніемъ, вполнѣ подобающимъ объявленному регентству, такъ какъ всякій здѣсь знаетъ, что ему нечего опасаться подъ управленіемъ человѣка, уже давшаго столько доказательствъ своей неустрашимости и осмотрительности. Регентству присягнули и оно установилось прочно, какъ только можетъ быть прочнымъ едва народившееся учрежденіе.

As the saxon secretary Petzold has obtained leave to dispatch an estafette, and offered me the use of it, I send this dispatch by that conveyance to m-r Gibson, His Majesty's commissary at Dantzig, with most express orders to him to send it on with all expedition in the same way to m-r Trevor at the Hague.

P. S. I was in hopes of getting the proclamation, which is to be published to night in german, time enough to have inclosed it, but I am afraid of losing the estafette, however by it the duke of Courland is declared regent with all the same power, which Her late Majesty was vested with, till the majority of the young prince, with a clause that his highness may resign this regency, if he pleases, before that time, and that he is never hereafter to be responsible for any transactions during his regency.

P. S. I think that I have now settled our negociation in that manner, which I could have wished, to take upon me to have signed without farther instructions, if it had not been for the guaranty of the duchy of Courland, upon which I have not any, though I suppose that this will meet with no difficulty, most especially in the present situation of affairs. There is also the fifteenth article, in which count Osterman will have the present war with Spain virtually, though not nominally, excepted in the treaty, but we

---

Саксонскій секретарь Пецольдъ получилъ разрѣшеніе отправить эстафету и предложилъ мнѣ воспользоваться ею, потому посылаю это донесеніе черезъ него въ кувертѣ на имя Джибсона, коммиссара его величества въ Данцигѣ, съ строжайшимъ приказаніемъ Джибсону со всевозможной поспѣшностью препроводить его далѣе Тревору въ Гаагу.

P. S. Манифестъ, который долженъ выйти сегодня вечеромъ на нѣмецкомъ языкѣ, я надѣялся получить достаточно своевременно, дабы приложить его къ этимъ строкамъ, но боюсь пропустить эстафету. Манифестъ объявляетъ о назначеніи герцога курляндскаго регентомъ съ тою же властью, которою облечена была покойная Государыня, впредь до совершеннолѣтія юнаго Императора; причемъ сказано, что его свѣтлость вправѣ отказаться отъ регентства и ранѣе срока, если пожелаетъ, а также, что онъ не отвѣтственъ за распоряженія, сдѣланныя имъ во время регентства.

P. S. Мнѣ, кажется, удалось привести наши переговоры къ желаемому результату, придать договору видъ, въ которомъ я бы рѣшился подписать его безъ дальнѣйшихъ инструкцій, если бы не гарантія герцогства курляндскаго, по поводу которой я никакими инструкціями не снабженъ. Полагаю, однако, что и этотъ вопросъ не встрѣтитъ затрудненій, особенно при настоящемъ положеніи дѣлъ. Обращаетъ на себя вниманіе также статья 15-ая, которою графъ Остерманъ домогается, если не номинальнаго, то дѣйствительнаго исключенія изъ области договора настоящей войны нашей

have formed a separate article, and most secret article, by which his excellency hopes that this unfavourable appearance will be corrected and any of the king's objections entirely removed. So one short conference more with count Osterman, and I shall dispatch Kuoni with the whole, as soon as this death will allow a messenger to set out, and his excellency is now in haste as much as I be.

I hope and believe that this death will be attended with no ill consequences or disturbances here, nor have any influence on our treaty, at least there is not the least appearance of either, since his highness', the regent's, good intentions to England cannot be doubted of, and he will be now more at liberty to exert them.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 65. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, October the 21st 1740.

I informed your lordship last post by the saxon secretary's estafette of Her late Majesty's death, of the proclamation of the infant successor John the 3rd, and of the regency of his most serene highness the duke of Courland,—all which was notified to me sunday by the counsellor Henningen

---

съ Испаніею. Мы, однако, остановились на сепаратной и вполнѣ секретной статьѣ, которою графъ надѣется смягчить неблагопріятное значеніе статьи пятнадцатой и устранить возраженія со стороны короля. Еще одна конференція съ графомъ Остерманомъ, и я отправлю Куони съ полнымъ текстомъ трактата, какъ только окажется возможнымъ отправить курьера послѣ кончины Государыни. Графъ теперь также торопится окончаніемъ дѣла, какъ прежде имъ торопился я.

Надѣюсь и полагаю, что кончина Государыни не вызоветъ здѣсь ни худыхъ послѣдствій, ни волненій, не окажетъ вліянія и на нашъ договоръ. По крайней мѣрѣ нѣтъ ни малѣйшаго повода ожидать худыхъ вліяній, такъ какъ сомнѣваться въ добрыхъ отношеніяхъ его свѣтлости, регента, къ Англіи нѣтъ никакихъ основаній; онъ же можетъ проявить свои симпатіи свободнѣе, чѣмъ прежде.

№ 65. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 21-го октября 1740 г. (1-го ноября н. ст.).

Прошлый разъ я черезъ эстафету саксонскаго секретаря увѣдомилъ ваше превосходительсто о кончинѣ Ея Величества, о манифестѣ по поводу вступленія на престолъ ребенка — императора Іоанна третьяго (?) и регентства его свѣтлости герцога курляндскаго. Все это было оффиціально заявлено мнѣ въ воскресенье совѣтникомъ

with assurances that this alteration of the government here would occasion none in the former good dispositions of this court to cultivate on all occasions the king's friendship, to which I replied in the most suitable manner I could.

As the terms of this notification were concerted in council and prescribed to m-r Henningen, I desired count Osterman yesterday to let me have a copy of them, which his excellency promised, and, if he sends it time enough, I shall transmit it.

I was sunday morning to make my court to the duke regent and all the Courland family, being the only minister there except the saxon secretary, whom I called upon as I went. In my way I met the young monarch, who was removing from the summer to the winter palace. His Majesty was escorted by a detachment of the guards, proceeded by the grand-marshall, the other great officer of the court, and chambellans on foot; he himself was in a chair lying on his nurse's lap and followed by his mother, the princess Anne, who was in the first coach; there were several more in the train. I immediately stopped mine and got out to make His Majesty and her highness my bows and then went on to the regent, who had led the princess to her coach. The regent and the Courland family will stay some time longer at the summer palace on account of the hereditary prince's indisposition. When his serene highness received the compliments of the

---

Геннингеномъ при увѣреніяхъ въ томъ, что перемѣна правительства отнюдь не измѣнитъ стремленія русскаго двора къ поддержанію дружбы съ королемъ. Я отвѣчалъ съ своей стороны возможно соотвѣтственными увѣреніями.

Такъ какъ выраженія сдѣланнаго мнѣ заявленія обсуждались въ совѣтѣ и предписаны были Геннингену, я вчера просилъ графа Остермана дать мнѣ копію съ онаго, что графъ и обѣщалъ мнѣ исполнить. Если получу копію своевременно, перешлю ее вамъ сегодня же.

Въ субботу поутру я отправился съ привѣтомъ къ герцогу-регенту и всему курляндскому семейству. Изъ другихъ представителей дипломатическаго корпуса не было никого, кромѣ саксонскаго секретаря, захваченнаго по пути мною же. По дорогѣ я встрѣтилъ юнаго Государя, котораго перевозили изъ лѣтняго дворца въ зимній. Его Величество сопровождалъ отрядъ гвардіи; впереди ѣхали оберъ-гофмаршалъ и другой высшій чинъ двора; каммергеры шли пѣшкомъ. Самъ Государь въ каретѣ лежалъ на колѣняхъ кормилицы; его сопровождала мать, великая княгиня Анна Леопольдовна. За ихъ первой каретой ѣхало еще нѣсколько; образуя поѣздъ. Я немедленно остановилъ свой экипажъ и вышелъ изъ него, дабы поклониться Его Величеству и ея высочеству, и подошелъ къ регенту, который усаживалъ принцессу въ карету. Регентъ и семья его еще нѣсколько времени пробудутъ въ лѣтнемъ дворцѣ, вслѣдствіе

court sunday morning, his eyes were continually gushing into tears and he was obliged to have his handkerchief almost continually before them. I never saw so great an alteration, nor so strong affliction painted on two countenances, as there was on those of the duke regent and duchess.

I send your lordship french extracts of the manifest of John the 3rd, declaring his accession to the throne, the regency of the duke of Courland, and of the oath to be taken; and I add these at length, as they have been translated and printed here in german.

The form of prayer in the church is now for His Majesty, his parents—the princess Anne and prince of Brunswic, the princess Elizabeth, and for the duke regent, to whom everybody now gives the title of most serene highness, as I have in this letter in german «*Hochheit*», and I may add, that His Majesty having been the very first to congratulate him on his election to the dutchy of Courland has always been remembered by that prince with the greatest gratitude.

I was with count Osterman this morning and he offered me the use of a courrier, which will be dispatched to-night to Stockholm. I send your lordship a copy of my letter to m-r Burnaby. I believe that this also will go by an estafette, who will be sent with the notifications, signed by the duke

---

нездоровья наслѣднаго принца курляндскаго. Воскресенье, когда его свѣтлость принималъ поздравленія двора, глаза его безпрестанно наполнялись слезами и онъ все время долженъ былъ держать платокъ у лица. Я никогда не видалъ такой перемѣны и такого огорченія, написанными на лицѣ, какъ у герцога-регента и у герцогини.

Посылаю вашему превосходительству французскія извлеченія изъ манифеста Іоанна III-го (?), объявляющаго о своемъ вступленіи на престолъ, о регентствѣ герцога курляндскаго, призывающаго къ присягѣ. Къ нему приложенъ и полный текстъ присяги, переведенный съ текста, напечатаннаго здѣсь по нѣмецки.

Въ церквахъ установлены моленія за Его Величество, за родителей его, принцессу Анну Леопольдовну и принца брауншвейгскаго, за великую княжну Елисавету Петровну и за герцога-регента, котораго всѣ величаютъ «Altesse sérénissime», какъ я, по нѣмецки же—«Hochheit». Могу прибавить, что герцогъ всегда съ величайшей благодарностью помнитъ, какъ его величество первый поздравилъ его съ избраніемъ въ герцоги курляндскіе.

Сегодня поутру я бесѣдовалъ съ графомъ Остерманомъ. Онъ предложилъ мнѣ воспользоваться курьеромъ, который вечеромъ отправляется въ Стокгольмъ. Посылаю вашему превосходительству копію съ моего письма Бернэби. Полагаю, что и это письмо отправится съ эстафетой, которую посылаютъ съ нотификаціями, подписан-

regent and countersigned as usual. May I humbly take the liberty to desire, for God's sake, that precedents may not prevent titles upon this occasion, which may flatter and deter those, which will disoblige a prince, whose good intentions have been always known and exercised for the king's service, and who has now the whole power of this country in his hands. Your lordship will see more of this, when I can dispatch a messenger, and, I hope, after the first hurry is over, that I shall be soon able to do it, at least m-r Bestuchef whispered me sunday, that our negociation would now go well. Indeed I believe so, because they themselves may want the king more than His Majesty can want them, and your lordship will see that they are under some uneasiness on the swedish side, for count Osterman sent for me, the danish minister, and the dutch minister this morning, in order to desire of us, all three, to write to our colleagues at Stockholm to prevent any wrong notions gaining ground there at this juncture.

P. S. I have just now received the enclosed copy of the verbal notification.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

ными герцогомъ-регентомъ и контрсигнованными обычнымъ порядкомъ. Да будетъ мнѣ позволено, Бога ради, выразить желаніе, дабы на этотъ разъ въ титулахъ не руководились прецедентами; они могутъ только доставить удовольствіе лицамъ, нерасположеннымъ къ герцогу, доброе отношеніе котораго къ королю хорошо извѣстно и проявлялось постоянно, и который держитъ теперь всю Россію въ своихъ рукахъ. Въ этомъ ваше превосходительство ясно убѣдитесь, когда мнѣ удастся отправить вамъ курьера. Это мнѣ удастся, вѣроятно, вскорѣ, какъ только минетъ первая суматоха; по крайней мѣрѣ въ воскресенье Бестужевъ шепнулъ мнѣ, что переговоры наши теперь пойдутъ хорошо. Вѣрю, такъ какъ сближеніе съ королемъ русскимъ министрамъ теперь важнѣе, чѣмъ королю сближеніе съ ними: ваше превосходительство усмотрите, что здѣсь опасаются чего-то со стороны Швеціи. Сегодня поутру графъ Остерманъ прислалъ за мною и за представителями Даніи и Голландіи, и обратился къ намъ троимъ съ просьбою написать нашимъ товарищамъ въ Стокгольмѣ, дабы предупредить ложные слухи, которые тамъ распространяются ввиду послѣднихъ событій въ Россіи.

P. S. Сейчасъ получилъ прилагаемую копію словеснаго заявленія.

№ 66. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Whitehall, October the 21st 1740.

Your letter of the 23rd past o. s., which I acknowledged last post, I have since laid before the king, who was very glad to see you were expecting to have a conference soon with the russian ministers, His Majesty waiting with some impatience to learn the sentiments of that court in regard to the present scene of affairs in Europe, and in particular being desirous to know their final resolution as to our long depending negociation. Count Osterman will probably have heard, since what he mentioned to you concerning miss Taube, that the resolution was actually taken for her removal from Stockholm, so that any interposition on the king's part in that business, if His Majesty should have judged it proper, is become unnecessary.

The papers you have sent as well in relation to captain Elton's proposal, as to the business of the russian passports and Sound-duties, are before the board of trade, whose report upon those points I am waiting for in order to send you His Majesty's farther orders; but in the mean time, with regard to the former, I may acquaint you, that the suggestion of opening that new channel of trade meets hitherto with a general approbation, and till such time as you can receive more particular instructions, you will

---

№ 66. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Уайтгэлль, 21-го октября 1740 г. (1-го ноября н. ст.).

Ваше письмо отъ 23-го минувшаго сентября, о полученіи котораго я извѣщалъ васъ съ прошлою почтой, было предъявлено королю. Его величеству очень пріятно было узнать, что вамъ вскорѣ предстоитъ совѣщаніе съ русскими министрами: онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, каковы окажутся отношенія русскаго двора къ современному положенію Европы и особенно—каково будетъ ихъ окончательное рѣшеніе по поводу нашихъ продолжительныхъ переговоровъ. Графъ Остерманъ, послѣ разговора съ вами о желательномъ удаленіи Таубе, вѣроятно уже слышалъ, что удаленіе ея изъ Стокгольма рѣшено, такъ что всякое вмѣшательство короля въ это дѣло, если бы даже его величество и рѣшился на такой шагъ, становится безполезнымъ.

Присланные вами документы касательно предложенія капитана Эльтона, а также касательно русскихъ паспортовъ и зундскихъ пошлинъ переданы въ торговую палату, рапорта которой ожидаю прежде, чѣмъ прислать вамъ дальнѣйшія приказанія короля. Пока могу, однако, сказать по поводу плана Эльтона, что мысль объ открытіи предложеннаго имъ новаго торговаго пути встрѣчаетъ общее сочувствіе, потому вы и до

therefore do all in your power towards facilitating the means of carrying it through and encouraging its success.

I have just received your dispatch of the 24th past o. s., which is not yet decyphered.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 67. Ed. Finch to ther ight honourable m. Weston.

St. Petersburgh, October the 25th 1740.

As I am fully employed in preparing a load of papers, which I design to dispatch by Kuoni as soon as they are ready and I can get the passeport I asked of count Osterman yesterday. I hope, my lord, will excuse my not writing to him to-day and I shall have nothing to add to you, but that there has been a general and most extensive act of grace published this morning, but the german translation of it is not yet printed. This act, I hear, pardon all crimes, discharges, all debts, due to the crown, and remits one quarter of the capitation tax. There has also been several promotions, among others of six major-generals, and, I hear, also of some imprisonments, upon all which I shall be more particular by Kuoni.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

полученія болѣе точныхъ инструкцій можете предпринять все возможное, дабы облегчить ея осуществленіе и поощрить задуманное предпріятіе.

Сейчасъ получилъ ваше донесеніе отъ 27-го сентября ст. ст., шифръ котораго еще не разобранъ.

№ 67. Эд. Финчъ Вестону.

С.-Петербургъ, 25-го октября 1740 г. (5-го ноября н. ст.)

Все мое время занято заготовленіемъ груды бумагъ, которыя намѣреваюсь отправить съ Куони, какъ только онѣ будутъ готовы и какъ скоро получится паспортъ, о которомъ я вчера уже просилъ графа Остермана. Потому лордъ вѣроятно извинитъ, что этотъ разъ не пишу почти ничего. Сегодня изданъ очень длинный милостивый манифестъ, нѣмецкій переводъ котораго, однако, еще не отпечатанъ. Я слышалъ, будто имъ прощаются всѣ преступленія, казенные долги и четвертая доля подушной подати. Были и многія повышенія; произведено между прочимъ шесть генералъ-маіоровъ. Слышно тоже о нѣсколькихъ арестахъ, о которыхъ болѣе подробно напишу съ Куони.

№ 68. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, October the 28th 1740.

When I wrote to m-r Weston the 25th, I was in hopes of receiving the passport I had desired the day before and to have dispatched the messenger immediately, but not finding the passport came, I went yesterday to inquire the reason of count Osterman, and his excellency told me, that when he sent what we two had agreed on, to the cabinet (where I know it was examined last saturday), one of those ministers, without naming m-r Bestuchef, had made an objection to one point, which is, in itself, the greatest trifle; that this therefore must be changed and that he would send for me, as soon as possible, to put the finishing hand to the whole, and then I should have the passport to send my courrier away, without I choose myself to keep him back a day or two, till they could have heard something of the plan of the court of Vienna, since the emperor's death the news of which fatal loss he had that moment received by an estafette. I hope that the king will not impute this delay to any negligence of mine, and I flatter myself that your lordship will see, on the arrival of the messenger, that I have not been idle in this very busy time.

I cannot help condoling with your lordship on the great catastrophe

---

№ 68. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 28-го октября 1740 г. (8-го ноября н. ст.).

25-го октября, когда я писалъ Вестону, я надѣялся немедленно получить паспортъ, о которомъ просилъ въ тотъ же день. Не получая его, я вчера отправился къ графу Остерману за объясненіями. Графъ отвѣчалъ, что передалъ кабинету состоявшееся между нами соглашеніе (въ кабинетѣ, какъ мнѣ извѣстно, оно разсматривалось прошлую субботу), гдѣ одинъ изъ министровъ (Бестужева онъ не назвалъ) возразилъ на одинъ пунктъ, въ сущности совсѣмъ маловажный; надо предварительно измѣнить его, и тогда, въ возможно непродолжительномъ времени, графъ пришлетъ за мною для окончательной редакціи; тогда же выданъ будетъ мнѣ и паспортъ для отправки курьера, развѣ я самъ пожелаю задержать его еще день, другой, пока здѣсь не ознакомятся съ положеніемъ вѣнскаго двора по смерти императора, о кончинѣ котораго печальная вѣсть только что получена съ эстафетой. Надѣюсь, король не припишетъ эту задержку небрежности съ моей стороны и ваше превосходительство, взглянувъ на все, что привезетъ Куонн, убѣдитесь, что я не оставался празднымъ за это хлопотливое время.

Не могу не высказать сочувствія вашему превосходительству по поводу круп-

at Vienna in this critical juncture. What ample matter for my congratulation would there be, if the emperor's succession and the government of the empire could be settled with as much ease, and carried on with as much tranquillity, as on our great loss here we have seen, and with all the appearances of the happy continuation of what has been so prudently begun.

The regent still continues at the summer palace on account of the hereditary prince of Courland's fever, which now intermits; by consequence the danger of it is over, and in effect he mends every day.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 34).

№ 69. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch [1]).

Whitehall, October the 31st 1740.

I have laid before the king your dispatches of the 30th September and 4th instant, by which His Majesty saw that you had began with count Osterman upon the particulars of your negociation and is now waiting for the exact account you proposed sending, as soon as possible, of all that should

---

ной катастрофы, происшедшей въ Вѣнѣ. Какъ сердечно я бы поздравилъ васъ, если бы, при настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ, вопросъ по наслѣдію и по управленію имперіей разрѣшился также легко и также мирно, какъ при великой потерѣ, здѣсь нами понесенной, и съ тѣми же видами на счастливое продолженіе порядка, водвореннаго съ такой осмотрительностью.

Регентъ все еще остается въ лѣтнемъ дворцѣ вслѣдствіе лихорадки, которою страдаетъ наслѣдный принцъ курляндскій. Она перешла въ перемежающуюся, потому опасность, надо полагать, миновала; больному, дѣйствительно, день ото дня становится лучше.

№ 69. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Уайтгэлль, 31-го октября 1740 г. (11-го ноября н. ст.)

Я предъявилъ королю ваши депеши отъ 30-го сентября и 4-го октября. Изъ нихъ его величество убѣдился, что вы приступили къ обсужденію, вмѣстѣ съ графомъ Остерманомъ, частностей договора, почему ожидаетъ обѣщаннаго вами въ возможно непродолжительномъ времени подробнаго отчета обо всемъ происходившемъ

---

1) Все письмо писано шифромъ.

have passed, in order to furnish you with fresh instructions upon every point that shall require it.

You will have the news from Vienna, long before this letter can reach you, of the death of the late emperor, and will, I doubt not, have already sent as particular an account as possible of the thoughts and intentions of the court where you reside in relation to that important event, which the king will be extremely glad to receive, and, in the mean while, that no time may be lost in this great crisis of the affairs in Europe in informing you of His Majesty's pleasure as to your own conduct, I am to acquaint you that the king would have you represent, in confidence, to the duke of Courland and the Czarinna's ministers, that, as the new and dangerous scene of public affairs, which is now opened, requires the immediate concurrence of all such powers, as are well-wishers to the liberties of mankind, in taking proper measures for the support of the ballance of Europe, and as His Majesty is so firmly united in friendship to the Czarinna and has so strong a persuasion of her good intentions, he would lose no time in directing you to confer with them upon that subject. That the consequences to be apprehended from the ambitions views of some powers upon so favourable an occasion of exerting them, are such, as will effect that princess's particular interests, as well as those of His Majesty, and that the engagements they have entered into for maintaining the indivisibility of the austrian succes-

---

между вами и графомъ, дабы снабдить васъ новыми инструкціями въ чемъ потребуется.

Вы, конечно, задолго до прибытія этого письма, получите изъ Вѣны извѣстіе о кончинѣ императора и, вѣроятно, уже отправили намъ возможно точный отчетъ о взглядахъ и намѣреніяхъ русскаго двора, вызванныхъ этимъ важнымъ событіемъ. Его величеству очень пріятно будетъ ознакомиться съ ними. Пока, дабы не терять времени ввиду великаго кризиса, разразившагося въ Европѣ, спѣшу ознакомить васъ, какое направленіе королю угодно дать вашему поведенію при русскомъ дворѣ. Его величество желаетъ, чтобы вы конфиденціально обратили вниманіе герцога курляндскаго и министровъ на то, что вновь опредѣлившееся положеніе дѣлъ требуетъ немедленнаго содѣйствія европейскому равновѣсію со стороны всѣхъ державъ, которыя дорожатъ свободой человѣчества; а ввиду тѣсной дружбы короля съ Царицей и его увѣренности въ добрыхъ намѣреніяхъ Ея Величества, король прямо поручаетъ вамъ переговорить по этому вопросу. Послѣдствія, которыхъ можно ожидать отъ честолюбивыхъ замысловъ нѣкоторыхъ дворовъ при настоящихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, близко затрогиваютъ какъ интересы Россіи, такъ и интересы Великобританіи; обязательства, принятыя этими государствами по охранѣ нераздѣльности австрійскаго

sion in favour of the present queen of Hungary, are the same, and that therefore the king hopes they will acquaint you without any reserve with the conduct the Czarinna intends to hold in relation thereto, the king being extremely desirous of entering into an entire communication of counsels thereupon with Her Czarish Majesty.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

№ 70. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Pétersbourg, le 1 Novembre 1740.

V. E. me pardonnera la liberté que je prends de lui envoyer cette dépêche en françois; je le fais parcequ'elle doit en même tems tenir en quelque façon de la nature d'un protocole. Il s'agit présentement de vous informer, mylord, du résultat des deux conférences que j'ai eu l'honneur d'avoir avec S. E. m-r le comte Osterman sur notre grande affaire; et comme le bien du service des deux cours et l'acheminement de la négociation sur le tapis dépendront infiniment de la relation fidèle et exacte de tout ce qui s'est passé dans ces deux conférences, je l'ai cru de mon devoir de coucher ma minute en françois, dans le dessein de la communiquer à m-r le comte Osterman, pour que S. E. puisse voir, que je n'ai rien oublié

наслѣдства въ рукахъ королевы венгерской, совершенно однородны; потому—король надѣется — русское правительство откровенно сообщитъ вамъ, какъ оно намѣрено держаться въ данномъ случаѣ. Онъ искренно желалъ бы дѣйствовать на основаніи полнаго соглашенія съ Ея Царскимъ Величествомъ.

№ 70. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 1-го ноября 1740 г. (12 ноября н. ст.).

Простите, милордъ, что осмѣливаюсь отправить вамъ это донесеніе на французскомъ языкѣ. Позволяю себѣ это потому, что донесеніе мое должно въ извѣстной мѣрѣ имѣть характеръ протокола, такъ какъ мнѣ предстоитъ ознакомить васъ съ результатами двухъ совѣщаній моихъ съ графомъ Остерманомъ по нашему важному дѣлу. Польза обоихъ дворовъ и преуспѣяніе настоящихъ переговоровъ находятся въ тѣсной зависимости отъ вѣрной и точной передачи всего, происходившаго на этихъ совѣщаніяхъ, потому я счелъ необходимымъ изложить ихъ содержаніе по французски, съ цѣлью сообщить написанное графу Остерману, дабы его сіятель-

du sien par inadvertance, ni ajouté du mien à dessein; et pour que ce ministre puisse dire, si j'avois mal compris son sens; car il ne me soupçonnera jamais de l'avoir mal représenté. De plus quand m-r le comte Osterman aura vu et approuvé cette minute telle que vous la recevrez, mylord, par le courrier, sans le changement d'un jota, il semble, qu'elle aura une sorte d'authenticité, qui approchera de bien près à celle d'un protocole ajusté. De cette manière le roi étant pleinement informé de tout ce qu'il importe à son service de savoir, Sa Majesté sera en état de juger par elle-même de chaque chose, de prendre ses résolutions, et de m'envoier ses ordres et instructions.

J'ai déjà eu l'honneur de vous mander, mylord, que sur l'invitation de m-r le comte Osterman, après avoir été interrompu le 28 du passé, je fus à la première conférence le lendemain avec S. E.. Nous y parcourumes le projet qui m'a été confié, et que je lui avois remis plusieurs semaines auparavant. Le ministre toucha sur plusieurs difficultés et objections qu'il avoit à faire aux conditions, et me proposa autant de changemens, mais des changemens d'une nature que les instructions du roi ne me permettent d'accepter de mon chef, malgré toute la facilité que je souhaite d'apporter dans toutes les négociations qui passeront par mes mains, et malgré les dé-

---

ство могъ убѣдиться, что я не забылъ, по нечаянности, ни одного изъ его положеній, и не прибавилъ намѣренно ничего отъ себя; дабы графъ могъ указать, въ чемъ я его плохо понялъ, (въ неправильной передачѣ его словъ онъ меня никогда не заподозритъ). Разъ графъ Остерманъ прочтетъ и одобритъ мое донесеніе въ томъ видѣ, какъ ваше превосходительство его получите отъ курьера, безъ малѣйшаго измѣненія, донесеніе это, кажется, получитъ достовѣрность очень близкую къ достовѣрности точнаго протокола. Такимъ образомъ, вполнѣ ознакомленный со всѣмъ, что ему знать по настоящему дѣлу необходимо, король въ состояніи будетъ самостоятельно судить о каждой подробности, принять свое рѣшеніе и прислать мнѣ свои распоряженія и инструкціи.

Я уже имѣлъ честь увѣдомить васъ, какъ, по приглашенію графа Остермана, я, послѣ задержки 28-го сентября, на другой же день имѣлъ совѣщаніе съ его сіятельствомъ. Мы вмѣстѣ прочли проектъ, мнѣ порученный и переданный мною графу нѣсколько недѣль тому назадъ. Вице-канцлеръ указалъ на нѣкоторыя затрудненія, на возраженія, которыя онъ имѣетъ сдѣлать по поводу изложенныхъ статей и предложилъ мнѣ соотвѣтствующія поправки, но поправки такого рода, что, по даннымъ мнѣ королемъ инструкціямъ, я не могъ принять ихъ собственною властью, не смотря на все желаніе внести въ идущіе черезъ мои руки переговоры

sirs sincères que j'ai de finir aussitôt qu'il sera possible celle-ci au contentement des deux cours, comme il y va de leur intérêt réciproque en particulier et du bien des affaires de l'Europe en général.

Les difficultés de son côté et les explications du mien se passèrent quelques fois avec sangfroid, d'autres fois avec un peu de chaleur, mais toujours d'une manière si vague et si peu méthodique (nous étions comme des vrais sauteurs en liberté), que toutes ces discussions ne nous menoient à rien, ni ne faisoient avancer la négociation d'un seul pas. Je proposais donc à S. E. de me permettre de coucher sur le papier les explications ou si vous voulez, mylord, une espèce d'élucidation sur tous les articles, qui avoient déjà ou qui pourroient dans la suite causer la moindre difficulté, puisque de cette manière j'aurois l'occasion de détailler toutes les raisons et motifs, qui avoient déterminé le roi de proposer chaque condition, et qui en faisant valoir la parfaite égalité et la réciprocité scrupuleuse, que Sa Majesté n'avoit en vue que de chercher de son côté, j'espérois d'éloigner toutes difficultés et objections, qui pourroient encore subsister de ce côté-ci. S. E. ayant agréé cet expédient, je me mis d'abord à coucher sur le papier les explications sur chaque article selon la note que j'en avois prise, me servant pour cet effet de ces bons matériaux que vous avez mis entre mes mains, mylord. Je joins ici une copie de cette pièce, par laquelle V. E.

возможно бóльшую уступчивость, не смотря на искреннее стремленіе покончить дѣло возможно скорѣе къ взаимному удовольствію дворовъ, интересовъ которыхъ оно касается по преимуществу, а также иввиду общихъ интересовъ Европы.

О встрѣтившихся затрудненіяхъ мы объяснялись со стороны графа и съ моей стороны то хладнокровно, то съ нѣкоторою горячностью, но все время съ такой неопредѣленностью, съ такимъ недостаткомъ послѣдовательности (мы походили на какихъ-то свободныхъ скакуновъ), что всѣ наши разсужденія не вели ни къ чему, не подвигали переговоры ни на шагъ. Видя это, я предложилъ его сіятельству — не позволитъ ли онъ мнѣ письменно изложить объясненія или, если хотите, поясненія статей, вызвавшихъ или способныхъ вызвать впослѣдствіи малѣйшія затрудненія; такъ какъ письменное изложеніе дастъ мнѣ возможность подробно привести причины и поводы, вызвавшіе короля на предложеніе тѣхъ или иныхъ условій договора, указать на сколько его величество постоянно стремился къ совершенному равенству и строгой взаимности обѣихъ сторонъ, въ надеждѣ, что такимъ путемъ устранятся всякія возраженія, всякія затрудненія со стороны Россіи. Его сіятельство изъявилъ согласіе, и я немедленно принялся за письменное объясненіе мною отмѣченныхъ статей, руководствуясь прекраснымъ матеріаломъ, которымъ снабдили меня ваше превосходительство. Прилагаю при семъ копію этого матеріала, дабы вы убѣдились, что источникомъ

verra, que c'est d'origine son ouvrage, il n'y a que la traduction, que j'ai taché de rendre fidèle, qui m'appartient.

A mon retour de la cour le 4 au matin je rendis cet écrit à m-r le comte Osterman, et je le lui laissai pour le parcourir à son loisir, d'autant que nous devions être l'un et l'autre occupés avec notre poste ce jour-là, qui étoit celui du courrier ordinaire.

Les justes et tristes alarmes pour la santé la plus précieuse de ce pays-ci commencèrent le lendemain et donnèrent tant d'occupations à m-r le comte Osterman, que son invitation de l'aller trouver le 9 après diner ne me surprit pas plus, qu'elle me convainquit de ses bonnes dispositions à finir cette importante négociation. Je suis au désespoir que de telles circonstances aient fourni à S. E. des preuves si fortes de ses intentions, dont d'ailleurs je n'aurois jamais pu douter un instant. Enfin je me rendis chez S. E. et je vous avoue, mylord, dans l'espérance et même dans l'attente, que dans le cas de quelques difficultés encore à applanir, le ministre me les donneroit sur le papier, mais les premières restèrent et le dernier ne parut pas. S. E. alléguoit pour raison, que la négociation par écrit lui paroissant trop longue; elle avoit mieux aimé, que la chose fut traitée de bouche, et pour cet effet elle souhaitoit fort, que je voulusse retourner le lendemain avec tous mes papiers pour entrer de cette manière-la en matière.

моего труда послужила ваша собственная работа, что мнѣ собственно принадлежитъ только переводъ, который я старался сдѣлать возможно точнѣе.

Возвратясь отъ двора 4-го октября поутру, я передалъ свою рукопись графу Остерману, оставивъ ее у него, дабы онъ могъ свободно ознакомиться съ нею, тѣмъ болѣе, что въ этотъ день и ему, и мнѣ предстояло заняться почтою (это былъ обычный почтовый день).

На другой день возникли печальныя, но справедливыя опасенія за драгоцѣннѣйшее для Россіи здоровье, и они поглотили все время графа Остермана, потому я очень удивился приглашенію явиться къ нему 9-го послѣ обѣда, хотя оно и убѣдило меня въ его дѣйствительномъ желаніи скорѣе покончить наши важные переговоры. Я въ отчаяніи, что такое рѣзкое доказательство добрыхъ намѣреній его сіятельства, въ которыхъ я и безъ того ни на минуту не сомнѣвался, мнѣ пришлось почерпнуть изъ столь печальныхъ обстоятельствъ. Какъ бы то ни было, я явился къ графу въ надеждѣ, даже въ ожиданіи, что, въ случаѣ новыхъ недоразумѣній, его сіятельство передастъ мнѣ свои сомнѣнія на бумагѣ; но недоразумѣнія оказались, письменнаго же изложенія ихъ заготовлено не было. Графъ заявилъ, что письменные переговоры требуютъ слишкомъ много времени, что онъ предпочелъ бы устныя совѣщанія и на этомъ основаніи очень просилъ меня возвратиться на другой день со всѣми бумагами, дабы приступить къ дѣлу.

Quoique les objections de S. E. par écrit et mes répliques eussent beaucoup servies à raccourcir la besogne ou du moins à m'aider à faire un rapport précis au roi, cependant, sans balancer un instant à me conformer aux désirs de S. E., je me rendis chez elle le lendemain 10 selon ses ordres et ce sera de cette conférence de bouche que je tacherai présentment de vous rendre un compte fidèle par écrit.

Comme depuis le premier moment que nous entrâmes un peu sérieusement dans cette négociation m-r le comte Osterman dans toutes les occasions m'avoit parlé du *titre*, aussi étoit-ce par cet endroit qu'il entama cette conférence, S. E. ajoutant, que feu le roi, aussi bien que la France, n'ayant autrefois fait aucune difficulté là-dessus, comme il parait par le 5 article du projet du traité proposé, comme je crois, par m-r Campredon, lequel fut communiqué ici au défunt sieur Rondeau et par lui envoyé à V. E. le 10 Avril 1739, S. E. espéroit que Sa Majesté heureusement regnant ne feroit pas plus de difficulté d'accorder ce titre à-présent.

Je répondis que, connaissant si bien l'amitié, l'estime et les égards du roi, mon maître, pour la personne de sa haute alliée, je ne pouvois pas douter que le roi ne consentit à lui donner cette preuve de tous ses sentimens pour elle, et qu'il ne ressentit un plaisir extrême d'avoir cette occasion d'en faire un à Sa Majesté Impériale de toutes les Russies; et que S. E. pouvoit re-

---

Письменныя возраженія его сіятельства вмѣстѣ съ моими отвѣтами на нихъ, полагаю, значительно бы сократили работу, по крайней мѣрѣ помогли бы мнѣ дать королю точный отчетъ о ходѣ ея; тѣмъ не менѣе, не колеблясь ни минуты, я рѣшился согласоваться съ желаніями графа, и на другой день, 10-го октября, сообразно его приказанію, явился къ нему. Объ этомъ-то устномъ совѣщаніи я постараюсь дать вамъ точный письменный отчетъ.

Съ перваго же момента нашихъ сколько нибудь серьезныхъ переговоровъ, графъ Остерманъ при всякомъ случаѣ заговаривалъ со мною о *титулѣ*. И этотъ разъ онъ открылъ совѣщаніе тѣмъ же вопросомъ, прибавивъ, что ни покойный король, ни Франція прежде не дѣлали никакихъ затрудненій по этому вопросу, что видно и изъ 5-ой статьи проекта трактата, предложеннаго здѣсь, если не ошибаюсь, Кампредономъ, сообщеннаго Рондо и препровожденнаго имъ вашему превосходительству 10-го апрѣля 1739 года. Графъ выразилъ надежду, что и нынѣ благополучно правящій король не встрѣтитъ затрудненій принять тотъ же титулъ.

Я отвѣчалъ, что, зная съ какимъ дружелюбіемъ, уваженіемъ, почтеніемъ король, государь мой, относится къ высокой своей союзницѣ, не могу сомнѣваться въ согласіи короля дать ей это доказательство своихъ чувствъ къ ея особѣ, и въ томъ, что такой случай доставитъ удовольствіе Ея Императорскому Величеству будетъ ему особенно пріятенъ. Я просилъ графа замѣтить, что довольно ясно указалъ на эту любезность

marquer que j'avois assez clairement insinué cette complaisance du roi, mon maître, à la fin du pénultième paragraphe de mes explications du projet.

Nous parcourûmes alors la minute de l'article; il s'y est trouvé quelque différence dans les termes entre ma copie et celle, que S. E. avoit entre ses mains, laquelle fut de mot en mot tirée de l'article 5 du traité de m-r Campredon; mais toutes ces différences consistant plus dans les expressions que dans le sens, ne sont d'aucune importance, il n'y avait que le terme *préférence*, suivant immédiatement *prérogative* et *prééminence*, qui me parut sonner un peu dur aux oreilles de S. E., et je lui dis que je ne voyois pas la moindre difficulté à le rayer. Quant à l'article, S. E. me disoit, qu'il serait laissé entièrement à mon choix ou de l'insérer dans le corps du traité, comme il se trouve dans le projet de Campredon, ou de le joindre à la suite sous la forme d'un article séparé, toujours bien entendu, que dans ce dernier cas il sera censé de faire une partie du traité, et dont le style serait changé partout, et *Sa Majesté Impériale* insérée en chaque endroit, où il sera question de la nommer. Il m'a paru de si peu de conséquence, que cela fût fait de l'une ou de l'autre manière, que j'assurai S. E. à mon tour, qu'elle en serait elle-même le maître.

Ceci étant ainsi réglé, nous prîmes en mains le projet. S. E. ne trouve rien à redire ni au préambule, ni aux trois premiers articles sinon qu'elle

---

короля, государя моего, въ концѣ предпослѣдняго параграфа моихъ объясненій на проектъ.

Мы затѣмъ прочли проектъ статьи. Въ текстѣ моей копіи и экземпляра, находившагося въ рукахъ графа, дословно заимствованнаго изъ 5-й статьи трактата Кампредона, встрѣтилась нѣкоторая разница, но именно только въ выраженіяхъ, не въ смыслѣ, разница маловажная. Слово «préférence», слѣдуя непосредственно за «prérogative» и «prééminence» кажется звучало нѣсколько жестковато въ ушахъ графа, и я спѣшилъ замѣтить, что ни мало не стою за него. Что касается самой статьи, графъ заявилъ, что мнѣ вполнѣ предоставлено будетъ вставить ее въ текстъ трактата (какъ онъ вставленъ въ проектъ Кампредона) или же присовокупить ее въ концѣ сепаратною статьей; она, однако, во всякомъ случаѣ, будетъ считаться принадлежащей къ трактату, изложеніе котораго видоизмѣнится во всѣхъ частяхъ въ томъ смыслѣ, что титулъ «Sa Majesté Impériale» внесенъ будетъ всюду, гдѣ будетъ упоминаться о Государынѣ. Мнѣ мѣсто статьи показалось совершенно безразличнымъ, и я, въ свою очередь, предоставилъ графу распорядиться въ этомъ отношеніи, какъ ему за благоразсудится.

Когда это было порѣшено, мы взяли проектъ въ руки. Графъ не нашелъ собственно сказать ничего ни по поводу вводныхъ строкъ, ни по поводу трехъ первыхъ

croyoit que dans le premier article *union* à la place de *confédération* après *amitié* et *alliance* iroit mieux, et je l'ai ainsi annoté à côté.

Nos difficultés commencèrent à l'article 4, m-r le comte Osterman me disant, qu'on souhaiteroit que non seulement le secours maritime proposé par le roi, mais que le même corps de troupes de terre, que Sa Majesté demande de la Russie, fut aussi stipulé de son côté selon l'article 6 de Campredon (bien entendu, que ceci ne devait pas regarder le nombre ni la répartition de ces troupes de terre, lesquels au lieu de 8000 fantassins et 4000 dragons pourroient rester sur le pied proposé à-présent, c'est à dire 10,000 fantassins et 2,000 dragons); qu'à l'encontre la Russie s'engageroit de son côté de fournir une escadre ou un corps de troupes de terre selon les occurences et selon ce que le roi pourroit désirer ou en avoir besoin dans la suite. Comme je ne pouvois pas m'empêcher de regarder S. E. avec de grands yeux, elle remarqua de reste mon étonnement, et continua à me dire, qu'on devoit songer dans ces occasions à conserver une égalité parfaite, laquelle ne s'y trouveroit pas peut-être, si on vouloit réfléchir que le secours de la Grande-Bretagne ne pouvoit pas rendre le moindre service que 4 ou 5 mois de l'année tout au plus, pendant que le secours par terre de la Russie rendrait service tous les douze mois de l'année; qu'il falloit encore considérer que la flotte angloise étant pourvue de tout avant que de mettre à la voile, cet argent restoit dans le pays, pendant que tout celui,

---

статей; онъ только въ первой статьѣ замѣтилъ, что послѣ словъ «amitié et alliance» слово «union» было бы умѣстнѣе, чѣмъ «confédération», что я и отмѣтилъ.

Затрудненія начались при статьѣ 4-ой. Графъ Остерманъ заявилъ, что, сообразно съ статьей 6-й проекта Кампредона, отъ короля желательно было бы получить не только предложенную помощь на морѣ, но еще и корпусъ сухопутныхъ войскъ, равный корпусу, котораго его величество требуетъ отъ Россіи (при этомъ, конечно, не требуется согласованія съ проектомъ Кампредона ни въ числѣ войскъ, ни въ распредѣленіи рода оружія; вмѣсто 8000 пѣхоты и 4000 драгунъ можно оставить предложенное въ нашемъ проектѣ число — 10 т. пѣхоты и 2 т. драгунъ); что Россія обязалась бы и съ своей стороны доставить эскадру или корпусъ сухопутныхъ войскъ, смотря по обстоятельствамъ, сообразно съ желаніемъ короля или съ потребностями, которыя выяснятся впослѣдствіи. Я не удержался — взглянулъ на графа удивленными глазами. Замѣтивъ это, графъ продолжалъ: «въ подобныхъ случаяхъ необходимо стремиться къ совершенному равенству, котораго, пожалуй, не окажется, если принять во вниманіе, что помощь Великобританіи можетъ быть полезной Россіи только въ теченіе четырехъ-пяти мѣсяцевъ въ году, отнюдь не болѣе, между тѣмъ сухопутная помощь Россіи является полезною круглый годъ. Нельзя упускать изъ виду и того, что англійскій флотъ снабжается всѣмъ необходимымъ прежде вы-

qui devoit être dépensé pour la paye et l'entretien des troupes de la Russie, sortoit de ce pays-ci sans la moindre possibilité d'y retourner, et devoit par conséquent être placé à pure perte, et qu'au bout du compte la flotte ne pourroit jamais leur être de la moindre utilité, que contre la Suède seule, car contre leur autres voisins, comme la Pologne et la Prusse, quel moyen de l'employer? et quel autre secours avoient-ils à attendre sinon des troupes de terre? La dessus je priai S. E. de parcourir un peu les explications que j'avois données par écrit sur cet article et de considérer de plus

1) Que le roi, mon maître, ayant infiniment plus à coeur de remplir fidèlement ses engagemens, que de les contracter, avoit proposé, en échange du secours le plus naturel à la Russie, celui, qui fut aussi le plus naturel à l'Angleterre, pour être d'autant plus sûr de l'exécution de ce qu'il demandoit de leur côté et surtout de ce qu'il promettoit du sien; qu'il étoit trop connu que la grande force de la Russie consistoit en troupes de terre et celle de la Grande-Bretagne en vaisseaux de guerre, pour ni arrêter là-dessus ou pour croire que S. E. pourroit disputer, que tant la demande que l'offre ne fussent fondées sur les raisons les plus évidentes.

2) Parceque S. E. disoit de 4 ou 5 mois de service de notre flotte et douze de leurs troupes, il fallait considérer que, quant aux dernières, il y

---

хода въ море, и всѣ затраченныя на его снабженіе деньги остаются въ странѣ; деньги же, которыя приходится затрачивать на жалованье и продовольствіе русскихъ войскъ, расходуются за границей и не возвращаются, слѣдовательно составляютъ чистый расходъ. Флотъ вообще можетъ оказать какую нибудь пользу Россіи развѣ при войнѣ съ Швеціей... Какъ воспользоваться имъ противъ Польши или Пруссіи? Какой помощи возможно ожидать отъ союзника помимо сухопутныхъ войскъ?» Я въ отвѣтъ просилъ его сіятельство просмотрѣть представленныя мною письменныя разъясненія на статью четвертую, и принять сверхъ того въ соображеніе слѣдующее:

1) Король, государь мой, несравненно болѣе озабоченный выполненіемъ принятыхъ на себя обязательствъ, чѣмъ заключеніемъ договора, взамѣнъ помощи, наиболѣе естественной со стороны Россіи, предложилъ помощь, точно также наиболѣе естественную со стороны Англіи, дабы такимъ образомъ быть увѣреннымъ въ выполненіи того, что ему предоставить обязуются, и особенно въ возможности выполнить обязательства, имъ на себя принятыя. Слишкомъ хорошо извѣстно, что главная сила Россіи заключается въ ея сухопутной арміи, сила же Великобританіи — въ ея военныхъ судахъ, потому трудно предположить, чтобы графъ могъ оспаривать очевидность соображеній, лежащихъ въ основѣ какъ спроса, такъ и выполненія.

2) Что касается соображеній графа, будто флотъ нашъ можетъ служить только мѣсяца четыре, мѣсяцевъ пять, русскія же сухопутныя войска — круглый годъ, надо

avoit aussi des quartiers d'hiver; et quant à la première, il sembloit que S. E. se prenoit au 60ᵉ degré, au climat, enfin à la Providence divine, laquelle avoit mis de l'impossibilité totale; que de plus je lui demandois en grâce: de quelle utilité une flotte gelée pourroit être dans une mer qui ne fut plus navigable, contre une flotte ennemie, qui seroit enfermée dans ses propres ports, comme la notre seroit dans ceux de la Russie; que si elle rendoit service tout le tems que la saison de l'année lui permettroit d'agir, c'étoit tout ce qu'on pouvoit désirer ici, et qu'on avoit jamais prétendu autre part.

3) Que par rapport à ce que S. E. disoit que notre flotte seroit avitaillée en Angleterre, je suis convenu qu'avant que de partir elle est toujours pourvue de tant de provisions pour faire subsister les équipages des vaisseaux, que de toutes autres choses nécessaires pour les faire agir avec vigueur; et qu'à moins que cela ne fut, il étoit certain qu'on auroit toute la peine du monde à faire embarquer les matelots; qu'il falloit aussi considérer, que les portions, rations et quartiers seroient fournis aux troupes de la Russie, pendant que la flotte angloise ne lui seroit en aucune manière à charge; cependant j'étois très-persuadé qu'il n'y auroit nulle proportion entre ce qu'il coûteroit à l'Angleterre pour fournir l'escadre proposée et ce qu'il coûteroit à la Russie d'envoyer les troupes demandées. J'entrai ici un peu dans la discussion de cette dépense, et S. E. me le disputoit pour quel-

---

принять во вниманіе, что и сухопутныя войска располагаются на зимнія квартиры; съ другой стороны, графъ, указывая на ограниченный срокъ службы флота, какъ бы заявляетъ претензію противъ 60° широты, противъ климата, противъ самого Провидѣнія. Я очень просилъ бы графа объяснить мнѣ: какую пользу можно извлечь изъ флота въ морѣ, въ которомъ плаваніе невозможно, противъ непріятельскаго флота, запертаго въ собственныхъ портахъ, точно также, какъ нашъ флотъ оказался бы запертымъ въ русскихъ портахъ? Если нашъ флотъ окажется полезнымъ въ теченіе навигаціи, онъ выполнитъ все, что отъ него можно требовать въ Балтійскомъ морѣ, а никакого другаго театра дѣйствій для него никогда не предполагалось.

3) Что касается указанія графа на то, что флотъ нашъ будетъ снабжаться въ Англіи, не могу не согласиться, что онъ передъ выходомъ въ море всегда снабжается какъ провіантомъ для экипажей, такъ и всѣмъ необходимымъ для энергической дѣятельности, и безъ этого трудно было бы посадить матросовъ на корабли. Нельзя упускать изъ виду и того, что порціи, раціоны, квартиры будутъ доставляемы русскимъ войскамъ, между тѣмъ какъ англійскій флотъ ничѣмъ не будетъ въ тягость Россіи. Въ тоже время полагаю, что стоимость снабженія эскадры для Англіи несоразмѣримо выше стоимости отправки нужныхъ войскъ для Россіи. Тутъ я вошелъ въ обсужденіе расходовъ обѣихъ сторонъ. Графъ возражалъ нѣкоторое время; но подъ конецъ

que tems, jusqu'à la fin elle me disoit, qu'il falloit négocier en ministres et jamais en marchands, que les derniers pourroient regarder à quelques sols de plus ou de moins, mais que les premiers devoient avoir uniquement en vue l'utilité et la réalité du secours, que c'étoit la pensée et l'objet de sa maîtresse et le sien aussi, et, que de notre côté nous devions nous attacher à celui-la seul. Je quittois donc cette matière pour observer

4) Que pour ce que S. E. avoit dit, que la flotte ne servirait que contre la Suède seule, et que contre la Pologne et la Prusse il n'y avoit que des troupes de terre qui pourroient leurs être utiles, je la priois de considérer que dans l'article suivant il y auroit une somme d'argent à fournir, quand le secours de part et d'autre ne fut pas demandé; que si le cas se pouvoit donner, que la Russie n'eut pas besoin de notre flotte, un autre cas se pourroit donner également où l'Angleterre n'eut pas besoin de leurs troupes, de manière que la chose me paraissoit parfaitement réciproque à cet égard. Je représentois de plus à S. E., que si l'Angleterre eut désiré le secours de la Russie *tant par mer que par terre*, et ne vouloit rendre à la Russie que le seul secours par mer, la chose seroit inégale et je serois le premier à en convenir, mais si l'Angleterre offrant cette seule espèce de secours et en demandant cette seule autre espèce, qui sont les plus naturelles et les plus aisées à fournir par les hauts contractans, je me flattois que S. E.

замѣтилъ, что переговоры намъ надо вести, какъ министрамъ, а не какъ торговцамъ; что развѣ торговцамъ приличествуетъ высчитывать гроши, правители же должны имѣть въ виду пользу и дѣйствительность помощи; что такъ смотрятъ на вещи и Государыня, и онъ; что и намъ слѣдовало бы держаться исключительно этого взгляда. Тогда я оставилъ свои расчеты, замѣтивъ,

4) Что по поводу замѣчанія графа, будто флотъ можетъ оказаться полезнымъ исключительно при войнѣ съ Швеціей, будто противъ Польши или Пруссіи нужны только войска сухопутныя, я просилъ бы обратить вниманіе на статью пятую, постановляющую денежное вознагражденіе на случай, когда военная помощь не потребуется той или другой сторонѣ. Если могутъ представиться обстоятельства, когда Россіи флотъ нашъ не понадобится, могутъ точно также встрѣтиться и такія, при которыхъ Англіи не понадобятся русскія войска; потому обязательства съ данной точки зрѣнія представляются мнѣ совершенно уравновѣшанными. Я указалъ далѣе, что въ случаѣ, если бы Великобританія требовала помощи Россіи *какъ на сушѣ, такъ и на морѣ*, соглашаясь съ своей стороны только на помощь въ морѣ, условія дѣйствительно пришлось бы признать неравными и я первый согласился бы съ этимъ; но разъ Англія, предлагая одинъ извѣстный видъ помощи, и сама требуетъ одного же опредѣленнаго вида ея, соображаясь съ естественными данными и большими удобствами каждой изъ высокихъ договаривающихся сторонъ, позволяю себѣ надѣяться, что его сіятельство первый согласится

seroit le premier à convenir de la parfaite égalité; je la priois donc de ne pas vouloir forcer pour ainsi dire la nature en insistant sur une stipulation, qui, quelque parade qu'elle pourroit faire dans le traité, seroit très difficile, peut-être absolument impossible à devenir jamais réelle dans le besoin... *Besoin*, dis-je?.. Je me trompe, car, humainement parlant, le cas ne pourroit jamais exister, pas même se figurer, où l'Angleterre eut besoin d'une flotte, ni la Russie de troupes de terre; et que d'ailleurs je ne croirois pas, qu'il fut de la prudence ni de l'une ni de l'autre puissance de se dégarnir la première de ses troupes et la seconde de sa flotte. Ici S. E. prit la parole et me dit, qu'elle voyoit bien qu'il falloit renoncer à l'égalité et qu'elle sentoit de même que les avantages seroient et devroient nécessairement être de notre côté.

Je vous avoue, mylord, que ne pouvant pas envisager les choses dans ce point de vue, je répondis, que S. E. porteroit peut-être un autre jugement là-dessus, si elle vouloit réfléchir, que quelque utile que seroit le secours de la Russie dans un cas du traité, celui de la Grande-Bretagne le seroit encore plus dans l'autre cas; puisqu'il étoit vrai que leur corps de troupes assisteroit beaucoup, mais qu'il n'étoit pas moins vrai, que notre flotte décideroit dans le besoin; que de plus il y avoit encore cette différence, que dans le cas de notre flotte requise, il s'agiroit des affaires directes de la

---

въ наличности полнаго равенства, а потому просилъ бы — такъ сказать — не насиловать природы, настаивая на условіи, которое, какъ бы оно громко ни выражалось въ трактатѣ, пожалуй, а можетъ быть и рѣшительно, окажется неосуществимымъ въ случаѣ дѣйствительной надобности... Я сказалъ «надобности», — но это выраженіе ошибочно, такъ какъ, на сколько человѣку дано предвидѣть, подобнаго случая никогда не можетъ оказаться: нельзя даже представить себѣ случая, когда бы Англіи понадобился флотъ, Россіи же — сухопутный корпусъ. Не думаю даже, чтобы было осторожно для Великобританіи лишать себя сухопутныхъ силъ, для Россіи же — лишать себя флота. Тутъ графъ прервалъ меня, замѣтивъ, что приходится, какъ видно, отказаться отъ равенства, хотя выгода — онъ чувствуетъ — будетъ и должна быть на нашей сторонѣ.

Признаюсь, ваше превосходительство, я не могу признать этой точки зрѣнія, потому и возразилъ графу, что, подумавъ, онъ, вѣроятно, отнесется къ дѣлу иначе: какъ бы помощь Россіи ни оказалась выгодною при одномъ примѣненіи договора, тѣмъ болѣе выгодною окажется помощь Великобританіи при другомъ ея примѣненіи. Нѣтъ сомнѣнія, что русскія войска будутъ очень полезны, но не менѣе вѣрно и то, что, при случаѣ, нашъ флотъ можетъ рѣшить борьбу. Есть къ тому же разница положеній въ томъ, что нашъ флотъ потребуется въ случаѣ непосредственной опасности для Россіи — при нападеніи на нее или при ожиданіи такого нападенія; русскимъ же

Russie ou actuellement attaquée, ou craignant de l'être, mais que si jamais leurs troupes se mettroient en marche, cela ne seroit pas pour une attaque faite sur l'Angleterre, mais plutôt pour les intérêts, la sûreté et la liberté de l'Europe en général, où la Russie auroit un intérêt tout aussi marqué et aussi pressant que l'Angleterre en pourroit avoir. A la fin, pour terminer un si long débat, j'ajoutai qu'après tous les inconvéniens de part et d'autre de se dégarnir ainsi de cette espèce de forces, qu'il importoit aux deux puissances de garder chez elle, et la presque impossibilité qu'il avoit à le faire de notre côté, si S. E. insistoit absolument là-dessus comme une condition *sine qua non*, il faudroit que j'en fisse mon rapport au roi.

Là-dessus m-r le comte Osterman me dit, qu'il ne m'auroit jamais cru un chicaneur si opiniâtre, ajoutant, que je devois être persuadé, qu'en cas que le roi eut jamais besoin de leur flotte, la Russie en auroit toujours une à son service, bons vaisseaux, bien équipés et à tous égards en état de faire service et de se bien battre à l'exemple de la nôtre, mais, que si le roi trouvoit autant de difficulté, que j'en avois trouvé en mes idées, et qu'après que j'eusse représenté toutes les raisons, qu'il venoit de m'alléguer (et je crois l'avoir fait), si Sa Majesté souhaitoit, qu'on se tint à la condition proposée d'une flotte angloise seule contre les troupes de terre de la Russie seules, sa maîtresse, pour donner une marque évidente de ses désirs de s'unir avec le roi par la facilité, qu'elle apporteroit dans la conclusion

---

войскамъ, если и придется двинуться въ силу трактата, двинутся они не для отраженія нападенія на самую Англію, а скорѣе ради общей безопасности и свободы Европы, которыя столь же настоятельно и постоянно нужны Россіи, какъ и Англіи. Наконецъ, дабы покончить долгія пререканія, я прибавилъ, что, въ виду неудобства для каждой стороны лишать себя вида силъ, въ которомъ она нуждается дома, при невозможности такого лишенія для насъ, я обязанъ въ случаѣ, если графъ будетъ настаивать на своихъ требованіяхъ, какъ на условіи sine qua non, сообщить объ этомъ королю.

На это графъ Остерманъ замѣтилъ, что никогда не подозрѣвалъ во мнѣ такого настойчиваго спорщика, что, понадобись королю когда нибудь русскій флотъ, Россія всегда выставитъ ему хорошія, хорошо снабженныя суда, во всѣхъ отношеніяхъ пригодныя для дѣятельной службы, способныя биться на ряду съ нашими судами; но, если король найдетъ столько же затрудненій къ выполненію предложенныхъ условій, сколько ихъ отыскалъ я въ своей головѣ, если его величество — выслушавъ черезъ меня всѣ доводы, приведенные графомъ (я, кажется, передалъ ихъ всѣ) — все таки пожелаетъ держаться предложеній проекта, т. е. противопоставленія одного англійскаго флота однимъ сухопутнымъ силамъ Россіи, Государыня, съ цѣлью уступчивостью въ настоящихъ переговорахъ дать королю очевидное доказательство своего же-

de ce traité, sa maîtresse, disoit-il, se desisteroit de cette condition, qu'il venoit de proposer et qu'elle se tiendroit à celle que je lui avois proposée, ajoutant, que quelle complaisance que je lui avois trouvé sur la première partie de cet article 4, je n'en trouverois pas autant sur la dernière, qui regardoit l'escadre à fournir par l'Angleterre, puisqu'il me devoit dire d'avance, que sur ce qu'il alloit me proposer quant au nombre et à la force des vaisseaux de cette escadre, il avoit ordre d'insister absolument là-dessus et de n'en point démordre en aucune manière.

S. E. récapitula que dans le premier projet le roi avoit demandé seulement 15.000 hommes et offert une escadre de 800 canons, qu'on ne s'attendoit pas de ce côté-ci de voir ce projet refondu d'une manière encore plus désavantageuse à la Russie, et qu'on avoit été surpris de ce que par le second projet l'équivalent de 16000 hommes ne fut que de 640 canons seulement. Je priai S. E. de se ressouvenir de l'explication de cette offre et de cette demande, que je lui avois déjà donnée par ecrit, et je repassai, le plus brièvement qu'il me fut possible, les dépenses dont le roi se chargoit pour le pain, fourages et quartiers de leurs troupes, pendant que la Russie ne seroit exposée à la moindre dépense pour notre flotte; que la disproportion en ceci était trop visible pour n'en pas chercher un équivalent d'une autre manière, et pour ne pas rendre un dédommagement aussi juste que né-

---

ланія сблизиться съ нимъ, пожалуй откажется отъ условія, предложеннаго ея министромъ. При этомъ графъ прибавилъ, однако, что, если онъ и оказался столь уступчивымъ въ первой половинѣ статьи четвертой, онъ не проявитъ подобной уступчивости по поводу второй ея половины, касающейся размѣровъ эскадры, требуемой отъ Англіи, такъ какъ — онъ предупреждаетъ меня — на измѣненіи числа и размѣровъ судовъ эскадры ему приказано настаивать непремѣнно и отнюдь не отступаться отъ своихъ требованій.

Графъ, припомнивъ, что въ первомъ проектѣ король, требуя 15.000 человѣкъ, предлагалъ эскадру въ 800 орудій, замѣтилъ, будто здѣсь не ожидали измѣненія проекта въ смыслѣ еще менѣе благопріятномъ для Россіи, и очень удивились какъ эквивалентомъ 16.000 человѣкъ оказались 640 орудій. Я просилъ его сіятельство припомнить данное мною ему письменное объясненіе этого предложенія и этого требованія, и возможно кратко исчислилъ расходы, которые король принимаетъ на себя по снабженію русскихъ войскъ хлѣбомъ, фуражемъ и квартирами, между тѣмъ какъ Россія избавлена отъ всякихъ расходовъ на флотъ нашъ. «Это несоотвѣтствіе въ расходахъ, прибавилъ я, слишкомъ очевидно, чтобы возможно было не позаботиться о какомъ нибудь уравненіи ихъ, о справедливомъ и необходимомъ возмѣщеніи; и предложенный королемъ способъ такого возмѣщенія казался ему самымъ естественнымъ и

cessaire, et que cet équivalent et ce dédommagement avoient paru au roi les plus naturels et les plus faciles de la manière proposée, c'est à dire de réduire l'évaluation des troupes à un quart de moins que leur véritable nombre, puisque la dépense dont l'Angleterre se chargoit avoit été calculée au moins à un quart de plus sur la totalité de la dépense de la Russie; que du reste je pouvois assurer S. E. qu'une escadre de 640 canons avoit été regardée dans toutes les négociations sur le pied d'un parfait équivalent de 12000 hommes, comme je pourrois le faire voir par un article d'un traité conclu en 1719 entre le feu roi et celui de Prusse dernier mort, où une escadre de 320 canons a été stipulée contre un corps de 6000 fantassins, et qu'enfin la répartition de cette escadre avoit été faite par notre amirauté en vue de la rendre plus utile dans ces mers-ci.

— «Fi donc», me répondit S. E., «voulez-vous encore négocier en marchand et oublier le point essentiel des grands princes, qui est celui d'être réciproquement le plus utile l'un à l'autre qu'il leur sera possible». Il ajouta, qu'il ne pouvoit pas entrer dans tous ces calculs subtils, ni peser la balance à la main quelques onces d'argent de plus ou de moins dans la dépense entre deux grands souverains. «Pour couper court» continua-t-il, «on croit ici qu'un vaisseau de ligne pour chaque 1000 d'hommes est la supputation la plus juste qu'il se peut faire; mais pour vous convaincre de toute la facilité de ce côté-ci, on se contentera de 14 vaisseaux de ligne seulement au lieu de 16. Quant à vos fré-

---

простымъ: дѣйствительная численность арміи уменьшена на одну четверть, такъ какъ расходъ, который принимаетъ на себя такимъ образомъ Англія, по крайней мѣрѣ на четвертую долю превышаетъ расходъ, который бы палъ на Россію при содержаніи всего корпуса на ея счетъ. А затѣмъ, могу увѣрить ваше сіятельство, что эскадра въ 640 пушекъ при всѣхъ трактатахъ всегда приравнивалась корпусу въ 12,000 человѣкъ; я могу показать, напримѣръ, статью трактата 1719 года покойнаго короля съ покойнымъ же королемъ прусскимъ, гдѣ эскадра въ 320 пушекъ выговорена взамѣнъ 6000 пѣхоты. Что же касается состава эскадры, опъ сообраѫенъ нашимъ адмиралтействомъ по тому, что оно признавало наиболѣе полезнымъ въ здѣшнихъ водахъ».

—«Полноте», отвѣчалъ графъ; «или вы опять намѣрены торговаться, какъ купецъ, упуская изъ виду основное правило великихъ монарховъ — быть другъ другу возможно полезными? Я не могу входить въ эти тонкіе расчеты, вывѣшивать на рукѣ каждый лишній унцъ серебра въ расходахъ двухъ великихъ державъ. Буду кратокъ: здѣсь каждый линейный корабль приравниваютъ тысячѣ человѣкъ и полагаютъ, что эти силы возможно уравновѣшиваютъ одна другую. Чтобы, однако, показать вамъ нашу сговорчивость, прибавлю, что Россія удовольствуется 14-ю линейными кораблями вмѣсто 16-ти. Что же касается фрегатовъ, у насъ ихъ и у самихъ достаточно, мы

gates, nous en avons assez nous-mêmes pour vous en fournir si vous voulez; et voici la répartition de ces 14 vaisseaux telle que nous la souhaitons:

1 vaisseau	de	80	canons;	total-canons		80;	hommes	615
3 vaisseaux	»	40	»	»	»	210	»	1520
5 »	»	60	»	»	»	300	»	2000
5 »	»	50	»	»	»	250	»	1500
Total 14 vaisseaux;				avec-canons		840;	hommes	5635.

Voilà le nombre des vaisseaux et leur force que S. E. me dicta; j'ajoutai moi-même les équipages sur le pied du calcul de l'escadre offerte, et je le fis pour lui remarquer que cette demande surpassoit notre offre de trois vaisseaux, de 200 canons et de 1340 matelots, et qu'il n'y avoit point de frégate comprise, qui cependant pourroit être absolument nécessaire pour le service de l'escadre.—«Ne vous ai-je pas dit», répliqua S. E. «que nous en avons ici à vos ordres, et, dans le cas d'une nécessité absolue, qui vous empêche d'en envoyer! Pour ce que notre demande excède votre seconde offre de tant que vous venez de me dire, songez seulement qu'elle n'excède

---

можемъ даже подѣлиться съ вами, если пожелаете. И вотъ какихъ именно линейныхъ кораблей мы бы желали:

1 корабль	въ	80	орудій;	всего орудій		80;	людей	615
3 корабля	»	70	»	»	»	210	»	1520
5 кораблей	»	60	»	»	»	300	»	2000
5 »	»	50	»	»	»	250	»	1500
Всего . . . 14 кораблей;				при нихъ орудій		840	и людей	5635.

Это число кораблей съ указаніемъ размѣра ихъ продиктовано мнѣ графомъ. Численность экипажа проставлялась мною по даннымъ предложенной эскадры. Сдѣлалъ я это, дабы показать, что предъявленное требованіе превышаетъ наше предложеніе на три корабля, 200 пушекъ и 1370 человѣкъ экипажа, а также, что фрегатовъ не означено, а они между тѣмъ необходимы при эскадрѣ. — «Да вѣдь я сказалъ вамъ», возразилъ графъ, «что у насъ фрегатовъ достаточно къ вашимъ услугамъ, а въ случаѣ крайности, кто мѣшаетъ вамъ прислать ихъ! Что же касается до того, на сколько наше требованіе превосходитъ второе предложеніе ваше въ указанныхъ вами размѣрахъ, —подумайте, что оно превосходитъ ваше первое предложеніе

votre première offre que d'un seul vaisseau, 40 canons, et 240 matelots et cela en échange de 1000 hommes de plus que vous demandez et que vous aurez. Bon Dieu, quelle petite différence et encore à votre avantage; est-ce là de quoi vous arrêter un moment?»

Cet article ayant été expédié à la manière susdite, quant nous vînmes à l'endroit de article 5, où il s'agit de la somme à fournir de part et d'autre, laquelle avoit été laissée en blanc dans le projet, et que j'avois proposé de remplir par celle de 50 ou 60,000 ℒ. st., comme vous verrez, mylord, dans mes explications, m-r le comte Osterman me dit, que ce n'étoit pas là une somme ni à offrir, ni à prendre entre deux si puissants souverains; qu'il croyoit par cette raison qu'il vaudroit mieux effacer tout à fait cet article, que d'y insérer une somme si modique, qui ne méritoit pas le nom d'un subside et qui n'avoit aucun rapport à ce secours, qui devoit être fourni de part et d'autre, et dont pourtant elle devoit tenir lieu au défaut de l'assistance specifique, quand elle ne seroit ni convenable à la nature de la guerre, ni requise par la partie qui se trouvoit attaquée. A ceci je répondis, mylord, qu'il ne me seroit jamais tombé dans la pensée, qu'il fut question de régler des subsides entre les deux cours, et que je ne pourrois pas encore croire, qu'il fut même de la dignité de Leurs Majestés de s'entrefaire des offres de cette nature là, comme elles ne sont ni l'une ni l'autre, Dieu merci,

---

только на одинъ корабль, 40 пушекъ и 240 матросовъ, и это взамѣнъ лишней тысячи человѣкъ, вами требуемой, и которую вы получите. Боже мой! какая ничтожная разница, да еще въ вашу пользу; стоитъ ли останавливаться надъ этимъ хотя бы минуту!».

Покончивъ такимъ образомъ съ четвертой статьей, мы перешли къ статьѣ пятой, касающейся суммы, которую каждая сторона обязывается вносить въ опредѣленныхъ случаяхъ. Сумма эта осталась въ проектѣ непроставленною. Я, какъ ваше превосходительство увидите изъ прилагаемыхъ объясненій, предложилъ проставить 50—60.000 фунтовъ стерлинговъ. Графъ Остерманъ замѣтилъ, что подобныя суммы не предлагаются и не принимаются въ сношеніяхъ великихъ державъ; онъ полагаетъ, что лучше вовсе исключить статью, чѣмъ упоминать въ ней о суммѣ столь ничтожной, не стоющей названія субсидіи, не имѣющей никакого отношенія къ помощи, предлагаемой сторонами, и которую между тѣмъ сумма эта призвана замѣнить при отсутствіи помощи специфической, разъ таковая не потребуется по характеру войны или по соображеніямъ стороны, подвергшейся нападенію. На это я возразилъ, что мнѣ и въ голову не приходило, чтобы рѣчь шла о субсидіи между договаривающимися сторонами, что я признаю даже несовмѣстнымъ съ достоинствомъ ихъ величествъ дѣлать другъ другу предложенія такого рода; такъ какъ, слава Богу, ни та, ни другая сторона не нуждается

dans le cas d'en avoir besoin; que j'avois regardé la somme à insérer dans ce blanc comme une chose à faire, pour ainsi dire, par manière d'acquit et par forme, et donnée plutôt aux apparences qu'à la nécessité, pour que dans le cas, ou l'une ou l'autre puissance n'eut pas besoin de requérir le secours spécifique stipulé de part et d'autre, le reste du monde pourtant vit par des preuves réelles l'efficace de leur alliance, agissante toujours d'une certaine manière, mais dans cette proportion, que les guerres, qu'elles avoient sur le bras, rendoient les secours mutuels plus ou moins nécessaires; que de plus, le roi ne demandant pas un sol d'avantage qu'il n'offroit, la chose étoit certainement d'une égalité et réciprocité parfaite; cependant, si S. E. l'envisagoit autrement, et qu'elle trouvoit, que les 200,000 roubles ne répondissent pas assez à son attente, je ne voyois rien de mieux à faire que de doubler la dose et d'y mettre au lieu de ces 200,000 roubles 400,000. Je fus surpris, mylord, de remarquer que S. E. secoua encore la tête, et la vis sur le point de me lâcher encore le *marchand*, quand elle prit la parole pour me dire, que lorsqu'il s'agissoit de négocier un traité pour le bien et l'avantage des deux contractans, il falloit le conclure de la manière la plus utile à l'un et à l'autre, sans cela c'étoit peine perdue; et prenant en main le 6° article de Campredon, il continua à me dire, que par cet article il y avoit 8000 fantassins et 4000 dragons («Par parenthèse,» disoit-il «ce que je vais vous dire ne regarde en aucune façon le nombre des troupes, celui-

---

въ субсидіяхъ. Я въ непроставленной суммѣ видѣлъ нѣчто вродѣ квитанціи или, такъ сказать, формальности, выполняемой скорѣе для видимости, чѣмъ изъ необходимости, дабы, въ случаѣ, если та или другая изъ договаривающихся сторонъ признаетъ условленную военную помощь ненужною, всему міру, тѣмъ не менѣе, явлены были осязательныя доказательства продолжающагося союза, которымъ стороны пользуются для взаимной помощи въ размѣрѣ, который представляется имъ болѣе или менѣе нужнымъ. Я замѣтилъ далѣе, что такъ какъ король не требуетъ ни гроша болѣе того, что самъ предлагаетъ, дѣло, очевидно, стоитъ на почвѣ полнаго равенства и полной взаимности; если-же почему-либо графъ смотритъ на дѣло иначе и находитъ, что двѣсти тысячъ рублей не соотвѣтствуютъ его ожиданіямъ, мы можемъ свободно удвоить сумму, и, вмѣсто двухсотъ тысячъ, проставить 400,000. Я былъ удивленъ, замѣтивъ, что графъ опять покачалъ головою и, повидимому, готовъ былъ еще разъ обозвать меня «торговцемъ». Онъ, однако, высказалъ только, что, когда рѣчь идетъ о трактатѣ, направленномъ ко благу и выгодѣ обѣихъ сторонъ, необходимо заключать его въ смыслѣ выгодномъ какъ той, такъ и другой сторонѣ, иначе и говорить о немъ не стоитъ. Затѣмъ, взявъ въ руки шестую статью проекта Кампредона, онъ указалъ, что въ немъ рѣчь шла о 8,000 пѣхоты и 4,000 драгунъ («Кстати,» прибавилъ графъ, «замѣчу, что насъ численность войска совсѣмъ не касается; какъ

là comme je vous ai dit tantôt restera sur le pied proposé à-present»), mais vous remarquerez, que par ce projet il fut dit, que dans le cas, que la partie lésée, au lieu de troupes, désirât des vaisseaux de guerre ou de l'argent, il lui sera libre de choisir, évaluant 1000 hommes de pied à 10,000 fl. d'Hollande par mois, et 1000 hommes de cavalerie à 30,000 fl.. «Or,» disoit S. E., «si l'Angleterre n'avoit point de difficulté à proposer cet engagement dans ce tems-là, quelle difficulté pourroit-elle avoir de le prendre à-présent? la différence du tems n'en peut pas apporter ni à la nature, ni à la nécessité de cette stipulation.» Je priai S. E. de me permettre de lui remarquer que dans le projet de Campredon il s'agissoit de trois parties contractantes, dont la France étoit une, et, comme cette puissance par son éloignement auroit eu de la peine à fournir son contingent de troupes, du moins à la Russie, et qu'elle en auroit eu peut-être tout autant à fournir dans ce tems-là cette escadre, qui devoit tenir lieu de troupes, la pensée m'étoit venue, que je croyois fort naturelle, et que je soumettois à S. E., si cette stipulation, qui regardoit l'argent à fournir à la place des troupes ou des vaisseaux, n'ait pas été minutée plutôt pour la France que pour l'Angleterre, afin que la première eut pu, en commuant son secours en argent, remplir par là ses engagemens, ce que l'Angleterre et la Russie même auroient toujours en mains de faire par leur secours spécifiques. S. E. ne me paroissant pas tout à fait

---

я уже сказалъ вамъ, въ нашемъ трактатѣ останется вновь назначенное число»). «Но замѣтьте», продолжалъ графъ; «въ этомъ проектѣ стоитъ: въ случаѣ, еслибы пострадавшая сторона, вмѣсто означенныхъ войскъ, пожелала военныхъ кораблей или денегъ, ей предоставляется свободный выборъ помощи, причемъ взамѣнъ тысячи человѣкъ пѣхоты полагается десять тысячъ голландскихъ фл. въ мѣсяцъ; въ замѣнъ же тысячи человѣкъ кавалеріи — тридцать тысячъ фл.; а, разъ Англія не затруднилась предложить такой расчетъ въ свое время, что мѣшаетъ ей держаться того-же расчета и теперь? Разница во времени ничего не измѣняетъ ни въ характерѣ, ни въ необходимости договора.» Я просилъ его сіятельство замѣтить, что проектъ Кампредона составлялся ввиду трехъ договаривающихся сторонъ, изъ которыхъ одна была Франція; удаленіе же этой державы затрудняло ей доставленіе опредѣленнаго контингента войскъ по крайней мѣрѣ въ Россію; ей, кромѣ того, въ то время было бы, быть можетъ, столь-же затруднительно замѣнить войска эскадрой. «Мнѣ», прибавилъ я, «приходитъ въ голову мысль, кажется, вполнѣ естественная, которую и предлагаю на обсужденіе вашему сіятельству: не составлена-ли статья, касающаяся замѣны арміи деньгами или флотомъ, скорѣе въ виду положенія Франціи, чѣмъ положенія Англіи, съ цѣлью, такою замѣной поставить Францію въ возможность выполнить взятое на себя обязательство, которое Англія и даже Россія всегда въ состояніи были выполнить путемъ военной помощи на сушѣ или на морѣ?..» Мнѣ показалось, что графъ не со-

contente de mon raisonnement, je pris la plume pour calculer jusqu'où monteroit la demande des 10,000 fl. par mois, pour 16,000 par an; et ayant trouvé; qu'elle iroit au delà de 174,500 £ st., l'échange compté même sur le plus haut pied de 11 fl. par £ st., je lui dis qu'après avoir ajouté, pour ainsi dire de moi-même, 200,000 roubles, en offrant 400.000 au lieu de 200.000, que j'avois proposé au commencement, ma difficulté à moi consistoit en ce que je n'avois point d' instruction là dessus, et que je n'osois pas prendre sur moi d'aller plus loin. «Dans ce cas-là», répondit S. E., «il faudra noter ceci sur votre projet (que j'avois dans mama in avecdes feuilles en blanc entre deux), et écrire à votre cour, pour avoir des ordres ultérieures là-dessus, car, comme la chose est juste, et a été offerte par le feu roi, Sa Majesté aujourd'hui regnante la trouvera sans doute encore telle et ne fera aucune difficulté à présent»,

A l'article 6 S. E. n'avoit rien à redire; Quant au 7e, elle me dit, qu'on entendoit par *portion* une livre de viande par jour pour chaque homme, avec une certaine quantité de farine ou pain, de gruau et de sel par mois, tout comme leurs troupes sont fournies ici et comme l'empereur les fournit quand elles marchèrent sur le Rhin. Il me promit de me donner une spécification du tout, quoique j'ai vu dans la convention latine à cette occasion, qu'il n'y soit fait mention que de 75 liv. poids de Russie ou 60 liv. poids

---

всѣмъ доволенъ моими разсужденіями, и я взялся за перо, съ цѣлью высчитать, что составятъ десять тысячъ фл. въ мѣсяцъ на 16,000 человѣкъ пѣхоты въ теченіе года. Оказалась сумма свыше 174,500 ф. ст., считая даже по высшему курсу, по 11 фл. за фунтъ стерлинговъ. Тогда я сказалъ графу, что, прибавивъ собственною властью 200,000 рублей, т. е. означивъ 400.000 р. вмѣсто 200.000, предложенныхъ мною вначалѣ, я теперь затрудняюсь какую цифру поставить, такъ какъ дальше идти не смѣю, а инструкцій у меня нѣтъ. — «Въ такомъ случаѣ», отвѣчалъ графъ, «придется отмѣтить это на вашемъ проектѣ (я держалъ въ рукахъ нашъ проектъ, проложенный бѣлой бумагой) и спросить распоряженія вашего двора по этому вопросу; такъ какъ дѣло тутъ правое и предложено покойнымъ королемъ. Его величество, нынѣ царствующій король, вѣроятно и теперь найдетъ приведенный расчетъ справедливымъ и не затруднится признать его».

На статью шестую графъ не возразилъ ничего; по поводу же седьмой статьи замѣтилъ, что «порціей» признается фунтъ мяса въ день на человѣка при извѣстномъ количествѣ муки или хлѣба, каши и соли въ мѣсяцъ, т. е. то, что выдается русскимъ войскамъ дома и что императоръ выдавалъ имъ при походѣ на Рейнъ. Онъ обѣщалъ дать мнѣ точную справку по этому поводу. Я въ латинской конвенціи, написанной при рейнскомъ походѣ, видѣлъ, что тамъ рѣчь идетъ только о 75 русскихъ (60 им-

imperial de farine de seigle, sans gruau, sel et viande; et pour les chevaux— foin, avoine et paille ou entière, ou hachée.

Dans l'article 8 S. E. demandoit, dans le cas d'un transport par mer de leurs troupes, lorsqu'elles seroient ou renvoyées ou rappelées, qu'un convoi de vaisseaux de guerre suffisant pour les escorter fut stipulé. Je lui répondis, que je croyois, que cette condition s'entendoit d'elle-même, et qu'il n'y auroit aucune difficulté là-dessus.

Les 9, 10, 11 et 12e articles restent sans changement.

Au 13e S. E. souhaita que notre flotte hivernât dans ces mers-ci. Cette proposition, à laquelle je ne me serois jamais attendu, ramena en grande partie les discussions déjà faites sur l'article 4 et surtout ces raisons que j'avois alléguées au 2e et que je fus obligé de repasser encore et même avec plus d'étendue; mais je ne vous ennuyerai pas, mylord, par une répétition superflue; il importe plus de vous informer que S. E. me dit que dans ce cas-là nos gens trouveroient et seroient même fournis d'aussi bon biscuit, boeuf, porc salé, gruau, d'aussi bonne bière, et encore d'eau de vie, dont elle ne les croyoit pas ennemis, qu'ils pourroient avoir chez eux, ajoutant que de cette manière la Russie seroit d'autant plus assurée contre les mouvemens de leurs ennemis, qu'elle auroit à craindre sans cela pendant l'absence et l'éloignement

---

перскихъ) фунтахъ ржаной муки безъ каши, соли и мяса, для лошадей же говорится только о сѣнѣ, овсѣ и соломѣ цѣльной или рубленой.

По поводу ст. 8-ой графъ замѣтилъ: «Слѣдовало бы постановить обязательство, что при перевозкѣ русскихъ войскъ моремъ, въ случаѣ возвращенія или отозванія ихъ, войска эти должна сопровождать эскадра военныхъ судовъ извѣстной силы». Я отвѣтилъ, что, на сколько понимаю, условіе это вытекаетъ изъ самой сущности дѣла и препятствій, вѣроятно, не встрѣтитъ.

Статьи 9, 10, 11 и 12-ая остаются безъ перемѣны.

По поводу статьи 13-ой графъ выразилъ желаніе, чтобы флотъ нашъ зимовалъ въ здѣшнихъ моряхъ. Такого предложенія я никакъ не ожидалъ. Оно возвратило насъ къ большей части преній, уже бывшихъ при статьѣ четвертой, и къ доводамъ, приведеннымъ мною при статьѣ 2-й. Пришлось возвратиться къ этимъ статьямъ и даже остановиться на нихъ подробнѣе. Не буду утомлять ваше превосходительство безполезнымъ повтореніемъ всего сказаннаго. Достаточно будетъ, полагаю, передать вамъ, что графъ заявилъ въ заключеніе, что при такой зимовкѣ наши люди снабжены будутъ сухарями, мясомъ, соленой свининой, кашей, хорошимъ пивомъ и даже водкой (къ которой вѣроятно относятся не враждебно), по достоинству не худшимъ, чѣмъ въ Англіи. При такой зимовкѣ Россія считала бы себя на столько же болѣе безопасной отъ движеній врага, на сколько ей пришлось бы опасаться его въ случаѣ удаленія

de notre flotte. Elle me nomma même les suédois, me remarquant qu'ils firent l'année passée leurs transports en Finlande vers la fin du mois d'octobre, une partie même au commencement de novembre, et de plus que nos matelots pourroient rendre service en cas de besoin pendant leurs quartiers d'hiver, comme les troupes de la Russie, envoyées au secours du roi le feroient pendant les leurs. En réponse j'exposai à S. E. que la difficulté que nous avions à trouver des matelots pour la mer Baltique, même pour une campagne d'été, nous reduisoit souvent à la ruse de les enrôler pour la Méditerranée ou pour l'Amérique, et puis on les forcoit de s'embarquer sur la flotte destinée à cette mer-ci; que si nos gens savoient, qu'ils eussent à rester tout l'hiver ici, nous n'en trouverions absolument pas, qui voulussent s'enrôler; que pour ce que regardoit les provisions, qui leur seroient fournies ici, quand je tomberois d'accord pour mon particulier de leur bonté, nos gens n'en auroient pas la même idée; et que cela seroit une source intarissable de ces disputes, qui ne sauroient exister sans un préjudice notable au bien du service même de la Russie; qu'il y avoit une autre difficulté encore, que je croyois insurmontable, qui consistoit en ce que nos gens n'étoient ni faits à un climat si rude, ni en pourroient souffrir la rigueur; que de deux choses il en arriveroit nécessairement une: ou qu'ils seroient gelés par le froid, ou suffoqués par la chaleur des poêles de ce pays-ci, l'un et l'autre étant absolument contraire à leur tempérament, et de cette manière-lá, quel service la Russie en pourroit-elle

---

нашего флота. Графъ даже прямо указалъ на Швецію, замѣтивъ притомъ, что въ прошломъ году шведскія войска перевозились въ Финляндію въ концѣ октября, частью даже въ началѣ ноября, что наши матросы могли бы, въ случаѣ нужды, помочь Россіи и зимой, какъ и русскія войска, отправленныя въ помощь королю, могутъ оказаться полезными на зимнихъ квартирахъ. Въ отвѣтъ я указалъ графу на то, какъ намъ трудно находить матросовъ для плаванія въ балтійскихъ водахъ даже въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ; какъ мы вынуждены бываемъ подчасъ прибѣгать къ хитрости — вербовать ихъ въ Средиземное море или въ Америку, и затѣмъ силою отправлять съ судами, назначенными въ Балтійское море. Распространись слухъ о предстоящей зимовкѣ, намъ людей и вовсе не найти. Что же касается провіанта, который имъ намѣрены выдавать здѣсь, нельзя ручаться, чтобы наши люди нашли годнымъ то, что я признаю удовлетворительнымъ; и это явится источникомъ споровъ, которые могутъ вредно отозваться на самой службѣ Россіи. Еще неустранимое на мой взглядъ препятствіе представляетъ и то, что наши люди не привычны къ здѣшнему суровому климату, не вынесутъ его; они неминуемо или замерзнутъ отъ стужи, или задохнутся отъ печнаго тепла, такъ какъ и стужа, и духота равно противны ихъ организму. При такихъ условіяхъ — на какія же услуги съ ихъ стороны можетъ расчитывать Россія послѣ зи-

espérer ou prétendre l'été suivant; qu'enfin comme dans toute occasion, où il a été question de stipuler l'envoi de notre flotte dans la mer Baltique, on n'a jamais prétendu, pas songé même à cette condition, et qu'il y auroit une impossibilité morale et physique à l'accorder, j'espérois, que S. E. n'insisteroit pas là-dessus.—«Quel chicaneur mortel!» me cria S. E., «faut il donc encore vous céder dans cette occasion? Eh bien, ce sera sur le pied de cette impossibilité absolue; mais en échange nous prétendons que vous vous engagiez à faire ce que nous savons être en votre pouvoir d'exécuter; et pour cet effet nous insistons sur une stipulation formelle, que votre flotte arrive dans la mer Baltique tout au commencement du mois de mai, et ne s'en retourne pas jusqu'à la fin ou du moins jusqu'au milieu du mois d'octobre, car souvenez-vous du dernier transport suédois.» Je répondis que pour ce qui étoit humainement possible, S. E. ne me trouveroit pas ce terrible chicaneur; et que je ne craignois pas qu'elle me prendroit pour tel, si je lui représentois à cette occasion ce qu'elle savoit fort bien: que par une espèce de fatalité même pour le commerce de ce pays-ci, les vents d'est regnoient ordinairement ici dans le printems, et ceux d'ouest dans l'automne, l'un et l'autre contraire tant à l'envoi qu'au retour de la flotte si précisément dans les saisons prescrites, de manière que j'espérois, que, s'il y avoit dans l'exécution de la première partie de cette stipulation toutes les marques de cette bonne foi, qui forme le plus beau caractère d'un grand prince, S. E. ne prétendroit pas que la flotte ar-

---

мовки? Наконецъ при всѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла объ отправкѣ нашего флота въ Балтійское море, зимовка никогда не имѣлась ввиду, никогда о ней и не думали. «Надѣюсь», закончилъ я, «что ваше сіятельство не станете и настаивать на условіи, выполнить которое нѣтъ ни нравственной, ни физической возможности». — «Какая убійственная страсть къ спорамъ!» воскликнулъ графъ. «Неужели и тутъ вамъ уступить! Положимъ; но, разъ мы признаемъ эту рѣшительную невозможность, вы взамѣнъ, вѣроятно, возьметесь выполнить условіе, исполненіе котораго — мы знаемъ — вполнѣ въ вашей власти: мы настаиваемъ на формальномъ обязательствѣ для вашего флота являться въ Балтійское море въ началѣ мая и не оставлять его до половины октября... Вспомните послѣдній шведскій транспортъ!» Я отвѣчалъ, что графъ не замѣтитъ во мнѣ «страсти къ спорамъ» тамъ, гдѣ есть возможность избѣжать ее; и вѣроятно не увидитъ проявленія этой страсти въ моемъ напоминаніи о фактѣ, ему хорошо извѣстномъ: по злому веленію судебъ, очень невыгодному самой балтійской торговлѣ, восточные вѣтры здѣсь обыкновенно дуютъ какъ разъ весною, западные же — осенью, т. е. въ направленіи, неблагопріятномъ присылкѣ и удаленію флота въ указанные сроки; потому, разъ въ дѣлѣ своевременнаго выхода флота изъ Англіи русское правительство увидитъ добросовѣстное отношеніе къ договору, составляющее лучшее укра-

rivât à point nommé et selon le dictum, *contre vent et marée*; et que dans la seconde partie, relative au retour de la flotte, S. E. réfléchiroit aussi, qu'une escadre de vaisseaux de guerre ne sauroit pour ainsi dire forcer son passage, comme un seul et simple vaisseau marchand le peut faire; de manière que dans le cas de l'apprpoche d'un hiver, qui menaceroit d'être aussi rude que le dernier, la Russie ne chicaneroit pas sur quelques semaines de plus ou de moins, au risque d'exposer la flotte à des dangers évidents et de rendre son retour impracticable. «Il me semble», disai-je en finissant, «que le bien du service de la Russie et la sûreté de la flotte angloise s'y trouve également intéressé.» S. E. me répondit: «Nous le sentons bien, soyez seulement équitable de votre côté, vous nous trouverez toujours tels du nôtre.»

Il n'y avoit rien à redire à l'article 14ᵉ. Je viens donc au 15ᵉ et voici le noeud gordien. J'entre en matière et je tacherai de vous en rendre compte, mylord, d'un sens plus rassis qu'elle ne fut traitée.

S. E. s'attacha d'abord aux paroles, par lesquelles cet article débute; viz: «*Il est convenu que le cas de cette alliance ne sera pas étendu aux guerres, qui subsistent à présent*» et s'arrêta là tout court pour me dire, qu'apparemment ces paroles donnoient l'exclusion à *celle qui subsiste actuellement entre le roi et l'Espagne*. Je tombois tout de mon haut en l'entendant proférer ce peu de mots, et après m'être un peu remis, je le priois de vouloir bien jeter

---

шеніе великаго монарха, оно не потребуетъ непремѣнно прибытія флота къ строго-опредѣленному сроку «вопреки вѣтрамъ и приливамъ», какъ говоритъ пословица; точно также по вопросу о возвращеніи флота на зимовку, графъ пойметъ, что военной эскадрѣ невозможно прорваться, какъ одному простому торговому кораблю; слѣдовательно — разъ угрожаетъ суровая зима вродѣ прошлогодней — русское правительство, вѣроятно, не постоитъ за нѣсколькими лишними недѣлями, рискуя подвергнуть флотъ чрезвычайнымъ опасностямъ и поставить его въ невозможность возвратиться. «Мнѣ», замѣтилъ я наконецъ, «кажется, что въ данномъ случаѣ требованія русской службы и безопасности нашего флота солидарны». — «Мы это хорошо понимаемъ», отвѣчалъ графъ. «Будьте только добросовѣстны съ своей стороны, съ нашей вы всегда найдете честное отношеніе къ общему дѣлу».

Четырнадцатая статья не вызвала никакихъ возраженій. Мы перешли къ статьѣ 15-ой — къ гордіеву узлу вопроса. Приступаю къ нему, и постараюсь отдать вашему превосходительству отчетъ о немъ съ бо́льшимъ спокойствіемъ, чѣмъ велась бесѣда о немъ.

Графъ обратилъ вниманіе на первыя же слова статьи: «*Настоящій союзъ не распространяется на войны, нынѣ существующія*»... Тутъ онъ сразу остановился, замѣтивъ, что рѣчь идетъ, вѣроятно, о выключеніи «*настоящей войны короля съ Испаніей*». Я былъ совсѣмъ пораженъ этими немногими

les yeux sur les paroles suivantes immédiatement; les voici: «*ou qui pourroient survenir désormais entre S. M. de toutes les Russies et la Porte Ottomane, ou les persans, ou les tartares, ou autres peuples orientaux*»; et je le priai alors de me dire, si cette liaison de paroles, qui suivoient, n'explique pas aussi clairement, que le jour, que les précédentes «*aux guerres qui subsistent à-présent*» ne dussent regarder que la Porte Ottomane, avec laquelle la Russie lors du projet proposé fut actuellement en guerre, et par quelle autre raison sinon que les turcs etc. devoient être toujours exceptés du cas de cette alliance. Par quelle parité de raisons S. E. voudroit-elle entendre ces paroles de l'Espagne, laquelle comme je croyois, la Russie ne prétendoit pas *toujours d'exclure* du traité. Je la priois après de regarder ce que j'avois détaillé sur cet article dans mes explications, et de considérer avec attention l'article suivant, par lequel elle verroit qu'il y est formellement stipulé, que les troupes de Russie ne seront pas envoyées ni en *Espagne, ni en Portugal, ni en Italie*; qu'alors S. E. sentiroit de reste, à quel peu d'inconvénient la Russie se soustrairoit en insistant sur cette exclusion; comme elle sentiroit, ou du moins me permettroit de sentir, à quels grands inconvéniens on s'exposeroit en Angletterre, en admettant cette exclusion; que je sentois à un tel point les mauvaises apparences, qu'elle auroit en Angleterre, si jamais ce traité venoit à être communiqué au parlement, и les mauvais effets qu'une condition de cette

---

словами. Нѣсколько оправившись, я просилъ графа бросить взглядъ на строки, непосредственно слѣдующія за прочитаннымъ: «*или имѣющія впредь возникнуть между Ея Величествомъ и портою оттоманской, Персіей, татарами и вообще восточными народами*»; а затѣмъ сказать—не разъясняются ли этими строками слова: «не распространяется на войны, нынѣ существующія» съ совершенною очевидностью; не ясно ли, что рѣчь шла о русско-турецкой войнѣ, которая при написаніи проекта была въ полномъ разгарѣ, и что слова эти приведены были ввиду общаго положенія о совершенномъ исключеніи Турціи изъ обьектовъ союза? Я выразилъ, что совсѣмъ не понимаю, какъ графъ полагаетъ отнести эти слова къ Испаніи; вѣдь не думаетъ же Россія *навсегда исключить* Испанію изъ района примѣненія союза. Я, далѣе, просилъ графа заглянуть въ мои разъясненія по статьѣ 15-ой, а также принять во вниманіе статью 16-ую, въ которой прямо упоминается, что русскія войска не могутъ быть отправляемы *ни въ Испанію, ни въ Португалію, ни въ Италію*. «Ваше сіятельство», прибавилъ я, «поймете, какъ мало Россія выиграла бы, настоявъ на исключеніи настоящей англо-испанской распри, и вмѣстѣ сознаете—или по крайней мѣрѣ позволите мнѣ сознавать — какія неудобства такое исключеніе представило бы для Великобританіи. Я до такой степени сознаю впечатлѣніе, которое бы ваше устраненіе отъ помощи въ настоящей войнѣ произвело при чтеніи договора въ

nature-là et dans cette conjoncture produiroit dans cette assemblée, qu'il iroit de ma tête et encore de mon honneur et de ma réputation, qui m'étoient plus chers, de signer un pareil traité; que j'en étois si fermement persuadé, que je prierois très humblement le roi de m'en dispenser, et d'employer quelqu'autre, s'il en fut besoin, quoique je fusse entièrement persuadé que S. M. aimeroit mieux renoncer à tout le traité, que de le conclure avec cette condition, laquelle est déclinée, continuai-je, plutôt pour éviter les mauvaises apparences, que pour en tirer quelque utilité réelle, car au bout du compte ce «*ni en Espagne*, *ni en etc.*» met la Russie dans une sûreté suffisante et entière de n'être jamais incommodée au sujet de cette guerre, du moins pendant qu'elle reste dans ces bornes, dont elle n'a pas encore l'air de sortir. «Et ceci vous fait voir V. E.,» dis-je, «que le roi, mon maître, proposant dans l'article 5 cette somme si modique et contre laquelle V. E. s'est tant récriée... ceci fait voir, que le roi, mon maître, l'a fait par attention et par égard pour la Russie, et par son éloignement de lui être à charge; puisque sans votre exclusion de l'Espagne (à laquelle dans mon petit particulier j'aimerois mieux mourir que de consentir), qu'est ce que le roi pouvoit demander à la Russie que cette somme à la place du secours, lequel par une stipulation formelle dans l'article suivant ne doit jamais marcher ni en «*Espagne*, *ni en etc.*».

парламентѣ, мнѣ до такой степени очевидно тяжелое чувство, которое это условіе при настоящихъ обстоятельствахъ должно возбудить въ палатѣ, что подписать его, по моему, значило бы рисковать головой, и—что для меня особенно дорого—честью и добрымъ именемъ. Мнѣ это такъ ясно, что — явись необходимость подписать подобное условіе—я буду просить короля избавить меня отъ такой обязанности, возложить ее на другое лицо; но вполнѣ убѣжденъ, что его величество лучше откажется отъ всего договора, чѣмъ согласится на предложенное условіе, хотя отказъ принять его вызванъ будетъ именно стремленіемъ избѣжать нареканій, отнюдь не надеждой извлечь изъ этого существенную пользу, такъ какъ, собственно, слова статьи 16-й «*ни въ Испанію*, *ни въ...*» и т. д. достаточно, даже вполнѣ, устраняютъ всякое опасеніе за то, чтобы Россіи пришлось обезпокоиться ради нашей настоящей войны, по крайней мѣрѣ пока она ограничивается непріязненными дѣйствіями между силами Англіи съ одной стороны и силами Испаніи съ другой; а не видно, чтобы она обѣщала выйти изъ этихъ границъ. Изъ этого ваше сіятельство усмотрите также», прибавилъ я, «что король, государь мой, предлагая по статьѣ 5-ой сумму столь умѣренную, и противъ которой вы такъ возражали, имѣлъ въ виду интересы самой Россіи, всячески старался не быть ей въ тягость. Предполагая, что исключеніе Испаніи, вами предложенное, не состоялось (что касается моей незначительной особы, я лучше умру, чѣмъ соглашусь на такое исключеніе), чего, кромѣ условленныхъ денегъ, могъ по-

Il me répondit alors: «Mais l'Angleterre veut excepter tout le monde sans permettre à la Russie d'excepter qui que ce soit! Voilà les turcs et tous les orientaux rayés. Si vous saviez les offres, que la France nous a faites, vous verriez bien autre chose; il vaut tout autant, que je vous le dise: sachez donc, que la France nous offre une garantie formelle de toutes nos conquêtes et nouvelles acquisitions de chaque côté; qu'elle s'engagera de la manière la plus solennelle, que la Suède ne se remuera en aucune manière; et même de nous envoyer aussi une escadre en cas de besoin; qu'lle nous promettra tous ses bons offices les plus effectifs pour empêcher les turcs de nous attaquer; et en cas que ses offices ne reussissent pas et que les turcs nous attaquassent, elle s'engagera de nous payer un subside de 3 millions de L. turkois par an, pendant toute la guerre, et de nous les faire toucher par 500,000 L. par mois, les six mois de campagne. C'est bien autre que vos offres, n'est-ce pas?» S. E. continua en disant, que, quoique la Russie ne craignoit pas d'être attaquée ni par la Pologne, ni par le roi de Prusse, deux de leurs plus proches voisins, cependant, quand cela arriveroit contre son attente, de quelle utilité la flotte d'Angleterre pouroit-elle être contre ces deux voisins? Il n'y a donc que contre la Suède seule, où il y a une possibilité que la Russie puisse tirer quelque service de votre escadre, mais un service, qui n'est que de six mois par année tout au plus selon vous-même».

требовать отъ васъ король взамѣнъ военной силы, которая, по точному смыслу статьи 16-ой, не можетъ быть двинута «*ни въ Испанію, ни*... и т. д.?»

— «Да взгляните», отвѣчалъ мой собесѣдникъ: «Англія стремится исключить всѣ народы, Россіи же не позволяетъ исключить никого... Турки и весь востокъ вычеркнуты... Если бы вы знали, какія предложенія намъ дѣлала Франція, вы бы увидали другое... Или уже лучше разскажу вамъ прямо что было. Знайте: Франція намъ предлагаетъ формальную гарантію всѣхъ нашихъ завоеваній и новыхъ пріобрѣтеній гдѣ бы то ни было; торжественнѣйшимъ образомъ ручается за то, что Швеція не тронется, и даже обязуется, въ случаѣ нужды, выслать намъ эскадру. Она обѣщаетъ намъ самыя дѣятельныя услуги противъ нападеній со стороны Турціи; а въ случаѣ, если бы услуги эти оказались недѣйствительными, и турки все-таки напали на насъ, Франція обязывается выплачивать Россіи три милліона турецкихъ лиръ въ теченіе всей войны, именно выдавать по 500,000 л. въ мѣсяцъ въ теченіе полугодія самой кампаніи. Эти предложенія не вашимъ чета? Россія не боится нападеній со стороны двухъ ближайшихъ сосѣдей—Польши и Пруссіи; а если бы, вопреки ожиданію, который нибудь изъ этихъ сосѣдей открылъ непріязненныя дѣйствія, какую пользу Россія извлечетъ изъ англійскаго флота въ войнѣ противъ нихъ? Слѣдовательно извлечь пользу изъ вашей эскадры возможно развѣ противъ Швеціи и то — по вашему собственному сознанію — только въ теченіе шести мѣсяцевъ».

— «J'ai cru, V. E.» lui répliquai-je, «d'avoir assez détaillé que si les turcs et les orientaux sont exceptés d'un côté, l'Amérique et toutes les possessions du roi hors de l'Europe le sont aussi de l'autre; que quant à l'Espagne, le Portugal et l'Italie ces *ni* devant chacun assuroient assez la Russie contre l'envoi effectif de ses troupes dans aucun de ces pays-là; de manière que ces trois étoient hors de question; que je croyois que l'Angleterre eut aussi peu lieu de prévoir quelque attaque de la part de l'empereur ou des princes de l'empire, ou des Etats Généraux, ou de qui que ce fut, que la Russie en eut du côté de Pologne ou Prusse; qu'au bout du compte je ne croyois pas que cette pauvre Angleterre étoit sur le point d'être mangée sitôt; qu'on ne pouvoit pas nous venir trouver par l'air, et que pour notre flotte, je la croyois en aussi bon état, que celles de plusieurs de nos voisins combinées ensemble; l'unanimité qu'on voyoit en Angleterre pour pousser la présente guerre avec vigueur nous garantissoit de tout danger et de tout sujet de crainte; que je me tuois de lui dire que l'objet de ce traité n'étoit pas tant la sûreté de l'Angleterre, que celle de toute l'Europe, objet de la derniére importance et auquel la Russie, ce me sembloit, avoit tout autant d'intérêt de concourir, que qui que ce fut; quoiqu'une conjoncture de cette délicatesse n'étoit pas si prochaine dans cette partie-là du monde, qu'elle le pourroit être dans une autre; que je priois S. E. de réfléchir sur leurs

---

— «Мнѣ, ваше сіятельство, казалось», возразилъ я, «достаточно разъясненнымъ, что если съ одной стороны исключены турки и прочіе восточные народы, съ другой — исключены Америка и всѣ внѣевропейскія владѣнія короля; кромѣ того Россія обезпечена противъ дѣятельнаго участія ея войскъ противъ Испаніи, Португаліи, Италіи; эти три страны собственно поставлены внѣ вопроса. Полагаю затѣмъ, что нападеніе на Англію со стороны императора, имперскихъ князей, Голландіи, съ чьей бы то ни было стороны — такъ же мало вѣроятно, какъ нападеніе на Россію со стороны Польши или Пруссіи... Вообще не думаю, чтобы бѣдной Англіи предстояло быть скоро проглоченной; по воздуху къ намъ не заберутся, а флотъ нашъ не хуже флотовъ нѣсколькихъ нашихъ сосѣдей вмѣстѣ взятыхъ; энергія же, проявляемая Англіей въ настоящей войнѣ, достаточно гарантируетъ ее отъ всякой опасности и всякихъ опасеній. Я не даромъ всячески стараюсь разъяснить вамъ, что предлагаемый договоръ имѣетъ въ виду не столько безопасность Англіи, сколько безопасность Европы — вопросъ чрезвычайной важности, въ добромъ разрѣшеніи котораго, казалось бы, Россія заинтересована не менѣе кого бы то ни было, хотя наиболѣе щекотливыя стороны его можетъ быть въ этой сторонѣ затронуты будутъ и не такъ скоро какъ на западѣ. Я очень просилъ бы ваше сіятельство принять въ соображеніе все еще неулаженныя дѣла Россіи съ портою, чрезвычайный сеймъ, созываемый въ Швеціи, и открываемый

affaires pas encore ajustées avec la Porte, une diète extraordinaire convoquée en Suède, et qui alloit commencer en suite d'une alliance conclue entre cette couronne là et les turcs, défensive il est vrai par son titre, mais qui ne pouvoit concerner que la Russie; que tout ceci joint à la situation fâcheuse d'une santé des plus importantes pour ce pays-ci et une des plus essentielles pour l'Europe en général, pourroit peut-être enhardir ceux qui étoient à la tête des affaires de Suède, d'entreprendre quelque chose dans une combinaison de conjonctures, qui leur paroitroient favorables, d'autant plus, que ces mêmes gens doivent être à ce point de désespoir non seulement de vouloir, mais même d'être obligés, en risquant le tout, de compromettre le salut de leur patrie, comme l'unique moyen, qui leur reste pour prevenir leur propre ruine; que les réflexions, qui se présenteroient naturellement sur tout ceci à l'esprit d'un ministre de la grande pénétration et expérience de S. E., rendroient les miennes superflues; que par cette raison je la priois d'être très persuadée, que ce que je venois de toucher ne procédoit pas d'une pensée aussi basse, que le seroit celle de vouloir me prévaloir de ces circonstances fâcheuses dans la négociation présente, mais seulement pour lui témoigner l'affliction la plus vive, que je sentois dans le fond de mon coeur pour une santé aussi prétieuse que chancelante, et pour ajouter par la connoissance, que j'avois des sentimens du roi, mon maître, l'extrême regret qu'en auroit S. M.; et enfin, pour assurer, que dans des cas de cette

---

вслѣдствіе союза Швеціи съ Турціей... союза, положимъ, оборонительнаго по названію, но цѣлью котораго, тѣмъ не менѣе, можетъ быть только Россія. Рядомъ съ этимъ нельзя не имѣть въ виду здоровья лица, неоцѣненнаго для Россіи, одного изъ необходимѣйшихъ для всей Европы, — здоровья, тяжелое состояніе котораго можетъ ободрить партію, господствующую нынѣ въ Швеціи; она, пожалуй, захочетъ воспользоваться стеченіемъ обстоятельствъ, которое можетъ показаться ей благопріятнымъ, тѣмъ болѣе, что доведена до положенія отчаяннаго, при которомъ, того и гляди, задумаетъ или вынуждена будетъ компрометировать самую безопасность родины, видя въ такомъ шагѣ послѣднее средство предотвратить собственную гибель. Надѣюсь, что при мысляхъ, которыя всѣ эти данныя возбудятъ въ умѣ министра столь прозорливаго, столь опытнаго, какъ ваше сіятельство, мои дальнѣйшія разсужденія излишни; потому прошу васъ быть вполнѣ увѣреннымъ, что, если я и рѣшился затронуть изложенныя обстоятельства, мною руководила не низкая мысль—воспользоваться столь печальными обстоятельствами для нашихъ переговоровъ, а единственно желаніе выразить глубокое, сердечное свое соболѣзнованіе по поводу здоровья столь же драгоцѣннаго, сколько непрочнаго; соболѣзнованіе, къ которому, зная чувства короля, моего государя, я увѣренъ, и его величество присоединитъ свое крайнее сожалѣніе. Могу увѣрить ваше сіятельство, что — если опасеніямъ, выраженнымъ мною

nature la Russie ne verra pas moins l'utilité de l'alliance du roi, qu'elle sentira toute la vivacité et sincerité; que pour les offres, dont S. E. me faisoit l'honneur de me parler, je savois bien qu'il leur en fut faites au commencement des affaires de Pologne, et je savois aussi qu'on en fit en même tems en Suède d'une nature diamétralement opposée et absolument incompatibles; que j'avois même fort souhaité, qu'on en eût pu avoir une certaine connoissance authentique à Stockholm avant le commencement de la dernière diète de ce pays-là; qu'elle auroit été alors d'une grande utilité à nos amis et peut-être un coup de partie; que si l' Angletrre avoit eté le premier et le seul ouvrier à renverser l'ancien ministère en Suède, connu dans ces principes modérés et tranquilles, et qui ne préféroit pas l'incertaine espérance de regagner quelque chose au risque de perdre tout; si l'Angletérre avoit soufflé et agacé toutes les animosités de ce pays-là contre celui-ci; si elle avoit donné des subsides à la Suède uniquement pour la mettre en état de rompre avec la Russie; si elle avoit taché d'engager le Danemarc par sa neutralité d'inspirer plus de courage, et de fournir plus de moyens à la Suède; si elle avoit projeté et conclu sous ses auspices un traité d'alliance entre la Suède et la Porte; si, en se saisissant d'une médiation, elle avoit fait tout son possible pour en empêcher les effets; si elle avoit travaillée à plâtrer une paix séparée, et quand la double paix avoit été faite

---

суждено сбыться—Россія не только убѣдится въ пользѣ союза съ королемъ, но и почувствуетъ всю глубину и искренность его дружескаго расположенія. Что касается предложеній, которыми ваше сіятельство сдѣлали мнѣ честь подѣлиться со мною, я знаю, что они сдѣланы были Россіи въ началѣ польской войны, но знаю и то, что одновременно Швеціи дѣлались предложенія діаметрально противоположнаго характера и совершенно несовмѣстимыя; что я даже очень желалъ, чтобы въ Стокгольмѣ познакомились съ предложеніями Россіи со стороны Франціи по оффиціальнымъ документамъ до открытія послѣдняго шведскаго сейма; документы эти могли въ то время оказать друзьямъ нашимъ большую поддержку, а можетъ быть обезпечить успѣхъ ихъ партіи. Скажите, ваше сіятельство, если бы Англія явилась въ свое время первымъ и единственнымъ пособникомъ низверженія прежняго шведскаго министерства, которое извѣстно было умѣренными и миролюбивыми принципами, не увлекалось шаткими надеждами на возвратъ утраченнаго, хотя бы рискуя потерять все; если бы Англія всячески зажигала и поддерживала вражду Швеціи къ Россіи, давала Швеціи субсидіи исключительно съ цѣлью дать ей силы, нужныя для разрыва съ Россіей; если бы Англія стремилась внушить смѣлость Швеціи путемъ нейтрализаціи Даніи; если бы подъ покровительствомъ Англіи проектировался и заключенъ былъ союзный трактатъ Швеціи съ портой; если бы Англія, захвативъ по-

malgré elle et ses dents, si elle faisoit encore tout ce qui dépend d'elle de traverser et de tirer en longueur ce qui restoit encore à ajuster à la suite de cette paix; si l'Angleterre avoit fait tout ceci, je prierois S. E. de me dire, de quel oeil elle me verroit en ce moment dans sa chambre à lui proposer un traité; de quelle oreille elle écouteroit mes propositions, quel degré de confiance elle y placeroit? Et si moi à l'exemple d'un homme, qui promet deux—trois—ou quatre fois plus que l'interet courant d'un pays pour emprunter un capital, qu'il n'a jamais dessein de payer; si je ne devois pas faire mes offres aussi brillantes et aussi attirantes, qu'il fut possible, surtout lorsqu'il s'agit d'endormir tout un pays pour un certain tems, et pour qu'on ne me laissât achever mes affaires autre part à mon aise, et par là assurer à celui qui m'avoit cru si bonnement, le sort d'Ulysse dans la caverne de Polypheme; et qu'enfin quoique je susse parfaitement bien la différence qu'il y a entre la puissance de la Russie et celle de la Suède, je ne croirois jamais, que la France voulut abandonner tout de bon la Suède pour s'unir de bonne foi avec la Russie; puisqu' avec celle-ci elle ne pouvoit traiter que de but à but, pendant qu'elle pourroit régenter l'autre à sa fantaisie, surtout avec le ministère d'aujourd'hui à ses gages, et en disposer comme d'une espèce de province, un vrai duché de Lorraine, qui dépendoit de sa volonté.»

средничество въ свои руки, употребила всѣ старанія парализовать ходъ примиренія; если бы она стремилась уладить сепаратный миръ, а затѣмъ, когда миръ сталъ общимъ вопреки ей, вопреки ея интригамъ, старалась еще мѣшать разрѣшенію недоразумѣній, возникшихъ послѣ мира, затягивать его осуществленіе... Если бы таковы были поступки Англіи, скажите, ваше сіятельство, какими глазами вы бы глядѣли на меня теперь въ вашемъ кабинетѣ, являющагося съ предложеніемъ союзнаго трактата; какъ бы вы стали выслушивать мои предложенія, на сколько вы бы довѣряли мнѣ? Что сказали бы вы, если бы я—подобно человѣку, который, стараясь занять денегъ, обѣщаетъ заимодавцу проценты, вдвое, втрое, вчетверо превышающіе нормальный процентъ даннаго края, съ твердымъ намѣреніемъ не уплатить ничего,—сталъ дѣлать предложенія возможно блистательныя и привлекательныя единственно съ цѣлью на время усыпить цѣлую страну, дабы она не мѣшала мнѣ свободно покончить свои дѣла въ другомъ мѣстѣ, и уготовить ей, за ея добродушное довѣріе, судьбу Улиса въ пещерахъ Полифема? Прекрасно зная разницу въ силахъ Россіи и Швеціи, я никогда не повѣрю, чтобы Франція отказалась отъ Швеціи и рѣшилась искренно соединиться съ Россіей. Съ Россіей она можетъ разговаривать только какъ равный съ равнымъ, Швеціей же она распоряжается совершенно произвольно, особенно при нынѣшнемъ министерствѣ, которое содержитъ на жалованьи; распоряжается какъ провинціей, какъ какою нибудь вполнѣ зависимой отъ нея Лотарингіей».

S. E. m'écouta et me parut fort sensible à l'endroit, où j'avois touché un mot de la santé, qui nous causa dans ce tems de si justes alarmes; puis elle me dit: «Tout ce que vous venez de détailler est bel et bon, mais nous méneroit trop loin; retournons à notre article et considérez vous même, si une grande partie de ce que vous venez d'exposer ne nous devoit pas déterminer à de certains ménagemens, et nous obliger de temporiser un peu pour ne pas aigrir les autres, ni leur donner un prétexte d'intriguer encore d'avantage et d'empêcher, autant qu'il leur sera possible, notre accommodement entier et final avec la Porte. Songez, que les plus grands secrets ne le sont que pour un certain tems; et que d'ailleurs ce traité sera bientôt communiqué aux puissances, dont nous souhaitons l'un et l'autre l'accession, et quel effet cela produiroit. Croyez vous,» me disoit-il, «s'il y paroissoit un article dressé de la manière, que celui-là l'est, par lequel la Russie fait entendre, qu'elle prendra part dans la guerre, que vous avez actuellement avec l'Espagne, et qui a déjà été commencée avant que ce traité ne fût signé; ni même négocié; cela sera le meilleur moyen à porter les autres puissances à y accéder, ou le plus assuré pour les en détourner? Pour l'amour de Dieu, qu'il n'y soit pas question de l'Espagne, et insérez à la fin de l'article, après ces mots: *«de possessions de Sa Majesté en Amérique»* — *«ni en Espagne, ni en tel endroit qne ne soit hors de l'Europe»*.

Графъ слушалъ меня и, кажется, очень тронутъ былъ упоминаніемъ о здоровьи, которое насъ въ то время такъ тревожило; затѣмъ онъ сказалъ: «Все что вы говорили — прекрасно, но эти вопросы могутъ увлечь насъ слишкомъ далеко. Возвратимтесь къ обсуждаемой статьѣ, и сообразите: не вызываетъ ли насъ часть обстоятельствъ, о которыхъ вы сейчасъ распространялись, на извѣстную сдержанность; не вынуждаетъ ли она насъ выжидать, не раздражая другихъ, не давая имъ повода къ новымъ интригамъ, не внушая имъ желанія еще, на сколько удастся, затянуть окончательное, полное соглашеніе наше съ портою? Величайшія тайны остаются тайнами только на время; къ тому же договоръ нашъ вскорѣ сообщенъ будетъ державамъ, присоединеніе которыхъ къ нему желательно и для васъ, и для насъ. Какъ вы полагаете — какое впечатлѣніе произвела бы въ немъ статья, редактированная согласно вашему проекту, намекающая будто Россія приметъ участіе въ настоящей англо-испанской распрѣ, начатой не только до подписанія трактата, но еще до переговоровъ о немъ? Не окажется ли такая редакція лучшимъ средствомъ не привлечь другія державы къ договору, а, напротивъ, отшатнуть ихъ отъ него? Ради Бога, не упоминайте вы вовсе объ Испаніи, а въ концѣ статьи, послѣ упоминанія объ англо-американскихъ владѣніяхъ, прямо прибавьте слова: *ни въ Испаніи, ни гдѣ бы то ни было внѣ Европы*».

— «Et notre parlement, V. E.,» dis-je, «sera-t-il totalement oublié; et quelle figure ferai-je, moi?»

— «Bon Dieu, non!» répliqua S. E., «Votre parlement ne sera pas oublié, et vous resterez encore un bon ministre. Je viens à cela, et je vous expliquerai ma pensée, si vous voulez m'écouter. Voici mon expédient: l'article restant comme je viens de le dire, ne serez-vous pas content, si la Russie consent par un article séparé et *secretissime*, que si le roi pendant cette guerre avec l'Espagne venoit à etre attaqué dans ses royaumes, états et possessions en Europe, *à l'exception de Gibraltar et Port-Mahon*, le cas de ce traité seroit censé exister dès ce moment, et dans toute sa force. Sa Majesté Impériale s'engagera de la meilleure foi et de la manière la plus prompte et la plus efficace de remplir en bonne et fidèle alliée toutes les conditions de ce traité».

Après que S. E. eut fini, je ne pouvois pas m'empêcher de lui demander—par quelle raison elle vouloit mettre Gibraltar et Port-Mahon hors de l'Europe, et exclure de ce traité ces deux endroits précisément, par lesquels la guerre en Europe devoit naturellement commencer, et quelle seroit sa pensée si de mon côté je voulus de la même manière donner l'exclusion à Wybourg?

— «Oh!», disoit S. E., «c'est la clef de notre pays.»

— «Et qui vous dit, V. E.,» répondois-je, «que Gibraltar et Port-Mahon

---

— «А о парламентѣ прикажете вовсе забыть? спросилъ я. «И каково окажется мое положеніе передъ нимъ?»

— «Боже правый!», возразилъ графъ; «и парламента вашего не забудемъ, и за вами останется слава хорошаго дипломата. Сейчасъ перейду къ этому вопросу и объясню вамъ свои мысли, только слушайте. Мой планъ таковъ: статья останется въ указанномъ мною видѣ; а не удовлетворитесь ли вы тѣмъ, что Россія въ сепаратной и притомъ *секретнѣйшей* статьѣ обязуется признать полное дѣйствіе трактата съ самаго момента его подписанія въ случаѣ, если бы подверглись нападенію королевскія и иныя владѣнія вашего государя, *за исключеніемъ Гибралтара и Портъ-Магона*. Ея Императорское Величество обяжется съ полной готовностью и со всевозможной поспѣшностью оказать самую дѣятельную помощь, какъ добрый и вѣрный союзникъ, согласно условіямъ настоящаго договора».

Когда графъ кончилъ, я не могъ удержаться отъ вопроса — почему онъ выключаетъ Гибралтаръ и Портъ-Магонъ изъ предѣловъ Европы, т. е. выключаетъ именно мѣстности, въ которыхъ война естественно должна возгорѣться; и какъ бы онъ взглянулъ на мое желаніе точно также исключить Выборгъ?

— «О!» воскликнулъ графъ; «Выборгъ — ключъ Россіи».

— «А кто сказалъ вашему сіятельству» отвѣчалъ я, «что Гибралтаръ и Портъ-

ne sont pas celles de notre commerce?» Ceci nous mena sur le plus ou moins d'utilité de ces deux endroits; mais cette matière vous est si parfaitement bien connue, mylord, qu'il n'est pas nécessaire de vous incommoder avec mes raisonnemens. Enfin voilà au juste où cet article est resté: S. E. ne vouloit pas démordre de son idée, et moi ne pouvant pas de moi-même toper à son expédient, comme vous jugerez bien. Effectivement je crois, mylord, que vous trouverez, que je l'ai bien titré de noend gordien. Si S. E. l'a défait ou l'a coupé, il ne m'appartient pas de décider; car bien que j'aie assisté à quelques conférences sur des affaires de commerce et sur la dispute de Porto Novo, c'est ici mon coup d'épée en fait de traité de cette conséquence; je m'y sens trop novice. Heureusement, après avoir exposé le fait, mon devoir m'oblige d'attendre les ordres du roi.

Il est bien tems d'achever une si longue dépêche, aussi ne me reste-t-il que peu de choses à ajouter.

Aux articles 16, 17, 18 et 19 il n'y avoit rien à changer. Au 20 S. E. me dit, qu'il dépendroit entièrement du choix du roi de le laisser en termes généraux, comme il est couché à-présent, pour ce qui regarde l'admission des autres puissances, ou de spécifier nommément celles qu'on invitera à y accéder. Il me dit après qu'il sera nécessaire d'ajouter encore un autre article avant le dernier, qui regarde l'échange des ratifications, pour fixer

---

Магонъ не составляютъ ключа нашей торговли?» Это повело насъ къ оцѣнкѣ значенія этихъ пунктовъ, но ихъ значеніе слишкомъ хорошо извѣстно вашему превосходительству, чтобы я считалъ нужнымъ повторять свои разсужденія по этому поводу. Какъ бы то ни было, вотъ на чемъ окончились наши пренія о статьѣ 15-ой: графъ отъ своего воззрѣнія отказаться не захотѣлъ, я же — какъ вы легко поймете — не могъ собственною властью принять его предложеніе. Ваше превосходительство согласитесь, что я не даромъ назвалъ эту статью гордіевымъ узломъ. Не мнѣ рѣшать, развязалъ ли, разсѣкъ ли его графъ. Я, положимъ, присутствовалъ при торговыхъ совѣщаніяхъ и при спорѣ о Порто-Ново, но въ сущности настоящіе переговоры — мой пробный камень въ трактатахъ такой важности; я чувствую себя новичкомъ и радъ, что, изложивъ факты, обязанъ выждать королевскихъ приказаній.

Пора окончить это пространное донесеніе; да мнѣ и осталась досказать немногое.

Въ статьяхъ 16, 17, 18 и 19-ой измѣнять было нечего. Прочитавъ статью 20-ю, графъ замѣтилъ, что по вопросу о присоединеніи другихъ державъ, отъ короля зависитъ редактировать ее въ общихъ выраженіяхъ, какъ она проектирована, или опредѣленно поименовать, какія державы будутъ приглашены присоединиться къ союзу. Затѣмъ графъ прибавилъ, что передъ послѣдней статьею необходимо вставить еще

la durée de cette alliance, et S. E. proposa pour cet effet le tems de 18 ou 20 ans.

A cette occasion je touchai un mot sur la prolongation du traité de commerce et S. E. me répondit, que quoiqu'elle n'en eut pas entendu parler auparavant, cependant elle ne croyoit pas, que cela souffriroit la moindre difficulté, et que celui-là pouvoit avoir le même terme que ce présent traité d'alliance, ce qui pouvoit être réglé par un article séparé.

Le projet de celui-là, que vous avez ajusté, mylord, à Hanovre, pour l'admission immédiate du roi de Pologne en qualité d'électeur de Saxe, ira son train sans le moindre changement.

S. E. après me parla de la garantie des duchés de Courlande et de Semgalle dans la maison de S. A. S. le duc régnant, et ajouta, que Sa Majesté Impériale de toutes les Russies espéroit que le roi y donneroit les mains, et S. E. m'envoya le 12 courant le projet de cet article, dont vous trouverez, mylord, la copie ci-jointe.

I have the honour to be with the greatest respect, etc.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

одну — объ обмѣнѣ ратификацій и о срокѣ союза. Онъ предложилъ такимъ срокомъ назначить 18—20 лѣтъ.

По этому поводу я вставилъ нѣсколько словъ о продленіи торговаго трактата. Графъ отвѣчалъ, что вопросъ этотъ до сихъ поръ не поднимался, но что онъ, вѣроятно, затрудненій не встрѣтитъ; что торговый договоръ можетъ быть продленъ на тотъ же срокъ, какъ и союзный договоръ, что объ этомъ можно прибавить отдѣльную статью.

Текстъ статьи, установленной вашимъ превосходительствомъ въ Гановерѣ для немедленнаго присоединенія къ союзу короля польскаго въ качествѣ курфюрста саксонскаго, пройдетъ безъ всякой перемѣны.

Графъ, наконецъ, заговорилъ о гарантіи герцогства курляндскаго и Семигаліи за домомъ его свѣтлости герцога-регента. «Ея Императорское Величество, самодержица всероссійская,» прибавилъ онъ, «надѣется, что король не откажетъ въ своемъ содѣйствіи.» 12-го ноября (н. ст.) графъ прислалъ мнѣ и проектъ статьи по этому поводу, копію которой при семъ препровождаю вашему превосходительству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.

Appendix to m-r Finch's letter of the 1st November 1740, № 70, p. 252—285.

Comme en parcourant le 29 Septembre avec m-r le comte Osterman ce projet d'un traité d'alliance défensive entre les deux couronnes que j'eus l'honneur de lui présenter il y a déjà quelque semaines, S. E. témoigna d'avoir quelques difficultés et objections à faire sur quelques uns des articles de ce projet, il est du devoir de mon ministère de tâcher d'applanir les unes et d'éloigner les autres, ce que je ne saurois jamais mieux faire qu'en détaillant les raisons, exposant les motifs des stipulations projetées, et en établissant cette parfaite réciprocité et égalité, qui doit être la base et le fondement de l'heureuse conclusion de cette importante négociation. Les instructions du roi, mon maître, sur chaque article de ce projet m'en fourniront les moyens, comme je l'espère.

Article 4. Je commence par le quatrième article qui cause la première difficulté.

Il est vrai que par cet article au lieu de 15,000 fantassins, qui devroient être fournis au roi de la part de la Russie, et une escadre composée de 800 pièces de canon, que le roi devoit fournir à la Russie par le premier projet, le secours de la Russie par le second projet est mis à 10,000 fantassins et 2,000 dragons, ces derniers, sur le pied du calcul ordinaire de

---

Приложеніе къ донесенію Эд. Финча отъ 1 ноября 1740 г., № 70 стр. 252—285.

29-го сентября графъ Остерманъ, просматривая со мною проектъ оборонительнаго союза между дворами великобританскимъ и русскимъ, который я имѣлъ честь представить его сіятельству уже нѣсколько недѣль тому назадъ, заявилъ, что желаетъ сдѣлать по поводу нѣкоторыхъ статей проекта свои замѣчанія и возраженія. Считаю долгомъ своей службы стремиться къ устраненію всякихъ затрудненій и недоразумѣній, и нахожу, что достигнуть этого всего легче подробнымъ выясненіемъ поводовъ и причинъ проектированныхъ предложеній и установленіемъ между сторонами полной взаимности и равенства, долженствующихъ служить основой и опорой счастливаго соглашенія по сему важному дѣлу. Инструкціи, данныя мнѣ королемъ, господиномъ моимъ, касательно каждой статьи проекта, надѣюсь, дадутъ мнѣ полную возможность такого разъясненія.

Статья 4-ая. Начну съ четвертой статьи, такъ какъ она первая вызываетъ затрудненія.

По этой статьѣ, дѣйствительно, взамѣнъ 15.000 пѣхоты, которыя Россія обязывалась доставить королю, и эскадры въ 800 орудій, которую король обязывался прислать въ помощь Россіи въ силу перваго проекта, второй проектъ предполагаетъ со стороны Россіи помощь въ 10.000 пѣхоты и 2000 драгунъ, что, по обычному расчету трехъ пѣхотинцевъ за одного драгуна, составляетъ силу, равную 16.000 пѣ-

trois fantassins pour un dragon, étant équivalent à un corps de 16,000 fantassins, et que le secours que le roi offre de son côté, est une escadre de vaisseaux de guerre portant 640 pièces de canon. Le premier changement qui regarde le nombre ou plutôt la nature et sorte de troupes auxiliaires de la Russie, a été fait par égard pour les désirs de cette cour, puisque sur la représentation faite ici de la nécessité d'avoir un corps de cavalerie pour accompagner l'infanterie dans sa marche, le roi, mon maître,.. quoiqu'il eût mieux aimé avoir tout le secours en infanterie, comme il fut donné à l'empereur dans la dernière guerre sur le Rhin... le roi, mon maître, dis-je, consent d'avoir 2,000 dragons et de réduire le corps d'infanterie de 15,000 à 10,000 hommes. Quant à la réduction dans le nombre de canons de 800 à 640, dont l'escadre angloise doit être composée selon le second projet, pour convaincre cette cour-ci de la justice et de l'équité de cet article et pour la rendre sensible, que, malgré l'apparence d'une disproportion entre les secours respectifs, ils sont à la vérité calculés sur le pied d'une égalité parfaite, je dois remarquer à V. E., que dans le premier projet il fut proposé et exprimé, que tant les troupes de la Russie, que les vaisseaux du roi devoient être envoyés et défrayés à tout égard par la partie qui les fournissoit. Mais comme le roi se charge à-présent de fournir aux troupes de la Russie le pain, le fourrage et les quartiers en cas de marche et de les transporter à ses propres

---

хоты, король же — съ своей стороны — обязуется выставить эскадру военныхъ судовъ въ 640 орудій. Первое измѣненіе, касающееся числа или — вѣрнѣе — характера вспомогательныхъ русскихъ войскъ и рода оружія, сдѣлано во вниманіе къ желаніямъ петербургскаго двора, именно вслѣдствіе его замѣчанія, что при пѣхотномъ корпусѣ въ походѣ долженъ необходимо слѣдовать кавалерійскій отрядъ. Король, государь мой... хотя онъ и предпочелъ бы получить въ помощь одну пѣхоту, какъ получилъ ее императоръ при послѣдней войнѣ на Рейнѣ... король, государь мой, говорю я, согласенъ получить и 2000 драгунъ, уменьшивъ численность пѣхоты съ 15.000 до 10.000 человѣкъ. Перехожу къ замѣнѣ во второмъ проэктѣ 800 орудій англійской эскадры 640 орудіями. Дабы убѣдить здѣшній дворъ въ справедливости и честности этой замѣны, дабы дать ему почувствовать, что, вопреки кажущемуся несоотвѣтствію взаимныхъ услугъ, онѣ въ дѣйствительности расчитаны въ видахъ полнѣйшаго равенства сторонъ, обращу вниманіе вашего сіятельства на то, что въ первомъ проектѣ предлагалось какъ русскія войска, такъ и королевскія суда отправлять и содержать на счетъ стороны, оказывающей помощь; теперь же король обязуется снабжать русскія войска хлѣбомъ, фуражемъ и походными квартирами, а также перевозить ихъ черезъ море на свое иждивеніе какъ при походѣ на помощь Великобританіи, такъ и при возвращеніи въ Россію, когда они будутъ туда отправлены или

vaisseaux en cas qu'elles dussent passer la mer, comme aussi de faire la même chose à leur retour quand elles seront ou renvoyées ou rappelées, pendant que de l'autre côté cette cour-ci ne sera chargée d'aucune dépense pour l'escadre angloise, qui sera envoyée au secours de la Russie. Cette différence dans la dépense du roi, laquelle, selon le calcul le plus juste, montera au moins à un quart de la totalité du secours qui sera fourni par la Russie, cette différence doit être bonifiée d'une manière ou autre par un équivalent raisonnable, si une juste réciprocité doit être observée; et la méthode la plus commode pour le faire a paru être par une réduction du secours que le roi sans cela seroit obligé de fournir. Par cette raison il est proposé que l'escadre de Sa Majesté consistera d'un nombre de canons équivalent à 12,000 hommes d'infanterie ou trois quarts de tout le secours que le roi demande de la Russie, l'autre quart qui reste étant pleinement compensé par les dépenses extraordinaires ci-dessus, dont le roi est chargé.

Ayant ainsi exposé les raisons qui établissent dans la dernière évidence cette égalité aussi équitable que désirée de part et d'autre, et après avoir assuré qu'une escadre composée de 640 pièces de canon a été regardée dans toutes les négociations d'Angleterre comme un secours équivalent à celui de 12.000 hommes d'infanterie, il ne me reste que d'informer cette cour de la répartition que l'Angleterre propose de faire de ces 640 pièces de canon pour en former l'escadre. La voici:

отозваны. Между тѣмъ Россія съ своей стороны не принимаетъ на себя никакихъ расходовъ по эскадрѣ, отправляемой ей на помощь отъ Англіи. Разъ рѣшено держаться уравненія въ обязательствахъ сторонъ, разница въ расходахъ ихъ, которая, по самому умѣренному расчету, соотвѣтствуетъ четверти всей помощи, оказываемой Россіею, должна быть такъ или иначе вознаграждена въ разумномъ размѣрѣ. Самымъ удобнымъ способомъ такого вознагражденія признано было уменьшеніе помощи, которую король полагалъ было сначала принять на себя. Потому и предположено выставить эскадру, соотвѣтствующую корпусу пѣхоты въ 12.000 человѣкъ, т. е.— тремъ четвертямъ помощи, которой его величество требуетъ отъ Россіи; остальная же четверть вполнѣ уравновѣшивается чрезвычайными расходами, принятыми на себя королемъ.

Изложивъ такимъ образомъ расчетъ, съ полною очевидностью установляющій равенство, справедливое и желательное для обѣихъ сторонъ, прибавивъ къ тому же что при всѣхъ договорахъ, заключенныхъ Англіей, эскадра въ 640 пушекъ всегда признавалась соотвѣтствующей корпусу пѣхоты въ 12.000 человѣкъ, мнѣ остается сообщить русскому двору, какъ Великобританія полагала распредѣлить эти 640 пушекъ для образованія эскадры.

Вотъ таблица предположеннаго распредѣленія:

Vaisseaux:	Canons:	Total:	Hommes:
4	70	280	1935
4	60	240	1600
2	50	100	600
1	20	20	130
11	—	640	4265.

Cette répartition a été faite sur le pied qu'on a cru le plus utile pour le service et le plus propre pour l'action.

Article 5. Comme cet article a été inséré dans ce second projet, et qu'il n'en a pas été question dans le premier, pour l'expliquer il sera nécessaire d'observer, que l'Angleterre, ayant considéré de quelle manière les deux alliés pourroient se rendre l'un à l'autre les services les plus réels et s'entre-assister le plus efficacement, il a été trouvé, que, vu la force naturelle des pays respectifs, ni des troupes de terre ne pouvoient être fournies par l'Angleterre, ni une force maritime par la Russie, sans de grands inconvéniens. Il a été proposé, que le secours à fournir par le roi consisteroit en vaisseaux de guerre et celui de cette cour-ci en troupes de terre. Mais comme de ce côté-ci on a fait naître la question, que le cas se pourroit donner, où une escadre de vaisseaux de guerre ne fut d'aucune

---

Суда.	Орудія.	Всего: орудій;	людей.
4	70	280	1935
4	60	240	1600
2	50	100	600
1	20	20	130
11	—	640	4265

Такое распредѣленіе избрано, какъ наиболѣе полезное службѣ и наиболѣе пригодное для военныхъ дѣйствій.

Статья 5-ая. Статья эта введена во второй проектъ, при первомъ же проектѣ о ней и не упоминалось. Для объясненія такой вставки надо принять во вниманіе слѣдующее: въ Англіи, соображая какимъ образомъ союзники могли бы оказать другъ другу наиболѣе существенныя услуги, наибольшее содѣйствіе, пришли къ убѣжденію, что — по естественному распредѣленію силъ союзниковъ — Англія не въ состояніи безъ крайняго стѣсненія выставить сухопутной помощи, точно также какъ Россія — помощи на морѣ. На этомъ основаніи предложено помощь короля осуществить снаряженіемъ военныхъ судовъ, помощь же Россіи — снаряженіемъ сухопутныхъ силъ.

utilité à la Russie, et qu'en conséquence on a demandé — de quelle manière elle seroit alors secourue, et comme de l'autre côté il est également vrai, que l'Angleterre étant engagée dans une guerre maritime, dans laquelle les forces de terre ne lui seroient d'aucun service. Or pour éloigner la susdite difficulté, et pour observer cette exacte réciprocité, qui est tout ce qu'on recherche de part et d'autre, le 5 article a été inséré dans ce nouveau projet pour stipuler dans les cas susdits une somme annuelle à fournir pour subvenir aux frais d'une telle guerre. Cette somme est laissée en blanc, et elle pourroit être fixée à 50.000 ou 60.000 ₤. st.

Article 7. La différence dans cet article quant au nombre des pièces de campagne et leur calibre, aussi bien que les portions, rations et quartiers, le tout sur le pied que les troupes de la Russie sont accoutumées d'être entretenues. Cette différence, dis-je, n'est pas d'une nature à nous arrêter un moment.

Article 8. Quant à la demande d'un convoi suffisant pour la sûreté des troupes de la Russie, tant à leur sortie, qu'à leur retour en cas d'embarquement, il n'y aura certainement pas la moindre difficulté à cet égard.

Article 13. Comme il est énoncé dans cet article que l'escadre angloise doit retourner chaque année de la guerre aux ports de la Grande-Bretagne dès le tems que la saison ne lui permettra plus de tenir la mer, cette stipu-

---

Но разъ съ русской стороны представляется возможнымъ случай, гдѣ военная эскадра окажется не нужною Россіи, а потому и вопросъ—какую помощь можетъ оказать ей Англія въ такомъ случаѣ, съ другой стороны возможна и морская война, при которой сухопутныя силы не понадобятся Англіи. Дабы устранить затрудненія, возникающія отъ такихъ соображеній, и сохранить строгую взаимность услугъ, которой обѣ стороны руководствуются всецѣло, новый проектъ дополненъ пятой статьей, постановляющей, что въ упомянутыхъ случаяхъ военная помощь замѣняется ежегодной уплатой извѣстной суммы на военныя издержки. Самая сумма не означена; она можетъ составить 50—60 фунтовъ стерлинговъ.

Статья 7-ая. Разнорѣчіе въ этой статьѣ касается числа и калибра орудій, а также провіанта, фуража, квартиръ. Все это должно быть соображено съ содержаніемъ, къ которому русскія войска привыкли. Мы ни на минуту не задумаемся устранить разнорѣчіе, которое можетъ оказаться при этомъ съ проектомъ.

Статья 8-ая. Что касается конвоя, достаточнаго для безопасности русскихъ войскъ при переѣздѣ моремъ къ мѣсту назначенія или обратно,—вопросъ этотъ, конечно, не представитъ ни малѣйшихъ затрудненій.

Статья 13-ая. Статья эта постановляетъ, что англійская эскадра возвращается въ британскіе порты ежегодно, когда позднее время года не позволитъ ей долѣе оставаться въ морѣ. Условіе это, опредѣляемое разсудкомъ, обычаемъ, совершенною

lation étant fondée sur la raison, l'usage et la nécessité absolue, ne souffrira sans doute aucune difficulté, d'autant plus que dans toutes les occasions, où la flotte angloise a paru dans la mer Baltique, cette condition a été constamment accordée et exécutée; *accordée* parceque dans le printems il est impossible qu'aucune escadre puisse sortir des ports de cette mer avant que la nôtre puisse arriver au Sund; aussi peu, qu'une telle escadre pourroit sortir dans l'arrière-saison après que la nôtre aura été obligée de rebrousser chemin; je veux dire dans l'un et dans l'autre cas, ni pour tenter quelque opération d'importance, ni sans compromettre son retour; *exécutée* parceque la grande gelée mettant notre flotte hors d'état d'agir, la rendroit absolument inutile pendant l'hiver, comme le froid excessif de ce pays-ci, auquel nos gens ne sont pas accoutumés, ni ne le pourroient supporter, la rendroit moins utile l'été suivant.

Article 15. Pour ce qui regarde cet article, on se souviendra que le projet de tout ce traité fut présenté dans le courant du mois de juin 1739, avant la rupture avec l'Espagne. Or si pendant que de ce côté-ci on insiste absolument sur le secours de la Grande-Bretagne contre la Pologne, je soumets à la considération de cette cour-ci—quelle justice il y auroit eu à excepter l'Espagne même avant les brouilleries, et encore à quelles fâcheuses interprétations on seroit exposé, si on l'exceptoit *du cas du traité* quand ces

---

необходимостью, не вызоветъ, вѣроятно, никакихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что оно устанавливалось и соблюдалось каждый разъ, какъ англійскому флоту случалось появляться въ Балтійскомъ морѣ. *Устанавливалось* это условіе потому, что весною никакая эскадра не можетъ выйти изъ балтійскихъ портовъ прежде, чѣмъ наши суда успѣютъ достигнуть Зунда; точно также ни одна эскадра не можетъ выйти въ море осенью по удаленіи нашихъ судовъ, не можетъ по крайней мѣрѣ съ цѣлью предпринять что либо важное, не рискуя возможностью возвратиться. *Соблюдалось* это условіе потому, что, разъ стужа поставитъ нашъ флотъ въ невозможность дѣйствовать, онъ окажется совершенно безполезнымъ на всю зиму. Наши люди, не привыкшіе къ здѣшнимъ морозамъ, не выдержали бы ихъ, и во всякомъ случаѣ оказались бы менѣе полезными слѣдующимъ лѣтомъ.

Статья 15-ая. По поводу этой статьи необходимо припомнить, что проектъ всего трактата доставленъ былъ сюда въ іюнѣ 1739-го года до разрыва съ Испаніей. Разъ Россія рѣшительно настаиваетъ на помощи со стороны Великобританіи противъ Польши, предоставляю русскому двору судить — на сколько справедливо было бы исключать Испанію даже до возникновенія распри съ нею, и тѣмъ болѣе какихъ непріятныхъ послѣдствій пришлось бы ожидать въ случаѣ ея исключенія *изъ состоявшагося договора*, когда распря уже начата, существуетъ. Собственно говоря, нѣтъ ни ма-

brouilleries sont déjà éclatées et subsistent actuellement; quoique, à dire vrai, il n'y a pas la moindre apparence que jamais le secours de la Russie sera demandé contre l'Espagne; et la nature de son secours composé de troupes de terre, qui ne pourroient être d'aucune utilité dans une guerre maritime comme celle-ci, doit mettre la Russie dans une certitude suffisante à cet égard. Néanmoins, pour convaincre cette cour de la résolution du roi de faire tout ce qui sera possible pour faciliter la négociation, le 16 article a été inséré.

Article 16, par lequel il est stipulé formellement, que les troupes de la Russie seront dispensées de servir *ni en Espagne, ni en Portugal, ni en Italie*, et cela pendant qu'il n'est plus question de l'exemption de l'envoi du secours du roi, en cas que la Russie fut attaquée par la Pologne, sur laquelle il a été auparavant insisté. De plus, afin que cette cour-ci ait un parfait équivalent pour l'exclusion du secours du roi contre les turcs, tartares, persans, et les autres orientaux, la Russie ne sera non plus tenue de fournir le moindre secours au roi, mon maître, en cas que ses possessions et états en Amérique ou tout autre part hors de l'Europe vinssent à être attaqués.

Article 20. Pour ce qui regarde l'admission et l'invitation des autres puissances, il est couché dans des termes généraux, car quoique les hauts contractans désireront sans doute l'accession des autres puissances amies et alliées, qui seront disposées à prendre part dans ce traité après qu'il sera

---

лѣйшаго вѣроятія, чтобы помощь Россіи понадобилась противъ Испаніи; самый характеръ ея вспомогательныхъ силъ, состоящихъ изъ сухопутныхъ войскъ, дѣлаетъ ихъ безполезными для войны, которая, какъ англо-испанская война, ведется на морѣ. Россія должна быть вполнѣ увѣрена въ этомъ; тѣмъ не менѣе, принявъ рѣшеніе всячески облегчить переговоры, король внесъ въ проектъ статью шестнадцатую.

Статья 16-ая прямо устанавляетъ, что русскія войска избавлены отъ службы *въ Испаніи, въ Португаліи и въ Италіи*, при чемъ и рѣчи нѣтъ объ избавленіи короля отъ обязанности помогать Россіи противъ Польши, на чемъ король настаивалъ было вначалѣ. Далѣе: дабы вполнѣ уравновѣсить права Россіи, умаленныя исключеніемъ помощи со стороны короля противъ турокъ, татаръ, персіанъ и другихъ восточныхъ народовъ, Россія не обязуется оказывать ни малѣйшей помощи королю, государю моему, въ случаѣ нападенія на его американскія или вообще внѣевропейскія владѣнія.

Статья 20-ая. Что касается допущенія или приглашенія къ участію въ союзѣ прочихъ державъ,—о немъ говорится только въ общихъ выраженіяхъ на слѣдующемъ основаніи: Высокія договаривающіяся стороны, конечно, пожелаютъ присоединенія къ союзу прочихъ дружественныхъ и союзныхъ державъ, расположенныхъ примкнуть къ

conclu, comme le roi de Pologne, en qualité d'électeur de Saxe, a témoigné ses désirs d'y être compris dès le commencement de la négociation, et que le roi, mon maître, est d'intention d'obtenir, s'il sera possible, celle de LL. HH. PP. spécialement. Cependant il y pourroit avoir de l'inconvénient à nommer les Etats Généraux particulièrement dans ce traité, puisque par là il deviendroit nécessaire de le leur communiquer immédiatement après la signature, ce qui, vu la forme de leur gouvernemt, rendra la chose publique dans un tems prématuré, au lieu, que de la manière dont le roi propose de se prendre, qui est celle de les sonder sans perte de tems, et étant préalablement assuré de leurs dispositions d'y accéder, on évitera ce qu'il y auroit de désagréable dans un refus formel, aussi bien que l'inconvénient d'être exposé à la nécessité de leur donner connoissance de ces nouveaux engagemens avant que d'avoir aucune certitude de la part qu'ils y prendront.

Ayant ainsi exposé les raisons et motifs du roi, mon maître, sur tous les articles, qui pourroient avoir besoin du moindre éclaircissement, et l'ayant fait avec toute la précision possible, il ne me reste qu'à souhaiter que les bonnes dispositions de cette cour, de concert avec celles du roi, mon maître, puissent suppléer à ce qui me manque pour conduire à une heureuse fin une négociation de cette importance, qui a été proposée depuis tant de tems, nullement pour servir à des conjonctures passagères et momentanées,

---

нему по его заключеніи, какъ король польскій, который выразилъ желаніе присоединиться еще при самомъ началѣ переговоровъ въ качествѣ курфюрста саксонскаго, какъ генеральные штаты, присоединеніемъ которыхъ король, государь мой, преимущественно озабоченъ. Между тѣмъ, быть можетъ, именно генеральные штаты поименовать въ самомъ договорѣ было бы особенно неудобно, такъ какъ при этомъ пришлось бы необходимо сообщить имъ договоръ нашъ немедленно по его подписаніи, что, ввиду формы правленія въ Голландіи, предало бы вопросъ преждевременной гласности; между тѣмъ король полагаетъ приняться за дѣло иначе; именно — не теряя времени развѣдать настроеніе штатовъ и предложить присоединеніе только достигнувъ предварительной увѣренности въ удовлетворительномъ отвѣтѣ, избѣгая непріятностей формальнаго отказа и неудобствъ, которыя могутъ возникнуть отъ сообщенія нашихъ новыхъ взаимныхъ обязательствъ штатамъ, не увѣрившись, какъ штаты отнесутся къ нимъ.

Изложивъ такимъ образомъ соображенія, руководившія королемъ, государемъ моимъ, при составленіи всѣхъ вышеозначенныхъ статей, которыя требовали какого либо объясненія, изложивъ ихъ со всевозможною точностью, мнѣ остается только пожелать, дабы доброе настроеніе русскаго двора, совпадая съ настроеніемъ короля, государя моего, восполнило то, чего недостаетъ мнѣ лично для того, чтобы привести къ счастливому концу важные переговоры, начатые уже столь давно, — переговоры,

mais étant établie sur des principes solides et permanents, et qui doit dans ses suites être également utile aux intérêts des hauts contractans, à la tranquillité du Nord en particulier, et au repos et à la sûreté de l'Europe en général. Du reste, connoissant, comme je sais, les sentiments du roi, mon maître, j'ose hardiment assurer que Sa Majesté apportera toute la facilité requise ou possible pour lever les obstacles, qui, sans changer l'essence des stipulations, pourroient retarder la prompte conclusion de ce traité; et de plus, pour donner des preuves évidentes de son amitié sincère et de ses égards parfaits pour la personne sacrée de sa haute alliée, le roi consentira à donner à ce traité cette forme qui sera la plus agréable; et je suis persuadé d'avance, que le roi, mon maître, embrassera avec joie toutes les autres occasions qui se présenteront pour convaincre toute cette cour de la vivacité de son amitié quand il s'agira ou de faire plaisir, ou de consulter les intérêts de ce côté-ci. Enfin je me flatte, ou que par ces éclaircissemens toutes les difficultés seront levées, ou que celles, qui pourroient rester encore, me seront expliquées de la même manière, afin que je puisse être en état de faire un très humble rapport au roi, et que Sa Majesté, étant pleinement informée des idées de cette cour, puisse me donner les instructions, qu'elle trouvera les plus propres pour approcher les idées de part et d'autre.

St. Pétersbourg, ce 3 Octobre 1740.
(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

въ основаніи которыхъ лежатъ не мимолетныя, не временныя соображенія, а прочные, неколебимые принципы, важные не только для договаривающихся сторонъ и для спокойствія на сѣверѣ въ частности, но для общей безопасности Европы. Впрочемъ зная, какъ я знаю, чувства короля, государя моего, могу смѣло утверждать, что его величество внесетъ въ переговоры всю необходимую и возможную сговорчивость, дабы устранить препятствія, которыя, не измѣняя сущности взаимныхъ обязательствъ, могли бы, однако, отдалить заключеніе трактата. Кромѣ того, желая дать очевидныя доказательства своего искренняго расположенія и уваженія къ высокой союзницѣ, король согласенъ на изложеніе договора въ формѣ, которая будетъ ей наиболѣе пріятна, и вообще, я увѣренъ, каждый разъ, какъ представится возможность доставить удовольствіе русскому двору или соблюсти его интересы, король съ радостью воспользуется случаемъ убѣдить русскій дворъ въ своей живѣйшей дружбѣ. Въ заключеніе льщу себя надеждой, что данныя объясненія устранятъ всѣ препятствія къ успѣху нашихъ переговоровъ; если же какія либо недоразумѣнія и останутся, они будутъ устранены тѣмъ же путемъ объясненій, и я окажусь въ состояніи дать королю отчетъ о положеніи дѣла, дабы его величество, вполнѣ освѣдомившись о воззрѣніяхъ русскаго двора, могъ дать мнѣ инструкціи, какія признаетъ наиболѣе пригодными для сближенія во взглядахъ договаривающихся сторонъ.

С.-Петербургъ, 3-го (14-го) октября 1740 г.

№ 71. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, November the 1st 1740.

Though my long dispatch in french, which count Osterman has read and approved, will in a great measure inform your lordship of what passed at our conferences, and in what state the negociation rests, yet it will be necessary to join this english one, with several remarks and annotations, and to transmit several other particulars, which would have been as improper for his excellency's perusal, as they may be necessary for your lordship to be acquainted with them. But to be as short as I can, I shall trouble your lordship with as few repetitions as possible.

Your lordship will no doubt have observed the count's dilatoriness in this negociation from the beginning; the many shifts he made use of, to postpone entering upon it; and that he was at last in a manner forced into it by my private applications to the duke of Courland and by the express commands of Her late Majesty.

However I cannot yet believe that he was really averse to the treaty itself, but rather that he was of opinion, that the anticipating the negociation might render the *pretended good offices of the french still worse* at the Porte and animate still more their intrigues in Sweden. These reflections

---

№ 71. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 1-го ноября 1740 г. (12-го ноября н. ст.).

Хотя пространное донесеніе мое на французскомъ языкѣ, прочитанное и одобренное графомъ Остерманомъ, въ значительной степени ознакомитъ ваше превосходительство со всѣмъ, что происходило при нашихъ совѣщаніяхъ, и съ положеніемъ нашихъ переговоровъ, тѣмъ не менѣе считаю полезнымъ дополнить его этимъ англійскимъ письмомъ съ замѣчаніями и помѣтками. Цѣль ихъ передать вамъ подробности, неудобныя для предъявленія графу, но съ которыми вашему превосходительству ознакомиться полезно.

Вы, конечно, замѣтили, какъ графъ затягивалъ дѣло вначалѣ; замѣтили уловки, которыя онъ употреблялъ, чтобы задержать начало переговоровъ; какъ онъ, наконецъ, вынужденъ былъ приступить къ нимъ вслѣдствіе частныхъ ходатайствъ передъ герцогомъ курляндскимъ и рѣшительнаго приказанія Ея Величества.

Тѣмъ не менѣе не полагаю, чтобы графъ дѣйствительно имѣлъ что либо противъ самого трактата; имъ скорѣе руководило опасеніе, какъ бы преждевременные переговоры не испортили еще болѣе *такъ называемыхъ добрыхъ услугъ Франціи* въ сношеніяхъ Россіи съ портой, не вызвали еще болѣе энергическихъ интригъ

of his properly related to Russia; he had others relating to England and this country jointly; I mean by the king's being at present engaged in the war with Spain, and I have all the reason in the world to believe, that several letters passed between this minister and the duke of Courland, in which his excellency exposed in the strongest terms the exhausted condition of Russia by the late war, the absolute necessity it was under of a peace to recover itself, what might be apprehended from the french resentment both in Turkey and Sweden, and the danger there would be by concluding at this juncture a treaty with England, since Russia in the sequel might be involved in, nay precipitated into a premature war, when it stood in so much need of a very lasting peace. These representations by letter (if my intelligence is true) were as often refuted by the duke, either in the same way or by word of mouth, the new cabinet-minister Bestuchef since his arrival and before it m-r Brevern having been often employed on these occasions.

At last he could fight it off no longer, but then he had address enough, under the pretext of keeping the negociation secret and not giving unnecessary umbrage to m-r de la Chetardie, at least till they could see how far our treaty might succeed; I say—he had address enough to get himself solely charged with the negociation and to exclude the other two cabinet-

---

въ Швеціи. Рядомъ съ этими соображеніями, касающимися собственно Россіи, имъ еще руководили и соображенія, касающіяся и Англіи и Россіи вмѣстѣ, именно — войны съ Испаніей, которую ведетъ король. Имѣю всевозможныя основанія предполагать, что графъ обмѣнялся съ герцогомъ курляндскимъ нѣсколькими письмами, въ которыхъ самыми яркими красками изображалъ истощеніе Россіи вслѣдствіе послѣдней войны, рѣшительную потребность мира для нея, дабы она могла оправиться, а также все, чего можно опасаться отъ непріязненныхъ интригъ Франціи въ Турціи и Швеціи и отъ заключенія союза съ Англіей при настоящихъ обстоятельствахъ: Россія можетъ вслѣдствіе этого союза быть впутана, ввергнута въ войну именно въ то время, когда ей нуженъ продолжительный миръ. Эти письменныя соображенія (если мои свѣдѣнія вѣрны) постоянно опровергались герцогомъ, иногда тоже письменно, а иногда на словахъ, сначала черезъ Бреверна, а затѣмъ, когда прибылъ новый кабинетъ-министръ Бестужевъ, — черезъ него.

Когда же, наконецъ, дальнѣйшее противодѣйствіе герцогу оказалось невозможнымъ, вице-канцлеръ — подъ предлогомъ, что переговоры должны храниться въ тайнѣ и не смущать Шетарди по крайней мѣрѣ прежде, чѣмъ выяснится на сколько ихъ успѣхъ вѣроятенъ, — сумѣлъ уладить дѣло такъ, что оно поручено было исключительно ему, съ устраненіемъ двухъ остальныхъ кабинетъ-министровъ. Князь Чер-

ministers. The prince Czercasky not having language, would have been a cypher, but m-r Bestuchef in the principles the count knew him to conclude as soon as possible with England, might have proved troublesome. With these dispositions of his excellency I went to the first conference the 29th September, at which I found him with a greater peevishness and impatience than can be expressed when I would reply, and continual complaints of his illness and the sudden pains he was seized with, whenever I would force him to hear my reasons, so that I was first reduced to the necessity of putting the explications in writing, and as the same temper appeared the 10th, I was afterwards reduced to draw my french letter, that by these two methods at least he might be obliged to read what I found he would not hear, and, if necessary, be also obliged to report to others these reasons of mine, which, if they had only passed between him and me by word of mouth, he might either have totally suppressed or given what turn to them he had a mind for his own purposes. Her late Majesty's illness, which begun to be thought dangerous the 5th, determined the sending for the count to court the 6th, and he was there also the 7th and 8th, when she grew better and was thought, or at least said, to be out of danger; so he sent for me the 9th and we entered on our conference the 10th, when your lordship will see how he insisted in the 4th article on the king's engaging to

---

касскій — лицо безгласное, положимъ, представлялъ собою только номинальную величину, за то Бестужевъ, мнѣніе котораго о необходимости вступить въ союзъ съ Англіей возможно-скорѣе, извѣстно графу, могъ явиться помѣхой. Вотъ въ какомъ настроеніи я нашелъ его при первомъ совѣщаніи 29-го сентября. Графъ выслушивалъ мои возраженія съ раздраженіемъ, съ нетерпѣніемъ, превосходящимъ всякое описаніе, и жаловался на болѣзнь и внезапные припадки каждый разъ, какъ я старался вынудить его вниманіе къ моимъ доводамъ; потому я рѣшился изложить свои объясненія письменно. Встрѣтивъ графа въ томъ же настроеніи и 10-го октября, я вынужденъ былъ написать свое французское письмо, дабы этимъ путемъ принудить графа прочесть то, чего онъ не хотѣлъ выслушать, а также сообщить кому слѣдуетъ мои доводы безъ искаженія, возможнаго въ случаѣ, если бы наши бесѣды велись только устно. Онъ могъ часть сказаннаго мною сократить или дать моимъ словамъ оборотъ, выгодный его собственнымъ цѣлямъ. Болѣзнь покойной Императрицы, которую стали считать опасною съ 5-го, потребовала присутствія графа во дворцѣ 6-го. Тамъ онъ пробылъ еще 7 и 8, когда Ея Величеству стало легче и явилась, или по крайней мѣрѣ высказывалась, надежда, что опасность миновала. 9-го графъ прислалъ за мною, а 10-го мы приступили къ переговорамъ. Ваше превосходительство ознакомитесь съ тѣмъ, какъ графъ настаивалъ на введеніи въ статью 4-ую обязательства короля — доставлять сухопутныя войска, изъ курфюрстской арміи или изъ чужеземныхъ

send land-secours, which, he said might, either be his electoral troops, or those of other princes taken into His Majesty's pay, and he added that these might prove necessary where the fleet could be of no service, for instance against Poland or the king of Prussia, nay he hinted that they might even be employed against Sweden and in Finland; but it will be observed that I beat him out of this condition, which he gave up even at our first conference; so that I need only take notice of one particular of the french, where he said that Russia was in a condition to furnish a squadron. To be sure he knew very well that the king could never have occasion for one, nor ever put them to the trial, so he could with great safety make this gasconade, for such it is confined to men-of-war. As for galleys, they have 130 in good order, fit to go to sea, and these they can man with ease, since they put their land forces on board, who not only row, but look upon it as the post of honour to be tugging at an our, for this and their hatchet every russ can use as well and as naturally as he does his fingers. But as to their men-of-war, it may be depended on, that they have but 12 fit to go to sea (indeed they expect 4 more next summer from Archangel and are putting two 66 gun-ships on the stocks here; I do not reckon the two prames and as many bomb-hatches launched last summer, of which I gave your lordship an account), but they will have all the difficulty in the world to put hand

---

наемниковъ, такъ какъ возможны случаи, при которыхъ флотъ безполезенъ, напримѣръ при войнѣ съ Польшей или съ королемъ прусскимъ; онъ даже намекалъ, что англійскія войска могутъ понадобиться противъ шведовъ въ Финляндіи. Эти требованія я, впрочемъ, опровергъ, и графъ отступился отъ нихъ при первомъ же нашемъ совѣщаніи. Мнѣ, слѣдовательно, приходится отмѣтить только одну черту, приведенную во французскомъ письмѣ, именно упоминаніе графа о томъ, будто Россія въ силахъ выставить эскадру. Графъ, конечно, вполнѣ увѣренъ, что въ русской эскадрѣ король никогда нуждаться не будетъ, что онъ даже не попытается потребовать помощи на морѣ отъ Россіи, потому могъ похвастать съ полной безопасностью. Предложеніе военныхъ кораблей дѣйствительно — хвастовство; но галеръ въ царскомъ флотѣ 130; всѣ онѣ въ совершенномъ порядкѣ, годны къ плаванію и легко могутъ быть снабжены людьми. На галеры сажаютъ сухопутныя войска, которыя не только умѣютъ грести, но еще въ работѣ у весла видятъ какъ бы почетное занятіе, благо весломъ и топоромъ всякій русскій работаетъ также хорошо и привычно, какъ собственными пальцами. Военныхъ же кораблей, годныхъ къ плаванію, здѣсь не болѣе двѣнадцати (хотя еще четыре корабля ожидаютъ сюда изъ Архангельска и два 66-пушечныхъ корабля строятся на здѣшнихъ верфяхъ; кромѣ того не упоминаю о двухъ плоскодонныхъ и о бомбардирскихъ судахъ, спущенныхъ прошлымъ лѣтомъ, о которыхъ

enough a board to man even these twelve. I do not mean manning them with *sailors*, for that is not to be thought of, and utterly impossible, since the greatest part of those, who had any pretence to be called so, are dead in their campaigns on the other side of the country. And as every russ, both gentlemen and others, have an utter aversion to the sea, so those which are called here sailors, are composed of different people out of all their extensive provinces — tartars, calmucks, cossacks, by which means their men of war are so many towers of Babel, where the crew do not understand one another, and the captain, generally a foreigner, understands none of them. So here is no command on board, even if the fellows understood enough of their business to know the ropes and to work the ships. Besides the cruizes they go out upon (as they pretend to exercise their sailors), no ways answer the design both by the shortness of the cruize, as well as whenever it blows a fresh gale or but a capfull of wind, they immediately come to an anchor or run into the first port, by which means they learn nothing, but come home at the end of the summer as much fresh water-men, as when they went out.

To go on, as to the second part of this 4th article, relating to the number and strength of the english squadron, his excellency insisted so strong on both, that I thought the difference of one ship of the line instead of the

---

я писалъ вашему превосходительству), да и эти суда снабдить экипажами въ высшей степени трудно... Не говорю «снабдить *матросами*», объ этомъ и думать нечего, это невозможно: всѣ люди, имѣвшіе какое либо право называться матросами, погибли въ кампаніяхъ на югѣ Россіи. Русскіе всѣ — дворяне и простолюдины — питаютъ крайнее отвращеніе къ морю; то что здѣсь называютъ матросами—сбродъ всѣхъ народностей изъ разныхъ провинцій обширной страны: татары, калмыки, казаки; и каждый корабль представляетъ собою что-то вродѣ столпа вавилонскаго, гдѣ люди не понимаютъ другъ друга, а капитанъ—обыкновенно изъ иностранцевъ—не понимаетъ никого; такъ, если бы даже люди порядочно знали снасти и способны были управлять судномъ, команда невозможна. Не достигаютъ цѣли и крейсировки, на которыя корабли выходятъ для обученія экипажей, и потому, что онѣ кратковременны, и потому, что при всякомъ штормѣ или даже небольшомъ вѣтрѣ крейсирующія суда немедленно бросаютъ якорь или укрываются въ ближайшемъ портѣ; такимъ образомъ экипажи ничему не научаются, и въ концѣ навигаціи возвращаются такими же новичками въ мореплаваніи, какъ и были.

Дойдя до второй половины статьи 4-ой, касающейся числа и силы англійской эскадры, графъ такъ энергически настаивалъ на измѣненіяхъ, что я сообразилъ: «Предполагается одинъ фрегатъ замѣнить линейнымъ кораблемъ и прибавить два корабля

frigate and two ships more in the squadron would not make so great a one, as to occasion my breaking off the treaty and refusing to make my report of the demand.

Your lordship will also see in the 5th article, that, as to the sum in blank to be filled, he pretended that in case the specific succours were not asked, the full equivalent for them on the ordinary computation of 10 florins p. month for every 1000 foot should be furnished in money. As this vastly exceeded the p. 100,000 st., which was the utmost extent to which I was allowed to go, and that he seemed to reject that sum and to insist absolutely on the full of the equivalent, I was forced to report it so in my french letters.

On the 8th article, by the count's explanation of *portion* and his demand of meat, oatmeal and salt, what the king will be obliged to furnish, will go higher than His Majesty foresaw or, I believe, intends. It will be therefore necessary for me to add, that, though all these things are furnished to the soldiers here, yet it is in lieu of their pay, which in ready money is very small, however the count positively asserted that when their troops march abroad, as they did to the Rhine, their pay in money is doubled. When his excellency was contending for the squadrons wintering here, he hinted that, though the ships were froze up, yet the sailors might be of

---

на эскадру; эта разница не такъ велика, чтобы изъ-за нея рисковать договоромъ»; а потому рѣшился донести вамъ о настояніяхъ графа.

Ваше превосходительство усмотрите далѣе, что по поводу необозначенной суммы въ статьѣ пятой, графъ полагаетъ при случаяхъ, когда военной помощи не потребуется, замѣнять ее полной суммой по расчету 10.000 флориновъ наличными деньгами въ мѣсяцъ за каждую тысячу пѣхоты. Такъ какъ такое вознагражденіе значительно превышаетъ высшій мнѣ разрѣшенный размѣръ въ 100.000 фунтовъ, а между тѣмъ графъ, отказываясь отъ предложенной суммы, настаиваетъ на своемъ расчетѣ — я вынужденъ былъ заявить вамъ о такомъ настояніи во французскомъ письмѣ.

Разъясненія графа Остермана по статьѣ 8-ой, касательно *порцій*, требованіе продовольствія русскихъ войскъ мясомъ, овсяной мукой и солью превышаютъ размѣры продовольствія, предусмотрѣнные и — на сколько я разумѣю — предположенные его величествомъ. Долгомъ считаю присовокупить, что здѣсь все это дѣйствительно выдается солдатамъ, но выдается взамѣнъ жалованья наличными деньгами, которое крайне незначительно. Впрочемъ графъ рѣшительно утверждаетъ, будто при заграничныхъ походахъ жалованье это удвояется; такъ оно удваивалось и при рейнскомъ походѣ. Домогаясь оставленія нашей эскадры на зимовку въ балтійскихъ портахъ, графъ намекалъ, что если суда и замерзнутъ, матросы тѣмъ не менѣе могутъ нести

service by land in case of a sudden attack, but as he gave up at last this unreasonable demand on the provisional clause of the squadron's early arrival and late departure, His Majesty's instructions will be here necessary how far I may accept this clause as it is drawn, or whether I must reject it.

I have so fully explained the gordian knot in the 15th article, that I need add no more on that head; but only that his excellency would not give up a title of this in our conference the 14th, when the circumstances were greatly altered, and with them his manner of negociating, as will appear presently. For the 14th in the morning his excellency in appearance sent to know how I did, but really to insinuate that I should send to desire an hour of him; this I did immediately, excusing my not having done it sooner out of discretion and my knowledge, that he must have been otherwise employed as he had been at court. His answer was that he should be glad to see me as soon as possible. I went there, and after having made him the excuses above and inquiring after Her late Majesty's health, he answered, that it was true he had been very busy the preceeding days and Her Majesty very ill (for he did not pretend to conceal what he must know, that I knew in general as well as he did), but yet he hoped that there was no danger and that the physicians thought so too; that, as we had begun a negociation of

---

службу на сушѣ въ случаѣ внезапной аттаки непріятеля; но отступилъ отъ этого неразумнаго требованія подъ условіемъ ранняго прибытія и поздняго ухода эскадры. Мнѣ нужны инструкціи его величества по вопросу: въ какой мѣрѣ возможно признать такое обязательство и не слѣдуетъ ли вовсе отвергнуть его?

Я такъ подробно объяснилъ, какимъ гордіевымъ узломъ оказывается статья 15-ая, что ничего не прибавлю по этому поводу. Замѣчу только, что графъ не хотѣлъ уступить ни на волосъ и при совѣщаніи 17-го октября, не смотря на значительно измѣнившіяся обстоятельства; не думаетъ, какъ теперь оказывается, отрѣшиться и отъ прежней системы переговоровъ. Такъ 17-го поутру онъ какъ бы прислалъ справиться о моемъ здоровьи, въ дѣйствительности же—внушить, чтобы я попросилъ у него свиданія. Я немедленно исполнилъ его желаніе, извиняясь въ томъ, что не обратился къ нему съ тою же просьбой ранѣе изъ опасенія помѣшать ему, такъ какъ мнѣ извѣстно было, что его отвлекаютъ важнѣйшія работы при дворѣ. Графъ отвѣчалъ, что радъ будетъ видѣть меня, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я отправился къ нему, повторилъ тѣ же извиненія, и справился о здоровьи покойной Императрицы. Графъ заявилъ, что дѣйствительно очень былъ занятъ предшествующіе дни, что Ея Величество очень больна, что онъ не хочетъ скрывать отъ меня то, о чемъ—какъ ему хорошо извѣстно—я знаю столько же, сколько и онъ; но вмѣстѣ выразилъ надежду, что опасность миновала, прибавивъ, будто того же мнѣнія, держатся и врачи. «Затѣмъ»,

great importance and that the difference between the terms proposed by me and those insisted on by him, were not in his opinion very considerable, he hoped that they might be easily adjusted; at least he could assure me that I should find in him all the facility imaginable, and he hoped to find the same in me, in order to settle what yet remained and put the finishing hand to the treaty. He then asked me, if I had brought my papers with me, upon which I immediately delivered him a fair copy of my french letter, keeping my own minute in my hand to accompany him as he read it.

When he came to the squadron in the 4th article, I told him, that though I had inserted it at 14 ships of the line, yet I could not but take notice that this would exceed the ordinary computation and evaluation of ships against troops, which had been observed in all our negociations. His excellency replied, that he was persuaded that the king's intentions could never be to offer Russia a squadron, whose force would not be adequate to the service it was sent upon, nor sufficient, in conjunction with theirs, to be master of the Baltic. He run over the state of the swedish fleet and asserted that that country was in conditionto fit out nigh 25 sails, saying moreover, who knew whether they might not be joined by a french squadron; but however— to convince me that he did not design to chicane or lose time — he hoped

---

говорилъ онъ, «разъ приступивъ къ столь важнымъ переговорамъ, принимая во вниманіе незначительное на мой взглядъ разногласіе между вашими предложеніями и перемѣнами, на которыхъ я настаиваю, полагаю, что мы наконецъ придемъ къ соглашенію. Можете быть увѣрены, что я, по крайней мѣрѣ, буду возможно сговорчивъ; надѣюсь встрѣтить ту же сговорчивость и въ васъ, а потому — уладить оставшіеся пункты и дать договору окончательный видъ». Онъ спросилъ меня затѣмъ—принесъ ли я съ собою свои бумаги? Въ отвѣтъ я немедленно передалъ ему копію съ своего французскаго письма, оригиналъ же удержалъ у себя, дабы слѣдить за графомъ при чтеніи.

Дойдя до статьи 4-ой, я, по вопросу о численности эскадры, замѣтилъ ему, что хотя и упоминаю о 14-ти линейныхъ корабляхъ, тѣмъ не менѣе не могу не замѣтить, что это не согласуется съ обычнымъ отношеніемъ кораблей къ сухопутнымъ войскамъ, съ оцѣнкой ихъ военнаго значенія, которой мы до сихъ поръ держались при всѣхъ нашихъ переговорахъ. Графъ отвѣчалъ увѣренностью, что король никогда не думалъ предлагать Россіи эскадру, несоразмѣрную съ ожидающей ее задачей, неспособную въ соединеніи съ русскимъ флотомъ стать полнымъ хозяиномъ на Балтійскомъ морѣ. Онъ распространялся затѣмъ о состояніи шведскаго флота и завѣрялъ меня, будто Швеція можетъ выставить около 25-ти судовъ. Кто знаетъ, прибавилъ онъ, не соединится ли еще этотъ флотъ и съ французской эскадрой. Тѣмъ не менѣе, графъ, дабы доказать, что онъ не дразнитъ меня по пустому, и времени терять не желаетъ,

the king would not think 12 ships of the line too much, and I noted that number and the distribution of them with the provisional clause, as your lordship will see.

When we came to the 5th article, I took notice that there was little appearance of either of the contracting parties ever desiring, in lieu of the actual succours, that sum, which was to be inserted in the blank. I thought therefore that this could not occasion any stop and might be filled up with p. 100,000 st. at a lump, without going into the calculation of the strict evaluation of the succours at so many florins p. month for every 1000 men. His excellency replied, that, as he was of my opinion, that the reciprocal specific succours might be necessary, but that the sum instead of them would never be asked, he agreed to the p. 100,000 st..

As to the *portions* in the 7th article, your lordship will see, that I have put it short referring in general terms to what the emperor did, without entering into a particular specific term of bread, flower, meat, oatmeal and salt (NB.) [1]).

The clause about the convoy in the 8th article, I suppose, will not be objected to.

As to the 13th article, if the first part of the additional clause was mi-

---

заявилъ, что готовъ на уступку, что король — надо полагать — признаетъ высылку 12-ти кораблей для себя не обременительной. Я отмѣтилъ эту цифру и соотвѣтствующее распредѣленіе эскадры, а также ограничительное условіе, какъ ваше превосходительство усмотрите въ текстѣ.

При чтеніи статьи пятой я замѣтилъ: Мало вѣроятія, чтобы которая либо изъ договаривающихся сторонъ когда нибудь пожелала, взамѣнъ дѣйствительной помощи, принять сумму, которую предполагается выставить, потому врядъ ли эта статья можетъ остановить переговоры. Можно проставить круглымъ счетомъ 100.000 фунтовъ, не входя въ точный расчетъ помощи по стольку-то флориновъ въ мѣсяцъ за тысячу человѣкъ. Графъ, соглашаясь со мною, что сторонамъ можетъ понадобиться взаимная военная помощь, замѣна же ея условленною суммою никогда не потребуется — согласился на 100.000 ф..

Касательно *порцій* въ 7-й статьѣ, ваше превосходительство замѣтите, что я въ общихъ словахъ сослался на условія, прежде принятыя императоромъ, не входя въ подробное означеніе количества хлѣба, муки, мяса, овсяной муки и соли. (NB) [1]).

Надѣюсь, что требованіе конвоя въ статьѣ 8-й возраженій не вызоветъ.

Что же касается статьи 13-ой, полагаю: Разъ первая часть дополнительнаго

---

1) Объясненіе этого NB. см. ниже въ этомъ же донесеніи, стр. 309.

nuted to give the court the security it desired about the early arrival and late return of our squadron, I hope the latter part of it will appear to have been calculated to prevent any inconveniencies, which might attend the too litteral and strict execution of the preceding part and to obviate any chicanes which might be started here.

As to the 15th article, your lordship will see in the french letter, that, by the conference of the 10th, after the words «*en Amérique*»—«*ni en Espagne*» was proposed to be inserted, and in the secret article, that «*à l'exception de Gibraltar et Port-Mahon*» was to have been foisted in; but when I was at the conference the 17th in the morning, and my french letter was perused, I observed to his excellency, that these particular explicit exceptions would never go down in England, and must spoil our whole affair; and I did this the more readily and strongly too, because I could easily discern that his excellency was in as much haste then to finish and to sign, as ever I could have been, when your lordship had expressed, if I may so say, the greatest impatience to see the issue of this affair. Your lordship will in a moment see strong proofs of this haste on the count's side; for he immediately replied: «Well then, let us throw out that «*en Espagne*» at the end of the article and new frame the beginning of it in more general terms». This we did immediately, as your lordship will see in the general project of alterations, lit. B.

условія измѣнится; разъ русскому двору, согласно его желанію, обезпечены будутъ раннее прибытіе и позднее возвращеніе нашей эскадры, послѣдняя часть статьи явится какъ бы составленной исключительно въ видахъ предупрежденія неудобствъ отъ слишкомъ буквальнаго, педантическаго выполненія предыдущихъ строкъ, въ видахъ устраненія возможной въ данномъ случаѣ придирчивости.

По поводу статьи 15, ваше превосходительство усмотрите изъ французскаго письма моего, что при совѣщаніи 10-го октября послѣ словъ «*въ Америкѣ*» предлагалось вставить слова «*въ Испаніи*», въ секретную же статью — слова «*за исключеніемъ Гибралтара и Портъ-Магона*»; на совѣщаніи же 17-го, поутру, уже по написаніи моего французскаго письма, я замѣтилъ графу, что эти подробныя, опредѣленныя исключенія никогда не пройдутъ въ Англіи и испортятъ все наше дѣло. Замѣчаніе это я сдѣлалъ тѣмъ охотнѣе и съ тѣмъ большею настойчивостью, что ясно видѣлъ, какъ графъ торопился окончить и подписать трактатъ, проявляя такое же нетерпѣніе, какое проявлялъ я, когда ваше превосходительство выражали, позволю себѣ сказать, крайнее нетерпѣніе видѣть исходъ начатаго дѣла. Сейчасъ ваше превосходительство увидите явныя доказательства этой торопливости графа. «Хорошо, выбросимъ это «*въ Испаніи*» въ концѣ статьи и составимъ ея начало въ болѣе общихъ выраженіяхъ», отвѣчалъ онъ. Это мы немедленно и сдѣлали, какъ отмѣчено въ общемъ проектѣ измѣненій подъ литерою B.

Then we proceeded to the secret separate article, by which we were to explain this 15th of the treaty and to correct the first appearances of it. It was therefore necessary to repeat the peccant words, and I told his excellency that it would be still more necessary to efface this formal exception of «*Gibraltar and Port-Mahon*», since they were most certainly both english possessions and in Europe; upon which I took pen, ink and paper to draw a sketch of this separate secret article in a form more likely to be relished, and after we had just run over the small remainder of the treaty (which is not material enough to interrupt my narration), he desired me to go home and put things a little more in form. This I did, and returned to him the same afternoon with all the corrections we had agreed on and with the separate article as it now stands.

As soon as we had gone through all these, his excellency hinted in pretty plain terms (I may say formally proposed), that, as we were nearly to me agreed, he could not see, why we could not immediately sign, that I might send away the whole with Her late Majesty's provisional ratification, which possibly he *might yet find an opportunity* of procuring. This was pretty plainly telling me, that she was in the utmost danger, though he certainly did not think that her end was so nigh, notwithstanding she died within an hour after I left him. In answer to this I told him, that though in the greatest part of the treaty, I hoped we were

---

Затѣмъ мы перешли къ секретной сепаратной статьѣ, поясняющей 15-ую статью трактата и исправляющей первое производимое ею впечатлѣніе. Потому пришлось возвратиться къ спорнымъ словамъ. Я замѣтилъ графу, что гораздо важнѣе было бы уничтожить формальное исключеніе *Гибралтара и Портъ-Магона*, такъ какъ пункты эти несомнѣнно принадлежатъ Англіи и находятся въ Европѣ; а затѣмъ взялъ перо, чернилъ, бумаги и набросалъ черновую той-же сепаратной секретной статьи въ формѣ болѣе удобоваримой. Просмотрѣвъ немногія остальныя статьи (не особенно важныя, чтобы изъ-за нихъ прерывать мой разсказъ), графъ предложилъ мнѣ возвратиться домой и нѣсколько оформить все дѣло. Исполнивъ это, я въ тотъ же вечеръ возвратился къ графу со всѣми условленными исправленіями и съ сепаратной статьей въ томъ видѣ, въ которомъ посылаю ее.

Едва мы прочли все это, графъ намекнулъ мнѣ въ совершенно ясныхъ выраженіяхъ (могу сказать — формально предложилъ мнѣ): разъ мы почти согласились, отчего бы намъ и не подписать трактата, который я могъ бы отправить съ временной ратификаціей Ея Величества, ратификацію же онъ *можетъ быть еще найдетъ возможность* добыть. Этимъ онъ ясно далъ мнѣ понять, что положеніе Государыни крайне опасно, хотя, конечно, не предполагалъ, какъ конецъ ея близокъ. Она скончалась часъ спустя послѣ того, какъ я покинулъ графа. Въ отвѣтъ на это, я замѣтилъ, что хотя мы, на-

pretty well agreed, yet the 15th article, notwithstanding the expedient of the separate and most secret one, stuck with me; that this appeared to me under the head of those material alterations, which tied up my hands from signing without previously informing the king and waiting for His Majesty's farther orders pursuant to my instructions; that, besides this absolute necessity I was under, there was also a certain decency relating to the guaranty of Courland — an entire new proposition made to me, of which indeed I had already informed the king, but however (notwithstanding I was well acquainted with His Majesty's great regard and esteem for the duke's person and how readily His Majesty would seize every occasion to convince his highness of them) yet I must submit it to his excellency — whether it would not be proper, nay necessary for me to receive His Majesty's orders both on this guaranty, as well as on the alterations in the treaty itself and the separate article explaining or, if he pleased, correcting the 15th? His excellency upon this told me, that he thought that we had brought the matter as near as was possible, and to such an issue, that, he hoped, the king would agree to; that, though I must be the best judge how far my instructions would allow me to sign or not to sign, yet, as my signature could be in no shape obligatory but as for as the king should ratify it, he could have no interest to persuade me to take a step, which might do me harm with the king, without being of

---

дѣюсь, вполнѣ сошлись въ большей части статей, статья 15-ая, не смотря на оговорку сепаратной и секретнѣйшей статьи, меня смущаетъ; что измѣненія въ ней все еще представляются мнѣ изъ тѣхъ, которыя не допускаютъ подписи безъ предварительнаго извѣщенія короля, требуютъ дополнительныхъ инструкцій; что кромѣ того мнѣ необходимо соблюсти извѣстную осмотрительность и по вопросу о гарантіи герцогству курляндскому, такъ какъ вопросъ объ этой гарантіи—вопросъ совершенно новый, о которомъ я едва успѣлъ увѣдомить короля; что, хотя я и знаю на сколько его величество уважаетъ и почитаетъ герцога, на сколько его величество радъ всякому случаю доказать его свѣтлости свое уваженіе, тѣмъ не менѣе пусть обсудитъ самъ графъ — не приличнѣе ли, не необходимо ли мнѣ выждать приказаній его величества какъ по вопросу о гарантіи, такъ и по измѣненіямъ, предположеннымъ въ самомъ трактатѣ и въ сепаратной статьѣ, поясняющей или — если угодно — исправляющей статью 15-ую? Графъ на это замѣтилъ, что—по его мнѣнію—дѣло поставлено возможно близко къ желательному рѣшенію, получило видъ, въ которомъ король, надо надѣяться, дастъ свое согласіе; что — хотя мнѣ лучше, чѣмъ кому нибудь, судить на сколько инструкціи уполномочиваютъ меня подписать трактатъ,— моя подпись во всякомъ случаѣ не налагаетъ на Англію никакихъ обязательствъ, пока договоръ не ратификованъ королемъ; что склонять меня на шагъ, способный повредить мнѣ въ глазахъ короля и совер-

the least service to Russia, so he left it to me whether I could take upon me to sign *sub spe rati*, because in that case (as he said before) he might get the Czarinna's provisional ratifications in blanc, as by the return of my messenger I might receive tke king's in the same way, which might be filled up and exchanged without farther ceremony, even in case of a fatal accident, by antedating the signature of the treaty. I answered to this, that it was true, that when m-r Bestuchef was negotiating the renewal of the russian treaty with Sweden, I had had some share in determining him to sign immediately *sub spe rati*, because if he had not seized the very moment, he must have lost if for ever; yet the case was now different, that there was no *periculum in muros*, nor in reality would be any delay, for if the king approved the alterations made in the project, and would ratify the treaty in the shape it now stood, His Majesty's ratifications, by being sent with the return of my messenger, might be exchanged every moment as soon as if I had then actually signed the treaty in his excellency's closet; whilst, on the other side, should the king think some alterations necessary from those his excellency had desired, any instances of mine for this purpose after I had signed would come with a worse grace and might be interpreted as if the treaty had been accompanied with difficulties, which might have the air of breaking it off. His excellency, finding that I could not come into his scheme of signing immediately *sub spe rati*, let it drop for that time, though, I am persuaded, if Her late Majesty, instead of dying that very night, as she did, had lingered on, he would have again pushed me hard to have de-

---

шенно не нужный Россіи, ему, конечно, нѣтъ никакой выгоды, а потому мнѣ можно предоставить право подписать *sub spe rati*; что онъ, къ тому же, надѣется еще (какъ уже сказалъ) добыть отъ Царицы временный бланкъ ратификація, я же при возвращеніи моего курьера могъ бы получить такую же ратификацію короля; что затѣмъ тексты можно вписать и обмѣняться ими безъ дальнѣйшихъ церемоній, даже, въ случаѣ печальнаго происшествія, выставивъ заднее число. Я при этомъ напомнилъ, что, когда Бестужевъ велъ переговоры о возобновленіи русско-шведскаго трактата, я самъ склонялъ его подписать трактатъ немедленно *sub spe rati*; такъ какъ, не воспользуйся онъ удобной минутой, дѣло было бы проиграно навсегда; теперь же дѣло иное: *periculum in muros* нѣтъ, и замедленія никакого въ сущности не произойдетъ. Разъ король одобритъ измѣненія, сдѣланныя въ проектѣ, и ратифицуетъ трактатъ въ его настоящемъ видѣ, ратификація его величества прислана будетъ сюда съ обратнымъ курьеромъ и можетъ быть затѣмъ обмѣнена въ любую минуту, какъ будто я подписалъ трактатъ тутъ же, не выходя отъ графа; если же, на оборотъ, король найдетъ необходимымъ внести нѣкоторыя измѣненія всякія настоянія съ моей стороны, сдѣланныя по подписаніи, приняты будутъ менѣе благосклонно: скажутъ, пожа-

termined me to sign, and would have procured the provisional ratification of Her late Majesty in blanc.

To continue I was with the count friday the 24th instant, when I gave him his copy of my project interleaved with all the changes inserted; and, to end my account of the whole, the immediate nomination of other powers to be invited to accede in the 20th article is left to the king's choice.

The new article 21th is to fix the term of the treaty to 20 years, and I could not get it carried beyond that number.

I come now to the separate articles:

№ 1 — to grant the title, which is the same your lordship gave me, only with the insertion of «ses successeurs» in two places.

№ 2 — is the new secret and separate article to explain and correct the 15th.

№ 3 — is that for the guaranty of the duchy of Courland in the present family. I need only add that the head of it is now regent.

№ 4 — is to prolong the treaty of commerce for 24 years from the date of the treaty to be signed. I could neither get a longer term, *nor the addi-*

луй, что заключеніе трактата встрѣчаетъ затрудненія; усмотрятъ, того и гляди, желаніе разстроить его. Видя, что я не склоняюсь на предложеніе подписаться немедленно *sub spe rati*, графъ оставилъ эту тему, но я увѣренъ, что, не скончайся Ея Величество въ ту же ночь, продыши она еще нѣсколько времени, онъ опять сталъ бы горячо настаивать съ цѣлью склонить меня къ подписанію и добылъ бы бланковую ратификацію отъ покойной Императрицы.

Затѣмъ въ пятницу, 24-го октября, я былъ у графа и передалъ ему копію проекта со внесеніемъ въ него всѣхъ условленныхъ измѣненій. Дабы закончить дѣло, поименованіе державъ, которыя приглашаются присоединиться къ союзу по статьѣ 20-й, предоставлено на усмотрѣніе короля.

Новая статья 21-ая срокъ дѣйствія трактата установляетъ двадцатилѣтній и продлить его мнѣ не удалось.

Перехожу къ сепаратнымъ статьямъ:

№ 1-й — касается признанія титула. Титулъ тотъ-же, который указанъ вашимъ превосходительствомъ; только въ двухъ мѣстахъ прибавлено «*ses successeurs*».

№ 2-й — представляетъ собою новую секретную сепаратную статью въ разъясненіе и исправленіе статьи 15-ой.

№ 3-й—касается гарантіи герцогства курляндскаго въ родѣ Бироновъ. По поводу нея прибавлю только, что настоящій глава рода состоитъ нынѣ регентомъ.

№ 4-й. Этою статьей срокъ торговаго трактата продолженъ на 24 года со дня подписанія союзнаго договора. Я не могъ добиться ни бо́льшаго срока, *ни добавочныхъ строкъ*, которыя вставилъ было, согласно письму вашего превосходительства

tional clause to pass, which I had inserted pursuant to your lordship's letter to m-r Rondeau of the 17th February 1738—39 on the request of the merchants trading to Russia, relating to the debts they owed to one college, and had to demand of another. His excellency said, that this would occasion a labyrinth of difficulties and chicanes, since every college had distinct funds and were to be regarded as different bodies, who had no relation one with the other.

№ 5—is the saxon article verbatim as your lordship transmitted it to me. The copy of this last I do not sent, because it will be unnecessary. [1])

Before I end this dispatch, I must take notice of the NB: When I was with his excellency friday, the 24th instant, he desired that instead of referring to what the emperor furnished the russian troops with on the Rhine, it might be changed as your lordship will see it now stands in the project of alterations, lit. B., and his excellency assured me upon his word and honour, that in this way it would be less expensive to the king, than if His Majesty engaged to furnish these troops as the emperor had done on the Rhine.

Though I am sensible that this letter is already too long, yet as I aim at transmitting every circumstance that passed between the count and myself, that your lordship may be as minutely informed of them, as if you

---

къ Рондо отъ 17-го февраля 173$^8/_9$ г., написанному вслѣдствіе ходатайства купцовъ, торгующихъ въ Россіи, касательно покрытія долговъ одной коллегіи полученіями съ другой. Графъ заявилъ, что это создало-бы лабиринтъ затрудненій и споровъ, такъ какъ каждая коллегія имѣетъ собственные капиталы и должна быть признана самостоятельной единицей, до другихъ коллегій не касающейся.

№ 5-й — статья о присоединеніи Саксоніи дословно списана съ текста, присланнаго мнѣ вашимъ превосходительствомъ; потому и копіи съ этой статьи не присылаю. Это было бы безполезно. [1])

Прежде чѣмъ заключить это донесеніе, объясню выше отмѣченное NB: При бесѣдѣ моей съ графомъ Остерманомъ въ пятницу 24-го октября, графъ изъявилъ желанія, чтобы я, вмѣсто того, чтобы ссылаться на провіантъ, который доставлялся русскимъ войскамъ отъ императора на Рейнѣ, поставилъ строки, которыя ваше превосходительство прочтете въ проектѣ измѣненій подъ литерою B. Графъ честнымъ словомъ увѣрялъ меня, что обусловленное такимъ образомъ продовольствіе обойдется королю дешевле, чѣмъ продовольствіе, которое требовалось отъ императора на Рейнѣ.

Хотя и чувствую, что письмо мое слишкомъ длинно, но разъ принявъ за правило сообщать все, происходящее между мною и графомъ, дабы ваше превосходительство могли судить о нашихъ сношеніяхъ, какъ бы самоличный свидѣтель, считаю долгомъ

---

1) Тѣмъ не менѣе проектъ 5-ой сепаратной статьи приложенъ. Ср. стр. 317.

had been actually present, it will be necessary for me to add, that when he read over what I said of England in the french letter (which he had no difficulty to apply), he confessed the truth of it all, and that for this very reason he both thought and hoped, that the king would be the first to see the necessity they were under here not to furnish so ill-disposed a power with any specious pretexts to do them all the ill offices it had equally in its hand and inclination to render them; that without this tacit exclusion of the spanish war, which was to appear on the face of the ostensible treaty, no doubt France would have a handle to intrigue in Sweden and traverse their affairs in Turkey, which though they expected here, yet they should be glad to have such appearances on their side, as to be able to show the whole world, that she had dealt treacherously with them, without their having given her any just foundation for such behaviour towards them; and the count said that the thing in the world he regretted the most, ever since he had any share in the administration, was the exclusive and sole mediation of France; that all he could say on this occasion, was, that they had been forced into it entirely against their inclinations and knowing beforehand perfectly well, that it was absolutely the wrongest step they could have taken, as they had found it by experience.

I need say nothing of the notification which went away last post by an

---

отмѣтить, что прочитавъ въ моемъ французскомъ письмѣ строки, касающіяся Англіи (примѣнить ихъ къ настоящимъ обстоятельствамъ было не трудно), онъ вполнѣ согласился съ ними, и прибавилъ: «Именно по этимъ причинамъ полагаю и надѣюсь, что король первый усмотритъ, на сколько Россіи необходимо было остерегаться — какъ бы не дать столь дурно расположенной къ ней націи сколько нибудь основательныхъ поводовъ всячески вредить ей, благо къ тому есть охота и возможность. Безъ молчаливаго исключенія испанской войны, какъ бы явствующаго изъ общихъ статей трактата, Франція несомнѣнно имѣла бы основаніе интриговать въ Швеціи и мѣшать сношеніямъ Россіи съ Турціей. Интриги Франціи здѣсь не были неожиданностью ни для кого, но Россіи пріятна возможность указать всему свѣту какъ плутовски Франція обходилась съ нею безъ малѣйшаго повода, при совершенно чистомъ отношеніи къ Франціи съ ея стороны.» Графъ высказалъ также, что за все время своего участія въ управленіи ни о чемъ не жалѣетъ такъ, какъ объ исключительномъ посредничествѣ Франціи при русско-турецкой распрѣ; онъ по этому поводу можетъ только заявить, что къ принятію такого посредничества Россія была вынуждена совершенно вопреки своимъ склонностямъ, напередъ и вполнѣ сознавая то, что затѣмъ и оказалось на опытѣ, именно, что принявъ его, она дѣлаетъ шагъ, для себя рѣшительно вредный.

Не считаю нужнымъ ничего замѣтить по поводу извѣщенія, отправленнаго

estafette. The duke of Courland, as your lordship will observe, signs for the young monarch, and when for himself «regent and duc». As the new credentials of all the foreign ministers will be addressed to the sovereign, so they will all, I believe, have a particular one to the regent duke.

Count Osterman tells me that the two other cabinet-ministers will sign our treaty as well as himself, if we come to that, and he seems to think that their *quality of cabinet-ministers is authority* enough without any particular full power for that purpose. Your lordship will be pleased to instruct me on this head and also to let me know, whether His Majesty designs to make them any present, usual on these occasions, what that present will be, and how it is to be delivered to them, and whether anything is to be given to their chancery, as the french, danish and russian ministers did in my time at Stockholm.

I was with count Osterman this morning, when he said, that this court desired that the clause at the end of the 4th article for reserving to the king the power of making a new distribution in the squadron might be effaced, as your lordship will see noted in the margin of the project lit. B., that the thing might not appear here too general, nor the squadron they had to depend on left uncertain, however his excellency said, that, if the

---

прошлою почтой съ эстафетой. Какъ ваше превосходительство замѣтите, герцогъ курляндскій подписывается за юнаго монарха, себя же титулуетъ «регентъ и герцогъ.» Новыя кредитивныя грамоты представителей иностранныхъ государствъ будутъ адресованы на имя Государя, но вмѣстѣ, вѣроятно, и съ особеннымъ обращеніемъ къ герцогу-регенту.

Графъ Остерманъ передавалъ мнѣ, что когда дѣло дойдетъ до подписанія трактата, его подпишутъ, кромѣ самого графа, и оба другіе кабинетъ-министра, и выразилъ мнѣніе, что *самое званіе кабинетъ-министровъ достаточно авторитетно*, дабы не требовать никакихъ особыхъ полномочій на данный случай. Прошу ваше превосходительство снабдить меня инструкціей по этому поводу, а также сообщить, предполагаетъ ли его величество сдѣлать министрамъ какой либо подарокъ, какъ водится при подобныхъ случаяхъ, каковы будутъ подарки, и какъ король прикажетъ передать ихъ; предполагается ли подарить что либо кабинетной канцеляріи, какъ за время моего пребыванія въ Стокгольмѣ дѣлали подарки канцеляріямъ представители Франціи, Даніи, Россіи.

Сегодня поутру я видѣлся съ графомъ Остерманомъ, и онъ сказалъ мнѣ, что русскій дворъ желалъ бы вычеркнуть въ концѣ четвертой статьи слова, предоставляющія королю новое распредѣленіе эскадры. Ваше превосходительство увидите отмѣтку по этому поводу на поляхъ проекта подъ литерою B. Здѣсь опасаются, что въ случаѣ, если обязательства короля выражены будутъ въ формѣ слишкомъ общей, на эскадру

king thought proper to make any alteration in the squadron as we minuted it, His Majesty would be at full liberty to do it, provided that alteration did not diminish anything from the present force of the squadron.

. Whatever I may have to add will be found in the packet № 3, though I call it «the fourth letter.»

Appendices to m. Finch's letter of the 1-st November 1740, № 71, p. 295—312.

I.

Article séparé.

(Pour le titre).

Comme Sa Majesté Britannique désire de donner à Sa Majesté Czarienne une marque distinguée de son amitié et de son estime, elle a bien voulu se rendre aux instances qui lui ont été faites de sa part, et reconnoître par le présent article séparé sa qualité d'empereur *pour lui et ses successeurs*[1]) et lui en donner le titre; néanmoins à cette condition expresse, que ni Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, *ni ses successeurs*[2]) ne

---

нельзя будетъ расчитывать съ достаточной опредѣленностью. Впрочемъ, прибавилъ графъ, если король признаетъ нужнымъ сдѣлать какія либо измѣненія въ предположенномъ нами составѣ эскадры, онъ можетъ сдѣлать ихъ вполнѣ свободно, только, очевидно, отнюдь не уменьшая установленной силы эскадры.

Если понадобится прибавить что либо, прибавленіе вы найдете въ пакетѣ третьемъ, содержимое котораго, впрочемъ, называю «моимъ четвертымъ письмомъ.»

Приложенія къ письму Финча отъ 1-го Ноября 1740 г. № 71, стр. 295—312.

I.

Сепаратная статья.

(О титулѣ).

Его Великобританское Величество, желая дать Ея Царскому Величеству явное доказательство своей дружбы и своего уваженія, соблаговолилъ уступить ея настояніямъ и настоящею сепаратной статьей признать за нею *какъ отъ себя, такъ и за своихъ наслѣдниковъ* [1]) императорское достоинство и соотвѣтствующій титулъ, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, что ни Ея Императорское Величество,

---

1) «*Successeurs*» is added («и за своихъ наслѣдниковъ» — прибавка).

pourront jamais à cause de cette qualité et de ce titre prétendre aucune prérogative ni prééminence de quelle manière que ce soit, et que cette reconnoissance ne pourra en aucun tems apporter aucune sorte de changement dans le cérémonial qui a été observé jusqu'à-présent par rapport au rang des ministres de Leurs dites Majestés Britannique et Impériale ou de quelque autre manière que ce puisse être soit dans leurs cours, soit dans celles, où elles auront respectivement des ministres.

Le présent article séparé aura la même force et vigueur comme s'il étoit inséré dans le traité signé aujourdhui, et sera approuvé de même, et les lettres de ratification en seront échangées en même temps et au même lieu que celles du traité. En foi de quoi nous soussignés etc..

II.

L'article séparé et secretissime.

Comme par l'article 15 de ce traité il a été stipulé que le cas de cette alliance *ne s'étendra pas aux guerres qui subsistent à-présent entre quelques-*

Императрица всероссійская, *ни ея наслѣдники*[2]) въ силу такого достоинства и такого титула никогда не заявятъ претензіи ни на какія прерогативы, ни на какое первенство по какому бы то ни было поводу; что таковая перемѣна не повлечетъ за собою никакого измѣненія въ церемоніалѣ, до сихъ поръ соблюдавшемся по отношенію къ рангу представителей названныхъ Величествъ, Великобританскаго и Императорскаго, или вообще въ какомъ бы то ни было отношеніи, какъ при собственныхъ дворахъ Ихъ Величествъ, такъ и вообще при дворахъ, гдѣ встрѣтятся представители ихъ.

Настоящей сепаратной статьѣ присвояется сила и значеніе, какъ бы она была включена въ самый трактатъ, сегодня подписанный. Она имѣетъ быть одобренной и ратификованной тѣмъ же порядкомъ, и ратификаціи, ея касающіяся, будутъ обмѣнены одновременно и въ томъ же мѣстѣ, какъ и ратификаціи самаго трактата. Въ подтвержденіе чего мы нижеподписавшіеся и проч..

II.

Сепаратная и секретнѣйшая статья.

Статьей 15-ой сего трактата условлено, что дѣйствіе настоящаго союза *не распространяется ни на войны, нынѣ происходящія между нѣкоторыми*

---

2) «*Successeurs*» is added («ея наслѣдники» — прибавлено).

unes des parties contractantes avec d'autres puissances, ni à celles qui pourroient survenir désormais entre S. M. Impériale de toutes les Russies et la Porte Ottomane etc.; cependant S. M. Impériale de toutes les Russies pour donner des marques évidentes de ses bonnes intentions aussi bien que de son amitié sincère et de son estime parfaite pour la personne de S. M. Britannique, déclare par cet article (lequel on convient de part et d'autre de garder très secret), que si le roi de la Grande-Bretagne pendant la présente guerre avec l'Espagne viendroit a être attaqué par d'autres puissances dans ses royaumes, états et possessions en Europe, S. M. Impériale de toutes les Russies s'oblige de la meilleure foi par cet article séparé et secret d'envoyer à S. M. Britannique avec toute la promptitude possible le secours stipulé dans le traité principal. Bien entendu qu'excepté la guerre présente cette alliance sortira son effet dans tout son étendue et nommément selon l'article 2 du traité principal. Cet article séparé et secretissime aura la même force et vigueur comme s'il était inséré de mot en mot dans le traité signé aujourd'hui et sera approuvé et ratifié en même tems que le traité principal.

En foi de quoi etc.

изъ договаривающихся сторонъ и другими державами, ни на войны, которыя могутъ впредь случиться между Ея Величествомъ Императрицею Всероссійскою и портою оттоманской. Тѣмъ не менѣе, Ея Императорское Величество, Императрица Всероссійская, желая дать явное доказательство добрыхъ намѣреній своихъ, а также искренней дружбы и совершеннаго уваженія къ особѣ Его Великобританскаго Величества, сей статьей (которую, по обоюдному соглашенію сторонъ, условлено держать въ большой тайнѣ) заявляетъ, что въ случаѣ, если бы король великобританскій, въ теченіе настоящей войны съ Испаніей, подвергся нападенію другихъ державъ на его королевства и другія владѣнія въ Европѣ, Ея Императорское Величество сею же сепаратной и секретной статьей обязуется отправить Его Британскому Величеству со всевозможною поспѣшностью помощь, условленную въ основныхъ статьяхъ трактата. Само собою разумѣется, что послѣдствія заключеннаго нынѣ союза имѣютъ быть примѣнены во всемъ объемѣ, именно согласно второй статьѣ трактата, и ко всѣмъ случаямъ, кромѣ настоящей войны. Сія сепаратная и секретнѣйшая статья будетъ имѣть силу и дѣйствіе какъ бы она отъ слова до слова вошла въ составъ нынѣ подписаннаго трактата, имѣетъ быть утверждена и ратификована одновременно съ основными статьями трактата.

Въ подтвержденіе чего и проч.

III.

Article secret.

(Pour la garantie des duchés de Courlande etc.).

Comme tant à l'égard de la religion et du commerce, que par rapport au maintien de la tranquillité du Nord, il importe également à Sa Majesté Britannique et à Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, que les duchés de Courlande et de Semgalle soient constamment maintenus et conservés sous le sérénissime duc aujourdhui régnant, Jean Ernest[1]), et Sa Majesté Britannique ayant d'ailleurs un sincère et ardent désir de donner au dit sérénissime duc une preuve réelle de son amitié, estime et bienveillance, Sa Majesté Britannique promet, tant pour elle que pour ses successeurs à la couronne de la Grande-Bretagne, de maintenir à jamais S. A. S. m-r le duc et sa descendance mâle dans la paisible possession et jouissance des duchés de Courlande et de Semgalle, en sorte que ces deux duchés jouissent à perpétuité sous la domination de Son Altesse Sérénissime et après lui de ses descendants mâles, de leur ancienne forme de gouvernement, leurs constitutions, privilèges, droits, statuts et religion, conformément aux anciens et nouveaux pactes, qui subsistent entre les dits duchés et la république de Pologne, et que la maison ducale soit maintenue dans le libre exercice et jouissance

---

III.

Секретная статья.

(О гарантіи герцогствъ курляндскаго и проч.).

Какъ въ видахъ охраненія религіи и торговли, такъ и въ видахъ поддержанія спокойствія на сѣверѣ, Его Британскому Величеству, равно какъ Ея Императорскому Величеству, Императрицѣ Всероссійской, важно, дабы герцогства курляндское и семигальское постоянно пребывали и сохранялись подъ управленіемъ нынѣ правящаго свѣтлѣйшаго герцога Іоанна Эрнста[1]). Кромѣ того Его Британское Величество искренно и горячо желаетъ дать означенному свѣтлѣйшему герцогу осязательное доказательство своей дружбы, своего уваженія и благоволенія, потому за себя и за наслѣдниковъ своихъ на великобританскомъ престолѣ обѣщаетъ всегда поддерживать его свѣтлость герцога и все мужское потомство его въ мирномъ обладаніи и пользованіи герцогствами курляндскимъ и семигальскимъ, дабы оба сіи герцогства во вѣки, подъ владычествомъ его свѣтлости и мужскаго потомства его, пользовались старинной формой правленія, конституціями, привиллегіями, правами, статутами и вѣроисповѣданіемъ, согласно старинымъ и новымъ договорамъ, существующимъ между означен-

---

1) His quality of regent must be inserted and the title of «Serene Highness» will be expected. (Необходимо проставить его званіе регента; будутъ также ожидать титула «Высочества»).

de ses droits et prérogatives, laquelle garantie Sa Majesté Britannique de même que Sa Majesté Impériale tant en leurs propres noms, qu'en celui de leurs successeurs respectifs promettent et s'engagent par le présent article dans la meilleure forme de mettre en effet dans toutes les occasions, où il en sera besoin.

IV.

Article séparé.

(Commerce).

Il est convenu par cet article séparé, que le traité de commerce et de navigation, qui a été conclu le 4 décembre 1734 entre Sa Majesté Britannique et Sa Majesté de toutes les Russies, sera confirmé en tous ses points et articles par la présente alliance, et au lieu de quinze ans qu'il devoit durer auparavant, on est convenu à-présent qu'il restera en force et sera réciproquement observé pour 24 ans à compter du jour de la signature du traité d'aujourdhui.

ными герцогствами и республикою польскою, и дабы герцогскій домъ сохранялъ свободное обладаніе и пользованіе своими правами и привиллегіями. Таковую гарантію Его Британское Величество, также какъ и Ея Императорское Величество, за себя и каждый за наслѣдниковъ своихъ обѣщаютъ и обязуются сею статьею примѣнять въ возможно-подходящей формѣ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ надобность настоять будетъ.

IV.

Сепаратная статья.

(О торговлѣ).

Сею сепаратною статьею постановляемъ, что трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенный 4-го декабря 1734 года между Его Британскимъ Величествомъ и Ея Величествомъ, Императрицей Всероссійской, подтверждается настоящимъ союзомъ во всѣхъ пунктахъ и статьяхъ, дѣйствіе же его вмѣсто пятнадцати лѣтъ, какъ прежде установлено было, нынѣ рѣшено продолжить; а именно оно останется въ силѣ и будетъ наблюдаться обѣими сторонами 24 года со дня подписанія настоящаго договора.

This could not be admitted, and must be effaced.

Il est encore convenu par cet article en conformité d'un ancien privilège dont les sujets anglois membres de la compagnie de Russie ont joui de tout tems, que désormais les dettes dûes de la part de quelque membre de la dite compagnie à un college en Russie, seront déduites de la somme que ce membre aura à prétendre d'un autre collège, et que telle somme sera décomptée et prise en partie de payement, soit qu'elle se trouve plus grande ou plus petite que celle qu'il aura à payer.

Le présent article séparé aura la même force et vigueur comme s'il étoit inséré dans le traité signé aujourd'hui et sera approuvé et ratifié de même, et les lettres de ratification en seront échangées en même tems et au même lieu que celles du traité.

En foi de quoi nous soussignés etc..

V.

Article séparé.

Sa Majesté Britannique et Sa Majesté de toutes les Russies, ayant conclu aujourd'hui un traité entre elles, dont l'unique but et intention est de

---

Этого провести нельзя; эти строки должны быть вычеркнуты.

Этою же статьей постановляется, что — согласно старинной привиллегіи, которою англійскіе купцы, члены Россійской компаніи, всегда пользовались — впредь долги членовъ означенной компаніи какой-либо изъ русскихъ коллегій будутъ вычитаться изъ суммъ, которыя тотъ же членъ имѣетъ получить изъ другой коллегіи; при чемъ вычтенная сумма принята будетъ въ уплату долга, не взирая на то, окажется ли она большею или меньшею всей суммы, уплатѣ подлежащей.

Сія сепаратная статья имѣетъ силу и дѣйствіе какъ бы она входила въ составъ договора, нынѣ подписаннаго, будетъ подтверждена ратификаціями наравнѣ съ означеннымъ договоромъ, и ратификаціи будутъ обмѣнены одновременно и въ томъ же мѣстѣ, какъ и ратификаціи трактата.

Въ подтвержденіе чего мы нижеподписавшіеся и проч..

V.

Сепаратная статья.

Его Великобританское Величество и Ея Величество Императрица Всероссійская заключили между собою нынѣ союзъ единственно съ цѣлью и намѣреніемъ содѣйство-

pourvoir à leur défense mutuelle, et de maintenir, pour autant qu'il pourra dépendre de leurs soins, la tranquillité publique et celle du Nord en particulier, et Leurs Majestés ayant considéré l'étroite amitié et alliance où chacune d'elles se trouve déjà avec Sa Majesté le roi de Pologne, électeur de Saxe, dont elles souhaitent de resserrer de plus en plus les noeuds; et Leurs Majestés étant en même tems assurées que Sa dite Majesté Polonnoise se trouve dans les mêmes dispositions à leur égard et qu'elle sera prête à concourrir de sa part aux fins salutaires ci-dessus exprimés,—elles sont convenues d'inviter Sa dite Majesté d'abord d'entrer, comme électeur de Saxe, dans le dit traité ou dans tels articles de celui qu'elle leur déclarera lui être convenables par rapport à sa situation et aux intérêts et forces de ses pays héréditaires, et sur lesquels Leurs Majestés se concerteront et conviendront avec Sa dite Majesté le roi de Pologne. Et on est convenu en outre que Sa dite Majesté Polonnoise venant à accéder, comme il est dessus dit, en qualité d'électeur ou à ce traité en entier, ou à tels de ses engagemens, dont on aura convenu avec Elle, sera réputée et censée une des principales parties contractantes du dit traité.

Cet article séparé aura la même force que s'il étoit inséré mot à mot dans le traité et sera ratifié de même, en foi de quoi etc..

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

вать взаимной оборонѣ и поддерживать, на сколько то отъ ихъ заботъ зависѣть будетъ, общественное спокойствіе и спокойствіе на сѣверѣ по преимуществу; при чемъ Ихъ Величества, принимая въ соображеніе тѣсную дружбу и союзныя отношенія, уже связующія ихъ съ Его Величествомъ королемъ польскимъ, курфюрстомъ саксонскимъ, и которыя они желали бы скрѣпить еще тѣснѣйшими узами; будучи въ то же время увѣрены, что Его Польское Величество питаетъ тѣ же чувства по отношенію къ нимъ и готовъ съ своей стороны содѣйствовать вышеномянутымъ благимъ цѣлямъ, — постановили пригласить названное Величество приступить, въ качествѣ курфюрста саксонскаго, къ означенному договору или къ тѣмъ статьямъ онаго, которыя онъ признаетъ соотвѣтствующими своему положенію, интересамъ и силамъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній, которыя Ихъ Величества обсудятъ и по которымъ они войдутъ въ соглашеніе съ Его Величествомъ королемъ польскимъ. Постановлено кромѣ того, что, присоединившись, какъ выше сказано, въ качествѣ курфюрста къ сему договору въ цѣломъ его составѣ, или къ тѣмъ статьямъ, по поводу которыхъ съ нимъ состоится надлежащее соглашеніе, Его Польское Величество провозглашенъ и признанъ будетъ одной изъ главныхъ договаривающихся сторонъ.

Эта сепаратная статья имѣетъ силу, какъ бы статья, дословно включенная въ договоръ, и будетъ ратификована тѣмъ же порядкомъ. Въ подтвержденіе чего и т. д..

№ 72. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, November the 1st 1740.

The succession of an infant in the cradle, and the regency of the duke of Courland during the minority, which were settled here in the late Czarinna's short illness, and have taken place with so much quiet and tranquillity since her death — are events of so extraordinary a nature, as will, no doubt, raise the curiosity of every private person, and make it necessary for me to say something on them to the secretary of state. By the opportunity therefore of this messenger, I shall endeavour to answer your lordship's expectations, as far as the anecdotes and secret springs, as yet within my knowledge, of these two important transactions will enable me to do in so short a time.

By the regulation of Peter I of February 5th 1722, and the form of the oath in consequence of that regulation, which was taken to Her late Majesty September 17th 1731 upon her resuming the sovereignty (of both which I enclose extracts), your lordship will see, that lineal descent, hereditary right, or any claims by primogeniture are entirely abolished, and by the established constitution of this country, the subjects are to acknowledge that successor, whom the prince on the throne may appoint, and the prince's

---

№ 72. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 1-го ноября 1740 г. (13 ноября н. ст.).

Совершенно спокойный, безмятежный переходъ престола къ ребенку въ колыбели и водвореніе по кончинѣ усопшей Царицы установленнаго во время непродолжительной болѣзни ея регентства герцога курляндскаго — событія столь необычайныя, что они несомнѣнно обращаютъ на себя вниманіе каждаго частнаго лица и обязываютъ меня разсказать кое-что о нихъ статсъ-секретарю его величества. Потому, пользуясь отправкою курьера, постараюсь удовлетворить любопытству вашего превосходительства, и на сколько возможно въ короткое время, которымъ я располагаю, возстановить по слухамъ и тайнымъ толкамъ, дошедшимъ до меня, какъ свершились упомянутыя два важныя происшествія.

Установленіе Петра перваго отъ 5-го февраля 1722 года и форма присяги, данной на основаніи онаго почившей Государынѣ 17-го сентября 1731 года, когда она пріяла самодержавіе (какъ ваше превосходительство усмотрите изъ прилагаемыхъ извлеченій изъ этихъ документовъ), совершенно устраняютъ прямое наслѣдованіе, права престолонаслѣдія, и всякія притязанія по первородству. Въ силу существующаго здѣсь государственнаго устройства подданные обязываются признавать наслѣдникомъ престола

nomination depends entirely on his own will and choice. The general wishes of this country were very probably in favour of princess Elizabeth, both out of regard to the memory of Peter I, and her own popularity; but their general expectations were in favour of princess Anne, who had been educated by Her late Majesty, appeared to be her favourite, was married under her direction last year, and had so lately brought a son and heir. Besides it was natural to believe, that the Czarinna would prefer a princess of her own branch, which was at the same time the eldest. But as these presumptions, strong as they were, would never have determined the succession, nor have guarded this country from that general confusion, into which it was on the very brink of being plunged by the different pretensions of a number of competitors, who might have laid claim to this crown, and have been supported by their several parties: the princess Anne as next heir to her aunt the late Czarinna, and strengthened by her new-born son, the princess Elizabeth in right of her father Peter I, and the young duke of Holstein in right of his mother, who was the eldest daughter of Peter. All these circumstances, especially in the present situation of affairs with regard to Turkey and Sweden, must have furnished this country with a very dismal prospect, and might in the end have proved of the most fatal consequences to it. These reflections presented themselves in so strong a light to the duke of Courland,

---

лицо, назначенное царствующимъ монархомъ по его личной волѣ и выбору. Страна расположена была по всѣмъ вѣроятіямъ въ пользу великой княжны Елизаветы Петровны, какъ вслѣдствіе воспоминаній о Петрѣ I, такъ и вслѣдствіе собственной ея популярности, однако ожидала, что власть перейдетъ къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, которую покойная Государыня воспитала и, по видимому, особенно любила, которая годъ тому назадъ и за мужъ вышла по указанію Ея Величества, и еще недавно родила сына и наслѣдника. Естественно было кромѣ того предполагать, что Царица предпочтетъ отпрыскъ своей (къ тому же и старшей) линіи. Но всѣ эти соображенія, какъ бы они ни были строги, отнюдь не рѣшили бы вопроса о престолонаслѣдіи, и не отвратили бы отъ Россіи чрезвычайной опасности, угрожавшей ей отъ раздора претендентовъ, которые могли бы заявить свои притязанія и найти поддержку въ соотвѣтствующихъ партіяхъ: со стороны принцессы Анны Леопольдовны, какъ ближайшей наслѣдницы тетки, почившей Государыни, при чемъ притязанія ея подкрѣплялись бы рожденіемъ сына; со стороны великой княжны Елизаветы Петровны, какъ дочери Петра перваго; наконецъ со стороны молодаго герцога голштинскаго, мать котораго была старшею дочерью Петра. Всѣ эти обстоятельства, особенно при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Турціи и Швеціи, сулили Россіи крайне трудную будущность и могли повлечь за собою весьма печальныя послѣдствія. Обстоятельства эти представлялись герцогу курляндскому въ такой ясной картинѣ, что при первыхъ признакахъ опасности въ состояніи Ея Вели-

that on the very first appearance of danger in Her late Majesty, he sent the 5th instant for the two cabinet-ministers, Czercasky and Bestuchef, the field-marshal Munich, the admiral Golowin, the master of the horse Kurakin, the general in chief Uschakoff (one of the adjutant-generals and lieutenant-colonel in one of the regiments of guards, the person who has the direction of all criminal examinations and has great weight and credit in this country), the procureur-general Trubetzkoy, count Golofkin (brother to the minister at the Hague), m-r Brevern, and three or four more leading people. To these the duke declared, that in order to have nothing to answer hereafter on things of the greatest importance, and in which the wellfare of this country was nearly concerned, he thought it was his duty to inform them, that Her Majesty's illness was accompanied with very dangerous symptoms, and that she had as yet made no disposition about the succession. Upon this, some of these persons present saying, that, according to all appearance, Her Majesty's intentions were in favour of the princess Anne, the duke replied, that he knew so much of her intentions, as to be able to assure them of their mistake, and that Her Majesty designed to appoint that princess's new born son her successor. In effect, the Czarinna, finding herself worse than people thought, had sent the evening before, the 4th, for the princess Anne, to tell her, that from the moment of her being delivered of the young

---

чества, 5-го октября онъ послалъ за обоими кабинетъ-министрами, Черкасскимъ и Бестужевымъ, за фельдмаршаломъ Минихомъ, за адмираломъ Головинымъ, за начальникомъ кавалеріи Куракинымъ и генералъ-аншефомъ Ушаковымъ (однимъ изъ генералъ-адъютантовъ, подполковникомъ одного изъ гвардейскихъ полковъ, завѣдующимъ слѣдствіями по всѣмъ государственнымъ преступленіямъ, и вообще пользующимся здѣсь большимъ вѣсомъ и довѣріемъ), за генералъ-прокуроромъ Трубецкимъ, за графомъ Головкинымъ (братомъ представителя Россіи въ Гаагѣ), за Бреверномъ, и еще за тремя или четырьмя вліятельнѣйшими лицами. Герцогъ объявилъ имъ, что, во избѣжаніе всякой послѣдующей отвѣтственности по дѣламъ чрезвычайной важности, близко касающимся блага родины, онъ признаетъ своею обязанностью указать имъ на крайне опасные симптомы, сопровождающіе болѣзнь Ея Величества, а также на то, что она до сихъ поръ не изволила еще сдѣлать никакого распоряженія о престолонаслѣдіи. Нѣкоторые изъ присутствующихъ замѣтили было, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Государыня думаетъ передать престолъ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ; но герцогъ возразилъ, что знаетъ намѣренія Ея Величества на столько, чтобы увѣрить ихъ въ ошибочности высказаннаго предположенія, такъ какъ Императрица намѣрена назначить преемникомъ своимъ новорожденнаго сына принцессы. Дѣйствительно, Государыня, чувствуя себя хуже, чѣмъ полагали окружающіе, наканунѣ, 4-го, вечеромъ посылала за Анной Леопольдовной, дабы заявить ей, что съ самаго момента ея разрѣшенія прин-

prince (as she designed from the very beginning of her pregnancy, in case she should have a son), she had dedicated the prince to the service of God and his country, and by a solemn vow had appointed him her heir, and that she would declare him provisionally *grand-duke*. Your lordship will easily imagine, that this declaration surprised the princess Anne, who had thought herself sure of this succession from the moment of her marriage, and still more so from the birth of her son, and, to be sure, the courts of Vienna, Berlin and Brunswick will not have been less surprised, since all the ministers of these courts have constantly given the strongest assurances to their respective masters, that princess Anne would infallibly succeed to this crown upon Her Majesty's demise, whenever that should happen. But to go on, upon this declaration of the duke of Courland to these leading people (whom for shortness I shall call the junto), they immediately desired his highness to prevail on Her Majesty out of that tender care and concern, which, like a mother, she had always expressed for her subjects, most graciously to make known her intentions to them. The duke undertook this commission, and the very same afternoon, the 5th, she sent for the junto into her bed chamber, and made the same declaration to them, which she had made the evening before to the princess Anne, as I mentioned above. Upon the knowledge then, that the succession was to be settled in this way, the minority must immediately stare everybody in the face, and the first

---

цемъ (согласно рѣшенію, принятому въ самомъ началѣ ея беременности на случай рожденія сына) посвятила новорожденнаго служенію Богу и отечеству, и торжественною клятвою нарекла его своимъ наслѣдникомъ, пока же объявляетъ его *великимъ княземъ*. Ваше превосходительство легко представите себѣ на сколько такое заявленіе изумило принцессу, которая съ самаго дня своего замужества и тѣмъ болѣе со дня рожденія сына, была увѣрена въ томъ, что наслѣдіе останется за нею. Не менѣе ея удивятся, услыхавъ объ этомъ, и дворы вѣнскій, берлинскій и брауншвейгскій, такъ какъ представители этихъ дворовъ постоянно самымъ рѣшительнымъ образомъ увѣряли, что, въ случаѣ кончины Ея Величества, когда бы она ни наступила, престолъ неминуемо перейдетъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ. Однако, продолжаю: Выслушавъ заявленіе герцога, сановники (для краткости буду называть ихъ «юнтой») немедленно просили его свѣтлость ходатайствовать передъ Ея Величествомъ, дабы она, являя нѣжную заботливость и вниманіе, съ которыми всегда относилась къ своимъ вѣрноподданнымъ, милостиво объявила имъ свою волю. Герцогъ принялъ на себя порученіе и въ тотъ же вечеръ, 5-го октября, Царица созвала «юнту» въ свою опочивальню и повторила то же, что — какъ я только что упомянулъ — наканунѣ сказала Аннѣ Леопольдовнѣ. Когда узнали, что вопросъ о наслѣдіи рѣшенъ такимъ образомъ, каждому неизбѣжно пришла въ голову мысль о малолѣтіи наслѣдника, а затѣмъ естественно

question naturally arising was — how is the government to be carried on under a prince who, for a number of years, will be incapable of it, should he live? the 2nd — what was to become of these great dominions, should he die?

Upon the first question the now cabinet-minister Bestuchef immediately addressed himself in the greatest confidence to his collegue, prince Czercasky, representing to him, that either a regent or regency must be thought of; that there were three methods, which might naturally occur to everybody: either by constituting one of the parents of the great-duke, or a council, but that neither of these were without strong objections and insurmountable difficulties; for, if the choice should fall on the princess Anne, he thought, that it would be better she should be directly empress than regent, because she would always be vested with the sovereign power, and thereby enabled to overturn this new succession and Her late Majesty's intended exclusion of all females. Besides it was suspected, that this princess might be of a revengefull temper, and have a good share of the caprices of her father, which father might immediately come here, and, by his influence over his daughter, engage this country in all his own private quarrels, and embroil it with the court of Vienna, and with most of those princes in the empire, whose friendship it was the interest of Russia to cultivate in the present situation, and that, on the other side, by the credit of her husband,

---

представились вопросы: 1) какъ пойдутъ дѣла правленія при монархѣ, который еще много лѣтъ не въ состояніи будетъ править самъ, если даже останется въ живыхъ? 2) что станется съ его обширными владѣніями въ случаѣ его смерти?

По поводу перваго изъ нихъ, кабинетъ-министръ Бестужевъ немедленно конфиденціальнѣйшимъ образомъ обратился съ сотоварищу своему, князю Черкасскому, указывая на необходимость подумать о регентѣ или регентствѣ. Естественно представляются три пути выйти изъ затрудненія, прибавилъ онъ: назначить регентомъ одного изъ родителей великаго князя или совѣтъ, но каждое изъ этихъ двухъ рѣшеній вызываетъ сильныя возраженія и неодолимыя трудности: если выборъ падетъ на Анну Леопольдовну, ужъ лучше пусть бы она была прямо императрицей, чѣмъ регентшей, такъ какъ, облеченная такъ или иначе самодержавною властью, она все равно въ состояніи будетъ измѣнить престолонаслѣдіе и оставить безъ выполненія намѣреніе Ея покойнаго Величества касательно устраненія отъ престола всѣхъ лицъ женскаго пола. Кромѣ того въ ней подозрѣваютъ характеръ мстительный и въ значительной мѣрѣ напоминающій капризы ея отца; да отецъ ея и самъ можетъ немедленно прибыть сюда и, вліяя на дочь, вовлечь Россію въ собственныя личныя распри, въ ссору съ вѣнскимъ дворомъ и съ большинствомъ имперскихъ владѣтелей, не смотря на то, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, прямые интересы Россіи требуютъ сохраненія съ ними дру-

the prince of Brunswick, german counsels, suggested either from Vienna or Berlin, might have too great an influence over this government, for there was a very remarkable difference between being directed by those courts and quarreling with them; that besides the princess Anne had no knowledge of the affairs of this country, either foreign or domestic, and therefore, on all these accounts, she appeared to him utterly incapable of undertaking or going through with so heavy a task; that the greatest part of these latter objections and this incapacity laid as strongly against the prince of Brunswick, so that, for his part, he must equally put that prince out of the question; that as for a council of regency, everybody knew, that this was as contrary in theory to the nature of this government, and the genius of the people, as experience had shown it in practice 11 years ago, when the Czarinna mounted the throne, which, he thought, was so notoriously evident, that he would not expatiate upon it; that, having reflected on all these things, another idea had presented itself, which was to prevail on Her Majesty to constitute the duke of Courland regent; that his highness was perfectly well acquainted with all the affairs of this country, with all of its force, its foible, its interests, both at home and abroad, from the great share he had had in the conduct of them since the beginning of Her Majesty's reign, through the entire confidence she placed in him; that the duke of Courland

---

жескихъ отношеній. Съ другой стороны, благодаря вліянію супруга ея, принца брауншвейгскаго, совѣты со стороны Германіи — отъ дворовъ вѣнскаго или берлинскаго — могутъ оказывать на русское правительство вліяніе слишкомъ значительное. Подчиняться совѣтамъ означенныхъ дворовъ или ссориться съ ними — дѣло далеко не безразличное; между тѣмъ Анна Леопольдовна не можетъ разобраться въ противоположныхъ теченіяхъ, такъ какъ не знакома ни съ внутренними, ни съ внѣшними дѣлами Россіи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ она казалась Бестужеву совершенно неспособною принять на себя трудную задачу правленія и справиться съ нею. Большая часть возраженій, приведенныхъ противъ регенства принцессы и ея способностей, можетъ быть отнесена въ точно такой же мѣрѣ и къ принцу брауншвейгскому; вслѣдствіе чего, по мнѣнію Бестужева, и онъ долженъ быть оставленъ внѣ вопроса. Что касается регентства коллегіальнаго, всякому извѣстно, что такого рода учрежденія уже теоретически не согласуются съ характеромъ русскаго правительства, съ духомъ народа. Это доказано и на практикѣ одиннадцать лѣтъ тому назадъ при восшествіи на престолъ Ея Величества, и вообще такъ ясно, что о коллегіальномъ регентствѣ нечего и распространяться. Сообразивъ все изложенное, продолжалъ Бестужевъ, я остановился на другой идеѣ: не просить ли Ея Величество о назначеніи регентомъ герцога курляндскаго, такъ какъ его свѣтлость, принимая широкое участіе въ дѣлахъ

was so by the assistance of Russia, to which he owed everything, and, at the same time, he had the greatest and most visible interest in the preservation and prosperity of Russia, upon which everything of his own so entirely depended; that, by the elevated station he was now in, a sovereign prince, no jealousies could arise, but a certain necessary subordination would be kept up; that his highness's prudence in concerting right measures, and his courage in the execution of them with vigour, were well known and absolutely necessary in the present situation of this country between the turks and the swedes; and that as *one man* was essential to the nature and genius of this government, he, m-r Bestuchef, could believe the duke only that *one man* whom they wanted, and if prince Czercasky approved his reasons, they might join together in their endeavours, and, in concert with other leading people, to prevail on Her Majesty to constitute his highness regent. As the prince Czercasky assured m-r Bestuchef, that he thought this the best scheme which could be pursued, they agreed to communicate it to the junto, most of which have obligations to the duke, and are entirely attached to him, and they all embraced it. Upon this m-r Bestuchef went immediately to communicate to the duke the consultations of the junto, and the resolutions they had taken, and to desir eto know — whether his highness

---

отечества въ силу полнаго довѣрія, оказаннаго ему Государыней, прекрасно знакомъ съ силами Россіи, съ ея слабыми сторонами, съ ея интересами внутренними и внѣшними, герцогскимъ своимъ достоинствомъ обязанъ Россіи, обязанъ ей всѣмъ, и самымъ очевиднымъ образомъ лично заинтересованъ въ охраненіи и процвѣтаніи Россіи, отъ которой вполнѣ зависитъ его личное благосостояніе. Бестужевъ указалъ далѣе, что высокое положеніе, нынѣ занимаемое герцогомъ, положеніе самостоятельнаго монарха, исключаетъ всякую зависть и внушаетъ извѣстное необходимое въ данномъ случаѣ подчиненіе; что осмотрительность его свѣтлости въ мѣропріятіяхъ, смѣлость и энергія ихъ выполненія общеизвѣстны и совершенно необходимы при настоящемъ положеніи Россіи между Турціей и Швеціей; что, сознавая необходимость, ввиду духа русскаго правительства, сосредоточить власть *въ однѣхъ рукахъ*, онъ, Бестужевъ, считаетъ герцога *единственнымъ лицомъ*, которому желательно вручить регентство, потому предлагаетъ князю Черкасскому, буде онъ съ нимъ согласенъ, соединиться въ стремленіи къ общей цѣли и вмѣстѣ съ другими сановниками ходатайствовать передъ Государыней о назначеніи его свѣтлости регентомъ. Князь Черкасскій призналъ изложенный Бестужевымъ выходъ — лучшимъ изъ возможныхъ при данныхъ обстоятельствахъ, и они рѣшились сообщить свои соображенія «юнтѣ», большинство членовъ которой чѣмъ либо обязано герцогу и совершенно ему предано. Всѣ согласились. Бестужевъ немедленно передалъ герцогу о совѣщаніяхъ сановниковъ и о принятомъ ими рѣшеніи и просилъ его свѣтлость высказать — приметъ ли онъ регентство въ

would accept the regency, if Her late Majesty, on their humble representation, should be graciously pleased to entrust him with it?

The duke, at first, seemed (after the example of the bishop's «nolo episcopari») to excuse himself from undertaking so heavy a charge, to which, he said, that he was not equal. Whether this was out of a diffidence about the success of it, or out of decency, to decline explaining himself before Her Majesty's pleasure was known, or whether he already knew Her Majesty's intention to make him regent, and therefore might safely excuse himself, I won't pretend to determine; but, upon this, m-r Bestuchef sent for prince Czercasky to join his instances with his own, in order to determine the duke; and in appearance m-r Bestuchef talked very roundly to his highness, that, as all he had in the world was owing to Russia, sure he owed more returns of gratitude than to abandon it in this distress, at a time when he could render it such signal and important service, to which he was invited by a number of the first people in the country, who were determined to make application to Her Majesty to appoint him regent, whom everybody thought the only person capable of it; that his highness should consider that the preservation and prosperity of Russia and that of his own dukedom were intimately combined together, and that he could neither serve Russia nor abandon it in this crisis but he served or ruined himself also. No doubt,

---

случаѣ если бы, склоняясь на всеподданѣйшее ходатайство ихъ, Государыня соизволила облечь его этимъ саномъ?

Герцогъ сначала (по примѣру епископскаго «nolo episcopari») сталъ было уклоняться отъ труднаго бремени, которое ему не по плечу. Чѣмъ вызвана была такая уклончивость — недовѣріемъ ли къ успѣху или нежеланіемъ высказаться прежде, чѣмъ воля Ея Величества не будетъ объявлена — объяснять не рѣшаюсь. Вѣроятно, уже зная о намѣреніи Государыни назначить его регентомъ, онъ чувствовалъ, что можетъ уклоняться совершенно безопасно. Какъ бы то ни было, Бестужевъ послалъ за княземъ Черкасскимъ, дабы и онъ присоединилъ свои настоянія съ цѣлью склонить герцога на согласіе. Бестужевъ, по видимому, безъ всякихъ оговорокъ высказалъ его свѣтлости, что, будучи всѣмъ на свѣтѣ обязанъ Россіи, герцогъ обязанъ ей и благодарностью, и не вправѣ покидать ее въ бѣдѣ, въ то самое время, когда ему представляется возможность оказать ей важную услугу, по приглашенію столькихъ сановитѣйшихъ представителей отечества, которые рѣшились обратиться къ Ея Величеству съ ходатайствомъ о назначеніи его регентомъ, какъ человѣка, который, по общему мнѣнію, одинъ только способенъ занять такое положеніе. Бестужевъ приглашалъ герцога принять во вниманіе, что цѣлость и процвѣтаніе Россіи тѣсно связаны съ охраною его собственнаго герцогства, что онъ не можетъ служить Россіи или покинуть ее въ настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ, одновременно не послуживъ и себѣ или не погубивъ

m-r Bestuchef knew very well, that this apparent freedom in his discourse to the duke would not hurt his credit with his highness, who, owning all the obligations he had to Her Majesty and to Russia, said, that, if they thought he could, on this occasion, make any return of gratitude, he consented, that the junto should continue to pursue those counsels which they might think the most beneficial for the interest of their country.

Here the matter rested the 5th, and Her Majesty growing worse the 6th, count Osterman was sent for early that morning to court, when the junto communicated to him everything, which had passed the day before, relating to the regency, and desired him to speak freely his opinion upon it, since no step had yet been taken. His excellency, as I hear, would willingly have been excused giving any opinion, pretending that the matter was too weighty for him, who was a foreigner, and belonged entirely to the deliberation of the natives; but he was immediately answered by m-r Bestuchef (for between them the understanding is not the best), that he was surprised to hear the count look upon himself as a foreigner, after having been so long in the country in possession of one of the first posts, and in the almost sole direction of all the affairs of it, for which reason he thought the count not only a russ, but worth twenty others; that nobody desired to force their opinion on him, but only to know his; that if he would not declare it, they could

---

себя. Бестужевъ, конечно, зналъ очень хорошо, что эта кажущаяся свобода рѣчи не поколеблетъ расположенія къ нему въ герцогѣ, который, сознавая, на сколько обязанъ Ея Величеству и Россіи, отвѣчалъ, что, разъ сановники признаютъ его способнымъ выказать свою благодарность Россіи въ данномъ случаѣ, онъ согласенъ, чтобы «юнта» продолжала дѣйствовать въ направленіи, которое признаетъ наиболѣе соотвѣтствующимъ интересамъ отечества.

На этомъ дѣло остановилось 5-го октября. 6-го, когда Ея Величеству стало хуже, рано поутру послали за графомъ Остерманомъ. «Юнта» сообщила ему все, что произошло наканунѣ и просила откровенно высказать свое мнѣніе. Такъ какъ еще рѣшительный шагъ сдѣланъ не былъ, графъ, какъ слышно, пожелалъ уклониться отъ выраженія собственнаго мнѣнія: онъ признавалъ вопросъ слишкомъ важнымъ, не подлежащимъ его сужденію, какъ иностранца; полагалъ, что рѣшеніе его должно принадлежать исключительно вѣдѣнію природныхъ русскихъ. Бестужевъ (съ которымъ отношенія графа не изъ лучшихъ) немедленно прервалъ графа, выразивъ удивленіе, какъ его сіятельство, проживъ въ Россіи столько лѣтъ, занимая одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ должностей, руководя почти одинъ всѣми дѣлами, смотритъ на себя, какъ на иностранца. Бестужевъ прибавилъ, что считаетъ графа не только русскимъ, но еще русскимъ, за котораго можно отдать двадцать другихъ русскихъ; что его мнѣнія никто не насилуетъ, что его только спрашиваютъ — каково оно; что — разъ

not see of what use he could be in their deliberations. Count Osterman soon saw, by this discourse, how things were going, and how far they were resolved; upon which he explained away what he had at first answered, in which he said, that he had been misunderstood and that he thought the regency could not be better placed than in the duke's hands, nor a more prudent step taken in the interest of Russia, in case they should have the misfortune to lose Her Majesty. His excellency was then desired to draw the instrument appointing the great-duke successor and another to settle the regency on the duke of Courland. These were soon done, and they then desired him to carry them both to Her Majesty, and to present the last to her in all their names, as their joint request. This he did the same day, and Her Majesty immediately signed the instrument, relating to the succession, in his presence, and he fixed the seal to it; as to the other, to appoint the regency, she bade him leave it with her. Upon this, the succession was immediately published and sworn to. But as it was unknown to these people (whatsoever it might be to the duke) whether Her Majesty had signed the other, and she growing worse, and having had her strong fainting fit the 11th, the junto proposed, that count Osterman should again go to Her Majesty to discover, if he could, whether she had signed the instrument of regency, and he, receiving from her only a general answer, that everything

---

онъ не намѣренъ высказаться — какая-же польза отъ его присутствія при возникшихъ совѣщаніяхъ. Графъ изъ этихъ словъ вскорѣ понялъ куда дѣло клонится и на сколько оно близко къ опредѣленному рѣшенію, почему спѣшилъ дать иной смыслъ своему первоначальному отвѣту. Онъ заявилъ, что его плохо поняли, что, по его мнѣнію, регентство нельзя передать въ лучшія руки, чѣмъ въ руки герцога, что въ случаѣ, если отечество постигнетъ несчастіе и оно лишится Ея Величества, нельзя сдѣлать шага болѣе осмотрительнаго, въ интересахъ Россіи, какъ поручивъ регентство его свѣтлости. Тогда графу предложено было составить одно завѣщаніе, назначающее великаго князя наслѣдникомъ, и другое — установляющее регентство герцога курляндскаго. И то и другое скоро были готовы. Тогда графу поручили отнести обѣ бумаги къ Ея Величеству, предъявивъ ей вторую отъ общаго имени, какъ общее ходатайство. Это и сдѣлано было въ тотъ же день. Государыня немедленно подписала документъ, касавшійся престолонаслѣдія, въ присутствіи графа; онъ же приложилъ печать; документъ же о регентствѣ Ея Величество пожелала оставить у себя. Тогда престолонаслѣдіе было немедленно провозглашено и принесена надлежащая присяга. Никто (кромѣ, быть можетъ герцога), однако, еще не зналъ, подписала ли Ея Величество и другой документъ. Между тѣмъ ей становилось хуже, 11-го она впала въ глубокій обморокъ. «Юнта» предложила вновь отправить графа Остермана къ Государынѣ, дабы онъ, если сможетъ, узналъ — подписала ли она документъ о регентствѣ? Ея Величе-

relating to her will and pleasure would be found after her death, the junto then proposed, that they themselves, and everybody else down to the rank of colonel, who were of the same opinion with them about the regency, should sign an instrument, by which they should declare, that, in case the Czarinna had not made a disposition to the contrary, or had made no disposition at all, that they would recognize the duke of Courland regent during the minority. I believe this was done not so much by way of provision (for the duke of Courland must certainly know, that Her Majesty had made one in his favour), as out of policy, thereby to shew the people, that the regency had been conferred on him equally at the desire of the chief people of the country, and by the special appointment of their late sovereign.

I mus treturn one moment to the 11th, to inform your lordship, that the three cabinet-ministers and the field-marshal Munich were deputed to the princess Anne that morning, from all the others, to desire her highness's opinion on the properest person for the regency. She would fain have been excused giving any opinion, but, as she was well informed of the resolution taken by the junto in favour of the duke of Courland, and, as those deputies pressed her to declare herself, she, at last, either did let drop, that the duke would be the properest person, or they understood her answer in this sense, and reported it accordingly.

ство дала, однако, только общій отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что ея воля и рѣшеніе откроются по кончинѣ ея. «Юнта» предложила тогда, дабы ея члены и всѣ высшіе чины до полковниковъ включительно, раздѣляющіе ея взгляды на регентство, подписали заявленіе о томъ, что до совершеннолѣтія наслѣдника провозгласятъ регентомъ герцога курляндскаго въ случаѣ, если Царица не сдѣлаетъ какого либо иного распоряженія или вовсе не распорядится о регентствѣ. Это, полагаю, сдѣлано было не столько изъ предусмотрительности (такъ какъ герцогу, конечно, извѣстно было о сдѣланномъ въ его пользу распоряженіи Государыни), сколько изъ политики, съ цѣлью показать народу, что регентство возложено на его свѣтлость и согласно желанію высшихъ государственныхъ сановниковъ, и по волѣ покойной монархини.

Возвращусь къ 11-му, дабы прибавить, что три кабинетъ-министра и фельдмаршалъ Минихъ отправлены были отъ имени всей «юнты» къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ въ то же утро, дабы узнать мнѣніе ея высочества — кого она признаетъ наиболѣе пригоднымъ для регентства? Она охотно избѣжала бы выраженія своего мнѣнія, но, уже вполнѣ извѣщенная о рѣшеніи, принятомъ сановниками въ пользу герцога курляндскаго, и уступая давленію депутатовъ, которые настаивали на отвѣтѣ, принцесса, наконецъ, или высказала, что признаетъ герцога лицомъ наиболѣе подходящимъ, или слова ея были перетолкованы въ этомъ смыслѣ, только именно въ такомъ смыслѣ депутаты передали ихъ собранію.

The 17th Her Majesty died, and the next morning count Osterman with all the great people were at court, the princess Anne, and prince of Brunswick present, when it was proposed to seal up everything in Her Majesty's appartments. This was begun; but, when they came to a cabinet, where she kept her jewels, and were going to seal of that also, one her dressers, who had waited many years on her, was her great favourite and confident, declared, that Her Majesty had, in her presence, signed a paper, brought to her at the beginning of her illness by count Osterman, and had ordered her to lock it up in that cabinet, and to bring her the keys of it, which from that moment had lain constantly under her head, and that Her Majesty had, at the same time, told her, that this paper was of the greatest consequence, but that she should never open her mouth about it till she was dead, and then declare, that such a paper would be found there; the contents she knew not. Notwithstanding all this, some people present were yet for having that cabinet immediately sealed up, but m-r Bestuchef, who is entirely in the duke's confidence and probably had had a hint given him about this paper, positively insisted, that this writing should be first examined, since according to all appearances and the report of the dresser, it must be of the greatest importance, and might farther explain their departed sovereign's last intentions. Accordingly, it was taken

---

17-го Ея Величество скончалась. На слѣдующее же утро графъ Остерманъ былъ при дворѣ со всѣми прочими высокими особами. Принцесса Анна Леопольдовна и принцъ брауншвейгскій находились тутъ же. Предложено было опечатать все въ аппартаментахъ почившей. Приступили къ дѣлу; но когда вошли въ комнату, гдѣ хранились драгоцѣнности Государыни, и хотѣли было наложить печати, одна изъ камеръ-юнгферъ, много лѣтъ служившая при покойной, ея любимица, удостоившаяся ея довѣрія, объявила, что Государыня подписала въ ея присутствіи бумагу, принесенную Ея Величеству въ началѣ болѣзни графомъ Остерманомъ, приказала затѣмъ отнести эту бумагу въ комнату съ драгоцѣнностями и принести себѣ ключи отъ этой комнаты. Принесенные ключи съ той самой минуты постоянно лежали подъ подушкой больной, которая въ то же время сказала любимицѣ, «что спрятанная бумага—бумага чрезвычайной важности, но что о ней слѣдуетъ строго молчать впредь до кончины Государыни, а затѣмъ объявить гдѣ найти ее». Содержаніе бумаги разскащицѣ было неизвѣстно. Многіе изъ присутствующихъ, не взирая на такое заявленіе, требовали, чтобы комната была немедленно опечатана, но вполнѣ посвященный въ тайны герцогъ и, вѣроятно получившій уже намекъ о содержаніи бумаги, Бестужевъ рѣшительно настаивали на томъ, чтобы бумага была сперва прочтена, такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ и по заявленію камеръ-юнгферы, она должна заключать въ себѣ данныя чрезвычайной важности, способныя полнѣе выяснить послѣднюю волю усопшей. Бумагу достали.

out, and found sealed with the Czarinna's own private seal, always in her custody. It was opened, and appeared to be the instrument, appointing the duke regent, and signed by Her Majesty, bearing date the 6th also, which was the day count Osterman had carried it to her, though probably it was not signed the same day; but, as his excellency had fixed that date to it, this paper bears the same with the other, which nominated the successor, which was signed the 6th.

Upon this, everybody was assembled in the great hall, when count Osterman declared Her Majesty's death and, at the same time, ordered the procureur-general Trubetzkoy, to read aloud Her late Majesty's last disposition, appointing the great-duke, prince John, her successor, and the duke of Courland regent, during his minority, with the oath appointed to be taken to that new sovereign, which at the same time referred in general terms to the regency. This oath was immediately taken by everybody present, by the three regiments of foot, and one of horse, who were drawn up before the summer-palace, and since by every other person here of what degree or rank soever, both natives and foreigners.

So was the succession and the regency settled, with as much quiet and tranquillity, as if Her late Majesty had only removed from the summer-to the winter palace. I have already transmitted to your lordship an abstract of all these pieces, and you will, no doubt, have taken notice, that the re-

---

Она оказалась запечатанной личной печатью Ея Величества, всегда хранившейся при ней. Когда бумагу вскрыли — она оказалась документомъ, назначающимъ герцога регентомъ, подписаннымъ Государыней и помѣченнымъ 6-мъ октября, т. е. тѣмъ самымъ днемъ, какъ графъ Остерманъ вручилъ ее покойной, хотя, вѣроятно, подписана она была и не въ тотъ же день. Число — 6-е — было проставлено графомъ одновременно и въ ней, и въ бумагѣ, назначавшей наслѣдника престола.

За симъ всѣ собрались въ большой залѣ дворца. Графъ Остерманъ заявилъ о кончинѣ Ея Величества и въ то же время приказалъ генералъ-прокурору, Трубецкому, прочесть громко послѣднюю волю почившей, провозглашающую великаго князя Іоанна Антоновича наслѣдникомъ, а герцога курляндскаго — регентомъ на время его малолѣтства, а также и присягу новому Государю, въ которой одновременно упоминалась и о регентствѣ. Присяга немедленно была принесена всѣми присутствующими, тремя пѣхотными полками и кавалерійскимъ полкомъ, выстроенными передъ лѣтнимъ дворцомъ, а затѣмъ и лицами всѣхъ ранговъ, русскими и иностранцами.

Такъ установилось престолонаслѣдіе и регентство — спокойно, тихо, будто Ея Величество только перебралась изъ лѣтняго дворца въ зимній. Я послалъ вашему превосходительству выдержку изъ означенныхъ документовъ и вы, безъ сомнѣнія, уже

gent is vested with powers sufficient to regulate the succession of this crown in case of the present infant-Czar's death, which was the second question above.

It will be now necessary to say something on the duke's conduct since his regency.

The 19th, when the young Czar was removed to the winter-palace, he lead the princess Anne from her apartment to the coach; the next day he waited on the Czar and made a visit to the princess, to whom he behaves with the greatest softness and regard, though they have never been well together, for he has always looked on her as his mortal enemy, and feels, that she will never forgive his having obtained the regency and her own exclusion from it, especially when she had reckoned on the succession itself; however, the duke assured her, that her highness would always find in his conduct the strongest proofs of his gratitude to the memory of Her Majesty, to whom he owed everything, and of his great regard and deference for her highness, both on her own account, as well as her being the mother of the emperor, that therefore, he hoped, her highness would accept of two hundred thousand roubles p. ann. (about £ 50 m. st.) for the support of her household, and that, if she wanted more, she had but to command it.

замѣтили, что регентъ облеченъ властью, достаточною для опредѣленія престолонаслѣдія въ случаѣ смерти настоящаго Царя-малютки, то есть для разрѣшенія втораго изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ.

Признаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о поведеніи герцога курляндскаго со времени его признанія регентомъ.

19-го, когда младенца-Царя перевозили изъ лѣтняго дворца въ зимній, герцогъ провожалъ принцессу Анну Леопольдовну отъ ея аппартаментовъ до экипажа. На слѣдующій день онъ навѣстилъ Царя и посѣтилъ принцессу, къ которой относится съ величайшей мягкостью и съ уваженіемъ, хотя между нимъ и ею никогда близости не существовало, такъ какъ герцогъ всегда видѣлъ въ принцессѣ смертельнаго врага и чувствуетъ, что присвоенія регентства въ ущербъ ей, особенно по устраненіи ея отъ самаго престола, — она ему никогда не проститъ. Тѣмъ не менѣе герцогъ увѣряетъ ея высочество, что она всегда найдетъ въ поведеніи его несомнѣнныя проявленія благодарности къ памяти Ея Величества, которой онъ всѣмъ обязанъ, а также доказательство его полнаго почтенія и уваженія къ ея высочеству, какъ къ личности, и какъ къ матери Императора. Онъ выразилъ надежду, что ея высочество приметъ двѣсти тысячъ рублей въ годъ (около 50-ти тысячъ ф. ст.) на содержаніе ея двора, присовокупивъ, что если она пожелаетъ получать болѣе — ей стоитъ только дать о томъ приказаніе.

The princess was the next day to return the duke's visit, and several have since passed between them, which would, no doubt, have been made out of civility, but however have been occasioned by the following incident: For the regent having been informed, that the prince of Brunswick's ajutant and some other officers of the second regiment of guards (the Simonowsky, of which the prince is one of the lieutenant-colonels) should have been very free in their discourse, and that in his highness's presence, by declaring that he ought to have been regent, and insinuating as if Her late Majesty's disposition to that purpose had been subreptitiously obtained, and perhaps forged, and that this might be easily set aside by a *coup de vigueur*. The regent being also informed, that the prince had not imposed silence on these officers, nor discouraged their rash and mutinous discourses, the regent went the 22nd directly to the prince of Brunswick to acquaint him with the information he had had and to come to the strongest explanations. Among others he told him, that, though he was father of the Emperor, he was at the same time as much his subject, as any other person, and owed him the same fidelity; and, that, as he himself was, by Her late Majesty's appointment, regent, and instructed with the care of the empire, he should be sorry to convince his highness, that loyalty, fidelity, and obedience to his son, was as much expected from him, as from any other indivual in the

---

На другой день принцесса отдала визитъ герцогу, и съ тѣхъ поръ между ними произошелъ обмѣнъ еще нѣсколькихъ визитовъ, которыми они несомнѣнно обмѣнялись бы и въ силу простой вѣжливости, которые, однако вызваны были слѣдующимъ случаемъ: регенту доложили, будто адъютантъ принца брауншвейгскаго и нѣкоторые другіе офицеры втораго гвардейскаго — семеновскаго — полка (въ которомъ принцъ состоитъ однимъ изъ подполковниковъ) разговариваютъ очень свободно и въ присутствіи принца заявляютъ, что регентство должно бы принадлежать ему, намекая, будто распоряженіе покойной Императрицы о регентствѣ добыто хитростью, а можетъ быть и вовсе подложно, и легко можетъ быть уничтожено *насильственнымъ переворотомъ*. Регенту передали также, что принцъ не приказалъ офицерамъ замолчать, не опровергалъ ихъ легкомысленной и мятежной рѣчи. Вслѣдствіе этого регентъ 22-го ноября прямо явился къ принцу брауншвейгскому и передалъ ему полученныя извѣстія. Затѣмъ послѣдовали горячія объясненія. Герцогъ между прочимъ высказалъ принцу, что онъ, хотя и отецъ Императора, однако вмѣстѣ съ тѣмъ и его подданный, наравнѣ со всякимъ другимъ, потому обязанъ ему вѣрностью; а такъ какъ, волею покойной Государыни, герцогъ состоитъ регентомъ и на него возложена забота о государствѣ, ему грустно было бы убѣждать его высочество въ томъ, что законныхъ отношеній вѣрности и покорности сыну отъ него будутъ требовать такъ же, какъ отъ

empire. The prince of Brunswick was startled with this round and firm explanation and would have excused his having given ear to these idle discourses of young officers, to which he said, he had not given any attention, though, may be, he might have been indiscreet in not imposing on them silence, and that he humbly begged pardon, and assured the regent that his conduct for the future should be more guarded, and not liable to any the least objection or complaint. The regent from the prince went directly to the princess Anne and communicated to her everything which had passed. Her highness disclaimed her having the least knowledge of the thing, much less any participation in what she so much disapproved, and she immediately followed the regent to court that morning, the 22nd, and was with him nigh two hours, probably to soften things, and to set them as right as she could. Notwithstanding this, the prince was sent for to court the next day, the 23rd, when the cabinet-ministers, the senate, and the generality were assembled, and the prince was obliged to undergo a sort of examination (the french would say *il fut mis sur la sellette*). The regent exposed to that assembly the whole affair from the beginning to the end, and than asked the prince—what could have been his idea, and what was he driving at? I am told, that he was weak enough to answer, with tears in his eyes, that he meant an insurrection (I use softer terms than he did) and to seize

---

всякаго другаго въ Имперіи. Принцъ былъ пораженъ этимъ прямымъ и твердымъ объясненіемъ и извинился въ томъ, что слушалъ глупыя рѣчи молодыхъ офицеровъ, на которыя не обращалъ собственно никакого вниманія; что съ его стороны, быть можетъ, неумѣстно было не призвать офицеровъ къ молчанію. Онъ почтительно просилъ прощенія и увѣрялъ регента, что впредь будетъ вести себя осторожнѣе и не вызоветъ ни малѣйшихъ замѣчаній или жалобъ. Отъ принца регентъ прошелъ прямо къ Аннѣ Леопольдовнѣ и сообщилъ ей о своемъ разговорѣ съ принцемъ. Ея высочество отозвалась, что ничего о происшедшемъ не знала, тѣмъ болѣе участія въ упомянутыхъ разговорахъ не принимала, и отнюдь ихъ не одобряетъ. Она немедленно, т. е. въ то же утро 22-го, отправилась съ регентомъ ко двору и пробыла тамъ съ нимъ около двухъ часовъ, вѣроятно съ цѣлью смягчить впечатлѣніе и уладить дѣло на сколько возможно. Тѣмъ не менѣе, на другой день, 23-го, принцъ призванъ былъ ко двору, гдѣ нашелъ въ сборѣ кабинетъ-министровъ, сенатъ, генералитетъ и передъ ними долженъ былъ выдержать нѣчто вродѣ допроса («Il fut mis sur la sellette» — сказалъ бы французъ). Регентъ изложилъ передъ собраніемъ все дѣло сначала до конца, а затѣмъ спросилъ принца: Что онъ объ этомъ думаетъ и чего онъ домогается? Мнѣ передавали, будто принцъ былъ на столько слабъ, что, со слезами на глазахъ, отвѣчалъ, что замышлялъ возстаніе (я употребляю выраженія болѣе мягкія, чѣмъ принцъ) и за-

the regency; upon which, general Uschakoff (I have already mentioned his character and functions) said: — «Prince of Brunswick; everybody; if your behaviour does not prevent them, will regard you as the father of our Emperor; but if your conduct obliges them to it, they must regard you as the subject of your and our sovereign. Your youth and small experience may have been surprised and misled; but if you had been of riper years, and of parts and genius capable of undertaking and conducting such a design, by which the peace and tranquillity, the wellfare and the very being of this great empire might have been disturbed and brought into the utmost danger, I must declare to you, that, though it had been with the utmost regret, yet, I should have proceeded against you, when guilty of high treason to your son and sovereign, with the same rigour, as I could have done against any other of His Majesty's subjects, though of a much lower rank and station». The regent then addressed himself to the prince and said: «Your highness seems to suspect, that Her late Majesty's dispositions in her will and in her settlement, appointing me regent, are not so clear, and that this regency should have been entrusted to you. Count Osterman, who drew both one and the other, will now declare to you, that they are genuine, that he carried them both to Her Majesty, and saw her sign one, to which he fixed the seal by her order, and in her presence. Your highness and most of the per-

---

хватъ регентства. Тогда генералъ Ушаковъ (я уже упоминалъ о его положенія и обязанностяхъ) сказалъ: «Принцъ, если ваше поведеніе не измѣнитъ нашихъ отношеній, каждый будетъ почитать въ васъ отца Императора; но мы же, если насъ къ тому вызовутъ ваши поступки, обязаны видѣть въ васъ подданнаго вашего и нашего Государя. Молодостью и неопытностью вашей могли воспользоваться и злоупотребить, но если бы вы достигли болѣе зрѣлаго возраста, если бы вы обладали силою и способностью задумать и осуществить планы, угрожающіе не только миру, спокойствію, благоденствію, но еще и самому существованію великой имперіи россійской, угрожающіе чрезвычайною опасностью, я долженъ заявить вамъ, что — не смотря на крайнее сожалѣніе — я поступилъ бы съ вами, какъ съ лицемъ, виновнымъ въ государственной измѣнѣ, въ измѣнѣ вашему сыну и Государю, съ тою же строгостью, какъ и со всякимъ другимъ подданнымъ Его Величества, несравненно низшимъ по званію и положенію». Затѣмъ къ принцу обратился регентъ съ слѣдующими словами: «Ваше высочество, кажется, подозрѣваете, что завѣщаніе покойной Государыни, касательно престолонаслѣдія и ея распоряженіе о назначеніи меня регентомъ не достаточно ясны, что регентство слѣдовало бы возложить на васъ. Графъ Остерманъ, составлявшій и тотъ, и другой документъ, заявитъ вамъ, что оба они родственны, что онъ вручилъ ихъ оба Ея Величеству одновременно и видѣлъ, какъ она подписала одинъ изъ нихъ. Онъ, по ея приказанію, въ ея присутствіи приложилъ печать къ нему. Ваше высоче-

sons present, know, how the other instrument was found, which was opened in your and their presence with all the marks of the most uncontroverted validity. Her Majesty has by it declared me regent, and I hold that high office from her favour in the first place, but I hope, in the second, from the good opinion and confidence the chief people of this country here assembled have of and in me. But as Her Majesty has left me the power of resigning this high office, I do declare, that, if this assembly think your highness fitter for it or any ways capable of it, I will this moment divest myself of it in your favour. But if they should rather desire my continuance in it, the obligations I have to Her late most gracious Majesty and to Russia will determine me to keep this great trust, in hopes, that, by the advice of these gentlemen, I may discharge it in a manner suitable to my gratitude and for the advantage of this great empire».

Upon this, a number of people present declaring, that, as they had before Her Majesty's death desired, that the duke might be charged with the regency, so they now begged he would keep it for the interest and preservation of the whole country. The regent then desired count Osterman to declare to the prince — whether those instruments, now called in question, and whose validity seemed to be doubted of, were not the same he carried

---

ство и большинство присутствующихъ здѣсь лицъ знаютъ, какъ найденъ другой документъ, открытый въ вашемъ и ихъ присутствіи, носящій на себѣ всѣ признаки несомнѣнной подлинности. Въ немъ Ея Величество назначила меня регентомъ и высокая почесть эта принадлежитъ мнѣ, очевидно, прежде всего въ силу таковой монаршей милости; но, надѣюсь, затѣмъ, что этой почестью я обязанъ также доброму мнѣнію и довѣрію ко мнѣ со стороны высшихъ особъ, здѣсь присутствующихъ. Но такъ какъ Ея Величество предоставила мнѣ право отказаться отъ высокаго сана, на мнѣ лежащаго, заявляю, что, если здѣсь собранныя лица считаютъ ваше высочество болѣе пригоднымъ или вообще способнымъ для регентства, я тутъ же отрекусь отъ своего положенія въ вашу пользу; но если они пожелаютъ, чтобы обязанности регента и впредь остались на мнѣ, я — ввиду всего, чѣмъ обязанъ милостямъ покойной Императрицы и Россіи — рѣшаюсь нести это великое бремя въ надеждѣ, опираясь на совѣты присутствующихъ, выполнить свои обязанности достойно чувству моей благодарности и согласно съ выгодами великой имперіи».

Выслушавъ эту рѣчь, значительное число присутствующихъ заявило, что, какъ они еще до кончины Ея Величества желали, дабы регентство возложено было на герцога, такъ и теперь просятъ его сохранить санъ регента во благо и охраненіе всему государству. Затѣмъ регентъ просилъ графа Остермана сказать принцу — тѣ-ли документы, въ подлинности которыхъ теперь какъ бы сомнѣваются, онъ носилъ къ покойной Государынѣ. Графъ сдѣлалъ требуемое заявленіе. Тогда всѣмъ присутствующимъ,*

to Her late Majesty. The count made, on this occasion, the proper declaration, upon which it was proposed, that everybody present, which included all the major-generals, should undersign and seal these instruments, acknowledging their validity and engaging to maintain the dispositions of them. This was immediately done; and the prince of Brunswick signed and sealed them among the rest. The vigour and resolution of the regent on this occasion will, I believe, appear to have been very prudent and very necessary; for it was essential to his affairs to quash this thing in the very infancy, and might have been as dangerous to have pushed the matter beyond certain point. In effect, this transaction is now to be stifled, wholly suppressed, and buried in oblivion. However the prince's adjutant and the other officers concerned have been arrested and sent to the citadel, and with them the cabinet-secretary Jacowleff. This Jacowleff had been formerly in that post, but was turned out during the late Wolinsky's reign, on some pretended crime, but in reality because he was attached to count Osterman, and the late exiled Eichler was put into his place. Upon Eichler's banishment and Wolinsky's execution Jacowleff was restored; but, when he wrote over fair the copies of the two instruments of succession and regency, by count Osterman's order, notwithstanding the most special recommendation not to divulge the secret contents of them, it has been discovered, that

---

(а тутъ были всѣ высшіе чины до генералъ-маіоровъ включительно) предложено было подписать и запечатать спорные документы, признавъ ихъ подлинность и обязуясь поддерживать содержащіяся въ нихъ распоряженія. Это было немедленно выполнено; на ряду съ прочими ихъ подписалъ и запечаталъ принцъ брауншвейгскій. Энергія и рѣшимость, выказанныя регентомъ въ данномъ случаѣ, полагаю, будутъ признаны вполнѣ согласными съ осторожностью и совершенно необходимыми. Требовалось замять толки въ самомъ ихъ зародышѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опасно было вести игру далѣе извѣстныхъ предѣловъ. Дѣйствительно, всякія недоразумѣнія теперь заглушены, подавлены, и похоронены въ забвеніи. Тѣмъ не менѣе адъютантъ принца и прочіе офицеры, замѣшанные въ разговоры, арестованы и отправлены въ крѣпость, а съ ними вмѣстѣ и секретарь кабинета — Яковлевъ. Этотъ Яковлевъ занималъ и прежде мѣсто секретаря, но утратилъ его при владычествѣ покойнаго Волынскаго по обвиненію въ какомъ-то воображаемомъ преступленіи, въ дѣйствительности же потому, что преданъ былъ графу Остерману. Его мѣсто занялъ недавно сосланный Эйхлеръ. Послѣ ссылки Эйхлера и казни Волынскаго Яковлеву возвратили его прежнее мѣсто, но, переписывая, по приказанію графа Остермана, на чисто копіи съ двухъ документовъ о престолонаслѣдіи и регентствѣ, онъ, вопреки самымъ строгимъ напоминаніямъ о томъ, что содержаніе ихъ должно храниться въ глубочайшемъ секретѣ,

he took a double copy, one of which he immediately carried to the princess Anne; upon which account her private secretary, who received those copies from Jacowlef, has also been imprisoned. But all these things passed the same day, that is the 23rd.

The duke also has expostulated on the prince's behaviour with the Brunswick minister Keyserling, who was thought, some time ago, a favourite of his, and has been employed in the administration of his economies in Courland, in which he passes for a very understanding person. In other things he desires, in theory, to be thought a great refiner, but in practice he falls short. He pretended great merit in the conduct of the prince's marriage, in which he and, I might add, the imperial minister Botta, had no more share than I had; but this anecdote, though your lordship should not be acquainted with it, would now carry me to too great a length, and too far from my present subject.

To return therefore to the regent's conduct, his highness, as he always did the princess Elizabeth all the service in his power during the late Czarinna's reign, when she was under a sort of cloud, so he now seems desirous to secure her to his interest, knowing, that she is very popular and well beloved, both for her own, and her father, Peter the 1st, sake. With this view therefore, the regent immediately declared, that nothing had given him more concern, than to see that princess embarrassed

---

оказалось, списалъ двойныя копіи, изъ которыхъ однѣ немедленно снесъ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Потому подвергся аресту и секретарь принцессы, принявшій копіи отъ Яковлева. Все это случилось въ одинъ день — 23-го.

Герцогъ жаловался на поведеніе принца также и брауншвейгскому уполномоченному—Кейзерлингу, котораго еще недавно признавали любимцемъ герцога, такъ какъ онъ завѣдывалъ администраціей герцогскихъ имѣній въ Курляндіи, потому что слыветъ большимъ знатокамъ въ хозяйствѣ. Онъ желалъ бы прослыть также, въ теоріи, большимъ знатокомъ въ другихъ дѣлахъ, да на практикѣ они ему не удаются. Онъ считалъ свою дѣятельность весьма существенной при веденіи дѣла о бракѣ принца, хотя (могу прибавить: также какъ и императорскій посланникъ, Ботта) принималъ въ этомъ бракѣ такое же участіе, какъ и я. Но разсказъ объ этомъ дѣлѣ, хотя бы ваше превосходительство и не были знакомы съ нимъ, увлекъ бы меня слишкомъ далеко въ сторону отъ предмета настоящаго письма.

Возвращаюсь къ поведенію герцога. За все царствованіе покойной Государыни, когда великая княжна Елизавета Петровна была какъ бы въ загонѣ, его свѣтлость всегда оказывалъ ей посильныя услуги. Теперь онъ, по видимому, всячески старается привлечь ее на свою сторону, зная что она очень популярна и любима какъ вслѣдствіе личныхъ качествъ, такъ и по воспоминанію объ ея отцѣ, Петрѣ I-мъ. Съ этой цѣлью

in her circumstances, and not in a condition to support her high rank with a suitable dignity; and therefore, as Her late Majesty recommended to his care the imperial family, he immediately made that princess a visit, and told her, that she should have an augmentation of 50,000 roubles a year, and her arrears paid her, in order to pay her own debts. This, with the extensive act of grace, of which I transmit an abstract in french, and the printed german copy at length, have been extremely popular. The duke has also made several other promotions. All the officers and regiments of guards here are for him; so is the greatest part of the army. The governors of most of the provinces are his creatures and attached to him; nor is there anybody to make head against him, much less against that sovereign power with which he is vested. He is otherwise generally beloved by having obliged a number of people, and disobliged but few; these last, only by a certain roughness, which the french call *brusque* in his temper; but these are only sudden starts, which never lasted long, nor has he ever proved irreconcileable, so that, if his regency has been as well relished at Moscow, the great and popular capital of this country, as it has been here, I cannot yet see anything which can prevent his carrying on his regency without any disturbance; and if he continues as he seems to begin, it may prove infini-

---

регентъ въ первые же дни регентства высказалъ, что его всегда смущало стѣсненное положеніе ея высочества, не дающее ей возможности жить согласно ея высокому положенію, а такъ какъ покойная Государыня поручила ему заботу объ императорской фамиліи, онъ немедленно посѣтилъ великую княжну и заявилъ, что она будетъ получать 50.000 рублей въ годъ въ дополненіе къ прежнему содержанію, а также что ей будутъ выданы недоплаченныя за прежнее время деньги для расплаты съ долгами. Это отношеніе къ Елизаветѣ Петровнѣ, на ряду съ длиннымъ милостивымъ манифестомъ, отрывки изъ котораго прилагаю на французскомъ языкѣ (печатный экземпляръ нѣмецкаго текста прилагаю полный), встрѣчено было чрезвычайно радостно. Герцогъ объявилъ также нѣсколько повышеній. Всѣ здѣшніе офицеры и полки гвардіи за него, а также и большая часть арміи. Губернаторы большинства провинцій — его креатуры и вполнѣ ему преданы; противиться же ему, тѣмъ болѣе самодержавной власти, которою онъ облеченъ, никто не рѣшится. Его вообще любятъ, такъ какъ онъ оказалъ добро множеству лицъ, зло же отъ него видѣли очень немногіе, да и тѣ могутъ пожаловаться развѣ на его грубость, на его рѣзкій характеръ, который французы называютъ «brusque». Впрочемъ и эта рѣзкость проявляется только внезапными вспышками, всегда кратковременными; къ тому же герцогъ никогда не былъ злопамятенъ. Короче — если регентство герцога принято въ Москвѣ, великой народной столицѣ Россіи, такъ же хорошо, какъ и здѣсь, не вижу, что бы могло помѣшать продолженію его регентства и впредь безъ помѣхи. Если онъ и далѣе будетъ править, какъ началъ,

tely to the benefit of this country, and not less to his own glory. Happy however is it for him, that Wolinsky's schemes were discovered, and that Catilina of this country destroyed. Had he lived till the day of Her late Majesty's death, and had his conspiracy remained a secret, he, in all probability, at this juncture would have set fire to the four corners of Russia, and would have brought about a general massacre of all foreigners.

The form of prayer is for the Czar, the princess Anne and prince of Brunswick, the princess Elizabeth, and the regent. As the last princess has hitherto always had precedency of the first, and was first prayed for before, she has expressed some surprise at this change; but it has been explained to her, that this was done in consideration of the princess Anne's being mother to the reigning sovereign.

The senate, in conjunction with the cabinet, have come to a resolution to offer the regent 25 m. roubles p. month for the support of that dignity, but notwithstanding these 300 m. p. ann. to his highness, the 200 m. to princess Anne, and the 50 m. to the princess Elizabeth, there will be a saving of above a million p. ann. in the expense of Her late Majesty's court, for the daily provision of which there was 30 oxen allowed, and everything else in proportion. The senate etc. have also resolved, that the regent, in consideration of that dignity, should be treated with the title of *Altesse Sé-*

правленіе его явится безконечно полезнымъ для Россіи и не менѣе полезнымъ для славы самого герцога. Счастье для него, что планы Волынскаго были своевременно открыты и замыслы русскаго Катилины разрушены. Доживи онъ до кончины усопшей Императрицы, останься его заговоръ тайной, онъ бы теперь зажегъ Россію съ четырехъ концовъ и вызвалъ избіеніе всѣхъ иноземцевъ.

Порядокъ молитвъ принятъ такой: за Царя, за принцессу Анну Леопольдовну, за принца брауншвейгскаго, за великую княжну Елизавету Петровну, за регента. Такъ какъ до сихъ поръ великая княжна считалась старшею и на молитвахъ поминалась всегда первою, она нѣсколько удивилась перемѣнѣ, но ей объяснили, что принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ подобаетъ первое мѣсто, какъ матери Императора.

Сенатъ вмѣстѣ съ кабинетомъ приняли резолюцію — предложить регенту 25.000 рублей въ мѣсяцъ на расходы по представительству. Не смотря на такое ассигнованіе 300 тысячъ регенту, 200 т. — Аннѣ Леопольдовнѣ и 50.000 — Елизаветѣ Петровнѣ, расходы двора сократятся приблизительно на милліонъ ежегодно сравнительно съ расходами его при покойной Императрицѣ, когда ежедневно на царскую кухню полагалось 30 быковъ и прочей провизіи въ томъ же размѣрѣ. Сенатъ и др. постановили также, что регентъ, въ уваженіе его положенія, будетъ пользоваться титуломъ «*Altesse Sérénissime*» по французски, и «*Hoheit*» по

rénissime in french, *Hoheit* in german, and, I hear, that they have also resolved, that the prince of Brunswick, in quality of father, should be stiled *Altesse Sérénissime* also. The regent, as such, will now have a court and chambellans; the cabinet-minister Bestuchef's son, now in Sweden, is to be one, and the minister of the same name at Stockholm is *in petto* declared grand-chambellan to the young Czar, and will come hither as soon as the diet is over. The regent has also granted their dismission to several officers in the army, who have asked it, with leave to retire to their estates, which is looked upon as one of the greatest marks of his goodness by those who receive it, for here the private station, which, m-r Addison said, might sometimes be the post of honour, always passes for that of favour.

But upon such an occasion, it is not to be expected, that there should be no reasoners on the present great elevation of one person, whom everybody knew so very lately a private gentleman. Different people will have different schemes, as they may be determined by motives of the public good or their private interest, and some of these may be indiscreet enough to communicate their thoughts to others, without considering. That as often as they do it, they are sure of being betrayed and informed against. This may occasion a number of imprisonments, but will not produce any disturbances in the country capable of setting aside the regency. But in case of the young

---

нѣмецки. Я слышалъ также, будто постановлено, что и принцъ брауншвейгскій, въ качествѣ отца Императора, будетъ титуловаться «*Altesse Sérénissime*. Регенту, въ качествѣ таковаго, полагается дворъ и камергеры. Сынъ кабинетъ-министра, нынѣ проживающій въ Швеціи, назначается однимъ изъ камергеровъ, а Бестужевъ—представитель Россіи въ Стокгольмѣ — объявленъ оберъ-камергеромъ *in petto* при младенцѣ Государѣ и долженъ прибыть сюда немедленно по закрытіи сейма. Регентъ далъ отставку офицерамъ арміи, просившимъ о ней съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ свои помѣстья, что всѣми, которые воспользовались такою отставкой, признается знакомъ доброты регента, такъ какъ здѣсь положеніе частнаго человѣка (которое по словамъ Аддисона можетъ иногда называться почетнымъ) всегда признается положеніемъ, дарованнымъ милостью.

Тѣмъ не менѣе нельзя при данныхъ обстоятельствахъ ручаться, чтобы не нашлось резонеровъ, готовыхъ распространяться о чрезвычайномъ возвышеніи человѣка, котораго еще недавно столь многіе знали частнымъ лицомъ. Разныя лица будутъ при этомъ задаваться различными планами, руководиться то общимъ благомъ, то личными интересами; нѣкоторыя окажутся достаточно болтливыми, чтобы сообщить свои измышленія другимъ, не соображая, что за каждую такую откровенность поплатятся доносомъ и показаніями противъ себя. Это можетъ вызвать рядъ тюремныхъ заключеній, но безпорядковъ, способныхъ низвергнуть регентство, не вы-

Czar's death, and the princess Anne not having any more sons (and I have been told, that in her first resentments on her being so disappointed in her first expectations, she let drop, that it was not her business *to be kept only for the breed*)... I say in this case, though I may make a thousand reflections on such a futurity, yet none of them can have that degree of certainty, as to make me set myself up for a prophet.

The regent went to the cabinet the 25th and has declared, that he will continue to be there every morning.

Before I end, it will be necessary to say something on the conduct of other foreign ministers and my own, because we have happened to act very differently, nay directly contrary. I begin with them. After Her late Majesty's death, either the 21st or 22rd, the french ambassador sent one of his gentlemen to the princess Elizabeth, princess Anne, and prince of Brunswick to have the honour to wait on them *incognito*. The swedish and prussian ministers, who are looked upon here to be in a manner of that ambassador's train, did the same by his direction; and the danish minister has since followed their example. The princess Anne and prince of Brunswick both excused themselves on account of their affliction; the princess Elizabeth immediately informed the regent of this message from the ambassador, and

---

зоветъ. Только въ случаѣ смерти ребенка-Царя и въ случаѣ, если у Анны Леопольдовны не будетъ другихъ сыновей (мнѣ разсказывали, будто, въ первомъ порывѣ недовольства по поводу обманутыхъ надеждъ, она обмолвилась словами: «*или меня держатъ только для родовъ!*»)... О будущемъ при такихъ обстоятельствахъ можно дѣлать тысячи предположеній, но ни одно изъ нихъ не имѣетъ степени достовѣрности достаточной, чтобы я рѣшился пророчествовать.

25-го регентъ посѣтилъ кабинетъ и объявилъ, что будетъ являться въ засѣданія его каждое утро.

Прежде чѣмъ кончить, не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о поведеніи здѣшнихъ представителей дипломатическаго корпуса и о моемъ собственномъ, такъ какъ мы дѣйствовали очень различно; поведеніе однихъ было даже прямо противоположно поведенію другихъ. Послѣ кончины Государыни, 21 или 22-го, французскій посолъ отправилъ одного изъ своихъ приближенныхъ къ великой княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, и къ принцу брауншвейгскому, прося разрѣшенія посѣтить ихъ *инкогнито*. Посланники шведскій и прусскій, на которыхъ здѣсь глядятъ какъ на идущихъ по стопамъ посла, по его указаніямъ поступили такъ же; а затѣмъ ихъ примѣру послѣдовалъ и представитель Даніи. Принцесса Анна Леопольдовна и принцъ брауншвейгскій извинились, ссылаясь на постигшее ихъ горе; а Елизавета Петровна о желаніи посла немедленно извѣстила регента, ко-

received answer, that, as his excellency proposed this visit incognito only, his highness could see no reason for her declining it. Upon this m-r Nolken went first to this princess, that m-r de la Chetardie's visit might not occasion too much reasoning, the ambassador next, then followed m-r Mardenfeldt, and last m-r Backhoff; and her highness, both in receiving and reconducting the french ambassador, convinced him, that she thought that the visit was from m-r de la Chetardie. The french ambassador and the others by his advice, no doubt, sent afterwards to desire audiences of the regent, who may be expected, that, as regent, these ministers should first have come to him, and, no doubt, thinking so much formality intimated audiences of ceremony and form, excused himself, being not yet in a condition to receive visits of foreign ministers, but would let them know when he should be so. By this step these four ministers have deprived themselves of the means of going to court for some time. Nor have the imperial or dutch residents been with the regent. Of the first I shall have occasion to speak presently, and the last lives very retired. I say nothing of m-r Keyserling and baron Osterman, because they are rather looked on as domestic, than foreign ministers. For my own part, upon hearing that everybody would be at the regent's levee the 19th, I went there directly without any ceremony

---

торый отвѣчалъ, что — разъ маркизъ предполагаетъ посѣтить ее инкогнито — нѣтъ основанія отклонять его визитъ. Тогда къ великой княжнѣ явился сначала Нолькенъ, дабы визитъ Шетарди не вызвалъ слишкомъ большихъ толковъ; затѣмъ пріѣхалъ посолъ, затѣмъ Мардефельдъ, наконецъ Бакгофъ. Принимая и провожая французскаго посла, великая княжна высказала, что принимаетъ только визитъ маркиза де ла Шетарди. Конечно затѣмъ и французскій посолъ, и другіе, слѣдующіе его совѣтамъ, послали испросить аудіенцій у регента. Герцогъ, какъ регентъ, вправѣ былъ ожидать, что представители иностранныхъ дворовъ посѣтятъ его прежде, чѣмъ кого бы то ни было, но видя, какими формальностями они обставляютъ свои посѣщенія, онъ призналъ въ этихъ формальностяхъ намекъ на желаніе получить официальныя аудіенціи, сопровождаемыя извѣстнымъ церемоніаломъ, потому отвѣчалъ, что еще не въ состояніи принимать представителей иностранныхъ дворовъ, что извѣститъ когда это окажется возможнымъ. Такимъ образомъ поименованные четыре дипломата лишили себя возможности посѣщать дворъ въ теченіе нѣкотораго времени. Резиденты императорскій и голландскій также еще не видались съ регентомъ. О первомъ буду имѣть случай поговорить сегодня же; второй же ведетъ жизнь крайне уединенную. О Кейзерлингѣ и баронѣ Остерманѣ не скажу ничего, такъ какъ въ нихъ регентъ видитъ скорѣе слугъ, чѣмъ представителей иностранныхъ дворовъ. Что касается меня, услыхавъ, что всѣ собираются къ регенту на выходъ 19-го, я прямо отправился къ нему съ

to make my court. I called on the saxon secretary, and carried him with me. I have already informed your lordship that I met the young Czar in my way, and I may add, that my stopping and getting out of my coach, when he passed by, has pleased everybody, and been more talked of than I could have imagined from anything of that kind purely accidental, or for my paying that respect to His little Majesty, which is not less due to him now in his cradle, than it would be 20 years hence on his throne. To return to the regent, at whose court I have been two or three times since, and as often as I should otherwise have been, or my health and business have permitted me, have been assured by two or three people in his confidence, that his highness has taken this exceeding kindly of me, looking upon it as a mark of my being satisfied with his regency, which, on account of his good dispositions and the king's service here, I have without doubt great reason to be. His highness must, of consequence, see the behaviour and absence of the other ministers in a quite opposite light, and he knows very well, that the french ambassador has shown, from his first arrival, some distant inclination to be tampering with the princess Elizabeth, if she had not, out of fear or prudence, declined it; nor is the regent less acquainted with the prussian minister and the imperial resident's wishes in favour of

---

привѣтомъ безъ всякихъ церемоній, захвативъ съ собою и саксонскаго секретаря. Я уже писалъ вашему превосходительству, какъ по дорогѣ встрѣтилъ младенца Царя. Могу развѣ прибавить одну подробность: всѣмъ очень понравилось, что при этой встрѣчѣ я остановилъ свою карету и вышелъ изъ нея. Объ этомъ было много толковъ, много болѣе, чѣмъ можно было ожидать по поводу простой случайности, по поводу простаго знака уваженія къ маленькому Величеству, которому уваженіе нынѣ же въ колыбели подобаетъ такъ же, какъ оно будетъ подобать ему двадцать лѣтъ спустя, когда онъ будетъ возсѣдать на своемъ престолѣ. Возвращаюсь къ регенту. При дворѣ его я былъ съ тѣхъ поръ еще раза два или три, такъ же часто какъ бывалъ прежде, когда позволяли здоровье и дѣла, и отъ двухъ или трехъ лицъ слышалъ конфиденціально, что его свѣтлость относится къ моимъ посѣщеніямъ очень любезно, видя въ нихъ сочувствіе его регентству, которому, вслѣдствіе его образа мыслей, я, въ интересахъ королевской службы, дѣйствительно имѣю полное основаніе сочувствовать. Сообразно съ этимъ поведеніе и отсутствіе другихъ членовъ дипломатическаго корпуса должны представляться его свѣтлости въ совершенно иномъ свѣтѣ. Онъ кромѣ того знаетъ, что французскій посолъ, съ самаго дня своего пріѣзда, выказывалъ нѣкоторую наклонность къ проискамъ около великой княжны Елизаветы Петровны; только она — изъ боязни ли, изъ осторожности ли — уклонилась отъ нихъ. Регенту точно также извѣстно расположеніе прусскаго посланника и императорскаго

the princess Anne. As for the swedish minister, everybody here must know, that, upon such a change, he would have hoped for all the internal disorders in this country, which might have been expected withont so wise a disposition, and would have so well suited the schemes of the swedish ministry. To return to the imperial resident, he felt sunday last the effects of his not having been to pay his court before to the regent, for, when he was there in hopes of an audience on the news of the emperor's death, his highness let him know, that he was too busy,—an answer which. I belteve, that minister would not have received, had he been to wait on his highness before.

As to the visits to these princesses, I have not yet made them, because I thought that there was some time to be given to the decency of apparent or real afflication; besides, I had a mind first to sound the regent, that I might know—whether he approved such a step, which, at all adventures his highness must look upon as a compliment, and a mark of my regard for him. Hhis I did, and had such an answer as determined me to send my secretary the 29th with compliments to these princesses, and to desire an hour; but they excused themselves till their mourning was ready, which is not to be put on till the 17th of November. In the mean time, I know that the french ambassador and his two dependants, Mardefeldt and Nolken,

---

резидента въ пользу Анны Леопольдовны; что же касается представителя Швеціи, всякому извѣстно, какія надежды онъ возлагалъ на внутреннія смуты въ Россіи, возможныя при перемѣнѣ правленія, не будь онѣ предотвращены мудрыми мѣропріятіями. Смуты эти пришлись бы такъ по душѣ нынѣшнему шведскому министерству. Кстати объ императорскомъ резидентѣ: Прошлое воскресенье ему пришлось почувствовать послѣдствія своего временнаго удаленія отъ регента. Когда онъ явился ко двору въ надеждѣ получить аудіенцію по случаю кончины императора, его свѣтлость приказалъ сказать ему, что слишкомъ занятъ. Полагаю, что резидентъ не получилъ бы такого отвѣта, если бы посѣтилъ его свѣтлость заблаговременно.

Къ великой княжнѣ и къ принцессѣ я еще не являлся, полагая, что приличіе требуетъ уваженія къ ихъ кажущемуся или дѣйствительному горю. Кромѣ того мнѣ хотѣлось предварительно присмотрѣться —одобритъ ли регентъ посѣщенія къ ихъ высочествамъ. Въ такой осмотрительности съ моей стороны его свѣтлость не можетъ, во всякомъ случаѣ, не видѣть любезности и знака уваженія къ его особѣ. Наведя справки, я получилъ отвѣтъ, вслѣдствіе котораго 29-го октября рѣшился отправить къ ихъ высочествамъ своего секретаря съ просьбою назначить мнѣ часы для посѣщенія. Онѣ извинились, что не могутъ принять меня, пока не изготовятъ траура, который готовъ будетъ не ранѣе 17-го ноября. Между тѣмъ слышу, будто французскій посолъ и его приспѣшники, Мардефельдъ и Нолькенъ, громко высказываютъ неодо-

affect publickly to criticize my conduct on this occasion; and his excellency said at his table, that «either m-r Finch must be a priviledged minister, or must not look upon himself to be one at all». In truth, I believe, mylord, that neither he, nor I, nor any other of them are so, strictly speaking, since Her late Majesty's death, till we receive new credentials to the new sovereign; but I could not understand, after having been regular in my court to the duke, on account of his personal credit, why I should absent myself from his court now he is in the avowed possession of the government of this country, and thereby deprive myself of the means of applying directly to him, should the king's affairs require it. I believe therefore, that the french ambassador is not so angry at me for what I have done, as at himself for not having done the same, but this will either way be very indifferent to me, provided the king approves my conduct. I hope also that His Majesty will approve it in another instance, where, I find, I shall differ from the french ambassador; for, I hear, his excellency and the other ministers, whose oracle he is, declare that they will not make any mourning (notwithstanding that matter was regulated the 27th) till they receive the orders of their courts. Now, as I think, that such an order would be necessary did the mourning relate to any of their own courts, yet I cannot believe, when it is a mourning of the court where a foreign minister resides, that he has

---

бреніе моему поведенію. Посолъ за обѣдомъ у себя заявилъ: «Финчъ или привилегированный дипломатъ или вовсе не признаетъ себя дипломатомъ». Правду сказать, ваше превосходительство, на мой взглядъ, въ настоящее время, съ самаго дня кончины покойной Государыни, ни онъ, ни я, и ни одинъ изъ насъ — строго говоря — не представляемъ собою дипломатическихъ агентовъ, пока не получимъ новыхъ вѣрительныхъ граматъ къ новому монарху; но не понимаю, почему мнѣ, постоянно посѣщавшему герцога изъ уваженія къ его собственной особѣ, отдаляться отъ него теперь, когда онъ сталъ признаннымъ главою русскаго правительства, и тѣмъ лишать себя возможности обращаться къ нему непосредственно каждый разъ, какъ того потребуютъ дѣла королевской службы. Полагаю, что французскій посолъ не столько досадуетъ на меня за мое поведеніе, сколько на себя — зачѣмъ и онъ не поступилъ такъ же. Къ его отзывамъ я, впрочемъ, вполнѣ равнодушенъ, лишь бы король одобрилъ мое поведеніе. Надѣюсь, что его величество одобритъ его и въ другомъ случаѣ, гдѣ я поступилъ не одинаково съ французскимъ посломъ. Я слышалъ будто его превосходительство и дипломаты, которымъ онъ замѣняетъ оракула, заявили, что не одѣнутъ траура (не смотря на то, что постановленіе о траурѣ состоялось уже 27-го), пока не получатъ на то предписаній отъ своихъ дворовъ. Полагаю, что такое предписаніе требуется для наложенія траура по поводу смертнаго случая при дворѣ, коего данное лицо служитъ представителемъ, но не думаю, чтобы слѣдовало ждать пред-

any occasion to wait for such an order, or that he should not conform to that mourning, which is appointed at the court where he is; at least I did so at Stockholm on the death of the late landgrave of Hesse-Cassel; all other ministers did the same there; and at Dresden, on the death of the late queen of Poland; so that I have already given orders for my own mourning, for that of my servants, equipages, and one room, — in all respects as the first persons here mourn, who are not of the family.

One word more of the french ambassador and I have done. He was at count Osterman's the 26th, when, either out of pique, or his desire to disserve me, or in order to discover what I was doing, he told the count, that he heard, that I had been at the regent's, and once had had an audience, which lasted two hours, which, no doubt, must have been on my negociation, since it was also said, that I had received a messenger. Count Osterman answered, that he knew that I had been at the regent's, but had heard nothing of my audience or messenger, so he must doubt both, since he believed that neither the regent, nor myself, would have made any more mistery of the audience, than I alone should of the messenger; that as to any negociation, when the ambassador reflected on what terms this court was at present with his, he must be convinced, that Russia would not enter

---

писанія, не сообразуясь съ трауромъ двора, при которомъ мы акредитованы, когда трауръ вызванъ событіемъ при этомъ дворѣ. По крайней мѣрѣ этими соображеніями я руководствовался въ Стокгольмѣ при смерти ландграфа гессенъ-кассельскаго, и такъ же поступилъ въ то время весь наличный дипломатическій корпусъ. То же было и въ Дрезденѣ при кончинѣ покойной королевы польской. Потому я уже сдѣлалъ распоряженіе о траурѣ для себя, для моихъ слугъ, экипажей, и для одной изъ моихъ комнатъ — во всемъ сообразуясь съ трауромъ высшихъ особъ изъ русскихъ, не принадлежащихъ къ царской семьѣ.

Еще слово о французскомъ послѣ, и затѣмъ я кончу. 26-го онъ былъ у графа Остермана и съ цѣлью ли кольнуть меня, или сдѣлать мнѣ непріятность, или просто изъ желанія разузнать, что я дѣлаю, разсказалъ графу, будто я—по слухамъ — бываю у регента и однажды имѣлъ съ нимъ аудіенцію, длившуюся два часа, несомнѣнно по дѣламъ, о которыхъ веду переговоры, такъ какъ разсказываютъ также, будто ко мнѣ прибылъ курьеръ. Графъ отвѣчалъ, что о моихъ посѣщеніяхъ къ регенту знаетъ, но ни объ аудіенціи, ни о курьерѣ не слыхалъ, и сомнѣвается какъ въ первой, такъ и во второмъ, полагая что ни регентъ, ни я не сдѣлали бы тайны изъ аудіенціи, я же въ частности не сталъ бы скрывать пріѣзда курьера; что же касается переговоровъ—стоитъ только послу принять въ соображеніе настоящія отношенія дворовъ русскаго и французскаго, дабы убѣдиться, что съ какою бы державою Россія ни вела

into any engagements with any power, it might think proper to treat with, which could give any just cause of complaint to France; by which answer m-r de la Chetardie was not much the wiser. However, I could find that the count, upon this french insinuation, had enquired, whether I had really had such an audience, and that the regent had assured him, both that there had been no such thing, and that he should not have seen me either in private or so long without letting the count know, what had passed on that occasion between his highness and myself. It was not difficult for me to see by this, that his excellency, on such a step, could not be without his suspicions and jealousies, so that I shall be very cautions of giving him any handle for either, and, I hope, his own conduct will never oblige me to it, for, in that case, if I could not do the king's business with him, and might hope to do it by a particular application to the regent, the count must either excuse me or be angry with me, since I had rather be exposed to his displeasure, than, out of fear of it, neglect or sacrifice the king's service.

The dilatoriness of this court in putting the last hand to our negociation and me in a condition to dispatch the messenger, will furnish me with another paragraph relating to the prince of Brunswick. His highness upon proper suggestions made to him, applied the 23rd by word of mouth, the

---

переговоровъ, она не вступитъ въ обязательства, способныя вызвать справедливыя жалобы Франціи. Такой отвѣтъ, конечно, не много умножилъ свѣдѣнія г. де ла Шетарди. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе инсинуаціи французскаго посла, графъ, по видимому, все таки справлялся, не имѣлъ ли я дѣйствительно аудіенціи; но регентъ увѣрилъ его, что ничего подобнаго не было, что онъ не принялъ бы меня даже частнымъ образомъ на продолжительное время, не повѣдавъ графу что происходило между нами. Мнѣ, однако, изъ такого шага со стороны графа не трудно было вывести заключеніе, что онъ не чуждъ подозрѣній и зависти, потому буду всячески стараться, дабы не дать пищи его опасеніямъ; да надѣюсь, онъ своимъ поведеніемъ никогда и не вынудитъ меня на поступки, способные смутить его, такъ какъ въ случаѣ, если окажется невозможнымъ вести съ нимъ дѣла, мнѣ королемъ порученныя, и у меня одновременно будетъ надежда добиться успѣха личнымъ обращеніемъ къ регенту, да извинитъ меня графъ или пусть сердится на меня, но я скорѣе подвергну себя его неудовольствію, чѣмъ позволю себѣ, опасаясь его гнѣва, пренебречь или пожертвовать интересами королевской службы.

Медлительность, проявляемая русскимъ дворомъ въ завершеніи нашихъ переговоровъ, мѣшающая мнѣ отправить курьера, причиною того, что мнѣ приходится еще коснуться принца брауншвейгскаго. Его высочество, вслѣдствіе сдѣланныхъ ему замѣчаній, 23-го объяснялся съ регентомъ на словахъ, на слѣдующій день обратился

next day by letter to the regent, and yesterday by a memorial in form to his son, the young Czar, for leave to resign his posts of lieutenant-general in the army and lieutenant-colonel in the Simonowsky, the second regiment of guards. The turn given to this step in public, is, that there would be no decency for the father of their sovereign, to be commanded by so many superior officers; but the real motive is, that his highness may have no more connexion with the officers of the guards, and that the regent may have a sort of security, that this prince will neither receive, nor the officers make any further application to him. The cabinet-ministers, the senate etc. were assembled the 30th to deliberate and resolve on this memorial. They no doubt, will be of opinion to grant this petition, since it was presented by the advice of the regent's friends. The princess Anne has also taken the prince into her appartment, for before he had a separate one, to prevent the young officers making court to him; and m-r Shelian, who on the marriage was sent from Wolfenbuttel to be his highness's groom of the bedchamber, has been sent away, under pretext of being dispatched as a courier; it was once said that he had been put under arrest, but this softer expedient was preferred, as I am assured.

General Uschakoff is every day at the citadel, fully employed in the examination of the number of prisoners sent thither, but in this country

---

къ нему съ письмомъ, а вчера прислалъ формальное прошеніе на имя сына-Царя, въ которомъ ходатайствуетъ объ увольненіи его отъ должности генералъ-лейтенанта россійской арміи и подполковника втораго гвардейскаго, семеновскаго, полка. Шагъ этотъ въ обществѣ объясняется тѣмъ, что отцу Государя не приличествуетъ имѣть начальниками столькихъ высшихъ по чину лицъ; въ дѣйствительности же его высочество не желаетъ болѣе сноситься съ офицерами гвардіи, дабы успокоить регента въ томъ, что офицерамъ не придется дѣлать, принцу же выслушивать дальнѣйшихъ разсужденій о его свѣтлости. Кабинетъ-министры, сенатъ и проч. собирались 30-го для обсужденія и рѣшенія этого вопроса. Они несомнѣнно подадутъ мнѣніе за удовлетвореніе ходатайства, такъ какъ оно подано было по совѣту друзей регента. Принцъ кромѣ того переселился въ аппартаменты Анны Леопольдовны (до сихъ поръ онъ имѣлъ отдѣльные аппартаменты) съ цѣлью устранить отъ себя посѣщенія молодыхъ офицеровъ; а присланный изъ Вольфенбюттеля при бракосочетаніи принца въ качествѣ камергера его высочества, Шеліанъ, высланъ какъ бы курьеромъ. Говорятъ, будто онъ былъ арестованъ, но затѣмъ, какъ я слышалъ, предпочли болѣе мягкую форму его удаленія.

Генералъ Ушаковъ ежедневно находится въ крѣпости, поглощенный слѣдствіемъ надъ арестованными лицами. Въ Россіи не надо придавать подобнымъ явленіямъ того

there is no occasion to lay so great a stress on such sort of things, as there would be in any other; however, the profound silence on what passes at Moscow is none of the best marks, because things going on well there would be talked of publicly, even to affectation. Though, as nobody dares write a word by the post from thence, it will be impossible to have any the least circumstance with certainty, however, as an english gentleman, who has been some time here, has a mind to go to see Moscow, I shall endeavour by him to know, how things go there, by his writing to me, on agreement between us, that his journey was pleasant or fatiguing, according as he finds things there. Though I cannot pretend to assure it, yet I have been whispered, that, if any marks of discontent appear at Moscow, they are not so much against the regency of the duke of Courland, as against the succession itself of the young infant, the respect and veneration for the memory of Peter the I[st] seeming to incline the generality of people there rather to have wished the young duke of Holstein, in the quality of a direct descendant of Peter's. Should this intelligence be well founded, it will in one light be useful to the regent and may greatly serve to unite his highness and the princess Anne (of which there are already some appearances), since they may thereby have one and the same interest; for, though the princess might have wished either the succession, or at least the regency during the minority, for herself, yet she may now be determined to contribute all

---

значенія, какое они имѣли бы во всякой другой странѣ; тѣмъ не менѣе глубокое молчаніе о томъ, что дѣлается въ Москвѣ — знакъ не добрый, такъ какъ въ случаѣ, если бы тамъ все шло благополучно, объ этомъ здѣсь громко толковали бы, даже съ преувеличеніями. Никто не смѣетъ писать оттуда почтою ни слова, потому невозможно достовѣрно узнать ни о малѣйшемъ событіи, тамъ совершающемся. Недавно, впрочемъ, одинъ англичанинъ, проживавшій здѣсь нѣкоторое время, задумалъ отправиться въ Москву. Постараюсь черезъ него узнать что тамъ дѣлается. Мы условились, что онъ напишетъ мнѣ «путешествіе мое было пріятно» или «утомительно», смотря по тому, какое положеніе дѣлъ встрѣтитъ въ Москвѣ. Утверждать ничего не смѣю, но здѣсь шепотомъ говорятъ, будто, если въ Москвѣ и проявляются признаки неудовольствія, такъ они вызваны не столько регентствомъ герцога курляндскаго, сколько самымъ переходомъ престола къ младенцу-Царю: уваженіе, поклоненіе памяти Петра I, скорѣе располагаетъ большинство народа въ пользу герцога голштинскаго, какъ прямаго потомка Петра. Если эти слухи вѣрны, они могутъ съ одной стороны быть полезными регенту, именно могутъ значительно содѣйствовать его сближенію съ Анной Леопольдовной (на которое намеки есть уже и теперь), такъ какъ интересы ихъ окажутся сходными. Если принцесса и могла стремиться къ престолу или, по крайней мѣрѣ, къ регентству до совершеннолѣтія сына, ее теперь не трудно будетъ склонить

in her power to the support of the duke's regency, because she must have infinitely at heart the interest of her son, her own family, and the elder branch, in opposition to that of her cousin german, the duke of Holstein, her uncle Peter the I[st] family and the younger branch.

Count Osterman was yesterday at court at the assembly I mentioned above, and he told me this morning, that the prince of Brunswick's resignation of his posts in the army had been accepted.

The regent has remitted that part of the sentence against Mussin-Puschkin, by which his exile was confined to the island of Solowetsky, near Archangel, and his highness has given him leave to retire to one of his villages, at a great distance however from hence, to pass there the remainder of his days with his family. This favour, which is looked upon as a great one here, has been shown him by the regent in consideration of the cabinet-minister prince Czercasky, who is attached entirely to the regent, and has had great share in settling the regency, and whose sister Mussin-Pushkin married; besides, as he himself had a good many friends in this country, this act of mercy will be popular. I told your lordship at the time, that this criminal had his tongue cut out, but I hear now, that, by order of Her late Majesty, just the tipp of it only was snipped off, so that he can yet articulate.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

къ посильной поддержкѣ регентства герцога, такъ какъ она не можетъ не принимать близко къ сердцу интересовъ сына, собственной семьи и старшей линіи, противуполагая ихъ интересамъ двоюроднаго брата, герцога голштинскаго, семьи дяди—Петра I, младшей линіи.

Вчера графъ Остерманъ былъ при дворѣ на совѣщаніи, о которомъ я упоминалъ, а сегодня поутру передалъ мнѣ, что ходатайство принца объ удаленіи изъ состава арміи принято.

Регентъ смягчилъ приговоръ надъ Мусинымъ-Пушкинымъ, въ силу котораго онъ сосланъ былъ на островъ Соловецкій, близъ Архангельска. Ему разрѣшено удалиться въ одну изъ его отдаленныхъ вотчинъ, и провести остатокъ дней въ кругу семьи. Этой милости, которую здѣсь признаютъ большою, онъ удостоился отъ регента во вниманіе къ кабинетъ-министру, князю Черкасскому, который безусловно преданъ регенту и много содѣйствовалъ установленію регентства. Сестра князя за мужемъ за Мусинымъ-Пушкинымъ. Кромѣ того у князя не мало друзей, и оказанная милость можетъ содѣйствовать популярности герцога. Въ свое время я писалъ вашему превосходительству, что названному государственному преступнику урѣзанъ языкъ. Слышу теперь, что, вслѣдствіе приказанія покойной Государыни, едва отрѣзанъ самый кончикъ языка, такъ что Мусинъ-Пушкинъ можетъ объясняться.

№ 73. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, November the 1st 1740.

I beg pardon for this fourth letter, but as the subject is entirely different, I thought it better to put it in a separate one. Your lordship will easily imagine that I should not forget what you some time ago wrote to me about the king of Prussia, especially since I should have this opportunity of transmitting what I might have to answer in so easy and safe a manner.

Accordingly I mentioned this affair to count Osterman friday the 24th entirely in the same way, as I had done the first time, I mean—from myself and in no shape by order. I told his excellency: as all parents were naturally fond of their own productions, he would forgive my expressing some for one of mine, for so I looked upon the idea, which I had taken the liberty some time ago to leave with his excellency in order to be nursed up under his care, without which, I was sure, it would only prove a starved brat not worth the rearing and would never come to good. He smiled and said: «You mean no doubt the king of Prussia. You will easily imagine», continued he, «that I shall be no ways averse to this notion, because I heartily wish that prince could be determined to those right measures, which, I am sure, it is

---

№ 73. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 1-го ноября 1740 г. (12-го ноября н. ст.).

Простите за это четвертое письмо, но въ немъ рѣчь пойдетъ о совершенно отдѣльномъ предметѣ, потому я и призналъ болѣе удобнымъ написать его отдѣльно. Ваше превосходительство конечно не сомнѣваетесь, что я помню написанное вами нѣсколько времени тому назадъ по поводу короля прусскаго. Пользуюсь настоящею возможностью отвѣтить вамъ свободно и безопасно.

Я говорилъ объ этомъ дѣлѣ съ графомъ Остерманомъ въ пятницу, 24-го, совершенно въ томъ-же духѣ, какъ и въ первый разъ, т. е. какъ бы отъ себя, отнюдь не по предписанію. Я замѣтилъ графу, что всѣ родители естественно гордятся своими чадами, а потому онъ вѣроятно извинитъ меня за настойчивость по отношенію къ одной мысли, мнѣ принадлежащей, которую я позволилъ себѣ сообщить его сіятельству нѣсколько времени тому назадъ, дабы она, такъ сказать, вскормлена была его заботами, безъ которыхъ мое дѣтище — я увѣренъ — окажется слабороженнымъ, не стоющимъ питанія и никогда не процвѣтетъ. Графъ улыбнулся и сказалъ: «Вы говорите о королѣ прусскомъ? Вы легко поймете, что я отнюдь не прочь, такъ какъ сердечно желалъ бы склонить этого государя къ правильнымъ взглядамъ, которымъ, я увѣ-

essential to Europe and for him to pursue in the present juncture and besides, though religion is more talked of than really minded in transactions of this kind, yet I do think, that all protestants should be glad to see that contended succession regulated in a way the least prejudicial to their interest (if not to their faith), and I have another personal concern in that affair, by having been born and still possessing some estate in the neighbourhood.» His excellency then said, that so far from having forgot my idea, he had hinted it to m-r Mardefeld, though in very general terms and entirely from himself, telling him, that, in case such a thought might by relished at Berlin and that the king should find that this court might any way contribute to reduce it into form, if he would communicate his sentiments on it in confidence, he might be sure of all the good offices his prussian majesty could wish for on this side; and the count added that he could only say the same thing to me, and give me leave to make use of his name, if I thought it either necessary or useful. He continued to tell me, that he had since recollected a project formed some years ago by the late elector of Mentz, Schoenborn, in order to accomodate this litigated inheritance to the reciprocal satisfaction of the parties concerned, that this had been communicated to the emperor, the king of Prussia, and the elector palatine, who all seemed, if not to relish it in every part, at least not to disapprove the whole;

ренъ, при настоящихъ обстоятельствахъ Европа должна слѣдовать по отношенію къ нему. Въ дѣлахъ подобнаго рода о религіи болѣе толкуютъ, чѣмъ дѣйствительно помышляютъ, и полагаю, что всѣ протестанты рады будутъ, если дѣло по этому спорному наслѣдству уладится съ возможно-меньшимъ ущербомъ для ихъ интересовъ, хотя бы и не совсѣмъ выгодно для ихъ вѣроисповѣданія. Меня это дѣло касается и лично, такъ какъ я родился и до сихъ поръ владѣю небольшимъ помѣстьемъ по сосѣдству». Графъ прибавилъ, что далеко не забылъ моей мысли и даже намекнулъ о ней Мардефельду, хотя въ очень общихъ выраженіяхъ и какъ бы исключительно отъ себя, сказавъ, что въ случаѣ, если такія мысли по вкусу берлинскому двору, если король найдетъ, что русскій дворъ можетъ такъ или иначе содѣйствовать ихъ осуществленію, и конфиденціально сообщитъ о своихъ взглядахъ по этому поводу, его величество можетъ быть увѣреннымъ во всяческомъ содѣйствіи со стороны Россіи. Графъ заявилъ, что можетъ повторить то же и мнѣ, и разрѣшилъ мнѣ воспользоваться его именемъ, если я сочту это нужнымъ и полезнымъ. Онъ, далѣе, сказалъ, что, послѣ нашей первой бесѣды по данному вопросу, вспомнилъ проектъ, составленный нѣсколько лѣтъ тому назадъ курфюрстомъ майнцкимъ, Шенборномъ, для раздѣла спорнаго наслѣдства къ общему удовольствію заинтересованныхъ сторонъ. Проектъ этотъ въ свое время сообщенъ былъ императору, королю прусскому и курфюрсту пфальцскому, которые, по видимому, всѣ, если и не соглашались принять его во всѣхъ подробностяхъ,

that afterwards the court of Vienna by its fluctuating counsels, the elector palatine by throwing himself entirely into the hands of France, grew less fond of this scheme, nor did the late king of Prussia push it forward, perhaps in hopes of getting a still better bargain. His excellency said, that as soon as he should be a little more at leisure, he would have this project looked for, and communicate it to me; however in the mean time to be sure, said he, the king and his ministers must have been acquainted with it and that if this was recurred to, he believed that it might be a very good foundation to begin and work upon, and if that could be done with success, he should be heartily glad of it, and would willingly contribute to it. I thanked his excellency for what he had told me, which I would report and with his name, since he had given me leave; that as I did not doubt of his personal good intentions, I hoped he would indulge my curiosity to inquire a little further, in order to be able to guess—what the sentiments of this court might be on such an occasion, and how far it might be disposed to enter into a concert of proper measures to advance so useful a scheme, and to cooperate in the carrying them into execution?—«Oh! Oh!» said the count, «you go very fast. We are not yet come to proper explanations and you would already know how we would act after them. This must depend greatly on the nature of those explanations, on the concert formed on them, as well as on several

---

то по крайней мѣрѣ не отрицали его въ цѣломъ; но затѣмъ вѣнскій дворъ, благодаря своей измѣнчивой политикѣ, и курфюрстъ, благодаря полнѣйшей своей преданности Франціи, охладѣли къ нему. И покойный король прусскій не двигалъ его, быть можетъ въ надеждѣ на сдѣлку много болѣе выгодную. Графъ прибавилъ, что, какъ только найдется время посвободнѣе, онъ пересмотритъ этотъ проектъ и сообщитъ его мнѣ. «На первый разъ», прибавилъ графъ, «король и его министръ должны ознакомиться съ этимъ проектомъ, и разъ окажется возможность возвратиться къ нему, онъ послужитъ прекрасной точкой отправленія для дальнѣйшей разработки дѣла. Буду душевно радъ, если оно увѣнчается успѣхомъ, и охотно окажу свое содѣйствіе». Я поблагодарилъ графа за эти слова, предувѣдомивъ его тутъ-же, что донесу обо всемъ слышанномъ, ссылаясь на него, согласно полученному позволенію. «Не сомнѣваясь въ добрыхъ намѣреніяхъ вашего сіятельства», прибавилъ я, «надѣюсь, что вы извините мое любопытство и позволите мнѣ предложить вамъ еще нѣсколько вопросовъ, дабы я могъ отдать себѣ отчетъ объ отношеніяхъ русскаго двора къ данному вопросу, насколько онъ можетъ быть расположенъ подвинуть дѣло и оказать содѣйствіе его осуществленію».—«Ого!» прервалъ меня графъ. «Какъ вы торопливы! Мы еще не дошли до подробныхъ объясненій, а вы уже хотите знать, какъ Россія будетъ дѣйствовать послѣ нихъ. Ея дѣйствія въ значительной степени будутъ зависѣть отъ характера объясненій, отъ соглашенія, которое выработается на основаніи ихъ, отъ

contingent circumstances, and the future juncture of affairs. Let us first begin to communicate to one another what we may have a mind to do, and then it will be time to consult and determine how we shall do it.» This was all I could get from his excellency at this time, and without the king's further instructions on this affair it will be difficult for me to know how to proceed in it or to determine this court to any farther explanations.

As this affair relates to a prince of the empire, I may naturally add here what concerns the head of it. The saxon secretary last evening received an express from Warsaw with the news, that the emperor was so very dangerously ill of what was supposed by the symptoms to be a gout in his stomach, that his life was dispaired of, and that the whole court of Vienna was in the utmost affliction, distress and confusion. M-r Keyserling's secretary was sent express to conceal as much as possible from the poles the reason of this extraordinary courier, and the russian minister's dispatches both to the cabinet and the regent were to the same purpose. However m-r Petzold was at court sunday morning to inform the regent of the contents of his letters, and to learn a little what might be the sentiments of this court on such a fatal catastrophe. The duke told him, that by letters of a fresher date, which

---

множества побочныхъ обстоятельствъ и будущаго хода дѣлъ. Начнемъ съ сообщенія другъ другу о своихъ намѣреніяхъ, а затѣмъ успѣемъ посовѣтоваться и рѣшить какъ осуществить ихъ». Вотъ все, чего мнѣ пока удалось добиться отъ графа, и мнѣ безъ дальнѣйшихъ инструкцій отъ его величества трудно будетъ опредѣлить, какъ поступать въ этомъ дѣлѣ и какъ склонить здѣшній дворъ къ продолженію переговоровъ о немъ.

Такъ какъ дѣло касается одного изъ имперскихъ владѣтелей, прибавлю и то, что касается главы имперіи. Вчера вечеромъ саксонскій посланникъ получилъ изъ Варшавы съ нарочнымъ извѣстіе о крайне опасной болѣзни императора. По симптомамъ болѣзнь его опредѣляютъ какъ подагру въ желудкѣ. Въ жизни его отчаиваются, весь вѣнскій дворъ крайне печаленъ, смущенъ и растерянъ. Чтобы на сколько возможно скрыть отъ поляковъ поводъ къ отправкѣ чрезвычайнаго курьера, отправленъ былъ секретарь Кайзерлингъ. Съ тѣмъ же извѣстіемъ присланы депеши представителя Россіи въ Варшавѣ къ кабинету и регенту; тѣмъ не менѣе Петцольдъ въ воскресенье поутру былъ при дворѣ и извѣстилъ регента о содержаніи полученныхъ имъ писемъ, расчитывая сколько нибудь узнать притомъ, какъ русское правительство отнесется къ роковой катастрофѣ. Герцогъ отвѣчалъ: «Нами получены письма отъ позднѣйшихъ чиселъ, изъ которыхъ видно, что императоръ дѣйствительно былъ очень боленъ, но что ему теперь лучше; впрочемъ, если бы даже болѣзнь его оказалась смертельною, никто здѣсь не въ состояніи высказать никакого сужденія по этому поводу, пока не выяснится какого образа дѣйствій намѣрены держаться въ

they had received from Vienna, though the emperor had been very ill, yet he was something better, but, should his illness prove mortal, it would be mpossible for anybody here to make any judgement, till it was known what plan might be formed at Vienna, and what measures that court would pursue, though in the mean time his highness assured the saxon secretary, that, as far as the present situation of things here and the juncture of affairs in Europe might admit, Russia would concur in those measures which might tend most to the tranquillity of Europe and the good of the common cause. The news of the emperor's death came here the 26th. I was at count Osterman's the same morning and found his excellency more struck with this catastrophe than with our late one here, because he apprehended that neither the proper remedies nor measures would be so easily found and pursued at Vienna, as they had been here, and that the consequence of the one might be more fatal to Europe than the other. As he could not have any information of the plan, which the court of Vienna will pursue, he said that it would be in vain for him to enter on any particulars, that however in general he thought that all the princes of Europe must now maturely consider whether the house of Austria was to be maintained entire or abandoned, for that there was no mean or middle between the two; that as almost all the powers of Europe had guarantied the pragmatic sanction, and France among the rest, a particular attention should be given, how far that

---

Вѣнѣ, что полагаютъ предпринять тамъ». Его свѣтлость, однако, высказалъ Петцольду, что, на сколько дозволятъ настоящее положеніе Россіи и общій ходъ дѣлъ въ Европѣ, русскій дворъ будетъ содѣйствовать мѣропріятіямъ, наиболѣе способнымъ охранить спокойствіе Европы и общее благосостояніе. Извѣстіе о кончинѣ императора пришло сюда 26-го. Въ то же утро я былъ у графа Остермана и нашелъ его болѣе пораженнымъ этой катастрофой, чѣмъ недавней катастрофой, посѣтившей насъ здѣсь. Онъ выразилъ опасеніе, что въ Вѣнѣ подходящія мѣропріятія найти и осуществить будетъ труднѣе чѣмъ здѣсь, что послѣдствія новой потери могутъ оказаться для Европы еще печальнѣе, чѣмъ послѣдствія первой. Онъ прибавилъ, что, не имѣя возможности получить свѣдѣній о планѣ дѣйствій вѣнскаго двора, онъ признаетъ излишнимъ входить въ какія либо подробности, но что, по его мнѣнію, теперь европейскимъ дворамъ предстоитъ задача зрѣло обдумать — поддерживать ли австрійскій домъ или предоставить его собственной судьбѣ, такъ какъ никакого компромисса, никакой середины между этими двумя рѣшеніями нѣтъ. Большинство европейскихъ державъ приняло на себя гарантію прагматической санкціи; гарантировала ее между прочимъ и Франція, и особеннаго вниманія заслуживаетъ вопросъ — на сколько эта держава намѣрена выполнить принятыя на себя обязательства или пренебречь ими? Графъ полагаетъ, что въ случаѣ, если политическія соображенія приведутъ Францію къ послѣднему рѣшенію, всѣмъ

crown might be inclined to execute it or depart from it; that if her politics should determine her to the last, he however thought, that all the powers of Europe should concur unite and cooperate to carry their guaranty into execution and, as his excellency promised me on this nice, important and critical occasion to communicate to me what ever intelligencies they might receive with the thoughts of this court upon them, so he hoped that the king would be graciously pleased to put me in a condition to make a suitable return with openess and frankness. When I was with his excellency this morning (for I hope to receive the passeport and to have made up all these voluminous packets time enough to dispatch Kuoni to night) count Osterman talked to me in the same way about the austrian succession. The imperial secretary is employing all his friends here to obtain an audience of the regent, but hitherto has not been able to succeed in it, which convinces him and perhaps the other foreign ministers of their wrong step in not waiting on the regent, as I did, at the very beginning. The dutch minister, who is in the very same case, was with me last night, and owned his regret, and he thought that the other ministers had not less. The imperial resident on the emperor's death went immediately to the french ambassador, who had given him strong assurances of the faithful execution of France's guaranty, which the resident entirely believes, for, by a certain fatality, all

---

европейскимъ дворамъ слѣдуетъ дружно содѣйствовать осуществленію гарантіи. Ввиду этого щекотливаго, важнаго и критическаго событія его сіятельство обѣщалъ дѣлиться со мною всѣми касающимися его вѣстями, которыя только получитъ, а вмѣстѣ и взглядами русскаго двора по поводу этихъ вѣстей. Съ своей стороны онъ выразилъ надежду, что и король милостиво поставитъ меня въ возможность отвѣчать такою же прямотой и откровенностью. То же графъ Остерманъ повторилъ мнѣ по поводу австрійскаго наслѣдства и при бесѣдѣ нашей сегодня поутру (надѣюсь получить паспортъ, приготовить этотъ объемистый пакетъ своевременно и отправить Куони сегодня же вечеромъ). Императорскій секретаръ поднялъ всѣхъ друзей своихъ на ноги, чтобы добиться аудіенціи у регента, но пока безуспѣшно, что указываетъ ему, а можетъ быть и другимъ представителямъ иностранныхъ державъ, какъ ошибочно они поступали, не посѣщая регента съ самаго начала регентства, какъ я. Голландскій посланникъ въ такомъ же положеніи. Онъ былъ у меня вчера вечеромъ, выражалъ свое сожалѣніе о сдѣланной ошибкѣ, а также мнѣніе, что о ней не менѣе сожалѣютъ и представители прочихъ государствъ. Получивъ извѣстіе о смерти своего государя, императорскій резидентъ немедленно посѣтилъ французскаго посла, который горячо увѣрялъ его въ томъ, что Франція честно выполнитъ свои обязательства по гарантіи. Резидентъ вполнѣ довѣряетъ ему, такъ какъ всѣ представители императора, пови-

imperial ministers at present pin their faith on that power, who alone has an immutable interest in the ruin of the house of Austria.

But I must return to something more important; I understand the king of Prussia, for when I was with count Osterman this morning, he immediately read to me a paragraph out of m-r Brackel's last letter from Berlin, wherein he advises that, contrary to all expectations, both count Truchses, who was designed for England, was not to go there, and m-r Guy Dickens on the point of being recalled, so that it was apprehended that all commerce between the two courts was to be broke off. The count expressed both his great surprise and his still greater concern on this news, and asked me what truth there might be in it. I assured his excellency that I had no knowledge of this intelligence, nor whatever the appearances might be and the surmises on them, could I give any credit to them, except in that one case, that his prussian majesty, contrary to his excellency's hopes, though perhaps not to his fears, had resolved to throw himself into the hands of France or may be had actually done it. His excellency on this threw out a great many broken hints; that m-r de Camas, the prussian minister in France, was greatly caressed at Versailles, as he said *par continuation*... that the king of Prussia seemed hitherto his own minister and to act only by his own advice... that there might be a difference of interest between the two

---

нуясь какому-то року, возлагаютъ теперь свои упованія на Францію, которая какъ разъ одна заинтересована въ ослабленіи австрійскаго дома.

Но я долженъ возвратиться къ предмету болѣе важному, то есть къ королю прусскому. Когда я явился къ графу Остерману сегодня поутру, онъ немедленно прочелъ мнѣ отрывокъ изъ послѣдняго письма Бракеля изъ Берлина, въ которомъ Бракель извѣщаетъ, будто, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, Трухзесъ, который назначался въ Англію, по этому назначенію не поѣдетъ, а Гюи Диккенсъ со дня на день ждетъ отзывныхъ граматъ, будто такимъ образомъ всѣ сношенія между дворами великобританскимъ и прусскимъ грозятъ прерваться. Графъ выразилъ и крайнее удивленіе, и еще большее смущеніе по поводу такой новости и спрашивалъ меня, сколько въ ней правды. Я отвѣчалъ его сіятельству, что не только ничего не знаю объ этомъ обстоятельствѣ, но даже не могу подыскать данныхъ для догадокъ, которыя позволили бы мнѣ повѣрить сообщенному извѣстію, развѣ его прусское величество, вопреки ожиданіямъ графа, хотя быть можетъ и не возбуждая его опасеній, рѣшился броситься въ объятія Франціи, а можетъ быть уже и отдался ей. Графъ на это возразилъ рядомъ темныхъ намековъ: де Камаса, прусскаго посланника во Франціи, говорилъ онъ, такъ ласкаютъ въ Версали «par continuation» (какъ выразился графъ)... король прусскій до сихъ поръ является собственнымъ министромъ, дѣйствуетъ исключительно по собственнымъ соображеніямъ... могли встрѣтиться столкновенія въ интересахъ курфюр-

electorates, which might have some influence on the counsels of the two kings and perhaps occasion some jealousy of any aggrandizement of power on either side. This was a pretty broad hint on the succession of Juliers and Bergues. So I desired his excellency to recollect what I had lately mentioned about that affair, that, though it was only an idea of my own, yet I should not have hazarded so far, if upon my general notions, I had not been persuaded, that the king would be disposed, on a proper concert of counsels and measures with other powers and more especially with this court, to concur towards settling that succession in a way, which might both convince the king of Prussia of His Majesty's good dispositions, and at the same time determine that prince to follow as right measures, by showing him that he might do his business by those powers, who had no interest to deceive him, and thereby prevent his depending on another power, who certainly in the end would deceive him. The count replied, that this however was an ugly circumstance, since they had here always built upon the king of Prussia's accession to our treaty, so that, if the contrary was to be apprehended, I must feel myself what difficulties this court might be in and to what «*ménagements*» it might be obliged, for which reason he hoped, that the king, on the return of my messenger, would instruct me fully on all circumstances relating both to Vienna and Berlin, that we might be in a condition to regulate our treaty

---

ществъ, повліявшія на отношенія королей, вызвавшія, быть можетъ, опасеніе касательно возростающаго могущества той или другой стороны. Послѣднія слова были довольно явнымъ намекомъ на бергъ-юлихское наслѣдство; потому я просилъ графа припомнить что недавно говорилъ по этому дѣлу. Хотя, прибавилъ я, рѣчь и шла единственно о моемъ личномъ мнѣніи, я бы не позволилъ себѣ зайти такъ далеко, если бы по имѣющимся у меня общимъ даннымъ, не былъ увѣренъ въ расположеніи короля, по надлежащемъ соглашеніи съ другими державами и преимущественно съ россійскимъ дворомъ, дать вопросу объ этомъ наслѣдствѣ направленіе, способное одновременно убѣдить короля прусскаго въ добромъ расположеніи къ нему его величества, и склонить его на правый путь, указавъ, что онъ скорѣе уладитъ дѣла свои, опираясь на державы, не имѣющія никакого интереса его обманывать, и тѣмъ предупредитъ свою зависимость отъ державы, которая въ концѣ концовъ обманетъ его неминуемо. Графъ возразилъ, что во всякомъ случаѣ происшедшій разладъ — дрянное дѣло: русское правительство всегда вело дѣло въ расчетѣ на присоединеніе короля прусскаго къ нашему союзу, и я самъ могу сообразить, въ какія затрудненія здѣшній дворъ будетъ поставленъ, если есть основаніе опасаться неудачи въ этомъ отношеніи; къ какимъ «*ménagements*» ему придется прибѣгать. Ввиду этихъ соображеній, графъ надѣется, что Куонн, возвратясь, привезетъ отъ короля полное разъясненіе всѣхъ обстоятельствъ, касающихся Вѣны и Берлина, дабы мы оказались въ состояніи дать договору направленіе, со-

in a way suitable to the reciprocal ideas of the two courts and the contingent situation of affairs. When I went this morning to count Osterman, I thought our treaty as good as concluded, but I own now, that, from this prussian incident, should it prove true, I begin to fear still greater difficulties than those I have had hitherto to contend with in the negotiating it so far.

The first of the persian ambassadors died two or three days after he entered the territories of Russia, but as there are half a dozen of them to succeed each other in case of mortality, the embassy will proceed.

As the Ottoman Porte has already released 400 or 500 russian prisoners and begins to show a lesser stiffness in the negotiation with the russian ministers, this court flatters itself, that what remains to be adjusted, will soon be so, provided the news of the two great late deaths produce no alterations in the measures of the Porte.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

№ 74. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, November the 4th 1740.

I have been able at last to dispatch Kuoni, who set out the 1st instant between 10 and 11 at night, and I so emptied my sack by him, that I shall have little to trouble your lordship with this post.

гласное съ общимъ взглядомъ обоихъ дворовъ и съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Идя сегодня къ графу Остерману, я признавалъ нашъ договоръ какъ бы уже завершеннымъ, теперь же начинаю опасаться, что въ случаѣ, если слухи о прусскомъ инцидентѣ оправдаются, онъ создастъ затрудненія бо́льшія, чѣмъ тѣ, съ которыми мнѣ приходилось бороться до сихъ поръ.

Старшій изъ персидскихъ пословъ умеръ дня черезъ два или три по въѣздѣ въ предѣлы Россіи, но такъ какъ ихъ съ полдюжины, и всѣ они могутъ замѣщать одинъ другаго въ случаѣ смерти, посольство двигается дальше.

Порта освободила отъ 400 до 500 русскихъ плѣнныхъ и вообще начинаетъ проявлять бо́льшую уступчивость въ переговорахъ съ русскими уполномоченными, потому здѣшній дворъ полагаетъ, что не улаженныя еще затрудненія скоро уладятся, конечно, если двѣ недавнія кончины не измѣнятъ настроенія порты.

№ 74. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 4-го ноября 1740 г. (15-го ноября н. ст.).

Наконецъ мнѣ удалось отправить Куони. Онъ выѣхалъ 1-го ноября между 10 и 11-ю вечера. Я такъ набилъ отправленный съ нимъ портфель, что сегодня мнѣ не придется много безпокоить ваше превосходительство.

It would be of no use to transmit a particular specification of the promotions of a number of officers, who are in no shape known in England, nor whose names I have never heard of, but on their advancement, so that I shall only mention a few, who may not be such strangers either by themselves, or their relations; among these two Streschneffs, brothers-in-law to count Osterman who married their sister. One of them in the army has been made a major-general, the other, a chambellan to Her late Majesty, was made three days ago a senator.

The senate in Peter the first's time (who assisted there constantly) transacted all business, both foreign and domestic, but since the cabinet was formed by Her late Majesty, it is now become only the supreme court of justice, to which all processes are at last carried by appeal, and it has also the expedition of all the orders sent from the cabinet, and the repartition of all taxes to be levied and troops to be raised.

Two relations also of prince Kurakin have been made major-generals, and young count Munich, son of the field-marshal, chambellan to Her late Majesty, has been made maître de la maison, or hof-master, of the princess Anne.

I hear that the quarter capitation remitted by the act of grace will amount to be above 1,200,000 roubles, nigh £ 300,000 st. The discharge

---

Не вижу пользы въ передачѣ вамъ подробнаго списка производства множества офицеровъ, совершенно неизвѣстныхъ въ Англіи, именъ которыхъ я даже никогда не слыхивалъ до ихъ повышенія. Упомяну только о нѣкоторыхъ, которые намъ не столь чужды или сами по себѣ, или какъ родственники лицъ болѣе извѣстныхъ. Къ таковымъ принадлежатъ: двое Стрѣшневыхъ, родственники графа Остермана, который женатъ на ихъ сестрѣ. Одинъ изъ нихъ, служащій въ арміи, произведенъ въ генералъ-маіоры, другой — камергеръ покойной Государыни — три дня тому назадъ назначенъ сенаторомъ.

Сенатъ при Петрѣ I (который постоянно присутствовалъ въ немъ лично) вѣдалъ всѣ дѣла внѣшнія и внутреннія, но со времени учрежденія кабинета при покойной Государынѣ онъ обратился въ высшее судебное учрежденіе, къ которому всѣ дѣла восходятъ въ аппеляціонномъ порядкѣ; онъ же вѣдаетъ разсылку кабинетскихъ указовъ, раскладку податей и рекрутскую повинность.

Произведены въ генералъ-маіоры также два родственника князя Куракина; молодой графъ Минихъ, сынъ фельдмаршала, камергеръ покойной Императрицы, назначенъ гофмейстеромъ принцессы Анны Леопольдовны.

Мнѣ передавали будто четвертая доля подушной подати, сложенная милостивымъ манифестомъ, составляетъ около 1.200.000 рублей, т. е. около 300.000 ф. ст.

of all demands of the crown antecedent to 1719, and the sort of sequester on most estates for the security of the government being superseded, will be advantages of a most general benefit, in which every individual of the country will in some shape or other share. After this I need say nothing of the popularity of it.

Everybody now assures that things at Moscow go on with as much quiet and as general satisfaction, as they have done here.

I mentioned to your lordship at the beginning of this summer the project of a new trade from England through this country to Persia to be carried on chiefly with the manufactures and products of England, the returns in raw silks, ferret and herdman wool. This court seems very much inclined to favour and encourage it; a leave has been actually given to captain Elton to build a ship at Kasan in order to navigate the Caspian sea. He designs to set out this evening for that purpose, and hopes to have his ship launched at Kasan by the beginning of May. Three houses here have agreed in partnership to make the trial, and as one of them, by an invoice of 3 or 4 bales of silk from Persia and an account of sales at Amsterdam last year (both which I have seen), had a profit of nigh 80 percent, there is all the reason in the world to believe, that it will turn out a very lucrative trade to them, and as they think also a beneficial one to England. They pro-

---

Сложены всѣ казенныя взысканія за время до 1719 года, уничтоженъ родъ секвестра на большинство помѣстій, установленный ради обезпеченія государства. Эти распоряженія связаны съ общей пользой и каждый русскій болѣе или менѣе извлечетъ изъ нихъ пользу, потому нечего и говорить, что они популярны.

Теперь всѣ утверждаютъ, будто въ Москвѣ дѣла идутъ также спокойно, къ общему удовольствію, какъ и здѣсь.

Въ началѣ истекшаго лѣта я писалъ вашему превосходительству о проектѣ новаго торговаго пути изъ Англіи въ Персію черезъ Россію, преимущественно для англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій и обмѣна ихъ на шелкъ-сырецъ, сырцевыя ленты и грязную шерсть. Здѣшній дворъ, по видимому, вполнѣ расположенъ въ пользу этого проекта, и капитану Эльтону дано разрѣшеніе построить въ Казани корабль для плаванія по Каспійскому морю. Онъ думаетъ выѣхать сегодня вечеромъ для закладки, а въ началѣ мая уже надѣется спустить корабль на воду въ Казани. Три торговыхъ дома согласились итти въ долю для перваго опыта, а такъ какъ одинъ изъ нихъ въ прошломъ году на 3 или 4 кипахъ шелка, судя по накладной изъ Персіи и отчетѣ о продажѣ ихъ въ Амстердамѣ (оба документа я самъ видѣлъ) выручилъ 80%, есть полное основаніе полагать, что предпріимчивость Эльтона и его товарищей вознаградится большими выгодами и принесетъ большую пользу Англіи. Они, вмѣстѣ съ тка-

pose therefore, in conjunction with the weavers and throwsters, to apply to parliament next session for an explanation of the act of navigation and the exclusive privileges of the Turkey-company, which, as they think, are only founded on that act.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

№ 75. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Whitehall, November the 4th 1740.

The king saw with the utmost concern the account you sent in your's of the 7th past, which I received yesterday, of the very dangerous state of the Czarinna's health, and waits with impatience for your next letters, now due, in hopes of finding in them more favourable news, which would give His Majesty the highest satisfaction, in proportion to the value and friendship he has constantly possessed for that princess.

You will not expect that in such an uncertainty, I should have any particular orders to send you, but though I had nothing farther to trouble you with, I would not omit writing this to acquaint you with the affliction, which is caused here by the melancholly relation contained in your last.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

чами и тростильщиками, намѣрены войти въ слѣдующую сессію въ парламентъ съ петиціей о разъясненіи акта мореплаванія и исключительныхъ привиллегій Турецкой компаніи, опирающейся — какъ они полагаютъ — единственно на актѣ мореплаванія.

№ 75. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Уайтгэлль, 4-го ноября 1740 г. (15-го ноября н. ст.).

Король съ чрезвычайнымъ огорченіемъ прочелъ, присланныя въ полученномъ мною вчера донесеніи вашемъ отъ 7-го октября, извѣстія о крайне опасномъ состояніи здоровья Царицы и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ слѣдующихъ писемъ вашихъ, въ надеждѣ найти въ нихъ болѣе утѣшительныя вѣсти, которыя бы въ высшей степени обрадовали его величество, такъ какъ онъ всегда относился къ Царицѣ съ большимъ уваженіемъ и дружелюбіемъ.

Вы, конечно, не ожидаете, отъ меня подробныхъ инструкцій при столь неопредѣленномъ положеніи, но, хотя я и не намѣренъ безпокоить васъ ничѣмъ, не могу не написать, какой печалью встрѣчено здѣсь грустное извѣстіе, сообщенное въ послѣднемъ письмѣ вашемъ.

№ 76. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, November the 8th 1740.

. . . The regent applies himself with great assiduity to the dispatch of business. His s. highness assists almost every morning at the cabinet and was present one day this week in the senate and at the admiralty also to lay the keel of a new 66 gun ship, which is to be put on the stocks and built forthwith.

His highness has also called for distinct accounts of the states of the army, fleet, revenues, and every other branch relating to this great empire, that he may know exactly the condition in which each are in at the beginning of his regency, and that it may one day hereafter appear in what condition his highness shall leave them, when his regency determines.

I hear also, that orders are actually issued for compleating the army, for which purpose thirty thousand recruits are to be raised, and that there will be a surplus corps of 6,000 men.

A new sumptuary law, after the example of Sweden and Denmark, is either printing or printed, by which all gold and silver in wearing apparel will be forbidden. Though at the beginning of so long and general a mourning such a regulation seems premature, yet so early notice of it is designed to

---

№ 76. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 8-го ноября 1740 г. (19-го ноября н. ст.).

. . . . Регентъ чрезвычайно усердно занимается дѣлами. Онъ почти каждое утро присутствуетъ въ засѣданіяхъ кабинета, а на этой недѣлѣ посѣтилъ одинъ разъ сенатъ, а также адмиралтейство для закладки новаго 66-пушечнаго корабля, къ постройкѣ котораго будетъ преступлено немедленно.

Его свѣтлость потребовалъ также подробныхъ отчетовъ о состояніи арміи, флота, доходовъ и всѣхъ отраслей управленія великой имперіи, дабы точно опредѣлить въ какомъ положеніи засталъ каждую изъ нихъ при началѣ регентства и въ свое время, оставляя регентство, показать въ какое состояніе они приведены имъ.

Слышалъ я также о распоряженіи пополнить армію, для чего собрано будетъ 30.000 рекрутъ. Армія увеличится новымъ корпусомъ въ 6000 человѣкъ.

По примѣру Швеціи и Даніи изданъ будетъ новый законъ для ограниченія роскоши. Онъ печатается или уже напечатанъ. Имъ запрещается золото и серебро на платьи. Какъ ни странно подобное распоряженіе въ началѣ общаго, продолжительнаго траура, его заблаговременное обнародованіе имѣетъ оправданіе въ желаніи пред-

prevent the merchants making any new provisions of such sort of goods, and even those which they have actually in stock will be allowed to be re-exported duty free, if the customs are not paid, and with a drawback if they are. This new regulation cannot but be very popular and very agreeable, especially to the courtiers, on whom the enormous expences of fine cloaths for some years past must have lain very heavy.

The exchange of the turkish ambassadors was made either the 15th or 17th of last month, and I hear that the regulation of the frontiers begins to advance.

Upon the death of the first persian ambassador, half a dozen of the chief persons in his train would all have been either separate or joint ambassadors; but general Apraxin declaring that he had only orders to conduct one, so that if there should be more, he must retire, after great disputes among themselves, they either agreed or drew lots which of them should be the ambassador. The train consists of nigh 3,000 persons, the greatest part of which have neither shoes nor stockings, as general Apraxin writes, adding that, in order to provide themselves, they desired two or three days after they had entered these territories, that they might encamp, and that he would assemble a fair, which he did accordingly, but soon broke it up, upon seeing that in a week the whole train had not purchased for the value of a rouble entire.

упредить закупку купцами новыхъ товаровъ извѣстнаго рода; даже наличный товаръ разрѣшено будетъ выслать обратно безпошлинно, если пошлины еще не внесены, и съ возвращеніемъ пошлинъ, если онѣ уже взысканы. Такое распоряженіе несомнѣнно встрѣчено будетъ общимъ сочувствіемъ и очень пріятно придворнымъ, на которыхъ чрезвычайные расходы на наряды ложились за послѣдніе годы крайне тяжело.

Размѣнъ турецкихъ посольствъ произошелъ 15 или 17-го октября и регулированіе границъ — я слышалъ — начинаетъ улаживаться.

По смерти старшаго персидскаго посла, съ полдюжины изъ главныхъ лицъ его свиты заявили желаніе замѣстить его въ качествѣ посла или образовать коллективное посольство, но генералъ Апраксинъ объявилъ, что ему приказано сопровождать только одного посла, и что онъ вынужденъ будетъ уѣхать, если ихъ окажется болѣе. Они, наконецъ, согласились въ выборѣ или рѣшили дѣло жребіемъ. Генералъ Апраксинъ пишетъ, что посольская свита состоитъ приблизительно изъ 3000 человѣкъ, изъ которыхъ у большинства нѣтъ ни башмаковъ, ни чулокъ, и прибавляетъ, что, желая раздобыть себѣ нужное, персіяне, дня два или три по вступленіи на русскую территорію, пожелали расположиться лагеремъ и просили собрать ярмарку. Апраксинъ исполнилъ ихъ желаніе, но вскорѣ распустилъ торговцевъ, видя, что вся свита вмѣстѣ за недѣлю не закупила товаровъ и на рубль.

Colonel Neubour was arrived at Mittau by the last letters on his way hither from Warsaw, from which court he was dispatched on the news of the emperor's death. Count Lynar is waiting only for his last orders and proposes to be here in a short time.

The princess Anne and the regent see one another very often, and, according to all outward appearance, seem on good terms, for her highness has too much penetration not to see that the duke of Courland is in a condition to support his regency, and she has too much prudence not to frame her conduct accordingly. As for the prince of Bevern, he has not appeared anywhere since his examination I mentioned by the messenger, his highness not stirring out of the princess Anne's appartment, and the duke of Courland but yesterday told a friend of mine, that this prince's confessing his design «to rebel a little,» as he called it, could not move anger, though it might pity, for his highness' weakness in having been drawn into such a mad notion with only eight accomplices, of which the buffoon of this court's coachman, an apprentice, and barber were three, who have been released. I repeat the regent's words, but the secretary Jacowleff, the prince's adjutant, and the princess Anne's secretary, who are still in prison, may fare worse, the first especially, being accused of bribery and corruption in the

---

Полковникъ Нейбауеръ, какъ видно изъ послѣднихъ писемъ его, прибылъ въ Митаву по пути изъ Варшавы, откуда отправленъ польскимъ дворомъ съ извѣстіемъ о смерти императора. Графъ Линаръ ожидаетъ только послѣднихъ инструкцій и расчитываетъ вскорѣ быть здѣсь.

Принцесса Анна Леопольдовна очень часто видится съ регентомъ и, на сколько можно судить по внѣшности, они находятся въ добрыхъ отношеніяхъ. Ея высочество слишкомъ проницательна, чтобы не видѣть, что герцогъ курляндскій въ состояніи удержать регентство, и слишкомъ осторожна, чтобы не сообразоваться съ этимъ въ своемъ поведеніи. Что же касается принца брауншвейгскаго, онъ со времени описаннаго мною черезъ Куони допроса никуда не показывается. Онъ не выходитъ изъ аппартаментовъ Анны Леопольдовны и вчера еще герцогъ курляндскій говорилъ одному изъ моихъ пріятелей, что попытка принца «помятежничать» (какъ онъ выразился) не можетъ вызвать гнѣва, а вызываетъ развѣ жалость по поводу недомыслія его высочества, который далъ втянуть себя въ такую безумную исторію съ восемью сообщниками, изъ которыхъ одинъ — шутъ придворнаго кучера, другой — ученикъ, третій — цирюльникъ. Всѣ они уже и выпущены на свободу. Повторяю слова регента. Однако секретаръ кабинета—Яковлевъ, адъютантъ принца, и секретарь Анны Леопольдовны еще въ тюрьмѣ и могутъ подвергнуться еще болѣе тяжкой участи, особенно первый, обвиняемый въ подкупѣ и корысти при отправленіи служебныхъ обязанностей, въ

dispatch of his business, as well as of forgery, in having surreptitiously made Her late Majesty sign several supposed orders; but his worst crime is betraying to princess Anne the secrets of the succession and regency when those two important affairs were under deliberation and settling.

The cabinet ministers and senators were assembled wednesday at count Osterman's, though I cannot find that it was on any important affair, but rather for the dispatch of business and to prevent delay, both which the regent has much at heart. This meeting therefore at his excellency's house may have been occasioned by real or pretended sickness, for though so sedentary a life, as he leads, must impair his natural health, yet the political state of it depends on, and must be discovered by other symptoms.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

№ 77. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, November the 11th 1740.

My preceding letters by the ordinary post, or my large packet of the 1st by the messenger Kuoni, will have already so fully answered every particular of your lordship's last dispatch of the 21st October, that I need now

---

подлогахъ, въ томъ будто онъ облыжно заставилъ покойную Государыню подписать нѣсколько подложныхъ повелѣній; особенно же тяжко ложится на него обвиненіе въ передачѣ Аннѣ Леопольдовнѣ секретныхъ свѣдѣній по престолонаслѣдію и регентству въ то время, когда эти два важные вопроса еще обсуждались и улаживались.

Кабинетъ-министры и сенаторы собирались въ среду у графа Остермана. Незамѣтно, чтобы это собраніе вызвано было какимъ либо особенно важнымъ дѣломъ; оно скорѣе состоялось вообще съ цѣлью ускорить ходъ дѣлъ и не допускать проволочекъ, которыхъ регентъ не любитъ. Собраніе въ домѣ графа могло быть также вызвано дѣйствительной или предполагаемой его болѣзнью. Сидячая жизнь должна, конечно, неблагопріятно дѣйствовать на его здоровье, но его состояніе вызывается и политическими соображеніями, разгадки которыхъ приходится искать по другимъ симптомамъ.

№ 77. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 11-го ноября 1740 г. (22-го ноября н. ст.).

Предшествующее письмо мое, отправленное обыкновенною почтой, вмѣстѣ съ объемистымъ пакетомъ, посланнымъ 1-го ноября съ курьеромъ Куони, съ такою подробностью отвѣчаютъ на всѣ вопросы письма вашего превосходительства отъ 21-го

only acknowledge the receipt of it the 9th instant — a day, which by the downfall of the duke of Courland's regency will be ever as memorable in the annals of Russia, as the 18th of last month, on which it commenced.

On the 9th between 3 and 4 in the morning the field-marshal count Munich at the head of a detachment of 40 grenadiers from the guard at the winter-palace marched to the summer one and seized by a verbal order of the princess Anne the regent in his bed, who about six was brought prisoner to the guard-room in the winter-palace. The whole Courland family being put under arrest, immediately after general Biron and the new cabinet-minister Bestuchef were taken prisoners and carried to the winter-palace also, upon which all the great people were immediately summoned to court when the princess Anne, as your lordship will see by the inclosed translation of the manifest published in her son's name, was declared grand duchess with the titles of imperial serene highness and charged with the administration of the government during the minority.

In the afternoon the duke and duchess of Courland with their daughter and youngest son were sent under a strong guard to the castle of Shlusselburgh, situated in the Ladoga lake (the eldest son being sick is still here under arrest). The general Biron and the minister Besuchef were also sent

---

октября, что сегодня мнѣ приходится только извѣстить васъ о полученіи его 9-го ноября — въ день, который останется памятнымъ въ лѣтописяхъ Россіи, вслѣдствіе низверженія герцога курляндскаго, точно также какъ и день 18-го октября, когда онъ принялъ регентство.

9-го ноября между тремя и четырьмя часами утра фельдмаршалъ графъ Минихъ, во главѣ отряда изъ сорока гренадеръ изъ стражи, стоявшей у зимняго дворца, явился въ лѣтній дворецъ и, по словесному приказанію принцессы Анны Леопольдовны, арестовалъ регента въ его постели, а къ шести часамъ регентъ и все курляндское семейство уже находились подъ стражей въ зимнемъ дворцѣ. Вслѣдъ за ними арестованы были и также доставлены въ зимній дворецъ генералъ Биронъ и новый кабинетъ-министръ, Бестужевъ. Затѣмъ ко двору немедленно собраны были всѣ сановники и принцесса Анна Леопольдовна, какъ ваше превосходительство увидите изъ прилагаемаго перевода манифеста, изданнаго именемъ сына ея, объявлена великой княгиней съ титуломъ «императорскаго высочества», при чемъ на нее возложено было и государственное управленіе на время малолѣтства Императора.

Послѣ полудня герцогъ съ супругою, дочерью и младшимъ сыномъ отправлены были въ Шлиссельбургскую крѣпость на Ладожскомъ озерѣ (старшій сынъ все еще боленъ, потому остался здѣсь подъ арестомъ). Въ тотъ же вечеръ генералъ Биронъ и кабинетъ-министръ Бестужевъ отправлены въ Ивангородъ (противъ Нарвы),

the same afternoon to Iwangorod, opposite to Narva, and orders are sent to seize general Biron, the other brother, and general Bismarc, who married the duchess of Courland's sister. The first commands at Moscow, the last at Riga.

Yesterday a Te Deum was sung, and after that ceremony the grand duchess appeared with the blue ribbond, and the following promotions were declared in the young Czar's name:

The prince of Brunswick is made lieutenant-colonel of the horse guards, lately prince Peter's of Courland; his highness is also declared generalissimo. This last was offered to count Munich, but he declined it, and desired the army might have the honour to be commanded by the father of their sovereign.

The field-marshal Munich is made prime-minister and is to lodge in the late regent's house, joining the palace.

Count Osterman—lord high admiral; prince Czercasky—great-chancellor; count Goloffkin, brother of the ambassador,—vice-chancellor; prince of Hesse-Homburgh—lieutenant-colonel either of Simonowski (late prince of Brunswick) or Ismaylowski (late Biron). The prince of Brunswick has resumed the command of the Simonowski regiment, which he lately resigned, and is now first lieutenant-colonel, general Ushakoff, who was so before, giving place to his

---

а также отправлены распоряженія объ арестѣ генерала Бирона (другаго брата регента) и генерала Бисмарка, женатаго на сестрѣ герцогини курляндской. Первый командуетъ войсками, расположенными въ Москвѣ, другой — войсками, стоящими въ Ригѣ.

Вчера происходило молебствіе, послѣ котораго великая княгиня вышла въ голубой лентѣ и именемъ юнаго Императора провозглашены слѣдующія повышенія:

Принцъ брауншвейгскій назначенъ подполковникомъ конной гвардіи, состоявшей до сихъ поръ подъ командой принца Петра курляндскаго. Кромѣ того его высочество объявленъ генералиссимусомъ. Званіе это предложено было фельдмаршалу Миниху, но онъ уклонился отъ него, изъявивъ желаніе, чтобы армія удостоилась чести состоять подъ командою отца своего Государя.

Фельдмаршалъ Минихъ назначенъ первымъ министромъ и будетъ проживать въ домѣ бывшаго регента, соприкасающемся съ зимнимъ дворцомъ.

Графъ Остерманъ назначенъ генералъ-адмираломъ; князь Черкасскій — канцлеромъ, графъ Головкинъ (братъ посла) — вице-канцлеромъ; принцъ гессенъ-гомбургскій — подполковникомъ или семеновскаго (бывшаго принца брауншвейгскаго), или измайловскаго (бывшаго Бирона) полка. Принцъ брауншвейгскій вновь принялъ семеновскій полкъ, отъ котораго недавно отказался, и состоитъ теперь старшимъ его подполковникомъ. Это мѣсто уступилъ ему занявшій

highness. The grand-marshal count Lewenwolde is to have all his debts paid, which amounts to 80 m. roubles. The field-marshal Trubetzkoy, the prince of Hesse-Homburgh's father in law, has a sum of 10 m. roubles, which he borrowed of the crown, remitted to him. General Ushakoff, count Golowin and prince Kurakin have the blue ribbond of St. Andrew. M-rs Streschneff, count Osterman's brother in law, Yusupoff, vice-governor of Moscow, and Mengden, president of the college of commerce, have the red ribbond order of St. Alexander, and the last is also made privy counsellor.

Countess Munich, the field-marshal's lady, is to have the precedency immediately after the princesses of the blood, and his brother, baron Munich, has a present of 20 m. roubles to pay his debts.

The field-marshal Munich's adjutant-general, Manstein, who was chiefly employed in the seizure of the duke, is made colonel of the regiment of Astrakhan, late Bismarc's. It is reckoned one of the best field regiments in the service and is in quarters here He is however to remain with the count Munich notwithstanding his advancement.

I was at the winter palace yesterday morning to make my court, but the grand duchess and the prince of Brunswick excused their receiving any foreign ministers till the mourning was ready, and then the day will be notified to us when we are to go to court.

его было генералъ Ушаковъ. За оберъ-гофмаршала Левенвольде платятъ всѣ его долги (до 80-ти тысячъ рублей). Фельдмаршалу князю Трубецкому, тестю принца гессенъ-гомбургскаго, прощенъ долгъ его казнѣ въ 10 тысячъ рублей. Генералъ Ушаковъ, графъ Головкинъ и князь Куракинъ получили голубую андреевскую ленту; Стрѣшневъ (шуринъ графа Остермана), Юсуповъ (московскій вице-губернаторъ) и Менгденъ (предсѣдатель коммерцъ-коллегіи) — красную ленту св. Александра-Невскаго. Послѣдній кромѣ того произведенъ въ тайные совѣтники.

Графиня Минихъ, супруга фельдмаршала, занимаетъ на выходахъ первое мѣсто, немедленно вслѣдъ за принцессами крови, а брату фельдмаршала, барону Миниху, данъ подарокъ въ 20 тысячъ рублей на уплату долговъ.

Старшій адъютантъ фельдмаршала Миниха, Манштейнъ, главный дѣятель при арестѣ герцога, назначенъ полковникомъ астраханскаго (бывшаго Бисмарка) полка, признаваемаго однимъ изъ лучшихъ полковъ дѣйствующей арміи, и расположеннаго въ Петербургѣ. Не смотря на такое повышеніе, Манштейнъ остается, однако, при фельдмаршалѣ.

Я былъ въ зимнемъ дворцѣ съ привѣтомъ вчера поутру, но великая княгиня и принцъ брауншвейгскій извинились, что не могутъ принимать членовъ дипломатическаго корпуса, пока не устроится трауръ. О днѣ, когда можно будетъ явиться ко двору, мы будемъ оповѣщены.

M-r de la Chetardie sent also one of his gentlemen to know, whether he might not have the honour to wait on their highnesses incognito, having, as he said, deposed his character of ambassador pro interim. The same answer was returned to him.

I was to wait on the field marshal Munich this evening. His excellency did me the honour to receive me with that kindness, which he has always shown me. General Lubras, who officiates on such extraordinary occasions as master of the ceremonies, came in, and had just before notified in person this great event to m-r de la Chetardie, telling me that the counsellor Heininger had orders to do the same to all the foreign ministers, and, on my return home I find that he has been at my house in my absence.

Count Osterman will still have the department of foreign affairs.

This great change has been conducted with a tranquility, which nothing can equal but the general joy it has produced.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

№ 78. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Whitehall, November the 14th 1740.

I have received and laid before the king, as soon as they came to my hands, your several dispatches of the 11th, 14th, 18th and 21st of October,

---

Шетарди тоже посылалъ одного изъ своихъ приближенныхъ спросить, не можетъ ли удостоиться чести посѣтить ихъ высочества инкогнито, такъ какъ, по его словамъ, онъ par interim сложилъ съ себя званіе посла. И ему данъ былъ тотъ же отвѣтъ.

Я былъ сегодня вечеромъ съ визитомъ у графа Миниха. Его сіятельство сдѣлалъ мнѣ честь — принялъ меня съ тою же любезностью, какую выказывалъ мнѣ и прежде. Генералъ Любрасъ, на котораго обыкновенно возлагаются пріемы, какъ на оберъ-церемоніймейстера, вышелъ ко мнѣ. Онъ только что лично оповѣстилъ о совершившемся переворотѣ маркиза де ла Шетарди, и сказалъ мнѣ, что оповѣщеніе всѣхъ прочихъ представителей иностранныхъ государствъ возложено на совѣтника Гейнингера. Дѣйствительно, возвратясь домой, я узналъ, что Гейнингеръ былъ у меня, но не засталъ меня дома.

Графъ Остерманъ будетъ по прежнему завѣдывать иностранными дѣлами.

Весь этотъ переворотъ произошелъ со спокойствіемъ, которому возможно приравнять развѣ общую радость, имъ вызванную.

№ 78. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Уайтгэлль, 14-го ноября 1740 г. (25-го ноября н. ст.).

Я получилъ и немедленно по полученіи предъявилъ королю ваши донесенія отъ 11, 14, 18 и 21 октября. Его величество пораженъ былъ глубочайшею печалью при

and His Majesty was struck with the deepest concern imaginable upon the most melancholic news of the death of the Czarinna, for whom he always had the greatest regard and friendship.

Your letter of the 21st was brought to me by prince Scherbatow's estafette, who was also charged with letters to the king from the young Czar and the duke of Courland, notifying Her Czarish Majesty's demise, which the said minister proposed to deliver within a few days; and after he has so done, I shall prepare answers to them for His Majesty's signing, and send them to you without loss of time, and in the mean while I am to acquaint you, that His Majesty is very well satisfied with your diligence in transmitting the several occurences of moment, which pass at your court, and your application in carrying on the negociation committed to your charge, and I hope soon to receive the project by the messenger you intended to dispatch, till whose arrival I must wait before I can send you any further directions thereupon from His Majesty.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

№ 79. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, November the 15th 1740.

I had the honour to inform your lordship the 11th instant of our great revolution the 9th, which, according to all appearance, cannot fail to put the

---

грустномъ извѣстіи о кончинѣ Царицы, къ которой всегда относился съ величайшимъ уваженіемъ и дружелюбіемъ.

Донесеніе ваше отъ 21-го пришло ко мнѣ съ эстафетой князя Щербатова, съ которой прибыли и письма королю отъ юнаго Царя и герцога курляндскаго съ увѣдомленіемъ о кончинѣ покойной Государыни. Князь думаетъ вручить ихъ черезъ нѣсколько дней. Едва они будутъ получены, я изготовлю отвѣтъ и, по подписаніи его королемъ, не теряя времени, отправлю къ вамъ. Пока могу только увѣдомить, что его величество чрезвычайно доволенъ вашими заботами о своевременномъ сообщеніи всѣхъ событій, совершающихся при русскомъ дворѣ, и вашими стараніями по дѣлу о порученномъ вамъ договорѣ. Надѣюсь въ непродолжительномъ времени получить проектъ черезъ курьера, котораго вы собираетесь отправить; прибытія его буду ждать и для сообщенія вамъ дальнѣйшихъ инструкцій его величества.

№ 79. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 15-го ноября 1740 г. (26-го ноября н. ст.).

11-го ноября я имѣлъ честь увѣдомить ваше превосходительство о великомъ переворотѣ свершившемся 9-го, который — по всѣмъ вѣроятіямъ — поставитъ рус-

affairs of this country on a more settled footing, since the grand duchess being charged with the guardianship of her son, and taking upon herself the administration of his vast dominions during his minority, must be thought by everybody to be the most natural form of government. Happy had it been for the late regent had he followed the wise advice of some, rather than the delusive flatteries of others, and thrown things originally into this prudent and salutary shape. He might then have secured his retreat with safety and reputation, to enjoy a great affluence of wealth and the sovereignity of a no inconsiderable duchy, under the protection of this country, which would have had a visible interest in supporting him there. He would thereby have, humanely speaking, fixed the greatest vicissitude of the most amazing fortune almost ever seen; whereas, by grasping at still more and aiming still higher, he must now lose all and be precipitated not only into a lower condition than his original one was, but also into the most deplorable one to which humanity can be exposed. And this is so true, that the field-marshal adjutant Wolfrod, who was sent the 12th to redemand their jewels, reports the scene of desolation he found at Shlusselburgh so strong, that he, who never dropped a tear on the death of his father and mother, both which he truely loved, yet he could not help sheding a flood of them at so moving a sight. The officer adds, that, when he shewed his order for the jewels and

---

скія дѣла на болѣе прочную ногу, такъ какъ великая княгиня, являясь охранительницею сына и принявъ на себя управленіе обширными его владѣніями на время его малолѣтства, осуществляетъ, полагаю, самую естественную форму правленія. Было бы большимъ счастіемъ для бывшаго регента, если бы онъ послѣдовалъ мудрому совѣту нѣкоторыхъ лицъ, а не обманчивой лести, и съ самаго начала повелъ дѣло къ настоящему осторожному и благому концу. Такимъ образомъ онъ подготовилъ бы себѣ безопасное и почетное отступленіе, и могъ бы наслаждаться накопленнымъ значительнымъ богатствомъ и немаловажнымъ герцогствомъ подъ покровительствомъ правительства, явно заинтересованнаго въ его поддержкѣ. Онъ такимъ образомъ упрочилъ бы за собою, говоря откровенно, результаты замѣчательныхъ треволненій, изумительнаго, небывалаго счастія; между тѣмъ какъ домогаясь все бо́льшаго и бо́льшаго, преслѣдуя цѣли все болѣе и болѣе запосчивыя, онъ теперь теряетъ все, и повергнутъ не только ниже, чѣмъ когда либо стоялъ, но въ одно изъ наиболѣе жалкихъ положеній, возможныхъ для человѣка. Это на столько вѣрно, что адъютантъ фельдмаршала, Вольфродъ, посланный 12-го къ герцогу за драгоцѣнностями, разсказываетъ, будто въ Шлиссельбургѣ встрѣтилъ картину полнаго отчаянія; онъ, не проливщій ни единой слезы при смерти отца и матери, которыхъ искренно любилъ, не могъ удержаться отъ потока слезъ. Офицеръ этотъ прибавляетъ, что, когда онъ показалъ при-

that they were to sign a certificate that all were delivered up, the duke changed colour and never spoke a word after, but the duchess threw herself at his feet and, in the way here, embracing his knees, entreated him to intercede for mercy for so unfortunate a family.

The adjutant had orders also to leave them only the black cloaths they had on and some linnen, four hundred roubles of about as many thousand they carried with them. He brought back also the duchess's plain repeating watch, her gold snuff box, and a purse of 170 ducats prince Charles had in his pocket, which three last at his return were given to him by the grand duchess.

As the regency is abolished, the title of «Hoheit» or «serene highness» is superseded, and it is said, that all acts, which the late regent had signed, will be cancelled and new ones substituted in their place, that his name may never appear in any record. It is also supposed that their several orders, both of St. Andrew and the White eagle, are resumed.

The eldest prince followed the rest of his family the 12th in the evening and, till the moment he set out, thought, that he was following it to Courland.

The circular notification sent to all the foreign ministers was to this effect, «that, as the regent had in several important points departed from

---

казаніе о выдачѣ драгоцѣнностей, и пригласилъ заключенныхъ подписью засвидѣтельствовать, что ими выдано все, герцогъ измѣнился въ лицѣ и не сказалъ ни слова, герцогиня же бросилась къ ногамъ Вольфрода и, — по здѣшнему обычаю — обнимая его колѣна, молила ходатайствовать о милости несчастной семьѣ.

Адъютанту приказано было также оставить заключеннымъ только надѣтыя на нихъ черныя одежды, немного бѣлья и четыреста рублей изъ четырехсотъ (приблизительно) тысячъ, захваченныхъ ими было съ собою. Остальныя деньги онъ привезъ сюда обратно, а вмѣстѣ и часы герцогини съ простой репетиціей, ея золотую табакерку, и кошелекъ съ 170 дукатами, взятый изъ кармана принца Карла. При возвращеніи Вольфрота три послѣднія вещи великая княгиня отдала ему.

Съ уничтоженіемъ регентства уничтожены и титулы «Hoheit», «altesse sérénissime»; всѣ акты, подписанные бывшимъ регентомъ, уничтожаются и замѣняются новыми, дабы имя его никогда не попадалось ни въ одномъ учрежденіи. Полагаютъ, что пожалованные регентомъ ордена св. Андрея и Бѣлаго Орла будутъ отобраны.

Старшій принцъ курляндскій послѣдовалъ за остальными членами семьи 12-го вечеромъ, и до самаго момента отъѣзда полагалъ, что настигнетъ своихъ въ Курляндіи.

Въ циркулярной нотѣ, обращенной къ представителямъ иностранныхъ государствъ по поводу переворота, значится: «Регентъ во многомъ отступилъ отъ воли покойной

Her late Majesty's constitution, which appointed him such, particularly in not shewing that regard and respect for the imperial family and especially for the parents of their sovereign, and that he was fruming several very dangerous designs against the welfare and supply of Russia, the princess Anne, at present grand duchess, had thought proper to seize his person, and by the advice of the synod, generality and senate, to depose him from his regency; that it had moreover been found necessary to secure his person, and to keep him in this country for some time, till his past conduct could appear in a clearer light.»

On this occasion the saxon secretary, Petzold, took an opportunity to let drop to the field-marshal Munich, that, though he could have no orders, yet he thought it his duty to insinuate to his excellency, without entering into anything as to the duke's relation to his country, that he did not doubt but a proper attention would be given to the duke's relation to the king and republic of Poland in his quality of feudatory of both; and his excellency replied, that this court would on this occasion so conduct itself, as to be able to justify its conduct towards God and men.

I hear that the jew Leipman, who originally bought the jewels, says, that if they are all there, their value will amount to three millions of roubles, above £ 650,000 st., — an immense sum and almost incredible, even should there only be half of their value.

Императрицы, что особенно проявилось въ недостаточно внимательномъ и почтительномъ отношеніи къ императорской фамиліи, преимущественно къ родителямъ Государя; онъ кромѣ того питалъ замыслы, весьма опасные для благосостоянія и безопасности Россіи. По сему принцесса, нынѣ великая княгиня, Анна Леопольдовна, признала нужнымъ арестовать его и, по совѣщаніи съ синодомъ, генералитетомъ и сенатомъ, лишить его регентства, и кромѣ того на нѣкоторое время, до полнѣйшаго разъясненія его поведенія, арестовать его и задержать въ предѣлахъ имперіи».

По этому поводу саксонскій секретарь, Пецольдъ, воспользовался случаемъ намекнуть фельдмаршалу Миниху, что онъ, хотя и не получалъ инструкцій отъ своего двора, и отнюдь не входитъ въ разсмотрѣніе отношеній герцога къ Россіи, тѣмъ не менѣе не сомнѣвается, что русское правительство приметъ во вниманіе вассальныя отношенія герцога къ королю польскому и рѣчи посполитой. Фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Русскій дворъ въ этомъ случаѣ будетъ вести себя такъ, чтобы поведеніе его могло быть оправдано Богомъ и людьми.»

Я слышалъ, будто еврей Липманъ, покупавшій драгоцѣнности для герцога, высказалъ, что цѣнность ихъ — если онѣ всѣ на лицо—доходитъ до трехъ милліоновъ рублей, т. е. болѣе чѣмъ до 650.000 ф. ст. — сумма огромная, почти невѣроятная, даже если стоимость ихъ удвоена.

The several persons of the duke's family are removed from count Golowin's house just by the court, which had been hired for them, and the marshal Keyserling is gone to lodge for some time at his brother in law's, m-r Brevern, who has been made a privy counsellor actual.

The other m-r Keyserling, who was minister of Wolfenbuttel and had the directions of the oeconomies and affairs of Courland, set out from hence wednesday or thursday evening, whether for that country, for Brunswick, or where is not yet certainly known.

Young count Munich, who was about three weeks ago made master of the great-duchess' household, was as many days ago declared grand-master of it.

Several of the english merchants were thursday, the 13th, to wish baron Mengden, president of the college of commerce, joy on his new order of St. Alexander and title of privy counsellor. He did them the honour to present them to the field-marshal count Munich, who at present lodges with the president. His excellency received them very graciously and talked to them much on the reciprocal interest, which united the two crowns, of which he was too much convinced not to contribute all in his power to cement and cultivate that happy and good understanding, which actually subsisted between them, and in the most obliging manner his excellency offered them

---

Приближенные герцогской семьи удалены изъ дома графа Головина, соприкасающагося съ дворцомъ, который нанимался для нихъ, а гофмейстеръ Кайзерлингъ переѣхалъ на время въ домъ своего родственника Бреверна, произведеннаго въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Другой Кейзерлингъ, представитель герцога вольфенбюттельскаго, завѣдующій имѣніями герцога и его курляндскими дѣлами, выѣхалъ отсюда въ среду или въ четвергъ вечеромъ въ Курляндію или Брауншвейгъ, пока еще въ точности неизвѣстно.

Молодой графъ Минихъ, три недѣли тому назадъ назначенный гофмаршаломъ двора великой княгини, въ настоящее время пожалованъ оберъ-гофмаршаломъ.

13-го, въ четвергъ, всѣ англійскіе купцы являлись къ президенту коммерцъ-коллегіи, графу Менгдену, съ поздравленіемъ вслѣдствіе награжденія его орденомъ св. Александра Невскаго и чиномъ тайнаго совѣтника. Онъ удостоилъ ихъ представленія фельдмаршалу графу Миниху, проживающему въ настоящее время вмѣстѣ съ президентомъ. Фельдмаршалъ принялъ ихъ очень любезно и много толковалъ съ ними о взаимности интересовъ, соединяющей дворы великобританскій и русскій, въ которой онъ слишкомъ увѣренъ, чтобы не содѣйствовать всѣми мѣрами укрѣпленію и развитію счастливыхъ и добрыхъ отношеній, нынѣ существующихъ между этими дворами. Затѣмъ онъ самымъ любезнымъ образомъ обѣщалъ всегда помогать имъ во всемъ, что

his service in whatever might be for the general advantage of their trade or for the private one of each individual. They were all extremely pleased with this reception and some of them came to make me a report of it, which they knew must be infinitely agreeable to me.

I was last night to thank his excellency, but had not the good luck to find him at home.

This court goes into mourning to-morrow; mine is ready, but I shall wait, as all the other foreign ministers will do, for the day the grand duchess will appoint for our going to pay our court to her.

Probably Her late Majesty's funeral will now be thought of, since the river, which was ferried over in boats before my door yesterday in the afternoon, is now so froze, that I saw people from my windows this morning crossing it on foot.

The prince of Brunswick, in quality of generalissimo of all the forces, both by sea and land, begun yesterday to give the word to the guards and marines; it was «Iwan» yesterday and «Anne» to-day.

I transmit a copy of a report drawn in french by m-r Manstein and a printed paper in german of all the preferments and other graces distributed on this occasion.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

можетъ содѣйствовать обоюдной выгодѣ англійскихъ и русскихъ торговцевъ или частнымъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ. Такой пріемъ произвелъ на купцовъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе и многіе изъ нихъ пришли подѣлиться имъ со мною, зная сколько это доставитъ мнѣ удовольствія.

Вчера вечеромъ я посѣтилъ фельдмаршала, дабы поблагодарить его, но мнѣ не посчастливилось застать его.

Трауръ открывается при дворѣ завтра. Мой трауръ также готовъ, но я, также какъ и всѣ прочіе представители иностранныхъ государствъ, подожду надѣвать его до того дня, который великая княгиня назначитъ намъ для визита къ ней.

Теперь, вѣроятно, подумаютъ и о погребеніи усопшей Государыни, такъ какъ рѣка, черезъ которую еще вчера послѣ полудня переѣзжали на лодкахъ противъ дверей моего дома, теперь замерзла на столько, что я еще поутру видѣлъ изъ оконъ, какъ пѣшеходы переправляются черезъ нее по льду.

Принцъ брауншвейгскій, въ качествѣ генералиссимуса всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, со вчерашняго дня назначаетъ пароль гвардіи и морякамъ. Вчера пароль была «Іоаннъ», сегодня — «Анна».

Прилагаю копію съ рапорта, поданнаго Манштейномъ на французскомъ языкѣ, а также печатный указъ на нѣмецкомъ языкѣ о всѣхъ производствахъ и прочихъ милостяхъ по случаю свершившагося переворота.

№ 80. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, November the 18th 1740.

I have deferred transmitting to your lordship any of the particulars, which have been so variously reported, relating to the seizure of the late regent's person, till, by comparing them together and talking with those, who must be best informed of the truth of them, I could fix on such, as may, I believe, be founded on good authority and are to be depended on.

From the result of these inquiries I may assure your lordship, that the great duchess and the field-marshal Munich were only privy to this design, and that the design itself was proposed and the execution of it resolved only the day before, to which I shall return presently, but it will be first necessary to premise the true state of things before this great stroke was given, for, by the nature of this government, nobody almost dares think, much less say, anything, even between four eyes, but what is agreeable to the present power. And this precaution was still more necessary and more strictly observed by the extraordinary suspicions and jealousies of the duke of Courland during the plenitude of that absolute authority, with which the regency had vested him.

From this principle a very plausible turn was given to the prince of

---

№ 80. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 18-го ноября 1740 г. (29-го ноября н. ст.).

Я медлилъ сообщеніемъ вашему превосходительству подробностей ареста регента, которыя разсказывались очень различно, пока, сравнивъ разсказы между собою, и переговоривъ съ лицами, которыя должны знать правду, не получилъ возможности изложить дѣло по источникамъ, достойнымъ довѣрія.

Вслѣдствіе сдѣланнаго разслѣдованія могу увѣрить ваше превосходительство, что въ замыслѣ о низверженіи регента участвовали исключительно великая княгиня и фельдмаршалъ Минихъ; оно предложено было, и выполненіе его рѣшено едва наканунѣ переворота. Сейчасъ возвращусь къ этому предмету, но считаю нужнымъ предпослать очеркъ положенія, предшествовавшаго нанесенію главнаго удара. Здѣшнее правительство таково, что никто не смѣетъ даже подумать, не только хотя бы съ глазу на глазъ сказать что бы то ни было непріятное господствующей власти. Осторожность особенно необходима была и строго соблюдалась при чрезвычайно подозрительномъ и ревнивомъ къ власти герцогѣ курляндскомъ, который въ качествѣ регента облеченъ былъ силою самодержавною.

Весьма осязательное доказательство такого положенія дѣлъ представило устра-

Brunswick's resigning all his posts in the army, but at the same time a very different one from the true motive; for his highness really retired from the service thereby to withdraw himself from being under the immediate command of the regent, and to stand in the separate and independent light of a foreign prince, the husband of a princess of Russia it is true, but at the same time father of the prince on the throne; thereby to screen himself from all the repeated ill usage he received from the regent, and to be at full liberty to retire out of the country, if the same ill treatment had continued,—a resolution which his highness probably did think of and would have executed, if it had been in his power and the regency had not been set aside.

Moreover the prince of Brunswick's never appearing anywhere, nor stirring a step out of the winter palace, which was attributed to his desire not to give any umbrage to the late regent, was really owing to a sort of civil arrest from the duke of Courland under the specious pretext, that, after the indiscret and mutinous discourses (as they were called) of his adjutant and other officers of his regiment, his highness' person might be too much exposed to the resentment of the people, for the duke, by a strange fatality and blindness of his own, augmented by the flattery of others, was firmly persuaded, that he was to the last degree popular and in full possession of

---

веніе герцога брауншвейгскаго отъ всѣхъ его должностей по арміи, и притомъ подъ предлогомъ совершенно несогласнымъ съ дѣйствительностью. Собственно, его высочество удалился со службы, дабы не состоять подъ непосредственнымъ начальствомъ регента, дабы принять положеніе независимаго принца иностраннаго дома, хотя и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ супругомъ русской принцессы и отцомъ царствующаго монарха. Онъ желалъ избавиться отъ непрестанныхъ оскорбленій со стороны регента и получить полную возможность возвратиться въ отечество въ случаѣ, если-бы дурное обращеніе съ нимъ герцога курляндскаго не прекратилось. Очень вѣроятно, что его высочество останавливался на этомъ рѣшеніи и выполнилъ бы его, будь это въ его власти и если-бы регентство не было устранено.

Кромѣ того, если принцъ брауншвейгскій никуда не являлся, не дѣлалъ шагу изъ зимняго дворца, и это объяснялось его желаніемъ не затѣнять собою бывшаго регента, то въ дѣйствительности замкнутость эта была слѣдствіемъ извѣстнаго рода домашняго ареста, наложеннаго на принца герцогомъ курляндскимъ подъ благовиднымъ предлогомъ, что вслѣдствіе нескромныхъ и мятежныхъ рѣчей (таковыми ихъ по крайней мѣрѣ признавали) адъютанта его высочества и другихъ офицеровъ его полка, принцъ, выходя, подвергался бы опасности испытать неудовольствіе народное. Герцогъ, по какому-то роковому самоослѣпленію, которое поддерживалось лестью приближенныхъ,

the affection of everybody of what rank degree or profession soever, interpreting the implicit submission to his power to be a true attachment to his person.

From the same principle the frequent visits, which passed between the then princess Anne and the late regent, were represented as so many marks of their being on good terms together, and that her highness was employing her good offices and mediation to set things right between the prince, her husband, and the regent upon the incident of the adjutant and the other officers seized, for there was no concealing a transaction so public nor preventing people's private reflections on the consequences of it, whereas it since appears, that all these visits passed with great warmth and continual altercations, and it is assured, that the late regent forgot himself so far, as to tell the princess Anne, that it depended on his will to send her highness and the prince her husband into Germany, and that there was a duke of Holstein in the world, which he could, if he was forced to it, would send for to Russia.

After such a declaration the breach must be irreparable, for the princess has too fine and lively parts not to have foreseen what she might expect, and too much spirit and resolution not to have resented and prevented also such a rash and bold design of the duke of Courland.

былъ твердо увѣренъ въ чрезвычайной своей популярности, въ общемъ къ себѣ расположеніи людей всякаго чина и званія, объясняя личною къ себѣ привязанностью то, что являлось безотчетною покорностью его власти.

Точно также частыя свиданія регента съ принцессою Анною Леопольдовной принимались за доказательство ихъ добрыхъ отношеній, приписывались заботамъ ея высочества о прекращеніи личнымъ посредничествомъ неудовольстій между принцемъ-супругомъ и регентомъ по дѣлу адъютанта и другихъ арестованныхъ офицеровъ; между тѣмъ за свиданіями этими таились не переговоры, не желаніе предупредить толки частныхъ людей о размолвкѣ регента съ принцемъ; свиданія эти, какъ оказалось, проходили въ весьма горячихъ постоянныхъ препирательствахъ, при которыхъ бывшій регентъ, говорятъ, забывался до того, что однажды высказалъ даже Аннѣ Леопольдовнѣ будто отъ его воли зависитъ выслать и ее, и супруга ея въ Германію, а также — что есть на свѣтѣ герцогъ голштинскій, котораго онъ, регентъ, если будетъ къ тому вынужденъ, выпишетъ въ Россію.

Послѣ такого заявленія всякое соглашеніе стало невозможнымъ, такъ какъ принцесса слишкомъ тонко и жизненно глядитъ на вещи, чтобы не понять, чего можно ожидать при такихъ обстоятельствахъ, а также слишкомъ умна и рѣшительна, чтобы не почувствовать и не предупредить неосмотрительныхъ и смѣлыхъ замысловъ герцога курляндскаго.

This was the posture of affairs on saturday morning, the 8th instant, when count Munich was with the princess Anne to present some cadets for her highness' choice of pages, and at this interview, they two being alone, either the princess begun the conversation or his excellency by taking notice that something seemed to hang on her spirits (and he could not be unacquainted with the reasons) gave occasion to it.

Your lordship will easily imagine that when her highness had once taken the resolution to open herself to his excellency, a princess of her lively parts would not want expressions to paint out her situation in the strongest and most moving terms. In effect she told the field-marshal, that from the moment Her late Majesty expired, she and the prince, her husband, had been continually exposed to the greatest insults and affronts, and that they had lived in such continual apprehensions of the regent's violence, that they seemed to have no other party left but to retire out of the country,—a resolution they might soon determine upon, and therefore she earnestly desired, that in that case the field-marshal would employ all that interest and credit he had with the duke, that they might have leave to take their child with them to secure him from all that danger to which the sovereign of Russia might be exposed, was he left in the hands of his own and parents enemy.

Upon this the field-marshal asked the princess—whether she had ever

---

Въ этомъ положеніи стояло дѣло въ субботу поутру, 8-го ноября, когда графъ Минихъ явился къ Аннѣ Леопольдовнѣ, дабы представить ей нѣсколькихъ кадетъ, для выбора пажей ея высочеству. При этомъ свиданіи они оказались одни, и не знаю, принцесса-ли начала разговоръ, или фельдмаршалъ подалъ поводъ къ разговору, спросивъ о причинѣ озабоченнаго вида ея высочества (хотя причинъ ея озабоченности онъ не могъ не знать).

Ваше превосходительство легко представите себѣ, что, разъ принцесса рѣшилась открыться фельдмаршалу, она, при своемъ живомъ характерѣ нашла, и достаточно сильныя выраженія для изображенія своего положенія въ самыхъ яркихъ и трогательныхъ краскахъ. Она разсказала фельдмаршалу, что съ первой минуты кончины покойной Государыни и она, и принцъ-супругъ безпрерывно подвергаются величайшимъ оскорбленіямъ и обидамъ; что они живутъ подъ непрерывнымъ опасеніемъ насилія со стороны регента, и, кажется, имъ не остается другаго выхода, какъ выѣхать изъ Россіи; что они, вѣроятно, вскорѣ и примутъ такое рѣшеніе, потому просятъ фельдмаршала употребить всю свою силу и вліяніе у герцога, дабы въ такомъ случаѣ имъ разрѣшено было взять съ собою сына, съ цѣлью охранить самодержца всероссійскаго отъ опасностей, которыми онъ оказался бы окруженнымъ, оставаясь въ рукахъ лицъ, враждебныхъ и ему, и его родителямъ.

Фельдмаршалъ спросилъ принцессу: не открывала ли она свою душу когда ни-

opened herself on this subject to anybody? She assured him that she had not to any soul living, nor knew any but himself she could trust with so important a secret. He then asked—whether her highness could do him the honour to repose an entire confidence in him and in him only? The princess assured him of both; upon which the field-marshal said that in that case all the ties of duty to his sovereign, to whom he had sworn allegeance, of attachment to her highness and the prince, her husband, the parents of that sovereign, and of an utter abhorrence of the regent's violent and iniquitous conduct, (though he himself had greatly contributed to this regency out of a firm conviction, that if the duke had not been made regent, he never would have determined Her late Majesty to have appointed her successor, by which means Russia would have been plunged into all the horrors and distractions of an uncertain litigated succession, which might have ended in the utter ruin of the country)... the field-marshal said that all these considerations would determine him to risk his life, his fortune and destruction of his family in order to serve her highness to extricate her and her family out of these difficulties and dangers and to deliver Russia once for all from such a tyrannical and fatal regency.

The princess was struck with the warmth of these assurances, and represented to the field-marshal all the dangers to which he was going to expose

---

будь кому бы то ни было по этому поводу?—«Ни одной живой душѣ», отвѣчала принцесса, «да и не знаю никого, кому бы, кромѣ васъ, могла довѣриться съ такой важной тайной». Тогда графъ спросилъ—не удостоитъ ли ея высочество его чести вполнѣ довѣриться ему; и именно ему одному? Принцесса увѣрила графа въ своей готовности на то и другое. «Въ такомъ случаѣ», сказалъ фельдмаршалъ, «узы долга по отношенію къ моему Государю, въ вѣрности которому я присягалъ, привязанность къ вашему высочеству и къ принцу—вашему супругу, какъ къ родителямъ Государя, полное отвращеніе къ рѣзкому и самовольному поведенію регента (между тѣмъ фельмаршалъ самъ много содѣйствовалъ водворенію регентства въ твердой увѣренности, что, не имѣй герцогъ ввиду регентства, онъ никогда бы не склонилъ покойную Императрицу назначить наслѣдника, и Россія подверглась бы всѣмъ ужасамъ и потрясеніямъ споровъ о престолонаслѣдіи, способнымъ довести страну до совершеннаго разоренія)—все вмѣстѣ внушаетъ мнѣ рѣшимость,—вопреки опасности потерять жизнь, имущество, погубить семью,— послужить вашему высочеству, вырвать васъ и семейство ваше изъ окружающихъ затрудненій и опасностей, освободить Россію разъ на всегда отъ тираніи пагубнаго регентства».

Анна Леопольдовна поражена была горячностью такихъ увѣреній и напомнила фельдмаршалу, какой опасности онъ подвергаетъ себя и все ему дорогое за людей,

himself and everything dear to him for persons, as her highness added, who might never have an opportunity either to convince him of their gratitude or to recompense his services. No doubt the same danger to which her highness and everything dear to her also would be exposed, must at the same time present itself strongly to her ideas; however, upon recollecting all that resolution and firmness, which distinguish her character, she told the field-marshal, that, if anything could be done, it must be done soon, for no time was to be lost; notwithstanding which the princess proposed to consult the grand-marshal Levenwolde, but the field-marshal replied that her highness had promised to confide in him entirely and alone, besides that he did not desire to involve anybody unnecessarily in the danger he exposed himself to for her service, if the means he proposed to employ should miscarry; that he had now nothing more to do than to think of and digest those means and then execute them, and that he would wait on her highness again the same evening.

I have had all these circumstances from the field-marshal's own mouth, and, as people might think, that he had great obligations and professed as great attachments to the regent, his excellency went on to tell me, that he however had always been under hand traversed by the duke, who had always had a great jealousy of him; that he knew very well that the duke two years ago told some of his confidents, that, if ever he was unfortunate, he should be

---

которымъ, прибавила принцесса, быть можетъ никогда не представится случая доказать ему свою благодарность или наградить его за услуги. Въ то же время ей несомнѣнно должны были притти на мысль также опасности, которымъ она подвергаетъ и себя, и близкихъ; тѣмъ не менѣе, собравъ всю рѣшимость и твердость духа, ее отличающую, принцесса сказала фельдмаршалу: «Если что либо сдѣлать возможно, надо дѣйствовать быстро, такъ какъ времени терять нельзя». Принцесса предложила было посовѣтоваться съ обергофмаршаломъ Левенвольде, но фельдмаршалъ напомнилъ ей обѣщаніе довѣриться ему вполнѣ, исключительно, и прибавилъ, что къ тому же не желаетъ, въ случаѣ неудачи, напрасно вовлекать кого бы то не было въ опасность, на которую идетъ ради ея высочества; что ему остается только обдумать и сообразить средства, а затѣмъ привести дѣло въ исполненіе; что онъ еще разъ посѣтитъ ея высочество вечеромъ.

Всѣ эти подробности переданы мнѣ фельдмаршаломъ лично, а такъ какъ многіе склонны думать, что онъ много обязанъ регенту и всегда выказывалъ ему большую привязанность, фельдмаршалъ снизошелъ до разсказа о томъ, какъ герцогъ, опасаясь его, всегда мѣшалъ ему изъ-подъ-тишка; какъ два года тому назадъ герцогъ высказывалъ своимъ приближеннымъ, что если съ нимъ когда-нибудь приключится бѣда, онъ будетъ обязанъ ей Миниху. То же онъ повторялъ близкимъ людямъ уже и во

so by him, the field-marshal, and that since the regency the duke had told the same confidents, that, as the field-marshal was the only person, who had a head to undertake or a heart to execute any great enterprize, a strict watch must be had on him. And in the course of the week before the seizure of the duke, the field-marshal proposed and sent to general Biron a scheme for regulating the different salutes of the guards, whenever the young sovereign, his parents or the regent appeared, which project had been rejected with great warmth and disdain by general Biron, and that the duke as warmly sided with his brother in the dispute arising on it (and, I may add by way of parenthesis, that, since the duke's fall, it is confidently reported and probably on good foundation, that the regent had sent for his brother, general Biron, from Moscow, and his brother-in-law, general Bismarck, from Riga with a design on their arrival to have declared them both field-marshals, and have laid aside count Munich). To return to him, his excellency also told me, that as the first regimentof guards, the Preobrazensky, of which he is lieutenant-colonel and could most rely on, mounted the guard the next day, the 9th, for the last time, and that the two other regiments were to mount for six days successively, for one battalion is furnished every day, and they are composed of three a piece, had he therefore deferred his design till it had come to the turn of the Preobrazensky again, the regent, so full of jealousies and suspicions as he was, joined to the difference above

---

время регентства, видя въ фельдмаршалѣ единственнаго человѣка съ головой и волею, способной къ великимъ предпріятіямъ, почему призналъ необходимымъ строго слѣдить за нимъ. Еще въ теченіе недѣли, предшествовавшей аресту герцога, фельдмаршалъ предложилъ и отправилъ на просмотръ генералу Бирону проектъ порядка привѣтствія гвардіею юнаго Государя, его родителей, регента, но проектъ отвергнутъ былъ генераломъ съ запальчивостью и съ презрѣніемъ; при спорѣ же, возникшемъ по этому поводу, герцогъ горячо стоялъ за брата. (Могу прибавить въ скобкахъ, что послѣ паденія герцога конфиденціально разсказываютъ, и, кажется, не безъ основаній, будто регентъ призывалъ своего брата изъ Москвы и свойственника, генерала Бисмарка, изъ Риги, думая, по пріѣздѣ ихъ, возвести обоихъ въ званіе фельдмаршаловъ, и такимъ образомъ устранить графа Миниха). Графъ разсказалъ мнѣ также, что 9-го ноября первый гвардейскій—преображенскій—полкъ, въ которомъ онъ состоитъ подполковникомъ и на который можетъ положиться, содержалъ караулъ въ послѣдній разъ, а затѣмъ на шесть дней кряду караулъ долженъ былъ перейти къ двумъ другимъ полкамъ (въ караулъ наряжается ежедневно по одному баталіону, а каждый полкъ состоитъ изъ трехъ баталіоновъ); слѣдовательно — повремени графъ выполненіемъ своего замысла до новой очереди преображенцевъ — недовѣрчивый,

his excellency had with general Biron, the regent, he said, might have taken such precautions, as to have put himself out of the reach of any human means or at least have put it out of his, the field-marshal's, power to do anything against him, for which reason he immediately determined to strike his blow that very night.

To follow the order of the preceeding day, the 8th, I must now acquaint your lordship, that the same morning the prince of Brunswick, for the very first time his highness had stirred abroad for eight days, went to make the duke a visit at the summer-palace, on a proper insinuation on one side, that this would be well taken, and on the other—that the prince's not appearing begun to create some surprise and even some murmurings among the common people. From the summer-palace the prince and the duke went together to wait on the young Czar, and from him to the princess Anne; from thence they also went together to the duke's manage just by. When that was over, the prince returned to the winter-palace, and the duke, stopping at his brother, general Biron's, in the way, went to the summer-palace to dinner, where the field-marshal Munich and all his family, with president Mengden and his, dined with the regent and his family.

It is said, that the duke that morning took notice, and as it made great

---

подозрительный регентъ, ввиду недавнихъ несогласій графа съ генераломъ Бирономъ, принялъ бы новыя предосторожности и поставилъ себя въ условія, при которыхъ не оказалось бы возможности добраться до него никакими человѣческими средствами, или по крайней мѣрѣ лишилъ бы фельдмаршала всякой возможности предпринять что либо противъ него. Все это и заставило графа привести свое намѣреніе въ исполненіе въ ту же ночь.

Буду, однако, продолжать разсказъ о событіяхъ предшествующаго дня (8-го ноября): Поутру принцъ брауншвейгскій, выѣхавъ изъ своего дворца въ первый разъ послѣ восьмидневнаго заключенія, посѣтилъ герцога въ лѣтнемъ дворцѣ съ одной стороны по собственной волѣ, предполагая что посѣщеніе его будетъ хорошо принято, но съ другой стороны и потому, что, нигдѣ не видя его, простой народъ сталъ выражать недоумѣніе и роптать. Изъ лѣтняго дворца принцъ вмѣстѣ съ герцогомъ посѣтили младенца-Царя, а затѣмъ принцессу Анну Леопольдовну; отъ нея же они опять вмѣстѣ отправились въ прилегающій ко дворцу манежъ герцога. Послѣ всего этого принцъ возвратился въ зимній дворецъ, а герцогъ, заѣхавъ по дорогѣ къ брату, генералу Бирону, — въ лѣтній дворецъ къ обѣду. Кромѣ регента и его семьи за столъ сѣли фельдмаршалъ Минихъ со всей семьею и президентъ коммерцъ-коллегіи, Менгденъ, тоже съ семьей.

Разсказываютъ, будто герцогъ, разъѣзжая поутру, замѣтилъ, что на улицахъ

impression on him, he mentioned it to this company, that he could observe but very few people in the streets, and everybody with a melancholly, dejected, gloomy countenance, as if people were not contented, which he was weak enough to attribute to their being dissatisfied with the prince of Brunswick's conduct, without suspecting that his own regency had any share in it. The company, as is easy to imagine, said, that either there was nothing in these appearances, or that they were owing to the people's regret for Her late Majesty's death. However the duke continued very pensive and silent during dinner. When that was ower, the field-marshal took leave, the rest of his family staying there. His excellency went home, and in the evening he waited on princess Anne, asking her—if she had any orders to give him, for his design was laid and that he would execute it that very night? The princess was startled with the suddeness and importance of such a resolution, and would have inquired into the means. His excellency desired her to excuse both explaining them to her then, and also his awaking her out of her bed about three next morning. After musing a little, her highness said: «I resign myself, my husband and my son entirely into your hands and rely on your conduct. May the good providence of God direct you and preserve us all!»

From the princess the field-marshal returned with count Lewenwolde

---

очень мало народу. Это произвело на него сильное впечатлѣніе, которымъ онъ и подѣлился съ собесѣдниками. Даже тѣ, которыхъ герцогу удалось встрѣтить, всѣ имѣли видъ печальный, удрученный, мрачный, будто недовольный. Герцогъ имѣлъ слабость приписать это явленіе неудовольствію противъ поведенія герцога брауншвейгскаго, не подозрѣвая, что долю общаго унынія можно бы отнести и на счетъ регентства. Присутствующіе, само собою разумѣется, отвѣчали, что все это или ничего не доказываетъ, или же должно быть приписано печали народной вслѣдствіе кончины Ея Величества. Тѣмъ не менѣе во все время обѣда герцогъ оставался очень задумчивымъ и молчаливымъ; а когда встали изъ-за стола, фельдмаршалъ откланялся, хотя семья его еще осталась во дворцѣ. Графъ пріѣхалъ домой, а вечеромъ еще разъ посѣтилъ Анну Леопольдовну, дабы спросить—не имѣетъ ли она сдѣлать какихъ либо распоряженій, такъ какъ планъ его созрѣлъ и онъ намѣренъ выполнить его въ ту же ночь? Принцесса поражена была этой быстротой, важностью принятыхъ рѣшеній, и хотѣла разспросить—какъ фельдмаршалъ думаетъ дѣйствовать? Онъ просилъ извиненія во первыхъ въ томъ, что уклонится отъ объясненій, а во вторыхъ въ томъ, что разбудитъ принцессу и потревожитъ въ три часа ночи. Подумавъ съ минуту, ея высочество сказала: «Отдаю себя, мужа, сына вполнѣ въ ваши руки и полагаюсь на васъ. Да направитъ васъ и сохранитъ насъ всѣхъ милость Божія!»

Отъ принцессы фельдмаршалъ вмѣстѣ съ графомъ Левенвольде отправился ужи-

to sup with the duke, and they found him still thoughtful, complaining of a lowness of spirits, a heaviness and uneasiness on his mind, which he had never felt in his life before. They both said, that it might be some slight disorder, which a good night's rest would remove. However both, at supper and the remainder of the evening, the duke, though otherwise talkative enough, said hardly a word, upon which to animate or keep up at least the conversation, the field-marshal began to talk over his battles, and all the several actions he had been in during upwards of 40 years service. At last count Lewenwolde asked him very innocently—if he had never been in any action by night? The oddness of so ill timed a question just at that juncture struck the field-marshal, but, recovering himself and keeping a good countenance, he replied with seeming great indifference, that to be sure in the great number of actions he must have been in some at all hours of the 24, since those often depended on the enemy. And his excellency told me, that he observed, that the duke, who was lying on his couch, the moment count Lewenwolde had uttered these words, rose himself up a little and, leaning on his elbow on the couch and reposing his head on his hand, remained very pensive in that posture for a good quarter of an hour.

About 10 they all retired. The field-marshal went home to bed, though, as it is natural to believe and he said, without sleeping a wink. About two he

---

пать къ герцогу, котораго нашли все еще задумчивымъ; онъ жаловался на упадокъ духа, на подавленность, неловкость, которой не ощущалъ до сихъ поръ никогда въ жизни. Оба гостя отвѣчали, что это легкое разстройство, которое пройдетъ послѣ спокойной ночи. Тѣмъ не менѣе за ужиномъ, и затѣмъ въ теченіе всего вечера, обыкновенно довольно болтливый, герцогъ едва-ли вымолвилъ слово. Чтобы сколько нибудь оживить присутствующихъ и поддержать разговоръ, фельдмаршалъ сталъ разсказывать о сраженіяхъ, о дѣлахъ, въ которыхъ бывалъ въ теченіе сорокалѣтней службы. Подъ конецъ графъ Левенвольде совершенно ненамѣренно спросилъ его: «Случалось ли ему быть въ дѣлѣ ночью?» Странность такого несвоевременнаго вопроса при данныхъ обстоятельствахъ нѣсколько поразила фельдмаршала, но онъ скоро пришелъ въ себя, и, оправившись, отвѣчалъ съ напускнымъ равнодушіемъ, что, при множествѣ дѣлъ, въ которыхъ ему довелось бывать, конечно находилась работа для любаго часа сутокъ, такъ какъ время схватки нерѣдко зависитъ отъ непріятеля. Графъ разсказывалъ мнѣ, будто герцогъ, лежавшій на диванѣ, при вопросѣ графа Левенвольде нѣсколько приподнялся, и опираясь на локоть, поддерживая голову рукою, оставался въ этой позѣ и въ глубокой задумчивости съ четверть часа.

Около десяти часовъ всѣ разошлись. Фельдмаршалъ возвратился домой и легъ въ постель, хотя, какъ приходится естественно предположить, да какъ графъ и самъ

got up and sent for his adjutant general, Manstein, and telling him, that, as he knew him to be a brave and honest man, he thought he might depend on his fidelity and courage, and that he would follow his own person and fortune in any undertaking how bold and dangerous soever it might be.

The adjutant, though startled at such a proposition, of which he could not guess the meaning, answered, that, as he had been long wishing for an opportunity to convince the field-marshal of the truth of that favourable opinion he was pleased to have of him, so his excellency might depend on his seizing with joy the very first which might offer, and that the greatest danger under his orders would disappear. «Well then», said the field-marshal, «go immediately to the winter-palace and wait for me there. Tell the officers of the guards also that I am coming, and that I desire they would make the guard turn out and be at their head, for I have something of the greatest importance to communicate to them». Manstein went and the field-marshal immediately followed in his regimentals and with his gorget on. The first sentry would have stopped him, but the field-marshal discovering himself and saying that he was there to speak with the princess Anne on an affair of the greatest consequence, the fellow immediately said: «God bless your excellency; I did not know you, go on in God's name».

сознается, онъ не смыкалъ глазъ. Около двухъ часовъ онъ всталъ, послалъ за старшимъ адъютантомъ, Манштейномъ, и объявилъ ему, что зная его за храбраго и честнаго человѣка, рѣшается положиться на его вѣрность и мужество, на то, что Манштейнъ всюду послѣдуетъ за нимъ, раздѣлитъ съ нимъ рискъ въ любомъ предпріятіи, какъ бы оно ни было смѣло и опасно.

Хотя адъютантъ и изумленъ былъ такимъ вступленіемъ, значенія котораго понять не могъ, однако отвѣтилъ, что давно желалъ найти случай убѣдить фельдмаршала въ вѣрности лестнаго мнѣнія, котораго удостоился; его сіятельство можетъ быть увѣреннымъ, что онъ съ восторгомъ ухватится за первую возможность доказать ему это, что подъ начальствомъ графа самыя опасныя предпріятія перестаютъ быть опасными.—«Хорошо, если такъ», сказалъ фельдмаршалъ. «Отправляйтесь немедленно въ зимній дворецъ и дожидайтесь меня тамъ. Скажите и караульнымъ офицерамъ, что я приду, чтобы они вывели караулъ мнѣ на встрѣчу и находились во главѣ его, такъ какъ я имѣю сообщить имъ нѣчто очень важное». Манштейнъ отправился, а фельдмаршалъ немедленно послѣдовалъ за нимъ въ мундирѣ и нагрудникѣ. Первый же часовой хотѣлъ было остановить его, но фельдмаршалъ распахнулся и сказалъ, что пришелъ переговорить съ принцессой Анной Леопольдовной по дѣлу чрезвычайной важности.—«Съ Богомъ, ваше сіятельство», немедленно отвѣчалъ часовой. «Я не узналъ васъ; идите; Господь съ вами».

The field-marshal arriving at last at the parade, made a short speech to the officers, and having received their assurances, that they were ready to follow him in defense of their country and for the safety of their prince, he desired them to make a draught of forty of the best grenadiers they had, and whom they could most depend on, and then to come up with his adjutant Manstein and wait in the princess Anne's antichamber till he called for them. His excellency went up directly and desired the princess might be told, that he was there. She soon came out of her bedchamber and he informed her highness of the disposition he had made and that he was resolved at the head of the detachment to march to the summer-palace and seize the duke's person. He only desired that her highness would admit the officers to her presence and tell them that he, the field-marshal, acted by her order, and that they were to follow his. This was immediately done, and when they were retired, the field-marshal proposed to the princess to set herself in his coach and to follow under his escorte in order to animate the detachment by her presence. As her highness did not seem readily to embrace this proposal, and his excellency considered, that it might in effect expose her person too much, he did not insist on it, but then took leave and set himself at the head of this party, declaring to them, that the regent was a plunderer of Russia and an enemy of his sovereign and of the imperial family, and that therefore he

---

Достигнувъ, наконецъ, главнаго караула, фельдмаршалъ обратился къ офицерамъ съ краткою рѣчью, и, получивъ отъ нихъ увѣреніе въ готовности слѣдовать за нимъ для защиты отечества и безопасности Государя, предложилъ имъ выбрать сорокъ лучшихъ гренадеръ, на которыхъ можно вполнѣ положиться, а затѣмъ вмѣстѣ съ Манштейномъ подняться въ покои Анны Леопольдовны, и тамъ ожидать, пока ихъ позовутъ. Затѣмъ графъ самъ немедленно поднялся къ принцессѣ и велѣлъ доложить ей о своемъ приходѣ. Она немедленно вышла изъ спальни; графъ разсказалъ ей о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, прибавивъ, что рѣшился во главѣ собраннаго отряда отправиться въ лѣтній дворецъ и схватить герцога. Онъ просилъ ея высочество только допустить къ себѣ офицеровъ и сказать имъ, что фельдмаршалъ дѣйствуетъ по ея приказанію, и чтобы они его слушались. Это было немедленно сдѣлано. Когда же офицеры удалились, фельдмаршалъ предложилъ принцессѣ самой сѣсть въ карету и отправиться вмѣстѣ съ нимъ, подъ его конвоемъ, дабы присутствіемъ своимь одушевить отрядъ. Принцесса колебалась принять это предложеніе, а графъ сообразивъ, что такое участіе въ дѣлѣ, пожалуй дѣйствительно слишкомъ выдвинетъ ея высочество, настаивать не сталъ, простился, и, ставъ во главѣ отряда, объявилъ ему, что регентъ — злодѣй Россіи, врагъ своего Государя и всей императорской фамиліи, и его приказано арестовать. Слова эти были приняты съ такимъ же увлеченіемъ, какъ были

had orders to seize him. The motion was received with the same alacrity it was made, and they marched immediately, the field-marshal at their head, with all the officers on the guard. When they approached the first post of the summer-palace, the adjutant Manstein was detached to tell the sentries, that the field-marshal was there to escorte the princess Anne, who followed in his coach to communicate things to the regent of the greatest consequence to Russia, and that therefore they should let them pass. The adjutant was also sent on to the grand guard to tell the officers the same thing, to desire them not to turn out the guard, with which the princess would dispense, and that they themselves would meet him in the avenue leading to the house. They immediately did so, when he imparted to them the orders he had, and the design he was come on, and desired their concurrence. Being assured of that, he marched directly to the duke's apartment, the sentries, upon being told who he was, making no resistance.

He sent Manstein directly into the duke's bedchamber, the door of which was neither locked, nor bolted, at the head of 12 granadiers. The adjutant immediately seized the duke in his bed and told him that he must come prisoner to the winter-palace; upon which the duchess cried out to the guard, and the adjutant answered, he had brought guard enough with him. Upon this the duke making some resistance, the grenadiers came up, and in the scuffle the duke's shirt was torn and he received other rough treat-

---

сказаны, и отрядъ, съ фельдмаршаломъ впереди, немедленно двинулся. Всѣ офицеры караула были тутъ же. Когда они подходили къ первому посту лѣтняго дворца, графъ отправилъ Манштейна впередъ, предупредить часовыхъ, что фельдмаршалъ идетъ съ конвоемъ принцессы Анны Леопольдовны, которая и сама слѣдуетъ за нимъ въ каретѣ, дабы сообщить регенту извѣстія чрезвычайной важности для всей Россіи, и чтобы ихъ пропустили. Затѣмъ адъютанту велѣно было итти къ главному посту съ тою же рѣчью, а также съ инструкціей офицерамъ—не выводить караула, такъ какъ принцесса освобождаетъ караулъ отъ этой обязанности; а выйти на встрѣчу фельдмаршалу въ аллею, ведущую къ самому дворцу. Все было исполнено согласно такому распоряженію. Фельдмаршалъ передалъ офицерамъ приказанія, съ которыми явился, и потребовалъ содѣйствія; когда же ему отвѣчали готовностью повиноваться, онъ направился прямо къ герцогскимъ аппартаментамъ. Часовые, узнавъ его, не оказали никакого сопротивленія.

Графъ отправилъ Манштейна прямо въ спальню герцога. Дверь оказалась не запертою ни на замокъ, ни на задвижку. Манштейнъ вошелъ съ двѣнадцатью гренадерами, немедленно въ постели же схватилъ герцога, заявивъ, что пришелъ арестовать его и отвезти въ зимній дворецъ. Герцогиня стала звать караулъ, но Манштейнъ замѣтилъ, что караульныхъ съ нимъ довольно. Герцогъ пытался было сопротивляться,

ment from them. When they were master of him, had pinioned his arms and stopped his mouth, he and the duchess were brought out almost in their shirts, and when she heard, who commanded this expedition, she cried out with the extraordinary expression, *that she could sooner have believed that God almighty in heaven could die, than that the field-marshal would have served them so.* However as they were almost naked, two quilts were taken off their bed and thrown over them, and then they were carried in the field-marshal's coach prisoners to the guard room. Manstein was immediately sent to seize the general Biron, and another of his wing-adjutants to seize the cabinet-minister Bestuchef, who were both brought prisoners to the winter-palace. The duchess was soon sent back to the summer one with orders to pack up everything in order to set out, as she thought, for Courland, and between three and four in the afternoon she with her two youngest children from the summer-palace and the duke from the winter one were sent under a strong guard to Slusselburgh, as general Biron and Bestuchef were to Iwanogorod.

The assembly of all the great people at court, the same morning, her highness being declared grand-duchess, desired to take upon her the guardianship of her son and the government during his minority and to wear the order of St. Andrew, with all the recompenses and favours she disposed of—

но подоспѣли гренадеры. Въ борьбѣ они разорвали рубашку герцога и вообще обращались съ нимъ грубо. Одолѣвъ его, ему завязали руки и заткнули ротъ. И онъ, и герцогиня вынесены были на улицу почти въ рубашкахъ; когда же герцогиня услыхала, кто привелъ отрядъ, она разразилась страннымъ восклицаніемъ: «Я скорѣе повѣрила бы, что всемогущій Богъ умеръ на небеси, чѣмъ такой услугѣ отъ фельдмаршала». Впрочемъ, видя, что арестованные почти наги, съ постелей сняли два одѣяла и набросили на нихъ. Ихъ затѣмъ посадили въ карету фельдмаршала и плѣнными привезли въ караульную комнату зимняго дворца. Манштейнъ немедленно отправленъ былъ арестовать генерала Бирона, а другой флигель-адъютантъ — арестовать кабинетъ-министра Бестужева. Ихъ обоихъ тоже привезли въ зимній дворецъ. Герцогиню, однако, вскорѣ отправили обратно въ лѣтній, приказавъ собрать вещи для немедленнаго выѣзда... она полагала—въ Курляндію, между тѣмъ въ четвертомъ часу послѣ полудня ее съ двумя младшими дѣтьми отправили изъ лѣтняго дворца, а герцога — изъ зимняго подъ строгимъ карауломъ въ Шлюссельбургъ, генерала же Бирона и Бестужева — въ Ивангородъ.

Я уже писалъ вамъ, какъ, собравшись поутру того же дня ко двору, всѣ сановники объявили ея высочество великой княгиней и просили ее принять на себя охрану сына и правленіе на все время его несовершеннолѣтія, а также возложить на себя орденъ св. Андрея первозваннаго; писалъ также и о наградахъ и милостяхъ,

are points of which I have already sent your lordship an account and need not now repeat, would the time allow me.

As the departure of the post draws nigh, I shall have time to day only to add that the foreign ministers had yesterday morning the honour to pay their court in a body to the princess Anne and the prince of Brunswick, and that the field-marshal was attacked yesterday morning also with so violent a cholic, that an inflammation in his bowels and the miserere were apprehended last night and this morning, but this afternoon a person, who came directly from his house, assures me that his excellency is better, and that there are great hopes of his recovery, which, I believe, was once despaired of.

The grand-duchess has given general Bismarck's house in town, in which the prussian minister lodges and is situated near the court, to her grand master, young count Munich.

The adjutant-general colonel Manstein has also received an estate of about 2000 roubles per ann. in Ingermanland. It was formerly Musin-Puschkin's and by confiscation lately given to general Biron.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

розданныхъ правительницей, и не вижу надобности повторять сказанное, если бы даже имѣлъ на то время.

Почта скоро отправляется, потому могу прибавить только, что вчера поутру дипломатическій корпусъ имѣлъ честь въ полномъ составѣ привѣтствовать великую княгиню и принца брауншвейгскаго; а также, что вчера съ фельдмаршаломъ былъ сильный припадокъ коликъ; всю ночь и сегодня поутру опасались воспаленія кишекъ и мизерера, но послѣ полудня, какъ увѣряетъ меня лице только что прибывшее прямо отъ него, ему стало лучше и явилась полная надежда на выздоровленіе, въ возможности котораго было вовсе отчаивались.

Городской домъ генерала Бисмарка, въ которомъ живетъ прусскій посланникъ, и который стоитъ неподалеку отъ дворца, великая княгиня подарила своему оберъ-гофмаршалу, графу Миниху младшему.

Адъютантъ фельдмаршала, Манштейнъ, также получилъ помѣстье въ Ингерманландіи, приносящее около 2000 рублей ежегоднаго дохода. Оно прежде принадлежало Мусину-Пушкину, а, по конфискаціи, перешло отъ него къ генералу Бирону.

№ 81. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, 22nd November 1740.

I shall begin this letter where I left off my last of the 18th and give your lordship an account of the foreign ministers having been at the winter palace to make their court to the great-duchess.

I have already informed your lordship, that I was at court the day after her highness was declared grand-duchess and that she excused receiving any foreign ministers till the mourning was ready. As that was put on the 16th, we received a message the evening before from the grand-marshal, that her highness would receive us the next morning, but just as I was getting ready, I received a second message to put it off till the next day, the 17th.

Whether this was owing to the number of people of the country, who were to be presented and kiss her highness' hand the 16th, or to give m-r de la Chétardie time to go to court alone and incognito, as he desired, I cannot say, but in effect he was there the 16th in the evening, and so much incognito, that he was only in a common old full trimmed black coat, neither his coach nor his servants in mourning, and, I believe, that he obtained

---

№ 81. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 22-го ноября 1740 г. (3-го декабря н. ст.).

Начинаю, это донесеніе съ того, чѣмъ прервалъ предыдущее (отъ 18-го ноября)— отчетомъ о томъ, какъ дипломатическій корпусъ привѣтствовалъ великую княгиню въ зимнемъ дворцѣ.

Я уже писалъ вашему превосходительству, какъ посѣтилъ дворъ на слѣдующій же день по объявленіи Анны Леопольдовны великой княгиней, но мнѣ отвѣтили, что ея высочество не можетъ принять никого изъ представителей иностранныхъ государствъ, пока траурныя приготовленія не окончены. Они закончены были 16-го, мы же наканунѣ вечеромъ получили отъ оберъ-гофмаршала извѣщеніе, что великая княгиня приметъ насъ на слѣдующее утро; но въ то самое время, какъ я собирался выѣхать, пришло новое извѣщеніе, которымъ пріемъ отложенъ до другаго дня, до 17-го.

Что вызвало эту перемѣну — многочисленность ли русскихъ, которые представлялись великой княгинѣ и цѣловали ея руку 16-го, желаніе ли дать де ла Шетарди возможность явиться ко двору отдѣльно, инкогнито, какъ онъ желалъ, — не знаю, но 16-го вечеромъ маркизъ былъ при дворѣ и соблюлъ инкогнито до того, что явился въ простомъ старомъ форменномъ черномъ кафтанѣ; ни на каретѣ, ни на слугахъ его не было траура. Получилъ онъ разрѣшеніе на это частное посѣщеніе (кото-

this private visit (for he will not have it pass for an audience) rather by his importunities, than that the way he came and the manner he appeared in could be looked upon here as regular. But french ambassadors love to distinguish themselves on all occasions, and no doubt m-r de la Chétardie has succeeded very well in doing so on this.

The other foreign ministers went the next morning and were received by the grand-duchess all at once; we only made our bows and kissed her hand without making any compliment on the occasion, which, as we are not yet accredited, might have been thought improper. We were all in the mourning this court wears, our equipages and servants the same, except m-r Mardefelt, who was only so in his own person, because, as he says, by the new regulation of his court and by the special order of his present master, he put on no other for his late master. m-r Nolken, the swedish minister, was in an ordinary black full trimmed coat with coloured sword and buckles *à la Chétardie*, as he says—waiting for the orders of his court on this occasion, the same reason which the french ambassador alledges; indeed the last makes the additional one, that he could not put himself in mourning till he knew, whether his court would think proper to keep an ambassador at one, where the regent (as he adds since his fall) was a person of so mean extraction or, to repeat his words, *qui sortoit de l'écurie.*

рому не желаетъ придавать значенія аудіенціи) скорѣе благодаря своей назойливости, чѣмъ потому, чтобы его поведеніе признавали правильнымъ. Впрочемъ французскіе послы любятъ отличаться при всякомъ случаѣ, и Шетарди, несомнѣнно, вполнѣ удалось отличиться на этотъ разъ.

Представители прочихъ государствъ явились на слѣдующее утро и приняты были великой княгиней всѣ вмѣстѣ. Мы только поклонились и поцѣловали руку ея высочества, не высказавъ никакого привѣтствія, такъ какъ, пока мы не акредитованы, всякое привѣтствіе съ нашей стороны могло бы быть признано неумѣстнымъ. Всѣ мы были въ траурѣ, установленномъ при дворѣ (въ траурныхъ экипажахъ и въ сопровожденіи слугъ, одѣтыхъ въ трауръ), за исключеніемъ Мардефельда, который только самъ надѣлъ трауръ, такъ какъ — пояснялъ онъ — по новымъ установленіямъ прусскаго двора и вслѣдствіе особаго распоряженія молодаго короля, не носилъ инаго траура по покойномъ своемъ государѣ. Шведскій посланникъ, Нолькенъ, явился въ простомъ черномъ форменномъ кафтанѣ съ цвѣтнымъ бантомъ на шпагѣ и съ пряжками *à la Chetardie*, «такъ какъ еще не получилъ надлежащихъ инструкцій отъ своего двора», пояснилъ онъ, повторяя доводы французскаго посла... Посолъ, впрочемъ, прибавляетъ еще, что не могъ надѣть траура, не зная, признаетъ ли дворъ его удобнымъ держать посла тамъ, гдѣ регентомъ былъ человѣкъ такого низкаго происхожденія, или, повторяя его слова, «гдѣ былъ регентъ, вышедшій изъ конюшни» (выражается онъ такъ, конечно, только со времени паденія регента).

Whatever the thoughts of his court may be, I believe it is certain, that m-r Chétardie's aim is to return to Berlin, flattering himself that he has a great share of the present king of Prussia's favour; and I do not see how his remaining here will be possible at least with the character of ambassador, if he pretends to keep to his resolution about the prince of Brunswick; for as his highness was named in the regulating of mourning before the late regent, m-r de la Chétardie expressed both his surprise at this precedency and the difficulties it would throw him into personally, declaring, that, though he had made the duke of Courland the first visit out of a particular compliment, yet as he had insisted on and received the first visit from the prince of Brunswick, so he would on no account depart from that ceremonial, whatever alterations might be made here in the rank of that prince. However the ambassador was to wait on his highness the 16th after he quitted the grand-duchess, but, as these were visits incognito, no consequences can be drawn from them, as he says, to the prejudice of the ambassador, when he shall resume that high character, as he thinks, and very embarrassing one, as he finds.

As for us, diminutive ministers, we also waited on the prince of Brunswick... But before I leave the grand-duchess, I cannot help adding, that it

---

Какъ бы русскій дворъ ни относился къ такимъ выходкамъ, довольно ясно, кажется что Шетарди стремится возвратиться въ Берлинъ, льстя себя надеждой на большую благосклонность къ себѣ со стороны новаго прусскаго короля. Не понимаю даже, чтобы его дальнѣйшее пребываніе здѣсь было возможно, по крайней мѣрѣ въ качествѣ посла, если онъ не измѣнитъ своихъ отношеній къ принцу брауншвейгскому. Когда, при установленіи траурнаго церемоніала, его высочеству отведено было мѣсто впереди низвергнутаго регента, Шетарди высказалъ по этому поводу удивленіе и указалъ на затрудненія, возникающія изъ такого порядка для него лично, такъ какъ онъ, хотя и сдѣлалъ первый визитъ герцогу курляндскому въ видѣ частной любезности, однако къ принцу брауншвейгскому первымъ не поѣхалъ, а настоялъ на томъ, чтобы его высочество сначала пріѣхалъ къ нему, и отъ этого церемоніала и впредь отступать не намѣренъ, какія бы перемѣны ни произошли въ положеніи принца. Правда, 16-го Шетарди, уходя отъ великой княгини, посѣтилъ его высочество, но такъ какъ его посѣщенія дѣлаются инкогнито, изъ нихъ нельзя еще вывести никакихъ заключеній «въ ущербъ достоинству посла» (какъ выражается маркизъ), которое— онъ полагаетъ — придется отмѣнить при здѣшнемъ дворѣ, такъ какъ оно вызываетъ большія затрудненія.

Что касается насъ, болѣе скромныхъ представителей дипломатическаго корпуса, мы посѣтили принца... Прежде, однако, чѣмъ закончу рѣчь о великой княгинѣ, не

is not possible to behave with more dignity, decency, affability, grace and ease than that princess did on this occasion. She did me the honour to address the discourse first to me in french and afterwards to the other ministers in german, and talked of the great loss this country had had by Her late Majesty's death, which had happened both so untimely and unexpected.

When we were with the prince of Brunswick, his highness talked a good deal of the seizure and downfall of the regent, of which several particularities were mentioned, leaving to some of my brother-ministers the short and easy way of making court by the mean and ungenerous method of insulting the unfortunate, whom they have the most courted in prosperity. I only said, that if the duke had followed more prudent and moderate counsels by putting at first the goverment into that natural channel, into which it was now happily fallen, I believed that he might have secured the greatest and most glittering fortune, to which any private person, in this age or almost any other, had ever rose, and that he might have passed the remainder of his days as a sovereign prince and transmitted that sovereignity to his posterity instead of experiencing the most remarkable vicissitude of fortune and being exposed to the keenest regrets of disappointed ambition. The prince upon this said, that he remenbered very well that the day after the regency took place, I was at court and stood all the time behind him

---

могу не прибавить, что нельзя держаться съ большимъ достоинствомъ, скромностью, любезностью, съ большей граціей и свободой, чѣмъ ея высочество держалась, принимая насъ. Она сдѣлала мнѣ честь, обратилась ко мнѣ къ первому на французскомъ языкѣ, а затѣмъ къ прочимъ — по нѣмецки; говорила о тяжкой утратѣ, понесенной страною въ лицѣ покойной Государыни, случившейся такъ несвоевременно и неожиданно.

Принцъ брауншвейгскій долго говорилъ объ арестѣ и низверженіи регента, при чемъ нѣкоторыя подробности разсказа дали моимъ собратьямъ-дипломатамъ прямой и легкій поводъ къ лести путемъ невеликодушнаго поношенія несчастнаго, которому они же наиболѣе льстили въ дни его силы. Я сказалъ только, что, слѣдуй герцогъ болѣе осмотрительнымъ и умѣреннымъ совѣтамъ, дай онъ съ самаго начала правительственнымъ дѣламъ естественное теченіе, благополучно принятое ими въ настоящее время, онъ, вѣроятно, обезпечилъ бы себѣ самую высокую, самую блестящую судьбу, которой въ нашъ вѣкъ, да и когда-либо, достигали люди; провелъ бы остатокъ дней въ санѣ самодержавнаго монарха, и передалъ бы власть свою потомству, а не испыталъ чрезвычайныхъ перемѣнъ счастья, не позналъ бы жгучихъ терзаній обманутаго честолюбія. Принцъ замѣтилъ при этомъ, что очень хорошо помнитъ, какъ на слѣдующій день по водвореніи регентства я пріѣхалъ ко двору, во все время стоялъ

and the field-marshal Munich without advancing, as other people did, to make their bows; so that he could plainly see, that the minister was there because the duke was regent, but not m-r Finch because he approved the duke's being regent.

I made the prince a low bow and answered, that I never thought it the business of a foreign minister to meddle with the domestic affairs of the court where he had the honour to be employed, but that for the service of his master he ought to apply in an open honest way to the government he found it actually subsisting at the time.

I believe your lordship will see, as I am sure I felt, something very gracious and kind in this declaration of the prince of Brunswick, especially in the presence of all the other foreign ministers, and, I believe, his highness made it designedly, because that he must know that some of my brethren had first of all criticized this step, then regretted that they had not followed my example, and afterwards, upon the duke's fall, had again hugged themselves in their own right conduct and pitied the imprudence of mine, which never gave me a moment's uneasiness, because, if events only are to decide what is right or wrong, they must be waited for before it can be determined in what light any action of our lives is to be seen.

позади его высочества и фельдмаршала Миниха, не выходя впередъ съ поклонами, какъ другіе; ясно было, что ко двору явился посланникъ, такъ какъ герцогъ сталъ регентомъ, а не Финчъ, какъ бы одобряющій регентство герцога.

Я низко поклонился принцу и отвѣчалъ, что никогда не признавалъ дѣломъ представителя иностраннаго государства путаться во внутреннія дѣла двора, при которомъ онъ имѣетъ честь состоять; но всегда считалъ долгомъ открыто и честно обращаться по дѣламъ королевской службы къ правительству, въ данную минуту находящемуся у власти.

Ваше превосходительство, я увѣренъ, усмотрите въ заявленіи принца брауншвейгскаго чрезвычайно милостивое и доброе отношеніе ко мнѣ, особенно ввиду того, что оно сдѣлано было въ присутсвіи всѣхъ прочихъ представителей иностранныхъ государствъ. Полагаю далѣе, что оно сдѣлано было его высочествомъ въ ихъ присутствіи умышленно, такъ какъ нѣкоторые изъ сотоварищей вначалѣ относились къ моему поведенію у герцога критически, затѣмъ сожалѣли, зачѣмъ не послѣдовали моему примѣру, а позже—по низверженіи герцога — опять любовались своимъ поведеніемъ и соболѣзновали о моей неосторожности. Однако принятый мною путь не причинилъ мнѣ ни минуты смущенія: разъ вопросъ о томъ, что хорошо, что худо, рѣшается случаемъ, необходимо выжидать — когда представится возможность опредѣлить значеніе шага, нами сдѣланнаго.

If the prince has seen this step of mine in so favourable a light, I have reason to flatter myself that the grand-duchess has seen it also in the same, for after her highness was retired the morning the foreign ministers were at court, one of her ladies, who does not speak french, told the dutch minister, who dined with me, and with a design that he should let me know it, that the grand-duchess had said that very morning, that she was sure no minister at this court would more sincerely rejoice, than I should in this alteration of government and change in her own situation. The court of Vienna has also great reason to rejoice in it, for the former regent towards the latter end begun to be extremely indisposed towards that court on account of several chicanes he thought that he met with in affairs relating to the estates he had bought in Silesia. May I add, that, if the court of Vienna shall want the concurrence and assistance of this, as it is highly probable it will in the present critical juncture, no person can be sent (and I have hinted it to m-r Robinson), who will be likelier to succeed, than general Botta, for he stands very fair in the good opinion and favour of the great-duchess and the new prime-minister. But in case the good general should be thought of, it would be well that his instructions might bring him off

---

Если взглядъ принца на мое поведеніе оказался столь благопріятнымъ, имѣю основаніе льстить себя надеждой, что также благосклонно къ моему поведенію относится и великая княгиня. Утромъ, въ день пріема иностранныхъ уполномоченныхъ, когда ея высочество удалилась въ свои апартаменты, одна изъ ея приближенныхъ, не говорящая по французски, сказала голландскому посланнику (который въ тотъ день обѣдалъ у меня), съ очевидною цѣлью, чтобы онъ повторилъ мнѣ сказанное, будто ея высочество въ то же утро выразила увѣренность, что изъ всѣхъ представителей иностранныхъ дворовъ ни одинъ такъ искренно не радуется перемѣнѣ правительства и измѣненію въ ея личномъ положеніи, какъ я. Не мало основаній радоваться и вѣнскому двору: за послѣднее время бывшій регентъ проявлялъ крайнее нерасположеніе къ Австріи вслѣдствіе разныхъ придирокъ, которыя, какъ онъ увѣрялъ, дѣлались ему по имѣніямъ, купленнымъ имъ въ Силезіи. Позволю себѣ прибавить, что въ случаѣ, если вѣнскій дворъ, при настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ, нуждается въ содѣйствіи и помощи русскаго двора (что въ высшей степени вѣроятно), нельзя никому поручить переговоровъ здѣсь съ надеждой на успѣхъ, кромѣ генерала Ботты, такъ какъ онъ очень высоко стоитъ во мнѣніи и въ милости великой княгини и новаго перваго министра. Я намекнулъ на это въ письмѣ къ Робинзону. Впрочемъ, если рѣшатся возложить такую миссію на добрѣйшаго генерала, хорошо бы въ инструкціяхъ нѣсколько охладить пристрастіе, которымъ онъ, кажется, страдаетъ по от-

from a little too strong a bias he seemed to have towards the french politics, and correct his too implicit faith in french promises.

All the persons of the late regent's family are at full liberty and those who are of a certain rank have been admitted to kiss the grand-duchess' hand. They are now packing up their effects in order to retire to Courland. The marshal of his court, Keyserling, who is still with his brother-in-law's, the privy counsellor Brevern, proposes soon to go to his estate in Prussia and, as I hear, will afterwards settle at Berlin, his brother being the present king of Prussia's adjutant-general and much in his favour.

The grand-duchess has ordered the debts of the duchess of Courland's two maids of honour, m-es Butler and Brinck, to be paid, has given them several suits of cloaths, a present in money for their journey, the expenses of which are besides to be defrayed.

The duke's equerry, who is a bohemian and had the direction of his fine stable of managed horses, has had an offer to stay here and enter into the grand-duchess' service, but as he was at the same time told, that he was at full liberty to take his choice, he answered, that, if he had been so two or three years ago, he should have then desired to return to his own country.

Though it was reported that general Bismarck was arrested at Narva

---

ношенію къ французской политикѣ, и умѣрить его слишкомъ слѣпое довѣріе къ обѣщаніямъ Франціи.

Всѣ приближенные бывшаго регента оставлены на свободѣ; тѣ изъ нихъ, которые занимаютъ извѣстное положеніе, допущены были даже къ цѣлованію руки ея высочества. Они теперь занимаются укладкою съ намѣреніемъ удалиться въ Курляндію. Гофмаршалъ герцога, Кейзерлингъ, по прежнему проживающій въ домѣ родственника своего, тайнаго совѣтника Бреверна, намѣренъ вскорѣ ѣхать въ свои прусскія помѣстья и, какъ слышно, поселиться въ Берлинѣ, такъ какъ родной братъ его состоитъ генералъ-адъютантомъ и пользуется большою благосклонностью прусскаго короля.

Великая княгиня приказала уплатить долги двухъ фрейлинъ герцогини курляндской, дѣвицъ Бутлеръ и Бринкъ, подарила имъ нѣсколько нарядовъ и денегъ на дорогу, расходы по которой кромѣ того будутъ имъ возмѣщены.

Конюху герцога, богемцу, завѣдующему его прекрасной конюшней выѣзжанныхъ лошадей, предложено остаться здѣсь и поступить на службу великой княгини, но такъ какъ ему въ то же время предоставлено было распорядиться собою совершенно произвольно, онъ отвѣчалъ, что, будь ему предоставлена и прежде таже свобода, онъ еще года два-три тому назадъ возвратился бы на родину.

Хотя и разсказывали, будто генералъ Бисмаркъ арестованъ въ Нарвѣ, на пути

on his way hither, yet it is certain that he was so at Riga, his government, and from thence carried to Reval.

General Carl Biron was arrested at Moscow, where he resided having the command of all the troops in that province. It is said that, as soon as his servant told him that the governor of Moscow, general Soltikow's, adjutant wanted to speak to him, he immediately said: «I know what he wants; give me my sword that I may deliver it to him, for he is come to ask it, and put me under arrest»; and when the adjutant came in, reaching out his sword he said: «There it is!» adding—«How hard is it, that I, who would have quitted this service and retired to my own country two years ago, if my brother had not hindered me, must now be for ever unfortunate for the sake of a person, whose whole conduct I always condemned, and whose fate in the end I constantly foretold.»

The field-marshal is now thought out of all danger, though his excellency continues very weak, and has had a narrow escape, for he was so ill on monday evening, the 17th, that, if the physician's prescription had not relieved him that night, he would in all probability have been dead before the next.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

въ Петербургъ, теперь достовѣрно, что арестованъ онъ былъ въ Ригѣ, гдѣ состоялъ губернаторомъ, и оттуда отправленъ въ Ревель.

Генералъ Карлъ Биронъ арестованъ въ Москвѣ, гдѣ проживалъ въ качествѣ начальника всѣхъ мѣстныхъ войскъ. По слухамъ, когда слуга доложилъ ему, что съ нимъ желаетъ переговорить адъютантъ московскаго губернатора, Салтыкова, онъ немедленно сказалъ: «Знаю, что ему надобно. Дайте мнѣ мою шпагу, дабы я могъ передать ее ему; онъ пришелъ отобрать ее у меня и арестовать меня». Когда же адъютантъ вошелъ, генералъ протянулъ ему шпагу, прибавивъ: «Вотъ она!... Какъ жестоко, что я, который—не помѣшай мнѣ братъ—еще два года тому назадъ оставилъ бы русскую службу и возвратился на родину, теперь долженъ стать на вѣки несчастнымъ изъ-за человѣка, поведеніе котораго всегда порицалъ, и которому всегда предсказывалъ печальный конецъ.»

Фельдмаршалъ, говорятъ, теперь внѣ опасности, хотя, по прежнему, еще очень слабъ. Ему было очень плохо: въ понедѣльникъ, 17-го, вечеромъ болѣзнь такъ усилилась, что, не подѣйствуй средство, данное докторомъ въ ту же ночь, фельдмаршалъ, вѣроятно, не дожилъ бы до слѣдующей...

№ 82. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, November the 25th 1740.

... Since the commencement of his ministry the commerce between the frontiers of this country and Finland has been more open and leave given to transport from Wiburgh and that neighbourhood corn and other provisions into the swedish territories. The same will be done in the summer from Riga, his excellency declaring, that it is neither christian to starve neighbours, if they are your friends, nor generous to do it, should they prove enemies. The effects of this maxime could never be felt at a properer time, for by the merchants letters there has not been a greater scarcity of all sorts of provisions in Sweden and Finland these twenty years.

The generals Uschakoff and Leontieff, the auditor Emme and the major Vocakoff, employed in Wolinsky's examination, went the 22 to Slusselburgh. D-r Smith, the english physician, who went thither with the late regent, returned from thence the same evening, having been released by another of the profession.

The counsellor of heraldry, Henninger, who had formerly the honour of being the grand-duchess' preceptor and upon m-e Adercass's disgrace was

---

№ 82. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 25-го ноября 1740 г. (6-го декабря н. ст.).

... Едва ставъ во главѣ министерства, фельдмаршалъ установилъ большую свободу сношеній на русско-финляндской границѣ: изъ Выборга и его окрестностей разрѣшено вывозить хлѣбъ и прочіе продукты въ предѣлы Швеціи; такое же разрѣшеніе дано будетъ лѣтомъ для вывоза хлѣба изъ Риги. Графъ Минихъ заявляетъ, что морить сосѣдей голодомъ, когда они намъ друзья, не христіанское дѣло; что не великодушно морить ихъ и тогда, когда они намъ враги. Правила эти не могли быть примѣнены болѣе своевременно, такъ какъ, судя по письмамъ, получаемымъ купцами, никогда еще Швеція и Финляндія не нуждались въ продовольствіи такъ, какъ за послѣдніе двадцать лѣтъ.

Генералы Ушаковъ и Леонтьевъ, аудиторъ Эмме и маіоръ Воговъ, которые вели процессъ Волынскаго, отправлены 22-го въ Шлюссельбургъ. Англичанинъ-докторъ Смитъ, поѣхавшій туда съ бывшимъ регентомъ, вернулся въ Петербургъ вечеромъ того же дня, такъ какъ его смѣнилъ другой врачъ.

Совѣтникъ по геральдикѣ Геннингеръ, который прежде имѣлъ честь состоять учителемъ великой княгини, и безъ опредѣленной причины удаленъ былъ при вы-

dismissed without any reason assigned, has been made counsellor of state and received a present in money from her highness.

I had the honour to present to her highness and the prince of Brunswick sunday morning the english factory, which was very graciously received by both. The parson of the dutch factory made two long speeches, when m-r Swartz presented him. Our chaplain, though prepared, held his tongue at my desire, which was thought the better compliment.

A particular detail of the new regency would be too long in cypher and impossible out of it. I must therefore wait a proper opportunity, which I shall either soon find or make; in the meanwhile I need only add, that if the young Czar lives or leaves a brother, should he die, no revolution of consequence can be forseen, but, in default of them, a convulsion in this state might not be impossible.

With the new ministry this is not the case, for, though everybody here foresaw and foretold the late regent's short reign, but since that is at an end by his fall, yet not a few people, even now, in this very beginning of power, seem to expect the same will happen sooner or later to the new prime-minister, and many to be impatient for his fall.

He and count Osterman for some time past have been mortal enemies,

---

сылкѣ г-жи Адеркасъ, произведенъ въ статскіе совѣтники и получилъ отъ ея высочества денежный подарокъ.

Въ воскресенье поутру я имѣлъ честь представить англійскую факторію ея высочеству и принцу брауншвейгскому, которые приняли насъ очень милостиво. Когда Шварцъ представлялъ голландцевъ, пасторъ ихъ факторіи произнесъ двѣ длинныя рѣчи. Нашъ капланъ тоже приготовилъ рѣчь, но, по моему приглашенію, воздержался отъ ея произнесенія, что признано было самымъ любезнымъ привѣтомъ.

Подробныя данныя о новомъ правительствѣ сообщать шифромъ было бы слишкомъ долго, а безъ шифра невозможно; я вынужденъ дожидаться случая, который или вскорѣ найду, или создамъ. Пока прибавлю только, что если юный Царь выживетъ или, въ случаѣ смерти, оставитъ брата, нельзя предвидѣть серьезной революціи; въ противномъ же случаѣ переворотъ возможенъ.

Что касается новаго министерства, — оно не такъ устойчиво. Хотя здѣсь всѣ предвидѣли и предсказывали непродолжительность недавняго регентства, теперь, не малое число лицъ уже, при самомъ водвореніи новой власти, по видимому ожидаютъ болѣе или менѣе близкаго паденія фельдмаршала; многіе даже ждутъ его паденія съ нетерпѣніемъ.

Еще недавно фельдмаршалъ и графъ Остерманъ были смертельными врагами;

and are thought irreconcileable for the future, so that people judge, that if our prime-minister will drop the old one, his warmth and want of experience must ruin him, as the superior parts and knowledge of business of count Osterman, if he should be still employed, will produce the same effect. In order to form a certain judgment, whether count Osterman will be employed or laid aside, or retire himself, we must wait the recovery of the prime-minister; we shall then be also better able to judge of his conduct and measures. He, however, has certainly begun with a high hand, and had proposed and prepared mourning as deep as the late regent was to have worn it, but received the mortifying order from the grand-duchess to lessen it, which may have had some share in the sudden illness of a man of his violent spirit.

The opening a trade with the swedish territories is thought rather a gasconade than prudence, and that the motive of it was to be, at first setting out, something directly contrary to the late regent's maxims. The field-marshal to the english merchants was very warm in his professions in favour of Great-Britain, and declares against France, but after his excellency's conduct at the beginning of the polish affairs, I believe your lordship would have preferred a whisper of these assurances in my ear to the affected publication of them in so unguarded a manner to the merchants.

ихъ и теперь считаютъ непримиримыми, и полагаютъ, что, задумай первый министръ низложить прежняго вице-канцлера, онъ по горячности и недостатку опыта можетъ сгубить себя; съ другой стороны, если графъ Остерманъ останется у дѣлъ, его способность и опытность совершенно подавятъ фельдмаршала. Чтобы точнѣе судить, останется ли гр. Остерманъ у дѣлъ, или будетъ устраненъ, или удалится самъ, надо дождаться выздоровленія перваго министра. Тогда легче будетъ судить и о томъ, какъ онъ будетъ вести себя и что намѣренъ дѣлать. Началъ онъ очень громко, предлагалъ и готовилъ бывшему регенту судьбу возможно плачевную, но получилъ отъ великой княгини поразившее его приказаніе дѣйствовать мягче, что при его крайней раздражительности, пожалуй, отчасти и было причиной его внезапной болѣзни.

Въ открытіи торговли черезъ шведскую границу видятъ скорѣе выходку, чѣмъ осмотрительность, а поводомъ къ ней признаютъ желаніе съ перваго шага поступить въ направленіи прямо противуположномъ направленію низложеннаго регента. Фельдмаршалъ, принимая англійскихъ купцовъ, очень горячо говорилъ о своемъ расположеніи къ Великобританіи и заявилъ себя противникомъ Франціи, но, вспоминая поведеніе его въ началѣ польскихъ недоразумѣній, ваше превосходительство, вѣроятно, громкимъ, неосторожнымъ заявленіямъ передъ купцами предпочли бы дружескія увѣренія, сказанныя мнѣ на ухо.

Though people seem to observe that all business is at a stand during the prime-minister's sickness, yet I have great reason to suspect that m-r Mardefeld has already made an overture of a stricter alliance between this court and the king of Prussia, and that count Osterman, who was saturday morning with the great-duchess two hours alone, amongst other things communicated, in general terms, this proposition to her highness; and I hear also, as I think from a good hand, that the princess immediately communicated it to the prime-minister, and that his answer was, that, according to his excellency's opinion, her highness ought to wait for the offers of the same nature from other courts, and, without precipitating her resolution, decide at last in favour of the most advantageous.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35)

№ 83. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Whitehall, November the 28th 1740.

... What you write in particular relating to your negotiation with count Osterman, is so voluminous, and is come to our hands in the midst of a time of so great hurry and business, upon account of the number of parliamentary and other affairs now depending, that it is impossible I should be

---

Хотя здѣсь за время болѣзни перваго министра замѣчаютъ какъ бы нѣкоторый застой въ дѣлахъ, я имѣю основаніе подозрѣвать, что Мардефельдъ уже съумѣлъ замолвить слово о тѣснѣйшемъ союзѣ Россіи съ Пруссіей, а также, что графъ Остерманъ, который въ субботу поутру провелъ два часа наединѣ съ великой княгиней, успѣлъ сообщить ея высочеству объ этомъ предложеніи. Изъ источника, кажется, достойнаго довѣрія, я слышалъ далѣе, будто ея высочество немедленно передала слышанное первому министру; онъ же, говорятъ, отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, можно ожидать подобныхъ предложеній и отъ другихъ дворовъ и, не торопясь, склониться, наконецъ, на сторону, которая обѣщаетъ болѣе выгодъ.

№ 83. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Уайтгэлль, 28-го ноября 1740 г. (9-го декабря н. ст.).

... Донесенія, присланныя вами, и касающіяся преимущественно переговоровъ вашихъ съ графомъ Остерманомъ, такъ объемисты и доставлены намъ во время до того тревожное, до того полное заботъ и по парламенту, и по другимъ текущимъ дѣламъ, что мнѣ рѣшительно невозможно сообщить вамъ королевскія приказанія по

able to send you immediately the king's orders upon so many different points as arise to be considered therein, but you may assure count Osterman, that no time will be lost in examining the whole and sending you His Majesty's full instructions. In the meanwhile you will receive herewith the king's answers to the Czar's, and to the duke regent's letters of notification, which you will deliver in the usual and proper manner. I send you likewise copies of the same for your information, by which you will observe that the same letters contain new credentials to yourself in your former capacity of minister plenipotentiary.

Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

№ 84. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Pétersbourg, le 29 novembre 1740.

Hier au soir j'eus l'honneur de voir m-r le comte Osterman, et après que nous eûmes discouru quelque temps sur les affaires délicates de la conjoncture présente, je voulus prendre congé, quand S. E. m'arrêta pour me parler un peu, disoit-elle, sur le chapitre de m-r le duc de Mecklenbourg, et me tint à cette occasion le discours suivant:

«Vous savez que ce prince est père de madame la grande-duchesse et

---

всѣмъ пунктамъ, вами затронутымъ, но вы можете увѣрить графа Остермана, что все будетъ разсмотрѣно и новыя инструкціи его величества будутъ вамъ отправлены въ возможно-непродолжительномъ времени. Пока прилагаю отвѣты короля на извѣщенія Царя и герцога-регента, которые вы и вручите, какъ слѣдуетъ, по обычаю. Прилагаю и копіи этихъ писемъ для вашего личнаго свѣдѣнія. Вы увидите, что онѣ заключаютъ въ себѣ и вѣрительныя грамоты, утверждающія васъ въ прежнемъ званіи полномочнаго министра...

№ 84. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 29-го ноября 1740 г. (10-го декабря н. ст.).

Вчера вечеромъ я имѣлъ честь видѣться съ графомъ Остерманомъ. Послѣ непродолжительной бесѣды о щекотливыхъ вопросахъ настоящаго, я собирался было удалиться, но графъ остановилъ меня, дабы, какъ онъ выразился, «поговорить по поводу герцога мекленбургскаго», и высказалъ мнѣ слѣдующее:

«Вы знаете, что герцогъ—отецъ ея высочества великой княгини, и поймете на

vous jugez bien combien il est naturel que cette princesse. en qualité de fille, s'intéresse en faveur de celui, dont elle a reçu le jour; le sort de ce duc déjà avancé en âge, obligé de passer hors de ses états le peu d'années qui lui restent à vivre, et de les passer même fort à l'étroit, est certainement digne de compassion, et quand le roi, votre maître, y aura réfléchi avec sa bonté et générosité ordinaire, Sa Majesté sera peut-être portée à se prêter elle-même, et par ses bons offices à procurer des autres puissances un soulagement convenable à la fâcheuse situation de ce prince», et qu'en le faisant S. E. étoit très *persuadée que*[1]) Sa Majesté placeroit très bien une action en elle-même très louable; qu'il étoit aussi persuadé que madame la grande-duchesse ne demanderoit rien au-delà de ce qui fut juste et *raisonnable*, *encore* [1]) moins quelque chose qui put comprometttre les états de ce *prince*; *mais* [1]) que lui, comte Osterman, croioit, qu'il y auroit moyen d'adoucir le sort de ce prince sans préjudicier à celui de ses sujets, et sur ce pied-lá il étoit persuadé que je m'emploierois de bon coeur dans une affaire, qui interessoit de si près et qui seroit si agréable à madame la grande-duchesse, d'autant plus que c'étoit une princesse, laquelle (comme je devois moi-même savoir) avoit naturellement un grand fond d'esprit, et d'un esprit orné, et qu'il pouvoit m'assurer,

---

сколько ей, какъ дочери, естественно входить въ интересы своего родителя. Судьба этого герцога, человѣка преклонныхъ лѣтъ, вынужденнаго немногіе оставшіеся годы жизни проводить вдали отъ собственныхъ владѣній и притомъ въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, конечно, вызываетъ состраданіе, и если король, государь вашъ, подумаетъ о ней съ свойственными ему добротой и великодушіемъ, его величество, быть можетъ, окажется склоннымъ самъ, а также и добрымъ вліяніемъ своимъ въ средѣ другихъ монарховъ, возможно смягчить тяжелое положеніе герцога». *Графъ глубоко убѣжденъ* [1]), что, сдѣлавъ это, король, сдѣлалъ бы дѣло, очень похвальное само по себѣ; къ тому же графъ увѣренъ, что великая княгиня не будетъ домогаться ничего несправедливаго и *неразумнаго* [1]), тѣмъ менѣе чего либо способнаго повредить *герцогству* [1]).» Графъ Остерманъ полагаетъ, что найдется возможность смягчить судьбу герцога, не нанося ущерба его подданнымъ, и выразилъ увѣренность, что при условіи такой осмотрительности, я отъ добраго сердца приму участіе въ хлопотахъ по дѣлу, столь близкому великой княгинѣ, и удачное разрѣшеніе котораго было бы ей такъ пріятно, тѣмъ болѣе, что ея высочество, какъ мнѣ должно быть извѣстно, при большомъ природномъ умѣ обладаетъ и умомъ просвѣщеннымъ; что она—

---

1) Ср. слѣдующее письмо отъ 29-го Ноября.

qu'elle avoit autant de pénétration dans les affaires, d'application au travail et de fermeté dans l'exécution, et qu'elle seroit également capable de ressentir une obligation et d'en témoigner sa reconnaissance.

Je répondis à S. E. que, comme les affaires de ce duché me paroissent fort délicates et fort embrouillées, et que je n'avois aucune instruction à ce sujet, je ne pouvois lui répondre qu'en termes généraux, quoique je fusse fermement persuadé, que le roi, mon maître, saisiroit avec plaisir toutes les occasions pour en faire à madame la grande-duchesse, et pour la convaincre de la haute estime que Sa Majesté avoit pour sa personne, et de ses égards pour ce qui pourroit intéresser cette princesse; qu'enfin quant à moi, S. E. pouvoit être assurée que je ne manquerois pas l'ordinaire d'aujourd'hui de vous rapporter fidèlement, mylord, tout ce que S. E. m'avoit fait l'honneur de me dire à cette occasion.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

№ 85. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, November the 29th 1740.

I received the 27th inst. your lordship's two dispatches of the 31st past and 4th inst. Though the compliments in the last, by the Czarina's death,

---

какъ онъ можетъ увѣрить меня — кромѣ того проницательна, трудолюбива, тверда въ выполненіи своихъ замысловъ, способна чувствовать оказанныя ей услуги и умѣетъ быть благодарной.

Я отвѣчалъ графу, что дѣла герцогства мекленбургскаго представляются мнѣ крайне щекотливыми и запутанными; что у меня къ тому же касательно нихъ нѣтъ никакихъ инструкцій, потому я могу отвѣтить только въ общихъ выраженіяхъ. Я твердо увѣренъ, что король, государь мой, съ удовольствіемъ воспользуется всякимъ случаемъ сдѣлать пріятное ея высочеству, и засвидѣтельствовать высокое уваженіе свое къ ея особѣ и свое вниманіе ко всему, затрогивающему ея интересы; наконецъ, что касается меня лично, графъ можетъ быть увѣренъ, что я сегодняшнею же почтой поспѣшу въ точности передать вашему превосходительству все, что ему угодно было высказать мнѣ по дѣлу герцога.

№ 85. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 29-го ноября 1740 г. (10 декабря н. ст.).

27-го ноября я получилъ письма вашего превосходительства отъ 31-го октября и 4-го текущаго мѣсяца. Хотя сочувствіе, выраженное въ послѣднемъ изъ нихъ, и

are come too late, yet I could not help communicating to count Osterman the warm and true concern the king expressed on the great danger in which His Majesty then apprehended that princess.

I afterwards reported to his excellency what your lordship mentioned in your first dispatch about the critical conjuncture of Europe, the necessity of an unreserved communication and mutual concert of measures, the engagements both courts were equally under to maintain the indivisibility of the austrian succession in favour of the present queen of Hungary and Bohemia.

His excellency answered, that the engagements of this court and their reflexions on the critical juncture of affairs were the same with His Majesty's, and that they should be always ready to concert and concur in those measures which the king might think proper to communicate. His excellency also added, that, according to the strongest professions of cardinal Fleury, France would faithfully execute her guaranty of the pragmatic sanction without the least attempt to dismember that succession, but, as she was under engagements as to the elector of Bavaria being emperor, she probably might have views not at all in favour of the duke of Lorrain, whose election, he, count Osterman, however, thought absolutely essential for the preservation of the empire and the prosperity of the whole germanic body.

запоздало ввиду кончины Государыни, я тѣмъ не менѣе не могъ не сообщить графу Остерману теплое и искреннее участіе, съ которымъ король отнесся къ опасности, угрожавшей Ея Величеству по дошедшимъ до него въ то время свѣдѣніямъ.

Затѣмъ я передалъ графу все, высказанное вами въ первомъ изъ упомянутыхъ писемъ о критическомъ положеніи Европы, о необходимости откровенныхъ сообщеній и взаимнаго соглашенія въ мѣрахъ къ выполненію обязательствъ, принятыхъ дворами великобританскимъ и русскимъ по нераздѣльности австрійскаго наслѣдства въ рукахъ королевы венгерской и чешской.

Графъ отвѣчалъ, что обязательства россійскаго двора и взгляды этого двора на современное положеніе дѣлъ совершенно сходны съ обязательствами и взглядами его величества, почему русское правительство всегда готово къ обсужденію мѣропріятій, которыя будутъ предложены королемъ, и къ содѣйствію имъ. Графъ прибавилъ также, что, если вѣрить самымъ горячимъ увѣреніямъ кардинала Флери, Франція свято исполнитъ обязательства, налагаемыя на нее гарантіей прагматической санкціи, отнюдь не покушаясь на раздробленіе австрійскаго наслѣдства, но—ввиду обязательствъ, принятыхъ ею на себя касательно содѣйствія курфюрсту баварскому въ достиженіи имъ императорскаго престола — она никакъ не склоняется въ пользу герцога лотарингскаго, выборъ котораго графъ Остерманъ, между тѣмъ, признаетъ рѣшительно необходимымъ для сохраненія имперіи и благополучія всей Германіи.

He approved very much the declaration of the States General, and hoped that I should be soon enabled to inform this court more fully of His Majesty's ideas, so that I am afraid that the reciprocal expectation of such communications, without they are begun on one side or on the other in a more explicit way, may be of great prejudice to the common cause.

In the french letter, line 16th [1]), after the word «*persuadée*» and before «*que*», count Osterman struck out the parenthesis («quoiqu'elle me parloit d'elle-même)»; line 19th [2]), after «*raisonnable*» and before «*encore*», his excellency effaced «et qu'elle ne souhaiteroit pas ni le renversement des ordres déjà émanés, ni l'anéantissement des dispositions déjà établies dans ce pays-là»; line following, after «*prince*» and before «*mais*» — «ou en exposer la noblesse à son temps, peut-être trop vif»,—all which expressions he certainly made use of the night before.

Give me leave, mylord, to add, that if count Osterman hoped the guaranty of Courland on the late Czarinna's recommendation, he certainly

---

Онъ очень одобряетъ декларацію генеральныхъ штатовъ и надѣется, что я вскорѣ въ состояніи буду полнѣе сообщить русскому двору о намѣреніяхъ короля. Опасаюсь, какъ бы обоюдное выжиданіе такихъ сообщеній, къ которымъ между тѣмъ ни та, ни другая сторона въ дѣйствительности не приступаетъ, не отозвалось вредно на общемъ дѣлѣ.

Во французскомъ письмѣ своемъ графъ Остерманъ вычеркнулъ на 16-й строкѣ [1]) между словами «*persuadée*» и «*que*» поставленную въ скобкахъ строку («quoiqu'elle me parlait d'elle-même»); на 19-й [2]) — между словами «*raisonnable*» и «*encore*» — выраженія «et qu'elle ne souhaiterait pas ni le renversement des ordres déjà émanés, ni l'anéantissement des dispositions déjà établies dans ce pays-là»; наконецъ на слѣдующей строкѣ между «*prince*» и «*mais*» — слова: «ou en exposer la noblesse à son temps, peut-etre trop vif». [3]) Между тѣмъ всѣ эти выраженія онъ несомнѣнно употреблялъ наканунѣ вечеромъ.

Позвольте прибавить, ваше превосходительство, что если графъ Остерманъ, по желанію покойной Государыни, домогался гарантіи герцогства курляндскаго, онъ въ

---

1) Въ нашемъ печатномъ французскомъ текстѣ стр. 406 на строкѣ 9-й. Упоминаемыя въ этомъ письмѣ слова предыдущаго, французскаго письма отъ 29-го ноября напечатаны курсивомъ.

2) Въ нашемъ французскомъ текстѣ стр. 406, строка 11-ая

3) Въ русскомъ переводѣ указанныя вставки на стр. 406 могли бы въ предыдущемъ письмѣ быть установлены такъ: 1) послѣ «*графъ глубоко убѣжденъ*» — «(хотя и говоритъ только отъ своего лица)»; 2) послѣ «*неразумнаго*» — «она не пожелаетъ ни уничтоженія уже изданныхъ повелѣній, ни разрушенія порядковъ, уже установившихся въ герцогствѣ»; 3) послѣ «*герцогству*» — «или подвергнуть мѣстное дворянство вспышкамъ, быть можетъ слишкомъ раздражительнаго темперамента герцога».

now pressed the affair of Mecklenburgh still stronger, in order to make his court to the great-duchess, which princess would be highly obliged by His Majesty's concurrence, and, I believe, thereby secured to the king's interest, as, on the other hand. I am afraid her highness will try it by France.

The field-marshal count Munich mends every day and let me know this morning, that he hoped to be soon well enough to see company.

On the arrival of general Keith's adjutant there was a current report the beginning of this week, that this general had indeed proclaimed the young Czar, but without taking notice of the late regency, and that he had not wrote to the late regent, but only to the prince of Brunswick to desire his highness' orders on this important occasion, which, had it proved true, would have been carrying the pretended second sight in Scotland to a great length. However, upon examining into this affair, I find, that the report he sent was directed to the young Czar without writing to anybody, himself indisposed and having being a fluxion on his eyes; that, as he was on the point of receiving the turkish ambassador, he had concealed three days the news of the late Czarinna's death, for fear that this incident might have determined the turkish minister not to pass the borders for want of instructions and new credentials; but that, as soon as the ceremony of reception was over,

---

настоящее время тѣмъ сильнѣе настаиваетъ на мекленбургскомъ дѣлѣ изъ желанія сдѣлать пріятное великой княгинѣ, которая была бы очень тронута содѣйствіемъ его величества въ помощи герцогу. Такое содѣйствіе расположило бы ее къ интересамъ Англіи, а не то, опасаюсь, какъ бы она не попробовала достигнуть своихъ цѣлей съ помощью Франціи.

Здоровье фельдмаршала Миниха улучшается съ каждымъ днемъ. Онъ сегодня поутру прислалъ сказать мнѣ, что вскорѣ надѣется оправиться на столько, что въ состояніи будетъ принимать посѣтителей.

Въ началѣ этой недѣли прибылъ сюда адъютантъ генерала Кейта и по городу прошелъ слухъ, будто генералъ, провозгласивъ молодаго Царя, не упомянулъ о бывшемъ регентѣ, и что онъ бывшему регенту не писалъ, между тѣмъ обратился съ письмомъ къ принцу брауншвейгскому, испрашивая приказаній его высочества по поводу свершившихся важныхъ перемѣнъ. Если это правда, предполагаемое «второе зрѣніе» шотландцевъ оказалось очень дальновиднымъ. Впрочемъ, вникая въ дѣло, нахожу, что присланный Кейтомъ рапортъ отправленъ былъ молодому Царю, а затѣмъ онъ никому не писалъ, такъ какъ чувствовалъ себя нездоровымъ и страдалъ воспаленіемъ глазъ. Оказывается также, что, готовясь принять турецкаго посла, генералъ три дня скрывалъ извѣстіе о смерти Императрицы, изъ опасенія, какъ бы, получивъ такое извѣстіе, посолъ не пріостановился, и не рѣшился, для переѣзда русской границы, предварительно выждать инструкцій и новыхъ вѣрительныхъ грамать; но едва

he declared at Perewololzna the Czarinna's death, proclaimed the successor and published the regency; that, however he had given a private instruction to his adjutant on his arrival here to address himself secretly to the prince of Brunswick and to know — whether his highness would receive the packet or to whom the adjutant should deliver it, which conduct of general Keith's has been extremely well taken at court, and will prove to his advantage in the present happy turn of affairs here.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

№ 86. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, 2nd December 1740.

. . . Besides what I mentioned this day sennight of m-r Mardefeld's overture, I have since heard from undoubted authority, that some engagement was on the point ot being signed between this court and the court of Berlin the day before the regent's fall, and certainly would have been so the tuesday following, had his regency subsisted, but as the person who gave me this intelligence understood it, there would not have been a formal guaranty of Berg and Juliers, but only an engagement of this court

---

пріемъ посла завершился, Кейтъ объявилъ въ Переволочнѣ о кончинѣ Государыни и провозгласилъ наслѣдника престола и регенство, хотя въ то же время я далъ адъютанту своему частное приказаніе, прибывъ въ Петербургъ, секретно обратиться къ принцу брауншвейгскому и спросить его высочество — онъ ли приметъ присланный пакетъ или укажетъ передать его кому либо? Такое поведеніе генерала Кейта очень хорошо встрѣчено было при дворѣ и конечно дастъ выгодные для генерала результаты, ввиду счастливаго оборота, которое приняли здѣшнія дѣла.

№ 86. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 2-го декабря 1740 г. (13-го декабря н. ст.).

. . . Кромѣ сообщеннаго мною недѣлю тому назадъ извѣстія о предложеніяхъ Мардефельда, я изъ несомнѣнно-вѣрнаго источника слышалъ еще будто наканунѣ паденія регента долженъ былъ быть подписанъ договоръ между дворами русскимъ и берлинскимъ; онъ состоялся бы слѣдующій же вторникъ, продлись регентство до этого ня; но—на сколько лице, сообщившее мнѣ это свѣдѣніе, понимало дѣло—рѣчь шла не о формальной гарантіи Юлиха и Берга, а только объ обязательствѣ со стороны Россіи — не допускать никого до нападенія въ тылъ королю прусскому. Разумѣлось,

to prevent anybody's falling on the king of Prussia's rear, no doubt meaning the swedes in Pommerania, in case of a rupture on the elector palatin's death. By combining this with the former intelligence, it may be presumed that m-r Mardefeld, instead of having made a new proposal since the duke of Courland's fall, is rather pushing the conclusion of that, which was so near being finished during his highness' regency, but whether the field-marshal's advice to wait a little has deferred that affair, I can't say.

I am told also, that this court has had of late some jealousy of schach Nadyr's motions, and that an express was sent by the late regent with the utmost expedition to order Astrakhan to be put into a good posture of defence without loss of time.

By the same way I also hear that count Osterman had obtained leave of the late Czarinna to go to some bath in Germany for the recovery of his health, and that Her Majesty's sickness only prevented him setting out last autumn. His excellency also told me himself very lately, that, as soon as the duke of Courland was declared regent, he declared also his intention to make use of that leave, which he would have done, had the regency subsisted, as soon as the funeral was over. This resolution no doubt in some measure political, will probably now in a great measure also depend on the conduct of the prime-minister in general, and himself in particular, or ra-

---

конечно, нападеніе шведовъ въ Помераніи въ случаѣ войны по смерти курфюрста пфальцскаго. Соображая данное извѣстіе съ прежними, можно предположить, что Мардефельдъ, по низверженіи герцога курляндскаго, вмѣсто новыхъ предложеній, старается возстановить дѣло, уже близившееся къ концу во время регентства. Дѣйствительно ли оно пріостановлено вслѣдствіе совѣта фельдмаршала повременить, — не знаю.

Слышалъ я также, будто русское правительство за послѣднее время нѣсколько встревожено было движеніями Надиръ-шаха; будто бывшій регентъ даже съ особенною поспѣшностью отправилъ курьера съ приказаніемъ немедленно привести Астрахань въ состояніе выдержать крѣпкую оборону.

Изъ того же источника слышалъ я еще, что графъ Остерманъ получилъ отъ покойной Государыни разрѣшеніе отправиться на воды въ Германію для поправленія здоровья, и что только болѣзнь Ея Величества помѣшала ему выѣхать прошлою осенью. Графъ также самъ передавалъ мнѣ, что, едва герцогъ курляндскій былъ объявленъ регентомъ, онъ заявилъ о своемъ желаніи воспользоваться разрѣшеннымъ отпускомъ, и воспользовался бы имъ непремѣнно, если бы регентство продолжилось только до похоронъ. Исполненіе этого рѣшенія выѣхать въ Германію, которое вызвано, конечно, въ извѣстной мѣрѣ политическими соображеніями, теперь вѣроятно въ значительной степени будетъ зависѣть отъ поведенія перваго министра вообще, и по отношенію къ

ther on his share of credit with the great-duchess, which, as well as I can penetrate by his cautious discourse, I should think he had pretty well fixed with her highness. It is certain that he always stood fair in her highness' opinion and made the greatest stand against her marriage with the hereditary prince of Courland. Besides his excellency's other great and well known talents and experience, he certainly has the affections and confidence of this country; the prime-minister has neither, but he has the merit of his last action, and is the great-duchess' most intimate confidant and favourite, as greatly as ever the duchess of Marlborough was to queen Anne. Miss Mengden is the field-marshal's nearest relation, and entirely attached to that minister, however the slowness of his recovery, and the frequent returns of cholic makes his life as precarious, as his excellency's death, in the opinion of almost everybody here, would be in the present juncture happy for the grand-duchess, this country, himself and family.

The great-duchess finding herself a little indisposed at chapel sunday morning, retired before the service was over, but this disorder will rather rejoice, than alarm the people, since they look upon it as a mark for her highness' pregnancy.

The field-marshal count Munich still keeps his bed and is not yet en-

---

графу въ частности, или — вѣрнѣе — отъ того, на сколько графъ удостоится довѣрія великой княгини, съ которою — на сколько могу догадываться по осторожнымъ рѣчамъ графа — у него установляются довольно хорошія отношенія. Извѣстно, впрочемъ, что онъ всегда стоялъ высоко въ глазахъ ея высочества и сильно противился ея браку съ наслѣднымъ принцемъ курляндскимъ. Кромѣ того за графомъ нельзя не признать большаго, общепризнаннаго таланта, опытности; онъ несомнѣнно пользуется въ Россіи общимъ расположеніемъ и довѣріемъ. Этого нѣтъ у перваго министра, но за нимъ заслуга послѣдняго событія, онъ самое довѣренное лицо, любимецъ великой княгини, играетъ роль подобную той, которую при королевѣ Аннѣ играла герцогиня Марлборо. Фрейлина Менгденъ — близкая родственница фельдмаршала и вполнѣ предана ему. Тѣмъ не менѣе медленность, съ которой возстановляется его здоровье, частое возвращеніе припадковъ дѣлаютъ его жизнь ненадежной, а смерть его, при настоящихъ обстоятельствахъ, по общему почти мнѣнію, желательною и для великой княгини, и для Россіи, и для самого фельдмаршала, и для его семьи.

Великая княгиня, чувствуя себя нездоровой, въ воскресенье поутру вышла изъ церкви до окончанія богослуженія, но случай этотъ возбудилъ скорѣе радость, чѣмъ тревогу въ народѣ, такъ какъ въ немъ видятъ признакъ беременности ея высочества.

Фельдмаршалъ графъ Минихъ все еще въ постели и еще не совсѣмъ излѣчился

tirely free from his cholic, of which his excellency had a return saturday and, as it is apprehended, a pretty severe one, since he received again the sacrament sunday morning, which he had done once before at the beginning of his illness.

The order of St. Andrew was sent last post to count Goloffkin, the ambassador of this court at the Hague.

The swedish minister, m-r Nolken, received also last post the orders of his court to conform to the mourning of this. The prussian minister, Mardefeld, had also last week orders from his court to the same effect, but he does not know what to make of a second letter he received, which intimates subsequent and more particular orders on that head, however he is preparing his mourning. I do not hear that m-r de la Chétardie is yet decided, either how or whether he is to mourn at all.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

№ 87. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Whitehall 5th December. 1740.

I have received your letter of the 4th and since that of the 8th November o. s., at which time, I see, you had not the least suspicion of what

---

отъ коликъ; припадокъ возобновился въ субботу и былъ такъ силенъ, что въ воскресенье поутру графъ снова пріобщился св. таинъ (въ первый разъ онъ пріобщался въ началѣ болѣзни).

Русскому послу въ Гаагѣ, графу Головкину, съ послѣдней почтой отправленъ орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Шведскій посланникъ Нолькенъ получилъ съ послѣднею почтою изъ Стокгольма приказаніе сообразоваться съ трауромъ русскаго двора. Такое же приказаніе получено на прошлой недѣлѣ Мардефельдомъ изъ Берлина, но онъ не знаетъ, какъ поступить со вторымъ письмомъ, въ которомъ дѣлаются послѣдующія, болѣе подробныя распоряженія по тому же предмету. Какъ бы то ни было, онъ изготовляетъ трауръ. На чемъ рѣшилъ Шетарди, какъ онъ будетъ справлять трауръ, и будетъ ли вообще справлять его — не знаю.

№ 87. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Уайтгалль, 5-го декабря 1740 г. (16-го декабря н. ст.).

Я получилъ ваше донесеніе отъ 4-го ноября, а затѣмъ и донесеніе отъ 8-го ноября ст. ст. . Писавъ послѣднее, вы, я вижу, и не подозрѣвали о близости событія,

happened the night following that at Petersburgh, an account of which we received four or five days since from the Hague, the news having been brought thither from general Ginkel, who had it by a courier or estafette from m-r Swartz.

Prince Scherbatoff has received new letters of notification from the Czar and princess Anne, which he is to deliver next week to His Majesty, after which the answers will be forwarded to you [1]).

You will not expect that, immediately upon such an important revolution in that government and before we are informed of the dispositions of the people now in power to go on with the work we had begun, any fresh orders for your proceeding therein should be sent you; but His Majesty is persuaded you will have lost no time in sounding their inclinations there, and that we shall consequently very soon receive such an account from you, as may determine what we shall have to expect from them towards the success of our treaty, which the king will be very willing and ready on his part to go on with.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

которое случилось въ Петербургѣ въ слѣдующую ночь, и о которомъ мы дня четыре, дней пять тому назадъ получили извѣстіе изъ Гааги; туда же его доставилъ генералъ Гинкель, получивъ его съ курьеромъ или съ эстафетой отъ Шварца.

Князь Щербатовъ получилъ новыя извѣстительныя письма отъ Царя и великой княгини Анны Леопольдовны, которыя долженъ передать его величеству на слѣдующей недѣлѣ. Отвѣты доставлены будутъ вамъ послѣ этой аудіенціи [1]).

Вы, конечно, не ожидаете, чтобы мы выслали вамъ какія либо новыя приказанія немедленно послѣ столь важнаго переворота въ русскомъ правительствѣ и прежде чѣмъ вы не извѣстите насъ о расположеніи лицъ, нынѣ у власти стоящихъ, продолжать начатые нами переговоры; но его величество убѣжденъ, что вы, не теряя времени, разслѣдуете наклонности ихъ и что мы вскорѣ получимъ отъ васъ отчетъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, а вмѣстѣ и возможность судить — на сколько слѣдуетъ надѣяться на успѣхъ трактата, заключенія котораго король съ своей стороны желаетъ по прежнему.

---

[1]) Остальная часть письма писана шифромъ.

№ 88. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, December the 6th 1740.

I received yesterday your lordship's last dispatch of the 14th past, and, as I heard at the same time from m-r Guy Dickens, that Kuoni had passed Berlin the 18th, I flatter myself that he will be arrived time enough for me to hear it from your office by the post which we may expect the 11th or 14th instant.

I should be very glad that prince Scherbatoff's preparations for his audience would allow him enough for the king to be apprised of the subsequent great alterations here, because that would prevent a good deal of superfluous trouble, and not put me under the necessity of deferring the delivery of the king's letters to the young Czar till I can receive those, which His Majesty will no doubt write to the great duchess in answer to those, which notified her highness' regency.

Court Osterman assures me that the great alteration here will occasion none in the king's negociation, but, though I gave him thursday last as fair an opportunity, as I either durst or could in prudence to talk to me on m-r Mardefeld's proposition, his excellency was perfectly silent on it, so

---

№ 88. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 6-го декабря 1740 г. (17-го декабря н. ст.).

Вчера я получилъ послѣднее письмо вашего превосходительства отъ 14-го ноября, а такъ какъ въ то же время узналъ отъ Гюи Диккенса, будто Куони проѣхалъ черезъ Берлинъ 18-го, льщу себя надеждой, что онъ пріѣдетъ въ Лондонъ достаточно своевременно, дабы я съ почтой 11-го или 14-го декабря уже получилъ отъ вашей канцеляріи извѣстіе о его прибытіи.

Я очень радъ, что приготовленія князя Щербатова къ аудіенціи дозволятъ королю заблаговременно узнать о внезапной перемѣнѣ, здѣсь совершившейся. Это предупредитъ излишнія хлопоты и меня избавитъ отъ необходимости задержать передачу королевскихъ писемъ юному Царю до полученія другихъ, которыя его величество, конечно, напишетъ великой княгинѣ въ отвѣтъ на извѣщеніе о принятіи ею правленія на себя.

Графъ Остерманъ увѣряетъ меня, что происшедшая здѣсь перемѣна ничего не измѣнитъ въ нашихъ переговорахъ, но хотя я прошлый четвергъ и давалъ ему, на сколько смѣлъ, на сколько мнѣ только позволяла осторожность, вполнѣ удобные поводы разсказать о предложеніяхъ Мардефельда, графъ упорно молчалъ, почему и не

that I cannot give your lordship any certain information of the true state of that affair. As soon as the prime-minister is visible, I hope to do it. However the Dresden secretary assured me last night, that he had received the day before a private message from the field-marshal to inform him, that the prussian minister had pressed very much for a speedy and categorical answer, that his master, as he said, might know certainly, how far he might depend on a perfect concert with this court, in order to regulate his conduct and measures and judge of the expediency and necessity of addressing himself elsewhere in this ticklish juncture; that the prime-minister had answered, that, if the king of Prussia thought, that he had the choice of several powers to do his business with, this court was also in the same case, and could not be therefore in such a hurry to precipitate the decisions here. Though the abovementioned secretary is not exactly informed of the prussian minister's proposals, yet, by count Munich's hints, he suspects them to be of a nature, which cannot be perfectly agreeable to the court of Dresden. Count Osterman was at court this morning, and seemed very assiduous there during the prime-minister's sickness, which may prove as lucky for the first, as the contrary for the last, whose recovery is yet far from being certain.

M-r Chétardie has communicated to count Osterman the anonymous

---

могу сообщить вашему превосходительству точныхъ данныхъ по этому дѣлу. Надѣюсь добыть ихъ, какъ только окажется возможнымъ посѣтить перваго министра. Дрезденскій секретарь увѣрялъ меня, впрочемъ, вчера вечеромъ, будто наканунѣ получилъ отъ фельдмаршала частное извѣщеніе, что Мардефельдъ горячо требуетъ скораго и категорическаго отвѣта, дабы государь его, какъ онъ выражается, могъ знать, на сколько имѣетъ основаніе полагаться на соглашеніе съ русскимъ дворомъ и сообразоваться съ этимъ въ своемъ поведеніи и въ своихъ мѣропріятіяхъ; дабы онъ могъ судить на сколько для него въ настоящихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ умѣстно и нужно обращаться къ другимъ дворамъ. Первый министръ отвѣчалъ: если король прусскій полагаетъ, что для содѣйствія своимъ планамъ располагаетъ нѣсколькими дворами на выборъ, русское правительство съ своей стороны тоже имѣетъ возможность выбирать, а потому и не видитъ основанія въ суматохѣ торопиться рѣшеніемъ. Хотя саксонскій секретарь и не знакомъ въ точности съ предложеніями Мардефельда, тѣмъ не менѣе, по намекамъ графа Миниха, подозрѣваетъ, что они не могутъ быть пріятны дрезденскому двору. Сегодня поутру графъ Остерманъ былъ при дворѣ, который вообще, по видимому, посѣщаетъ довольно усердно во время болѣзни фельдмаршала. Болѣзнь эта пожалуй на столько же во благо графу Остерману, на сколько гибельна для графа Миниха. За выздоровленіе фельдмаршала далеко не ручаются.

Шетарди сообщилъ графу Остерману анонимныя разъясненія французскаго двора

french reason for sending their squadron to America. M-r Mardefeld was with his excellency two hours this afternoon.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

№ 89. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, December the 9th 1740.

The post which came in yesterday morning brought no letters from England and mine to your lordship will be very short, since the day before yesterday, which was the great-duchess' birthday, was taken up by making our court to her highness in the morning, and the remainder of the day with a dinner of six hours at a table of thirty people, to which count Osterman invited all the foreign ministers and several of the great persons of this court. His excellency gave us above a hundred dishes and made us drink as many great glasses, and this day being that of the great-duchess' name, will be employed in the same most fatiguing manner.

M-r de la Chétardie not having yet received any orders about his mourning and not thinking it decent, nor proper to appear at court out of mourning, desired and obtained leave to make his compliments incognito to the great-duchess the evening before, which is the time when the people of

---

по поводу отправки эскадръ въ Америку. Мардефельдъ провелъ съ графомъ два часа сегодня послѣ полудня...

№ 89. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 9-го декабря 1740 г. (20-го декабря н. ст.).

Почта, прибывшая вчера поутру, не привезла писемъ изъ Англіи, и мое донесеніе вашему превосходительству будетъ очень кратко, такъ какъ третьяго дня (день рожденія правительницы) я занятъ былъ при дворѣ — поутру поздравленіемъ, а затѣмъ обѣдомъ, который длился шесть часовъ. Графъ Остерманъ, пригласивъ къ столу тридцать человѣкъ (всѣхъ представителей иностранныхъ государствъ и знатнѣйшихъ придворныхъ особъ), подалъ около ста блюдъ, и заставилъ выпить столько же большихъ стакановъ. Сегодня — день именинъ великой княгини — пройдетъ тѣмъ же, крайне утомительнымъ, образомъ.

Шетарди, еще не получивъ распоряженій о траурѣ и признавая неприличнымъ и неудобнымъ являться ко двору безъ траура, просилъ и получилъ позволеніе явиться къ великой княгинѣ съ поздравленіями инкогнито наканунѣ вечеромъ. Въ это время русскіе въ важныхъ случаяхъ обыкновенно являются съ первыми поздравленіями.

the country on such great occasions make their first court, and I hear, that her highness made him sit down all the time he had the honour to be with her. He was however at count Osterman's dinner in the full trimmed black coat he wears.

The news of the king of Prussia's assembling a considerable body of troops with a design, as it is presumed, to march at the head of them into Silesia, seems to employ the attention of this court. The imperial resident Hochholster, having received the 5th this intelligence from general Botta, who is actually at Berlin, immediately communicated it to count Osterman, who informed the grand-duchess of it the 6th in the morning and had a long conversation the same afternoon with the prussian minister Mardefeld, in which his excellency represented the engagements not only this court, as well as most of the other princes of Europe, but also the king of Prussia himself was under, to maintain the pragmatic sanction; so that he was persuaded from the justice, equity and penetration of that prince, that he must forsee all the fatal consequences of any precipitated steps in this critical juncture of Europe and that he could take none, which might disturb the peace of the empire, and desired m-r Mardefeld in his letters to dissuade anything of this kind in the strongest manner.

According to general Botta's account in italian, which m-r Hochholster

---

Я слышалъ, будто ея высочество позволила послу сидѣть все время, пока изволила бесѣдовать съ нимъ. За обѣдомъ у графа Остермана онъ, однако, присутствовалъ въ своемъ обыкновенномъ черномъ кафтанѣ.

Извѣстіе, будто король прусскій собираетъ значительную армію, какъ полагаютъ, съ цѣлью вторгнуться въ Силезію, по видимому поглощаетъ все вниманіе русскаго двора. Получивъ это извѣстіе 5-го декабря отъ генерала Ботты, который теперь находится въ Берлинѣ, императорскій резидентъ, Гохгульстъ, немедленно сообщилъ его графу Остерману, а графъ, въ свою очередь, 6-го поутру доложилъ о немъ правительницѣ и въ тотъ же день послѣ полудня долго бесѣдовалъ съ Мардефельдомъ, напоминая ему обязательство, принятое на себя не только русскимъ дворомъ и большинствомъ европейскихъ монарховъ, но также и самимъ королемъ прусскимъ по гарантіи прагматической санкціи. Графъ высказалъ увѣренность въ чувствѣ справедливости, въ честности и предусмотрительности короля, который не можетъ не предвидѣть всѣхъ роковыхъ послѣдствій торопливаго шага при настоящемъ критическомъ положеніи Европы;—увѣренность, что король не предприметъ ничего, способнаго нарушить спокойствіе имперіи, и пригласилъ Мардефельда всячески отклонять короля въ своихъ депешахъ отъ такого нарушенія.

Изъ сообщенія генерала Ботты на италіанскомъ языкѣ, которое Гохгульстъ

shewed me last night, the general, after his first audience, had in a second touched on this affair to the king of Prussia, and received the strongest assurances from that prince, that he meditated no design, which would not be for the advantage and service of the queen of Hungary and the duke of Lorrain, notwithstanding which the general adds his apprehensions, that this prince designs to enter Silesia and exact homage from that duchy. The imperial resident, as it is easy to believe, is very impatient for the letters he may expect from his court on this critical affair, that he may learn the light, in which it is seen at Vienna, and receive instructions for his conduct here. He is not less impatient for his next letters from general Botta, which may be of the 10th inst. n. s., the day after that, which was fixed for the prussian march. In the meantime he thinks, that he has all the reason in the world to be satisfied with the assurances he has received from this court of its firm resolution punctually to execute its engagements with his, as well as with the manner, in which count Osterman talked to m-r Mardefeld on the subject.

This letter was drawn last night, forseeing that the occupations of this day would leave me little time, if I should have been able to go abroad notwithstanding the return of the pain in my side, which since last night has increased so much, that I have been confined to my room and obliged to

---

показалъ мнѣ вчера, видно, что генералъ послѣ первой аудіенціи у короля прусскаго имѣлъ еще и вторую, въ которой коснулся силезскаго вопроса. Король далъ ему строжайшія увѣренія, будто не замышляетъ ничего, противнаго выгодамъ и пользѣ королевы венгерской и герцога лотарингскаго. Тѣмъ не менѣе генералъ высказываетъ опасеніе, что король намѣренъ ворваться въ Силезію и принудить ее къ подчиненію. Легко понять, съ какимъ нетерпѣніемъ императорскій резидентъ ожидаетъ писемъ отъ своего двора по этому трудному дѣлу, дабы удостовѣриться, въ какомъ свѣтѣ оно представляется въ Вѣнѣ и получить инструкціи, какъ держаться здѣсь. Съ не меньшимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ онъ и дальнѣйшихъ писемъ отъ генерала Ботты. Теперь сюда могутъ притти уже письма отъ 10-го декабря н. ст., т. е. письма, написанныя на слѣдующій день послѣ предположеннаго выступленія прусскихъ войскъ. Пока Гохгульсту кажется, что онъ имѣетъ всяческія основанія быть довольнымъ и увѣреніями россійскаго двора о твердой рѣшимости его точно выполнить обязательства, имъ на себя принятыя, и тономъ, въ которомъ графъ Остерманъ разговаривалъ съ Мардефельдомъ по данному вопросу.

Письмо это я написалъ вчера вечеромъ, предвидя, что если сегодня выйду изъ дому, не взирая на свою боль въ боку, у меня не окажется ни малѣйшаго досуга; но прошлую ночь боль эта усилилась до такой степени, что я сижу въ своей комнатѣ и вынужденъ отправить своего секретаря къ графу Миниху съ просьбою принести мои

send my secretary to make my compliments by count Munich to the great duchess and my excuse to count Osterman for my not waiting on his excellency at dinner.

The field-marshal count Munich grows every day better and let me know this afternoon, that he hoped to be soon well enough to go abroad, however both by the nature of his cholic and the weak state to which he was reduced, the least relapse might still be of very dangerous consequence.

The great-duchess received the compliments of a very numerous court to-day on her bed, so that her highness' pregnancy may be looked on as certain.

The prince of Brunswick told me himself sunday that general Keith had wrote to him only and not to the duke of Courland on Her late Majesty's death, and the news is come by the return of an express, that the great-duchess' regency had been proclaimed and received with the greatest joy by the army in the Ukraine.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

№ 90. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, December the 20ht 1740.

... The two first regiments of guards were drawn up the 10th past

---

поздравленія великой княгинѣ, и къ графу Остерману — съ извиненіемъ, что не являюсь къ его обѣду.

Фельдмаршалъ графъ Минихъ съ каждымъ днемъ чувствуетъ себя лучше, и сегодня послѣ полудня прислалъ сказать мнѣ, что вскорѣ надѣется поправиться на столько, что выѣдетъ, хотя характеръ его коликъ и слабость, вызванная послѣднимъ приступомъ болѣзни, заставляютъ опасаться самыхъ тяжелыхъ послѣдствій отъ малѣйшаго возобновленія болѣзненныхъ припадковъ.

Сегодня великая княгиня принимала поздравленія многочисленнаго двора, лежа въ постели, такъ что слухи о беременности ея можно, кажется, считать достовѣрными.

Принцъ брауншвейгскій лично говорилъ мнѣ воскресенье, что по поводу смерти Императрицы генералъ Кейтъ писалъ только къ нему, герцогу же курляндскому не писалъ. Возвратившійся съ Украины нарочный разсказываетъ, что извѣстіе о регентствѣ великой княгини провозглашено, и принято съ восторгомъ всѣми войсками, въ Украинѣ расположенными.

№ 90. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 20-го декабря 1740 г. (31-го декабря н. ст.).

... 10-го декабря два первые гвардейскіе полка собраны были къ зимнему

before the winter-palace, the prince of Brunswick generalissimo at their head and the young Czar and the great-duchess appearing at two different windows, when the secretary of the cabinet, Jacowleff, the grand-duchess' private secretary, the prince of Brunswick's adjutant, and five officers belonging to the two regiments (who had all been confined in the citadel and knouted there during the late regency) were brought and a proclamation was read, restoring them to their honour and forbidding under severe penalties anybody ever to reproach them with it. They were afterwards every one of them promoted according to their respective ranks and professions.

The post, which arrived here the 14th late in the evening, brought the account of the king of Prussia's march into Silesia with that prince's declaration on this most extraordinary enterprize. I speak the language of the court, which thinks it so.

The imperial resident Hochholster was the next morning to wait on the prime-minister and got admittance. From thence he went also to count Osterman to inform them both of this prussian step, both these ministers expressing their surprise, concern and disapprobation, as well as their apprehensions of the ill consequences of so precipitated a resolution. They assured him also, that m-r Brakel had been already instructed on this head, and that his instructions should be renewed by the next day's post to make the strongest representations against anything, which might tend to dismember the

---

дворцу съ генералиссимусомъ, принцемъ брауншвейгскимъ, во главѣ. Въ одномъ изъ оконъ находился юный Царь, въ другомъ — Анна Леопольдовна. На площадь привезены были секретарь кабинета Яковлевъ, личный секретарь великой княгини, адъютантъ принца брауншвейгскаго и пять офицеровъ выстроенныхъ полковъ, которые всѣ во время бывшаго регентства претерпѣли заключеніе въ крѣпости и были биты кнутомъ. Прочтено было объявленіе о возстановленіи ихъ чести и о запрещеніи подъ страхомъ строгаго наказанія кому бы то ни было когда либо попрекать ихъ прошедшимъ. Затѣмъ всѣ они возстановлены были въ прежнихъ чинахъ и должностяхъ.

Почта, прибывшая сюда 14-го вечеромъ, привезла извѣстіе о вторженіи короля прусскаго въ Силезію и текстъ его деклараціи по поводу этого крайне страннаго поступка. Говорю языкомъ русскаго двора, который именно такъ глядитъ на дѣло.

Императорскій резидентъ, Гохгульстъ, на слѣдующее же утро посѣтилъ перваго министра и былъ принятъ. Оттуда онъ отправился къ графу Остерману, дабы увѣдомить и его о движеніи прусскаго короля. Оба министра выразили удивленіе и порицаніе такому поступку, а также опасеніе за худыя послѣдствія столь поспѣшнаго рѣшенія. Они увѣряли резидента, будто Бракелю уже даны соотвѣтствующія инструкціи, и что съ слѣдующею же почтой будетъ ему подтверждено приказаніе строжайшимъ образомъ протестовать противъ всякаго покушенія на цѣлость австрійскаго на-

mass of the austrian succession or derogate from the pragmatic sanction, which this court had engaged to guaranty and was determined to maintain. Though m-r Hochholster could not but be pleased with such explicit assurances and though he might flatter himself that such strong instances might produce very good effects at Berlin re integra, yet he is sensible, that, since the stroke is struck, arguments of another nature and cogency must be employed; yet, as he has not had any orders from his court upon this head, he thinks that he cannot press things farther here, nor can this ministry well know, what measures to take till they are informed of the sense of the court of Vienna and of the measures it designs to pursue.

The great-duchess the 15th in the evening did the prime-minister the honour of a visit, and count Osterman was the 16th early in the morning at court for several hours with her highness. It is supposed, that the prussian enterprize was chiefly agitated on both occasions. The prime-minister and count Osterman have both been very explicit on the sense of this court on this stepp to m-r Mardefeld, who as, I hear, seems much embarrassed how to behave or what language to hold on the occasion.

The prime-minister and count Osterman both let me know two or three days ago that they wanted to see me, but I was forced to excuse my waiting on them, and the mortification to think, that my indisposition might be of

---

слѣдства, противъ всякаго нарушенія прагматической санкціи, гарантію которой русскій дворъ принялъ на себя и намѣренъ привести въ исполненіе. Хотя подобныя увѣренія могли быть только по душѣ резиденту, хотя онъ могъ бы льстить себя надеждой на добрый успѣхъ энергическихъ представленій въ Берлинѣ при условіи re integra, но онъ не можетъ не сознавать, что, разъ ударъ нанесенъ, нужны аргументы другаго характера и большей убѣдительности. Однако, не получивъ никакихъ приказаній домогаться такихъ мѣропріятій при здѣшнемъ дворѣ, онъ полагаетъ, что ему не слѣдуетъ настаивать на нихъ, да русскіе министры и не могутъ предпринять ничего прежде, чѣмъ вполнѣ ознакомятся съ настроеніемъ вѣнскаго двора и съ его намѣреніями.

15-го вечеромъ великая княгиня осчастливила перваго министра своимъ посѣщеніемъ, а 16-го рано поутру графъ Остерманъ былъ при дворѣ и провелъ нѣсколько часовъ съ ея высочествомъ. Полагаютъ, что главнымъ предметомъ разговоровъ съ обоими министрами было прусское вторженіе. Какъ фельдмаршалъ, такъ и графъ Остерманъ, съ полной откровенностью высказали Мардефельду, какъ русскій дворъ относится къ поступкамъ его государя, и Мардефельдъ, на сколько я слышалъ, былъ очень смущенъ, не зналъ какъ держаться и что отвѣчать при такихъ обстоятельствахъ.

И первый министръ, и графъ Остерманъ дали мнѣ знать дня два или три тому назадъ, что желаютъ меня видѣть, но я вынужденъ былъ отказаться отъ посѣщенія ихъ. Тяжелая мысль о вредѣ, которымъ болѣзнь моя можетъ отозваться на королев-

prejudice to the king's service, has no ways contributed to my recovery, however, if possible, I will endeavour to see them both to-morrow.

In the meantime m-r Swartz, the dutch resident, being the 15th at count Osterman's, his excellency desired him to come to my house, as he did, to let me know that this court could not but give the greatest attention to the prussian enterprize and to desire me to write to your lordship, that the king would be graciously pleased to communicate his sentiments on this nice affair, as well as the measures His Majesty might think most proper to pursue. The count desired m-r Swartz to procure the same communications from the States General.

The 18th was the princess Elizabeth's birthday; the great-duchess was with her the evening before (according to the custom of this country) to wish her joy, and made her a present of a pair of bracelets of four rounds of pearls each, with diamond clasps; the young Czar sent her a gold snuff box with the russian spread eagle set with diamonds and his crest in the middle, and also an order on the salt office for 40.000 roubles, about £ 9000 st.

The great change in the regency here, and the king's answer to the Czar's notification making mention of the duke of Courland, whose name is now quite out of fashion, will determine me not to take any immediate no-

---

ской службѣ, отнюдь не содѣйствуетъ улучшенію моего здоровья. Если окажется возможнымъ, постараюсь повидать и того и другаго завтра.

Пока графъ Остерманъ 15-го декабря, принимая у себя голландскаго резидента Шварца, просилъ его зайти ко мнѣ и передать мнѣ, что русскій дворъ не можетъ не отнестись къ замысламъ Пруссіи съ величайшимъ вниманіемъ, потому предлагаетъ мнѣ написать вашему превосходительству — не соблаговолитъ ли его величество сообщить свои взгляды на это щекотливое дѣло, а также, какія мѣры онъ думаетъ принять. Шварцъ исполнилъ порученіе графа, который просилъ его добыть такія же сообщенія отъ генеральныхъ штатовъ.

18-го былъ день рожденія великой княжны Елизаветы Петровны. Правительница (по русскому обычаю) пріѣхала поздравить ее и провела съ ней вечеръ наканунѣ, при чемъ подарила пару браслетовъ изъ четырехъ нитокъ жемчуговъ каждый, съ бриллiантовыми застежками. Юный Царь прислалъ ей золотую табакерку съ русскимъ ширококрылымъ орломъ, осыпаннымъ бриллiантами и съ своимъ вензелемъ на среднемъ щитѣ, а также распоряженіе соляному приказу о выдачѣ великой княжнѣ 40.000 рублей (около 9000 ф. ст.)...

Большая перемѣна въ регентствѣ и упоминаніе въ отвѣтѣ короля на царское извѣщеніе, о герцогѣ курляндскомъ, имя котораго теперь не въ модѣ, заставило меня умолчать о полученіи этого отвѣта, и король, надѣюсь, милостиво одобритъ такое умол-

tice of my having received this letter, which, I humbly hope, the king will graciously approve, especially since I may, in a post or two, expect to hear from your lordship again after the arrival of the great-duchess' notification of her regency, upon which news I presume that his Majesty will order a second answer, more suitable to the present situation of affairs here. All the other foreign ministers will observe the same conduct. The preamble above relative to the exportation of corn is calculated particularly to prevent any being sent to Sweden, for, though the prime-minister had a mind at first setting out to do something directly opposite to the late regent's maxims, yet, on second thoughts, I am told, he does not find it so prudent to fatten, as he said, at the beginning those, who may prove the declared enemies of Russia.

The corps of the late Czarinna, after having lain in state in her own apartment ever since her death, was removed this week into the great hall of the summer-palace, where it is exposed in what they call here a castrum doloris, with a crown of diamonds on the head and a great many on the breast; the 4 crowns of Russia, Kazan, Astrakhan and Siberia, the globe and scepter, the four orders of s-t Andrew, Alexander, Catherina and the White eagle being ranged on 10 stools... But I shall not pretend to give your lordship a more full account of what my health has not allowed me to see, and

---

чаніе, тѣмъ болѣе, что черезъ одну или двѣ почты надѣюсь услыхать, что ваше превосходительство получили извѣщеніе великой княгини о переходѣ правленія въ ея руки, и его величество прикажетъ, вѣроятно, составить другой отвѣтъ, болѣе сообразный съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Здѣсь всѣ представители иностранныхъ государствъ намѣрены поступить такъ же, какъ поступилъ я. Вышеупомянутое распоряженіе о вывозѣ хлѣба расчитано главнымъ образомъ въ предупрежденіе отправки хлѣба въ Швецію, такъ какъ, хотя первый министръ и думалъ было сначала выпустить хлѣбъ, дабы сдѣлать что нибудь прямо противуположное основной политикѣ бывшаго регента, онъ — какъ слышно — подумавъ, находитъ, что «съ первыхъ же шаговъ откармливать отъявленныхъ враговъ Россіи» (какъ онъ выразился) врядъ-ли осторожно.

Тѣло покойной Государыни, лежавшее на парадномъ одрѣ въ ея собственныхъ аппартаментахъ съ самаго дня ея кончины, на этой недѣлѣ перевезено въ большой залъ лѣтняго дворца, гдѣ и выставлено въ такъ называемой печальной палатѣ съ бриліантовой короной на головѣ, и со множествомъ бриліантовъ на груди. Четыре короны — россійская, казанская, астраханская и сибирская, скипетръ, держава, знаки четырехъ орденовъ — св. Андрея первозваннаго, св. Александра-Невскаго, св. Екатерины, и Бѣлаго Орла — выставлены на десяти табуретахъ... Не стану впрочемъ подробно описывать то, чего разстроенное здоровье не позволило мнѣ видѣть. Кромѣ

besides no doubt a very particular description will be printed both of this pomp and of the funeral, which will be tuesday next, if no sudden thaw interrupts the present severe frost.

The persian trade having been so early brought into parliament will be very agreeable to this court, which seems well inclined to give it all the encouragement possible. I have already informed your lordship, that, upon my application last summer, leave was immediately given to captain Elton (with whom three houses here are engaged) to build a ship at the admiralty dock at Kazan; three or four more houses are preparing to send a small cargo from hence into Persia by the ordinary way and those sort of packet boats, which belong to this country on the Caspian sea, one Graham, a scotchman, who was left at Reshd as a factor by captain Elton, giving them great encouragement by his assurances, that there is a strong demand for english cloths in that country.

All trades upon their first setting out must be precarious, but, I think, no new branch could be proposed with a greater probability of success or with a greater appearance of being a beneficial one to England, both by the exports and returns.

I believe your lordship will not be sorry to see the following paragraph

---

того, на дняхъ, конечно, выйдетъ подробное печатное описаніе и печальной палаты, и похоронъ, назначенныхъ на будущій вторникъ, если внезапная оттепель не смѣнитъ настоящей крѣпкой стужи.

Поспѣшное внесеніе въ парламентъ вопроса о персидской торговлѣ произведетъ очень пріятное впечатлѣніе на здѣшній дворъ, который, кажется, вполнѣ расположенъ возможно поощрить эту торговлю. Я уже писалъ вашему превосходительству, какъ, во вниманіе къ моему ходатайству минувшимъ лѣтомъ, капитану Эльтону (съ которымъ здѣсь вступили въ сдѣлку три торговыхъ дома) немедленно дано было разрѣшеніе построить корабль на адмиралтейской верфи въ Казани. Кромѣ того три или четыре дома готовятся отправить отсюда въ Персію небольшую партію товаровъ обычнымъ путемъ, въ русскихъ пакетъ-ботахъ, плавающихъ на Каспійскомъ морѣ, такъ какъ нѣкто Грагамъ, шотландецъ, оставленный Эльтономъ въ Рештѣ въ качествѣ коммиссіонера, очень ободряетъ купцовъ, увѣряя, что въ Персіи на англійское сукно спросъ большой.

Всякая вновь возникающая торговля должна быть связана съ рискомъ, но, полагаю, трудно предложить новый торговый путь съ бо́льшими вѣроятіями успѣха, съ бо́льшими данными для выгоды Англіи какъ по вывозу, такъ и по ввозу.

Ваше превосходительство, надѣюсь, не поскучаете ознакомиться съ слѣдую-

of persian news extracted out of the above mentioned Graham's letter to a marchant here.

Reshd, the capital of Guilan, 8th August 1740.

«Nadir-schach some months ago returned from India to the persian frontier, loaden with immense riches, the spoil of the moguls treasures, where, being informed of his eldest son, regent in his absence, his undue practices and abuse of power intrusted with by oppressing the subjects in several respects (particularly by that pernicious scheme of monopolizing the whole trade of Persia), has deposed and disgraced him and given the kingdom of Persia to his (the late regent) son, by a sister of the late schach Tamass of the ancient royal stem, a child of 4 years of age, and during his minority his uncle, Nadir's second son, is established regent under him. Nadir himself made but a very short stay on the frontiers and is now marched into Uzbeque Tartary and Bucharia».

The imperial resident told me last night in confidence, that, on his private instances and without any orders as yet from Vienna, this court had wrote a very strong letter to the king of Prussia on his Silesia scheme, expressing their surprise and concern, representing the fatal consequences of such a measure

---

щими персидскими новостями, извлеченными изъ письма вышеназваннаго Грагама къ одному изъ здѣшнихъ купцовъ:

Рештъ, главный городъ Гиляни, 8 августа 1740 г.

«Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Надиръ-шахъ вернулся изъ Индіи къ персидской границѣ съ чрезвычайною добычей, захваченной изъ сокровищницъ великаго могола. Здѣсь, узнавъ, что въ его отсутствіе регентъ, сынъ его, позволялъ себѣ предосудительные поступки и злоупотреблялъ властью, которой былъ облеченъ, притѣсняя подданныхъ (особенно путемъ монополизаціи персидской торговли), шахъ низложилъ сына, подвергъ его своей немилости, владычество же надъ Персіей передалъ внуку (сыну регента), который черезъ сестру покойнаго шаха Тахмаса происходитъ отъ стараго рода Софіевъ, мальчику четырехъ лѣтъ, а до его совершеннолѣтія регентство передано дядѣ, второму сыну Надира. Самъ шахъ пробылъ на персидской границѣ только очень короткое время и двинулся на татаръ Узбекскихъ и на Бухару».

Императорскій резидентъ конфиденціально сообщилъ мнѣ вчера, что вслѣдствіе его частныхъ настояній, независимо отъ какихъ бы то ни было инструкцій изъ Вѣны, русскій дворъ обратился къ королю прусскому съ чрезвычайно сильнымъ письмомъ по поводу его замысловъ на Силезію, выражая свое удивленіе и недовольство, выставляя не-

and that from such a spark a general war might be kindled in Europe, referring to the pragmatic sanction, guarantied by so many princes and by this crown also, which Russia was resolved to execute from the necessity of preserving the indivisibility of the austrian succession, dissuading the king of Prussia from pushing his enterprize to any extremities, since, if his pretensions were founded, this court was so thoroughly convinced from the equity and candour of the queen of Hungary, that this princess would do him justice and offering him at the same time the good offices and most efficacious instances, if necessary, to procure it for him. This letter was sent to Berlin by an estafette the seventeenth and communicated to the imperial resident, who sent it the next by an estafette also to his court, but he had a diffidence to let me have a copy of it, though he assured me, that he told me the whole contents, with which he was perfectly satisfied. Count Osterman confirmed to me to-night the above purport of the letter, and in stronger terms than I have put it, adding, that, to give greater weight to the representations and to convince the king of Prussia that this court desired to live, if possible, in friendship with his majesty, it has at the same time, renewed the defensive alliance, which actually subsisted between the two courts and which m-r Mardefeld had been of late solliciting. I asked for a copy of the letter, which he declined, but said, that their ministers, both at London and the Hague, had

---

чальныя послѣдствія поступковъ, которые могутъ превратиться въ искру, способную зажечь общеевропейскую войну вслѣдствіе гарантіи, данной прагматической санкціи столь многими монархами, между прочимъ и покойной Государыней. Россія рѣшилась выполнить свои обязательства и не допустить дробленія австрійскаго наслѣдства, потому старается отклонить короля прусскаго отъ крайностей. Русскій дворъ глубоко увѣренъ въ честности и чистыхъ намѣреніяхъ королевы венгерской, увѣренъ, что въ случаѣ, если притязанія Пруссіи имѣютъ основаніе, королева приметъ ихъ во вниманіе. Русскій дворъ въ то же время предлагаетъ королю употребить свои добрыя услуги и самыя энергическія настоянія для переговоровъ о его удовлетвореніи. Письмо это отправлено 17-го въ Берлинъ съ эстафетою и сообщено императорскому резиденту, который, въ свою очередь, отправилъ его съ эстафетою же въ Вѣну. Онъ не довѣрилъ мнѣ копіи съ него, хотя и увѣряетъ, что сообщилъ все содержаніе письма, и очень доволенъ имъ. Вечеромъ графъ Остерманъ подтвердилъ мнѣ то же, приводя изъ письма выраженія даже болѣе сильныя, чѣмъ тѣ, которыя употребилъ я. Графъ прибавилъ, что, съ цѣлью придать болѣе вѣса сдѣланнымъ представленіямъ и убѣдить короля прусскаго въ желаніи Россіи жить въ возможной дружбѣ съ его величествомъ, русскій дворъ въ то же время возобновилъ оборонительный союзъ, существовавшій между нимъ и Пруссіей, о возобновленіи котораго Мардефельдъ хлопоталъ послѣднее время. Я просилъ дать мнѣ копію письма, но графъ отклонилъ мою просьбу,

orders to declare in the strongest terms, that this court was ready and desirous to concert and concur in any measures with His Majesty and the States General, which might be thought expedient and necessary to preserve the peace and balance of Europe.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

№ 91. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, December the 23th 1740.

. . . He (the prime-minister) immediately fell upon the king of Prussia's enterprize (which is now the only topic of discourse) and he told me the substance of the representations made by word of mouth to m-r Mardefeld and of the letter, which had been wrote from hence to dissuade his prussian majesty in the strongest and most pathetic terms from pursuing this design, and his excellency added, that it was hoped, that the king would communicate his thoughts on so extraordinary a step and the measures, which might appear to His Majesty the properest to prevent the fatal consequences of it. I took this opportunity to ask his excellency—whether it would not be of great use to trust me with a copy of this letter, by which the sentiments

---

сказавъ, что русскимъ представителямъ въ Лондонѣ и Гаагѣ поручено самымъ рѣшительнымъ образомъ заявить о готовности и желаніи петербургскаго двора войти въ обсужденіе, а также принять участіе въ осуществленіи, мѣръ, которыя его величество и генеральные штаты признаютъ полезными и необходимыми для охраненія мира и равновѣсія Европы...

№ 91. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 23-го декабря 1740 г. (3-го января 1741 г. н. ст.).

. . . Онъ (первый министръ) тотчасъ же обрушился на поведеніе короля прусскаго (составляющее въ настоящее время общій предметъ разговоровъ), разсказалъ мнѣ сущность заявленій, словесно сдѣланныхъ Мардефельду, и содержаніе письма, отправленнаго отсюда королю прусскому, написаннаго въ самыхъ рѣшительныхъ и горячихъ выраженіяхъ, дабы отклонить его отъ задуманныхъ плановъ. Графъ затѣмъ выразилъ надежду, что король подѣлится своими взглядами на столь чрезвычайный поступокъ и на мѣры, которыя признаетъ наиболѣе пригодными для предотвращенія его гибельныхъ послѣдствій. Я воспользовался случаемъ спросить графа—не полезно ли будетъ довѣрить мнѣ копію письма, которая вполнѣ разъяснитъ чувства русскаго

of this court would plainly appear, since no doubt the king would be as glad to be informed of their ideas here, as they could be to learn those of His Majesty. The prime-minister seemed to think this demand of mine very reasonable, and to promise me, that I should have the copy I desired; but I think that count Osterman has some difficulties about it, as I shall inform your lordship presently, when I come to give you an account of my visit to his excellency the same afternoon.

To return therefore to the field-marshal, his excellency gave me the strongest assurances, that on all occasions he should be heartily disposed to concur in everything, which might contribute towards cultivating and cimenting the harmony and good intelligence, which already so happily subsisted between the two courts, founded, as he was entirely convinced, on the immutable and reciprocal interests of both. — There would be an affectation to mention the civil things his excellency was pleased to say relating to myself, so I shall only inform your lordship, that I promised (as indeed his excellency desired) to make a faithful report of what, I was sure, would be equally agreeable to the king and relied on by His Majesty...

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

двора, такъ какъ королю безъ сомнѣнія такъ же интересно ознакомиться съ мыслями здѣшняго правительства, какъ здѣсь интересуются мыслями его величества. Первый министръ, по видимому, призналъ мое желаніе совершенно разумнымъ и обѣщалъ мнѣ копію, но, на сколько мнѣ кажется, графъ Остерманъ затрудняется подѣлиться ею, какъ я разскажу вамъ, когда дойду до отчета о посѣщеніи графа въ тотъ же день послѣ полудня.

Возвращаюсь къ фельдмаршалу. Онъ далъ мнѣ самыя горячія увѣренія въ своей сердечной готовности при всякомъ случаѣ содѣйствовать всему, что способно упрочить и укрѣпить единомысліе и доброе согласіе, столь счастливо установившееся между дворами великобританскимъ и русскимъ, по его убѣжденію основанное на неизмѣнныхъ обоюдныхъ интересахъ сторонъ. Было бы излишнимъ упоминать о любезностяхъ, которыя графу угодно было высказать мнѣ лично, потому прибавлю только, что я (согласно желанію, выраженному графомъ Минихомъ) обѣщалъ дать вашему превосходительству самый точный отчетъ о нашей бесѣдѣ, которая, я увѣренъ, доставитъ удовольствіе королю и къ которой его величество отнесется съ довѣріемъ...

№ 92. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Whitehall, December the 26th 1740.

I send you now herewith His Majesty's answers to the letters received from the Czar and the princess, his mother, notifying the removal of the duke of Courland from the regency, and appointment of the said princess in his stead, which answers do likewise contain credentials for yourself in your former quality of minister plenipotentiary.

You will likewise find copies for your own information, as well of the letters abovementioned from the russian court, as of His Majesty's answers.

You will therefore deliver these letters in the manner usual at that court, accompanying them with professions of His Majesty's friendship and regard, conformable to what you will find expressed in the letters themselves.

I must observe to you that a difficulty having arisen in relation to the title of «imperial highness», by reason of His Majesty's not having yet given that of emperor to the Czar; the appellation of «czarish highness», which you will find made use of to the regent, was thought of, and agreed to by prince Scherbatoff, who has copies of the king's letters sent him, those to which they are answers having been delivered by him in an audience.

№ 92. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Уайтгэлль, 26-го декабря 1740 г. (6-го января 1741 г. н. ст.).

Прилагаю при семъ отвѣты его величества на письма, полученныя отъ Царя и его матери, великой княгини, съ извѣщеніемъ объ устраненіи отъ регентства герцога курляндскаго и о замѣнѣ его ея высочествомъ. Въ этихъ отвѣтахъ заключаются и вѣрительныя грамоты вамъ въ прежнемъ званіи полномочнаго министра.

Тутъ же вы найдете для вашего личнаго свѣдѣнія, какъ копіи вышеозначенныхъ писемъ русскаго двора, такъ и копіи съ отвѣтовъ короля.

Вы передадите письма его высочества порядкомъ, установленнымъ при русскомъ дворѣ, при чемъ повторите увѣренія въ дружбѣ и уваженіи короля, изложенныя въ письмахъ.

Я долженъ сообщить вамъ о затрудненіи, возникшемъ по поводу титула «императорское высочество», ввиду того, что король еще не призналъ титула императора за Царемъ. Остановились на титулѣ «царское высочество»; онъ, какъ увидите, употребленъ былъ въ письмахъ къ регенту и одобренъ княземъ Щербатовымъ, которому сообщены копіи писемъ, отправленныхъ въ отвѣтъ на письма, врученныя имъ королю въ аудіенціи.

I have received and laid before the king your dispatches of the 22 and 25th past o. s., the contents of which do not require any particular answer [1]). But His Majesty is expecting with impatience to hear from you (as it is taken for granted you will have sounded the new governors upon that head) whether the present court be in the same disposition, as the former, to go on with the treaty with His Majesty, which was so far advanced when the late Czarinna died, and if they will proceed in transacting that business upon the plan which you transmitted by your courier, excepting that article of the guaranty for the duchy of Courland, which is now, we suppose, entirely out of the question. As soon as I hear anything positive from you upon that subject, I shall lose no time in sending you His Majesty's farther instructions.

The king would have you be particularly attentive to learn and inform him what are the sentiments of your court with regard to the support of the pragmatic sanction, which is guarantied by Russia in common with His Majesty, and more especially with what eye they may look upon the present conduct of the king of Prussia in invading Silesia, and whether they are disposed to take any part, and what, in opposition to those proceedings.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

Я получилъ и предъявилъ королю донесенія ваши отъ 22 и 23-го ноября ст. ст., содержаніе которыхъ не требуетъ особаго отвѣта [1]). Но его величество съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій о томъ, расположенъ ли новый дворъ продолжать переговоры о трактатѣ, которой былъ уже такъ близокъ къ завершенію при кончинѣ покойной Царицы (король вполнѣ увѣренъ, что вы уже постарались разузнать настроеніе новыхъ правителей по этому поводу), намѣренъ ли онъ продолжать дѣло на прежнихъ основаніяхъ, присланныхъ вами съ Куори, за исключеніемъ статьи о гарантіи герцогства курляндскаго, о которой теперь, полагаю, и рѣчи быть не можетъ. Какъ только узнаю отъ васъ что либо положительное по этому поводу, не теряя времени вышлю вамъ дальнѣйшія инструкціи его величества.

Король приглашаетъ васъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за отношеніями русскаго двора къ охраненію прагматической санкціи (гарантированной Россіей также, какъ и его величествомъ), и увѣдомлять его о нихъ, особенно же — слѣдить, какъ въ Петербургѣ смотрятъ на поведеніе короля прусскаго, на его вторженіе въ Силезію; думаютъ ли тамъ принять какія либо мѣры противъ этого вторженія, и какія именно.

---

1) Отсюда до конца письмо писано шифромъ.

№ 93. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, December the 27th 1740.

... I shall now resume my letter, where I was obliged to leave off the 23rd, and give your lordship an account of what passed between count Osterman and myself the 21st.

His excellency did me the favour to relate to me the substance of the letter this court has wrote to the king of Prussia in order to represent to that prince all the fatal consequences to be apprehended from his Silesia expedition and to dissuade the pursuit of it. He employed nigh a quarter of an hour in going through every material part of it, and if I could have noted the several heads as exactly, as he repeated them to me distinctly, I should have had no occasion to have desired his excellency to trust me in confidence with a copy of it, which I told him that the prime-minister had the same morning given me reason to hope for, by which means I should be better enabled to transmit to the king the ideas and sentiments of this court on so ticklish and important an affair, as no doubt they would in their turn be glad to learn those of His Majesty's also upon it.

The count replied that after the full account he had given of this letter I could not doubt of their confidence in me, much less of their having the

---

№ 93. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 27-го декабря 1740 г. (7-го января 1741 г. н. ст.).

... Дабы дать вашему превосходительству отчетъ о томъ, что происходило между мною и графомъ Остерманомъ 21-го, продолжаю сегодня донесеніе, которое вынужденъ былъ оставить неоконченнымъ 23-го.

Его сіятельство любезно передалъ мнѣ сущность письма, отправленнаго русскимъ дворомъ королю прусскому съ цѣлью выяснить ему всѣ тяжелыя послѣдствія, которыхъ можно ожидать отъ вторженія въ Силезію, и убѣдить его, чтобы онъ пріостановился. Графъ употребилъ около четверти часа на выясненіе мнѣ всѣхъ важнѣйшихъ доводовъ, приведенныхъ въ этомъ документѣ, и будь я въ состояніи записать всѣ подробности такъ же ясно, какъ графъ излагалъ ихъ мнѣ, мнѣ не пришлось бы просить его о конфиденціальномъ сообщеніи мнѣ копіи, на полученіе которой первый министръ въ то же утро далъ мнѣ основаніе надѣяться, дабы я могъ съ возможною точностью передать королю мысли и взгляды русскаго двора по щекотливому и важному дѣлу, по которому здѣсь, въ свою очередь, конечно охотно желали бы узнать мнѣнія и взгляды его величества.

Графъ возразилъ, что, ввиду полнаго отчета, даннаго мнѣ о письмѣ, я, конечно, не могу сомнѣваться въ довѣріи русскаго двора ко мнѣ лично, тѣмъ менѣе могу заподозрить

least reserve towards the king, but, as the chief design of this letter was to dissuade the king of Prussia from his scheme on Silesia, if the arguments they had alledged could produce this effect, the principal object would be attained, but that he was afraid the puncto of this young prince might be hurt, if he should hear, that this letter had been communicated to anybody before the impressions it might make on him could be known here; that moreover his excellency did not think a minute communication of the sentiments of this court on this enterprize (which he thought would be nearly the same with those of most other powers, who had guarantied the pragmatic sanction) so essential, as to be reciprocally and fully informed of the counsels and measures with each power, and particularly the king and the states general, would pursue in the execution of this guaranty and that he repeated it to me with his earnest desire, that I would report it; that this court would be most willing and ready to concert any measures and concur in such as might appear to His Majesty and States most expedient to preserve the indivisibility of the austrian succession and the peace of the empire, on which the wellfare and ballance of power in Europe so absolutely depended.

I thought it my duty to inform the field-marshal of count Osterman's difficulties and reasons against communicating the copy, and the prime-mi-

---

какія либо опасенія по отношенію къ его величеству, но главная цѣль письма—удержать короля прусскаго отъ замысловъ на Силезію, и если сообщенные аргументы произведутъ дѣйствіе, цѣль будетъ достигнута; между тѣмъ нельзя не опасаться, какъ бы молодой монархъ не обидѣлся, услыхавъ, что письмо, къ нему адресованное, сообщено было кому либо прежде, чѣмъ здѣсь не узнаютъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ письмомъ. Къ тому же графъ полагаетъ, что частности высказаннаго русскимъ дворомъ отношенія къ замысламъ прусскаго короля (отношенія вѣроятно почти тождественнаго для большинства державъ, принявшихъ на себя гарантію прагматической санкціи) не на столько важны, чтобы требовалось предварительное полное согласованіе ихъ со взглядами и планами, которыхъ по вопросу объ осуществленіи гарантіи держатся прочія правительства, тѣмъ болѣе король и генеральные штаты, но что онъ повторяетъ мнѣ свои мысли о тождественности обязательствъ по гарантіи, руководствуясь искреннимъ желаніемъ, дабы я извѣстилъ короля о слышанномъ, такъ какъ русскій дворъ очень охотно готовъ войти съ его величествомъ въ соглашеніе касательно мѣръ, по мнѣнію короля и штатовъ, наиболѣе пригодныхъ для охраненія нераздѣльности австрійскаго наслѣдства и мира въ имперіи, отъ коего прямо зависитъ благосостояніе и равновѣсіе Европы.

Я счелъ долгомъ изложить фельдмаршалу какія затрудненія графъ Остерманъ встрѣчаетъ къ сообщенію мнѣ копіи, и первый министръ отвѣчалъ, что—если я оза-

nister told me, that provided I would take care, that the matter remained as secret, as the nature of it required, he could not see any harm in letting me have an abstract of it in french, since I did not understand the german original and his excellency spoke to m-r Brevern in my presence, that such an abstract should be made and sent to me, but as yet I have not received it, so that I believe, that I had better defer attempting to give your lordship the particulars of this letter on my memory till I shall be able to do it in a more satisfactory manner from the abstract itself.

M-r Winterfeld certainly came here from Berlin with a commission, which, as I hear, was to press the renewal of the alliance between the courts, which, as I informed your lordship, was actually concluded before his arrival. His next business was not only to colour over the Silesian enterprize, but also, if possible, to prevail on this court to countenance and favour it, but there is no probability that this court will alter those sentiments, which it has so clearly expressed in the letter to the king of Prussia. The last thing was to sollicit a body of two thousand cossacks the king of Prussia would take into his service, which has, as I am assured, been absolutely refused.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

бочусь сохраненіемъ дѣла въ тайнѣ, какъ того требуетъ самая сущность его, — онъ не видитъ препятствій къ выдачѣ мнѣ извлеченій на французскомъ языкѣ, такъ какъ я нѣмецкаго не понимаю. Онъ въ моемъ присутствіи поручилъ Бреверну заготовить такое извлеченіе и препроводить его мнѣ, но пока я еще ничего не получалъ и полагаю — не лучше ли пока попытаться, передать вашему превосходительству содержаніе письма, на сколько оно сохранилось въ моей памяти, дабы затѣмъ дополнить что окажется нужнымъ по оффиціальному извлеченію.

Винтерфельдъ прибылъ сюда изъ Берлина конечно съ какимъ нибудь порученіемъ; на сколько я слышалъ — съ цѣлью ускорить возстановленіе союза между дворами петербургскимъ и берлинскимъ, уже заключеннаго впрочемъ до его пріѣзда, какъ я увѣдомлялъ ваше превосходительство. Его ближайшая задача не только загладить впечатлѣніе отъ вторженія въ Силезію, но еще, если возможно, добиться отъ русскаго двора одобренія и поддержки. Врядъ ли, однако, русскій дворъ измѣнитъ взгляды, столь ясно изложенные въ письмѣ къ королю прусскому. Наконецъ Винтерфельду поручено было просить — не позволятъ ли королю нанять въ свою службу корпусъ въ двѣ тысячи казаковъ. Въ этомъ, говорятъ, ему отказали на отрѣзъ...

№ 94. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, December the 30th 1739.

... M-r Mardefeld by an estafette received last week three public letters, two of which were answers to the Czar's and the great-duchess' notifications of his accession and her regency, and the third a new credential (as I am told) in quality of minister plenipotentiary. The first answers he received on the accession and the duke of Courland's regency he suppressed; but these three last letters he delivered friday the 26th the great-duchess in a private, or rather—a secret audience, since for what reason m-r Mardefeld made so much mystery I can not guess, but none of the foreign ministers heard anything of it till two days afterwards. The young count Munich introduced him into the regent's bedchamber, and the privy counsellor baron Munich answered on the great-duchess' part the short compliment the prussian minister made on this occasion.

The imperial resident's courier also arrived here the latter end of last week, and, coming by the way of Cracow and Warsaw, he was twenty six days on the road. The resident received by this messenger a second credential from the queen of Hungary, for his former one on the emperor's death

---

№ 94. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 30-го декабря 1740 г. (10-го января 1741 г. н. ст.).

... Мардефельдъ на прошлой недѣлѣ получилъ съ эстафетою три оффиціальныя бумаги: двѣ изъ нихъ — отвѣты Царю и великой княгинѣ на извѣщенія о вступленіи на престолъ Іоанна Антоновича и объ установленіи правленія ея высочества, третья-же, какъ мнѣ передавали, — новая вѣрительная грамата на званіе полномочнаго министра. Первые отвѣты, полученные по случаю установленія регентства герцога курляндскаго, Мардефельдъ уничтожилъ, а вновь полученные три документа 26-го передалъ великой княгинѣ въ частной, вѣрнѣе — въ тайной аудіенціи, такъ какъ по причинѣ, которую разгадать не умѣю, Мардефельдъ облекъ ее въ такую тайну, что никто изъ дипломатическаго корпуса и не слыхалъ о ней еще дня два послѣ аудіенціи. Молодой графъ Минихъ ввелъ его въ опочивальню правительницы, гдѣ на краткое привѣтствіе Мардефельда за великую княгиню отвѣчалъ тайный совѣтникъ баронъ Минихъ.

Прибылъ сюда также въ концѣ прошлой недѣли курьеръ императорскаго резидента. Онъ ѣхалъ черезъ Краковъ и Варшаву и пробылъ въ пути двадцать шесть дней. Резидентъ получилъ отъ королевы венгерской новыя вѣрительныя граматы, такъ какъ вслѣдствіе кончины императора прежнія не дошли и не могли дойти до

neither did, nor could arrive here till after the late Czarinna's demise, to the notification of which from his own... but he told me last night, that besides his credential to the Czar, he has also another to the great-duchess as regent, and that he had had notice given him to be ready for his audience of her highness, which he therefore expects to have in a day or two.

M-r Hochholster's letters from his court were dated the 10th n. s., before the king of Prussia had actually begun his march into Silesia, but after that prince's design on that province was equally known and apprehended at Vienna. So that the resident is instructed without the loss of a moment's time provisionally to reclaim both the alliance, which exists between the two courts and the russian guaranty of the pragmatic sanction, and also to make the strongest sollicitations, that this court would exert itself in the most efficacious manner, pursuant to the double engagements it is under, and in consequence of the casus foederis, which was on the point of existing so notoriously.

General Botta also writes him word, that he proposed to set from Berlin without fail the 28th instant n. s. and desires him to press this court to assemble immediately a considerable body of troups on the frontiers, because the arguments of this kind, which Russia is in a condition to inforce, are the only ones which will have weight with the king of Prussia or can save the

---

него при жизни покойной Государыни. Вчера вечеромъ онъ говорилъ мнѣ, что, кромѣ вѣрительной граматы къ Царю, ему прислана еще и грамата — къ великой княгинѣ, какъ къ правительницѣ, и ему уже дано знать, чтобы онъ готовился къ аудіенціи у ея высочества, которую онъ и надѣется получить дня черезъ два.

Письма къ Гохгульсту изъ Вѣны помѣчены были 10-мъ н. ст., то есть отправлены еще до вторженія короля прусскаго въ Силезію, однако когда притязанія его на эту провинцію уже стали извѣстными, по крайней мѣрѣ когда ихъ уже опасались въ Вѣнѣ. Резиденту даны инструкціи — не теряя ни минуты требовать помощи и въ силу союза дворовъ с.-петербургскаго и вѣнскаго, и въ силу гарантіи прагматической санкціи со стороны Россіи, а также горячо просить о самомъ дѣятельномъ вмѣшательствѣ Россіи сообразно съ двойными обязательствами на ней лежащими и сообразно столь очевидному casus foederis.

Генералъ Ботта также пишетъ резиденту, что намѣренъ непремѣнно выѣхать изъ Берлина не позже 28-го декабря н. ст., а пока приглашаетъ резидента требовать отъ русскаго двора немедленнаго сбора значительнаго корпуса на границѣ, такъ какъ подобнаго рода аргументы, вполнѣ доступные Россіи, одни только и могутъ имѣть значеніе у короля прусскаго, одни только могутъ спасти австрійскій домъ отъ конечной гибели при настоящихъ обстоятельствахъ. Я уже писалъ вашему превосхо-

utter ruin of the house of Austria in the present juncture. I have already informed your lordship, that m-r Hochholster thinks that he has all the reasons in the world to be satisfied with the general assurances of this court, the more specific effects of which, since the arrival of his courier, he has been making the strongest and most pressing instances to procure, and as he represents at the same time the evident danger in delays, he hopes that the proper resolutions will be soon taken here.

The resident finds count Osterman more uniform in his opinion of the fatal consequences of the silesian enterprize and of the necessary measures to prevent it, than the prime-minister, who talks in general of an expedient to accommodate that affair without explaining it, which, as the imperial minister supposes, may be a sacrifice of a part to save the rest; but he thinks on an offer of a full purchase of such a part, with the king of Prussia's vote at Frankfurt and his assistance contra quoscunque into the bargain, that the queen of Hungary cannot alienate, and that, if she could, such an expedient...... rather of the utmost necessity than ever a choice. Should the resident not be mistaken in the judgment formed of the prime-minister's present way of thinking, this sudden turn must proceed either from some other, perhaps more prevalent, reasons, to which he is not insensible, and I am told in the utmost confidence, that, in order to make him more attached

---

дительству, что, по мнѣнію Гохгульста, онъ имѣетъ основаніе быть въ полной мѣрѣ довольнымъ увѣреніями, полученными отъ русскаго двора, отъ котораго вслѣдствіе извѣстій, привезенныхъ курьеромъ, съ крайней горячностью и настойчивостью требуетъ самой рѣшительной помощи, и къ тому же—ввиду явной опасности—помощи безотлагательной. Онъ надѣется, что здѣсь вскорѣ будутъ приняты соотвѣтствующія рѣшенія.

Резидентъ находитъ, будто графъ Остерманъ опредѣленнѣе смотритъ на роковыя послѣдствія вторженія въ Силезію и на мѣры, которыя необходимо принять противъ нихъ, чѣмъ графъ Минихъ, который только въ общихъ выраженіяхъ говоритъ о необходимости уладить дѣло, не выясняя какими средствами думаетъ достигнуть этого. По догадкамъ Гохгульста, онъ можетъ быть даже имѣетъ въ виду уступку части для спасенія остальнаго, именно предложеніе королю прусскому—купить часть Силезіи подъ условіемъ подать голосъ въ пользу австрійскаго дома во Франкфуртѣ и помогать contra quoscunque въ столкновеніи, предотвратить которое королева венгерская не можетъ, да если бы и могла, предлагаемый выходъ...... скорѣе по совершенной крайности, чѣмъ вслѣдствіе свободнаго выбора. Если резидентъ не ошибается въ своихъ сужденіяхъ о настоящемъ образѣ мыслей перваго министра, внезапная перемѣна въ немъ вызвана, можетъ быть, важнѣйшими соображеніями, къ которымъ онъ неравнодушенъ. Мнѣ подъ строжайшею тайной передавали, будто съ цѣлью рас-

to Prussia, the officer lately arrived brought him the news, that his son-in-law, Malsan, had been made a colonel, a diamond ring from the king of Prussia's own finger to his excellency, and to his excellency's son—the grant of the estate of Guben upon the Oder, which seems to be the temporary inheritance of a reigning minister at this court, for Menzikoff had it first, then they... and now the young count Munich.

Upon this coolness of the field-marshal, the imperial minister applied himself to the prince, representing the notoriety of the fact, as well as the great affection the late emperor had for him, the effect of which was his marriage, touching at last on the prime-minister; and the resident flatters himself that his highness, both out of gratitude and from the justice of the case, will not balance between his sister and first cousin, which he hopes the more, because the prince let drop this very remarkable expression: «If he does not take care (meaning the prime-minister), he may soon follow the duke». It is certain that his highness is piqued at the title of generalissimo; he is only a cypher, and the marshal has the entire command of the army. His highness is also dissatisfied, that he has no more share in other affairs. So, laying all those things together, I am very much confirmed in what I was lately told in the utmost confidence, that a scheme is laid by count Osterman and count Golofkin, the vice-chancellor, who both fear the violent temper of

---

положить его къ Пруссіи, недавно прибывшій сюда офицеръ привезъ фельдмаршалу извѣстіе о производствѣ его родственника, Мальзана, въ полковники, а также бриллiантовый перстень съ собственной руки короля прусскаго; сыну же его патентъ на помѣстье Гибенъ на Одерѣ, которому, по видимому, суждено быть временнымъ наслѣдіемъ министровъ, господствующихъ при русскомъ дворѣ. Оно сначала принадлежало Меншикову, затѣмъ... нынѣ же молодому графу Миниху.

Видя такое охлажденіе фельдмаршала, императорскій резидентъ обратился ко принцу, указывая на важность дѣла, напоминая глубокую привязанность покойнаго императора къ его высочеству, слѣдствіемъ которой былъ его бракъ, а наконецъ коснулся перваго министра. Резидентъ льститъ себя надеждой, что принцъ, движимый благодарностью и правдой, не будетъ колебаться между сестрой и двоюроднымъ братомъ. Эту надежду поддерживаетъ въ немъ особенно то, что принцъ проронилъ очень замѣчательныя слова: «Если онъ (первый министръ) не будетъ осторожнѣе, онъ вскорѣ можетъ послѣдовать за герцогомъ». Его высочество несомнѣнно недоволенъ, что званіе генералиссимуса является только званіемъ почетнымъ, завѣдываніе же арміей вполнѣ принадлежитъ фельдмаршалу. Онъ недоволенъ также своимъ малымъ участіемъ въ прочихъ дѣлахъ. Принимая все это въ соображеніе, я сильно укрѣпляюсь въ мысли, которая высказана была мнѣ подъ строжайшею тайной: графъ Остерманъ и вице-канцлеръ, графъ Головкинъ, опасаясь раздражительнаго характера графа Миниха, со-

count Munich, to bring the prince into the cabal, in order to curtail the prime-minister's power. Perhaps count Golofkin, who is great with the duchess' near relation, and very well with her highness, is charged with this intrigue, and whatever the success of it may be, yet everybody thinks, that, though this court has assumed a new shape, it is not however arrived at that consistency to be on a lasting foot in the present form.

(Public Record Office; Russia, 1740; № 35).

ставили вмѣстѣ планъ, втянувъ въ свой заговоръ принца, урѣзать власть перваго министра. Быть можетъ графъ Головкинъ, сильный отношеніями къ ближайшей роднѣ великой княгини и къ ея высочеству лично, принялъ на себя веденіе интриги. Каковъ бы ни оказался успѣхъ ея, здѣсь полагаютъ, что если русскій дворъ и преобразовался, онъ все еще не имѣетъ устойчивости, которая бы обѣщала ему долго удержаться въ настоящемъ видѣ.

1741.

№ 95. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, January the 3rd 1740—41.

I received on new year's day your lordship's dispatch of the 5th december, and the letters of the 3rd came at the same time; to-morrow there will be three posts still due from England. I received also the same day a letter from m-r Trevor of the 17th n. s., though the Amsterdam gazette was of the 23rd, so that there certainly has been some tricks played with the post of late, though where we cannot yet tell.

So far from anybody having the least suspicion the 8th, when they went to bed, of what happened the 9th before they rose, that your lordship will have seen in my subsequent letters, what is a certain truth, that even the prince of Brunswick knew not a syllable of the design till after the field-

---

1741.

№ 95. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 3-го января 1740—41 г. (14-го января 1741 г. н. ст.).

Въ день новаго года я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 5-го декабря. Съ нимъ одновременно прибыли и письма отъ 3-го. Завтра должны бы собственно прибыть три почты изъ Англіи. Въ день новаго года получилъ я и письмо отъ Тревора, помѣченное 17-мъ ноября н. ст., хотя съ нимъ вмѣстѣ прибыла амстердамская газета отъ 23-го. Почта, очевидно, подвергается какимъ-то продѣлкамъ; неизвѣстно только гдѣ именно.

Здѣсь никто 8-го ноября, ложась въ постель, не подозрѣвалъ, что узнаетъ при пробужденіи 9-го. На сколько это вѣрно, можете судить по тому, что пишу въ слѣдующихъ письмахъ и что не подлежитъ никакому сомнѣнію: даже принцъ брауншвейгскій узналъ о задуманномъ дѣлѣ только въ то время, когда фельдмаршалъ Минихъ уже

marshal Munich had received the great-duchess's last orders at the winter-palace, and was actually marched to the summer-palace to put them in execution. And I can add from the adjutant Manstein's own mouth, who seized general Biron, and from the report of the other, who seized m-r Bestuchef, that the first asked, what the regent would say, and the second—how he had fallen under the regent's displeasure? Besides prince Czercasky, three hours after the duke of Courland was actually in arrest in the winter-palace, went to the cabinet, which was then kept in the summer-palace, and when he could not get admittance into the cabinet, was going on to the late regent's apartment till stopped by the guards, so perfectly ignorant was he of what had passed three hours before, and even count Osterman upon the first message he received from the great-duchess, was so ill of the cholic, that he excused himself till upon a second message he was informed, that the late regent was actually under arrest, upon which he went to court. And I humbly believe that general Genkel must have heard of the great change here by one of the estafettes this court sent away, for I believe that no foreign minister but the Brunswick one, m-r Keyserling, could obtain one till after the post of the 11th was gone.

As to the inclination of people now in power, besides the general assurances that the late great change in this court would occasion none in

---

получилъ послѣднія распоряженія отъ великой княгини въ зимнемъ дворцѣ и двинулся въ лѣтній дворецъ для ихъ выполненія. Могу, по собственному свидѣтельству адъютанта Манштейна, арестовавшаго генерала Бирона, и по свидѣтельству другаго офицера, который арестовалъ Бестужева, прибавить, что Биронъ при арестѣ замѣтилъ: «Что-то скажетъ на это регентъ?», Бестужевъ же недоумѣвалъ—чѣмъ навлекъ на себя немилость регента? Три часа по препровожденіи герцога курляндскаго въ зимній дворецъ, князь Черкасскій явился въ кабинетъ, въ то время собиравшійся въ лѣтнемъ дворцѣ, и, видя, что доступъ въ кабинетъ закрытъ, отправился въ аппартаменты бывшаго регента, пока его не остановила стража. Такъ мало онъ зналъ о случившемся три часа тому назадъ. Даже графъ Остерманъ при первомъ извѣстіи отъ великой княгини почувствовалъ такія колики, что извинился въ невозможности явиться къ ней, и прибылъ ко двору только когда за нимъ прислали вторично съ извѣстіемъ объ арестѣ регента. Генералъ Генкель, вѣроятно, получилъ вѣсть о происшедшей здѣсь перемѣнѣ съ одною изъ эстафетъ, отправленныхъ русскимъ дворомъ. Полагаю, что никто изъ дипломатическаго корпуса, кромѣ развѣ представителя герцога брауншвейгскаго, Кейзерлинга, не имѣлъ возможности воспользоваться эстафетой до отправленія почты 11-го ноября.

Что касается настроенія лицъ, нынѣ стоящихъ у власти, я независимо отъ общихъ увѣреній въ томъ, что совершившаяся перемѣна ничего не измѣнитъ въ отно-

the system of it, I had the honour very early to transmit to your lordship count Osterman's particular assurances, that their desire to perfect the treaty with His Majesty was still the same.

The prime-minister on his first creation I could only see once, before he fell sick, and then rather on compliments than business, but I have informed your lordship lately, that, since his recovery, upon my talking with him upon the treaty, though he was not acquainted, as he told me, with the particulars, yet he assured me of his firm inclination to concur in everything which might cement the friendship between two such natural allies, and who, at the same time, could be so reciprocally useful to each other. Besides, when I insinuated to count Osterman that the arrival of a messenger just at the beginning of a very busy session might occasion some delay in his being dispatched back, though his excellency could not object to such a reason, yet I could plainly see, that he would have been more pleased, had I told him that the courier was actually on the road hither. So, that, my lord, I can see no grounds to suspect, that this court will not be willing and ready to put the last hand to the treaty on foot, at least with what is transmitted, if the king approves of them, but if His Majesty should not, I am afraid the negociation will be drawn into a greater length than was either expected, or wished, when I left England.

шеніяхъ русскаго двора, имѣлъ еще возможность въ первые же дни перемѣны передать вашему превосходительству особенныя увѣренія графа Остермана въ неизмѣнномъ желаніи здѣшняго правительства довершить начатый договоръ съ его величествомъ.

Перваго министра я со времени его назначенія и до болѣзни имѣлъ случай видѣть только разъ, притомъ не въ дѣловой бесѣдѣ, а явясь къ нему съ поздравленіемъ, но я уже писалъ вашему превосходительству, какъ онъ по выздоровленіи встрѣтилъ мою рѣчь о договорѣ: хотя, какъ онъ самъ признался, подробности дѣла ему неизвѣстны, фельдмаршалъ тѣмъ не менѣе изъявилъ твердую рѣшимость содѣйствовать всему, что способно укрѣпить дружбу естественныхъ союзниковъ, которые всегда могутъ быть столь полезны другъ другу Кромѣ того, хотя я указалъ графу Остерману на то, что обратная отправка курьера, прибывшаго какъ разъ въ началѣ дѣловаго сезона, можетъ нѣсколько замедлиться, и графъ не возразилъ ничего на мой доводъ, мнѣ нельзя было не замѣтить, на сколько ему было бы пріятнѣе услыхать, что курьеръ уже находится на возвратномъ пути. Такимъ образомъ, ваше превосходительство, не вижу основаній сомнѣваться въ готовности русскаго двора покончить съ предположеннымъ договоромъ, по крайней мѣрѣ съ посланнымъ текстомъ, буде король одобритъ его. Если-же одобренія со стороны его величества не послѣдуетъ, опасаюсь какъ бы переговоры не были отложены до срока болѣе отдаленнаго, чѣмъ надѣялись и желали въ Англіи при моемъ выѣздѣ оттуда.

The guaranty of the duke of Courland is now out of the question, and what was hinted to me since about the duke of Mecklenburgh is not designed, as I presume, to make part of the treaty, besides we have a strong report here of that prince's death, which, though it might be an affliction at first, would be at last a great happiness for the great-duchess, because, should he live, he might probably come here, and if he did, he would infallibly run her highness into great difficulties, perhaps dangers.

In the beginning of the inclosed paper, otherwise exact, two or three paragraphs are omitted, which refer, the first—to the friendly expressions in the Czar's notification of the duke of Courland's arrest, dated the eleventh of november; the second—to a renewal of the treaties between the two courts at the sollicitation of the king of Prussia; the third—to the guaranty of their mutual possessions, as far as the justice of them, the not prejudicing any other power, and the nature of a defensive alliance would admit, the Czar at last expressing his satisfaction on this transaction, which, he hopes, also will be looked upon as a mark of His Majesty's cordial friendship by the king of Prussia, and of his desire to cultivate it as much as possible.

The imperial minister, after this letter, with farther and fresh assurances that this court will conduct itself in pursuance of engagements, and as a faithful ally of the house of Austria, thinks that till the king of Prussia's

---

Гарантія герцогства курляндскаго теперь внѣ вопроса, а намекъ, сдѣланный мнѣ позже по поводу герцога мекленбургскаго, полагаю, не имѣлъ въ виду включенія соотвѣтствующей статьи въ договоръ. Кромѣ того здѣсь получено извѣстіе о смерти герцога, которая, если быть можетъ вначалѣ и опечалила великую княгиню, въ сущности все-таки для нея — событіе счастливое: останься герцогъ въ живыхъ, онъ бы вѣроятно пріѣхалъ сюда, чѣмъ вовлекъ бы ея высочество въ большія затрудненія, а пожалуй и въ опасность.

Въ началѣ прилагаемой бумаги, вообще точной, пропущены два или три параграфа, относящіеся одинъ къ дружелюбнымъ выраженіямъ въ царскомъ увѣдомленіи объ арестѣ герцога курляндскаго отъ 11-го ноября; второй — къ возобновленію, по желанію короля прусскаго, трактатовъ, уже существующихъ между дворами петербургскимъ и берлинскимъ; третій — къ взаимной гарантіи владѣній, на сколько она соединима съ правотою владѣнія, неприкосновенностью прочихъ державъ, и условіями оборонительнаго союза. Въ концѣ Царь выражаетъ удовольствіе по поводу договора, въ которомъ, онъ надѣется, и король прусскій усмотритъ знакъ сердечнаго дружелюбія Его Величества и его желаніе возможно поддерживать дружескія отношенія.

Императорскій резидентъ, ознакомившись съ этимъ письмомъ и выслушавъ новыя увѣренія русскаго двора о намѣреніи его сообразоваться съ принятыми на себя обязательствами, держаться какъ приличествуетъ вѣрному союзнику дома австрій-

answer is come, he cannot press for effectual succours; though he constantly hints at the approaching and inevitable necessity of them. General Botta, who is every day expected, will be, no doubt more fully instructed.

Having at last procured in confidence a translated abstract of the Czar's letter to the king of Prussia, I transmit to your lordship an exact copy of what was given me, which, I believe, you will like better, than any second abstract I could make of it in english.

The prussian secretary of the embassy, m-r Podewitz, cousin to the minister of state of the same name, having obtained leave to return to Berlin on account of his very ill state of health, will set out next week. He has been gratified with a present of 1000 roubles. I hear, that major Winterfeld has also received 3000 roubles and will soon return to Berlin.

Several promotions were made here on new year's day: the chambellans of Her late Majesty were confirmed so to the present Czar, and some new ones added. They all received new gold keys, weighing about 140 ducats. M-r Wildeman, nephew of the field-marshal and who married a daughter of his present lady and lately quitted the army and service, was made vice-governor of Riga, which gives him the command of the troops there under the field-marshal Lacy.

скаго, полагаетъ, что впредь до полученія отвѣта короля прусскаго, ему нельзя настаивать на дѣятельной помощи, хотя онъ постоянно и намекаетъ на приближеніе и неизбѣжность такихъ настояній. Прибытіе генерала Ботты ожидаютъ со дня на день и полагаютъ, что онъ снабженъ болѣе опредѣленными полномочіями.

Добывъ наконецъ конфиденціальнымъ путемъ переводъ извлеченія изъ письма Царя къ королю прусскому, препровождаю вашему превосходительству точную копію съ полученнаго мною документа, въ надеждѣ, что такая копія удовлетворитъ васъ болѣе, чѣмъ сдѣланное мною на англійскомъ языкѣ извлеченіе изъ извлеченія.

Секретарь прусскаго посольства, Подевицъ, двоюродный братъ прусскаго министра того же имени, получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Берлинъ вслѣдствіе крайне разстроеннаго здоровья и выѣзжаетъ на будущей недѣлѣ. Ему пожалованъ подарокъ въ тысячу рублей. Я слышалъ, будто маіоръ Винтерфельдъ тоже получилъ три тысячи рублей и вскорѣ возвращается въ Берлинъ.

Въ день новаго года здѣсь послѣдовало нѣсколько новыхъ назначеній: камергеры покойной Императрицы утверждены въ той же должности при Государѣ, и число ихъ нѣсколько увеличено. Всѣ они получили новые золотые ключи, вѣсомъ приблизительно въ 140 дукатовъ. Племянникъ графа Миниха, Вильдеманъ, женатый на дочери настоящей жены графа, и недавно оставившій было службу, назначенъ рижскимъ вице-губернаторомъ, что предоставляетъ ему команду надъ мѣстными войсками подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала Ласси.

President Mengden's eldest brother is placed at the head of the justice of Livonia and is succeeded by his youngest brother in the direction of the domaines of the crown in that province. The chambellan Czernischeff, named last summer by the late Czarinna minister to the court of Madrid, was appointed to go in the same quality to relieve m-r Korff, a courlander, who is recalled from Copenhagen, and m-r Keyserling, a courlander, (though that was not declared) is to be recalled from Dresden and to be succeeded by count Solms, who was formerly in this service and married a daughter of the field-marshal count Munich. His excellency's son, great-master of the grand-duchess's household, and president Mengden, who married a niece of the prime-minister and sister to m-r Wildeman above, have been told by colonel Neubaur, that the king of Poland designed them the order of the White eagle, more esteemed than that of saint Alexander, which they now have, and count Lynar, who is expected every hour, is to bring them it. Count Osterman's eldest son was also made captain in the first regiment of guards, and his youngest — a captain-lieutenant in the same. Half of the estate of general Biron's in Ingria, which was promised to the field-marshal's adjutant Manstein (now colonel of the Astrakhan reginent) on his seizing the duke of Courland, was publicly declared and confirmed to him. He is promised to a m-lle Finck, a niece of countess Munich, and in the house with her. The field-marshal's

---

Старшій братъ предсѣдателя коммерцъ-коллегіи, Менгдена, поставленъ во главѣ судебнаго вѣдомства въ Лифляндіи; а на его мѣсто управляющимъ государственными имуществами этой провинціи назначенъ младшій братъ его. Камергеръ Чернышевъ, прошлое лѣто назначенный покойной Императрицей представителемъ Россіи въ Мадридѣ, отправляется на мѣсто курляндца Корфа въ Копенгагенъ. Другаго курляндца, Кейзерлинга, отзываютъ изъ Дрездена (это, впрочемъ, еще не объявлено); замѣнить его полагаютъ графомъ Сольмсомъ, прежде бывшимъ въ русской службѣ и женатымъ на дочери фельдмаршала графа Миниха. Сынъ фельдмаршала, оберъ-гофмейстеръ великой княгини, и Менгденъ, президентъ коммерцъ-коллегіи, женатый на сестрѣ перваго министра, сестрѣ вышеназваннаго Вильдемана, получили отъ полковника Нейбауера извѣщеніе о пожалованіи имъ отъ короля польскаго ордена Бѣлаго Орла, который здѣсь почитается болѣе, чѣмъ орденъ св. Александра Невскаго (его они уже имѣютъ). Орденскіе знаки привезетъ съ собою графъ Линаръ, котораго ожидаютъ сюда съ часу на часъ. Произведенъ также старшій сынъ графа Остермана въ капитаны, а младшій—въ штабсъ-капитаны преображенскаго полка. Половина имѣнія генерала Бирона въ Ингріи, обѣщаннаго адъютанту фельдмаршала (нынѣ командиру Астраханского полка) Манштейну при арестѣ герцога курляндскаго, теперь пожалована ему оффиціально. Онъ женится на племянницѣ графини Минихъ, дѣвицѣ Финкъ, проживающей у графини. Докторъ фельдмаршала, Азаретъ, получилъ другую половину того же имѣ-

physician, Azarette, also received a grant of the other half, for his successful cure of his excellency in his late dangerous illness. I had almost forgot to mention that the prince of Hesse-Homburgh received also the appointment of general of artillery, having only had before those of general-in-chief, and that Heinburgh was made adjutant-general to the prince generalissimo with the rank of colonel. These are the most material promotions or at least those, which occur to my memory. I am however promised a more exact list, which, if I get, I shall transmit to your lordship next post.

An advertisement was published in the gazette here the 30th of last month and yesterday for the auction of the late duke of Courland's horses— «*von dem gewesenen Hertzog*». He and his eldest son being both indisposed, the great-duchess ordered a physician to attend them at Slusselburgh and he set out for that place yesterday morning. The two brothers, Charles and Gustave Biron, and the brother-in-law, general Bismarck, are all sent into Siberia.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

№ 96. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, January the 6th 1740—41.

... This being a gala day and the ceremony of blessing the water (which is stiled here «the Jordain») being performed before the winter-palace,

---

нія за успѣшное излѣченіе графа отъ послѣдней опасной болѣзни. Чуть не забылъ еще упомянуть о производствѣ принца гессенъ-гомбургскаго въ генералы отъ артиллеріи (онъ былъ только генералъ-аншефомъ), а также о назначеніи Гейнбурга старшимъ адъютантомъ принца-генералиссимуса съ производствомъ въ полковники. Таковы наиболѣе значительныя производства, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя мнѣ удалось запомнить. Мнѣ, впрочемъ, обѣщали болѣе подробный списокъ ихъ. Если получу его, препровожу его вашему превосходительству со слѣдующею почтой.

Въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ 30-го декабря и вчера помѣщено объявленіе объ аукціонѣ лошадей бывшаго герцога курляндскаго — «*von dem gewesenen Herzog*». Такъ какъ онъ и старшій сынъ его нездоровы, для ухода за ними въ Шлиссельбургъ отправленъ врачъ, который выѣхалъ отсюда вчера поутру. Братья Карлъ и Густавъ Биронъ и свойственникъ ихъ генералъ Бисмаркъ—всѣ отправлены въ Сибирь...

№ 96. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 6-го января 1740—41 г. (17-го января 1741 г. н. ст.).

. . . Сегодня торжественный день освященія водъ (называемый «Іордань»), происходящаго передъ зимнимъ дворцомъ. Празднество это отняло у меня все утро,

has taken up my morning, rather to make my court, than out of any great curiosity. And as I have little time, by good luck I have less to transmit. I inclose however to your lordship an exact list of the promotions etc. on new year's day.

The major Winterfeld set out this morning. He had his audience of leave sunday. The prime-minister upon this occasion took his brother, the privy-counsellor Munich's, place and answered on the part of the great-duchess, which his excellency chose to do (as he did me the honour to tell me the same morning), that he might have an opportunity to make, in her highness's name, the strongest and most serious exhortations through m-r Winterfeld's channel to the king of Prussia to terminate the silesian enterprize in an amiable manner and to dissuade as strongly the pushing it to extremities.

General Botta arrived here this morning and the prime-minister immediately invited him to dinner. At my return from court, as he lodged at m-r Hochholster's, next door to me, I called on him, and he tells me that he as yet has neither credential nor instruction from his court, both which he expects every moment by an extraordinary messenger through Poland. He expressed great satisfaction both on the instructions the king was pleased to send m-r Guy Dickens, and on the manner they were executed by him.

Though the dew was plenty at the new year's day, people however

---

не потому, чтобы я очень интересовался имъ, а потому, что я воспользовался имъ, дабы быть при дворѣ. Такъ времени у меня мало, да, къ счастью, передать вамъ имѣю и того менѣе. Прилагаю точный списокъ производствъ и проч., изданный въ день новаго года.

Маіоръ Винтерфельдъ выѣхалъ сегодня поутру, откланявшись воскресенье въ прощальной аудіенціи. При аудіенціи этой первый министръ занялъ мѣсто брата своего, тайнаго совѣтника Миниха, и отвѣчалъ отъ имени великой княгини. Роль эту онъ принялъ на себя (какъ самъ изволилъ сообщить мнѣ въ то-же утро) изъ желанія обратиться отъ имени великой княгини черезъ Винтерфельда къ королю прусскому съ самымъ серьезнымъ увѣщаніемъ порѣшить силезскій вопросъ дружелюбно и не доводить дѣла до крайности.

Генералъ Ботта прибылъ сюда сегодня поутру и первый министръ немедленно пригласилъ его къ обѣду. Такъ какъ онъ остановился у Гохгульста, дверь о дверь со мною, я просилъ его къ себѣ. Онъ заявилъ мнѣ, что до сихъ поръ не получилъ отъ своего двора ни вѣрительныхъ граматъ, ни инструкцій, но ежеминутно ожидаетъ и тѣхъ и другихъ съ нарочнымъ, отправленнымъ черезъ Польшу. Онъ выразилъ большое удовольствіе какъ по поводу инструкцій, которыя его величеству угодно было дать Гюи Диккенсу, такъ и по поводу выполненія ихъ.

Хотя въ день новаго года роса была и обильна, люди указываютъ, что Гедео-

say, that the prime-minister's family and relations or immediate creatures and dependents composed the Gideon fleece. His excellency's credit at the court by favours, and the general odium elsewhere by his conduct, equally increases, nor was the first rise of power ever accompanied in this court with such predictions of a sudden fall, nor with such wishes for it.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

№ 97. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, January the 10th 1740—41.

Baron Munich having the chief examination of the duke of Courland's papers, has found amongst them a private letter of m-r Keyserling, intimating strongly, that the field-marshal was paid to connive at king Stanislaus' escape out of Danzig. This alone would be sufficient for that minister's disgrace, though there are several other strokes of the same kind; but his being a curlander is the public reason given for his recall.

I am assured, from very good authority, that major Winterfeld, before he left us, offered the prime-minister thirty thousand crowns, which, though his excellency refused, his son, like the prophet's servant, took; the old one passes for craving and profuse, the young one for craving and penurious.

ново руно явилось этотъ разъ въ видѣ семьи перваго министра, его родственниковъ, креатуръ и приближенныхъ. Милости двора къ фельдмаршалу растутъ одновременно съ общимъ нерасположеніемъ къ нему, вызваннымъ его поведеніемъ. Никогда еще вновь возникшая власть не встрѣчалась въ Россіи такими предсказаніями и такими пожеланіями близкой гибели.

№ 97. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 10-го января 1740—41 г. (21-го января 1741 г. н. ст.).

Ближайшее разсмотрѣніе бумагъ герцога курляндскаго возложено на барона Миниха. Между ними онъ нашелъ письмо Кейзерлинга, прямо указывающее, будто фельдмаршалъ, вслѣдствіе подкупа, содѣйствовалъ бѣгству короля Станислава изъ Данцига. Этого одного, конечно, достаточно для того, чтобы Кейзерлингъ оказался въ немилости, но есть за нимъ и другіе проступки того же характера. Впрочемъ оффиціально отозваніе его мотивируется тѣмъ, что онъ курляндецъ.

Мнѣ изъ очень хорошаго источника передавали, будто маіоръ Винтерфельдъ передъ отъѣздомъ предлагалъ первому министру тридцать тысячъ кронъ. Хотя графъ отъ этихъ денегъ и отказался, сынъ его — подобно слугѣ пророка — взялъ ихъ. Старикъ фельдмаршалъ слыветъ любостяжательнымъ и расточительнымъ, а сынъ — любо-

What effect this may have on the father, entirely governed by the son, or rather by the daughter-in-law, who is of the same temper with her husband, general Botta will soon see, for he seems resolved to push for a categorical answer. He knows the weakness of the Munich, and suspects also that they have been applied to. If the court of France is not already acquainted with such means, m-r Mardefeld is too intimate with m-r Chétardie not to indicate them. So, my lord, if the king's treaty is not soon finished, it may meet with difficulties it would not have been expected to, though count Osterman, every time I see him, inquires after the messenger, and with impatience for his arrival.

To return: the prime-minister's discourse to m-r Botta, however can as yet only be thought tending to delay, that they may see what measures the court of Vienna, in the first place, and, in the second, those, which the maritime powers will pursue. Count Osterman constantly repeats to me very strong assurances, that this court will heartily concur with His Majesty and the States General in all such measures, as may tend to save the house of Austria, on whose fate, at present, he thinks that of Europe must depend, and his excellency therefore recommends the most vigorous measures, and frank communication, and steadiest execution of them.

стяжательнымъ и скареднымъ. Какъ это отзывается на отцѣ, которымъ управляетъ сынъ или вѣрнѣе — сноха (по характеру совершенно подходящая къ мужу), вскорѣ убѣдится генералъ Ботта, рѣшившійся, повидимому, домогаться категорическаго отвѣта. Онъ знаетъ слабость Миниховъ и подозрѣваетъ, что ею уже пользуются. Если французскій дворъ еще не знакомъ съ этими путями, Мардефельдъ слишкомъ близокъ къ Шетарди, чтобы не открыть ихъ ему. Потому, ваше превосходительство, если договоръ нашъ не будетъ подписанъ въ скоромъ времени, онъ можетъ натолкнуться на неожиданныя затрудненія, не смотря на то, что графъ Остерманъ при каждомъ свиданіи со мною спрашиваетъ объ отправленномъ мною курьерѣ и съ нетерпѣніемъ ждетъ его обратнаго пріѣзда.

Возвращаюсь къ бесѣдѣ перваго министра съ генераломъ Ботта: Слова графа Миниха есть основаніе объяснить стремленіемъ къ отсрочкѣ отвѣта до времени, пока окажется возможность присмотрѣться во первыхъ—къ намѣреніямъ вѣнскаго двора, а во вторыхъ—къ планамъ морскихъ державъ. Графъ Остерманъ не перестаетъ увѣрять меня самымъ рѣшительнымъ образомъ, что русскій дворъ сердечно готовъ содѣйствовать его величеству и генеральнымъ штатамъ во всѣхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ спасенію дома австрійскаго, отъ судьбы котораго, по мнѣнію графа, теперь зависятъ самыя судьбы Европы, почему его сіятельство и настаиваетъ на мѣрахъ самыхъ энергичныхъ, на прямодушномъ обмѣнѣ мыслей и настойчивомъ выполненіи принятыхъ рѣшеній.

The prince of Wolfenbuttel was at count Osterman's three hours the seventh in the morning; his excellency was with the prince the next morning, and the prince with the count again last night. As his highness does not meddle with any business, much less foreign, and is visibly uneasy, these visits must, as it is supposed, regard some domestic affairs, and every body seems to think a storm is gathering here, but whether it will disperse, or if it should not, where it will break,—nobody can yet assure. The prime-minister has very many enemies, and as few friends. Count Golofkin begins to talk again of travelling, but this resolution, like a weather glass, will rise or fall, as the field-marshal keeps or loses his credit.

The schach Nadir's approach, which your lordship will find below, must and certainly does increase the uneasiness, which this court conceived, as I mentioned some time ago, on the first news of that conqueror's turning his arms this way.

I informed your lordship last post, that general Botta arrived the same morning and was immediately invited to dine with the prime-minister. The great-duchess did him the honour by a message to let him know that her highness drank his health, and she sent the great-master of her household, young count Munich, to his house the same afternoon to acquaint him, that

---

Принцъ браунштейгскій седьмаго поутру провелъ три часа у графа Остермана; графъ посѣтилъ принца на слѣдующее утро, а вчера вечеромъ принцъ снова былъ у графа. Его высочество не вмѣшивается ни въ какія дѣла, тѣмъ менѣе въ сношенія съ иностранными государствами; кромѣ того онъ явно разстроенъ, потому предполагаютъ, что рѣчь идетъ именно о дѣлахъ домашнихъ. Всѣ какъ бы ожидаютъ надвигающейся бури, но соберется ли она, разсѣется ли, гдѣ разразится... никто пока судить не можетъ. У перваго министра враговъ много, друзей мало. Графъ Головкинъ опять заговорилъ о путешествіи; это стремленіе въ даль у него подымается и падаетъ какъ ртуть въ барометрѣ соотвѣтственно тому, какъ подымается или падаетъ вліяніе фельдмаршала.

Приближеніе шаха Надира, о которомъ ваше превосходительство прочтете ниже, не можетъ не увеличивать тревоги здѣшняго двора, зародившейся нѣсколько времени тому назадъ (какъ я писалъ вамъ) при первомъ извѣстіи о движеніи завоевателя по направленію къ Россіи.

Въ прошломъ письмѣ я увѣдомилъ ваше превосходительство о пріѣздѣ генерала Ботты въ самый день отправки моего письма, и о томъ, какъ онъ немедленно приглашенъ былъ къ фельдмаршалу на обѣдъ. Великая княгиня сдѣлала ему честь, приславъ сказать, что пьетъ его здоровье, а затѣмъ въ тотъ же вечеръ отправила оберъ-гофмейстера своего, молодаго графа Миниха, къ генералу на домъ объявить,

she would admit him to a private audience the next day at four in the afternoon, but as he was with the field-marshal again the next morning, his excellency proposed to carry him directly to court, to which, after having told his excellency that the afternoon had been appointed, he consented. The field-marshal immediately went in to the great-duchess, who was not dressed, and told her, that general Botta was in the anti-chamber, upon which her highness very graciously said, that rather than make him wait, she would receive him in her déshabillé, upon which he was immediately introduced and told her highness, that, though he was come here like a courier without either credential or instruction, yet he flattered himself, that, in quality of an ancient servant, she would believe him, when he assured her, that the first object of his commission was to congratulate in the queen, his mistress's name, on the Czar's accession to the throne and her highness's regency, and that the second object was to reclaim this crown's guaranty of the pragmatic sanction and the effective succours of Russia equally pursuant to its engagements and suitable to the present situation of the house of Austria.

Count Lynar arrived here last night and lodges at the beginning with m-r Schenberg, the general-director of the mines.

M-r de la Chétardie has yet no orders about his mourning and the messenger, by which he expects them, has taken Copenhagen and Stockholm

---

что на другой день въ четыре часа по полудни приметъ его въ частной аудіенціи. Но на другой день Ботта поутру снова посѣтилъ фельдмаршала, который предложилъ ему прямо ѣхать во дворецъ. Онъ согласился, предувѣдомивъ, конечно, графа Миниха о часѣ, назначенномъ для аудіенціи. Графъ прямо вошелъ къ великой княгинѣ, которая еще была не одѣта, и доложилъ ей, что Ботта ожидаетъ въ пріемной. Великая княгиня, желая избавить генерала отъ ожиданія, милостиво рѣшилась принять его въ утреннемъ нарядѣ. Генерала немедленно ввели. «Хотя я прибылъ какъ курьеръ», сказалъ Ботта великой княгинѣ, «безъ вѣрительныхъ граматъ и безъ инструкцій, тѣмъ не менѣе льщу себя надеждой, что ваше высочество повѣрите мнѣ, какъ старому служакѣ, если скажу, что мнѣ поручено во первыхъ именемъ государыни моей, королевы, принести поздравленія по случаю восшествія Царя на престолъ и по случаю перехода регентства въ руки вашего высочества, а затѣмъ напомнить о гарантіи прагматической санкціи русскимъ дворомъ и просить о дѣятельной помощи Россіи согласно ея обязательствамъ и настоящему положенію дома австрійскаго».

Графъ Линаръ прибылъ сюда вчера вечеромъ и на первый разъ поселился у завѣдующаго горными дѣлами, Шенберга.

Шетарди до сихъ поръ не получилъ распоряженій по поводу траура, а курьеръ, съ которымъ онъ ожидаетъ ихъ, ѣдетъ сюда черезъ Копенгагенъ и Стокгольмъ, такъ

on his way hither, so that the first three months deep mourning will be over before he knows whether he is to mourn at all.

An almoner of this minister was lately in a house not famous for very severe virtue, but where he unluckily found an unexpected resistance, which put him so much out of temper, that with his knife he gave the cruel fair two or three cuts in her arm, upon which he was seized by the watch and carried to the policy, where he declared to whom he belonged, but as the captain of it neglected to send him before the next morning to m-r de la Chétardie's house, this officer was condemned to be cashiered and two under-officers to be broke and run the gantlet. But m-r de la Chétardie has since interposed to obtain their pardon, and confined his almoner to his room and to live on bread and water till the sea is open and he can slip him home. The strictest orders have been since given to the policy to carry immediately any persons, who may declare themselves in the service of any foreign minister, to such minister's house, and to deliver them, as if they really belong to the minister.

Two of my stable men having been abused by some drunken servants of prince Trubetzkoy and on the strictest examination finding that mine were not the least in the wrong, I just mentioned it on new year's day at court to the prime-minister, who as soon spoke of it to the prince, as I found, for he

---

что первый, трехмѣсячный срокъ глубокаго траура пройдетъ прежде, чѣмъ маркизъ узнаетъ—полагается ли ему вообще одѣвать трауръ.

Посольскій священникъ недавно посѣтилъ домъ, не славящійся добрыми нравами, и встрѣтивъ тамъ неожиданное сопротивленіе, вышелъ изъ себя до того, что, схвативъ ножъ, нанесъ жестокой красавицѣ два или три удара въ руку. Стража схватила его и стащила въ полицію, гдѣ онъ заявилъ, что принадлежитъ къ дому посла. Полицейскій капитанъ, однако, по небрежности отправилъ его къ Шетарди только на слѣдующее утро. Капитана приговорили къ лишенію чиновъ, а двухъ унтеръ-офицеровъ къ лишенію званія и къ тѣлесному наказанію, но Шетарди испросилъ имъ прощеніе, священника же своего заперъ въ комнату на хлѣбъ и воду впредь до открытія навигаціи, т. е. пока найдется возможность возвратить его на родину. Съ тѣхъ поръ полиціи данъ строжайшій приказъ: лицъ, которыя заявятъ о своей принадлежности къ дому кого либо изъ представителей иностранныхъ государствъ, немедленно отправлять къ указанному лицу, какъ бы они дѣйствительно принадлежали къ его дому.

Двое изъ моихъ конюховъ подверглись обидѣ отъ пьяныхъ слугъ князя Трубецкаго. Убѣдившись по строгомъ разслѣдованіи, что мои люди рѣшительно ни въ чемъ не повинны, я въ день новаго года разсказалъ о случившемся при дворѣ первому министру, который немедленно переговорилъ съ княземъ, въ чемъ я могъ убѣдиться

sent the same afternoon to know, if I was at home, that he might come to my house. As I had a number of visits to make, I excused myself, but the next day he sent his secretary to assure me, how sorry he was to hear, that his servants had abused mine, and that he was ready to give me all manner of satisfaction. My answer was, that I was extremely obliged to him for this politeness and should be still more so, if he would forgive his servants. However, when I sent one of mine to fetch his livery hat, which he had lost in the scuffle, the prince ordered five of the most guilty to be cat and nine tailed in my servant's presence.

I hear, that the turkish ambassador is arrived at Moscow, but how soon he will be here in his way of travelling and with his great retinue, is uncertain. He has however sent hither before him a cook to prepare his provisions and an architect to make his sophes. The persian embassy will winter at Tamboff, a little town towards the Don.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

№ 98. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, January the 13th 1741.

... Count Lynar had the 11th in the morning a private audience of the great-duchess, in which he delivered his credentials, an answer of condolence

---

изъ того, что въ тотъ же день послѣ обѣда князь прислалъ спросить—дома ли я, такъ какъ онъ желаетъ посѣтить меня. Мнѣ предстояло сдѣлать нѣсколько визитовъ и я извинился, что не могу принять князя; потому на слѣдующій день онъ прислалъ ко мнѣ своего секретаря выразить крайнее сожалѣніе объ обидѣ, нанесенной его слугами моимъ слугамъ, и заявить о готовности князя дать мнѣ всяческое удовлетвореніе. Я отвѣчалъ горячею благодарностью за эту вѣжливость и прибавилъ, что буду ему еще болѣе благодаренъ, если онъ проститъ своихъ слугъ. Тѣмъ не менѣе, когда я послалъ одного изъ своихъ людей за ливрейной шляпой, которую онъ потерялъ въ дракѣ, князь приказалъ въ его же присутствіи пять человѣкъ, наиболѣе виновныхъ, наказать плетью, а девять человѣкъ—розгами.

Слышу, будто турецкій посолъ прибылъ въ Москву, но когда, при его способѣ путешествовать и при своей свитѣ, онъ прибудетъ сюда, опредѣлить трудно. Впрочемъ, онъ прислалъ сюда впередъ повара для заготовки провіанта, и архитектора — для омеблировки. Персидское посольство зимуетъ въ Тамбовѣ—небольшомъ городкѣ въ сторонѣ Дона.

№ 98. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 13-го января 1740—41 г. (24-го января 1741 г. н. ст.).

... 11-го поутру графъ Линаръ принятъ былъ великою княгиней въ частной аудіенціи, вручилъ свои вѣрительныя граматы, отвѣтъ съ выраженіемъ соболѣзно-

and congratulation on the late Czarinna's death and the present Czar's accession, and a third letter to congratulate the great-duchess on her regency. From her highness's audience count Lynar was introduced to the prince generalissimo.

When most of the foreign ministers were making their court to the great-duchess sunday morning, upon some accidental mention of mourning and that of the court of Versailles for the late Czarinna was over, her highness said that to be sure m-r de la Chétardie must have a mortal aversion to *weepers*.

An estafette arrived here two days ago from Vienna, which brought the king of Prussia's proposals to that court, and its answer to them: general Botta was this morning with the prime-minister to communicate to his excellency these two pieces, though m-r Lanczinsky had transmitted a copy of them by the same estafette. The other was adressed to m-r Hochholster, for an answer could not yet come from Vienna since that court know of general Botta's departure from Berlin; so that he may yet wait some days for his credentials and instructions, though I believe, that the want of the former will in the meantime occasion no difficulties in his negociation here.

General Botta did not neglect this morning to make the proper insinu-

---

ванія по случаю смерти покойной Императрицы и съ поздравленіемъ по поводу вступленія на престолъ настоящаго Государя, а также отдѣльное письмо съ поздравленіями ея высочеству по поводу принятаго ею регентства. Послѣ аудіенціи у великой княгини графъ посѣтилъ принца-генералиссимуса.

Воскресенье поутру большинство дипломатическаго корпуса являлось ко двору великой княгини. Когда кто-то случайно упомянулъ о траурѣ и о томъ, что срокъ траура, наложеннаго при версальскомъ дворѣ по случаю смерти Государыни, уже истекъ, ея высочество замѣтила, что маркизъ де-ла-Шетарди вѣроятно питаетъ смертельное отвращеніе къ *плерезамъ*.

Два дня тому назадъ сюда прибыла эстафета изъ Вѣны и привезла копія съ предложеній короля прусскаго вѣнскому двору и съ отвѣта на эти предложенія. Сегодня поутру генералъ Ботта посѣтилъ перваго министра для сообщенія ему этихъ документовъ, хотя, впрочемъ, Ланчинскій съ своей стороны тоже прислалъ такія же копіи съ тою же эстафетой. Эстафета адресована была на имя Гохгульста, такъ какъ отвѣта на извѣстіе о выѣздѣ генерала Ботты изъ Берлина еще не могло быть получено. Генералъ ожидаетъ вѣрительныхъ граматъ себѣ и инструкцій на дняхъ же; впрочемъ полагаю, этотъ временный недостатокъ въ кредитивахъ ни мало не помѣшаетъ его переговорамъ.

Генералъ Ботта не упустилъ случая въ то же утро сдѣлать первому министру

ations to the prime-minister, though he could not join to them the most pressing instances for a categorical answer for effectual succours, being sensible, that the decency of waiting for the king of Prussia's answer, in order to gain time, and the necessity of previously knowing the sentiments and resolution of the maritime powers, in order to determine their own here, would have been the only answer.

As he is very sensible, that the king's resolution and that of their high mightinesses would have great weight here, he is very impatient to hear them, nor is this court less so. On the other hand, as he believes that a resolution here, by which the maritime powers might plainly see that they could be sure of their acting in concert with Russia, would add a certain spirit to their measures, I believe, he will soon endeavour to obtain a conference in form, the result of which, as of all his proceedings, he omits never to communicate in confidence to me.

I may add, that when he talks of the present situation of affairs, that minister always adds, that people, who are drowning, catch at anything, so that, if the house of Austria cannot save itself by those it would, it must by those it can. He mentions even the turks, but to be sure means France, which count Osterman equally sees and apprehends.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

надлежащія внушенія, хотя и не рѣшился присовокупить настоятельнаго требованія категорическаго отвѣта по поводу дѣйствительной помощи, чувствуя, что ему могутъ — съ цѣлью выиграть время — отвѣтить только, что приличіе требуетъ дождаться отвѣта прусскаго короля, а также, что русскому двору, прежде чѣмъ принять собственное рѣшеніе, необходимо предварительно узнать взгляды морскихъ державъ.

Сознавая вполнѣ, что рѣшенія короля и генеральныхъ штатовъ получатъ здѣсь большой вѣсъ, онъ ожидаетъ ихъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ; также нетерпѣливо ожидаетъ ихъ и русскій дворъ. Съ другой стороны, полагая, что принятое здѣсь рѣшеніе, сообщивъ морскимъ державамъ полную увѣренность въ поддержкѣ Россіи, сообщитъ энергію ихъ мѣропріятіямъ, Ботта, вѣроятно, будетъ вскорѣ домогаться формальнаго совѣщанія, о результатахъ котораго, какъ и обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, онъ, конечно, не преминетъ конфиденціально сообщить мнѣ.

Говоря о настоящемъ положеніи дѣлъ, Ботта всегда прибавляетъ, что въ бѣдѣ надо за все цѣпляться, и если австрійскому дому нельзя спастись помощью тѣхъ, отъ кого онъ желалъ бы получить помощь, онъ будетъ искать помощи у кого сможетъ найти ее, «хотя бы у турокъ», говоритъ онъ, но, конечно, имѣетъ въ виду Францію. Возможность такого обращенія къ Франціи предвидитъ не безъ опасенія и графъ Остерманъ.

№ 99. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, 17th January 1741.

The corps of the late Czarinna, after having been exposed in the church of the citadel under a catafalque, was at last deposited in the earth the day before yesterday.

This being s-t Anthony's day, of which the prince generalissimo bears the name, this court last night and to day is in gala and, as all the foreign ministers are invited on this occasion to dine with the prime-minister (though my health little suits such great entertainmets), my letter to-day must be very short.

General Botta has received since my last a messenger dispatched the 1st inst. n. s. and two estafettes of the 4th and 8th; the first brought him his credentials of minister plenipotentiary, which he will soon present in a private audience, the two last brought him the king of Prussia's propositions with the court of Vienna's answers, and a species facti of the whole transaction. Count Ostein will no doubt have communicated all these pieces.

General Botta hopes to have a conference the beginning of next week, which has been postponed by the occupations above of these three last days.

№ 99. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 17-го января 1740—41 г. (28-го января 1741 г. н. ст.).

Тѣло покойной Царицы, простоявъ еще нѣкоторое время въ крѣпостномъ соборѣ подъ балдахиномъ, третьяго дня наконецъ предано было землѣ.

Сегодня день св. Антонія, слѣдовательно день имянинъ принца-генералиссимуса, потому дворъ вчера вечеромъ и сегодня въ парадѣ. Всѣ представители иностранныхъ государствъ приглашены на обѣдъ къ первому министру, а потому (хотя здоровье мое совсѣмъ не приноровлено къ такимъ большимъ обѣдамъ) сегодняшнее письмо мое будетъ очень кратко.

Со времени отправки послѣдняго письма моего, къ генералу Боттѣ прибыли курьеръ, отправленный 1-го января н. ст. и двѣ эстафеты, изъ которыхъ одна отправлена была 4-го, другая 8-го того же мѣсяца. Курьеръ привезъ кредитивныя граматы полномочному министру, которыя генералъ вскорѣ и представитъ въ частной аудіенціи; эстафеты же—предложенія короля прусскаго и отвѣты на нихъ вѣнскаго двора, а также фактическое изложеніе всѣхъ переговоровъ между дворами берлинскимъ и вѣнскимъ. Графъ Остенъ, вѣроятно, сообщилъ уже вамъ всѣ эти документы.

Въ началѣ будущей недѣли генералъ Ботта надѣется добиться совѣщанія, отсроченнаго вслѣдствіе изложенныхъ событій трехъ послѣднихъ дней.

The king of Poland has conferred the order of the White eagle on young count Munich and president Mengden, the prime-minister's son and nephew, which count Lynar brought, and they were invested with yesterday.

The great-duchess has also conferred the russian order of s-t Andrew on m-r de Bruhl, master of the horse to his polish majesty and brother to the cabinet-minister, which colonel Neubour, who sets out in a few days for Dresden, will carry with him.

With the last estafette from Vienna m-r Hochholster received a letter from count Kirsky, chancellor of Bohemia, to the prime-minister, acquainting his excellency that the queen of Hungary and Bohemia made him a present of the seigneurie of Wartembourg, which belonged lately to the duke of Courland. It is assured, that this estate is worth at least 36 m. florins per ann.. Her hungarian majesty upon this occasion wrote also with her own hand a short, but very gracious letter to the field-marshal, and the great-duchess has given his excellency leave to accept of that estate.

As the three first months deep mourning is now over and weepers are to be left off to-morrow, the french ambassador talks, as if he every moment or at least every day expected his courier back by the way of Stockholm.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

Король польскій пожаловалъ орденъ Бѣлаго орла молодому графу Миниху и предсѣдателю коммерцъ-коллегіи Менгдену, т. е. сыну и племяннику перваго министра. Орденскіе знаки привезъ графъ Линаръ съ собою и вчера новые кавалеры явились въ нихъ ко двору.

Великая княгиня съ своей стороны пожаловала орденъ св. Андрея Первозваннаго шталмейстеру польскаго двора, Брюлю, брату кабинетъ-министра. Орденскіе знаки отвезетъ въ Дрезденъ полковникъ Нейбауеръ, отъѣзжающій туда на дняхъ.

Съ послѣднею эстафетой изъ Вѣны Гохгульстъ получилъ отъ канцлера Богеміи, графа Кирскаго, письмо къ первому министру съ извѣщеніемъ о пожалованіи фельдмаршалу королевою венгерской и чешской помѣстья Вартенбергъ, прежде принадлежавшаго герцогу курляндскому. Помѣстье это, говорятъ, приноситъ по крайней мѣрѣ 36.000 флориновъ въ годъ. По этому случаю ея венгерское величество написала фельдмаршалу собственноручно небольшое, но крайне любезное письмо. Великая княгиня разрѣшила графу Миниху принять пожалованное помѣстье.

Такъ какъ три первые мѣсяца глубокаго траура прошли и плерезы сымаются, французскій посолъ заявляетъ, что съ минуты на минуту, или по крайней мѣрѣ со дня на день ожидаетъ возвращенія своего курьера черезъ Стокгольмъ.

№ 100. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch. [1])

Whitehall, January the 20th 1741.

Since dispatching the messenger Bowie with the king's instructions to you on the 9th inst. His Majesty has had information from Berlin of the declarations made there, in the name of the Czar, by m-r Brackel, and by the letter written to the king of Prussia, to acquaint him with the resolution of your court to fulfil their guaranty of the pragmatic sanction in favour of the queen of Hungary, and to oppose his prussian majesty in the attempts he was making in violation of it.

Prince Scherbatoff has confirmed the same to the king, and given likewise an account of what had passed upon that subject with m-r Mardefeld at Petersburgh, assuring His Majesty at the same time of the disposition of his court to act in perfect concert with the king in the prosecution of those views. You will easily believe from what you have been already told of His Majesty's sentiments, that this intelligence has given great satisfaction, and the king would have you lose no time in acquainting the princess regent how entirely His Majesty was pleased with a conduct on her part so perfectly conformable to his own thoughts and intentions, and let her highness

---

№ 100. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Уайтгэлль, 20-го января 1740—41 г. (31-го января 1741 г. н. ст.).

Со времени отправленія къ вамъ курьера Бови съ королевскими инструкціями отъ 9-го января, его величество получилъ изъ Берлина извѣстіе о декларація, сдѣланной королю прусскому отъ имени Царя какъ черезъ Бракеля, такъ и письмомъ, оповѣщающимъ о рѣшимости русскаго двора выполнить свои обязательства по гарантіи прагматической санкціи въ пользу королевы венгерской и противодѣйствовать его прусскому величеству въ его покушеніяхъ на цѣлость австрійскаго наслѣдства.

Князь Щербатовъ подтвердилъ королю эти извѣстія и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ о переговорахъ по тому же вопросу съ Мардефельдомъ въ Петербургѣ, сопровождая свои сообщенія увѣреніями въ желаніи русскаго двора дѣйствовать въ данномъ случаѣ вполнѣ согласно съ королемъ. Послѣ всего, что вы уже знаете о взглядахъ его величества, вы легко поймете, что всѣ эти извѣстія были королю очень пріятны, и его величество приглашаетъ васъ, не теряя времени, передать правительницѣ на сколько онъ доволенъ ея мѣропріятіями, столь согласными съ его собственными взглядами и намѣреніями, а также сообщить ея высочеству, что король и генеральные

---

1) Все письмо писано шифромъ.

know farther, that the king and the States General are now preparing joint representations to be made by their ministers at Berlin to the king of Prussia, in order to dissuade him by all amicable means from pursuing his present unjustifiable enterprize upon Silesia, and that in case those good offices should fail of the desired effect, they will both be ready to perform their engagements to the queen of Hungary, by sending the forces stipulated by their treaties to her assistance; that as nothing can be of more importance to the success of these their salutary views, so it will be extremely agreeable to them to settle the whole plan of their proceedings with your court; and you will insinuate, that, in His Majesty's opinion, nothing can more contribute towards bringing that prince speedily to reason, than making a diversion, as may very conveniently be done by the forces of His Czarish Majesty upon his dominions in their neighbourhood.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

№ 101. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, January the 20th 1741.

I informed your lordship in my last of the 17th of the gala that day on account of the prince generalissimo's name (who is now stiled here imperial highness). All the foreign-ministers in health were at court except m-r

---

штаты готовятся сдѣлать королю прусскому черезъ своихъ представителей совмѣстныя представленія, дабы дружественными увѣщаніями отвлечь его отъ ничѣмъ не оправдываемаго вторженія въ Силезію; что въ случаѣ, если эти мирныя сношенія не достигнутъ желаемой цѣли, морскія державы готовы выполнить свои обязательства передъ королевой венгерской и отправкою на помощь ей силъ, условленныхъ трактатами; что для успѣха помянутыхъ благихъ мѣропріятій морскимъ державамъ представляется особенно важнымъ согласованіе дальнѣйшаго плана дѣйствій съ русскимъ дворомъ. Внушите, что, по мнѣнію его величества, ничто не въ состояніи вразумить короля прусскаго, какъ диверсія, произведенная арміей Его Царскаго Величества по направленію къ прусской границѣ.

№ 101. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 20-го января 1740—41 г. (31-го января 1741 г. н. ст.).

Въ послѣднемъ донесеніи своемъ отъ 17-го января я увѣдомлялъ ваше превосходительство о торжествѣ при дворѣ по случаю тезоименитства принца-генералиссимуса (котораго теперь величаютъ здѣсь «императорскимъ высочествомъ»). Всѣ представители иностранныхъ государствъ были при дворѣ, кромѣ тѣхъ, кому не помѣшало

de la Chétardie, however he dined with us at the prime-minister's and was also out of mourning, which, he affected to think, had been left off for two days because weepers are so, without ever suspecting the true reason of this gala. This conduct and the difficulty he had to pay so slight a compliment to the prince, especially in his highness's present situation, does occasion a good deal of surprise in this country and gives as little satisfaction at court.

M-r de Botta had the 18th in the morning a private audience of the great-duchess, in which he delivered his credentials of minister plenipotentiary.

M-r Mardefeld has also informed this court, that the treaty he lately signed here, and the letter sent with it to dissuade the silesian expedition were both arrived, and that the king of Prussia would not fail to dispatch as soon as possible the ratifications of a treaty, which was so very agreeable, nor, at the same time, to return an answer to the letter above.

However this minister in the meantime seems to intimate the surprise the terms of this letter occasioned, and that his master in consequence of the treaty would have rather expected a more favourable disposition in this court to countenance his just pretensions, to employ its good offices to obtain him a reasonable satisfaction, to accommodate the present dispute in an amicable

---

здоровье, да маркиза Шетарди, не смотря на то, что онъ обѣдалъ съ нами у перваго министра. Онъ опять былъ безъ траура, притворяясь, будто предполагалъ, что трауръ на два дня отмѣненъ, такъ какъ дѣйствительно плерезы были отмѣнены; кромѣ того велъ себя какъ бы не подозрѣвая повода, вызвавшаго торжество. Такое поведеніе и затрудненіе въ оказаніи самой заурядной любезности принцу, занимающему въ настоящее время столь видное положеніе, не мало удивляетъ всѣхъ и, конечно, непріятно двору.

18-го поутру Ботта имѣлъ частную аудіенцію у великой княгини, при которой вручилъ свои кредитивныя граматы въ качествѣ полномочнаго министра.

Мардефельдъ извѣстилъ дворъ, что недавно подписанный имъ здѣсь трактатъ и отправленное одновременно съ нимъ письмо съ увѣщаніями касательно силезской экспедиціи дошли по назначенію и что король прусскій не преминетъ въ возможно непродолжительномъ времени прислать въ Петербургъ какъ ратификацію трактата, столь ему пріятнаго, такъ и отвѣтъ на помянутое письмо.

Мардефельдъ, между тѣмъ, разсказываетъ объ удивленіи, вызванномъ въ королѣ выраженіями письма: Его величество, въ виду трактата, ожидалъ большаго благорасположенія со стороны русскаго двора, ожидалъ опоры своимъ справедливымъ притязаніямъ, старанія доставить ему разумное удовлетвореніе, согласить возникшій споръ какимъ либо дружелюбнымъ, простымъ путемъ, хотя бы *уступкою части Силезіи на со-*

and so easy a way, as that of a *cession of a portion of Silesia in lieu of an equivalent* and to concur in his views for the support and prosperity of the house of Austria, and m-r Mardefeld, in the execution of these orders, interlarded his discourse with observations on the importance and usefulness of his prussian majesty's friendship and alliance, of which, though this court is fully convinced, yet it seems to believe, that those of some other powers may be equally so.

This court is also informed that the king of Prussia declared, that upon the least disagreeable resolution here, he will join with Sweden (the turn of that diet already gives uneasiness here) and throw himself into the arms of France, which, with what I mentioned this day sennight of general Botta more distantly, seems to convince count Osterman that the present unfortunate quarrel will end in determining one or other of the contending parties to take steps in hopes of saving or gaining, which may prove fatal to the liberties and ballance of Europe.

General Botta flatters himself that his mistress will reap the benefit of the donation of Wartemberg, which on the first news of the prime-minister's nomination he advised from Berlin, as the resident did from hence, both knowing very well the expediency and necessity of such means with our new

---

отвѣтственныхъ условіяхъ, ожидалъ содѣйствія его видамъ, направленнымъ къ поддержкѣ и благополучію австрійскаго дома. Во исполненіе полученныхъ инструкцій, Мардефельдъ снабжаетъ свои рѣчи замѣчаніями о важности и пользѣ дружбы и союза съ королемъ прусскимъ. Русскій дворъ, вполнѣ соглашаясь съ нимъ, полагаетъ однако, что не менѣе важна и полезна также дружба съ другими державами.

До свѣдѣнія русскаго двора дошло еще, будто король прусскій заявилъ, что, ввиду непріятныхъ рѣшеній, здѣсь принятыхъ, онъ намѣренъ соединиться съ Швеціей (оборотъ дѣлъ на сеймѣ уже и безъ того смущаетъ царское правительство) и броситься въ объятія Франціи. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, что я подробнѣе писалъ недѣлю тому назадъ по поводу генерала Ботты, повидимому убѣждаетъ графа Остермана въ томъ, что настоящая несчастная распря окончится рѣшимостью той или другой изъ континентальныхъ партій дѣйствовать энергично въ надеждѣ спасти или захватить что удастся. Такое рѣшеніе можетъ отозваться гибельно на свободѣ и равновѣсіи Европы.

Генералъ Ботта льститъ себя надеждой, что государыня его пожнетъ плоды пожалованія Вартенберга, которое Ботта совѣтовалъ еще изъ Берлина при первомъ же извѣстіи о переходѣ власти къ графу Миниху, а Гохгульстъ писалъ о томъ же изъ Петербурга, такъ какъ и тому и другому прекрасно извѣстна дѣйствительность и необходимость подобныхъ мѣръ съ нашимъ новымъ временщикомъ, который въ два

great man, whose two months harvest has already been more abundant than that of the duke of Courland's first seven years.

The prussian minister here expresses some surprise at the queen of Hungary's disposing of part of Silesia, whilst the king of Prussia is in possession of the whole. This insinuation little agrees with the other above, that a portion on one province would satisfy his master. But what surprises most, is, that the field-marshal and all his excellency's family look upon and talk of this estate, as a grant of the great-duchess's in might of confiscation (it is certain that the former foresaw such a sort of claim here, and that perhaps accelerated the gift, in order to avoid any dispute of that kind with this court); but whether the prime-minister gives this turn to the grant thereby to conceal the appearance of any obligations to the queen of Bohemia, or to dispense with his owning any real ones, general Botta cannot yet decide. He is of opinion, however, that the dispositions of this court are favourable, but that the effects of them must in a great measure depend on the resolutions and conduct of the maritime powers, which count Osterman, no doubt to gain time and see clearer, insinuates to that minister, and, as no explanations on this head are yet come after the declarations he had made to me, which I have reported, and those of their

мѣсяца собралъ жатву болѣе обильную, чѣмъ герцогъ курляндскій въ первыя семь лѣтъ своего здѣсь хозяйства.

Мардефельдъ выражаетъ удивленіе, какъ королева венгерская располагаетъ частью Силезіи, когда король прусскій владѣетъ всей этой провинціей. Этотъ намекъ мало согласуется съ вышеупомянутымъ утвержденіемъ — будто его государь удовольствуется и частью Силезіи. Но еще болѣе удивляетъ, что фельдмаршалъ и его семья смотрятъ на Вартенбергъ, какъ на даръ великой княгини, сдѣланный по праву конфискаціи (достовѣрно, что даритель предвидѣлъ подобныя претензіи со стороны русскаго двора и въ этихъ соображеніяхъ вѣроятно поспѣшилъ подаркомъ, дабы избѣжать раздоровъ съ Россіей по данному вопросу). Генералъ Ботта еще не можетъ объяснить себѣ, зачѣмъ фельдмаршалъ даетъ дѣлу такой оборотъ: съ цѣлью ли скрыть, что обязанъ чѣмъ либо королевѣ венгерской, или съ цѣлью избавиться отъ признанія себя обязаннымъ ея величеству? Какъ бы то ни было, Ботта признаетъ расположеніе здѣшняго двора благопріятнымъ, но полагаетъ, что рѣшенія его будутъ въ значительной мѣрѣ зависѣть отъ рѣшеній и поведенія морскихъ державъ. Такое предположеніе несомнѣнно внушено ему графомъ Остерманомъ, который желаетъ выиграть время и ближе присмотрѣться къ дѣлу; а такъ какъ о намѣреніяхъ морскихъ державъ еще никакихъ объясненій въ отвѣтъ на декларацію, сдѣланную графомъ мнѣ (о которой я доносилъ вамъ), а также русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ (которая хорошо извѣстна вашему превосходительству), не послѣдовало.

minister at London, of which your lordship will be fully informed, his excellency to me only insinuates gently his surprise at my silence in such a critical conjuncture, as well as on the return of the messenger, though the court of Vienna seems to take umbrage at count Poniatowsky's journey to France, and that the king of Prussia insinuates here, that he is sure of the court of Dresden, yet count Lynar has declared to the russian ministers, as he told m-r Botta, that his court will take no step but in concert with this.

M-e Mengden (mother to the young countess Munich and of the two court ladies, Julia, maid of honour to the great-duchess, and Bina, who was so to Her late Majesty and is now about the Czar) arrived here from Livonia the latter end of last week with a fourth daughter and a son, who was made a gentleman of the bed-chamber, and, as the great-duchess diverts herself with taking the air by moon light in a sledge, she did m-e Mengden the honour of a visit an hour after her arrival, and the 18th her highness made m-lle Julia Mengden a present of an estate in Livonia, worth, as it is said, 140 m. roubles, above £ 30.000 st.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

№ 102. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, January the 24th 1741.

I received the 22nd inst. your lordship's dispatch of the 26th December

---

графъ учтиво заявляетъ удивленіе по поводу моего молчанія при такомъ критическомъ положеніи, и по поводу промедленія въ возвращеніи моего курьера, не смотря на то, что вѣнскій дворъ, повидимому, подозрительно относится къ поѣздкѣ графа Понятовскаго во Францію, а король прусскій старается внушить здѣсь, будто увѣренъ въ сочувствіи дрезденскаго двора. Впрочемъ графъ Линаръ заявилъ Боттѣ, что король Августъ не предприметъ ни шагу безъ предварительнаго соглашенія съ Россіей.

Сюда въ концѣ прошлой недѣли пріѣхала изъ Ливоніи г-жа Менгденъ (мать молодой графини Минихъ, а также двухъ фрейлинъ — Юліи Менгденъ, состоящей при великой княгинѣ, и Бины Менгденъ, бывшей фрейлины покойной Государыни, нынѣ состоящей при Царѣ). Съ нею прибыли еще четвертая дочь да сынъ, пожалованный камеръ-юнкеромъ; а такъ какъ великая княгиня охотница до прогулокъ въ саняхъ при лунномъ свѣтѣ, она сдѣлала г-жѣ Менгденъ честь своимъ посѣщеніемъ черезъ часъ по ея пріѣздѣ, а 18-го подарила Юліи Менгденъ помѣстье въ Ливоніи, стоющее — какъ говорятъ — 140.000 рублей, т. е. около 30.000 ф. стерлинговъ.

№ 102. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 24-го января 1740—41 г. (4-го февраля 1741 г. н. ст.).

22-го января я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 26-го дека-

with the king's answer to the letters from the Czar and the princess, his mother, notifying the removal of the duke of Courland from the regency and the appointment of the said princess in his stead, and the two copies of the abovementioned letters, as well as those to which they are answers.

As the prime-minister was the same afternoon at a conference at count Osterman's, I could not wait on his excellency before yesterday morning, when I communicated to him the most exact translation I could make of the two letters, and he promised to inform the great-duchess of them and to receive her orders, when she would allow me an audience to deliver them, which, as his excellency let me know yesterday in the afternoon, is appointed for to morrow at 11, and I believe that the danish envoy is to have another on the same account.

I afterwards waited on count Osterman to communicate to him also the same translations and his excellency, upon reading that to the great-duchess, said: «Ma foi, vous êtes bien chiche avec vos titres, car puisque vous mêlez l'«impériale» et «czarienne» au fils, pourquoi ne pas lâcher une seule «impériale» à la mère». I told his excellency, that, as the king had not yet given the fixed title of emperor to the Czar, the appellation of «czarish highness» to the regent had been thought of and agreed to by prince Scherbatow, as the best expedient in so unprecedented a case; and I desired that we might not renew

---

бря съ отвѣтами короля на письма Царя и матери его, великой княгини, извѣщавшихъ объ устраненіи отъ регентства герцога курляндскаго съ замѣною его ея высочествомъ въ дѣлахъ правленія, а также копіи какъ королевскихъ писемъ, такъ и писемъ, вызвавшихъ отвѣты его величества.

Такъ какъ въ тотъ же день послѣ полудня первый министръ былъ на совѣщаніи у графа Остермана, я могъ посѣтить его только вчера поутру и передалъ ему самый точный переводъ обоихъ писемъ. Онъ обѣщалъ сообщить о нихъ великой княгинѣ и получить ея приказаніе, когда она назначитъ мнѣ аудіенцію, дабы я могъ вручить отвѣты короля. Вчера вечеромъ онъ далъ мнѣ знать, что аудіенція состоится завтра въ 11 часовъ. Кажется, аудіенція назначена и датскому посланнику по тому же случаю.

Затѣмъ я посѣтилъ графа Остермана, дабы передать тѣ же переводы и ему. Прочитавъ письмо къ великой княгинѣ, графъ замѣтилъ: «Однако, скаредны же вы на титулы! Разъ вы даете и титулъ «императорскаго», и титулъ «царскаго величества» сыну, что бы обмолвиться хоть разъ титуломъ «императорскаго высочества» матери!» Я отвѣчалъ, что—разъ король не остановился прочно на титулѣ императора въ отношеніи Царя, регентшѣ рѣшились, съ одобренія князя Щербатова, дать титулъ царскаго высочества, видя въ немъ лучшее рѣшеніе въ данномъ случаѣ, не имѣющемъ

our old dispute, which, I hoped, would be now very soon terminated to the entire satisfaction of this court.

His excellency then observed, that these letters were answers to the Czar's second letter and the great-duchess's on her regency, but that there was none of condoleance and congratulation on Her late Majesty's death and His present Majesty's accession. I replied, that I had some time ago received answers to the first notifications of both these great events, but as the circumstances of things were very different at this court to what they were when the aforesaid notification was made, to which they were accommodated, as it was natural to believe, as his excellency might well know by the translation of them, which prince Scherbatow had transmitted, I had hinted before to him, that I had declined the delivery of them, and, as the late regent's name was in no great reputation here at present, I was in some doubt, whether it would not be better to leave the first answer dormant, especially since in the short compliment I should make the great-duchess, when I had the honour to deliver her the second, I might, as by order and vivâ voce, condole and congratulate in the king's name. Upon this his excellency said, that as it was not England's fault that the duke of Courland was made regent, so it was to be expected, that the king's answer should be framed to the first notification, but, that if it was not delivered, it would occasion a sort of in-

---

прецедента; а затѣмъ просилъ не возобновлять стараго спора, который, надѣюсь, теперь вскорѣ окончится къ полному удовольствію русскаго двора.

Далѣе графъ замѣтилъ, что присланныя письма отвѣчаютъ па второе письмо Царя и великой княгини по поводу вступленія ея высочества въ управленіе, но не заключаютъ въ себѣ ни выраженія сожалѣнія о кончинѣ покойной Государыни, ни поздравленія юнаго Императора съ восшествіемъ на престолъ. Я возразилъ, что нѣсколько времени тому назадъ получилъ отвѣты на увѣдомленія объ упоминаемыхъ событіяхъ, но — ввиду значительнаго измѣненія въ обстоятельствахъ, при которыхъ первыя увѣдомленія были даны и которыя имѣлись въ виду при отвѣтахъ, и естественно предполагая, что переводъ этихъ первоначальныхъ отвѣтовъ сообщенъ княземъ Щербатовымъ — я остановился передачею ихъ, о чемъ своевременно и намекалъ графу. Зная, что имя бывшаго регента теперь не въ доброй славѣ, я полагалъ — не лучше ли оставить первые отвѣты въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что въ краткомъ привѣтствіи, съ которымъ обращусь къ великой княгинѣ, когда буду имѣть честь вручить ей вторые отвѣты, могу отъ имени короля высказать и соболѣзнованіе, и поздравленіе. Графъ отвѣчалъ, что герцогъ возведенъ былъ въ регенты не по винѣ Англіи, потому слѣдовало ожидать отвѣта короля на первыя увѣдомленія, если же отвѣты эти останутся не сообщенными, отсутствіе ихъ явится пробѣломъ въ архивахъ кабинета. Тогда я пред-

terruption in the archives of the cabinet. Upon which I proposed that I might deliver it privately to the prime-minister, and not at my audience to the great-duchess. As his excellency relished this expedient, I informed the field-marshal of it yesterday in the afternoon by my secretary, and as his excellency equally approved of it, I believe that this method will be followed, and I hope will also be agreeable to the king.

I have already had the honour in several of my dispatches to acquaint your lordship, first, of the disposition of this court to perfect the project of the treaty I transmitted to your lordship, and, since, of the impatience for the return of the messenger with it, so that, when I mentioned it yesterday both to the prime-minister and count Osterman, it was not so much to sound their inclinations, as to insinuate the reason of the delay.

The field-marshal told me, that he had seen the project, could not but approve it, and wished only that it might be, by his means, still more agreeable to the king, and more reciprocally useful, in which he would heartily concur. Count Osterman immediately said. «You ought to be sufficiently acquainted with our desires to conclude, but what have you to communicate to us on the present conjuncture?» When I talked upon this last head to the prime-minister, he said, that count Osterman (for he named him), who had been so long versed in affairs, confessed that he never saw so delicate and at the

---

ложилъ передать первоначальные отвѣты не при аудіенціи у великой княгини, а частнымъ образомъ—первому министру. Предложенный выходъ понравился графу Остерману, потому вчера вечеромъ я черезъ своего секретаря увѣдомилъ о немъ фельдмаршала, который тоже одобрилъ его. Такъ вѣроятно я и сдѣлаю въ надеждѣ, что принятое рѣшеніе будетъ угодно и королю.

Я уже въ нѣсколькихъ донесеніяхъ имѣлъ честь писать вашему превосходительству во первыхъ о расположеніи русскаго двора завершить дѣло по проекту торговаго трактата, который я отправилъ вамъ, а затѣмъ я о нетерпѣніи, съ которымъ здѣсь ожидаютъ обратнаго курьера. Потому, если я и упомянулъ вчера о трактатѣ и фельдмаршалу, и графу Остерману, то сдѣлалъ это не изъ желанія удостовѣряться въ ихъ расположеніи, а скорѣе съ цѣлью объяснить медленность отвѣта.

Фельдмаршалъ заявилъ мнѣ, что видѣлъ проектъ, вполнѣ одобряетъ его, и только сердечно желаетъ, чтобы, при его содѣйствіи, заключеніе трактата оказалось пріятнымъ королю и обоюдно полезнымъ для договаривающихся сторонъ. Графъ Остерманъ съ своей стороны сказалъ: «Вы достаточно знакомы съ нашими взглядами, чтобы вывести нужныя вамъ заключенія; а вотъ что-то вы сообщите намъ по поводу настоящихъ обстоятельствъ?» Когда я разговаривалъ о современномъ положеніи дѣлъ съ первымъ министромъ, онъ замѣтилъ будто даже графъ Остерманъ (фельдмаршалъ прямо сослался на графа), издавна посвященный въ международныя сношенія, со-

same time so dangerous a situation of affairs, and expressed words the count himself has often made use of to me. Count Munich afterwards told me, that the king of Prussia's answer was not yet come, though, by m-r Mardefeld's discourse the evening before, his excellency could judge of the nature of it, and foresaw, that on the expressions towards the end of the letter, which related to the good offices, that prince would aim at pinning a mediation on them, which however would be expressly offered in conjunction with the king (as the prussian minister also told me last night), but that his excellency thought this would be putting an artful construction on those words beyond the purport of them, and incompatible with the engagements this court was under to the court of Vienna by the guaranty of the pragmatic sanction. Upon which his excellency also told me, that cardinal Fleury seemed to understand that the guaranty of France was confined to the late emperor, and did not extend to his imperial majesty's successors, so his excellency thought, that his most christian majesty might with indifference let the princes of Germany, who formed pretensions upon the succession, pursue them in that manner, which they might respectively think most proper.

His excellency then said, that orders were already issued here to com-

---

знался, что никогда не стоялъ лицомъ къ лицу къ столь щекотливому, и въ то время столь опасному положенію дѣлъ. Въ рѣчи своей фельдмаршалъ употреблялъ выраженія, которыя я самъ не разъ слышалъ отъ графа Остермана въ бесѣдахъ со мною. Фельдмаршалъ сообщилъ мнѣ также, что отвѣтъ короля прусскаго еще не полученъ, но что изъ словъ Мардефельда, произнесенныхъ наканунѣ, можно заключить о характерѣ будущаго отвѣта и предвидѣть — не попытается ли король прусскій, опираясь на предложенныя въ концѣ письма добрыя услуги Россіи, вызвать посредничество, которое будетъ формально предложено Россіи совмѣстно съ Англіей (объ этомъ вчера вечеромъ говорилъ мнѣ и Мардефельдъ)? Графъ Минихъ полагаетъ, однако, что это явится только ловкимъ пользованіемъ словами о добрыхъ услугахъ, выходящимъ за предѣлы ихъ дѣйствительнаго значенія, и несовмѣстимо съ обязательствами, принятыми на себя Россіей передъ вѣнскимъ дворомъ по гарантіи прагматической санкціи. Затѣмъ графъ передалъ мнѣ также, будто кардиналъ Флери, повидимому, полагаетъ, что Франція обязалась гарантіей только по отношенію къ покойному императору, не касаясь его наслѣдниковъ, почему — по мнѣнію графа — его христіаннѣйшее величество можетъ безучастно глядѣть, какъ германскіе князья, претендующіе на австрійское наслѣдство, станутъ преслѣдовать свои выгоды всѣми путями, какіе представятся имъ наиболѣе пригодными.

Графъ сообщилъ мнѣ далѣе, что здѣсь уже сдѣланы распоряженія о пополне-

plete all the regiments, both foot and horse, the last to be remounted, which would be executed «sur le pied de guerre» by the middle of march; that general Botta was pressing them very much to send immediate and effectual succours, repeating to them every day that the march from Riga through Courland to Memel was very short, without that minister's considering, as the prime-minister added, that this court could not depend much on any of their neighbours, neither turks, persians (he formally named the last), poles nor swedes, so there would be a sort of impossibility, and most certainly a very great imprudence for Russia's embarking in this quarrel alone, but that, as Moscovy desired nothing more than to fulfill faithfully and honourably her engagements to the house of Austria, Russia would be ready in concert and conjunction with the maritime powers heartily to concur and vigorously to cooperate with them in any measures, which might appear the properest in the present very critical conjuncture, and that I might give the strongest assurances of this to the king.

His excellency afterwards talked of an accommodation, and that count Sinzendorff and count Staremberg were for one, and the queen of Hungary not averse to it, but that m-r Bartenstein, whom he characterised a creature of France, opposed it warmly, and that the duke of Lorrain sided with him. Count Munich observing at the same time the danger there might be of an

---

ніи полковъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ, о ремонтѣ кавалеріи на военномъ положеніи, на ходу; что генералъ Ботта очень торопитъ отправкою дѣятельной помощи, ежедневно указывая на краткость пути отъ Риги на Мемель черезъ Курляндію, при чемъ (по замѣчанію перваго министра) не соображаетъ, какъ мало Россія можетъ положиться на своихъ сосѣдей — турокъ, персіанъ (онъ именно назвалъ персіанъ), поляковъ, шведовъ. Впутываться въ споръ Россіи одной не приходится, но она чистосердечно желаетъ вѣрно и честно выполнить свои обязательства передъ домомъ австрійскимъ, потому, по соглашенію и въ союзѣ съ морскими державами, готова (и въ этомъ фельдмаршалъ позволилъ мнѣ дать королю самыя положительныя увѣренія) дѣйствовать за одно съ ними для осуществленія мѣропріятій, которыя признаны будутъ наиболѣе цѣлесообразными въ настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ.

Затѣмъ графъ распространился о возможности соглашенія между враждебными сторонами. Графъ Синцендорфъ и графъ Старембергъ стоятъ за соглашеніе, королева венгерская не противится соглашенію, только Бартенштейнъ (котораго фельдмаршалъ характеризуетъ «креатура Франціи») горячо противится, а съ нимъ за одно стоитъ и герцогъ лотарингскій. Графъ Минихъ указываетъ въ то же время на опасность

agreement being patched up the last peace, as by with the turks, after this court had declared itself, and thereby desobliged the king of Prussia.

I come now to count Osterman, who peevishly said, that he thought that the sentiments of this court on the silesian enterprize and the general situation of affairs had been sufficiently declared to me here, and by prince Scherbatow at London, as well as their desire and readiness to concur in any place with His Majesty and the States General in order to prevent the most fatal catastrophe, to which Europe either ever had or could be exposed; that by the plan he understood a full explanation of the object proposed, with whom, and by what means; he was in hopes I had brought such a one, or at least that I should be soon in a condition to produce it. When I asked— why their minister might not be enabled to do the same on the part of this court, his answer was only a fullsome compliment to me, which, I suppose, your lordship understands, as I did, that, though they complain of delays, yet they want to gain time, and moreover would have His Majesty begin by explaining his plan, repeating always the strongest assurances of their concurrence.

As to the mediation, he knew nothing of it, for I met m-r Mardefeld as I left him. His excellency would not own cardinal Fleury's declaration,

---

соглашенія по образцу послѣдняго мира съ турками, послѣ того, какъ Россія выступитъ открыто и поссорится съ королемъ прусскимъ.

Перехожу къ графу Остерману. Онъ съ раздраженіемъ замѣтилъ, что отношенія русскаго двора къ силезскому вторженію и вообще къ современному положенію дѣлъ въ Европѣ, кажется, достаточно выяснены мнѣ, да и въ Лондонѣ княземъ Щербатовымъ; извѣстны также желаніе, готовность русскаго двора дѣйствовать согласно съ Великобританіей и Голландіей для предупрежденія самой тяжелой катастрофы, которой когда либо подвергалась или могла подвергнуться Европа. Говоря объ общемъ планѣ дѣйствій, онъ разумѣетъ полное опредѣленіе предположенной цѣли, дѣятелей, средствъ, которыми думаютъ достигнуть этой цѣли. Онъ надѣялся, что я принесъ подобный планъ съ собою или по крайней мѣрѣ вскорѣ въ состояніи буду развернуть его. На мой вопросъ — не можетъ ли русское министерство сдѣлать это съ своей стороны, графъ отдѣлался полновѣснымъ комплиментомъ, за которымъ, полагаю, ваше превосходительство признаете то же значеніе, какъ и я, именно: русскій дворъ, хотя и жалуется на медлительность съ нашей стороны, радъ, однако, выиграть время, да кромѣ того желаетъ предоставить первый шагъ его величеству, дабы онъ раскрылъ свой планъ дѣйствій. При этомъ неизмѣнно повторяются самые горячія увѣренія въ готовности Россіи оказать намъ содѣйствіе.

О посредничествѣ графъ Остерманъ при нашей бесѣдѣ еще ничего не зналъ, такъ какъ я встрѣтилъ Мардефельда при выходѣ отъ него. Графъ не сознался, что знаетъ о

but said, that, if true, his eminency had acted imprudently, however that might be, as this would be probably the cardinal's design, it ought to be an additional spur to all other powers of Europe to prevent a scheme, the inevitable consequence of which must be the utter ruin of the empire. As to the accommodation, he told me, that he believed the queen of Hungary had no power to dismember any part of the austrian succession, and that, if she did do it, it would be giving herself the first, and at the same time the most fatal stab to the pragmatic sanction; but that if none of the guarantees would execute their most solemn engagements, and effectually assist the house of Austria in the present distress, that princess must be obliged, at last, to accept of any conditions, though, for his part, if his advice was followed, his excellency declared, that Russia should be the last power in christendom, who should give pernicious councel to her hungarian majesty.

The general in chief Loewendahl arrived here since my last from his government at Reval. He was sent for now, as he was last summer, to regulate several things belonging to the train of artillery. As his lady will follow him, it is thought, that he will make some stay here, and a notion prevails, that he may be probably placed in the council of war.

декларація кардинала Флери, но замѣтилъ: если такая декларація была сдѣлана, кардиналъ дѣйствуетъ неосторожно. Можетъ быть дѣйствительно таковы его намѣренія, но, открывая ихъ, онъ открываетъ для всѣхъ прочихъ державъ Европы новое побужденіе предупредить положеніе, непремѣннымъ слѣдствіемъ котораго явилось бы окончательная гибель имперіи. Касательно соглашенія, графъ замѣтилъ что, по его мнѣнію, королева венгерская не вправѣ отчудить ни малѣйшаго клочка австрійскаго наслѣдства; что, приступивъ къ дробленію его, она нанесетъ первый и самый чувствительный ударъ прагматической санкціи, хотя, конечно, если никто изъ принявшихъ на себя гарантію этого акта не выполнитъ своихъ священнѣйшихъ обязанностей и не окажетъ дѣятельной помощи австрійскому дому, королева пожалуй вынуждена будетъ принять любыя условія. Во всякомъ случаѣ, прибавилъ графъ, если мои совѣты здѣсь сохранятъ какое нибудь значеніе, изъ всѣхъ христіанскихъ державъ Россія послѣдняя посовѣтуетъ королевѣ подобныя уступки.

По отправленіи вамъ послѣдняго моего донесенія генералъ-аншефъ Левендаль прибылъ сюда изъ Ревеля, гдѣ состоитъ губернаторомъ. За нимъ посылали, такъ какъ онъ прошлымъ лѣтомъ приводилъ здѣсь въ порядокъ артиллерійскіе обозы. Жена его слѣдуетъ за нимъ; изъ этого выводятъ заключеніе, что онъ останется здѣсь довольно долго. Ходятъ даже слухи, что онъ займетъ мѣсто въ военномъ совѣтѣ.

The saxon colonel Neubour set out last night on his return to Dresden. There is yet no news of m-r Chétardie's courier.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

№ 103. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, January the 27th 1741.

I am told, that a letter came last post from the king of Prussia to the prime-minister, in which that prince expresses his surprise at the queen of Hungary's pretended grant to his excellency of the lordship of Wartemberg, notwithstanding his undoubted right to the whole duchy of Silesia, his being actually in possession of it, and his firm resolution not to evacuate it, for which reasons his prussian majesty hopes, that the field-marshal will rather choose to receive this estate from the true proprietor, as a mark of the high value his majesty has for his excellency's person, as well as the great opinion of his good intentions, without looking upon the present either as a hire taken from them, or a confirmation of the arch-duchess's donation. So here are three of them: one to recompense, and two to gain; the possession, however, will not be the surer on any turn of fortune.

A letter has been slipped into the prime-minister's hands, among other

---

Саксонскій полковникъ Нейбауеръ выѣхалъ отсюда вчера въ ночь обратно въ Дрезденъ. О курьерѣ Шетарди еще ничего не слыхать.

№ 103. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 27-го января 1740—41 г. (7-го февраля 1741 г. н. ст.).

Мнѣ разсказывали, будто съ прошлою почтою пришло письмо отъ короля прусскаго, въ которомъ его величество выражаетъ первому министру удивленіе, какъ королева венгерская жалуетъ ему помѣстье Вартенбергъ, вопреки правамъ Пруссіи на всю Силезію, не смотря на то, что въ настоящее время его прусское величество владѣетъ Силезіей и твердо намѣренъ удержать ее за собою. Онъ полагаетъ, что фельдмаршалу пріятнѣе будетъ получить помѣстье отъ дѣйствительнаго его хозяина въ знакъ уваженія къ особѣ фельдмаршала и увѣренности короля въ добрыхъ его намѣреніяхъ, что онъ не усмотритъ въ такомъ подаркѣ ни подкупа, ни конфирмаціи даренія эрцгерцогини. Такъ Вартенбергъ пожалованъ трижды: разъ — въ качествѣ награды, два другіе раза — въ видахъ подкупа. Тѣмъ не менѣе, въ случаѣ какой либо перемѣны, владѣніе этимъ помѣстьемъ пожалуй окажется не изъ самыхъ прочныхъ.

Первому министру въ кипѣ другихъ бумагъ неизвѣстно какъ и когда подсунуто

papers, without his excellency's knowing when nor how. It was written in the duke of Courland's name, is a justification of him, and implores the field-marshal's good offices, who was surprised when he found it. At the first he thought it genuine, but on examination he is since convinced that it could not come from the prisoner.

A second letter has been also found by the regent upon her toilet. The anonimous author affects to have written it out of Germany, representing the danger of her highness's giving, at all events, her entire confidence to one family, and that foreign, by which the condition of her son's natural born subjects will not be bettered by the late great change.

Her highness immediately shewed this letter to the first minister, who was struck with the substance of it. The prince generalissimo has had frequent evening conferences of several hours with count Osterman. The reasonings here upon them are very different: some pretend that they are, by concert with the great-duchess, in order to keep the old minister in temper and spirits by these marks of his highness's confidence, whilst she herself showers down favours of another kind upon the new one, having occasion for both. Others pretend, that the prince only goes to a political school; whilst the third think, that his highness is not easy under the empty shadow of command, and that he is consulting about all the prerogatives of his high-

---

было письмо, написанное отъ имени герцога курляндскаго. Въ немъ герцогъ оправдывается и молитъ о заступничествѣ. Графъ Минихъ былъ очень изумленъ, найдя его. Сначала онъ счелъ было его подлиннымъ, но, разсмотрѣвъ ближе, увѣрился, что оно пришло не отъ самого узника.

Другое письмо найдено было правительницей на ея туалетѣ. Анонимный корреспондентъ пишетъ его какъ бы изъ Германіи, и указываетъ на опасности, которымъ ея высочество подвергается, отдавъ все свое довѣріе при всякихъ обстоятельствахъ одной — и то чужестранной — семьѣ. Вслѣдствіе такого довѣрія положеніе природженныхъ подданныхъ ея сына отнюдь не улучшилось при послѣднемъ переворотѣ.

Ея высочество немедленно показала письмо это первому министру, который оказался пораженнымъ его содержаніемъ. Принцъ-генералиссимусъ часто вечерами по нѣскольку часовъ совѣщается съ графомъ Остерманомъ. Эти бесѣды вызываютъ весьма разнообразные толки: одни полагаютъ, что ведутся онѣ съ одобренія великой княгини, въ надеждѣ вниманіемъ и довѣріемъ поддержать настроеніе и бодрость старика министра, не смотря на то, что она оказываетъ милости иного рода новому министру. Другіе соображаютъ, будто принцъ только какъ бы посѣщаетъ политическую школу; третьи — будто его высочество чувствуетъ себя связаннымъ призрачною властью, выпавшей на его долю, и наводитъ справки о правахъ своего положе-

ness's post, which he has not yet, but will soon or later exercise. The fourth say, that the great-duchess has taken notice of these nocturnal visits, and even asked him the meaning of them in the presence of count Munich.

Count Lynar was with me yesterday morning, and, after professions of living in confidence, according to his instructions, he told me, that, though he was not yet particularly informed of the minute intentions of his court, however he knew in general, that his master was fully disposed to abide by the pragmatic sanction, provided the indivisibility of the austrian succession should be religiously maintained; but that if any part of it was to be dismembered from the whole mass, in order to accommodate other princes, his master would then also think that he had as good a right to have a share, and would put in his claim for his part. That minister therefore is resolved as soon as possible to get a categorical answer, how far this court will oppose or acquiesce in the king of Prussia's pretensions in Silesia, and in the last case he will, according to his polish majesty's orders, press for the actual assistance stipulated by the treaty, and on the answer dispatch a messenger he brought with him for that purpose. According to this minister's notion, this court will not only wait for the explanation of the maritime powers, but also will be glad to see what m-r Chétardie's courier brings with him before it declares itself.

нія, которыми не пользуется, но рано-ли, поздно-ли намѣренъ воспользоваться. Четвертые утверждаютъ, будто великая княгиня, узнавъ объ этихъ поздиихъ посѣщеніяхъ, даже спрашивала принца, въ присутствіи графа Миниха—что бы они значили?

Вчера поутру былъ у меня графъ Линаръ, и заявилъ о желаніи своемъ оставаться со мною, согласно полученнымъ имъ инструкціямъ, въ отношеніяхъ полнаго довѣрія; разсказалъ, что онъ, хотя и не получалъ подробныхъ данныхъ о замыслахъ саксонскаго двора, однако вообще знаетъ, что государь его вполнѣ расположенъ поддерживать прагматическую санкцію, если нераздѣльность австрійскаго наслѣдства вообще будетъ свято соблюдена; если же, напротивъ, какая либо часть его будетъ отторгнута ради удовлетворенія другихъ монарховъ, государь его признаетъ и за собою право предъявить притязанія на извѣстную долю этого наслѣдства. Потому графъ рѣшился возможно скорѣе заручиться категорическимъ отвѣтомъ—на сколько русскій дворъ намѣренъ противиться притязаніямъ короля прусскаго на Силезію или поддерживать ихъ? Въ послѣднемъ случаѣ, согласно приказаніямъ его польскаго величества, графъ будетъ настаивать на дѣятельной помощи, согласно подписанному договору, а для того, чтобы полученный отвѣтъ отправить скорѣе по принадлежности, графъ привезъ съ собою и курьера. По словамъ его, русское правительство, однако, прежде чѣмъ дать отвѣтъ, намѣрено не только выждать объясненій морскихъ державъ, но и прислушаться къ тому, что привезъ съ собою курьеръ Шетарди.

Two letters have been found amongst the late regent's papers, accusing the field-marshal of having connived at king's Stanislaus' escape out of Dantzig, the sum his excellency received for this service and how he disposed of it. The author of them, general Uxküll, a Livonian gentleman of a good family and estate, who is in this service, has been lately put under arrest, and it is said, that a council of war will be appointed to set upon him.

An order was yesterday published at the senate, that all officers and soldiers absent on farlaugh, should return to their post by the latter end of march; and at the same time orders were issued for raising by the said time thirty thousand recruits.

I had my audience of the grand-duchess sunday, in which I delivered the king's letter to her highness, and His Majesty's second to the Czar. The first I put into the prime-minister's hands, as I mentioned the 24th.

The danish envoy Backhoff had also an audience, in which he complimented the grand-duchess on her regency *by word of mouth only*, for as m-r Korff by mistake had not delivered any of the notifications of this court, the danish one could return no answers.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36)

Въ бумагахъ бывшаго регента найдены два письма, обвиняющихъ фельдмаршала въ пособничествѣ бѣгству короля Станислава изъ Данцига; указывающихъ какую сумму фельдмаршалъ получилъ при этомъ и какъ распорядился ею. Написаны они генераломъ Искулемъ, изъ хорошей семьи, имѣющей помѣстье въ Ливоніи, который и теперь еще состоитъ въ русской службѣ. Онъ недавно арестованъ и, говорятъ, подвергнется военному суду.

Вчера опубликованъ указъ сенату, въ силу котораго всѣ офицеры и солдаты, состоящіе въ отпуску, обязуются къ концу марта вернуться на службу. Къ тому-же сроку приказано собрать тридцать тысячъ рекрутъ.

Аудіенція моя у великой княгини происходила въ воскресенье. Я передалъ ея высочеству письма короля къ ней и къ Царю. Первое изъ нихъ я предварительно показывалъ первому министру, о чемъ и писалъ вамъ въ донесеніи отъ 24-го.

Датскій посланникъ Бакгофъ также имѣлъ аудіенцію, въ которой по случаю перехода правленія къ великой княгинѣ принесъ *только устныя поздравленія*. Корфъ, по какому-то недоразумѣнію, не передалъ извѣщеній русскаго двора въ Копенгагенѣ по принадлежности, потому датскій дворъ и не могъ прислать соотвѣтствующихъ отвѣтовъ.

№ 104. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, January the 31st 1741.

M-r de Chétardie's servant, which he sent express to his court some days after the late Czarinna's demise, arrived here at last the 26th in the evening by the way of Copenhagen and Stockholm. As he was obliged to go round the Bothnic-gulf, his journey from Stockholm was within a trifle as long as from Paris, had he taken the direct road from thence.

The dispatches, at least the public ones, which the french minister has received, are an order for mourning, answers to the notifications of this court, and new letters of credence with the character of minister plenipotentiary, and he proposes to deliver these in a private audience, as other ministers have done, as soon as his mourning is ready, which he will take care not to have so before the 4th, his most christian majesty's birthday, on which occasion he has already invited the great people of this court and the foreign ministers.

It is certain that m-r de Chétardie was doubtful at first, whether he was to remain here in any character at all, and that he has not laid down his former very troublesome one, in order to avoid those incidents and diffi-

---

№ 104. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 31-го января 1740—41 г. (17-го февраля 1741 г. н. ст.).

Слуга Шетарди, отправленный имъ нарочнымъ въ Версаль нѣсколько дней послѣ кончины покойной Царицы, прибылъ, наконецъ, обратно 26-го вечеромъ черезъ Копенгагенъ и Стокгольмъ. Ему пришлось огибать берегомъ Ботническій заливъ, потому путь изъ Стокгольма сюда оказался столь же далекимъ, какъ путь отсюда до Парижа, если ѣхать прямо.

Полученныя посломъ депеши, по крайней мѣрѣ на сколько онѣ оффиціально извѣстны, касаются распоряженій о траурѣ. Къ нимъ приложены отвѣты на извѣщенія русскаго двора и новыя вѣрительныя граматы Шетарди на званіе полномочнаго министра. Граматы эти онъ, по примѣру представителей прочихъ государствъ, намѣренъ вручить въ частной аудіенціи, какъ только обзаведется трауромъ, который, впрочемъ, постарается не надѣвать до 4-го, т. е. пока не минетъ день рожденія его христіаннѣйшаго величества, на который уже получили приглашенія важнѣйшія особы русскаго двора и весь дипломатическій корпусъ.

Шетарди вначалѣ несомнѣнно сомнѣвался, удобно-ли ему вообще оставаться здѣсь въ какомъ бы то ни было званіи, тѣмъ болѣе признавалъ необходимымъ сложить съ себя прежнее, крайне щекотливое, званіе посла, дабы избѣжать столкновеній

culties, which otherwise he must necessarily have had with the prince generalissimo, for whilst m-r de Chétardie was ambassador, he always treated the generalissimo as a *prince appanage*, to which his highness during the late reign was obliged much against his will to submit; but in the present one the situation of his highness is very different, and the father of the reigning monarch would have expected another sort of regard from a french ambassador than that, which his former excellency thought proper to shew his highness whilst only the husband of a princess, though she was looked upon as the presumptive or at least the designed heiress of this crown.

As there were no letters from England last post, I shall have but little to trouble your lordship with by this, for I could only send your lordship a repetition of the views of the prussian and saxon ministers instances, as well as the impatience of this court for the arrival of the messenger with the treaty, and a communication of the king's sentiments and plan in the present juncture.

The prime-minister communicated to me last night the list of the troops the court of Vienna proposes to assemble under the command of general Neubourg, and I could easily remark on that occasion that his excellency has neither forgot, nor forgiven that general's conduct in the negociation of the last peace, for he said, in case Russia should resolve to send a body of troops to the queen of Hungary's assistance (which would entirely

---

и затруднепій, естественно возникавшихъ между нимъ и принцемъ-генералиссимусомъ, къ которому, состоя посломъ, Шетарди всегда относился какъ къ принцу вассальнаго дома. И въ прошлое царствованіе его высочеству, помимо воли, приходилось подчиняться этимъ отношеніямъ, весьма неудобнымъ въ настоящее время, при измѣнившемся положеніи его высочества. Отецъ царствующаго монарха вправѣ расчитывать со стороны французскаго посла на почетъ, большій того, который маркизу угодно было оказывать мужу принцессы, хотя бы принцессы, въ которой признавали или, по крайней мѣрѣ, предполагали наслѣдницу престола.

Такъ какъ писемъ изъ Англіи съ прошлою почтой не получено, мнѣ сегодня не придется утомлять ваше превосходительство повтореніемъ сказаннаго объ интригахъ Мардефельда, о настояніяхъ представителей дрезденскаго двора, о нетерпѣніи, съ которымъ ожидаютъ возвращенія моего посланнаго съ договоромъ и съ сообщеніемъ о замыслахъ и намѣреніяхъ короля по поводу настоящаго положенія.

Первый министръ сообщилъ мнѣ вчера вечеромъ списокъ войскъ, которыя вѣнскій дворъ намѣренъ собрать подъ начальствомъ генерала Нейбурга, и мнѣ легко было замѣтить, что фельдмаршалъ не забылъ и не простилъ поведенія Нейбурга при мирныхъ переговорахъ съ Турціей. Онъ замѣтилъ, что — если-бы Россія и рѣшилась отправить корпусъ войскъ на помощь королевѣ венгерской (а это зависитъ исключи-

depend on the concert with the maritime powers), they could never trust that body to the aforesaid general.

Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

№ 105. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, February the 3rd 1741.

... A review has been taken lately of the state of the fleet from this place down to Reval.

The great-duchess regent did all the foreign ministers, who were at court sunday morning, the honour to give them a gold medal, the weight about thirty holland ducats, which was struck on the late Czarinna's death. Her Majesty's bust and titles are on one side, and on the reverse, as she is mounting to heaven, she crowns the present infant Czar, who is held in the arms of a woman representing Russia; the legend is: «It is thus I appease your grief»; the exergues mark her birth (29th January 1693); accession (19th January 1730) and demise (17th October 1740).

As I was going out of court, young count Munich, great-steward of the regent's household, brought me her orders to be that evening at her maid of

---

тельно отъ соглашенія съ морскими державами) — она никогда не довѣритъ этихъ войскъ такому генералу.

№ 105. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 3-го февраля 1740—41 г. (14-го февраля 1741 г. н. ст.).

... На дняхъ происходила ревизія флота по всему побережью отсюда до Ревеля.

Великая княгиня правительница всѣхъ представителей иностранныхъ государствъ, бывшихъ при дворѣ въ субботу поутру, удостоила подаркомъ золотой медали, вѣсомъ приблизительно въ тридцать голландскихъ червонцевъ, выбитой по случаю смерти покойной Императрицы. На одной сторонѣ грудной портретъ Ея Величества и ея титулъ, на другой-же она, поднимаясь на небо, возлагаетъ корону на малютку-Царя, котораго держитъ на рукахъ женщина, изображающая Россію. Тутъ же надпись: «Симъ утоляю печаль вашу». Означены кромѣ того день рожденія (29-го января 1693 г.), вступленія на престолъ (19-го января 1730 г.) и кончины (17-го октября 1740 г.) Ея Величества.

Когда я выходилъ, молодой графъ Минихъ, оберъ-гофмейстеръ двора великой княгини, передалъ мнѣ приглашеніе на вечернюю партію въ карты съ ея высочествомъ

honour, m-lle Julia Mengden's, appartment to play at cards with her highness; and the young Czar, whose apartment was next to the room we played in, happening to cry, gave me an opportunity to ask after His Majesty; upon which the great-duchess very graciously said, that, if I had a mind to see him, she would do me the honour to bring him out. She did so immediately, and I had the honour to kiss his hand. He is without flattery one the of most beautiful children I ever saw, especially the upper part of his face, exceeding fine eyes, and looks as healthy as any farmer's child.

M-r de la Chétardie will probably have his audience next week in order to present his new credentials. I am told by a person who is a good deal in his confidence, that, though he is glad to be delivered from the incidents and difficulties he must have met with here in the character of ambassador, yet after the distinctions and preeminencies to which he was entitled, it is with some regret that he now lays it down to be confounded in the herd of ministers plenipotentiaries; for we are four of us already: general Botta, count Lynar, m-r Mardefeld and myself.

Count Goloffkin, the vice-chancellor, did me just now the honour of a visit. His excellency has the reputation of being extremely well versed in the domestic affairs of this country.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

въ компатахъ фрейлины Юліи Менгденъ. Рядомъ съ комнатой, въ которой мы играли, находятся аппартаменты малютки-Царя. Ему случилось крикнуть, и это дало мнѣ поводъ спросить о Его Величествѣ. Великая княгиня чрезвычайно любезно отвѣчала, что если я желаю взглянуть на него, она сдѣлаетъ мнѣ честь и вынесетъ его. Такъ она и сдѣлала, и я имѣлъ счастье поцѣловать его руку. Безъ лести, это одинъ изъ прелестнѣйшихъ ребятъ, когда либо мною видѣнныхъ. Особенно красива верхняя часть лица: замѣчательно красивые глаза; общій видъ здоровый, какъ у фермерскаго ребенка.

Шетарди, для представленія своихъ вѣрительныхъ граматъ, получитъ аудіенцію, вѣроятно, на будущей недѣлѣ. Отъ одного лица, пользующагося его довѣріемъ, я слышалъ, что, хотя онъ и радъ былъ отдѣлаться отъ столкновеній и затрудненій, съ которыми невольно встрѣчался по званію посла, онъ тѣмъ не менѣе не безъ сожалѣнія слагаетъ съ себя отличіе и первенство, которыми пользовался, и переходитъ въ разрядъ полномочныхъ министровъ. Насъ здѣсь и безъ него четверо: генералъ Ботта, графъ Линаръ, Мардефельдъ и я.

Вице-канцлеръ, графъ Головкинъ, только что почтилъ меня визитомъ. Онъ пользуется репутаціей человѣка, прекрасно знакомаго съ здѣшними внутренними дѣлами.

№ 106. Lord Harrington to the right honourable m. Ed. Finch.

Whitehall, February the 3rd 1741.

The irregularity of the posts, occasioned probably by the badness of the roads, has been the reason, I suppose, of my receiving several of your letters at the same time, the last of which is of the sixth past; and although those letters contain matters of a very curious and instructive nature, yet they do not afford anything that requires His Majesty's commands upon either for the present; but as you will have received, long before this time*, the dispatches sent you by Bowie, the messenger, your answer thereto will probably afford an occasion of sending another to you very speedily, by whom you shall be more particularly informed of His Majesty's sentiments upon the present critical conjuncture of affairs of Europe, and as the turn those affairs are likely to take, in a great measure depends upon the resolution of the court where you are, the king does not doubt of your employing your utmost care and attention in learning and transmitting hither the earliest and most certain accounts you shall be able to obtain of them. And as you have been directed by your former instructions to apprise your court in the fullest and clearest manner of His Majesty's instructions and designs, it is to be hoped, that they will, on their part, open themselves to you with

---

№ 106. Лордъ Гаррингтонъ Эд. Финчу.

Уайтгэлль, 3-го февраля 1740—41 г. (14-го февраля 1741 г. н. ст.).

Неправильная доставка почты, вѣроятно вызванная бездорожьемъ, была, надо полагать, виною тому, что нѣсколько донесеній вашихъ получено сразу (послѣднее изъ нихъ отъ 6-го января). Хотя въ нихъ много очень интереснаго и поучительнаго, въ нихъ нѣтъ ничего, что бы требовало инструкцій отъ его величества въ данную минуту*; но такъ какъ вы вѣроятно уже давно получили депеши, отправленныя вамъ съ курьеромъ Бови, ваши отвѣты на нихъ вѣроятно въ весьма непродолжительномъ времени потребуютъ отправки въ С.-Петербургъ другаго курьера, который привезетъ вамъ болѣе подробныя данныя о взглядахъ его величества на современное критическое положеніе Европы. Направленіе, которое должны принять дѣла, въ значительной степени зависитъ отъ рѣшеній русскаго двора, потому король увѣренъ, что вы употребите всѣ старанія и заботы, дабы доставить сюда возможно скорѣе возможно достовѣрныя свѣдѣнія, которыя вамъ удастся добыть. А такъ какъ прежде данными вамъ инструкціями вы уполномочены со всею полнотою и ясностью посвятить русскій дворъ въ инструкціи и предположенія его величества, надѣюсь, что и онъ, съ своей стороны, отнесется къ вамъ откровенно и искренно; и если окажется, что

the same frankness and sincerity. And if you find them really disposed to fulfill their engagements to the house of Austria, you will press them, in the most earnest manner, to lose no time in setting about so salutary a work in sending immediately a considerable body of troops into Prussia, *[1]) as likewise to open themselves to the king, as to the further measures they intend to take for that end, assuring them, at the same time, that they will find His Majesty disposed and ready to act in the most perfect concert with them in any plan that shall be formed for that purpose.

The king is upon the point of settling with the States a concert of measures and operations for the execution of their mutual engagements towards the house of Austria and will use all his endeavours to bring the king of Poland to act in the same way, of which I hope to be able to send you a particular account in a post or two for the information of the court where you are, and shall therefore defer till then what I may have further in command from His Majesty for your future conduct in this critical situation of affairs.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

онъ дѣйствительно расположенъ выполнить обязательства, принятыя имъ на себя передъ домомъ австрійскимъ, постарайтесь серьезнѣйшими доводами склонить его теперь-же, не теряя времени, сдѣлать спасительный шагъ—немедленно отправить значительный корпусъ войскъ въ Пруссію *[1]), а также сообщить королю, что Россія еще полагаетъ предпринять для достиженія желанной цѣли. Можете при этомъ дать увѣренія въ расположеніи и готовности его величества дѣйствовать совершенно согласно съ русскимъ дворомъ во всемъ, что онъ предприметъ для охраненія австрійскаго наслѣдства.

Король занятъ теперь соглашеніемъ съ генеральными штатами касательно совмѣстныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ выполненію общихъ обязательствъ ихъ относительно дома австрійскаго, и приложитъ всѣ старанія, дабы склонить и короля польскаго къ дѣйствіямъ въ томъ же направленіи. Болѣе подробный отчетъ обо всѣхъ этихъ переговорахъ надѣюсь выслать вамъ для ознакомленія съ ними русскаго двора съ одною изъ ближайшихъ почтъ. Тогда же пришлю вамъ и дальнѣйшія инструкціи его величества для вашего руководства въ настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ.

---

1) Строки отъ * до * писаны шифромъ.

№ 107. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, February the 7th 1741.

There were no letters from England the 5th and five posts are now due to-morrow.

Count Osterman sent m-r Brevern yesterday with a message to me, that as m-r Bestuchef had written word, that our friends in Sweden might still gain a majority, if properly assisted, and as, by prince Scherbatow's letter, your lordship had given assurances very lately that m-r Burnaby should go hand in hand with m-r Bestuchef, his excellency desired me to write to m-r Burnaby to press him on this occasion. I answered, that it would be impossible for me to pretend to do it on any other foot than that of his instructions, which, I was persuaded, he would execute without a letter from me; that however I could not help observing to him, m-r Brevern, my surprise, that, whilst the king was at the expence of two subsidiary treaties with Denmark and Hesse-Cassel, by which the interest of Russia was so essentially and equally served with his own, his excellency should notwithstanding expect that the king should bear so exact a proportion in a much smaller sum, which might be necessary to prevent the ill designs of the pre-

---

№ 107. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 7-го февраля 1740—41 г. (18-го февраля 1741 г. н. ст.).

Пятаго февраля писемъ изъ Англіи опять не получено; такимъ образомъ завтра могу ожидать матеріала за пять почтъ разомъ.

Вчера графъ Остерманъ присылалъ Бреверна съ порученіемъ ко мнѣ. Бестужевъ пишетъ, что еще и теперь друзья наши могутъ склонить большинство на свою сторону, если поддержать ихъ надлежащимъ образомъ, а такъ какъ, судя по донесеніямъ князя Щербатова, ваше превосходительство еще недавно говорили ему о данной Бернэби инструкціи — во всемъ итти рука объ руку съ Бестужевымъ, графъ Остерманъ проситъ меня напомнить объ этомъ Бернэби. Я отвѣчалъ, что не могу позволить себѣ никакихъ увѣщаній, которыя не были бы строго согласованы съ королевскими инструкціями; съ инструкціями же этими, я увѣренъ, Бернэби согласуется и безъ писемъ съ моей стороны. При этомъ я не могъ не выразить Бреверну своего удивленія, какъ, зная, что король принялъ на себя уже субсидіи по двумъ трактатамъ (съ Даніей и съ Гессенъ-Касселемъ), охраняющимъ интересы Россіи столько-же, какъ и его собственные интересы, графъ Остерманъ всетаки расчитываетъ, что король какъ-бы еще обязанъ принять на себя строго-пропорціональную долю въ значительно меньшемъ расходѣ, который, быть можетъ, понадобится для разрушенія за-

vailing party in Sweden, especially since they were directly and immediately levelled against Moscovy; but he insisted that I should write, which I was forced to promise, and did perform yesterday.

I should have troubled your lordship with another short paragraph, but having just received an order from the great-duchess to be at court at 2 this afternoon to follow her highness on a party of sledges...

Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

№ 108. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, February the 10th 1741.

... After the party of sledges was over, to which the great-duchess had invited general Botta, count Lynar and myself, the 7th, we were kept to play at cards with her highness and the prince generalissimo in m-lle Julia Mengden's appartment.

The next day the field-marshal invited us three and m-r Mardefeld with us to pass the evening at his house, being the last day of the carnaval, for lent begins here two days before ashwednesday. The great-duchess and the prince were both there and played at cards, but retired before the rest of the company went to supper.

мысловъ господствующей въ Швеціи партіи, направленныхъ къ тому же прямо и непосредственно противъ Россіи. Тѣмъ не менѣе Бреверпъ настаивалъ, чтобы я написалъ Берияби. Я вынужденъ былъ уступить и вчера отправилъ свое письмо.

Думалъ было утрудить ваше превосходительство и еще однимъ дѣломъ, но только что получилъ отъ великой княгини приказаніе быть при дворѣ къ двумъ часамъ по полудни, дабы сопровождать ея высочество при прогулкѣ въ саняхъ...

№ 108. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 10-го февраля 1740—41 г. (21-го февраля 1741 г. н. ст.).

7-го февраля, по окончаніи прогулки, на которую великою княгинею приглашены были генералъ Ботта, графъ Линаръ и я, насъ пригласили еще въ комнаты фрейлины Юліи Менгденъ на партію въ карты съ ея высочествомъ и съ принцемъ-генералиссимусомъ.

На слѣдующій день фельдмаршалъ пригласилъ насъ трехъ, да еще Мардефельда, провести вечеръ у него. Это былъ послѣдній день масляницы, такъ какъ постъ здѣсь начинается двумя днями ранѣе, чѣмъ у насъ. У него были также великая княгиня и принцъ-супругъ; они играли въ карты, но уѣхали ранѣе другихъ, прежде чѣмъ остальные гости сѣли за ужинъ.

The same morning the deputies of the cosacks and tartars under the dominion and protection of this crown had their audiences of the great-duchess.

M-r de la Chétardie will hardly have his before next week, both because this first in lent is observed here with great strictness and besides, I believe, his mourning is not yet ready.

I have mentioned to your lordship in several of my letters, that the new ministry, as it was framed immediately on the late regent's fall, did not seem to be on a very lasting footing, and that the prince made frequent visits to count Osterman, whom he calls his preceptor. We begin to see the effects, since the administration is getting into a more natural shape, and the prime-minister, though he will still keep the title, will not however soar as he at first proposed, and everybody else apprehended. Count Osterman is to have, as before, the chief direction of foreign business and to correspond with their ministers abroad, the grand-and vice-chancellor will be charged with the domestic business, all three with proper communication to the prime-minister. His excellency's strict province will be the college of war and the army, but reporting everything to the prince generalissimo, and his highness is to be constantly present when the ministers make their respective reports to the regent, as they do twice or thrice a week.

Въ тоже утро имѣли аудіенцію у великой княгини депутаты отъ казаковъ и татаръ, состоящихъ подъ владычествомъ и покровительствомъ Россіи.

Аудіенція Шетарди врядъ-ли состоится ранѣе будущей недѣли, такъ какъ первая недѣля великаго поста здѣсь проводится очень строго; да кстати, кажется, маркизъ еще не управился съ трауромъ.

Я уже не разъ писалъ вашему превосходительству, что новое министерство, сформированое немедленно вслѣдъ за арестомъ бывшаго регента, кажется мало устойчивымъ; писалъ и о частыхъ посѣщеніяхъ принца къ графу Остерману, котораго его высочество называетъ своимъ наставникомъ. Мы начинаемъ ощущать плоды этихъ посѣщеній: управленіе получаетъ болѣе естественное теченіе; первый министръ, хотя и продолжаетъ носить прежній титулъ, очевидно не будетъ парить надъ всѣмъ, какъ предполагалъ, и какъ опасались люди; графъ Остерманъ, по прежнему, останется руководителемъ внѣшнихъ сношеній, переписка съ представителями Россіи при иностранныхъ дворахъ тоже останется въ его рукахъ; на канцлерѣ и вице-канцлерѣ будутъ лежать внутреннія дѣла; всѣ трое будутъ только сноситься съ первымъ министромъ. Областью фельдмаршала останутся собственно военная коллегія и армія, да и то съ обязательствомъ докладывать обо всемъ принцу-генералиссимусу. Принцъ кромѣ того постоянно присутствуетъ при докладахъ, съ которыми министры являются къ правительницѣ раза два-три въ недѣлю. А фельдмаршалъ думалъ было устранить его

The field-marshal's scheme was to exclude his highness from the knowledge of all transactions and to make his post of generalissimo an empty title. This is the present disposition of things here, which I had sunday last from the prince's own mouth, when his highness made no difficulty to tell me also, that he had had several warm disputes with the field-marshal (which I knew very well before), adding, that, though he had obligations to his excellency in the campaign he made under him, that he might be very useful in his proper station, and that he had the recent merit of his late service, yet it would not follow from thence, that he should become a grand-vizir here; that, however, if he had moderation enough to acquiesce in the present regulation, no harm was meant to him, but that if he consulted only his own immoderate ambition and the natural violence of his temper, he might, by his own folly, draw on his ruin.

His highness then talked to me very freely upon the silesian enterprise and complained, that the king of Prussia would artfully interpret their renewal of an ancient, very innocent treaty, as a new engagement of this court to countenance his majesty's present scheme, and that he published it as such in every court, and with much confidence; that his brother, the duke of Wolfenbuttel, had lately wrote to him to know, whether this was the russians's real design in order to regulate his conduct. He complained

---

высочество отъ дѣлъ и обратить самое его званіе генералиссимуса въ почетный титулъ. Таково настоящее положеніе дѣлъ въ Петербургѣ, о которомъ прошлое воскресенье принцъ лично бесѣдовалъ со мною. Онъ не затруднился высказать мнѣ также, что имѣлъ нѣсколько горячихъ споровъ съ фельдмаршаломъ (объ этомъ я зналъ и прежде). «Хотя я и обязанъ ему многимъ за время кампаній, выдержанныхъ подъ его начальствомъ», прибавилъ принцъ, «хотя я признаю его полезную дѣятельность въ военномъ вѣдомствѣ, и помню недавно оказанную имъ услугу, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ обратился въ великаго визиря. Если фельдмаршалъ сумѣетъ быть умѣреннымъ и примирится съ своимъ настоящимъ положеніемъ, никто не помышляетъ трогать его, но разъ онъ подчинится своему неумѣренному честолюбію и дастъ волю рѣзкости своего характера, собственное неразуміе можетъ вовлечь его въ погибель».

Затѣмъ его высочество очень свободно разговаривалъ со мною о силезскомъ вторженіи и выражалъ сожалѣніе по поводу ловкаго толкованія, даннаго королемъ прусскимъ возобновленію стараго, довольно невиннаго трактата, которому король придаетъ значеніе новаго обязательства со стороны Россіи, какъ-бы оправдывающаго настоящіе замыслы его величества, и говоритъ о немъ въ этомъ смыслѣ при всѣхъ дворахъ. Принцъ также очень довѣрчиво повѣрилъ мнѣ, какъ братъ его, герцогъ вольфенбюттельскій, недавно писалъ ему, спрашивая — дѣйствительно-ли та-

also, that his prussian majesty had interpreted the offer of the good offices of this court to their procuring that prince a reasonable satisfaction on the just pretensions he might have on any part of Silesia, as an offer of a formal mediation, which he would pin on Russia thereby to tie up its hands. He afterwards said in so many words that the prime-minister had been gained by the king of Prussia and that he would have concluded things here in a manner to have prostituted the honour and engagements of this crown, and have sacrificed the interest of Muscovy, as well as that of Europe; that he knew very well that m-r Mardefeld complained to his court, that himself and count Osterman were the two only persons, who thwarted his master's views at Petersburgh. His highness added, that, though one of the two queens was his sister, and the other his cousin, yet in this more critical conjuncture than his preceptor owned that he had ever seen, there were considerations superior to either of these relations (and give me leave, my lord, to add from myself, that since this affair of Silesia the force of count Osterman's prussian biass is very much lessened). The prince at last said, that, though it would be very imprudent and utterly impracticable for Russia to engage alone, nevertheless, in conjunction with the maritime powers, it would be equally desirous and ready to hearken to concur in the execution of the guaranty

---

ковы взгляды русскаго двора, дабы сообразоваться съ ними въ собственномъ поведеніи. Принцъ жаловался также, что его прусское величество предложеніе добрыхъ услугъ русскаго двора о содѣйствіи къ достиженію разумнаго удовлетворенія справедливыхъ претензій короля на Силезію, выставляетъ формальнымъ предложеніемъ посредничества со стороны Россіи въ надеждѣ связать ей руки. Затѣмъ онъ въ довольно пространныхъ выраженіяхъ разсказывалъ, будто подкупленный королемъ прусскимъ первый министръ охотно-бы повелъ дѣло къ посрамленію чести и къ нарушенію обязательствъ русскаго двора, пожертвовалъ-бы интересами и Россіи, и Европы. Принцъ увѣрялъ, будто твердо знаетъ, что Мардефельдъ жаловался своему государю, видя въ принцѣ и въ графѣ Остерманѣ единственную помѣху планамъ его величества при русскомъ дворѣ. Хотя одна изъ королевъ родная, другая-же двоюродная сестра принцу, онъ понимаетъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, которое наставникъ его признаетъ наиболѣе критическимъ изъ всѣхъ имъ когда либо видѣнныхъ, слѣдуетъ руководствоваться соображеніями, высшими всякихъ родственныхъ связей (и позвольте мнѣ, ваше превосходительство, прибавить отъ себя, что со времени силезскаго вторженія симпатіи графа Остермана къ Пруссіи значительно ослабѣли). Со стороны Россіи, замѣтилъ наконецъ принцъ, было-бы крайне неосторожно и почти невозможно выступить въ дѣло одной, но въ соединеніи съ морскими державами Россія не только готова, но и желала-бы сдѣлать попытку къ осуществленію гаран-

of the pragmatic sanction and the maintenance of the most essential indivisibility of the austrian succession.

General Botta has received the same formal assurances from the great-duchess's own mouth, and this is count Osterman's constant and repeated language to me with expressions of their great impatience to learn the king's sentiments on the present juncture, with proper authority to enter into a concert here. His excellency, at the same time, hints at his surprise that they yet hear nothing of the return of the messenger.

Your lordship will remember his excellency's former assertion, that, when the late m-r Rondeau had almost brought this negociation to bear, he had orders to protract the final conclusion of it, so I am afraid, that, if I cannot soon inform that minister of the messenger's being set out, it will produce a bad effect here...

Your lordship will easily believe with what pleasure I inform you of Bowie's arrival here this evening at six, just as I had finished and examined the above. Your lordship will hardly expect that I should say anything on the contents of the dispatches he brings, which I shall not have time to open before I shall be obliged to send this to the post.

M-r Mardefeld has received, as I just now hear, the ratification of his treaty, and the king of Prussia's answer to the letter of this court.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

тіи прагматической санкціи и къ поддержкѣ столь важной нераздѣльности австрійскаго наслѣдства.

Такія-же формальныя заявленія великая княгиня лично сдѣлала генералу Боттѣ. Тѣмъ-же языкомъ неизмѣнно говоритъ со мною графъ Остерманъ, выражая каждый разъ сильное нетерпѣніе узнать о намѣреніяхъ короля по поводу настоящаго положенія и о присылкѣ мнѣ полномочій для соглашенія. Графъ при этомъ всегда высказываетъ свое удивленіе по поводу того, что о возвращеніи курьера изъ Англіи до сихъ поръ не слыхать ничего.

Ваше превосходительство вспомните, конечно, прежнія утвержденія графа, будто покойный Рондо, доведя переговоры почти до конца, получилъ приказаніе затягивать ихъ завершеніе. Опасаюсь, какъ бы въ случаѣ, если я еще долго не въ состояніи буду увѣдомить графа о выѣздѣ курьера, это не произвело-бы здѣсь дурнаго впечатлѣнія...

Ваше превосходительство поймете, съ какою радостью спѣшу увѣдомить васъ о прибытіи Бови сегодня вечеромъ въ шесть часовъ, какъ разъ въ то время, какъ я просматривалъ и перечитывалъ предыдущія строки. Ваше превосходительство, конечно, не ожидаете отъ меня ничего по поводу привезенныхъ имъ депешъ, которыхъ не успѣю и распечатать до отправленія этого письма на почту.

Мардефельдъ, какъ сейчасъ слышу, получилъ ратификацію договора и отвѣтъ короля прусскаго на письмо русскаго двора.

№ 109. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, February the 14th 1741.

I had but just time the 10th inst. to inform your lordship of the messenger Bowie's arrival that evening with all the papers to which your dispatches refer.

I immediately sent my secretary to inform count Osterman of it, because, as his excellency's impatience had been very great, I knew his joy would be so too, and let him at the same time know, that I did after having employed the morning in perusing, considering and making myself master of your lordship's several dispatches.

The following morning, which was thursday, the 12th, I desired an hour of the prime-minister, who appointed the same afternoon at six; when I communicated to his excellency the translation of the king's letters notifying the young princess's birth, and His Majesty's answer relating to the duke of Mecklenburgh, of which I had made a short extract, leaving out what is mentioned of the duke of Wolfenbuttel, and putting it short the other princes, who had been equally concerned in the execution of the imperial commission.

№ 109. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 14-го февраля 1740—41 г. (25-го февраля 1741 г. н. ст.).

10-го я едва успѣлъ увѣдомить ваше превосходительство о пріѣздѣ Бови въ тотъ же вечеръ съ депешами отъ васъ и со всѣми относящимися къ нимъ бумагами.

Я немедленно отправилъ своего секретаря къ графу Остерману, дабы увѣдомить его объ этомъ. Ввиду нетерпѣнія, съ которымъ графъ ожидалъ его, я увѣренъ былъ, что его сіятельство очень обрадуется моему извѣщенію. Въ то же время я увѣдомилъ графа, что 11-го же утромъ займусь разсмотрѣніемъ, изученіемъ присланныхъ документовъ, дабы вполнѣ овладѣть ихъ содержаніемъ.

На слѣдующій день (четвергъ, 12-го) я просилъ аудіенціи у перваго министра. Онъ назначилъ мнѣ пріѣхать въ тотъ-же день въ шесть часовъ. Я передалъ ему переводъ королевскаго письма съ извѣщеніемъ о рожденіи принцессы и отвѣтъ его величества по поводу герцога мекленбургскаго, изъ котораго сдѣлалъ извлеченіе, выпустивъ все касающееся герцога вольфенбюттельскаго и сокративъ строки о другихъ принцахъ, подвергшихся экзекуціи отъ имперской коммиссіи.

Фельдмаршалъ взялъ отъ меня переводъ и обѣщалъ позаботиться, дабы я могъ передать письмо его величества великой княгинѣ-правительницѣ завтра-же въ частной аудіенціи, такъ какъ вся эта недѣля посвящена великопостной службѣ.

His excellency took the first translations and promised to procure me an opportunity to deliver them to the great-duchess regent in a private audience to-morrow, for all this week is taken up with the lent devotions.

The prime-minister and count Osterman both promised to inform the regent also of the substance of the king's answer relating to the duke of Mecklenburgh. They both seemed well pleased with these general and provisional assurances, of which they doubted not to see the good effect, when your lordship will be in a condition to write more fully on that subject.

It was at count Osterman's desire that in my ostensible extract I effaced the particular mention of the duke of Wolfenbuttel, putting it in general terms, because his excellency said, that a notion prevailed here, that the king had reimbursed that prince, and was solely possessed of the mortgages.

In answer to your lordship's other dispatches, as soon as I acquainted count Osterman that my messenger had brought back the treaty, and that the king had admitted all the changes made by him, and only desired two or three small ones in his turn; he said immediately: «That is well, we shall not disagree, nor chicane on trifles; but what have you got to tell me on the great affair in which all Europe is so much concerned?» Though your lordship will have seen all those repeated assurances I have transmitted from this minister's mouth, of the sentiments and dispositions of this court, which,

---

И первый министръ, и графъ Остерманъ обѣщали мнѣ также увѣдомить великую княгиню о сущности королевскаго отвѣта по поводу герцога мекленбургскаго. И тотъ, и другой, по видимому, довольны общими увѣреніями, временно данными, и не сомнѣваются въ добрыхъ послѣдствіяхъ вашего расположенія, когда ваше превосходительство признаете возможнымъ написать по этому дѣлу съ большею подробностью.

Строки, касающіяся собственно герцога вольфенбюттельскаго, я въ своемъ извлеченіи вычеркнулъ по желанію графа Остермана, замѣнивъ ихъ общими выраженіями, такъ какъ, по словамъ графа, здѣсь получены извѣстія, будто король вознаградилъ герцога, удовольствовавшись ипотекой.

Что касается прочихъ депешъ вашего превосходительства — не успѣлъ я увѣдомить графа Остермана, что курьеръ привезъ трактатъ обратно и что король согласился на всѣ предложенныя измѣненія, выразивъ только желаніе объ измѣненіи двухъ-трехъ незначительныхъ выраженій, какъ графъ сказалъ: «Хорошо, изъ за пустяковъ мы ни расходиться, ни спорить не станемъ. А вотъ — что вы имѣете сообщить мнѣ о великомъ дѣлѣ, поглощающемъ теперь вниманіе всей Европы?». Хотя неоднократныя увѣренія въ чувствахъ и стремленіяхъ русскаго двора и хорошо извѣстны вашему превосходительству, такъ какъ я писалъ вамъ о нихъ со словъ графа;

as I mentioned last post, were strongly confirmed to me by the prince, and to general Botta by the regent, that there seems no doubt of the way of thinking which this court prefers, and will act upon, if a proper concert between the maritime powers can be effected. Yet your lordship recommended the greatest circumspection, not to expose the king's electoral dominions. I therefore begun by telling the count, that as the king, at the writing of your lordship's dispatches, could not be informed of the sentiments of this court, on the emperor's death, His Majesty was under the greatest impatience to learn their thoughts also on the king of Prussia's enterprize; and to know certainly how far the ties of relation by marriage might, or might not influence here in this very dangerous and critical conjuncture, and that it was true his excellency had often explained himself to me on this head, in that manner, which, as I thought, might be entirely depended on, of which I had made your lordship faithful reports, and that the prince of Wolfenbuttel had lately talked to me in the same stile; but his excellency interrupted me here, and said, that I might depend on it, that the great-duchess was in the same system, provided I would but speak out, and concert with her without loss of time. I replied, that there was then but one thing more, which was however absolutely necessary to make me speak out, which was an assurance, that I might do it in the utmost confidence to his excellency only, and his solemn

---

хотя, какъ я упоминалъ еще въ прошломъ донесеніи, тѣ-же увѣренія повторены были мнѣ принцемъ, а генералу Ботта — правительницею; хотя, по видимому, не можетъ быть и сомнѣнія во взглядахъ этого двора и въ дѣйствіяхъ, къ которымъ онъ бы желалъ приступить, при надлежащемъ соглашеніи съ морскими державами, я — ввиду осторожности, которую ваше превосходительство предписываете мнѣ, дабы не подвергнуть опасности курфюрстскія владѣнія короля, сталъ говорить графу, что его величество — на сколько могу судить по депешамъ вашимъ — не имѣлъ свѣдѣнія даже о взглядахъ русскаго двора по поводу смерти императора, потому съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстія о томъ, каковы его взгляды на предпріимчивость короля прусскаго; не оказываютъ-ли родственныя узы вліянія на отношенія къ настоящему крайне опасному и критическому положенію вещей. «Ваше сіятельство, продолжалъ я, положимъ, часто высказывались мнѣ по этому поводу въ выраженіяхъ, вызывающихъ полное довѣріе, и слова ваши я въ точности передавалъ въ своихъ письмахъ къ его превосходительству; недавно принцъ брауншвейгскій бесѣдовалъ со мною въ томъ же смыслѣ...». Тутъ графъ прервалъ меня: «Можете вполнѣ положиться на слышанное», сказалъ онъ; «такъ-же относится къ дѣлу и великая княгиня; только выскажитесь ей и переговорите съ нею не теряя времени».—«Для того, чтобы высказаться», возразилъ я, «мнѣ нужно одно — увѣренность, что разговоръ нашъ останется совершенно конфиденціальнымъ между мною и вашимъ сіятельствомъ, ваше

promise of secrecy, for part of the king's donimions required it. He answered, that, if I did not mean thereby to exclude the regent, he would make me this promise, and keep it, for he told me the reason I alleged was a valid one. I then opened to that minister, without reserve, the whole of what your lordship ordered me by His Majesty's commands. He heard me with the most earnest attention, and then asked — if he might depend on the truth of this declaration upon the faith of a public minister, and the honour of a private gentleman? I assured him that he might; upon which, I never saw so visible an alteration in anybody's looks, and he said that he was thereby very much strengthened, and could, from this time forward, act with more spirit and vigour, than he had been able to do before. He then wanted a plan, but I observed to that minister the impossibility there was of the king's having one, since the king could not have had the least information of the dispositions of this court, when my dispatches were sent away; however I did not doubt but my instructions would be more particular every post. He found this reasonable; and then, raising himself in his chair, said, that I might depend on it that this court was ready to enter into the strictest alliance with the maritime powers and not to depart from it till the pragmatic sanction was executed, Europe saved, the confused state of it settled, and the balance of power restored and secured. I said that, in

---

рѣшительное обѣщаніе сохранить его въ тайнѣ, этого требуетъ безопасность части королевскихъ владѣній». — «Если вы не думаете исключить изъ тайны правительницу, я могу обѣщать вамъ тайну и сохраню ее, такъ какъ признаю причину, заставляющую васъ искать тайны вполнѣ уважительной. Тогда я безъ стѣсненія сообщилъ графу все, что ваше превосходительство передали мнѣ по приказанію его величества. Онъ выслушалъ меня съ серьезнымъ вниманіемъ, а затѣмъ спросилъ: можетъ-ли положиться на достовѣрность сдѣланнаго заявленія, какъ на слово официально уполномоченнаго дипломата и какъ на честное слово частнаго человѣка? Я отвѣчалъ утвердительно. Тогда въ глазахъ графа произошла такая замѣтная перемѣна, какой я никогда не видывалъ ни въ чьихъ глазахъ. Онъ замѣтилъ, что чувствуетъ себя значительно окрѣпшимъ и теперь въ состояніи дѣйствовать съ большимъ вдохновеніемъ, съ большею силой чѣмъ прежде. Онъ пожелалъ узнать затѣмъ планъ нашихъ дѣйствій. Я замѣтилъ, что король еще не могъ составить себѣ никакого плана, такъ какъ ровно ничего не зналъ о намѣреніяхъ русскаго двора въ то время, когда отправлялъ полученныя мною депеши, но что я вполнѣ увѣренъ, что съ каждой почтой буду получать все болѣе и болѣе опредѣленныя инструкціи. Онъ нашелъ мой отвѣтъ разумнымъ и, вставъ съ своего кресла, сказалъ: «Можете положиться на полную готовность русскаго двора войти въ тѣснѣйшій союзъ съ морскими державами и крѣпко держаться его впредь до того времени, когда прагматическая санкція будетъ выполнена, Европа спасена, равновѣсіе ея воз-

order to this, a concert and a plan of operations were necessary, which could be of two kinds only: either by so many separate diversions or by the junction of an united force, in case the king of Prussia would not be amicably dissuaded from his present enterprize. His excellency seemed to prefer the first method, but then the manner and the time must be setlted and observed; adding, that, if the queen of Hungary assembled the force she promised, the king, our master, his electoral troops joined by the danes and hessians in his pay, and by those of the States General; that His Majesty would also endeavour to unite the smaller princes of Germany in his neighbourhood; if the king of Poland, as elector of Saxony, would do the same on his side, of which there were now good hopes, as your lordship will be fully informed in a shorter and more direct way than from hence, and as Russia was marching a considerable army, and for that purpose was actually making the necessary preparations (I am told of eighteen regiments of foot and sixteen of horse, in all thirty thousand men, in Livonia) he thought, that as the late m-r Villars said, that he could not be everywhere, nor more could the king of Prussia, so he did not doubt but things would assume a new face before midsummer; that, in order to this, proper instructions and full powers from the king and the States General would be necessary to

---

становлено и обезпечено». Я замѣтилъ, что для этого необходимы соглашеніе и планъ дѣйствій, который въ случаѣ, если король прусскій не внемлетъ дружескимъ увѣщаніямъ, можетъ быть въ сущности двухъ родовъ: или путемъ диверсій отдѣльными силами, или соединенными силами. Графъ, повидимому, предпочитаетъ первый способъ, но съ тѣмъ, чтобы время и характеръ диверсій были заранѣе опредѣлены и затѣмъ все выполнено по соглашенію. «Если», прибавилъ онъ, «королева венгерская соберетъ обѣщанную армію; король, государь вашъ, подкрѣпить свои курфюрстскія войска состоящими на его иждивеніи корпусами датскимъ и гессенскимъ, и войсками Голландіи; если его величество постарается соединить вокругъ себя и мелкихъ союзныхъ государей Германіи; если такъ же сдѣлаетъ съ своей стороны и король польскій, въ качествѣ курфюрста саксонскаго (на что теперь есть основаніе надѣяться, какъ ваше превосходительство, вѣроятно, уже увѣдомлены путемъ болѣе прямымъ и короткимъ), Россія также выступитъ съ значительною арміей, которую уже заготовляетъ (мнѣ говорилили о восемнадцати пѣхотныхъ и шестнадцати кавалерійскихъ полкахъ, вообще о тридцатитысячномъ корпусѣ, расположенномъ въ Ливоніи). Покойный Вилльяръ говаривалъ, что не можетъ быть одинъ всюду; вѣроятно, не удастся это и королю прусскому; потому есть основаніе надѣяться, что еще до половины лѣта дѣла примутъ иной оборотъ. Но для этого необходимо, чтобы король и генеральные штаты поспѣшили надлежащими инструкціями и полномочіями, дабы приступить къ

negociate such an alliance, concert the plan of operations, and conclude both without loss of time.

His excellency then desired what I had declared in writing, but I waved this, by telling him that it would be neither regular nor necessary.

We then consulted in what manner he should communicate the matter to the regent. He proposed by letter. I said that writing was dangerous. He answered: «It is true, for some curious court lady (meaning the favourite) might get a peep at it»; but, to prevent this, he would desire the prince to come to him and charge his highness with the letter, upon his promising to bring it back, as soon as the great-duchess had read it; and that he would strongly recommend the secret to her highness, and could answer for her keeping it.

Our next consultation was what I had to say to the prime-minister, whom I could not avoid waiting upon, and we agreed that I should only tell him that I had received the treaty by the messenger, which, I believed, might now be soon and easily concluded, since all the alterations made by count Osterman were admitted, and only two or three small ones desired. I should also mention the notifications, as well as the answer on the duke of Mecklenburgh, and leave the translation first with him; that, as to the king of Prussia, I should only express the king's impatience to learn the senti-

---

обсужденію союза и плана общихъ дѣйствій и не теряя времени покончить и съ тѣмъ и съ другимъ».

Затѣмъ графъ пожелалъ получить письменное изложеніе сдѣланнаго мною заявленія, но я устранилъ это требованіе, замѣтивъ, что такое письменное заявленіе было бы и не въ правилахъ, и не нужно.

Мы совѣщались далѣе о томъ, какъ представить все дѣло правительницѣ. Графъ предложилъ сдѣлать письменный докладъ; я же напомнилъ, что письменные документы опасны. «Дѣйствительно», сказалъ онъ, «того и гляди, какая нибудь любопытная фрейлина (графъ очевидно намекнулъ на фаворитку) прослышитъ о документѣ;» но чтобы этого не случилось, я попрошу принца посѣтить меня и поручу письмо его высочеству, взявъ съ него обѣщаніе возвратить письмо мнѣ послѣ того, какъ великая княгиня прочтетъ его, а также обѣщаніе серьезно разъяснить правительницѣ необходимость тайны, дабы онъ могъ и отвѣчать за ея сохраненіе.

Затѣмъ мы перешли къ совѣщанію о томъ, что сказать первому министру, съ которымъ мнѣ неизбѣжно предстоитъ бесѣда по тому же предмету. Мы согласились на слѣдующемъ: я сообщу графу Миниху только о полученіи черезъ прибывшаго курьера текста договора, прибавивъ, что договоръ, вѣроятно, будетъ подписанъ скоро и безъ затрудненій, такъ какъ всѣ измѣненія, предложенныя графомъ Остерманомъ, приняты королемъ, который съ своей стороны требуетъ только двухъ-трехъ незначительныхъ поправокъ. Упомяну также о нотификаціи и объ отвѣтѣ по дѣлу герцога

ments of this court, and in very general terms — how much His Majesty apprehended the ill consequences of the king of Prussia's enterprize, at first, for the house of Austria, the empire, and Europe, and at last for that prince himself.

This I did without going any further, and as my negociation is not to be with this minister, it will be superfluous to report more of his conversation with me, than, that, though he seemed to study not to talk a contrary language to count Osterman, yet it was not the same. He was continually hinting at the joint mediation of England and Russia, that the young king would be glad of part of Silesia, and then become an useful friend of the house of Austria; that, the queen of Hungary must begin by associating herself with the king; that Muscovy must have an eye to the turks, persians and swedes, but however was ready to act in concert with the maritime powers. They both told me that it has been insinuated at Vienna to the swedish minister there, that this might be a proper opportunity to recover Pomerania, who had coldly answered, that Stettin was too small an object to embark in a war for without Bremen and Verden into the bargain; and upon this they also observed, that they were persuaded, that the difference between the king's friendship and that of Sweden would be well known at Vienna.

мекленбургскаго, оставивъ фельдмаршалу переводъ этихъ документовъ; что же касается короля прусскаго — выскажу только съ какимъ нетерпѣніемъ король, государь мой, ждетъ извѣстій о настроеніи русскаго двора, прибавивъ развѣ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ объ опасеніяхъ его величества, какъ бы дѣйствія Пруссіи не навлекли дурныхъ послѣдствій во первыхъ на домъ австрійскій, на имперію, на Европу, да наконецъ и на самого короля прусскаго.

Всѣ эти предположенія я и выполнилъ, не сдѣлавъ ни шагу далѣе опредѣленныхъ границъ, а такъ какъ мнѣ съ фельдмаршаломъ сношеній болѣе не предвидится, считаю излишнимъ передавать вамъ что либо изъ нашей бесѣды, кромѣ слѣдующаго: Какъ онъ ни старался воздержаться отъ противорѣчій графу Остерману, у него слышался другой языкъ. Онъ безпрестанно намекалъ на совмѣстное посредничество Англіи и Россіи, высказывалъ увѣренность, что молодой король удовольствуется частью Силезіи и затѣмъ обратится въ полезнаго друга австрійскаго дома; что королева венгерская уже начинаетъ склоняться къ сближенію съ королемъ; что Россіи не слѣдуетъ терять изъ виду Турціи, Персіи, шведовъ, хотя она тѣмъ не менѣе готова дѣйствовать за одно съ морскими державами. И фельдмаршалъ и графъ Остерманъ говорили мнѣ, будто представителю Швеціи въ Вѣнѣ старались внушить, что настоящее положеніе дѣлъ удобно для возвращенія Помераніи; онъ, однако, отвѣчалъ, что Штеттинъ безъ Бремена и Вердена — добыча слишкомъ незначительная, дабы изъ-за нея втягиваться въ войну. Собесѣдники мои высказали также убѣжденіе, что въ Вѣнѣ сумѣютъ разсмотрѣть разницу между дружбой короля и дружбой Швеціи.

The field-marshal has taken it into his head to make alternatively of late long visits to the princess Elizabeth, which has not been relished by the regent, nor will do him service with her; the former is not so assiduous at court as she was at first, however she has been paid the very day it was due, and without her highness' asking it, the four months (for they pay not quarterly) of her pension of fifty thousand roubles, the grant of the late regent.

General Lubras, who acts as master of the ceremonies here, came two or three days ago from Cronstadt to regulate those of m-r de la Chétardie's audience, to which that minister is to go in the character of ambassador and return in that of minister plenipotentiary. I hear, that in the first character he pretends to deliver his letters to the young monarch.

M-r Nolken has not yet received his new credentials and to a friend of mine, who asked him the reason, he replied, that he could give no other answer than that which he made to the same question of the ministers of this court, which was that they must enquire the reason of their minister at Stockholm, by which it is supposed that he insinuates, that the affair of the title must be previously settled.

A m-r Diescau, in count Saxe's regiment in France and who made a campaign or two here, is returned with letters from him and the cardinal

---

Фельдмаршалъ повадился за послѣднее время дѣлать продолжительные визиты къ великой княгинѣ Елизаветѣ Петровнѣ, что, конечно, не по сердцу правительницѣ и не содѣйствуетъ ея расположенію къ графу Миниху. Великая княгиня, съ своей стороны, посѣщаетъ дворъ менѣе усердно, чѣмъ прежде; тѣмъ не менѣе ей, не дожидаясь спроса съ ея стороны, едва наступилъ срокъ, выплатили пятьдесятъ тысячъ въ счетъ пенсіона за четыре мѣсяца (здѣсь расчитываются не по четвертямъ, а по третямъ года) въ размѣрѣ, опредѣленномъ бывшимъ регентомъ.

Генералъ Любрасъ, исполняющій здѣсь роль церемоніймейстера, дня два или три тому назадъ прибылъ сюда изъ Кронштадта для распоряженій по аудіенціи Шетарди, на которую представитель Франціи отправится въ званіи посла, и съ которой возвратится полномочнымъ министромъ. Какъ слышно, онъ намѣренъ вручить письмо юному монарху еще въ качествѣ посла.

Нолькенъ до сихъ поръ не получаетъ новыхъ вѣрительныхъ граматъ, и одному изъ друзей моихъ, на вопросъ о причинѣ такого промедленія, заявилъ, что можетъ дать ему только отвѣтъ, уже данный имъ русскимъ министрамъ: «Пусть справятся у своего представителя въ Стокгольмѣ». Полагаютъ, что онъ намекаетъ на необходимость первоначально порѣшить вопросъ о титулѣ.

Нѣкто Диско, изъ полка графа саксонскаго во Франціи, принимавшій участіе въ одной или въ двухъ кампаніяхъ съ русскими войсками, возвратился сюда съ пись-

Fleury also to count Munich. It is thought that he is sent to sollicit some pretensions of count Saxe's mother in Livonia, as well as with an eye to Courland. He lodges at m-r de la Chétardie's and brought him the answers of his court to the second notifications of this.

The turkish ambassador is either actually set out from Moscow or on the point of doing so. The persian also advances, but both by very slow journeys.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

№ 110. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, February the 17th 1741.

. . . I am now to return your lordship which I immediately communicated the substance to count Osterman, that he might inform the regent of them provisionally, till I can have an opportunity of doing it myself to her highness directly (if I can find a natural one without giving too much umbrage), or at least to the prince, who is charged with the most secret affairs between that princess and his excellency.

This court is not the less pleased with the king's sentiments and dispositions in the present critical conjuncture, than His Majesty has been

---

мами отъ графа и отъ кардинала Флери къ графу Миниху. Полагаютъ, что онъ пріѣхалъ хлопотать по какимъ-то претензіямъ матери графа саксонскаго въ Ливоніи, а также съ цѣлью приглядѣться къ курляндскимъ дѣламъ. Дпско проживаетъ у Шетарди и привезъ ему отвѣты на вторыя заявленія русскаго двора.

Турецкій посолъ въ настоящее время выѣхалъ или выѣзжаетъ изъ Москвы. Персидскіе посолъ тоже подвигается, но какъ тотъ, такъ и другой дѣлаютъ каждый день очень небольшіе переѣзды.

№ 110. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 17-го февраля 1740—41 г. (29-го февраля 1741 г. н. ст.).

...Спѣшу извѣстить ваше превосходительство, что сообщенное вами я немедленно изложилъ въ главныхъ чертахъ графу Остерману, дабы онъ могъ доложить обо всемъ правительницѣ, пока мнѣ не представится случай сдѣлать это лично (надо найти естественный предлогъ свиданія, дабы не возбудить подозрѣній) или черезъ принца, на котораго возложены секретнѣйшія сношенія между принцессой и графомъ.

Здѣшній дворъ доволенъ взглядами и намѣреніями короля по отношенію къ критическимъ событіямъ настоящаго времени не менѣе, чѣмъ его величество доволенъ

with theirs, and the report of their ministers in London and at the Hague agrees perfectly with what your lordship has wrote to me, and as the prime-minister sees those dispatches, and that count Lynar has communicated very fully here the declarations His Majesty has been pleased to make at Dresden, count Osterman advised me to open myself a little more to the field-marshal than we had before agreed, which I did yesterday, in a way to prevent any suspicion of reserve or distrust, but at the same time with proper circumspection. That minister seemed very positive and count Osterman as apprehensive, that the vivacity and what the first called «the point of honour» of the young king would not permit him to quit his enterprize (though they think he begins to reflect on his precipitated step), if the good offices proposed to be employed were not corroborated by more prevalent arguments, and were actually ready to be employed. However they both were very well pleased with the joint representation the king and the States General proposed to make, and they told me that this court was preparing another, of the same purport, in answer to his prussian majesty's reply to the first, which is only a deduction of his pretensions, with a demand of succours, in case of necessity, and pursuant to treaty, as he asserts; about which last, especially, they will undeceive His Majesty. Upon this occasion count Munich asked me, whether no regard would be had to that

---

взглядами и планами русскаго правительства. Донесенія русскихъ представителей въ Лондонѣ и Гаагѣ вполнѣ согласуются съ тѣмъ, что ваше превосходительство писали мнѣ. Первый министръ видѣлъ эти донесенія; графъ Линаръ сообщилъ здѣсь со всею полнотою деклараціи, которыя его величеству угодно было сдѣлать въ Дрезденѣ; потому графъ Остерманъ, посовѣтовалъ мнѣ переговорить съ фельдмаршаломъ нѣсколько откровеннѣе, чѣмъ мы было условились. Вчера я послѣдовалъ этому совѣту; старался конечно, не вызвать ни малѣйшаго подозрѣнія въ сдержанности или недовѣріи, но все-таки былъ осмотрителенъ. Фельдмаршалъ высказывалъ очень рѣшительное предположеніе, а графъ Остерманъ опасеніе, что живость характера, а—по словамъ фельдмаршала — и самолюбіе молодаго короля не позволятъ ему оставить начатаго предпріятія (хотя онъ, какъ полагаютъ мои собесѣдники, и начинаетъ задумываться по поводу торопливаго шага), если предложенныя добрыя услуги не будутъ поддержаны болѣе дѣйствительными и вполнѣ готовыми аргументами. Какъ бы то ни было, оба министра вполнѣ довольны предположеннымъ общимъ представленіемъ со стороны короля и штатовъ, и прибавили, что русскій дворъ также готовитъ отвѣтъ на возраженія его прусскаго величества. Отвѣтъ этотъ долженъ сбавить претензіи короля, который, опираясь на трактатъ, даже проситъ помощи себѣ въ случаѣ нужды. Особенно готовятъ ему разочарованіе по поводу трактата. Графъ Минихъ спросилъ меня, однако — не будетъ-ли обращено вниманія на справедливыя притязанія его величе-

prince's just demands, if things could be amicably terminated? I answered, that I was persuaded, that the king's desires and views would be to prevent, and not to countenance the least injustice on one side or on the other. As to the diversion that might so conveniently be made by this country, there will be an impossibility to determine this to precede a common concert of measures, but there will not be any difficulty in making it accompany closely the effects of that concert. In reality, they are preparing for that purpose. Count Lynar, by order of his polish majesty, is pressing their sketching out here such a plan to be delivered to himself, general Botta, and to me, that we may all transmit the same to our respective courts, and in the same words. That minister hopes, that count Osterman will do it without loss of time, and by his excellency's putting off the affair of the treaty till to-morrow, in case he should then have time. I believe that he is actually about the sketch. His excellency asked me yesterday, whether the king, our master, was absolutely sure of the concurrence of the States General. I answered, that His Majesty had at least the greatest reason to hope it. The prime-minister also told me, that the States General seemed desirous to furnish their contingent in money, and that the court of Vienna was inclined to be satisfied with it, which however, said he, would not be the same thing, nor have the same effect. In order to press count Osterman to finish our treaty, I told him,

---

ства въ случаѣ, если окажется возможность покончить дѣло дружелюбнымъ соглашеніемъ? Въ отвѣтъ я высказалъ, убѣжденіе, что король желаетъ и стремится отнюдь не поддерживать, а именно предупредить всякую неправду съ той или другой стороны. Что же касается диверсіи, которую Россія могла бы предпринять столь удобно, нѣтъ возможности склонить здѣшнее правительство на этотъ шагъ прежде, чѣмъ не осуществятся мѣры общаго воздѣйствія на короля, но Россія, кажется, безъ труда согласится поддержать общее дѣло. Здѣсь дѣйствительно дѣлаются надлежащія приготовленія съ этою цѣлью. Графъ Линаръ, по приказанію его польскаго величества, торопитъ выработкою плана дѣйствій, и выдачею этого плана ему, генералу Боттѣ и мнѣ, дабы мы могли передать его своимъ дворамъ въ одинаковыхъ выраженіяхъ. Линаръ надѣется, что графъ Остерманъ, не теряя времени, займется выработкой такого плана. Я полагаю, что онъ уже занятъ имъ, такъ какъ онъ отложилъ дѣло о нашемъ союзномъ трактатѣ до завтра, «если позволитъ время». Графъ спрашивалъ меня вчера: «Вполнѣ-ли король, государь вашъ, можетъ расчитывать на содѣйствіе генеральныхъ штатовъ?» — «Его величество по крайней мѣрѣ имѣетъ всевозможныя основанія полагаться на штаты», отвѣчалъ я. Первый министръ также передавалъ мнѣ, будто генеральные штаты, повидимому, желали бы замѣнить войско выдачею денегъ на наемъ людей, и будто вѣнскій дворъ готовъ удовольствоваться этимъ, хотя — прибавилъ фельдмаршалъ — это не то же, что войско, и не можетъ имѣть тѣхъ же по-

that there would be no occasion for me to dispatch a messenger with any thing, which might require safety without his carrying at the same time the treaty signed.

I hear that m-r de la Chétardie's audience is not likely to be so soon as was expected, since he insists upon delivering his letters to the young monarch himself and thinks it necessary to dispatch a courier for farther orders, this court not seeming inclined to grant this point.

My dispatch was so long last post, that I could not decypher it for want of time, nor can I do it this, having received the great-duchess' orders to play at cards with her at four; so I hope, that, if there should be any mistakes in either, they will be excused.

P. S. The princess Elizabeth was this afternoon to make the great-duchess a visit and her highness said to me, that she believed I had a rendez-vous with that princess, because she was there also last sunday, was fortnight, when I had the honour to play with the regent the first time.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

№ 111. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, February the 21st 1741.

... The great-duchess' orders to be at court yesterday in the afternoon

---

слѣдствій. Дабы поторопить графа Остермана окончаніемъ дѣла о трактатѣ, я замѣтилъ ему, что не нахожу случая отправить Бови обратно съ бумагами, требующими безопасной доставки, если одновременно не отправить съ нимъ и подписаннаго трактата.

Я слышу, будто аудіенція Шетарди пожалуй состоится еще не такъ скоро, какъ ожидали, такъ какъ онъ настаиваетъ на томъ, чтобы вручить свои письма юному монарху въ собственныя руки и предпочитаетъ отправить курьера за дальнѣйшими инструкціями лучше, чѣмъ уступить въ данномъ случаѣ.

Донесеніе, отправленное мною съ прошлой почтой, вышло столь длиннымъ, что за недостаткомъ времени я не успѣлъ пересмотрѣть шифръ; не успѣю пересмотрѣть шифра и этой депеши, такъ какъ получилъ отъ великой княгини приказаніе явиться къ ней на карточную игру къ четыремъ часамъ. Надѣюсь, что вы простите мнѣ, если встрѣтите ошибки.

P. S. Сегодня послѣ полудня принцесса Елизавета Петровна посѣтила правительницу, которая замѣтила, что я, вѣроятно, назначаю свиданія великой княгинѣ, такъ какъ она была при дворѣ и прошлое воскресенье, и двѣ недѣли тому назадъ, когда я впервые имѣлъ честь играть въ карты съ правительницей.

№ 111. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 21-го февраля 1740—41 г. (4-го марта 1741 г. н. ст.).

... Вчера приказаніе великой княгини явиться ко двору послѣ полудня помѣ-

prevented my making use of an hour count Osterman had given me, and which his excellency upon my sending to him a second time could neither advance not retard, so that I might have had an opportunity of speaking with him either before or after I had waited on the regent.

The evening before, I was with him by appointment, but was soon interrupted by the prince's arrival. I endeavoured to bring his excellency immediately on the treaty, and to open to him the alterations the king desires, but he would first have his discourse out on what he calls «the great affair», by which I found that, notwithstanding count Lynar's instances, the plan which he hoped his excellency would sketch out is not so forward as that minister thought, and that count Osterman would shift off the framing it himself on general Botta, count Lynar and me; upon which I told him, that, whatever orders and instructions the other two ministers might have, I had neither of those, sufficient to take upon me a work of this kind, and to which, in all respects, I was so very unequal; that all I could do therefore in the case, would be to transmit to my court any plan, which might be framed or approved of by this; but, as I could not send a thing of that kind but by a special messenger, I hoped that I should be also in a condition to send the treaty signed by the same, since without the last I could not dispatch a messenger with the first.

шало мнѣ воспользоваться часомъ, назначеннымъ мнѣ для свиданія графомъ Остерманомъ. Я посылалъ было къ графу вторично, съ просьбою принять меня раньше, или позднѣе, дабы я могъ повидаться съ нимъ прежде, чѣмъ поѣду во дворецъ, или возвратясь оттуда, но графъ не нашелъ возможнымъ удѣлить мнѣ другаго часа.

Накануне вечеромъ я былъ у графа по его приглашенію, но бесѣда наша вскорѣ была прервана пріѣздомъ принца. Я старался прямо приступить къ дѣлу о трактатѣ, указавъ на измѣненія, которыхъ желаетъ король, но графъ хотѣлъ непремѣнно высказаться предварительно о «важнѣйшей задачѣ данной минуты», изъ чего заключаю, что вопреки увѣреніямъ саксонскаго посланника, планъ, составленіемъ котораго будто-бы занимается графъ, подвинулся не особенно далеко, что графъ Остерманъ даже какъ бы стремится отклонить отъ себя его составленіе, поручивъ его генералу Боттѣ, графу Линару и мнѣ. Я заявилъ, что мнѣ неизвѣстно на сколько Линаръ и Ботта снабжены указаніями и инструкціями, но что самъ я не обладаю полномочіями для подобной работы, да и считаю себя во всѣхъ отношеніяхъ къ ней неподготовленнымъ; что самъ я могу только передать своему правительству планъ, который будетъ выработанъ и одобренъ русскимъ дворомъ. Къ тому же, не признавая возможнымъ отправить столь важный документъ иначе, какъ съ нарочнымъ, льщу себя надеждой, что въ состояніи буду одновременно отправить съ нимъ и подписанный трактатъ, такъ какъ отправлять нарочнаго съ однимъ планомъ, безъ трактата, считаю неудобнымъ.

Count Osterman at the same time hinted to me, that, by their letters from the Hague, there seemed a project on foot for the States General to reinforce the garrisons of the barrier towns, that the court of Vienna might be thereby enabled to make draughts of troops from thence, and to employ them elsewhere, upon which he observed, that, though the court of Vienna might, in this shape, be served in some measure, yet it would not be with the same efficacy and weight, as if the dutch actually marched a body of their own troops to assist the queen of Hungary.

I must confess that I do not easily comprehend count Osterman, as to our treaty, since he has constantly postponed that affair when I would have entered upon it, and will give me no hour in a morning, when he need not be interrupted, but in an afternoon, when the prince is generally with him, as he was thursday, soon after me, as he would have been yesterday, had I gone to his excellency, and as his highness was this afternoon, before the hour the count had given me. But to remedy this, on my return home this evening, I have sent him, in a letter by my secretary, the alterations the king desires and the explications joined to them, as I extracted them from your lordship's dispatch by the messenger.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

Въ то же время графъ Остерманъ намекнулъ мнѣ, что, по донесеніямъ изъ Гааги, генеральные штаты полагаютъ необходимымъ укрѣпить пограничные города, дабы дать вѣнскому двору возможность собрать войска въ Голландіи и двинуть ихъ оттуда куда онъ знаетъ. Графъ прибавилъ, что если подобныя распоряженія и могутъ принести вѣнскому двору нѣкоторую пользу, польза эта все-таки будетъ не на столько дѣйствительна и ощутительна, на сколько оказалась бы дѣйствительною отправка собственной голландской арміи въ помощь королевѣ венгерской.

Признаюсь, меня съ толку сбиваетъ отношеніе графа Остермана къ нашему трактату. Едва бесѣда коснется трактата, графъ неизмѣнно спѣшитъ устранить разговоръ о немъ; не назначаетъ мнѣ для переговоровъ утренняго часа, когда можно потолковать безъ помѣхи, а назначаетъ часы послѣобѣденные, когда у него обыкновенно сидитъ принцъ. То же повторилось и въ четвергъ (принцъ пріѣхалъ вслѣдъ за мной); то же повторилось бы и вчера, если бы я посѣтилъ графа въ назначенный часъ. И сегодня его высочество прибылъ къ графу какъ разъ передъ часомъ, опредѣленнымъ для бесѣды со мною. Чтобы устранить это препятствіе, я сегодня, возвратясь домой, отправилъ къ графу своего секретаря съ письмомъ, въ которомъ изложилъ какихъ измѣненій въ текстѣ трактата желаетъ король, приложивъ и поясненія ихъ, заимствованныя изъ письма вашего превосходительства, присланнаго съ Бови.

№ 112. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, February the 24th 1741.

I have informed your lordship in my last of the 21st instant that I had sent to count Osterman that evening the alterations the king desired in the treaty, and His Majesty's reasons for desiring them. I added the last, in writing also, that they might appear in their full force whenever the whole shall be reported to the cabinet. I was so impatient to talk with his excellency on them, in order to inform your lordship what his thoughts were about them, that he having appointed me the next day at five, I took the liberty to excuse myself to the great-duchess, who had invited me to play with her at four, believing it to be an ordinary party with some other of the foreign ministers, for which I was afterwards very sorry, upon finding that I was to have been with the princess alone and that it was designedly, to give me an opportunity of talking with her highness, and executing the king's orders in your lordship's dispatches of the ninth and twentieth past.

As count Osterman told me, that I had missed this opportunity, which I had done very innocently and ignorantly, and that he was afraid that my

---

№ 112. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 24-го февраля 1740—41 г. (7-го марта 1741 г. н. ст.).

Въ послѣднемъ донесеніи своемъ отъ 21-го текущаго мѣсяца я писалъ вашему превосходительству, какъ отправилъ графу Остерману измѣненія, предлагаемыя королемъ въ трактатѣ, съ объясненіемъ причинъ, вызывающихъ такія предложенія его величества. Поясненія эти я приложилъ, дабы необходимость проектированныхъ измѣненій представилась съ полною ясностью при докладѣ о нихъ кабинету. Я съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ возможности переговорить съ графомъ Остерманомъ по этому поводу, дабы скорѣе увѣдомить ваше превосходительство о его взглядахъ по данному вопросу, что, имѣя въ виду время, назначенное мнѣ для свиданія съ нимъ (22-го февраля въ 5 часовъ пополудни), позволилъ себѣ уклониться отъ приглашенія великой княгини, которая звала было меня къ себѣ на карточную партію въ четыре часа того-же дня. Я полагалъ, что рѣчь идетъ объ обычной партіи съ кѣмъ либо изъ прочихъ представителей иностранныхъ державъ, но къ большому прискорбію своему узналъ, что какъ разъ мнѣ хотѣли дать случай переговорить съ великой княгиней наединѣ и выполнить порученія, возложенныя на меня королемъ въ депешахъ вашего превосходительства отъ 9-го и 20-го января.

Графъ Остерманъ замѣтилъ мнѣ, что я напрасно упустилъ доставленный мнѣ случай. Сдѣлалъ я это въ полной невинности, по незнанію, но графъ опасался, какъ

excuse might be misrepresented and ill taken, I was the next morning early to explain the whole to the prince, who assured me, that the great-duchess, so far from taking it ill, would, as he hoped, soon give me such another opportunity; that it was his fault, that he had not told me sunday morning what was the intention of the invitation that afternoon. As I entered a little into the present critical conjuncture with the prince, his highness told me, that the king of Prussia had neglected none of those means, which he thought might serve him here; that, with those views, he had offered the great-duchess to secure to her the succession of Mecklenburgh after her father and uncles' death; and to himself (the prince) the immediate election of the duchy of Courland; which could make no impression on either, for her highness thought, that, by her situation, Russia was the country whose interest alone she should consult, and that he himself was convinced of the strong obligations he was under to prefer the interest of Muscovy to his private one, but that his prussian majesty had succeeded better with the prime-minister, who had been absolutely gained; did all in his power to earn his wages, and gave them a great deal of trouble here; that moreover m-r Mardefeld must have great sums to dispose of here, he had offered an immense one, as he told me—one hundred thousand crowns, to the regent's former preceptor, believing that he might have very great credit with her highness,

---

бы мой отказъ не подалъ повода къ недоразумѣніямъ и нежелательнымъ толкованіямъ; потому я на слѣдующій же день рано поутру явился съ объясненіями къ принцу, который успокоилъ меня, заявивъ, что великая княгиня далека отъ всякаго неудовольствія противъ меня и—онъ надѣется—вскорѣ дастъ мнѣ возможность поправить дѣло; что собственно виноватъ онъ, такъ какъ воскресенье поутру не предупредилъ о цѣли предстоявшаго приглашенія. Въ разговорѣ съ принцемъ мы коснулись отчасти современныхъ критическихъ обстоятельствъ. Его высочество замѣтилъ, какъ король прусскій не упускаетъ изъ виду ничего, что, по его мнѣнію, такъ или иначе можетъ быть ему полезнымъ при русскомъ дворѣ. Онъ, съ этой цѣлью, предложилъ великой княгинѣ обезпечить за нею наслѣдство Мекленбурга по смерти отца и дяди, а принцу—немедленное избраніе въ герцоги курляндскіе. Предложенія эти, очевидно, не произвели никакого впечатлѣнія ни на того, ни на другого: Ея высочество признаетъ, что, ввиду ея положенія, ей не приходится руководиться никакими соображеніями, кромѣ блага Россіи, да и самъ принцъ достаточно понимаетъ свои обязанности, чтобы ставить выгоды Россіи выше всякихъ личныхъ выгодъ. Королю прусскому болѣе посчастливилось у перваго министра, который рѣшительно подкупленъ, дѣлаетъ все возможное, дабы заслужить получки и не мало затрудняетъ правительство. Вообще Мардефельдъ располагаетъ по видимому большими суммами. Онъ предлагалъ, напримѣръ,

which, however, he had had virtue enough to refuse, and honesty enough immediately to tell the princess of; that besides, that minister, who came out of his highness' closet just before I went in, had shewn him the queen of Prussia's picture, set with very fine brillants, which m-r Mardefeld had orders to present to miss Mengden; the prince observing upon this last, that he should be very sorry that this favourite should be gained by that present; not that he apprehended that she would be able to alter the princess regent's present way of thinking (in which she is firm and immovable), but because it might expose her highness to a good deal of teazing and uneasiness; and upon the first, he told me, that the regent had told the field-marshal, that, it was not a sign of the goodness of the cause, when such methods were thought necessary to support and assist it, and that she could not approve of the king of Prussia's endeavours to bribe and corrupt those about her person or intrusted with the administration.

I proposed to trouble your lordship with a longer letter to-day but having received the honour of the great-duchess' commands to play at cards with her this afternoon at four, I am obliged to leave off here, that I may sign and seal my letter before I go to court, so that I shall not have time to decypher this, nor to add anything, but that m-r Czernichoff, the new minister of this court at Copenhagen, proposed to set out yesterday for that

---

огромныя деньги (по словамъ принца—сто тысячъ кронъ) бывшему учителю правительницы, полагая, что онъ пользуется большимъ вліяніемъ на нее. Учитель этотъ однако, имѣлъ мужество отказаться и честно поспѣшилъ извѣстить о предложеніи Мардефельда великую княгиню. Кромѣ того Мардефельдъ (онъ только что передъ моимъ приходомъ вышелъ изъ аппартаментовъ принца) показывалъ его высочеству осыпанный прекрасными бриллiантами портретъ королевы прусской, который предназначенъ въ подарокъ фрейлинѣ Менгденъ. Принцъ прибавилъ, что ему очень грустно будетъ, если фаворитка дастъ подкупить себя этимъ подаркомъ; не потому, чтобы онъ опасался перемѣны взглядовъ правительницы подъ ея вліяніемъ (во взглядахъ своихъ ея высочество тверда и непреклонна), а потому, что такое поведеніе дѣвицы Менгденъ причинило бы правительницѣ не мало досады и печали. Ея высочество—разсказывалъ далѣе принцъ—уже замѣтила фельдмаршалу, что плохо то дѣло, которое считаютъ нужнымъ поддерживать подобными мѣропріятіями; что она не можетъ одобрить стараній короля прусскаго купить и совратить лицъ, стоящихъ близко къ ней или занимающихъ административныя должности.

Я думалъ обезпокоить ваше превосходительство болѣе длиннымъ письмомъ, но сегодня опять приглашенъ великой княгинею на партію въ карты къ четыремъ часамъ, потому долженъ закончить, едва подписавъ и запечатавъ эти строки. Не успѣю даже пересмотрѣть шифръ. Прибавлю развѣ, что вновь назначенный представитель Россіи въ Копенгагенѣ, Чернышевъ, думалъ выѣхать отсюда вчера, да еще, что Ше-

place, and that m-r de la Chétardie has sent back his courier to Versailles for further instructions relating to the ceremonial of his audience.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

№ 113. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, February the 28th 1741.

I shall begin this letter where I was forced to leave off in my last of the 24th.

By the whole tenor of the prince of Wolfenbuttle's discourse it plainly appeared, that his highness was fully convinced, that the execution of the guaranty of the pragmatic sanction and the preservation of the house of Austria were absolutely essential for the security of the balance of power and the liberties of Europe. He was so very explicit on this head that there can be no doubt of the princess regent and his preceptor, count Osterman, being in the same principles. His highness then talked of the necessity of a concert of measures, that every power might act at the same time and by way of diversion in those places, where the situation of their respective countries might make it most convenient in each; that therefore, according to his plan, if the king would draw together his electoral troops to be

---

тарди отправилъ своего курьера обратно въ Версаль за новыми инструкціями по поводу своей аудіенціи.

№ 113. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 28-го февраля 1740—41 г. (11-го марта 1741 г. н. ст.).

Начну это донесеніе съ того, на чемъ пришлось бросить прошлое донесеніе мое отъ 24-го.

Изо всей рѣчи принца брауншвейгскаго ясно, что его высочество совершенно убѣжденъ въ полной необходимости осуществить гарантію прагматической санкціи и защитить домъ австрійскій въ видахъ охраненія безопасности и равновѣсія Европы. Слова его по этому поводу были такъ опредѣленны, что не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ согласіи со взглядами правительницы и учителя его высочества, графа Остермана. Принцъ говорилъ также о необходимости соглашенія по поводу общихъ мѣропріятій, дабы каждый изъ союзниковъ могъ дѣйствовать своевременно, вызывая диверсіи въ мѣстностяхъ, наиболѣе удобныхъ по географическому положенію ихъ владѣній. Если, согласно такому плану, король стянетъ свои курфюрстскія войска въ мѣстность наиболѣе удобную для соединенія ихъ съ войсками Голлан-

joined by those of the States with the hessian and danish in his pay, and form a corps towards Magdeburgh; if the king of Poland would do the same with his electoral troops towards Brandenburgh, and Russia not only advance a considerable body on the other frontiers of Prussia, but also send their galleys along she coast of Pomerania, with some land forces on board; the queen of Hungary do, on her side, what might reasonably be expected from her, since it was for her own service,—he believed that the king of Prussia upon that, seeing himself on the point of being attacked from too many different quarters for him to make head against them all, would be equally ready to desist from his present enterprise, and desirous of an amicable accommodation. I give your lordship this only as the sketch of a plan, which the prince threw out, and called his own, upon which, it may be necessary to observe two things. The first is, that whatever preparations they may be making here, for which I think there can be no doubt, the provisional orders being issued, it may be depended on, that this country, will not stir one step without a previous concert with others, the maritime powers and Saxony, and without being sure of their executing, at the same time, those measures which may be agreed upon between them all. The second is, that however count Osterman may be, and is, really convinced of the necessity of putting a stop to the king of Prussia's dangerous enterprise, yet, in case, by the

---

діи, а также съ состоящими на его иждивеніи корпусами гессенскимъ и датскимъ, и такимъ образомъ сформируетъ армію около Магдебурга; если король польскій съ своей стороны двинетъ свои курфюрстскія войска къ Бранденбургу, Россія же не только выдвинетъ значительныя силы къ прочимъ границамъ Пруссіи, но еще вышлетъ свои галлеры съ небольшимъ отрядомъ сухопутныхъ войскъ на берега Помераніи; если при этомъ и королева венгерская приметъ мѣры, которыхъ мы вправѣ ожидать отъ нея, такъ какъ она защищаетъ собственные интересы,—король пруссkій увидитъ себя окруженнымъ столькими опасностями на разныхъ пунктахъ, что вѣроятно, не рѣшится противиться всѣмъ врагамъ, изъявитъ готовность отказаться отъ затѣяннаго предпріятія и пожелаетъ дружескаго соглашенія. Указываю на все это вашему превосходительству, только какъ на эскизъ общаго плана дѣйствій, набросанный принцемъ, который онъ выдаетъ за собственный. По моему мнѣнію, онъ вызываетъ два замѣчанія: во первыхъ—какія-бы приготовленія ни дѣлались здѣсь (въ этихъ приготовленіяхъ, кажется, сомнѣваться нельзя, такъ какъ надлежащія распоряженія всѣ сдѣланы), Россія не предприметъ рѣшительнаго шага безъ предварительнаго соглашенія съ морскими державами и съ Саксоніей; безъ увѣренности, что всѣ онѣ своевременно выполнятъ условленныя диверсіи. Во вторыхъ, я увѣренъ, что, какъ графъ Остерманъ ни убѣжденъ въ необходимости положить преграды опаснымъ замысламъ короля прусскаго, онъ, однако, въ случаѣ осуществленія вышенамѣченнаго или иного

plan above, or any other, this desireable end could be obtained, and the face of that prince's affairs should alter, I can never believe, as long as this minister's counsels prevail (I put the prime-minister's out of the question), that this court will ever consent to, much less concur in any measures which either the austrian pique or revenge, or the saxon hopes of being indemnified at his prussian majesty's expence, might suggest. This court, in short, would rectify the present evil, and prevent any future one of the same nature, but not create any new one of another kind.

As I have just now mentioned the saxon hopes of being indemnified, and your lordship will be no doubt apprised of the negotiation relating to it between the courts of Vienna and Dresden, the last of which insisting on some specification to be fixed, and the former desiring to leave it in general and vague promises, the matter has been referred to the arbitration of this court as a common friend, whose guaranty of the austrian engagements his polish majesty has at the same time desired.

The austrian and saxon ministers here have alledged their several reasons, this court has this week returned them a sort of an answer in writing, though not a decisive one, which each will transmit to his respective court. Count Lynar proposes to do it to-night by a messenger, and he tells me, that the purport of this answer is, that this court does think it reasonable, that his polish majesty should be reimbursed the expences he may be

---

плана, и счастливаго успѣха, въ случаѣ печальной перемѣны въ положеніи Пруссіи,— никогда, пока голосъ его имѣетъ значеніе (перваго министра оставляю внѣ вопроса), не согласится, чтобы русскій дворъ сталъ помогать какими бы то ни было замысламъ о мести со стороны Австріи или о вознагражденіи со стороны Саксоніи на счетъ короля прусскаго. Короче, здѣшній дворъ готовъ поправить настоящее зло и предупредить возможность чего либо подобнаго въ будущемъ, но отнюдь не намѣренъ создавать новыхъ затрудненій.

Я упомянулъ о надеждахъ Саксоніи на вознагражденіе. Ваше превосходительство, конечно, уже увѣдомлены о переговорахъ по этому поводу между дворами вѣнскимъ и дрезденскимъ. Послѣдній настаиваетъ на опредѣленной добычѣ, первому же хотѣлось бы остаться на почвѣ общихъ, неопредѣленныхъ обѣщаній. Дѣло передано на судъ русскаго двора, какъ общаго друга, тѣмъ болѣе, что его польское величество еще желаетъ заручиться гарантіей австрійскихъ обѣщаній со стороны Россіи.

Министры австрійскій и саксонскій изложили свои доводы, и россійское правительство на дняхъ передало имъ родъ письменнаго, хотя еще и не рѣшительнаго отвѣта, который означенные министры и передадутъ своимъ дворамъ. Графъ Линаръ думаетъ отправить этотъ отвѣтъ сегодня же вечеромъ съ нарочнымъ и сообщилъ мнѣ его сущность. Русскій дворъ признаетъ разумнымъ, чтобы королю польскому были

at in assisting the court of Vienna; that the method of it should be ascertained, which, they do not pretend here to do, but leave it to be regulated between the two parties; and that it is very necessary that this should be previously done, because Russia cannot charge itself with the guaranty of any undetermined promises, though it will be ready to do it in conjunction with other princes, particularly the maritime powers, provided the conditions of this reimbursement be regulated in a manner compatible with the pragmatic sanction. Count Lynar also tells me, that, though this court will be glad of his masters' concurring and cooperating in the present critical conjuncture, yet, that it neither appears here prudent nor adviseable for him to declare himself before a proper concert of measures and plan of operations, is formed between the king, our master, Russia, and the States General.

There seems yet a fermentation in the internal part of this government, and the prime-minister, finding that he is not likely to be so in the extensive manner he first hoped, has silently insinuated his desire of laying down; upon which the great-duchess answered, that she did not well conceive what he meant by it, nor what he had to complain of, since the full power of generalissimo had been regulated and fixed by Peter the first, and the repartition she had made of the military affairs to him, the field-marshal, and of the foreign to count Osterman, and of the domestic to two

---

возмѣщены его расходы по помощи дому австрійскому; пути возмѣщенія предоставляетъ установить сторонамъ, самъ же за это не берется; однако установить ихъ необходимо заблаговременно, такъ какъ Россія отнюдь не можетъ принять на себя гарантіи какихъ-то неопредѣленныхъ обѣщаній, хотя вообще не прочь отъ гарантіи совмѣстно съ другими правительствами, преимущественно совмѣстно съ морскими державами, лишь бы условія вознагражденія не противорѣчили прагматической санкціи. Графъ Линаръ говорилъ мнѣ также, что, хотя русскій дворъ и радъ бы заручиться содѣйствіемъ Саксоніи при настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ, курфюрсту тѣмъ не менѣе ни осторожность, ни иныя соображенія не дозволяютъ выступить открыто, прежде чѣмъ не будетъ достигнуто полное соглашеніе, не составится полнаго плана общихъ дѣйствій между Великобританіей, Россіей и генеральными штатами.

Замѣтно какое-то броженіе во внутреннихъ дѣлахъ здѣшняго двора. Первый министръ находитъ, что не пользуется властью, на которую расчитывалъ, потому намекнулъ великой княгинѣ о своемъ желаніи сложить съ себя свою настоящую должность. Великая княгиня отвѣчала, что не вполнѣ понимаетъ, что онъ хочетъ сказать и на что онъ жалуется, такъ какъ права генералиссимуса опредѣлены и установлены еще Петромъ первымъ; при распредѣленіи военныхъ дѣлъ между принцемъ и фельдмаршаломъ, при передачѣ иностранныхъ дѣлъ графу Остерману и внутреннихъ двумъ другимъ

other cabinet ministers, was only designed for the better dispatch of business; that, however, she understood that every thing should be communicated to him, in quality of prime-minister, and that, as it was very far from her thoughts to lay him aside, so she hoped that it would be so from his pretending to be the only person she was to make use of. And it is said, that his son, who being great-master of the regent's household, is very assiduous with him, and very sharp eyed to penetrate what passes there, has thrown himself at his father's feet, and conjured him not to draw on himself and family their ruin by his own fault; so that this affair seems quieted, at least for the present.

There is another circumstance relating to this affair, which I must postpone till next post. I come now to your lordship's dispatch of the third instant, the purport of which I have communicated this morning to count Osterman (for I could not get an hour of him before); but I took care, in making my report to invert the order in which your lordship wrote it.

His excellency was extremely pleased to hear that the king was on the point of settling with the States a concert of measures and operations for the execution of their mutual engagements towards the house of Austria. He confessed, that the communication I had made of the king's sentiments and dispositions were as full and clear as could be expected, and

---

кабинетъ-министрамъ—имѣлось ввиду единственно возможно-лучшее теченіе дѣлъ; ея высочество вполнѣ сознаетъ, что всѣ дѣла должны сообщаться фельдмаршалу, какъ первому министру, и далека отъ мысли удалять его, но съ другой стороны надѣется, что онъ удалитъ отъ себя претензію быть единственнымъ ея помощникомъ. Говорятъ, будто сынъ графа Миниха, оберъ-гофмейстеръ правительницы, очень внимательный къ своимъ обязанностямъ и зорко слѣдящій за всѣмъ, что происходитъ при дворѣ, на колѣняхъ умолялъ отца не навлекать добровольно гибель на себя и на всю семью. Такъ это столкновеніе утихло, по крайней мѣрѣ до поры до времени.

Есть еще кое-какія обстоятельства, касающіяся того же дѣла, которыя я вынужденъ отложить до слѣдующей почты. Перехожу къ депешѣ вашего превосходительства отъ 3-го февраля, содержаніе которой передалъ сегодня поутру графу Остерману (прежде не могъ добиться свиданія съ нимъ), озаботившись, однако, нѣсколько измѣнить порядокъ вашего изложенія.

Графу очень пріятно было услыхать, что по поводу общихъ мѣропріятій, направленныхъ къ выполненію обязательствъ касательно дома австрійскаго, готово состояться соглашеніе короля съ генеральными штатами. Графъ сознался, что сообщенія мои о взглядахъ и намѣреніяхъ короля достаточно полны и ясны и выразилъ надежду, что съ другой стороны и сообщенія, сдѣланныя мнѣ (и тщательно передан-

said that he hoped that the like communication of this both to me, (which I have faithfully transmitted) and by their minister in England, would appear in the same light, and he added at last, that he could now desire nothing more but to see the plan which will be formed between His Majesty and the States.

I seized this opportunity to press forward the conclusion of the treaty, by telling him that your lordship believing, that the messenger had been arrived here sooner, did also hope that he might be actually on his return, and that, as it would be necessary to send me another with the ratifications, things might be so cleared up and settled with the States, that your lordship might be in a condition to transmit me those further communications, for which his excellency expressed so much impatience; upon which he told me, that, though he would do all in his power to forward this affair, yet he did not know whether there might not be some objections started by others to the alterations I had proposed, particularly in the sixth article, but I pressed him so very hard on the fair proceeding of the king in apprising them beforehand of an obstacle, which might exist on his side, in which case they might also find them on theirs, that it made great impression on him, and I saw that they were not so unreasonable here, as to pretend to impossibilities. He promised me to think seriously of finishing our affairs, if possible, next week, and I shall not fail to put him in mind of it.

ныя мною вашему превосходительству), а также русскимъ посланникомъ въ Англіи, окажутся столь-же ясными. Въ заключеніе графъ сказалъ, что теперь будетъ только ожидать сообщенія плана дѣйствій, который выработается соглашеніемъ его величества съ штатами.

Я воспользовался случаемъ подвинуть дѣло трактата, замѣтивъ, что ваше превосходительство, полагая, будто Бови прибылъ сюда ранѣе, чѣмъ онъ дѣйствительно прибылъ, расчитываете, конечно, не находится ли онъ уже на возвратномъ пути; а, такъ какъ ко мнѣ придется прислать еще нарочнаго съ ратификаціями, ваше превосходительство быть можетъ въ состояніи будете одновременно съ ними препроводить сюда и дальнѣйшія сообщенія о соглашеніи съ Голландіей, которыхъ графъ ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Графъ отвѣчалъ, что съ своей стороны приметъ всѣ мѣры для ускоренія дѣла, но еще не знаетъ — не представятъ ли другіе какихъ либо возраженій противъ измѣненій предложенныхъ мною, особенно въ статьѣ шестой, но я такъ горячо сталъ говорить о любезномъ поведеніи короля, который заблаговременно оцѣниваетъ значеніе препятствій, могущихъ возникнуть съ его стороны и возраженій которыя могли бы возникнуть здѣсь, что слова мои произвели большое впечатлѣніе на моего собесѣдника. Онъ обѣщалъ серьезно озаботиться, чтобы дѣло окончилось было, по возможности, на слѣдующей же недѣлѣ. Не премину напомнить ему объ этомъ.

The limitation of the title to be given only for life his excellency would not hear of, and I was forced to give it up, for, without I had done so, the whole affair had been stopt.

When I mentioned what related to the king of Poland's dispositions, of which this court is fully informed, as will appear above, his excellency seemed pleased, and then fell on the negociation telling me what had passed here; and adding, that he thought the court of Vienna's answer to the saxon demands had been very fair and reasonable, for, as to the saxon first demand, as he said, to one good third of Bohemia, which the field-marshal stiled with too much reason «a partage of the austrian succession and contrary to the pragmatic sanction», the queen of Hungary had replied, that this was not in her power; as to the second demand, of indemnifying the saxon at the king of Prussia's expence, which his excellency called «dividing the bear's skin», her hungarian majesty had answered, that, as she desired only to preserve her own, without depriving others of what was theirs, so she could not engage for what might not be in her power to perform; besides, should affairs take another turn, such a demand must greatly depend on the consent of the other allies and confederates, but that she would be ready to mortgage any revenue in her power and compatible with the pragmatic sanction for the king of Poland's reimbursement, and this under the

---

О пожизненномъ только признаніи титула графъ и слышать не хочетъ и я вынужденъ былъ уступить, иначе бы дѣло остановилось снова.

Когда я упомянулъ о настроеніи короля польскаго, хорошо извѣстномъ русскому двору (какъ видно изъ вышесказаннаго), упоминаніе это, по видимому, пришлось графу по сердцу. Онъ сталъ разсказывать о переговорахъ съ королемъ, которые происходили здѣсь, и прибавилъ, что, по его мнѣнію, отвѣтъ вѣнскаго двора на претензіи Саксоніи очень любезенъ и разуменъ: курфюрстъ — по словамъ графа — потребовалъ было себѣ чуть-ли не трети Богеміи. Фельдмаршалъ вполнѣ основательно назвалъ такую претензію «покушеніемъ на цѣлость австрійскаго наслѣдства, совершенно несогласнымъ съ прагматической санкціей»; а королева венгерская отвѣчала, что такая уступка внѣ ея власти. На вторую же претензію Саксоніи о вознагражденіи ея на счетъ короля прусскаго, т. е. «о дѣленіи шкуры еще не убитаго медвѣдя» — какъ замѣтилъ графъ — ея венгерское величество отвѣчала, что думаетъ только о самоохранѣ, отнюдь не покушаясь на собственность другихъ, и во всякомъ случаѣ не можетъ принять на себя обязательства, котораго пожалуй не въ силахъ будетъ исполнить. Даже если бы дѣла приняли благопріятный для Австріи оборотъ, удовлетвореніе такой претензіи зависѣло бы отъ прочихъ союзниковъ. Королева изъявила только готовность обезпечить курфюрсту опредѣленный посильный доходъ, не противный условіямъ прагматической санкціи, при гарантіи его союзниками. Графъ прибавилъ,

guaranty of the other allies, which count Osterman said, that this court, in conjunction with the maritime powers, would be ready to charge itself with, provided the reimbursement was fixed, and that in the manner above.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

№ 114. Ed. Finch to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburgh, March the 3rd 1741.

The circumstance I was forced to omit last post, relates to m-r Bestuchef. The russ cannot reconcile his having been separated out from the crowd to bear the blame of those measures which were taken to establish the duke of Courland regent, of which he was, as they say, no more the author, nor could alone have carried into execution, nor could alone have opposed, than the rest of the great people here, who all concurred in it, bore down, as they were, by the prevailing torrent of that prince's power, advised and supported by another person, who would make the prisoner in question the sacrifice of those schemes, in which he himself had the greatest share.

M-r Bestuchef was, however, carried last week to the late regent's prison to be confronted with him, in the presence of the commissioners, who

---

что русскій дворъ готовъ принять на себя такую гарантію совмѣстно съ морскими державами при условіи, что вопросъ о вознагражденіи будетъ рѣшенъ согласно съ вышеозначенными соображеніями.

№ 114. Эд. Финчъ лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 3-го марта 1740—41 г. (14-го марта 1741 г. н. ст.).

Обстоятельство, о которомъ я долженъ былъ умолчать съ прошлою почтой, касается Бестужева. Русскіе люди не могутъ примириться съ мыслью, что его выдѣлили изъ толпы лицъ, участвовавшихъ въ установленіи регентства герцога курляндскаго, и возложили на него отвѣтственность за дѣло, которое—по общему сознанію—онъ задумалъ не одинъ, котораго одинъ не могъ осуществить, точно также какъ одинъ не могъ бы ему противиться. И его, какъ прочихъ русскихъ вельможъ и сановниковъ, причастныхъ дѣлу, несло потокомъ власти герцога, сильнаго совѣтомъ и поддержкой лица, готоваго теперь взвалить на Бестужева всю отвѣтственность за мѣропріятія, въ которыхъ само оно принимало самое дѣятельное участіе.

Тѣмъ не менѣе на прошлой недѣлѣ Бестужева привозили въ тюрьму бывшаго регента на очную съ нимъ ставку въ присутствіи коммиссаровъ, которые для этого

are also gone thither. Amongst them is the famous Jacobleff, late secretary of the cabinet, who was imprisoned, knouted, and would have been executed, had the regency subsisted a week longer. Upon the new regency he was restored to his former post, but soon kicked up stairs by the prime-minister, on pretext of the infamy of the knout, but really because his excellency thought him both his enemy and too much attached to count Osterman. He is certainly a man of parts: bold, resolute and enterprising, and he declares, that, as he has once risked his head, he will do it a second time or know who advised that sort of association, which was signed by every town at the end of her late Majesty's illness, to desire the duke of Courland to accept of the regency, and to support him in it in case the Czarinna should not before her death have nominated anybody for that important office during the minority, and he also adds, that he will likewise know — when, in whose presence, and by whose advice the Czarinna signed that instrument, by which the duke of Courland was appointed regent, for it is sure that m-r Bestuchef has declared that he believed the signature was forged, and that it was not by his advice.

The duke of Courland has also wrote a letter to the great-duchess, wherein he wishes her all happiness and prosperity in her regency, adding, that, though he is persuaded that nothing he could say could make any alte-

---

тоже ѣздили въ Шлюссельбургъ. Между ними находился знаменитый Яковлевъ, бывшій секретарь кабинета, когда-то заключенный, битый кнутомъ и избѣжавшій казни только потому, что регентство не просуществовало лишнюю недѣлю. При новомъ правительствѣ онъ возстановленъ былъ въ прежней должности, но вскорѣ опять устраненъ первымъ министромъ подъ предлогомъ позора, лежащаго на немъ вслѣдствіе тѣлеснаго наказанія, въ дѣйствительности же потому, что фельдмаршалъ считалъ его своимъ врагомъ, человѣкомъ слишкомъ преданнымъ графу Остерману. Это несомнѣнно человѣкъ партіи: рѣшительный, предпріимчивый, заявляющій прямо, что разъ рисковалъ головою, то рискнетъ ею и другой разъ, лишь бы узнать кто въ концѣ прошлаго царствованія присовѣтовалъ собирать подписи городовъ, приглашавшихъ герцога курляндскаго принять регентство и обѣщавшихъ ему поддержку въ случаѣ, если бы Царица передъ смертью не поручила важныхъ обязанностей регентства на время малолѣтія Государя никому. Яковлевъ прибавляетъ, что добьется также показаній—когда, по чьему совѣту Царица подписала документъ, въ силу котораго герцогъ былъ признанъ регентомъ, такъ какъ Бестужевъ несомнѣнно заявилъ, что подпись подложна и сдѣлана не по его совѣту.

Герцогъ курляндскій тоже писалъ великой княгинѣ письмо, въ которомъ желаетъ ей всякаго счастья и благополучія въ дѣлахъ правленія, и прибавляетъ, что—несмотря на увѣренность въ невозможности измѣнить въ чемъ либо собственную

ration in his fate, which he looks upon to be fixed, and submits to with resignation; that, though he is also convinced, that no councils of his could have any weight with her highness, yet he cannot help conjuring her, for her own sake, not to trust the field-marshal too much, which common prudence and his example ought to dissuade her from, since he can assure her, that if he would have made that gentleman generalissimo, he himself had still been regent, so that the same ambition which drove him to betray his regency, might also one day push him to betray hers. All these things together must lessen this great man's credit, but would not occasion his ruin, of which he himself, according to all appearance, will be very soon the author.

I was two days ago with the prime-minister, par manière d'acquit, to mention the treaty, but in a way, which count Osterman could not take amiss, with whom I was also yesterday on the same errand, and they both made me fair promises, the execution of which are sometimes too dilatory here. Having this occasion, the field-marshal talked to me of an intelligence he had received, which, though not authentic, had however, said he, an appearance of probability. It was, that, the king of Prussia had been concerting with the duke of Lorrain, and from thence he drew a conclusion, that, the courts of Vienna and Berlin might be in negociation, and accommodate their differences before anybody knew anything of the matter.

судьбу, которая несомнѣнно рѣшена и которой онъ подчиняется; не смотря на убѣжденіе, что его совѣты не могутъ имѣть значенія у ея высочества, — онъ не можетъ не умолять ее, ради ея собственнаго блага, не слишкомъ довѣряться фельдмаршалу. Простая осторожность и самый примѣръ герцога должны служить предупрежденіемъ. Герцогъ увѣряетъ, что сдѣлай онъ графа Миниха генералиссимуссомъ, онъ оставался бы регентомъ понынѣ; то же честолюбіе, которое увлекло его на измѣну герцогу, можетъ не сегодня—завтра увлечь его на измѣну ея высочеству. Все это вмѣстѣ должно значительно умалить довѣріе къ временщику, но не повлечетъ за собой его гибели; гибель онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ скоромъ времени устроитъ себѣ самъ.

Дня два тому назадъ я былъ у перваго министра, дабы, для успокоенія совѣсти, упомянуть и ему о трактатѣ, но въ тонѣ безобидномъ для графа Остермана, съ которымъ также видѣлся вчера по тому же дѣлу. Оба много наобѣщали, но здѣсь обѣщанія выполняются иногда крайне медлительно. При этомъ случаѣ фельдмаршалъ говорилъ мнѣ о полученномъ извѣстіи, не вполнѣ достовѣрномъ, но—по его словамъ—не лишенномъ вѣроятія. Говорятъ, будто король прусскій ведетъ переговоры съ герцогомъ лотарингскимъ. Изъ этого графъ Минихъ выводитъ заключеніе, что дворы вѣнскій и берлинскій пожалуй уладятъ свои несогласія путемъ переговоровъ прежде, чѣмъ кто нибудь узнаетъ объ этомъ. Не трудно было понять, что всѣ эти инсинуаціи графъ

It was easy to see, that these insinuations of his excellency were calculated to cool those measures, which he finds others disposed to concert for assisting the house of Austria, and which he, gained as he is by that of Brandenburgh, would willingly traverse. He then talked of the king of Prussia's negociating to take a body of swedes, danes, and hessians into his service, in order to secure the first country, and to prevent the troops of Denmark and Hesse-Cassel in His Majesty's pay from acting in the present juncture.

When I mentioned these two points to count Osterman, who had heard them both, he seemed uneasy at the last, and not to think the first well founded, which he said the austrian ministers here contradicted in the most solemn manner. He formed the same judgment I had done of the field-marshal's views, and he remarked, having this occasion, that, if, contrary to expectation, this news should prove true instead of slackening that concert, which was now negociating, this would be an additional reason to perfect it, in order to pursue jointly those measures, which might become necessary to assist the court of Vienna in this case, even against itself, and thereby to prevent the house of Austria becoming weaker, or the king of Prussia more powerful than was compatible with the balance of power, the liberties of Europe, as well as the repose and safety of all the princes of the empire. His excellency then told me, in confidence, that he had made use of the

---

дѣлаетъ съ цѣлью по возможности охладить прочихъ министровъ къ мѣропріятіямъ, направленнымъ къ поддержкѣ дома австрійскаго, которымъ онъ, подкупленный домомъ бранденбургскимъ, охотно бы помѣшалъ. Онъ не мало говорилъ и о переговорахъ Пруссіи по найму войскъ въ Швеціи, Даніи и Гессенѣ съ цѣлью обезпечить себя отъ нападенія первой, а также — не допустить наемныя датскія и гессенскія войска къ дѣйствіямъ на пждивеніи и въ интересахъ короля англійскаго.

Когда я упомянулъ объ этихъ слухахъ графу Остерману (они дошли и до него), послѣдній, по видимому, смутилъ его, первый же онъ признаетъ совсѣмъ неосновательнымъ; по крайней мѣрѣ проживающіе здѣсь представители Австріи рѣшительно отрицаютъ его самымъ рѣшительнымъ тономъ. О намекахъ фельдмаршала графъ судитъ также, какъ и я. Если, замѣтилъ онъ кстати, слухи эти и оправдаются вопреки всякимъ ожиданіямъ, они не только не должны остановить начатыхъ переговоровъ о нашемъ соглашеніи, но еще должны послужить новымъ стимуломъ ихъ довершенію, дабы общими силами осуществить мѣры, необходимыя для поддержки вѣнскаго двора, вопреки ему самому, ввиду необходимости предупредить ослабленіе дома австрійскаго или усиленіе Пруссіи, такъ какъ и то, и другое нарушило бы равновѣсіе и свободу Европы, а также спокойствіе и безопасность имперскихъ князей. Затѣмъ графъ конфиденціально сообщилъ мнѣ, что воспользовался двумя послѣдними извѣстіями, дабы отклонить отъ себя подарки по случаю возобновленія трактата съ Пруссіей. Онъ далъ

pretext of the two last pictures below, to decline receiving his present on the renewal of the treaty with the king of Prussia, and that he had given such a turn to his refusal that m-r Mardefeld had thought his reasons good, and acquiesced in them. His excellency most certainly designs this as a slap on the field-marshal.

I had neither time nor room last post to acquaint your lordship, that, when I had the honour to play at cards this day sevennight with the great-duchess in m-lle Mengden's apartment, she showed me the queen of Prussia's picture set in diamonds, which she had received the day before, and she wore it last sunday at court with an orange colour knot. It is said to be worth 20 m. crowns, but as younger brothers in England do not deal much in these sort of things, I cannot be a judge of its value; however I think that m-lle Mengden did not seem so much enamoured with this present, as m-r Mardefeld might have wished and others have apprehended.

M-r Mardefeld on the exchange of the ratifications of the treaty renewed, has also made presents of two pictures of the king of Prussia set in diamonds, the first to the field-marshal, said to be worth more than that of m-lle Mengden's, the second to m-r Brevern, which, as I hear, is of no great value. The other presents on this occasion were 8 m. crowns to count Osterman and 5 m. a piece to the prince Czercasky and count Golofkin, the great- and vice-chancellors.

своему отказу отъ подарковъ такой оборотъ, что Мардефельдъ одобрилъ его доводы и согласился съ ними. Графъ несомнѣнно направляетъ этотъ ударъ противъ фельдмаршала.

Съ прошлою почтой у меня не достало ни мѣста, ни времени сообщить вашему превосходительству, какъ недѣлю тому назадъ имѣлъ честь играть въ карты съ великой княгиней въ аппартаментахъ дѣвицы Менгденъ. Фрейлина эта показала мнѣ полученный ею наканунѣ украшенный брилліантами портретъ королевы прусской; а прошлую субботу она явилась ко двору, приколовъ этотъ портретъ къ груди съ оранжевымъ бантомъ. Портретъ цѣнятъ въ двадцать тысячъ кронъ (самъ я плохой оцѣнщикъ, такъ какъ младшіе братья англійскихъ семей съ подобными вещами обращаются мало). Во всякомъ случаѣ г-жа Менгденъ, по видимому, не на столько увлекается сдѣланнымъ подаркомъ, на сколько желалъ Мардефельдъ и на сколько опасались другіе.

При обмѣнѣ ратификацій возобновленнаго трактата Мардефельдъ подарилъ еще два портрета короля прусскаго, украшенныхъ брилліантами; одинъ фельдмаршалу,— говорятъ болѣе цѣнный, чѣмъ портретъ подаренный Менгденъ, другой, небольшой цѣнности—Бреверну. Кромѣ того при томъ же случаѣ подарено 8000 кронъ графу Остерману, а также канцлеру, князю Черкасскому, и вице-канцлеру, графу Головкину, по 5000 кронъ каждому.

I shall end this letter with no less news than that the field-marshal and prime-minister was this morning dismissed from all his employments by a message sent to him at ten from the princess regent by the count Loevenwolde, grand-marshal of the court, and his son, count Munich, great-master of her highness household.

I could easily perceive last night, when I had the honour to play at cards with the grand-duchess, that there was something of importance in agitation there, but your lordship will hardly expect that I should yet pretend to add anything more on so recent an event.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

Кончаю это письмо ни болѣе ни менѣе, какъ извѣстіемъ о послѣдовавшемъ сегодня поутру увольненіи фельдмаршала и перваго министра отъ всѣхъ его должностей. Извѣщеніе объ этомъ онъ получилъ отъ правительницы въ десять часовъ черезъ гофмаршала графа Левенвольде и гофмейстера, графа Миниха сына.

Вчера вечеромъ, играя въ карты съ ея высочествомъ, я легко могъ видѣть, что обсуждается нѣчто важное. Ваше превосходительство врядъ ли ожидаете, чтобы я могъ прибавить какія либо соображенія по поводу столь свѣжаго событія.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Appendix to m. Ed. Finch's letter dated the 29th July 1740; № 32 (pag. 134).

A translation of a decree, granted to the Russia Company by Resau-Gulle-Mirza (eldest son of Nadir-schach and sole regent of Persia), given at the imperial residence Mesched, August 1740.

Our high commandment consists in this: That we have condescended to grant the petitioners the contents of their humble petition.

And by these be it known to the most excellent beys, most honourable governors and commanders of our empire of Iran (which resembles paradise), the country of Baulk and its dependencies:

Whereas some honourable english merchants have arrived here from the empire of Russia, we have given them liberty and hereby allow them, to land their goods with all freedom in any of our ports of the Caspian, and from thence to carry them to any market of our empire, particularly to our provinces of Carrasan, Irak, Farse, Vausier, Bodshaun, Vezid, Kirman, Baulck, Andihoad, Shalrann, and to the banks of the river Amu; and to the confines of Badagshan, Cabul, Casivin, Pstagne, and to the empire of India, and to the banks of the river Attukau; that they shall be permitted and indulged to pursue their journeys, with their merchandize, without

---

Приложеніе къ письму Эд. Финча отъ 29-го іюля 1740 г. № 32 (стр. 134).

Переводъ декрета, выданнаго Россійской компаніи Риза-Гули-мирзою, старшимъ сыномъ шаха Надира, единственнымъ правителемъ Персіи, въ резиденціи его, Мешхедѣ, въ августѣ 1740 г.

Высокая воля наша такова: Мы всемилостивѣйше рѣшаемъ удовлетворить просителей по предмету, изложенному въ ихъ нижайшей просьбѣ.

Потому да будетъ черезъ сіе вѣдомо превосходительнѣйшимъ беямъ, почтеннѣйшимъ губернаторамъ и начальникамъ нашего раеподобнаго царства Иранскаго, Балкскаго и подвластныхъ намъ странъ:

Какъ скоро сюда изъ имперіи Россійской прибудетъ кто либо изъ почтеннаго англійскаго купечества, мы разрѣшаемъ ему и симъ позволяемъ ему свободно выгрузить свои товары въ любомъ портѣ Каспійскаго моря, и оттуда доставить ихъ на любой рынокъ нашего царства, преимущественно же въ провинціи наши Хоразанъ, Иракъ, Фарзистанъ, Вазистанъ, Боджистанъ, Везидъ, Керманъ, Балкъ, Андхои, Шальранъ и до береговъ рѣки Аму и до границъ Бадагшана, Кабула, Газны (?), Пст. (?), до предѣловъ Индіи и береговъ рѣки Аттукау. Дабы они могли слѣдовать со своими товарами безъ всякой задержки и помѣхи, приказали мы всѣмъ подданнымъ нашимъ оказывать имъ всяческую помощь. Если же они задумаютъ въ какомъ либо мѣстѣ или городѣ разложить свои товары на продажу, имъ и это разрѣшается во всякое время безъ

the least interruption or disturbance, we having ordered all the subjects of our empire to give them all reasonable assistance. And when they shall have determined at any post or place to open their goods and expose them to sale, they may at all times do so, without interruption; and what remains unsold, they are left at their liberty to transport them to where they please, in vessels or on loads. Upon such vessels or carriages on which their goods shall be loaded, the customary duty shall only be taken, and by no means any more shall be exacted from them. If these english merchants desire to buy up the export of any of the commodities of the empire, in that they shall meet with no manner of hindrance, but shall find the same indulgence as any other merchants whatsoever.

When their vessels or merchandize happen to arrive at any port or place, where there shall be no english consul or english house, or although there shall be an english house there, yet if they have no inclination to land their goods there, no force shall be used to oblige them to land them, nor shall they under any pretence be kept up, paying the usual duty, and taking a receit or discharge for the same. If it should so fall out that they have no money ready to pay the duty on goods they shall import into any other port or place than Reshd, then they may give an assignment on their house at Reshd. If they shall have occasion to hire or buy vessels for the carrying off or bringing on shore their goods, the commanders of our ports are hereby commanded to give them all reasonable assistance therein. If these

---

помѣхи. Оставшіеся непроданными товары имъ разрѣшается доставлять куда имъ заблагоразсудится на корабли и грузить. Съ кораблей и грузовъ могутъ быть взимаемы только обычныя пошлины, но отнюдь не высшія. Если-бы упомянутые англійскіе купцы пожелали, съ другой стороны, купить для вывоза какія либо изъ произведеній нашего царства, въ томъ имъ слѣдуетъ, не чиня никакого препятствія, оказывать всякое содѣйствіе, какъ и прочимъ купцамъ.

Если корабли или товары ихъ прибудутъ къ порту или мѣсту, гдѣ нѣтъ англійскаго консула или англійской конторы, или же, буде она и есть, но они не пожелаютъ выгружать свой товаръ, отнюдь не принуждать ихъ къ выгрузкѣ, не задерживать, а, взявъ установленныя пошлины, выдавать въ томъ надлежащія росписки и квитанціи. Въ случаѣ, если бы при нихъ не оказалось наличныхъ денегъ для уплаты пошлинъ за товары, ввозимые помимо Решта, имъ дозволяется взамѣнъ выдавать ассигновки на ихъ рештскую контору. Если-бы имъ понадобилось нанять или купить судно для вывоза или перевозки на берегъ товаровъ, начальники нашихъ портовъ имѣютъ оказывать имъ въ томъ всевозможное содѣйствіе. Если-бы означенные купцы пожелали продавать свои товары внѣ собственныхъ помѣщеній, конторъ и складовъ, это имъ вполнѣ разрѣшается, при чемъ имъ не слѣдуетъ мѣшать подъ предлогомъ, будто про-

merchants desire to sell their goods out of their own quarters, houses, or warehouses, we give them full power so to do, and let none have the assurance to interrupt them, under pretence that their goods have not been regularly viewed by the custom house officers; but at the same time we expect they will not offer goods to sale, that have not been regularly reported at the custom house to the injury of our revenues. If the english merchants desire to hire, buy or build houses in Reshd, or in any other post or place, in that we order them to have all reasonable assistance, allowing however the inhabitants of such place their liberty, none of which shall be constrained to part with their houses against their inclination; but they shall treat the english with all imaginable civility and respect. If any of the goods they shall import be thought proper by our commissaries for ourself, such may be taken by them for our use, at the same price they shall be sold to other people at, our commissaries paying ready money; and they shall not be obliged to part with or deliver goods without ready money. And in such payments let none dare to give them the least trouble under pain of our highest displeasure. And whatever goods they shall bring that shall not be thought proper for our use, they have liberty to sell them to whom they please, without hinderance or delay. And these the english merchants have leave to ship off and carry to which place they think most convenient. If any differences shall

---

даваемые товары не подверглись надлежащему таможенному осмотру; при чемъ надѣемся, съ другой стороны, они не будутъ предлагать на продажу товаровъ, не очищенныхъ таможнею, въ ущербъ нашей казнѣ. Если-бы англійскіе купцы пожелали нанять, купить, строить дома въ Рештѣ или въ другомъ портѣ или мѣстѣ, слѣдуетъ оказывать имъ въ томъ всякое разумное содѣйствіе, не нарушая вмѣстѣ и свободы мѣстныхъ обывателей, изъ коихъ никто не можетъ быть принужденъ къ уступкѣ своего дома помимо собственной воли. Они должны, однако, обращаться съ англичанами со всевозможной любезностью и уваженіемъ. Если-бы кто либо изъ уполномоченныхъ нами лицъ призналъ какіе либо изъ привезенныхъ товаровъ пригодными для нашего личнаго употребленія, они могутъ быть взяты не иначе, какъ по цѣнѣ, установленной и для прочихъ лицъ, и за наличныя деньги. Безъ такой наличной расплаты купцы могутъ товары и не выдавать. Вообще при таковой расплатѣ не должно чинить имъ ни малѣйшаго притѣсненія подъ опасеніемъ навлечь на себя наше крайнее неудовольствіе. Тѣ изъ привезенныхъ товаровъ, которые не годны для нашего употребленія, предоставляется продавать кому угодно безпрепятственно и безъ задержки, а также грузить и вывозить куда пожелаютъ. Если-бы при торгѣ случились распри, и дѣло дошло до разбирательства и суда, начальствующимъ лицамъ предписывается произносить рѣшенія безъ промедленія и безъ пристрастія. Въ которомъ бы портѣ англійскіе купцы ни уплатили слѣдуемыхъ пошлинъ, имъ выдаются письменныя удо-

happen in trade, and they shall come to hearing or trial, the commanders of the place are ordered to give immediate sentence without partiality. In whatsoever port the english merchants shall pay their duty, there they are to have a written discharge, in which shall be set forth, for what goods they have paid duty and the amount of the duty, that they may not be liable to pay duty for them again in any other port or place. The custom house officers are not to break, open and unpack their bales, but to take the merchants word for the contents of them, that they may sustain no damage. In whatsoever province the english merchants shall arrive our most excellent begler beys, and other our honourable commanders, are hereby ordered to shew them all imaginable respect, nor to allow nor suffer any person whatsoever to affront or molest them. And seeing the petitioners are only acquainted with the european language and cannot confer with our subjects without an interpreter, it is necessary their brokers should be men acquainted with both languages. If then they desire such interpreters, even if they are christians, they have leave to make use of such without restraint. The petitioners are received under our most gracious protection, and the watch which they sent was received; and as a mark of our favour, by the bearer hereof, we present them with fifty roubles.

стовѣренія съ означеніемъ, за какіе товары пошлина уплачена и въ какомъ размѣрѣ, дабы имъ не пришлось платить вновь за тѣ же товары въ другомъ портѣ. Во избѣжаніе порчи товаровъ, таможенные чины обязаны не взламывать, не вскрывать, не перерывать тюковъ, но довольствоваться словомъ торговцевъ о содержаніи таковыхъ. Въ какую бы провинцію ни прибыли англичане, превосходительнѣйшимъ беямъ нашимъ и прочимъ почтеннымъ начальникамъ симъ повелѣваемъ оказывать имъ всякое уваженіе и не допускать, чтобы кто либо наносилъ имъ оскорбленія или притѣсненія. Принимая далѣе во вниманіе, что просителямъ извѣстны только европейскіе языки и они безъ толмачей съ нашими подданными сноситься не могутъ, почему имъ приходится держать прикащиковъ, знающихъ два языка, разрѣшается имъ имѣть таковыхъ, хотя бы изъ христіанъ. Просители принимаются подъ наше милостивое покровительство. Присланные ими часы нами получены, и, въ знакъ нашего благорасположенія, мы, съ своей стороны, жалуемъ имъ пятьдесятъ рублей.

And we hereby command our most high trusty treasurers and registrators of our empire, to register this our high decree and to put it in execution, under pain of our highest displeasure.

Written at Mesched, in the month of schumasnel, sacouf 1152 years.

(The place of the seal of Resau Gulee Mirza.)

N. B. Iran is the ancient name of Persia, and the persians at present call it bu that name.

(Public Record Office; Russia, 1741; № 36).

Повелѣваемъ вѣрнымъ нашимъ казначеямъ и регистраторамъ царства нашего настоящее наше повелѣніе регистрировать и привести въ исполненіе подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ крайняго нашего неудовольствія.

Писано въ Мешхедѣ въ мѣсяцѣ шуманелѣ, шакуфъ 1152 года.

(Мѣсто печати Ризы-Гули-мирзы).

N. B. Иранъ — старинное названіе Персіи, которымъ персіяне называютъ свою страну и по настоящее время.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ВОСЬМИДЕСЯТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМОВЪ СБОРНИКА

Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Томъ XII. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1762 по 1769 г. включительно. Сообщено изъ англійскаго государств. архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть I.................... Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги им. Екатерины II, хран. въ Госуд. архивѣ. М. И. Д., съ 1771—1774 г. Изданы академикомъ Я. К. Гротомъ. Часть III.................... Цѣна 3 р.

Томъ XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и изданныя Д. В. Полѣновымъ. Часть III......... Цѣна 3 р.

Томъ XV. 1, Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. 2, Донесенія барона Мардефельда, прусскаго посланника при Петрѣ Великомъ. 3, Бумаги князя Репнина за время константинопольскаго посольства.................... Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги кн. Н. В. Репнина за время управленія его Литвою, изд. Н. И. Костомаровымъ.................... Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка императрицы Екатерины II съ Фальконетомъ... Цѣна 3 р.

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу, съ 5-го января новаго стиля 1762 года по 24 іюля нов. ст. 1762 года, и переписка гр. Мерси съ русскимъ министерствомъ. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть I.................... Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1770 по 1776 г. включительно. Сообщено изъ англійскаго государств. архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть II.................... Цѣна 3 р.

Томъ XX. 1, Дипломатическіе матеріалы сборнаго содержанія, относящіеся къ царствованію Петра Великаго. 2, Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. 3, Переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II. Сообщено Имперскимъ Канцлеромъ Княземъ Бисмаркомъ и Госуд. Канцлеромъ Княземъ А. М. Горчаковымъ. 4, Собственноручныя письма Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны (впослѣдствіи Императрицы) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. 5, Письма Великаго Князя Павла Петровича (впослѣдствіи Императора Павла I) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. 6, Проектъ императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. 7, Записка Государственнаго Секретаря А. Н. Оленина о засѣданіи Государственнаго Совѣта по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. 8, Отчетъ о годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, происходившемъ 17-го Марта 1877 года, въ Аничковскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. 9, Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» княгини Дашковой. Сообщено академикомъ Я. К. Гротомъ.......... Цѣна 3 р.

Томъ XXI. 1) Донесенія А. И. Чернышева им. Александру I, 1810 и 1811 гг., 2. Донесенія А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1811 г. 3) Письма А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1809 г. 4) Донесенія Им. Александру I кн. А. Б. Куракина, 1811 и 1812 гг. 5) Донесенія кн. А. Б. Куракина канцлеру Н. П. Румянцову 1811 и 1812 гг. 6) Письмо графа П. А. Шувалова им. Александру I, 1811 г. 7) Донесенія бар. Сухтелена им. Александру I, 1812 г. Сообщено А. Н. Поповымъ изъ дѣлъ гос. архива въ С.-Петербургѣ. 8) Отчетъ о дѣлахъ 1810 г., представленный им. Александру I М. М. Сперанскимъ. Сообщено А. Ѳ. Бычковымъ.................... Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ: 1, Донесенія гр. Сольмса Фридриху II и отвѣты короля, съ 1763 по 1766 г.; 2, Шесть приложеній къ донесенію гр. Сольмса королю, отъ 15 (26) октября 1766 г., № 270. Сообщено изъ берлинскаго госуд. архива. Документы изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть I.................... Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма им. Екатерины II барону Мельхіору Гримму. Сообщ. изъ Государ. архива Мин. Ин. Дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Изд. академикомъ Я. К. Гротомъ. Цѣна 3 р.

Томъ XXIV. Донесенія нидерландскихъ посланниковъ о ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 гг. Сообщ. изъ нидерландскаго государственнаго архива. Изданы А. Х. Бекомъ.................... Цѣна 3 р.

Томъ XXV. Переписка и бумаги гр. Бориса Петровича Шереметева, съ 1704—1718 г., и другія бумаги. Съ портретомъ Им. Петра Великаго. Изданы гр. С. Д. Шереметевымъ. Цѣна 3 р.

Томъ XXVI. Канцлеръ кн. Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ гравюрою и снимками почерковъ. 1747—1787 гг. Томъ I.................... Цѣна 3 р.

Томъ XXVII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящ. въ государ. архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ; съ 1774 по 1788 г. Собраны академ. Я. К. Гротомъ и напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть IV.................... Цѣна 3 р.

Томъ XXVIII. Финансовые документы царствованія импер. Екатерины II. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Т. I.................... Цѣна 3 р.

Томъ XXIX. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ 2-мя гравюрами и планомъ. 1788 — 1799 гг. Томъ II.................... Цѣна 3 р.

Томъ XXX. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. I.................... Цѣна 4 р.

Томъ XXXI. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. II.................... Цѣна 4 р.

Томъ XXXII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Собраны и напеч. подъ наблюд. проф. В. И. Сергѣевича. Часть IV.................... Цѣна 3 р.

Томъ XXXIII. 1, Письма барона Мельхіора Гримма къ импер. Екатеринѣ II, съ приложеніями. 2, Письма Эрнеста — Іоганна Бирона посланнику гр. Герману Кейзерлингу. 3, Письма Дидро къ импер. Екатеринѣ II, съ примѣчаніями........................ Цѣна 3 р.

Томъ XXXIV. Донесенія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при Русскомъ дворѣ; повелѣнія правительства и отчеты о пребываніи русскихъ пословъ, посланниковъ и дипломатическихъ агентовъ, наход. во Франціи, съ 1681 по 1718 годъ. Сообщено изъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Парижѣ. Напечатано подъ наблюденіемъ А. А. Половцова, А. Ѳ. Бычкова и Г. Ѳ. Штендмана. Часть I-ая .. Цѣна 3 р.

Томъ XXXV. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Польшею въ царствованіе Вел. Кн. Ивана Васильевича, съ 1487 года. Напечатано подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Томъ I.. Цѣна 3 р.

Томъ XXXVI. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Часть V.. Цѣна 2 р.

Томъ XXXVII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщ. изъ берлинскаго государ. архива. Томъ изданъ подъ наблюд. Г. Ѳ. Штендмана. Часть II........................ Цѣна 3 р.

Томъ XXXVIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Англіею. Съ 1581 по 1604 годъ. Изданъ подъ наблюден. К. Н. Бестужева-Рюмина. Томъ II .... Цѣна 3 р.

Томъ XXXIX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1704 — 1708 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть III .... Цѣна 3 р.

Томъ XL. Дипломатическая переписка французскихъ посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ, съ 1719—1723 г. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана Ч. II. Цѣна 3 р.

Томъ XLI. Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ азіятскими народами. Крымомъ, Казанью, ногайцами и Турціею, за время Великихъ Князей Іоанна III и Василія Іоанновича. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Томъ III.............. Цѣна 3 р.

Томъ XLII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящ. въ госуд. архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, съ 1788 по 1796 гг. Собраны академикомъ Я. К. Гротомъ и напечатаны подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть V........................ Цѣна 3 р.

Томъ XLIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Часть VI.. Цѣна 3 р.

Томъ XLIV. Письма барона Мельхіора Гримма къ имп. Екатеринѣ II. Напечат. подъ наблюденіемъ члена совѣта Я. К. Грота .... Цѣна 3 р.

Томъ XLV. Финансовые документы царствованія имп. Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ, Т. II..........Цѣна 3 р.

Томъ XLVI. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть II..Цѣна 3 р.

Томъ XLVII. Бумаги посланника Я. И. Булгакова съ 1779 — 1798. Рескрипты императрицы генераламъ Коховскому и Кречетникову и донесенія ихъ императрицѣ. Томъ изданъ Н. Ѳ. Дубровинымъ ....Цѣна 3 р.

Томъ XLVIII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1762 — 1764 г. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Ульяницкаго. Часть I..Цѣна 3 р.

Томъ XLIX. Донесенія французскаго консула въ Петербургѣ Лави и полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1722 — 1724 г., Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Ч. III..Цѣна 3 р.

Томъ L. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ. съ 1708 — 1712 гг. Сообщено изъ англійскаго госуд. архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть IV..Цѣна 3 р.

Томъ LI. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II, съ 1764 — 1766 г. Часть II. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра Ульяницкаго..Цѣна 3 р.

Томъ LII. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1723—1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Ч. IV.........Цѣна 3 р.

Томъ LIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Цѣна 2 р.

Томъ LIV. Переписка герцога Ришелье съ Императоромъ Александромъ, его министрами и частными лицами. — Бумаги извлечены изъ французскихъ и русскихъ архивовъ. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова......Цѣна 3 р.

Томъ LV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 г.г. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Ч. I. (Февраль—іюль 1726 г.)...........Цѣна 3 р.

Томъ LVI. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, 1726—1730 гг. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Ч. II. (Іюль—декабрь 1726 г.)...........Цѣна 3 р.

Томъ LVII. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II, съ 1766— 1767 г. Ч. III. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ при содѣйствіи магистра Ульяницкаго..Цѣна 3 р.

Томъ LVIII. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, за 1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. (Ч. V). Цѣна 3 р.

Томъ LIX Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, съ 1533—1560 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Цѣна 3 р.

Томъ LX. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго Словаря. Часть I. А—Л.... Цѣна 3 р.

Томъ LXI Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1712 — 1719 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть V.... Цѣна 3 р.

Томъ LXII. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго Словаря. Часть II. М—Ѳ.... Цѣна 3 р.

Томъ LXIII. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта съ 1 января по конецъ іюня 1727 года. Часть III. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина.... Цѣна 3 р.

Томъ LXIV. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ, Кампредона, и повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна, за 1726 и 1727 г. по 7 мая. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана.... Цѣна 3 р.

Томъ LXV. Дипломатическіе акты, изъ архива князя Репнина, относящіеся до Тешенскаго конгресса 1779 г., изданные профессоромъ Ф. Ф. Мартенсомъ.... Цѣна 3 р.

Томъ LXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1728 — 1733 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Ч. VI.... Цѣна 3 р.

Томъ LXVII. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II съ 1767 — 1768 гг. Ч. IV. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ при содѣйствіи магистра В. А. Ульяницкаго.... Цѣна 3 р.

Томъ LXVIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Ч. VII.... Цѣна 3 р.

Томъ LXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ 1 іюля по конецъ декабря 1727 г. Ч. IV. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина.... Цѣна 3 р.

Томъ LXX. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Ч. I, 1800 — 1802 гг. Изданы подъ редакціею А. С. Трачевскаго.... Цѣна 3 р.

Томъ LXXI. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, съ 1560—1570 гг. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Цѣна 3 р.

Томъ LXXII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II, съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщена изъ Берлинскаго государственнаго архива. Издана подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Ч. III.... Цѣна 3 р.

Томъ LXXIII. Бумаги графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина.... Цѣна 3 р.

Томъ LXXIV. Бумаги Высочайше учрежденнаго, 6 декабря 1826 г., «Особаго секретнаго комитета». Изданы подъ редакціею Предсѣдателя Общества.... Цѣна 3 р.

Томъ LXXV. Донесеніе французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ Маньяна, за 1727 — 1730 гг., и предписаніе французскаго министерства. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана.... Цѣна 3 р.

Томъ LXXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, за 1733 — 1736 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть VII.... Цѣна 3 р.

Томъ LXXVII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть II, 1803 — 1804 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго.... Цѣна 3 р.

Томъ LXXVIII. Бумаги гр. Арсенія Андреевича Закревскаго, 1812 — 1831 гг. Часть II. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина.... Цѣна 3 р.

Томъ LXXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ января по конецъ іюня 1728 г. Часть V. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина.... Цѣна 3 р.

Томъ LXXX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ августа 1736 по конецъ 1739 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть VIII.... Цѣна 3 р.

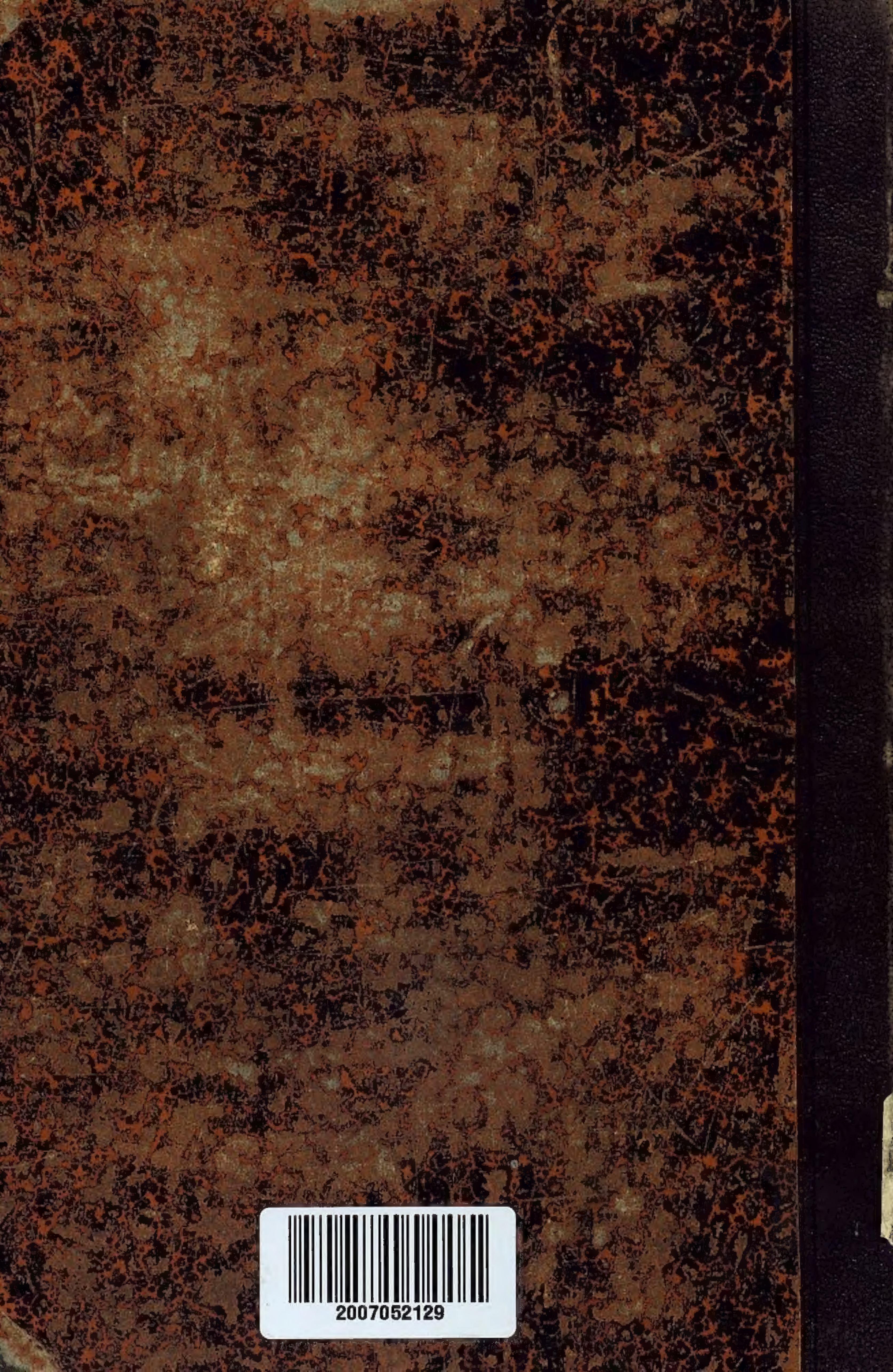
Томъ LXXXI. Донесенія французскаго повѣреннаго по дѣламъ, Маньяна, и распоряженія французскаго правительства, за 1730—1733 гг. Часть VIII. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана.... Цѣна 3 р.

Томъ LXXXII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть III, 1805 — 1806 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трагевскаго.... Цѣна 3 р.

Томъ LXXXIII. Политическая переписка Императора Наполеона I съ генераломъ Савари 1807 г. Извлечена изъ Парижскихъ архивовъ: министерства иностранныхъ дѣлъ и національнаго.... Цѣна 3 р.

Томъ LXXXIV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта съ іюля по конецъ 1728 г. Часть VI. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина.... Цѣна 3 р.

Къ каждому тому Сборника приложенъ азбучный указатель личныхъ именъ.

2007052129